

*Ecstasy
Flame*

книга первая
DD'Scenario
Urban Project

Всем смыслом его существования была ВЛАСТЬ. Во всех ее проявлениях, в каждой сфере жизни, и Любовь не стала исключением.

Она обожала коллекционировать разбитые сердца. Холодно, цинично, играя ими, сокрушая, несмотря на юный возраст. Ее представления о любви ограничивались лишь розовым набором сердечек и цветов, дорогими подарками, гламурными тусовками, шикарными авто, которое ей охотно дарили... и уж никак не черно-красным набором с привкусом боли.

Встреча с Хищником, Охотником, привыкшим всегда брать желаемое, не спрашивая разрешения, перевернула ее жизнь с ног на голову. Выиграть в этом жестоком бою у нее нет никаких шансов. Эта игра за гранью правил рано или поздно уничтожит кого-то из них...

Дождь...

Раскат...

Не так больно хлещет по щекам, смывая соль, совсем не так, как хлестали его ладони, словно вбивая через кожу поразительное ощущение свободы и полета сквозь рамки, установленные проклятым обществом. Не больно совсем... Но так мерзко, смывая, стирая, выбивая вместе с слезами словно часть меня...

Горло снова печет. Попустило. И снова... Виски. Верный друг «Джек Дэниэлс». Пожар в груди. Просто агония... Какого черта.

Ноги разъезжаются в этой жуткой грязи даже на асфальте. Совсем темно. Тот мудака на джипе оставил меня в покое. Вперед. Я не хочу быть близко. Это игры сильных мужиков, я чужая на их празднике крови. Царица Спарты лишь предлог... Кажется, так нас учили в школе. Елена Троянская, ты нафиг не была нужна никому из них. Не будь тебя, они бы иным путем утолили свой голод развлечения и власти. Бессонница, Гомер, тугие паруса... Разменная монетка, б...ь.

Рубашка липнет к телу. Она больше не пахнет ИМ. Проклятый дождь. Ты оставишь мне хоть какую-то память о нем? Да, я знаю! Мне хватит и этой хрени на шее, и колечка, которое еще хранит тепло его пальцев... Ты все решил за меня, дождь. А ведь я раньше тебя любила. Больше нет... Дождь, я тебя ненавижу. Даже если ты плачешь о нем, даже если от жалости ко мне. Ты не в то время, не в том месте. Тоже жертва игр разума и ассоциативности мышления. И мне тебя не жаль.

Знаешь, почему ты перестал быть сильным с появлением более матерого хищника? И я не знаю. Вожак в стае будет только один. Если не можешь драться, мне тебя жаль искренне, в отличие от дождя. Должен. Должен был... Иначе зря!

Ты же сломал меня не хлыстом. Не страхом. Не властью. А тем, что дал мне веру. Тем, что показал мне сильного себя — а потом отнял... А я... Я не умею быть сильной. И никогда не умела. И ты убил меня тем, что не встал на мою защиту...

Помнишь, как я терпела боль ради того, чтобы чувствовать твою власть... Видеть эту силу в твоих глазах и знать, что теперь я по-настоящему свободна, ты станешь стеной для меня от всех невзгод этого мира. Никогда ты не положишь на мои плечи проблему выбора, но всегда поддержишь меня на правильном пути. Что в итоге?! Что взамен?! Не получилось ни фи́га? Жизнь не испугалась твоего кнута, флоггера, и какой еще там хрени? Не произнесла стоп — слова? Ах да... Вообще послала тебя...

Твое кунг-фу не работает, ни грамма... Лучше б ты меня засек еще в первый раз, чем отнял ВЕРУ. Потому что сука-жизнь вообще вне правил....

Гребаный дождь. Вкус виски отравлен этой пресной водой. Она везде. В моих волосах, на моем лице, на губах... Кеды насквозь. Рубашка тоже. Заболею? Ага. Сейчас... Не имеет уже значения. Ты больше за меня не в ответе, а сама я не хочу. Больше не умею.

Обернуться... Темнота. Дождь. Что ты искала там, во тьме, Юлька? Его присутствие? Ты знаешь... Именно это... Пусть даже сейчас тебя, за ошейник, и лицом в грязь в прямом смысле слова. Остатки виски в заплаканные глаза, будет жечь. И, не дав опомниться, по щекам с оттяжкой. И пусть сразу накроет это чувство безысходности и злости на себя — дура, какого хрена ты прогулочным шагом, как по Бродвею, по дороге, а не по окружающим

буеракам, бежать надо было от этого Люцифера, бежать, не жалея ног! Попила виски? Прогулялась? Приготовься спать только на живое долгий месяц... И терпеть боль. И рыдать до срыва связок. И ненавидеть его снова... И вместе с ним себя, могла ведь сбежать... Но ведь ждешь именно этого. Хотя знаешь, что может быть и другой вариант.... Крепкие объятия..."ну что ты, глупенькая... Куда в дождь раздетая... Заболеешь же... Не надо пить. Выкинь эту гадость в придорожные кусты. Обхвати мою шею... Дрожишь ведь вся... Сейчас я тебя согрею и уложу. И молоко с медом выпьешь сама. Что значит — не хочу? Я знаю, но это лекарство! Оно не бывает приятным. Мерзость? Знаю, плавали! Надо. Ты плеть выдержала, неужели перед молочком спасуешь? Тише, я с тобой... Я просто рядом..."

Не нужен тебе этот ванильный вариант сейчас. Это будет на утро... Угар пройдет... И тогда эта нежность станет твоим высокогорным кислородом. И руки сами будут сжимать объятия до боли, и ненависть уйдет.... Будет лишь ощущение правильности выбора. Конечно, заболеешь завтра... Как без этого, под таким дождем. И что? Ты же в надежных руках. С ним и пневмония — сабспейс...

Больше этого не будет. Ты думаешь, Вадик оставит его живым?...

Новый глоток обжигает горло. Ты прямо-таки видишь, как сгорают в его едком пламени микрокапилляры. К черту! Не знать бы вас никого! Спала бы себе с Улитками, байкерами и преподами и горя б не знала!!! Кто вообще дал вам обоим право что-то решать за меня? Каждому со своей колокольни?! Ненавижу! Обоих!

Дождь все сильнее... Где-то попрятались гориллас Вадима, поняли, что я в их калымагу ни за какие блага не сяду. Снова глоток. Выжечь этим расплавленным жидким металлом все внутри, чтобы не было бешеного желания вернуться, и если не спасти ЕГО, то хотя бы рассмеяться в лицо оставшемуся от сознания того, что больше принадлежать ему я не буду! Я вернусь в свой прежний мир. Без Господ, рабов и их вечного стремления управлять другими. В мир серых Улиток и восторженных мальчиков, которым до одного только ЕГО взгляда как до звезды. Ну и не надо! Мне проще вариться в котле всеобщего обожания, чем ползать на коленях и трястись от страха. Садист и киллер, мать вашу за ногу! Да залезьте вы оба в свои могилы!!!

Очередной глоток вискаря уже не ощутило мое воспаленное горло. Ночь резко озарилась ярким ксеноновым светом. Какого хрена, я без макияжа! Какого хрена, оставьте меня все в покое!!!! Никуда я не собираюсь ехать, я не просила ТАК меня спасать! Свет приближался, ослепляя все сильнее, и я, недолго думая, швырнула в его источник недопитую бутылку. "Как красиво", — восторженно открыла рот, когда капли виски янтарным кружевом вместе со стеклом разлетелись в стороны. Давно я не видела ничего красивее. Даже скрип тормозов и веерная раздача дорожной грязи показались мне фрагментом мюзикла. Машина крутанулась на скользкой дороге и замерла. Почему-то именно эта изящная парковка окончательно развеселила мой опьяневший мозг. Я присела на корточки аккуратно напротив этих бесстыжих ксеноновых фар, глупо хихикая. Даже когда из машины выкатился мужской силуэт, который решительно направился в мою сторону, я не смогла прекратить смех. Смеялась, даже когда он приблизился почти вплотную.

Смех так и оборвался на моих губах, когда наши взгляды встретились... На какое-то мгновение. Это тренд у них, что ли? У обоих? Захихикала снова я скорее показательно, стараясь не поддаваться панике, которая пробила брешь в алкогольном опьянении, и не замечать ледяной дрожи, прокатившейся по спине от этого взгляда. Зеркально похожего взгляда. Да и самого его обладателя я уже где-то видела!

— Что случилось?! Ты в порядке? — прикосновение рук к плечам обожгло огнем. Все пары виски словно выветрились в момент, и я с воплем скинула руки со своих плеч, повинувшись безотчетному инстинкту — бежать от чего-то более ужасного. Ноги заплелись, и я едва не рухнула в грязь, но мужчина меня не отпустил. Бесцеремонно встряхнул, и его рука взметнулась к шее. В глаза я ему больше не смотрела.

— Ты Юля! Что случилось?

Его рука на шее... Там ошейник! А рубашка вплотную облепила мое голое тело... Я даже не поняла, что он зовет меня по имени. Когда его пальцы переместились к подбородку, — я знаю этот жест, я не хочу, он принадлежит другому! — мир взорвался. Просто и вмиг.

Меня ослепила молния, и я наконец-то увидела его лицо.

Краем мозга отметила, что он изрядно старше Дмитрия. Я определенно его уже где-то видела! Молния, и лишь через секунду грохот... Как раз в той стороне, где...

Рука разжалась на кольце моего ошейника, и мы синхронно повернули голову. Ядерный взрыв. Вот на что был похож клуб пламени, взметнувшийся над деревьями. Приступ истерического смеха накрыл меня с головой. Я бесшабашно рассмеялась прямо в это умное аристократическое лицо.

— А ничего! Фей-ер-верк!!

.....

Только эта боль меня отрезвила. Боль от пролитого на руки кипятка. Я отшвырнула чашку в сторону, едва не попав в кого-то из беснующихся МЧС-ников. Вокруг серая мгла рассвета. Шумно. Что случилось? Чего они суетятся? Теплый плед едва не свалился с моих плеч, я хаотично придержала его на груди. Гул возбужденных голосов не исчез.

— Оперуполномоченный Сергеев, придется ответить на несколько вопросов.

Только тебя мне сейчас не хватало. Я недоверчиво посмотрела на этого стража закона, надеясь, что он оценит мою апатию и отвалит. А нет. Протокол и ручка наготове.

Спас Аристократ. Непонятно, почему я его так охарактеризовала, просто это определение подходило как нельзя лучше. Каким-то образом ему удалось отвести мента в сторону, под косые брызги затяжного дождя. Пока они о чем-то оживленно говорили, я машинально погладила шею. Пусто. А было ли на ней что-то? Не помню, хоть убей...

Неизвестно, сколько прошло времени. Я очнулась от того, что кто-то теребил меня за плечо. Подняла голову, но властный и подавляющий взгляд на этот раз меня даже не смутил. Наверное, потому, что он больше не был таким... Что-то ушло насовсем, и я мимолетно отметила морщинки мудрости в уголках этих зелено-карих глаз. Интуитивно ощутила напряжение и что-то еще, похожее на боль. Но анализировать что-либо после алкоголя и какой-то капельницы, по ходу с успокоительным, сил просто не было.

— Это невозможно, ошибки нет, Юля.

О чем это он? Откуда знает, как меня зовут? И почему его руки сжимают мои запястья? Кто разрешил меня трогать? На мне нет больше ошейника, не надо самоуправства!

Голос, твердый, решительный, с трудом достигал моего сознания. Ошибки нет? Да все, что произошло, сплошная ошибка....

— Юля... Он мертв. Понимаешь? Димы больше нет.

— Хорошо, — устало согласилась я, вырывая руки. Нет, так нет. Это можно было просто сказать. Вот не надо только меня трогать и, пользуясь уязвимым положением, вторгаться такой близостью в личное пространство...

Глава 1

(Повествование ведется попеременно от лица как героини, так и героя)

Знаешь, остаться бы маленькой и бессовестной;

Сердцу — смеяться, а горлу — просить веревки...

В шестнадцать любая мечтает о невесомости:

Быть подхваченной на руки и найденной легкой.

Чтобы вокруг — кривоватые и обмороженные края;

Чтоб поместиться в горлышко, отколотое у бутылки,

Чтобы держали, но никто не сказал — МОЯ,

Душу не пил из губ, уложив на ладонь затылком...

Веры. Нет

Юля

Приятное апрельское утро. Не имеет значения, что лужи от вчерашнего дождя просохнут только к вечеру, а + 12С все же недостаточно для того, чтобы надеть бирюзовый жакет из кожи с рукавчиками 3/4, который мне неделю назад презентовал Вадим. Что ж, пару дней без фурора в любимой группе можно и потерпеть. Следует выбрать что-то другое. Пожалуй, ожерелье от Furla в виде эффектной стальной полосы без какого-либо декора будет в самый раз. Тоже респект Вадику. Вообще-то он Вадим Игоревич, но только не для меня. Хороший мужчина, который никогда не позволит своей малышке, то есть мне, слиться с основной серой массой на потоке моего курса академии межрегионального управления.

Потягиваюсь, лежа в постели. Первую пару уже пропустила. Я вообще могу позволить себе проваляться в постели целый день и не показываться в вузе, но не хочется. Почему? Это прозвучит смешно, но я люблю учиться. Впитывать в себя знания, как губка, вступать в дискусы с преподами, и знать, что никто не влепит мне двойку за то, что мое мнение будет в корне расходиться с их мнением. Это не школа, и преподаватели ценят меня — за это самое собственное мнение, которое я никогда не боюсь озвучивать, за аналитический ум, за умение читать между строк и рвение к науке. Тупо зазубрить текст экзаменационного билета — это не ко мне. Мне достаточно пятнадцати минут вдумчивого изучения сухого материала — и в моей очаровательной головке уже вырисовуется четкая картина усвоенного знания, а в нужный момент просто включается ассоциативность мышления. Раз — и очередной Иван Иванович роняет свои очки, поражаясь, как в такой гламурной холеной девочке с широко распахнутыми глазами может помещаться мозг.

Преподавательский состав любит меня. Причем весь без исключения — и матерые профессора, и рассеянные доценты, и даже декан Алла Викторовна, точная копия Миранды Пристли из фильма "Дьявол носит "Prada". Я вхожу в четверку лучших учениц на потоке, и вряд ли кто-то догадывается, насколько легко мне все это дается.

Так... Контрастный душ. Самая экстремальная часть моего утра, но куда без нее? Три минуты горячей воды, две — ледяной. Снова кипяток... теперь лед... Кожа краснеет, кровь начинает марафон по сосудам, унося остатки сна. Бррр... зато как хорошо сразу... Вот теперь я готова свернуть горы. И сравнять их с землей, если того потребуют обстоятельства.

Кофе "Блейзер" с утреца — раскрутка для бойца. Пока кофеварочка пищит свою утреннюю мелодию и шкварчит в микроволновке лазанья, можно немного потанцевать. Щелк! "Arocallyptica" разрывает тишину. Ловлю в большом зеркале отражение своего

обнаженного тела. Мне плевать, что рок. Никто еще не танцевал под рок-музыку так чувственно, самобытно и грациозно, как это умею я. Вряд ли кому-то это вообще придет в голову.

"I am not strong enough to stay away"... Утро в разгаре.

Легкий массаж лица кубиками льда с отваром ромашки и мелиссы, увлажняющий крем. Смоки-айс одной яркой угольно-черной линией на контрасте с белым жемчугом хайлайта. Прозрачные персиковые румяна. А вот теперь можно и кофе выпить. Запахиваюсь в короткий шелковый халатик ярко-алого цвета. Хочется просто наслаждаться завтраком и музыкой, поэтому отказываюсь от соблазна проверить входящие "В контакте" и поделиться с приятельницей подробностями позавчерашней тусовки в клубе "Мисто". Завтракаю с удовольствием. Денек будет приятный. Пары — до 16:00, затем солярий. Совсем немного, для придания коже теплого смуглого оттенка. Я достаточно яркая брюнетка, и сильно загорать с такой внешностью не стоит — еще четыре сеанса по 10 минут будут в самый раз. А потом... если Элька отменит свой забег с цифровиком по парку Шевченко, можно провести вечер в "Якитории", а там уже как карта ляжет. Можно вновь завалиться в клуб и потанцевать. Вадик раньше выходных все равно не нарисует.

Я вызвала такси. С сомнением оглядела стильные ботильоны на шпильке из серо-бежевой замши. Вчерашний дождь временно отправил их в отставку. "TJ collection" в дождь — это слишком. Придется подкорректировать гардероб. Так, черные облегающие джинсы, кожаный ремень от D&G (оригинал!), бирюзовая туника, байкерская курточка до линии талии, замшевые черные полусапожки на низком ходу. Застегнула на шею ожерелье, поймала свое отражение в зеркале. Холодный металл словно сковал мою шею, вызвав на какой-то миг ощущение дискомфорта. Я поддела кольцо пальцами. Странное ощущение не прошло. Будто ошейник сдавил мертвой хваткой мою шею и выключил волю. Странная ассоциация. Снять, что ли? Хотя улет, так эффектно смотрится! Одногруппницы акрил себе на пальцах обгрызут от зависти. Оставлю, как есть. Что это я? Тоже, придумала! Ошейник за 300 баксов...

Айфон последней модели в кармане выдал взрывной хит Бритни. Такси у подъезда. Бросив в сумку портмоне и пачку сигарет, я выскочила из квартиры в дождливую слякоть апрельского утра.

— Юлька!!! — от группы ярких девчонок отделилась Лена и, подойдя, схватила меня за руку. — Ну ты, блин, и спишь! Мы на экономике проорали со Скляренко час, не меньше!!!

Я обменялась с ней ритуальным поцелуйчиком. Она неплохая девчонка. Дочь богатых родителей, с четвертым размером бюста и интеллектом Пэрис Хилтон, которая являлась ее кумиром. Сдружились мы еще на первом курсе, просто оттого, что сели рядом за первую парту на паре. Я снисходительно забила на тот факт, что, не будь у меня уже тогда богатого поклонника-мажора и его шикарных подарков, дружбы у нас не вышло бы в принципе.

— Ммм, Лекси, колись. Чего цветешь? — я тепло улыбнулась четверым стильным, эффектным девчонкам, которые радостно замахали мне в ответ и, шлепнув сумку на скамью, уселась верхом на стол. Остальных одногруппниц я показательно игнорировала.

Ленка заметила мое ожерелье и чуть не свернула мне шею, стремясь его как следует рассмотреть.

— Вау! Улет!!! Это Вадя подогнал? Слушай, как ты его крутишь на бабки-то, а? Я б так ни за что не смогла!

— А тебе зачем? У тебя и так ажур. — я грациозно прогнула спину и показательно

развратно облизала губы, заметив неприязненные взгляды подавляющего большинства одноклассниц. Презрительно усмехнулась. Эта серая масса меня ненавидит. Называют сукой — за глаза, конечно. Мне плевать на них. Я подпитываюсь их саморазрушающей черной энергетикой. Это допинг для меня — такой коктейль из зависти, чувства комплексов неполноценности и озлобленности. Если я не замечаю таких взглядов, это тревожный звоночек — значит, выгляжу не на все сто, и нужно срочно принимать меры к исправлению ситуации. Мне никогда не было жаль этих дурочек. Жалость — разрушительная эмоция. Меня всегда раздражали люди, которые не стремятся изменить все к лучшему из-за банальной лени и брызгают желчью на более успешных.

— Х-х-хочу тебя я здесь и сейчас, да так, что б это длилось не один час, будь моей хоть иногда, я отработаю сполна!

Я вымученно вздохнула. Никак не привыкну к этой дебильной привычке Сергея подкрадываться сзади.

— Приветик, — его приветствие упало, словно приторный карамельный сироп. Я сделала вид, что не заметила, как его наглый язык проник в мое ухо при ритуальном чмоке в щеку... Что ж, перестал на меня злиться, и хорошо. На первом курсе я не отказала себе в удовольствии три месяца покувыркаться с этим атлетом, первым красавцем группы — просто ради удовольствия. Крутить его на бабки у меня не было ни малейшего желания. Он — первая причина того, почему я потом полюбила умных мужчин.

Не сводя с него испытывающего взгляда, я нагло выхватила из его ручищи бутылку «спрайта». Не начатую.

— Тебя мама с папой делиться учили? Вот и умничка. — Я сбросила его руку со своего плеча. — Ты никак новую песню написал? Рэп, йо?

Его лицо просияло, он радостно закивал.

— Хочу я кофе предложить, в постель нежно положить, целовать твои уста, да не раз, а больше ста, будь со мной, если сама этого хочешь, я вот жду, когда ты со мной кончишь! — выпалил Серега. Лена издевательски заплодировала, а кто-то из ребят демонстративно покрутил пальцем у виска.

— Вот это слог! — я придала лицу офигевшее выражение и прижала руку к груди. — Да ты просто гений ломаного слога! А я вот тоже вчера написала пару строк. Зацени: «Жора, гребаный насос, где ты был»?..

Группа легла. В основном та ее часть, с которой мы недавно просмотрели в кинотеатре «Служебный роман. Наше время». Сергей в это время отсутствовал, он дома тупо боксировал грушу.

— Подожди... но ты ж не сама это придумала! Это же Ноггано! — с видом изобретателя машины времени выдал он.

— Что? Нет, ну ты прикинь? Я ночь не спала, сочиняла... Вот плагиатор хренов! — я изобразила почти натуральное отчаяние.

— Чего? — тупо переспросил Сергей.

— Плагиатор! — это слово ни о чем ему не говорило. — Ну, плагиат — это игрушка такая из секс-шопа, на ремешках. Ты ее еще испытывать на себе боялся, помнишь?

Крякнув нечто нечленораздельное, он ретировался на свое место. Я снисходительно улыбнулась заржавшим зрителям и с трудом подавила искушение вытереть ладони влажной салфеткой.

— Улитка, — процедила сквозь зубы. Лекси презрительно причмокнула. Вошедший в

аудиторию преподаватель застал массовой истерику. Я открыла конспект, затем, передумав, включила диктофон. Так, на всякий случай.

В перерыве между лекциями мы с Лекси и Элой вышли покурить в сквер. Я прослушала сообщения на автоответчике. От тренера — тренировка переносится на следующую субботу, какого-то знакомого с позавчерашней тусовки, имени и внешности которого я не помнила — «позвони мне, как только освободишься, хочу угостить тебя классным кофе». И в постель нежно положить, со злостью подумала я. От Вадика — тишина. Но я все понимаю. Работа, жена, сын. К тому же, не могу сказать, что так уж сильно за ним соскучилась.

— А рванули после пар пропустим по коктейлю? — воодушевленно предложила Лекси. — Что дома зря сидеть? Прикиньте, этот придурок мне уже третий день не звонит! Я сейчас пойду, склею себе нового красавчика и перестану рефлексировать! Вот! — она просияла от собственной сообразительности. — Ну что, идем?

— Идем, — я не дала и рта раскрыть растерявшейся Эле. — Достало уже дома сидеть. Я только в солярий заскочу.

Эле дождалась окончания лекций. Непонятно, что происходило — меня захватил азарт охоты и жажда риска, трудно было объяснить, почему. Обычные посиделки с девчонками, ничего экстраординарного не предполагалось. Хотя, если вдуматься, смазливых денежных мальчиков там всегда тусовалось выше нормы, а легкий флирт отменно помогал держать себя в тонусе.

Девчонки заняли наш любимый столик в нише. Я любила это кафе — здесь можно было развалиться на мягких кожаных диванчиках, отдыхая от жестких стульев и скамей аудитории, и просто наслаждаться музыкой и полумраком, ни о чем не думая.

— Ну где ты так долго?! — протянула Ленка. Не буду ей объяснять, что такое искусственный загар, и что макияж перед сеансом желательно снимать, а потом, поскольку никто не собирался спать, его пришлось со всей тщательностью нанести снова. Ей, белокожей блондинке, солярий был вообще противопоказан.

Элла задумчиво вертела в руках «Nikon», пересматривая отщелканные кадры. Она уже была довольно раскрученным в социальных сетях фотографом, это ей мы были обязаны сногшибательными аватарками на своих профайлах «В Контакте» и «Facebook». Моя последняя фотосессия в стиле «офис» вообще могла претендовать на разворот в «Maxim».

— Я заказала «Филадельфию», никто не против? — сообщила Лена. Что ж, суши, так суши. Лед в моем «мохито» еще не успел растаять, и я с удовольствием втянула сквозь трубочку свежий нектар. После легкой дозы ультрафиолета настроение повысилось до рекордно высокой отметки.

— Мы думали тут, что, если после экзаменов в Шарм-эль-Шейх рвануть на недельку? — Элька наконец-то спрятала фотоаппарат. — Вадик тебя отпустит?

Я закурила «kiss» и пожала плечами.

— Отпустит, наверное. Он мне не отец и не муж.

— Ну ты его выдрессировала!

— Никого я не дрессировала. Считай, что у нас пакт Молотова-Рибентроппа. — Эля понимающе улыбнулась, а Лекси выронила хаши и удивленно заморгала. Пришлось пуститься в объяснения для особо одаренных. — Он просто дает мне полную свободу в обмен на мое понимание. Он знает, что я никогда не буду звонить ему среди ночи, требовать развестись с женой и жениться на мне, он избавлен от моих претензий по поводу того, что мне недостаточно внимания, мне все равно, что он больше времени проводит с ней и с

сыном, чем со мной... И, наверное, прекрасно помнит себя в студенческие годы, поэтому так снисходителен к моим выбрыкам.

— Но ведь бабки на карточку он тебе кидает совсем не за чувство такта, так ведь? — в устах кого-то другого это бы прозвучало как издевка, но у Леночки просто не хватило на это сообразительности. И все равно, мне стоило больших усилий сдержаться и не выдохнуть дым ей в лицо.

Что ей на это ответить? Что деньги Вадима на меня не совсем не падали с неба? Что мне для привязки такого мужчины пришлось в срочном порядке освоить детальный курс кама-сутры, кулинарии и мужской психологии? Я вспомнила любовь Вадима к стриптизу в моем исполнении. Для этого мне пришлось почти ежедневно посещать секцию стрип-пластики. От изматывающих упражнений у шеста на моей чувствительной коже ног не оставалось живого места, всю зиму я не вылезала из джинс, а наедине с любовником хладнокровно замазывала гематому стойким тональным кремом. К его дню рождения я готовила приватный танец в стиле джаз-фанк, растянула при этом лодыжку, но, не взирая на боль, танцевала при свечах с чувственной улыбкой на лице, хотя хотелось кричать. Впрочем, секс с ним мне нравился. В постели он любил называть меня «маленькая», а от его нежности и опыта я просто теряла голову. К этому стоило еще прибавить, что в свои 48 лет Вадим исправно следил за собой, посещал тренажерный зал и имел потрясающее чувство стиля. Внешне он чем-то напоминал Эроса Рамзотти. А в бизнесе, насколько я могла судить, был той еще акулой, и с этой стороны узнавать его хотелось меньше всего. Когда, думая, что я его не слышу, он распекал по телефону нерадивых сотрудников либо отчитывал консультантов в бутиках, которые почему-то всегда смотрели на меня с презрением, у меня сердце замирало от страха. И это при том. Что он ни разу ни на кого не повысил голос.

Он был женат, как я знала, уже больше 20 лет. Старшая дочь училась в Киеве в институте Поплавского и жила в собственной трешке в центре города, сыну недавно исполнилось 8 лет. В чем заключался его бизнес, я не знала, но явно был прибыльным, раз позволял так обеспечить детей. Получается, с его дочкой мы были почти ровесницами. Но я старалась часто об этом не думать. Ну, случилось, значит, так распорядились звезды. Есть такое понятие — бес в ребро, вот я и стала для Вадика этим самым бесенком.

Однажды Павел, наш одноклассник, предложил вырваться с ним за компанию на автомобильный тюнинг-фест. Такие автовыставки часто проходят в Харькове, но до этого мне еще не приходилось их посещать. Я вдоволь насмотрелась на шикарные оттюнигованные машины, отщелкала целую серию снимков аэрографии, запечатлела Пашу на фоне каждой навороченной тачки в обнимку с красавицами-моделями и, оставив его обмениваться с девчонками любезностями, тихо слиняла в мото-секцию. После непродолжительного юношеского романа с байкером мотоциклы стали моей слабостью. Тут мы и познакомились с Вадимом. Показательно, что изначально меня заинтересовал его собеседник — высокий блондин в спортивном костюме лет так 27. Увидев его на расстоянии двух метров, я пристально посмотрела в его глаза и тут же почти натурально смутилась и отвела взгляд. С этого момента автовыставка уже была ему мало интересна.

Как выяснилось позже, Янош приехал из Сербии и очень бегло говорил по-русски. Вадиму волей-неволей пришлось прийти на помощь. Тот факт, что блондин оказался иностранным деловым партнером моего потенциального любовника и уже на следующий день собирался закончить свой визит и вернуться домой, вычеркнул его из списка моих потенциальных кандидатов. Я переключилась на Вадика, повторив заранее испробованную

тактику. Не знаю, почему так происходит, — обычно мне достаточно просто посмотреть в глаза мужчине и этим безошибочно покорить его. Что касается собственной внешности, я никогда не делала на нее стопроцентную ставку. Просто почему-то знала еще со школьных лет, что брюнетки выигрывают почти всегда.

Глаза у меня светло-зеленые, и очень часто меняют цвет — от серого до глубокого изумрудного оттенка. Я люблю подчеркивать свои глаза длинными норковыми ресницами и темными оттенками матовых теней — создается впечатление глубокого омута. Моя фигура не отличается модельной худобой, но пропорция бедер и талии не оставляет равнодушным ни одного представителя сильного пола, грудь пусть всего второго размера, но ее форма идеальна, очень часто я намеренно отказываюсь от бюстгалтера. А основная моя гордость — длинные ноги при росте 175 см. Вопреки этому, я просто обожаю высокие шпильки.

И все же, иногда меня не покидала твердая уверенность, что не будь даже таких выигрышных атрибутов внешности, поклонников меньше не стало бы.

Мы поужинали в ресторане по завершению выставки. Янош незаметно смылся в свой отель. Вадим предложил посетить филармонию — там давали какой-то благотворительный концерт. Перспектива наслаждения классической музыкой — вряд ли там будут исполнять мою любимую «Аpocalyptika» — вызвала у меня мученический вздох. Я не смогла придумать ничего лучшего, кроме откровенного признания:

— Я не разбираюсь в классике. Совсем. Не вышло ее полюбить, хотя я очень пыталась.

И тут, к моему удивлению, Вадим с облегчением рассмеялся. Мне понравился его естественный, искренний смех.

— Я уже начал бояться, что ты согласишься, и я выплусь наконец-то прямо в зале. Ну хорошо, тогда у меня другое предложение — остаться в «Радмире» на пати. Обещают стантрайдинг и лазерное шоу. Как тебе такой вариант?

... Домой в тот день я попала только к 6 часам утра, зажгли мы на славу. Вадик любил вспоминать потом наше знакомство и говорил, что я телепортировала его в молодость.

В ту ночь я отрывалась на танцполе, не забывая призывно смотреть ему в глаза как можно чаще, и ко второму кругу зажигательных клубных танцев он внезапно присоединился ко мне и выдал вполне реальный «тектоник». Клубный бомонд аплодировал нам стоя, а администратор вручил «баккарди» за счет заведения. Мы курили кальян, пили шампанское с мартини и просто разговаривали — о моей учебе и развлечениях, о его семье и бизнесе, о любимых видах отдыха, спорта и путешествиях. Мне понравилось его общество — в первую очередь потому, что он не потащил меня в свою постель в тот же вечер. Когда его вроде как личный водитель доставил меня домой, мы обменялись с Вадимом телефонами и договорились поужинать вместе. На прощание он властным жестом заставил водителя сидеть на месте, встал, сам открыл мне дверцу, галантно подал руку и слегка коснулся губами моего запястья.

— До встречи, Юля. Спасибо за приятно проведенную ночь.

Я проспала до 18 вечера, разбудил меня настойчивый звонок в дверь квартиры.

Это оказался курьер с шикарным букетом из большого количества кремовых роз, с большой коробкой в руках, поверх которой лежала визитка Вадима с надписью от руки — «самой зажигательной малышке». В коробке оказалось изумительное коктейльное платье кораллового цвета от «Etro», от одного вида которого у меня перехватило дух, и сумочка в тон. До нашего ужина оставалось ровно два часа, я успела сделать эпиляцию, укладку и соответствующий макияж, выбрала ослепительно-белый комплект нижнего белья от Lise

charmel — понятное дело, что апофеозом этого вечера должна будет стать его демонстрация как минимум. Я рано повзрослела, чтобы не понимать такие очевидные вещи. Но этим вечером меня ждал сюрприз. Я с искусно приоткрытым ротиком внимала рассказам Вадима о странах, в которых он побывал, о сафари в Кении, о спуске в пещеру Аризоны без страховочных тросов и серфинг на высоких волнах Флориды. Я даже подыграла ему, рассказав о загадочных пещерах Крыма, в частности о плато Чатыр-Даг, Мраморной пещере и пещере с поэтичным названием Эмине-баир-Хосар, название которой в местном наречии переводят как «колодец прекрасной девушки Эмине на земле Баира»; среди крымчан ходит шутивная легенда — о истории любви двух парней по имени Баир и Хосар, которые полюбили друг друга пылкой, но странной любовью, а девушка Эмине все им мешала, за что они столкнули ее в колодец пещеры. Я вспомнила, как мы с моим бывшим бой-френдом отдыхали в Алуште и пытались покорить пик горы Кастель, но наткнулись на какую-то военную базу, откуда нас прогнали чуть ли не угрожая открыть стрельбу из автоматов. Я любила Крым. Я родилась и выросла в Феодосии, где сейчас жили моя мать и младшая сестра. Мои истории видимо напомнили Вадиму его светлое детство с отдыхом только в Крыму в силу того, что в то время СССР был затруднен выезд за границу. Может, именно благодаря такой легкой ностальгии он не потребовал завершить ужин в его постели? Вполне вероятно.

Так или иначе, впервые мы переспали только спустя две недели после знакомства. Он обожал меня. Ни дня не проходило, чтобы я не получала от него подарков, а однажды он просто вручил мне карточку Visa и озвучил лежащую на ней сумму с беззаботно-спокойным выражением лица. Сказать, что я была в ауте, значило ничего не сказать. Мужчины и раньше никогда не скупались на подарки для меня, но этот заткнул за пояс их всех, вместе взятых. Я, конечно, настроила себя на заранее прогнозируемые сложности, вроде нетрадиционных сексуальных предпочтений, но ничего подобного не случилось. Наверное, Вадиму просто нравилось опекать меня, носить на руках, делать максимально приятной и беззаботной мою итак не напряженную студенческую жизнь. Особенно он любил наблюдать, с каким восторгом и предвкушением я распаковываю его подарки и как сильно этому радуюсь. Модель таких вот необременительных ни для кого из нас отношений сложилась как-то сама собой. Я никогда. Ни при каких обстоятельствах, не осаждала его вопросами касательно семьи, работы и времяпрепровождения, не требовала повышенного внимания к себе, не дергала неуместными телефонными звонками и действительно искренне радовалась каждой нашей встрече. Он в свою очередь тоже никогда не задавал мне лишних вопросов, не контролировал, где и с кем я находилась, — впрочем, я не давала повода ему это делать. Испытывала ли я к нему какие-нибудь особые чувства? Кроме благодарности, тепла и уважения — нет, пожалуй. Мой цинизм в этом отношении мог бы шокировать кого угодно, но даже при всем своем желании заставить себя его полюбить или захотеть его сильнее не могла и не старалась. Не удавалось открыть и отпустить свои эмоции... а может, их и не было вовсе. Не получалось. А зачем? Чувство любви и глубокой привязанности — это клетка, в которой ты намеренно закрываешься и выбрасываешь ключ. Я привыкла все держать под контролем и с самого начала решила, что для розовых соплей в наших отношениях места нет.

— Слушай, а как они вообще в постели? Ты нам никогда не рассказывала! — вырвала меня Ленка из задумчивости. Я тряхнула головой, не понимая.

— Кто «они»?

— 45-тилетние! Все у них работает, как надо?

— И даже лучше, чем надо, — снисходительно усмехнулась я, отхлебывая мохито. —

Вадик — монстр в постели, а возраст тут по-моему вообще ни при чем.

— Что??? Больше, чем Улитка?! — Лекси уже успела слегка опьянеть от двух коктейлей. Так уж повелось в нашей женской компании — брать за точку отчета постельные подвиги Сергея. Откуда у этого тупоголового атлета хватало сил на столько раз, оставалось только гадать. Прозвище «Улитка» он получил вовсе не из-за своей медлительности, как могло показаться непосвященным, а благодаря своему так называемому IQ, сравнимому с интеллектом моллюска.

— Да нет, знаешь, 10 раз подряд с Вадимом еще не было, — я снова закурила. — Но не всегда количество — враг качества! Запомни хотя бы это! — я почему-то подумала о том, что Улитка с Лекси составили бы неплохую пару. Интеллекты где-то близко.

— Да мы все знаем, что ты к нас энеджерджайзер по жизни! — весело вставила Элла. — А помнишь, во время романа с Серегой ты скинни-джинсы носить не могла? На парах сидела аж мучилась. Довела бедного парня...

— Да... Он прямо рыдал от моей ненасытности, можно подумать! — я слегка щелкнула Эльку по лбу. — Можешь перехватить. Он временно свободен!

— А что у него после тебя осталось? Ни сил, ни скорости, сто пудов...

— Не знаю, я свечку не держала! — девчонки заржали.

— Но он в натуре такой варвар в постели? — недоверчиво переспросила Ленка.

— Лекс, вот я одного сейчас понять не могу, — ты что, озабоченная? — на самом деле я на них ни капельки не злилась, такие разговоры были у нас в порядке вещей. Их интерес был понятен — девчонки напрямую пытались провести параллель между 52 размером ноги нашего спортсмена и длиной его члена. Теория, как ни странно, работала. По крайней мере в отношении Улитки, с другими я не озадачивалась такими вопросами.

— Нет, но я просто не понимаю, хоть убей... ты только не обижайся... но тебе почему-то постоянно с мужиками везет! — Ленка запнулась. Говоря мне это, она как раз обводила взглядом зал, но тут ее глаза округлились, и она театрально сцепила руки. — О, нет! Какой красавчик! Телки! Он смотрит прямо на меня!

— Не льсти себе. Забеги под стол и дай ему как следует рассмотреть меня! — нагло парировала Элла.

Я проследила за взглядом Лекси и вместе с девчонками принялась беззастенчиво разглядывать парня. Поскольку они вдвоем с другом сидели рядом и дружно пялились в нашу сторону, трудно было понять, о ком именно велась речь. Так, ну, будь я Леной, наверное, обратила бы внимание на крепкого накачанного блондина с — поразительный эффект! — очень темными глазами и обаятельной улыбкой. Он неторопливо раздел глазами каждую из нас по очереди, и теперь его зрачки растерянно метались между мной и Леной. Только я уже потеряла к нему любой мало — мальский интерес.

Мой расслабленный, но, как я знала, довольно дерзкий взгляд скользнул по второму парню и... и я просто не смогла его сразу отвести.

Его тело не отличалось такой показательно-рельефной мускулатурой, как у первого, он был, скорее, жилистый. Аккуратная стрижка со слегка удлиненными прядями на затылке, твердый подбородок, тонкие, плотно сжатые губы придавали его лицу какую-то едва уловимую жестокость. Я заглянула в его глаза — серые, или же светло-зеленые как и у меня? Четче рассмотреть не позволяло тусклое освещение. Наши глаза встретились, и я на миг

затаила дыхание — словно горячая волна прокатилась от шеи по позвоночнику и сладко, ощутимо аукнулась в пятках. Что происходит? Вопреки всему я продолжала смело смотреть в его глаза, чувствуя, как все вокруг словно отходит в сторону — кафе, коктейли, суши, подруги и громкая музыка. В горле внезапно пересохло, и я с изумлением ощутила легкое головокружение, но перед тем, как отвести взгляд, на секунду растерялась, за что была вознаграждена — он отвел его первым.

— Эй, ты чего? — наверное, на моем лице по-прежнему было выражение победительницы, что так сильно обеспокоило Лену. — Учти, беленький — мой.

— Твое счастье, Барби, что я временно люблю брюнетов. — я допила мохито и жестом подозвала официанта с требованием повторить.

Я кожей ощущала на себе его взгляд. Скосив глаза, принялась пристально его рассматривать и отметила, что он чем-то похож на актера Кристиана Бэйла. Детская привычка, еще со школы — сравнивать всех мальчиков с артистами и эстрадными исполнителями, на самом деле упрощала впоследствии обмен информацией.

Юля, а что с тобой происходит, действительно? Тебя же даже цунами не может выбить из колеи. Хотя, похоже, нашелся достойный противник.

— Слушай, а второй прямо глаз с тебя не сводит, — тронула меня за руку Эля. — Пойди, нарисуй ему автограф на лбу.

— Ты Мне предлагаешь встать?! Ты ничего не попутала? У меня каблук 12 сантиметров, да и корона свалится! — девчонки кинули взгляд на мои сапожки на низком ходу и снова рассмеялись. Я, послав парню очередную дерзкую улыбку, достала из портмоне 20 гривен и, бросив их на столик, пришлепнула ладонью.

— 5 минут.

Лекси захихикала, достала сою двадатку и кинула сверху.

— 10! Ему страшно.

— 25, - присоединилась к тотализатору Эля. — Он еще не решил, что ему в данный момент нужнее — дерзкая сука типа тебя или же следует обратить внимание на белого пушистика. Вот типа Лекси.

— Следовало плясать от сотни, — я выпрямила спину, откинула со лба челку тыльной стороной кисти и метнула в брюнета взгляд, приправленный ядом легкого безумия. В ответ его тонкие губы изогнулись в дерзкой улыбке, он залпом опрокинул остатки коньяка и, ловко соскочив с барного стула, направился в нашу сторону. На миг я оцепенела, осознав, что не вполне к этому готова. Но было уже поздно что-то менять.

— Лузерши, — сладко пропела я, с превосходством оглядывая подруг и ловко смахнула купюры со стола прямо в сумочку. Буквально за секунду до того, как этот красавец нарисовался возле нашего столика. Ленка развратно — призывающе улыбнулась, Эля, иронично хмыкнув, выбила из пачки сигарету и быстро закурила, ни дав никому шанса проявить галантность в виде поднесенного огонька.

— Добрый вечер, леди. Скучаете?

Наверное, только я расслышала в его словах вызов. Он был из тех мужчин, которые не понимают слова «нет». Или делают вид, что таковыми являются. На миг это придавило меня к креслу, но он еще не знал, что нарвался на такого же лидера, только принадлежащего к прекрасному полу. Откинувшись на спинку кресла, я продемонстрировала ему обтянутую бирюзовой тканью грудь и, подняв брови, равнодушно протянула:

— Молодой человек, вы так замечательно куда-то шли...

Ленка округлила глаза и больно пнула меня ногой под столиком. Даже Эля выглядела потрясенной. Они обе уставились на меня, как на полоумную, и Элька, не заметив, уронила пепел на стол.

Но на неотразимого альфу это не произвело ровным счетом никакого впечатления. Наши взгляды снова скрестились, словно две заостренные катаны в смертельном поединке, и я с изумлением ощутила, как сильно напряглись мои мышцы, а кровь отхлынула от лица, резко устремившись вниз. В нем реально было что-то дьявольское, а что именно, я понять не могла. Мы продолжали смотреть друг на друга. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы возле нашего столика в этот момент не нарисовался официант с бутылкой шампанского в ведерке со льдом. Спасибо за быстрый и своевременный тайм-аут.

— Что это? Мы не заказывали. — Мой голос слегка дрожал. Мальчик улыбнулся вышколенной улыбкой.

— Это вам подарок от... — он перевел взгляд на барную стойку и только тут заметил подошедшего к нам блондина. Кивнул в его сторону. — От этих ребят.

Блондин подкрался незаметно и уже во всю улыбался порозовевшей от удовольствия и восторга Лекси.

— Ой, спасибо. Так прикольно! — подруга слегка подвинулась, освободив ему место рядом с собой, и нагло игнорируя мой предостерегающий взгляд. — Предлагаю выпить за знакомство! Я Леночка. Она — Эля. А ее Юлей зовут.

Вот сучка! Выхватит за роль светской свахи завтра. Это решено.

— Владимир. А это Дима. — Блондин, считая, что его миссия выполнена, плюхнулся на диван рядом с Лекси, задев ее бедром. Она едва не завывала от восторга. Место на диванчике между мной и Эллой было занято нашими сумочками, оставалось только подвинуться ближе к Ленке, но я гордо продолжала сидеть на месте, игнорируя этого Дмитрия или как его там звали... зовут... не важно. Похоже, этим мне все же удалось слегка выбить его из колеи. Если бы не Чип и Дэйл, то есть не тот, второй...

— Юлия? — блондин вопросительно смотрел на меня.

— Да, Владимир... или можно просто Вова? — я невинно хлопнула ресницами, прекрасно понимая, что именно он сейчас хочет сказать.

— А вы двигайтесь к нам поближе.

Слушай, фашист, не пойти ли тебе...

Очередная колкость замерла на моем язычке — то ли из-за обаятельной улыбки этого накачанного Владимира, то ли от того, что Элла демонстративно разглядывала свои наручные часы. Блин, только не это! Она не может прямо сейчас просто так взять и свалить! Все еще не веря, что она все-таки исчезнет, и я останусь без поддержки — от Лекси в этой ситуации толку будет вообще ноль, — я автоматом, не успев осознать, что делаю, подвинулась ближе к воркующей парочке.

— Ладно, девчонки. Пора бежать. Может, еще поймаю закат. Да, и завтра меня раньше чем на политологию не ждите. — Эля, даже забыв подкрасить губы, вложила купюры в меню и перекинула сумку через плечо. Я почувствовала себя практически брошенной на произвол судьбы.

— Цемики, Зая! — помахала рукой Лена. Я вымученно отправила Эльке воздушный поцелуй и проводила ее долгим взглядом, словно это могло как-то оградить меня от близкого присутствия этого странного Дмитрия. Я стала кожей ощущать его близость, и это лишало меня самообладания.

Девочки! Вам известно, какой инстинкт самый основной? Не сексуальный, нет! Инстинкт самосохранения! Который, по ходу, спал летаргическим сном..

Владимир деловито расчехлил бутылку «Asti» и ловко наполнил подоспевшие фужеры. Я подавила страстное желание опрокинуть шампанское залпом и, сделав глоток, скосила глаза, изучая рядом сидящего. Мой взгляд сразу срисовал «perellet» на его запястье — в том, что это оригинал, не было никаких сомнений. Вадик научил меня хорошо разбираться в таких вещах. Легкий аромат lacoste, казалось, вступил в противоборство с моим Boss orange, и я против воли облизнула внезапно пересохшие губы. Вновь поймав его взгляд, осознала, что же в нем показалось мне таким знакомым. Недавно я второй раз пересматривала фильм «Эквилибриум», и у героя Кристиана Бэйла был точно такой же — холодный, беспощадный, и, казалось, напрочь лишенный каких-либо эмоций взгляд. Сердце вновь ускорило ритм, подхлестнутое миксом опасности и возбуждения. Но я быстро взяла себя в руки и, повернувшись, улыбнулась одной из самых своих нежных улыбок. Сработало. Уже в следующую секунду его темные глаза оттенка то ли виски, то ли кофе, слегка потеплели, приняв забавное выражение удовольствия и растерянности одновременно. Я подняла бокал.

— За знакомство?

— За очень приятное знакомство, — он уже не скрывал своего явного интереса. Его взгляд между тем изучал меня всю, скользнул по ногам, груди, и неожиданно резко замер в районе шеи. Когда Дмитрий порывисто коснулся пальцами моего ожерелья, и я вздрогнула от неожиданности. Казалось, тепло его пальцев передалось холодному металлу, пробежало по замкнутой полусфере словно ток, и я слегка растерялась от такой ассоциации.

— Очень красивое, — он выглядел слегка офигевшим. С чего бы это? Поддев его указательным пальцем, слегка потянул на себя, и я непроизвольно подалась вперед. Затем, не потеряв контроль, резко отшатнулась, даже не стараясь понять, что же в этом обычном жесте вызвало во мне такой подъем эмоций.

— Тебе очень идет. Только... оно похоже на ошейник.

Неожиданно меня разобрал смех. Я вспомнила утро и похожие метания у зеркала. Вот уж. Правду говорят, что у придурков мысли сходятся.

— Я, наверное, что-то не то сказал. Совсем не похоже. Скорее похоже на космический атрибут в стиле хай-тек. — Смех разрядил обстановку, и уже спустя пару минут мы дружно хохотали, обсуждая приколы из студенческой жизни и новые выпуски комедии-клуб. В свои 29 (реально такой взрослый?) он еще не успел позабыть свои веселые годы учебы, как оказалось, в Юридической академии. Я с удовольствием отметила его интеллект, впрочем, он не пытался особо его продемонстрировать. С трудом скрыла изумление, узнав, что он содержит собственный спортивный клуб вип-класса. Да, в связи с этим Дима стал мне нравится на 20 % больше.

Лекси весело щебетала со своим новоиспеченным кавалером и не обращала на нас ни малейшего внимания. Рука Владимира уже по-хозяйски лежала на ее бедре, а глаза не поднимались из открытого декольте с грудью четвертого размера. Да, похоже, мы ее теряем. Только вмешиваться уже не имело смысла. Взрослая девочка, сообразит сама. А впрочем, нет. Насчет «сообразит» я погорячилась.

Я закурила сигарету и подумала, что было бы, пожалуй, совсем неплохо, если бы знакомство с Димой завершилось там, где и положено — в постели. Я честная сукина дочка. Прежде всего, сама с собой. Только прошу, не надо мне сейчас заливать про мораль.

Ничего удивительного уже не было в том, что спустя полчаса мы, не сговариваясь,

вместе свалили из кафе кататься по ночному городу. Я едва не подпрыгнула на месте. Он водил «Лендкрузер Прадо. Странно, но меня за час общения уже каким-то воображаемым магнитом равно тянуло к нему. Не из-за авто и его демонстрации. В нем ощущалась целеустремленность и независимость. Что еще? Я не могла этого охарактеризовать в двух словах. Такая недвусмысленная аритмия и расслабленная беспечность были мне не знакомы.

Он ненавязчиво предложил продолжить вечер в загородном ресторане «У Пушки», но я, набравшись наглости, настояла на визите в «мак-драйв», после чего мы согласованно рванули на самый высокий подъем, с которого весь Харьков просматривался как на ладони. Наблюдая, как в городе зажигаются огни, я ощутила умиротворение. Хотелось просто развалиться в автомобильном кресле, потягивать молочный шейк и даже не думать о завтрашнем дне.

Прошло совсем немного времени, прежде чем я ощутила, как его ладонь твердо, даже властно сжала мои пальцы. Инстинктивно подалась вперед — одновременно с ним. Его тонкие, плотно сжатые, но вместе с тем ощутимо чувственные губы оказались совсем близко. До боли захотелось ощутить их вкус в ту же секунду. Я поддалась, не думая ни о чем. Вопреки его крепким, прямо таки хозяйским объятиям, поцелуй оказался неправдоподобно нежным. На какой-то миг это ошеломило меня, и пришлось подстроиться под нежность поцелуя, приглушив свою жаждущую агрессивность, которая бесконтрольно просыпалась во мне во время поцелуев с понравившимися мужчинами. Мои глаза были наполовину прикрыты, и я скорее ощутила, чем заметила, что он внимательно изучает меня, не прерывая поцелуя ни на миг. Этот оценивающий взгляд будоражил, словно расплетая клубок протеста в сознании, и объяснить его значение я пока не могла. Или просто не хотела.

Возбуждение нарастало с каждой секундой, я могла в любой момент потерять контроль. Мне стоило просто титанических усилий вырваться из его объятий. Я принялась хаотично искать в сумке сигареты с зажигалкой. Сердце было готово выскочить из груди от одного только поцелуя. А ведь он даже не сделал попытки потрогать мою грудь! Также заметила, что поцелуй распалил его самого не на шутку, но он умело держал себя в руках. Попытка разложить новую считанную информацию по полочкам с треском провалилась.

... Я не могу прочесть этого человека. На пути — железная стена, от которой рикошетом отталкиваются все атаки в попытке найти лазейку. Он закрыт для меня. В нем есть нечто, что притягивает и пугает одновременно. Опасность. Риск. И бешеное желание...

Мне пришлось буквально выпрыгнуть из джипа — якобы покурить, но, на самом деле, просто привести мысли в порядок. Я спиной ощущала его взгляд. Он вышел из машины и встал в стороне, делая вид, что любуется завораживающей панорамой ночного города. Я скосила глаза, украдкой разглядывая его. Ветерок трепал его слегка длинные в затылочной части волосы. Кулаки плотно сжаты — это почему-то сразу бросилось в глаза. Во всей позе скользила властность, сила, решительность и уверенность в себе. Внезапно я ощутила неприятную незащищенность.

— Юль, что-то не так? — нейтрально осведомился он. Как, вашу мать, он это понял, не глядя на меня?

— Все так. Просто... как-то сильно быстро, — выкрутилась я, затягиваясь поглубже и не глядя на него. — Уже поздно. Поехали, хорошо?

— Извини, если я тебя испугал. — Я обернулась. Он выглядел довольным и обеспокоенным одновременно. Я улыбнулась — наверное, излишне натянуто.

— Нет. Все нормально. Правда.

— Завтра встретимся?

Это, видимо, был тот случай, когда слова опережают мозговую активность.

— Не вижу причин, почему бы нам этого не сделать завтра.

Всю дорогу я молчала. Его присутствие не позволяло думать связно. Я уклонилась от поцелуя, буквально выбежав из машины. Только захлопнув бронированную дверь подъезда с кодовым замком, перевела дыхание. Сердце бешено колотилось. Он действовал на меня поистине непостижимым образом.

Одно я знала точно — то, что непременно, вопреки обстоятельствам, мне стоит увидеть его снова и все-таки попытаться прочитать... А потом, с легкой душой, прицепить на булавку и поместить под стекло к своей коллекции павших жертвами моих чар альфа-самцов.

Дима

Мне казалось, что я буду помнить об этом всю свою жизнь. Наверное, каждый должен так обжечься хотя бы ради того, чтобы открыть в себе второе дыхание и двигаться дальше — по принципу «что не убивает, делает нас сильнее». Но время практически стерло этот эпизод из моей памяти за какие-то жалкие два года. Стерся горький осадок. Ярость. Ненависть. Боль. Остался только черно-белый карандашный набросок, без каких-либо эмоций и ощущений. И новая религия, которая сводила меня с жизни... с ума свела уже задолго до того.

Я до сих пор не люблю вспоминать об этом. Да, у нее были веские причины поступить именно так, а не иначе. Да, я сам отчасти был в этом виноват... Или не отчасти. Не имеет значения. Сейчас, оборачиваясь назад, я могу сказать — мне все равно. Это еще одна ступенька на пути к укреплению характера и жизненной позиции.

Что не убивает, то делает нас сильнее...

— Дмитрий Валерьевич, «Спортмастер» на линии, — Алла, менеджер по работе с клиентами, протянула трубку радиотелефона. — Они ожидают к концу недели поступление новых орби-треков с улучшенным дизайном, готовы предоставить по спеццене.

Уфф... Четвертый звонок за сегодня. А ведь я заехал в офис ненадолго — просмотреть калькуляции и подписать договор с консалтинговым агентством. Ну, еще проверить почту. Никея прислала рекламную пропозицию раскрутки зала. Зря. Я не путаю работу и Тему. Это негласное правило, но она любила их нарушать, словно бросала мне вызов. Не хотелось думать, что я когда-нибудь все-таки его приму. Только что мне делать с этой Доминой? Напиться до чертиков? Ничего иного все равно не выйдет.

Пятый звонок. Машинально сверяя столбики цифр калькуляции и без интереса выслушивая оправдательный лепет коммерческого директора на том конце провода, я пришел к выводу, что результаты по итогу прошедшего месяца более чем удовлетворительные. Откровенно говоря, они были даже высокими. Но факт оставался фактом — вырасти они хоть даже втрое, в глазах отца это будет показатель «ниже среднего». Возможно, это было с его стороны обычным самодурством. Но, не исключено, он стимулировал меня подобным образом, вынуждая держать высокую планку.

Я набрал Вовку, разговор занял не более трех минут. Зубы сводило от желания свалить из офиса. Команда сотрудников у меня надежная, проверенная временем, справятся сами, и беспокоить станут только в самом критичном случае. В какой-то момент подумал, не перезвонить ли кому-то из армии девчонок и не дернуть ли их с собой в кафе, но тут же отмел этот вариант. Не хотелось давать им лишнюю надежду, а интеллекта у этой гламурной

армии вряд ли хватит для понятия некоторых материй.

Вован скучал за стойкой, медитируя на бутылку «ХО». Вообще-то, мне за руль, но операторы машинного доения боятся моих номеров как черт ладана, спасибо отцу. Я окинул взглядом приглушенный легким полумраком зал и поймал себя на мысли, что не мешало бы слетать отдохнуть куда-нибудь. Тут, в городе, все время одно и то же. Даже тематические тусовки замерли, словно в ожидании летних мероприятий, да и новых лиц там уже год как не наблюдалось. Сайтами знакомств я не пользовался из принципа, хотя, пройдет еще полгода, буду готов и к этому.

— Зацени, — Владимир кивнул в сторону столика в алькове. Я без интереса проследил за его взглядом. Три девчонки резво поглощали суши и что-то весело обсуждали.

— Да ты только посмотри на ее буфера! — взгляд Вовкина поплыл. Похоже, ничего более осмысленного от него теперь не добьешься. Кукольно красивая блондинка, которой, судя по всему, и предназначался этот эпитет, скользнула по нам смущенным взглядом и тут же, сориентировавшись, трогательно хлопала длинными ресницами. Я разочарованно выдохнул. Красивая, даже очень, но блин, снова безынтесный шаблон! Две другие, словно по команде, повернулись в нашу сторону, и мы попали под перекрестный обстрел трех пар глаз. Первой прекратила сканирование сидящая к нам спиной девочка; блондинка зазывно улыбнулась Владимиру, а я настолько заинтересовался их примитивным бессловесным флиртом, что непроизвольно вздрогнул от дискомфорта ощущения. Вторая брюнетка беззастенчиво смотрела мне прямо в глаза, но на ее лице не было даже намека на улыбку. Взгляд дерзкий, словно изучающий недостойный товар в витрине бутика. Что-то проснулось во мне, прогоняя скуку. Азарт. Пряча улыбку, я ловко захватил ее взгляд своим. Все. Теперь не отпущу.

Я не мог бы сказать, что она красавица.... Яркая — да, сексапильная — да, но было нечто, что возвышало ее в несколько раз на фоне картинно красивой подруги, — брюнеткам всегда присущ необъяснимый шарм, окружающий их, словно невидимым шлейфом. Но больше всего цепляли ее глаза — к сожалению, я не мог разобрать их цвета в полумраке алькова, — но ощущение гипнотического транса и завуалированного вызова не исчезло. Яркая, наглая, дерзкая, но в душе жаждущая своего победителя стервочка... Этот имидж был тонко подчеркнут макияжем и стилем одежды. Никому подобное амплу так гармонично не соответствовало, как ей, — все попытки других знакомых мне девушек изобразить стервозность разлетались вдребезги и выглядели нелепо. Она мне понравилась. Юная хищница, знающая себе цену, не побоявшаяся бросать вызов окружению. Я с удивлением осознал, что этот дьявольский взгляд, которой мог лишиться воли кого угодно другого, вызвал у меня что-то похожее на нежность. Параллельно с... С тем, в чем я признаюсь себе только через пару месяцев.

Резко захотелось пить, я машинально перевел взгляд на бокал коньяка, и тут же мысленно отругал себя за проявление слабости. Вновь взглянул на нее, но девочка больше не смотрела на меня, оживленно переговариваясь с подругами, сопровождая разговор быстрыми жестами. Вован кивнул, и я ответил ему тем же. Он даже слегка удивился такому повороту, особенно после того, что я ему сказал. Прости, друг, это моя охота. Свободен.

Брюнетка вновь повернулась в мою сторону, откинула челку со лба... и я едва удержался на ногах. Адреналин ворвался в сознание, сметая все преграды, требуя взять свое немедленно, не взирая на обстоятельства. Она бросала мне вызов! Что ж, я его принимаю просто с нереальным удовольствием. Таковую дерзость нельзя оставлять без внимания.

В два шага я подошел к их столику. Вован, прихватив бутылку с бокалами, рванул следом. Он не ожидал от меня такой инициативы, но я игнорировал его возмущение. Брюнетка даже не вздрогнула — если ее обе подруги сразу потерялись, она осталась совершенно невозмутима.

— Добрый день, леди. Скучаете? — я сразу задал своему голосу доминантный оттенок, от которого она должна была как минимум растерять остатки высокомерия, как максимум... я все же скрыто надеялся на ее хотя бы косвенную принадлежность к Теме, хотя и понимал, что такого быть не может. Триксель на цепи жег кожу. Надо засветить его как-то, словно случайно, и посмотреть на реакцию.

Ожидания, похоже, не оправдались. Ее большие глаза полыхнули холодным огнем, спина гордо выпрямилась. Ха, малышка не носит лифчик. Занятно.

— Молодой человек, вы так замечательно куда-то шли...

Что ж, я ожидал чего-то похожего. Брюнетка по-прежнему дерзко смотрела мне в глаза, пряча за дерзостью неопознанный испуг, очевидно. По крайней мере, мне хотелось так думать. Я подавил желание оттянуть ее голову за волосы назад и предупредить, чтобы сменила тон... Как же все сложно за пределами клуба...

Я этого не сделал. Просто держал ее взгляд и ощущал, как горячая волна затапливает позвоночник, сметая преграды контроля на своем пути. Ее эротизм разил наповал. Хотя вряд ли она сама осознавала, какой шквал эмоций вызвала у меня ее дерзость. В том, что мне захотелось сделать с ней в тот же момент, я побоялся озвучить даже сам себе.

Вован вовремя разрядил обстановку своим испробованным методом «от нашего стола — вашему столу» — бутылкой красного шампанского. Этот ход всегда срабатывал, и блондинка сразу решила вопрос в нашу пользу...

Итак, брюнетку зовут Юля. Что ж, я знал девчонок с таким именем. Обычно крэйзи по жизни, все настоящие чувства глубоко внутри, и достать их из этого сейфа подчас просто нереально. Да и жизнь к ним обычно благосклонна, эгоизм спасает. Но не это главное. Она бросила мне вызов, азарт охоты уже всю бурлил в моей крови, и только усилием воли удалось прогнать яркие картины покорения этой неприступной крепости и методов, после которых, без сомнения, дерзости бы в ней поубавилось.

Чуть позже я ощутил, что Юля безошибочно уловила мое настроение. Я кожей ощутил ее напряжение и попытки скрыть замешательство. В ее все таком же дерзком взгляде иногда мелькала неопределенность, вызывая у меня чувство глубокого удовлетворения. Возможно, это даже был страх, причина которого была не понятна. Что ж, девочка, все правильно понимаешь. Впрочем, бояться тебе пока нечего, не в моих правилах требовать от человека того, к чему он просто морально не готов.

Но она на удивление быстро взяла себя в руки. Ее взгляд потеплел, иногда в нем скользила какая-то трогательная, почти детская беззащитность. Она ощутила власть! Хотя не вполне понимала, что же с ней происходит. Я отпил шампанского и с удовольствием осмотрел ее фигуру. Хороша... Тут мой расслабленный взгляд скользнул по эффектному украшению в виде широкой металлической полосы на ее высокой шее. Бокал едва не треснул в сжавшейся ладони, и я поспешил поставить его на стол. Сердце забило как ненормальное, качая кровь в обратном от мозга направлении. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, не обращая внимания на достигший критической отметки пульс, я, как замороженный ухватился пальцами за металл в миллиметре от ее сонной артерии, с трудом поборов искушение притянуть Юльку к себе и выпиться в ее слегка пухлые губы властным

поцелуем хозяина. Сталь запыхала под моими пальцами. Словно в состоянии легкого опьянения я отпустил его.

— Очень красивое... только... похоже на ошейник.

Я не соображал, что говорю. Наверное, меня даже слегка накрыло в тот момент. Как я мог вообще так потерять контроль? Представляю, каким психом я выглядел в ее глазах. Но обошлось, Юля уже который раз за вечер удивила меня — запрокинув голову, она заливисто рассмеялась. Я так и не понял, что ее развеселило, но лучшего варианта, чтобы сгладить инцидент, нельзя было придумать. Отпустило. Я с ходу рассказал ей какой-то свежий анекдот, она подхватила веселье, что-то увлеченно рассказывая о студенческих приколах, которые, как оказалось, были до банальности универсальны.

Дальше был просто провал в памяти. Я еще помнил, правда, смутно, наше бегство из кафе, и то, как осуществил наконец свое желание. Ее губы были мягкими и обманчиво податливыми. Страсть кипела в ее крови, придавая поцелуям соблазнительную агрессивность. Да, мне стоило адских усилий не поддаваться на эту провокацию. Я с трудом настроил себя на нежность. Ее близость сжигала мое хладнокровие, и только шаг отделял меня от того, чтобы переступить эту черту прямо сейчас. Накрутить на руку эти блестящие длинные волосы, рывком кинуть на колени, при этом глядя, как растет страх в ее больших глазах... Наверное, она бы не плакала... Но и не подчинилась бы сразу...

Капец, Дима, возьми себя в руки!

Может, я слишком сильно сжал ее в объятиях, потеряв контроль. А может, шестое чувство помогло ей уловить мои адские мысли. Я наблюдал, как она отчаянно рылась в своей сумке в поиске сигарет. Она испугалась. Это был явный повод для бегства.

... Я должен выкинуть эти мысли из головы. Раньше мне это удавалось без труда. Что же происходит? Эта девочка едва не выпустила моих демонов наружу. Надо исправлять ситуацию, но как?

— Юль, что-то не так?

Она что-то пролепетала в ответ насчет моей поспешности, но вряд ли все дело было именно в этом. Легкая паника охватила меня. Уже не рассчитывая на утвердительный ответ, я поинтересовался, увижу ли ее снова.

Увижу! Огни города внизу вдруг зажглись еще ярче. А ветерок из пронизывающего стал почти ласковым.

Я отвез ее домой. Записал номер ее телефона.

На прощание снова поцеловал, очень нежно, лишь мимолетным касанием губ и языка. Этот ангел не заслужил жестокого обращения. В эту ночь я долго не мог заснуть. Воображение занималось изобразительным искусством, рисуя картины одну похлеще другой. Я ничего не мог с собой поделать. Да и, видимо, уже не хотел.

Черт, я хочу ее. До сумасшествия. До дрожи в коленях. Хочу растоптать ее показное высокомерие и в то же время защитить от всей жестокости, какая есть в этом мире. Или... или от самого себя? Я хочу целовать эти сладкие припухшие губки. И, кажется, хочу делать это нежно... время от времени... а впрочем. Все равно, как. Я готов притвориться тем, что ей ближе, лишь бы подчинить ее... Сделать все, что она захочет...

Конечно. Я обманывал себя. Все будет. В конечном итоге все будет, но только так, как этого захочу Я!

Юля

— Привет, девчонки!

Ленка вздрогнула и подскочила, едва не опрокинув кофе, и окинула меня сладко-затуманенным взглядом. Я уже знала, что именно это означает. Вчерашний вечер явно продолжился в постели, и оба участника забега остались этим очень довольны.

Чего не скажешь обо мне.

Я крутилась в кровати около часа, перед тем, как заснуть. Объяснения этому не находила. Нервы были напряжены, как струна, а тело вибрировало от какого-то необузданного сексуального желания. От одного поцелуя, будь он неладен! Да что такого было в этом поцелуе, что у меня снесло крышу, и, похоже, сносит до сих пор?! Не первый раз же поцеловали!

Я помнила его дикую, почти первобытную властность. Вопреки всем законам самосохранения, страх быстро перерос в возбуждение. Это дико бесило, ведь я привыкла держать ситуацию под контролем! Управлять мужчинами и оборачивать их слабости себе на пользу. Наслаждаться видом потерявшейся у моих ног жертвы. Обычно стоило лишь притопнуть ножкой, и очередной кандидат вылезал прочь из кожи, стремясь подняться меня на пьедестал и выполнить любое желание. А тут вся система дала сбой, и земля уходила из-под ног. Ведь с ним игра началась не по моим правилам. Этот человек сам был лидером, я осознала вчера это очень хорошо. Нежность его поцелуя была призвана лишь усыпить мою осторожность. Блин! Не поддамся. Вот сегодня перезвонит, и я ему покажу. Буду такой стервой, которой мир еще не знал. Посмотрим, кто кого! У меня тоже есть зубки!

Так и будет. Конечно же... Но что, вашу мать, делать с этим невероятным сексуальным влечением?! Да моя сексуальность просто вырвалась из-под контроля, грозя затопить здравый смысл. Я вчера непроизвольно выгибалась на постели, с трудом подавив желание позвонить Вадиму. Он бы все равно не приехал, а свобода наших отношений была бы потеряна напрочь.

Короче, ночка выдалась еще та. Утром, на грани рассвета, я проснулась от собственного крика, как раз за секунду до того, чтобы успеть взлететь на финальных волнах яркого оргазма. Конечно, не запомнила, что же именно мне снилось, но в сознании сразу всплыли его властные холодные глаза. Какое-то наваждение. И как от него теперь избавляться? Заснуть все равно больше не получалось, и, дабы не терять времени, я час протанцевала джаз-фанк под записи своих тренировок. Затем, приняв контрастный душ, выпила три чашки кофе прямо на лоджии в мягком свете приближающегося весеннего утра. Город просыпался. Но, наблюдая эту картину, я не ощущала прежнего удовлетворения. Страсть не отпускала мое сознание, как себя не уговаривай.

— А ты тоже не выспалась! — чему-то обрадовалась Ленка, протягивая мне чашку горячего эспрессо. И когда это она успела метнуться к автомату? — Было что-то? Сколько раз?!

Я машинально отхлебнула глоток. Только бы не свалиться от передозировки кофеина! Но волнение было приятным, хотя сознание и металось, выбирая между удовольствием и протестом.

— Лекс, у нас ничего не было. Так, пара поцелуев.

— Ага. Только ты не сказала где именно. Ниже пупка?

Эля насторожилась и внимательно посмотрела на меня.

— Шлюха ты, Лекси, — беззлобно огрызнулась я. — Говорю же — не было ни-че-го!

Нефиг всех косить под одну гребенку!

— Да? А с чего это ты так принарядилась? — Элька тоже умела быть сукой иногда. Я провела рукой по черному платью с V-образным вырезом, сидевшим, как вторая кожа. Наверное, еще было рановато в плане погоды, но я уже нацепила тонкие чулки и ощущала себя богиней.

— Да, а где поводок? — подхватила Лекси. — Ты освободилась и сбежала?

Я вздрогнула и недоуменно посмотрела на нее. До меня не сразу дошло, что она стебается с моего вчерашнего колье. Как же часто я потом вспоминала ее вроде как ничего не значащие слова, оказавшиеся на самом деле пророческими! Впрочем, долго злиться на этого белокурого, счастливого после явно отменной дозы качественного секса эльфа я не умела, да и не хотела.

— Слушай, он вообще-то на маньяка похож, — закуривая, выдала Элька. — Ты видела его глаза? В них ни одной эмоции как будто. Я бы не хотела встретить его в темной подворотне! Хотя он красивый маньяк, но ты смелая, вообще...

— Да, есть немного, — признала я. — Впрочем, целуется он классно.

— Ну у них это общий знаменатель, потому что они друзья! — довольно сморозила Ленка. — Девочки, а можно мне тоже сигарету? Ну, пожалуйста!

— Тебе же поплохее, деточка! — Лекси не курила, разве что под алкоголем с экстази. Впрочем, я угостила ее без долгих нотаций.

— А ты дай — и отойди! Короче, мы приехали вчера, значит, к нему домой, я пошла красить губы, ремонт у него так себе, коралл вышел из моды, но тачка ничего, тоже джип, но, пока я красила губы, он разлил шампанское, я вернулась, а там свечи куда не глянь, он в одних джинсах и говорит что это типа просто романтический ужин отметить знакомство, и если я не захочу, то он не будет настаивать на сексе, а я такая, в общем, смотрю на него и говорю...

— Много текста, давай нам сразу цифры! — встряла Элька. — Длина. Количество. И счет.

Ленка закатила глаза и вновь нырнула в свои улетные воспоминания. Я ощутила кожей пристальный взгляд молодого препода по правоведению и поспешно изобразила смущенную улыбку, опустив голову и поглядывая на него из-под опущенных ресниц. Я ему сдавала зачет на первом курсе. Это было весело. Хоть я и не прогуливала эти лекции, но ничего умного в моей голове не осело из-за его мутной манеры излагать лекционный материал. На экзамен я явилась в тонком шелковом пиджачке и без бюстгальтера, с мастерски нарисованными темными кругами под глазами якобы от недосыпа. Такой метод мало с кем прокатил бы, но для 28-летнего аспиранта было в самый раз... Он широко улыбнулся перед тем, как покинуть сквер, а я осталась в легком недоумении — почему-то этот инцидент, именно сейчас, оставил какой-то тревожный осадок. Логическая цепочка могла бы быть легко прослежена, но мне лень было это делать.

По пути в аудиторию мы столкнулись с Улиткой. Видимо, заметив меня с расстояния двадцати метров, он, на удивление быстро сориентировавшись, показательно зажал у подоконника смазливую первокурсницу, натянув при этом гордую маску игнора. Я ощутила злость, но все же, не уронив лица, за компанию с девчонками громко расхохоталась. Вот

вроде бы и очевидная показуха, но настроение скатывалось в минор, цепляясь за любой повод. А их было предостаточно. Главный прикол дня догнал меня в дверях аудитории. Партия лузерш ожесточенно мыла кости «сучке Беспаловой». То есть мне. На повестке дня — озвученный вчера мой зачет-автомат по психологии.

— Я тебе говорю, она Карпову минет делала, когда все разошлись по домам!

— Точно, у нее и губы соответствующие!

— Это силикон! Они не ее...

— А с виду, не подходи — убьет...

— Да точняк, вы вчера ее видели после пар?

— Да потому и не видели, что они в деканате закрылись, и... шлюха она конченная!

Лекси замерла, посмотрев на меня, как на самого несчастного человека в мире. Элька презрительно улыбнулась в предвкушении кровавой развлекухи. Но я царским жестом велела обоим оставаться на месте. Удар был сильным, но отбить его сил хватило.

— О, Говорова! Что, в селе воду выключили в реке? Ты когда последний раз мыла голову?

Клуши замерли. Не будь такого шока от внезапного разоблачения, шлепнулись бы на колени. Я, окинув их презрительно-брезгливым взглядом, бесцеремонно уселась на край стола. Чужие конспекты как бы случайно шмякнулись на пол, но никто даже не осмелился проводить их взглядом, не то, что поднять и что-то мне ответить.

— А чего вы заткнулись? Вы же что-то так интересно обсуждали... Расскажите и мне!

Элька с Леной все же не пожелали пропускать шоу и оставаться наблюдателями. Элла со зверским выражением личика, от которого лично у меня, будь мы по разные стороны баррикад, застыла б кровь, подошла и ловко выдернула стул из-под жирной пятой точки Маруси, демонстративно уселась, скрестив ноги, и, игнорируя офонаревшую жертву, повернулась к другой участнице дискуссии.

— Юлька, зацени новый тренд в мире маникюра! — она почти выкрутила руку побледневшей Лежневой. — «Обгрызной» называется! Юлька, тебе твой мастер не делал, нет? Бросай его нафиг, он не рубит фишку!

— Да мне некогда было маникюр новый опробовать... Я же Карпову минет делала! За «автомат». Кстати, идея... может и вас, овцы, этому научить? Я могу, мне не жаль! Вам даже больше повезет. Карпов вляпает три автомата только за то, чтоб такие крокодилы к нему не приближались! Ну, так что?

— Сука, — одними губами прошелестела опущенная Говорова. Я услышала. Но стоило мне только посмотреть на нее, как бедная девочка вылетела прочь из аудитории, не разбирая дороги.

— Значит, так, овцы драные. Вы теперь в нашем списке смертников. Ясно? — Эля была серьезна, как никогда. Ленка издевательски хихикала. Я заметила блеск в ее глазах, усиливающий манию величия в несколько раз, и приготовилась к новому представлению.

— Костик! — она выпятила грудь и обаятельно улыбнулась Костяну, лениво играющему новым «X-regia». Тот моментально расплылся в ответной улыбке. — Твое приглашение на кофе еще в силе?

Говорова побледнела. Я наслаждалась ее реакцией с каким-то садистским удовлетворением. Элька подхватила пальцами чужую потрепанную косметичку и так же спокойно разжала пальцы над полом.

— Сиди спокойно, лузерша! Что ты можешь ему предложить, подумай сама? Нулевой

размер груди или хранилище целлюлита?

Да, Эля знала, куда бить — Говорова сохла по Костику с первого курса, и совсем не умела скрывать это от окружающих. Она не могла отвести взгляд от Лекси, а та, в свою очередь, эффектно наклонилась, практически уместив свою грудь в ладонях смазливового одноклассника. Тот уже, по ходу, поплыл, его глаза блестели, как фары автомобиля в ночи.

— Какая классная пара! — почти искренне выдохнула я. — Все давно поняли, что Лекс ему нравится, но он был таким нерешительным...

Говоровой поплохело от моих слов. Пора было добивать.

— Ну, так кто там и у кого отсосал? Ты оглохла, что ли?

Подействовало с первой попытки. Слава богу. Ситуация в стиле комедии «Дрянные девчонки» начинала напрягать, несмотря на кажущуюся веселость.

— Юль... ты это... извини, пожалуйста...

Хм, бальзам на мои ушки.

— Не слышу! — повысила я голос, с трудом подавив желание ухватить эту тварь за редкие волосы неопределенного цвета. Выброс пара не спасал. Я только больше накручивала себя. Да что же, в конце концов, со мной такое?! Откуда эта долбанная уязвимость? Микс злости и обиды грозился прорвать защитную оболочку.

— Прости! — сквозь слезы прошипела Говорова и, успев ухватить сумку, выбежала прочь. Епт, какие мы нежные... Ага. Ленка поцеловала Костика. Отнюдь не по-дружески. Я-то думала, что ее сопли из-за моего авторитета... Перевела взгляд на все время молчавшую Нельку, но та только подняла руки в примирительно-жалком жесте.

— Лузерши, — выдала я, усаживаясь за парту. Лекси с Элей примостились рядом. Они явно получили удовольствие от стычки, чего не скажешь обо мне.

— Слушай, а давай их отдрессируем? При правильном подходе они до конца обучения будут нам кофе готовить и курсовые строчить! — Это Элька. Новый реформатор. — Эй, Юльчатая, как идея?! Ты чего?

Я сжала губы и рассеянно замотала головой.

— Ничего. Просто кофе перепила, голова болит.

— Только не говори, что это из-за них! — Ленка протянула мне конфетку, которую я, не глядя, машинально положила в рот.

Настроение испортилось. Но трудно сказать, почему. Наверное, это было предчувствие, чего-то не столь серьезного, сколько неприятного. С женской завистью я знакома не понаслышке. С детства, сколько себя помню, в любой девчоночьей компании я считалась изгоем, понятие «подруга» до 9 класса для меня было незнакомо. Хорошо помнила бойкоты, сплетни и подставы в классе, вместе с тем повышенное внимание мальчиков, которые, впрочем, ухаживали за мной несколько своеобразно — с синяками я после такого флирта не расставалась долго. Кажется, это произошло после того, как я отказалась дружить с первым плохим парнем класса. Да просто дружба в его понимании предполагала совместное потребление алкоголя и наркоты. Не стоило, по сути, обвинять в чем-либо мальчишек с их ранним комплексом неполноценности, да и дело было в другом — в том, с каким восторгом и злорадством девчонки подхватили начавшуюся против меня травлю. Каждая буквально захлебывалась от мстительного восторга. Но втайне до смерти желала оказаться на моем месте! Да, я прошла через многое. И анонимки классному руководителю с описанием моего якобы аморального поведения, исправление оценок, надписи на стенах дома и школы... сейчас я не жалела о таком повороте. Именно школьные годы выковали мой характер.

Не считая Эльки и Лекси, с которыми у нас ни разу не было повода ломать кирпичи о голову, у меня была еще одна подруга, тоже с именем Лена, которая жила в Феодосии. Ее одну я могла назвать своим настоящим другом — яркая, сногшибательная в моем понимании брюнетка, похожая на меня и характером, и даже внешностью немного, девочка редкого ума и находчивости. Находясь здесь по долгу учебы, я страшно по ней скучала. Нашей дружбой мы опровергали теорию наших бабушек, гласившую, что подруга никогда не должна быть красивой. Это все заблуждения. Красивые девчонки уверены в себе и не нуждаются в унижении себе подобных. Они, как правило, самодостаточны и всегда в гармонии с собой и окружающим миром. А злость, зависть, лицемерие и прочий букет как раз свойственен менее уверенным в себе особям при красивых подругах. Часто, выбираясь куда-то, мы могли восхититься красотой или стилем другой красивой девчонки, и ни разу не возникло ничего похожего на зависть или недоброжелательность. У красивых девчонок есть всегда чему поучиться, что подсмотреть и обыграть для себя, да и просто держать свою планку очень высоко, и не расслабляться до того, чтобы выйти из дому с облезшим маникюром или без эпиляции. Блин, Лесик, что ж ты так далеко...

Я тряхнула головой. Лекция уже минут пять как началась. Девчонки сосредоточенно что-то конспектировали, а Говорова в углу расстроено шмыгала носом.

...I dont care...

Наверное, еще через пару лет жизнь закалит меня так, что я перестану реагировать на подобные мелочи, а пока буду просто пытаться их игнорировать.

После лекции я на автомате выкурила пару сигареток. Автоответчик выдал три сообщения о пропущенных звонках. Лена, легка на помине, мама и еще один друг, желающий пригласить на чашку кофе. От Димы ни слуху, ни духу. Веселый денек! Но ведь еще не вечер. Позвонит по-любому. Я же вижу, что зацепила его вчера! Хотя, может, из-за того, что я вечером слегка испугалась. Так, самооценка, ввысь!

После пар мы снова зависли в «Кофеине». Я не помнила, какими именно аргументами девчонки воспользовались, чтобы вытащить меня с собой, но, в принципе, была им за это благодарна. Мартини с пирожными (100 подходов пресса дома, потом) ощутимо подняли пошатнувшееся настроение. Спустя тридцать минут мы уже активно обсуждали новый фильм про вампиров, приправляя рассказ пошловатыми комментариями.

...I dont care...

В разгар вечера первой удрала Эля. Наверное, очередной ее бой-френд из тусовки фотографов был проездом в Харькове, об этом прямо кричали ее вмиг заблестевшие глаза. Я почувствовала легкий укол зависти, но рядом оставалась Лекси, и она просто фонтанировала оптимизмом.

— Рванули танцевать! — неожиданно выпалила она и потянула меня за руку. Я не успела опомниться, очнулась уже на танцполе.

Внимание всех посетителей кафе сразу оказалось приковано к нам двоим. Лекси не растерялась и, театрально улыбнувшись, задвигалась под ритмичную композицию Рианны. Как всегда, ее грудь плясала вместе с ней. Как-то сориентировавшись, я вспомнила основные танцевальные движения и автоматически унеслась в ритм джаз-фанка, забыв даже про высокие шпильки. Музыка постепенно захватила, ток азарта бенгальскими искрами пробежал по жилам, и тело ожило, подчиняясь чувственной музыке. Аплодисменты начались практически сразу, и никто не удивился, когда спустя минуту к нам присоединились пара студенток, высокий парень с фигурой балетного танцора и эффектная

женщина без возврата. Мои волосы давно прорвали блокаду укладки, щеки пылали, и я жадно пила энергию драйва и всеобщего внимания. Песня закончилась, и никого не удивили искренние аплодисменты. Мы смотрелись, должно быть, нереально эффектно — ангел тьмы и света, брюнетка и блондинка с красивыми телами и завораживающей кошачьей грацией. Я даже не удивилась, когда, вернувшись к столику, мы получили бутылку шампанского от заведения и десерт от кого-то из соседних столиков. Скопив глаза, незаметно оглядели щедрых «одаривателей» и синхронно скривились в разочарованных чувствах. Никаких знакомств не хотелось.

Лекси что-то рассказывала о новой косметике, когда телефон выдал резкую трель.

— Это же мой! — мы, не сговариваясь, вчера закачали одинаковый рингтон на наших новых знакомых. Да и не будь его, я бы догадалась по ее распрямившимся плечам и блеску в глазах, кто именно звонит. Закончив разговор, она кинула на меня виновато-умоляющий взгляд.

— Юлька, прости... я просто...

— Да иди. Не примазывайся!

Объяснять что-либо вообще не следовало. С трудом сдержав стон разочарования и обиды от того, что такой обещавший стать приятным вечерок так внезапно накрылся, я поспешила рассчитаться и встать, прихватив с собой бутылку шампанского. Остаюсь я тут, меня растерзают жаждущие познакомиться.

— Я все поняла. Пью сегодня дома. В одиночестве.

— А вы с этим разве не?..

— На сегодня мы не договаривались, — ложь слетела совсем беззаботно, эмоции скрыть удалось.

— Ну и правильно, ты его там пробей по базе, что ли... он то ли на гангстера, то ли на инопланетянина похож! — выдала Лена полет интеллекта.

... Этим вечером Дима так и не позвонил. Да, Беспалова, давно тебя так не обламывали. Не всем, видимо, быть у твоих ног. Ну и хрен с ним. Кому он, спрашивается, этим хуже сделал? Да мне все равно! Абсолютно! И вообще, девчонки правы, мутный он какой-то. И этот блеск в глазах. И эти замашки властелина вселенной. И мое беспокойство, да и вместе с ним ощущение какой-то покорности, словно под легким гипнозом. Случай отвел, и слава богу. Не он первый, не он последний. Все, что не делается, то к лучшему.

В который раз уже... I dont care...

Дима

Коньяк обжег глотку. Пожалуй, мне хватит на сегодня. Я приглушил звук телевизора, осознавая, что мне не удалось. Ни капли. Выбросить ее из головы оказалось непосильной задачей.

Почему не сработал закон взаимозаменяемости, я понять не мог. Более того. Прежнее чувство контроля изменило мне сегодня, и алкоголь был тут ни при чем. Это беспокоило, и я, кажется, понимал истоки такого чувства, но все же...

Вика, в одном махровом полотенце на хрупком загорелом теле, замерла в дверном проеме, держась за косяк двери. Глаза псевдо-страдальчески закатаны вверх. Нижняя губа прикушена. Артистка! Ей было все равно, и страдания не было ни грамма — выдавал взгляд, в котором мерцал лихорадочный блеск офигевшего восторга.

Я поднял глаза, пристально разглядывая ее и пытаюсь более вдумчиво считать чужие эмоции. Может, она вовсе не играет? Может, я зря так жестоко к ней настроен? С мнимыми

тематиками всегда тяжело. Даже если они сами этого хотят. Теперь я в ее глазах просто монстр, сорвавшийся с цепи. Выглядит вполне офигевшей от моего поведения... почему я не хочу даже допускать таких мыслей?

— Вик, иди сядь. И скажи что-нибудь.

Придерживая полотенце на груди, она неспеша, глядя в пол, приблизилась и эффектно, но как бы невзначай, упала на колени. Я ощутил кожей прикосновение ее пальчиков к моим ногам. Это вызвало чувство усталости. Игра. Развод на эмоции... и на деньги, если быть честным с самим собой.

— Девочка, встань. Сессия окончена. — она зажмурилась и замотала головой.

— Все, я сказал. Встань! Можешь говорить, я тебя слушаю. Внимательно.

Вика ловко поднялась на ноги, где только слабость делась, и, пряча улыбку, опустилась в кресло. Мне сейчас следовало, игнорируя ее довольный вид, пожалеть, наговорить всякой чуши о любви, вручить в зубы пару сотен баксов и отправить восвояси. Хотя нет. Сказать, как мне жаль, что это больше не повторится, и пообещать на ней жениться. А потом навсегда запретить себе звонить ванильным партнершам, когда хочется безжалостного Д/с. Иначе этот вынос мозга ничем хорошим не закончится.

— Дима, все нормально. Мне было хорошо, правда.

— Уверена?

— Да.

— Я еще раз спрошу. Тебе было плохо сегодня?

— Нет, ты же знаешь! Нет! Ну, я просто немного испугалась в начале, и все, ты сегодня был более агрессивным... раньше так себя никогда не вел...

— Виктория. — Она вздрогнула от моего тона. — Я никого ни к чему не принуждаю против воли. Я тебе уже сто раз об этом говорил. Простого «нет» было бы достаточно.

Девушка мотнула головой и закрыла лицо руками. Могло бы сработать, если б я не увидел, как засверкали ее глаза от удовольствия от просчета вариантов манипуляций на моей слабости. Девочка, где и когда ты видела слабость?

— Ну, прекрати. Ром будешь? — я сдержал порыв резко тряхнуть ее за плечи и приказать прекратить театр.

— Д-да...

— Отлично. Мне тоже плесни.

Вика слегка оторопела от подобного поворота, но безропотно подчинилась. Чересчур грациозно, словно на сцене, забыв на миг, что положено имитировать слабость. Когда она протянула мне бокал, ее улыбка была почти искренней, и от того, как ни странно, трогательной.

— Держи. — Она хлопнула ресницами и откинулась на подушки. Я бесцеремонно, взглядом хозяина рассматривал ее. На чувствительной коже груди таяли отпечатки моих пальцев, губы припухли от терзающих поцелуев, а на запястьях все еще розовели яркие полосы. Не стоило рваться из наручников, это же тебе не пушистая игрушка из секс-шопа, а спецзаказ, не вырвешься. И предупредил об этом честно. Да уж, удел ванилек — шелковые шарфики и раз в год. Хотя, плюньте мне в лицо, те, кто скажет, что она осталась недовольна. Выгодный обмен, меня тоже не слабо раскрутила на эмоции.

— Без сабдропа, детка? — нейтрально осведомился я. — Без обид, в смысле?

Ответа не последовало, это была еще одна театральная попытка выбить у меня раскаяние и поток извинений. Не тот случай, милая, ты же совсем не чувствуешь себя

обиженной, даже наоборот, твоя скрытая готовность к подчинению написана поперек твоего красивого лобика, но ты упорно это отрицаешь. Не тот случай!

— Я просто не понимаю... Это потому что я не пошла с тобой на ту вечеринку, да? Прости, я правда не могла... Но я хочу понять, что это было сегодня...

— Девочка, все. Этого больше не повторится. И не пытайся грузить меня психоанализом. У тебя для этого недостаточно знаний.

— Дима, если у тебя проблемы в клубе и тяга к садизму, это еще не значит, что я... что я... — заорала было Вика, но тут же осеклась. Наверное, впервые испугавшись за весь вечер. Но не потому, что я мог бы сейчас повторить экшн и реально нанести ей душевную травму. Все гораздо проще, примерно так: «Милый/виноватая бессердечная сволочь, я видела/щупала прикольное золотое/платиновое кольцо/браслет с хризолитом/жемчугом, которое бы прекрасно смотрелось на моем пальце/запястье». А высказывая свое недовольство, она лишалась шанса поиметь взнос на подобную цацку.

Я ощутил усталость. Который раз за сегодня.

— Вика, я спать хочу. Давай вызову тебе такси?

— Да! Вызывай! Если честно... мне страшно с тобой оставаться! правда! — Одеда маску жертвы девочка. — Вызывай.

— И не жди оправданий, их не будет. И объяснять я ничего сейчас не хочу. Ты знала с самого начала, одно слово — и я прекращаю. Ты меня не остановила, поэтому заканчивай драматизировать ситуацию.

— Но ты бы не остановился... я просто видела твой взгляд....

— Не городи чушь. Я не насильник. Это значит только одно — ты не захотела меня останавливать. — Я нажал вызов службы такси. — И, будь добра, на будущее, избавь меня от повторного выноса мозга. Я предлагал тебе свой ошейник, и не раз. Ты отказалась принять звание сабы, значит, я за тебя не в ответе.

— Я смотрела ролики в сети! Я знаю, что означает ошейник! Там та-а-акое!!!

— Да, но ты проигнорировала всю информацию, которую я скинул на твою флешку. Интереснее смотреть жестокое порно, которое не имеет с Темой ничего общего? Безопасность, разумность, добровольность, Вика. Но там очень много букв, правда? И так мало картинок. Диспетчер меня заверил, что машина будет через пять минут. Вика, пунцовая от обиды, кинулась поспешно одеваться. Я ощутил всплеск нового возбуждения при виде тонких полос от флоггера на ее спине, но взял себя в руки. От него она и кончила, в итоге. Я поспешил закончить вечер на вежливой ноте.

— Вик, спасибо тебе.

Она замерла на миг, едва не вырвав «молнию» на юбке. Подойдя, я уверенным жестом опустил стополларовую купюру в карман ее лаковой сумки. Вика покраснела, но продолжила изображать неведение. Я лениво наблюдал, как она застегивает блузку. Будь на ее месте кое-кто другой, эта блузка уже спустя секунду валялась бы разорванная на полу. Если бы... но на это «если бы» у меня не было сил. Я боялся этого «если», как первоклассник директора... Да черта с два, я никогда его не боялся.

Звонок раздался, когда моя гостья почти застегнула высокие лаковые ботфорты. Служба такси работает быстро. Я понимал, что мне следовало обнять ее на прощание, поцеловать, просто не отпускать в таком подавленном состоянии — кто знает, как она пережила эту сессию на самом деле. Решившись, я сделал шаг.

— Вика. — Она произнесла это тихо, но до остроты отчетливо.

— Что? — не понял я, застыв на месте.

— Вика. Меня зовут Виктория. И уж никак не Юля.

Фак, как говорят американцы.

— Может, это часть твоих игр? Тогда знай, что я больше не хочу в них участвовать.

— Как хочешь. — Вика не была моей постоянной девушкой, мы встречались обычно пару раз в месяц для необременительного секса. Ее выбор. Ну да, позволяла себя связывать и даже находила в этом удовольствие, но принять настоящие правила вовсе не желала. Может, именно поэтому я с ней особо не церемонился. Тут убило другое.

То, что я потерял над собой контроль.

Юля уже прочно оккупировала мой мозг.

Дерзкая сучка с глазами ангела. Вот причина моих душевных проблем. Я должен был позвонить ей, а не замещать пустоту Викторией. Так было бы честно.

— Стой. — Я обхватил руками тонкое личико девушки и нежно, словно пытаюсь стереть недавнюю жестокость, коснулся губами ее припухших губ. Она не сопротивлялась, а спустя пару секунд робко ответила.

— Прости, — почти искренне прошептал я. Она счастливо улыбнулась и уже без напряжения поднесла мою ладонь к губам. Что-то из правил сабы она все же прочитала. Одни из первых.

— Забей...

Когда она выбежала за дверь, я минуту простоял, собираясь с мыслями, затем, неспеша приготовив кофе, вышел на балкон.

Мои апартаменты располагались в центре города. Я любил Харьков гораздо больше шумного Киева. И даже больше туманного Лондона, в котором прожил год вместе с матерью. С лоджии открывалась роскошная панорама ночного города, вдали светился органный собор, шпиль Госпрома и цепь развилок дорог в окаймлении сияющих огней. Против воли мой взгляд устремился в направлении далекой Алексеевки. Именно там жила Юля...

Где она сейчас? Чем занята? Сладко спит, забыв напрочь о вчерашнем знакомстве, или вдумчиво листает конспекты, наверняка трогательная и неузнаваемая в домашнем халатике и пушистых тапочках, или до одури танцует на очередном пати в ночном клубе, собирая восхищенные взгляды и опустошая бутылку кампари на троих с подругами? Я отогнал неприятную мысль о том, что она запросто может находиться в чужих объятиях и даже не вспоминать обо мне....

Ее дерзкие, вызывающие зеленые глаза не покидали моего сознания. В том, как далеко завели меня фантазии, трудно было признаться даже самому себе. Все было понятно, я отдавал себе отчет в том, чем именно она так вскипятила мою кровь. Вызов. Она бросила мне вызов. «Укроти меня, если сможешь». Она понятия не имела, с кем решила играть, и то, что я хотел с ней делать, ей могло разве что присниться в очередном кошмаре. Я был бы рад прогнать эти мысли. 19 лет, она совсем еще ребенок, несмотря на свое роскошное тело и бунтующую непокорность. Это ничего не меняло, я жаждал ее покорить вопреки всему.

День начался с мыслью о ней. Раз двадцать я тянул руку к телефону, стремясь набрать ее номер, но сразу отказывался от этой идеи в какой-то абсолютной уверенности, что перезвонит она. Что не говори, я к этому привык. Телефон предательски молчал. Что ж, займемся воспитанием. Она не получит все и сразу.

Пришлось сублимировать свою жажду обладания в спорт — отчасти это спасло

ситуацию, но уже на втором часу занятия лично взятый мной в штат тренер распорядился прекратить насилловать мускулатуру. Он был прав, ничего не попишешь, и все же я едва сдержался и только усилием воли не напомнил ему в грубой форме кто же в зале хозяин. Вместо него огребла Аллочка за глубокое декольте в адидасовской тенниске.

С этим наваждением надо было что-то делать. К концу полудня я уже почти ненавидел Юльку, сорвавший мою невозмутимость подобно урагану «Катрина». Малолетка, неужели она не понимала, по какому опасному пути собралась следовать? Я старался держать себя в руках, вот только ее поведение, пусть даже неосознанно, было абсолютной провокацией.

Это снова произошло — мои демоны вырвались на волю, сломав все замки. Я героически пытался убивать их на стадии возникновения... С моей религией это было сложно, изначальная покорность не возбуждала, я любил ломать сопротивление всегда, шаг за шагом, лишь потом думая о логичности методов. Вступив в клуб почитателей Темы, я перестал считать себя ненормальным, агрессия утихла, а мои желания отчасти реализовались на добровольных началах при согласии партнерш. Оказалось, можно обо всем договориться и не нарушить никакого баланса в природе. Я ощущал себя выше остальных. БДСМ недаром считался привилегией сильных людей и интеллектуалов, а уж никак не лузеров с комплексом неполноценности, как привыкли считать непосвященные. Первые несколько лет я был абсолютно счастлив, но потом... Мне стало мало. Тема становилась рутинной. Стоило переключить внимание на нечто другое, и я пока запутался в этом поиске новизны.

Еще с детства я знал об этом. Чего стоили детские игры... тогда это казалось смешно. Весело. Поймать девчонок, примотать веревкой друг к другу и чувствовать себя властелином вселенной. Когда в фильмах плохие парни убивали смазливых героинь, я скрежетал зубами от такого явного расточительства. А после первого просмотра прогремевшего на все постсоветское пространство сериала про рабыню Изауру со мной вообще случился культурный шок. На вопрос учителей в школе, кем же я хочу стать, когда вырасту, я уверенно отвечал — плантатором. А иногда — рабовладельцем. И не понимал, почему эти взрослые ученые тетки роняют челюсть ниже пола...

Марина появилась в моей жизни в конце 10 класса. К тому времени список моих любовных побед был самым большим в школе. С виду примерная девочка с глазами миндалевидной формы и ярко выраженными монгольскими скулами училась в гимназии, немного уступающей по уровню моей элитной школе, и, словно в насмешку над правилами с напускной серьезностью носила форму учебного заведения в стиле японских анимешек. Правда, укороченную до размера набедренной повязки.

Это чудо я впервые встретил у нас в доме. Спустившись к завтраку (мой завтрак после пьяной вечеринки начинался не раньше 13.00), я бегло поздоровался с маман, и тут увидел ее. Дочь маминой приятельницы. Девочка нашего круга. Она слегка смущенно оглядела меня, и мои руки инстинктивно дернулись за расческой, бритвой, рубашкой и чем-то там еще. Впервые за все время мне дико захотелось ретироваться и привести себя в порядок, чтобы потом предстать перед этой маленькой леди чуть ли не во фраке с бабочкой. Но мои метания прервал ее последующий взгляд. В нем уже не было смущения, только насмешка и нескрываемое превосходство — смотри, какая я беленькая, чистенькая и свежая, а тебе вообще не место тут, за чаепитием! Мама сегодня была с ней солидарна, и я удостоился ее визуальной атаки, которая при желании могла бы заморозить Сахару. Даже отец всегда терялся под таким взглядом, и я не мог разгадать причин этого.

— Дмитрий, выйди и появись, как положено! Что о тебе подумает наша гостья?

Меня словно ледяной водой тогда окатило. Волна унижения переросла в волну злости, и я сжал кулаки. Нимфетка сложила бантиком губы и презрительно улыбнулась. Это стало последней каплей. Я не помню, как стоял под стрелами бодрящего душа, переодевался, выбирал парфюм и не признавался самому себе, что делаю это не из правил приличия, а лишь потому, что хочу понравится этой девочке... Только б не ушла... Я должен заполучить эту дерзкую красавицу. Просто обязан!

Это был именно вызов. Тогда я испытал ни с чем не бывалый эмоциональный подъем, который пока не мог пояснить себе — мне хотелось ее подавить, сломать, насладиться своей властью и нежно зацеловать, закрывая плечами, одновременно. Спустившись, я настроился играть крутого парня, но против воли почему-то замкнулся в себе. Маринка сидела рядом, неестественно прямая спина, скука во взгляде, и лениво грызла конфеты. Мать прекратила вести светские беседы, заметив нашу реакцию друг на друга, и предложила поплавать в бассейне. Класс! Не давая опомниться, я уже тащил Марину за руку на крытую веранду, к бассейну с подогревом. Опомнился только у своей комнаты от потока отборного мата, выданного нежными девичьими устами. Хрупкая с виду девочка остервенело молотила меня по груди кулачками и слегка царапала короткими ногтями с нежным, почти детским маникюром.

— Офонарел, бля?! Если б не мамуля, я б тебе глаз на ж... натянула! Понты скоси, гиббон!

Я отпихнул ее от себя, почти заноса руку для удара, и тут меня накрыл смех. Марина растерянно заморгала. Интересно, мне показалось, что она напугана, или нет?! Не показалось. Она явно ощутила угрозу даже в моем хохоте.

— Я переоденусь... где можно?

— Да прямо тут. Что я нового увижу?

Марина залилась краской, глаза запылали яростью. Она поспешно сбежала вниз.

— Жду в бассейне! — тоном, не терпящим возражения, крикнул я. Успел переодеться в плавки, свистнуть с холодильника ликер «Шэридан» и даже сервировать у бассейна что-то типа столика с ликером и фруктами. Бокалы взять незаметно не смог, придется хлестать из чайного сервиза. Прошло минут 10, и я начал закипать, от одной только мысли, что меня нагло кинули. Ну ничего, я ее еще встречу и она выхватит свое! Стараясь унять ярость, я брассом метнулся от бортика бассейна к противоположному три раза. Первым, что увидел на финише, были неплохие, довольно сексапильные женские ножки в розовых вьетнамочках. Злость испарилась, уступив место почти злорадному азарту предвкушения. Я нарочисто расслабленно скрестил руки на бортике, упершись подбородком на скрещенные пальцы, и поднял взгляд выше. А девчонка действительно шик. В ярко-розовом купальничке, грудки маленькие, живот донельзя плоский, в юном теле ни грамма лишнего жира. Единственное, что немного расстроило — это ее длинные черные волосы, скрученные в узелок на затылке. Внезапное желание ударило как отбойный молоток, и я едва не выругался. Просто представив на миг, как хочу схватить ее за эту роскошную пока стянутую и скрытую от моих рук гриву и поцеловать властным поцелуем, словно оставить на этих тонких надменных губах свою печать. Причем сделать это, не меняя позы практически... опустив ее на колени...

Черт!!! Черт!!! Я не могу вылезти из бассейна после таких мыслей! Так! Запретить себе думать... так... что там у нас... престарелая англичанка в душе... Гаишник в стрингах... В

Зимбабве дети гибнут от холода... голода... там же жарко... уфф. Попустило. Кажется.

— Димас, сюда никто не зайдет? — Марина грациозно опустилась на борт бассейна, задевая бедром мой локоть. Я чуть не потерялся. Да, чика не промах, хоть и прикидывается паинькой.

— Меня зовут не так. Чтобы я больше этого не слышал. — Я даже не понял, откуда у меня взялся этот спокойный ледяной тон. В духе нашей мужской компании было высказать ей в грубой форме, или притопить прямо в воде, или же как-то высмеять. Но мое подсознание уже плевало с высокой крыши на такие детские методы.

— Я... да перестань, что я такого сказала... — я поднял глаза на ее ухмыляющееся личико, и оскал ее губ медленно обрел дружелюбные очертания. — Хорошо, Дим. Я не буду. Сюда никто не явится?

— А ты чего, боишься, что ли? — я нарочито безразлично отплыл к левой стенке бассейна, удерживая сходни руками, и лег на воду. Отсюда было гораздо удобнее за ней наблюдать.

— Нет, я курить хочу, блин...

Милое создание. Типичная плохая девчонка под маской скромницы. Правда, я сам во времена школьной юности дымил как паровоз.

— А выпить?

— А у тебя есть?!

— Есть, моя родная. — Я щедро плеснул ликера в тонкую фарфоровую чашку и кивнул в сторону дверцы, ведущей на открытую лоджию. — Только халат надень и обуйся.

Она не спешила. Я опомнился только на лоджии, куда буквально выволок ее за руку. В ее карих глазах плескалась растерянность, а я намеренно молчал, наблюдая за чужим смущением со смесью удовольствия и вседозволенности. Ее показная дерзость и стержность возбуждала, и в этот момент я решил, что она станет моей. Причем в рекордно скором промежутке времени. Я откровенно раздевал ее глазами, упиваясь доселе известным только по дочерским фантазиям вдохновением Победителя. Все пространство между нами оказалось наэлектризовано моей властью и ее показательным сопротивлением, которое надо было ломать и упиваться.

Марина затушила окурок в стальной пепельнице и достала следующую сигарету. Я с усмешкой наблюдал за ее подрагивающими пальчиками. Закурил тоже, даже не шевельнувшись, чтобы поднести ей зажигалку. Не потому, что мои манеры были не так хороши. Потому, что хотелось деморализовать ее еще больше — как паук, методично сплетающий петли и захлесты вокруг еще не совсем понимающей логики действий жертвы.

— Сколько тебе лет? — она вздрогнула. Я заметил. Не без удовольствия.

— Мы ровесники, я тебе говорила!

Да, можно подумать, я сильно тебя слушал. Наверное, это было где-то на четвертой секунде разглядывания твоей груди. Грудь... Вот ее я еще не видел. Надо исправить.

— Покурила?

Наверное, я не особо пытался скрыть нетерпение в голосе. Марина неловким щелчком отправила окурок в радиус 10 сантиметров от урны и гордо вскинула голову. Я с трудом взял себя в руки при мысли о том, как сломаю эту гордую девочку. И очень скоро уже...

Впрочем, внешне я был само безразличие. Не оглядываясь, нырнул в бассейн, подняв веер брызг, наверняка окатил гостью с ног до головы. Марина натянуто улыбнулась. Впрочем, я уловил какую-то обиду в ее на миг ссутулившихся плечах. Игра становилась

интереснее. Потому что уже в следующий момент в ее головке наверняка ураганом пронеслась мысль соблазнить обидчика. Вполне читаемо. Я отплыл подальше, не обращая на нее ни капли внимания. Презрительно фыркнув, девчонка отжала воду с кончиков волос и гордо опустила в шезлонг. Впрочем, о том, что я вижу ее горящий взгляд, направленный на меня, не подумала. Я ждал. Быстро преодолел расстояние от бортика до бортика. На следующем заплыве она меня окликнула.

— Эй?

Ноль реакции. Я так же пассивно перевернулся на спину, позволив воде удерживать меня. Из-под прищуренных ресниц уловил ее открывшийся в изумлении ротик. Да уж, не ожидала игнора, брюнеточка? Ничего, привыкнешь. Этап приручения начался, хоть ты об этом и не догадываешься.

— Дима, можно к тебе?

Я открыл глаза и лениво кивнул.

— Валяй, мест хватит.

Зная, что она вложила в свой спуск по лесенке всю свою девичью грацию, я специально нырнул поглубже. Подобное шоу от меня никогда не уйдет. Уже скоро будет показывать такие номера по одному щелчку.

Почему я тогда в этом не сомневался? Непонятно. Просто мне почти всегда удавалось управлять людьми. Наверное, я от этого даже слегка подустал, и мои интересы вышли на новый уровень — принимать вызов и вновь выигрывать. Тогда я вряд ли это осознавал, вряд ли мог логически описать психологию такого сильного влечения — Марина просто бешено меня заводила, и в мыслях я приравнивал себя к завоевателю, покорившему вражескую принцессу.

— Ты что, самый умный, да? — теплая ладошка коснулась моего плеча, и я чудом удержал всхлип. Даже парировал ее внезапную заяву.

— Тебе аттестат принести?

— Не груби.

— Не задавай тупых вопросов.

— Дима... тебе скучно со мной? — почти с отчаянием, Впрочем, не явным, выдала она. — Может, мы еще выпьем? А?

— Лично мне не скучно.

— Я все поняла. Ты считаешь, что я целка-невидимка? Это так? — ее руки обняли меня сзади за плечи. Я неопределенно мотнул головой. Как тебя еще назвать, в твои 15, когда все понты взяты напрокат у персонажей ток-шоу «Дом-2»? Ничего, хочешь повзрослеть, я тебе в этом только помогу.

— Ты ошибаешься! Я просто не могу иначе, пока Стелла тут ошивается. — Марина прижалась сильнее, и я ощутил ее легкую дрожь. То ли от холода, то ли от нервов.

— Кто ошивается?

— Моя мать. Она ненавидит, когда я ее мамой называю.

Примитив. Как обычно. Подруги моей матери всегда требовали звать себя Верониками, Ингами, а то и «чиками». И такое бывало. Я едва не рассмеялся. Неискушенная, но гордая красавица попала в мои сети.

— К чему ты это говоришь? Мы просто плаваем.

— Разве? — она убрала свои руки, только для того, чтобы приблизиться вплотную. Я ощутил ее дыхание на своей шее, теплое, сбившееся от волнения. Решительно, но притом

смущенно Марина притянула меня к себе за плечи, и я ощутил, как ее губы накрыли мои. Осторожно, словно пробуя на вкус, затем с решительностью обреченного на смерть. Это было забавно и возбуждающе. Я обхватил ее, приподняв слегка. В воде ее вес не ощущался совсем. Марина инстинктивно обхватила ногами мою поясницу. Я дерзко раскрыл ее губы, протискивая язык поглубже, сразу давая понять, кому в этом деле будет принадлежать вся инициатива. Сладкий эндорфин пулей пронесся по шейному позвонку и всей кровеносной системе от ее прикосновений и все еще детского необдуманного поцелуя. Она была сладкая и податливая. Крышу унесло за какие-то доли секунды, и я уже грубо целовал ее шею, ухватив за волосы, как за джойстик. Еще... еще ниже... Она слабо запротестовала, пытаясь прикрыться руками, когда я в два счета справился с завязками лифчика ее купальника и отшвырнул его в сторону. Чувства обострились до предела. Марина сжалась, почувствовав свою наготу, и покровитель у меня внутри сделал шаг ей навстречу, прижав к своей груди и слегка смягчив агрессию поцелуя. Мои руки потянулись к завязкам ее плавок, но она только протестующее всхлипнула. Не готова еще. Что ж, времени много. Мои пальцы сжали ее грудь, острый сосок затвердел сию же минутку. Горячая штучка. Уже позабыв обо всем, я обхватил его губами, втянув в себя. Девушка нервно дернулась, но я уже был сильно возбужден, чтобы реагировать на ее дальнейшие телодвижения. Тонкие запястья оказались в тисках моей правой руки, другая все так же удерживала ее длинные волосы накрученными на кулак. Ласки ее груди настолько захватили меня, что я не сразу осознал, что где-то за гранью этого мира кто-то кричит мое имя.

Они стояли у самого бортика бассейна. Маман и эта, как ее... Стелла. Родительница Марины. Силиконовые губы последней колыхались от возмущения. У нас их еще тогда мало кто делал, я знал из кратких сплетен, что за подобной красотой эта дама моталась в элитную клинику Швейцарии. Мне всегда становилось смешно при взгляде на это чудо пластической хирургии.

— Маша! Что происходит?!!!

Марина как ошпаренная отскочила от меня — я едва успел отпустить ее волосы, и отчаянно оглянулась в поисках лифчика. Как и следовало ожидать, он беззаботно плавал в трех метрах от нас. Пипец, принесло их... Стелла картинно прижимала руку к силиконовой груди и шевелила губами, словно рыба, выброшенная на берег. Чтобы не заржать, я перевел взгляд на мать. Улыбка сбежала с моего лица. Нет, ее взгляд не был ни строгим, ни зверским, ни насмешливым. Он был оценивающим и стопроцентно понимающим, а оттого слегка офигевшим. Я долго не мог потом разгадать эту метаморфозу, но тогда у меня почему-то была стопроцентная, подтвержденная уверенность в правильности моих действий.

Марина кое-как выудила лифчик из воды и, повязав на себя, кинулась к поручням. Стелла показушно тихо причитала. Когда девушка подошла к ней, она накинула на ее плечи махровый халат и прижала к себе, погладив по взмокшим волосам. Ее взгляд при этом был готов испепелить меня.

— Дмитрий, вылазь из воды. — Мать была невозмутима.

— Мам, я не могу. — От растерянности я ляпнул правду, как она есть. Не хватало еще обморока Стеллы при виде моей только усилившейся от пикантности ситуации эрекции. Впрочем, с предками мне повезло. Мать властно кивнула на бортик с более низким уровнем воды. Я оценил ее сообразительность. Так у меня была возможность повернуться к гостям спиной и выбраться, подтянувшись на руках. Тот час же поймав на лету халат, я скрыл

«доказательство преступления».

— Стеллочка, перестань. Они дети. Я накажу его примерно, но тебе не о чем переживать, — забыв обо мне, мать подошла к подруге и сжала ее руку. Я не слышал, о чем они говорили, мог только догадываться. Марина быстро покинула сцену, за ней последовали Стелла с мамой. Похоже, инцидент был исчерпан, но я от нервов выкурил аж две сигареты.

Вопреки ожиданию, мать даже не затронула этот вопрос. Ни сегодня, ни в воскресенье, ни даже в понедельник с утра. Отец тоже остался в неведении, что развязывало мне руки во всех направлениях. Я знал ее школу. Что ж, надо сегодня провести свою новую девчонку. О том, что она моя, она пока не знает. Поставим в известность.

Водилу я отпустил. Никогда не понимал, какого черта надо довозить меня до школы, при жалком расстоянии 300 метров. Весь оставшийся день он нужен был отцу по работе, и я пользовался развозкой школы. Уроки прошли вяло. С физкультуры я свалил, мотивируя это тренировкой аккуратно на это самое время, что всегда прокатывало.

Спустя 15 минут я уже ожидал в холле ее гимназии. 20 баксов открыли и эту дверь. Пришлось маяться фигней целых 35 минут, и я едва ее не пропустил. Наконец появилась она в сопровождении трех таких же прелестниц разных мастей — рыжей, блондинки, смуглой брюнетки и ярко-красной. Все девчонки были ей под стать, высокие, симпатичные и высокомерные. Презрение, с каким рыжая оттолкнула с дороги случайно замешкавшуюся толстушку, многое расставило по местам. Элита школы. Само собой, кого я еще мог выбрать, кроме как секси № 1? Эта пятерка отличалась хорошим вкусом и чувством стиля, и даже школьный дресс-код не мог их загнать в какие-либо рамки. Если у Марины была просто укорочена юбка и расшиты стразами гольфы, то огненноволосая повязала галстук на голову, а восточная фея повесила поверх юбки этнический пояс с монетками. Рыжая нацепила блузу детского размера, которая чуть не лопалась под напором груди, а разрез в юбке блондинки демонстрировал сбоку резинку кружевных чулков. Оценив принадлежности свиты, я повернулся к Марине. Она вспыхнула, заметив меня, но тут же гордо вскинула голову, придав взгляду высокомерие. Подруги зашукались, когда я продемонстрировал им бицепсы, и смущенно — кокетливо заулыбались. Легчайшая добыча. Одна Марина гордо держала оборону. Что ж, приятно, что я не ошибся.

— Что ты здесь делаешь?!

Я взял ее под локоть и, улыбнувшись четверем красавицам, отвел в сторону.

— Я за тобой. Уроки кончились?

— Да, но... — она наморщила лобик, что-то соображая. Я не дал ей опомниться.

— Никаких «но». Врать не надо, не люблю.

Марина вспыхнула. Я отпустил ее локоть и несколько раз, наслаждаясь чувством превосходства, обошел вокруг. Девушка так и не смогла поднять глаз от пола, и ее легкая дрожь ощущалась даже на расстоянии.

— Предки сегодня на презентацию свалили, едем ко мне. — Это прозвучало резко, и я поспешил уравновесить ситуацию. — Тебе не влетело? От мамы?

Напряжение отпустило.

— Неа. Стелла, кажется, была довольна, что можно рассказать мне про оргазм, куниллингус и оральные контрацептивы. А потом запретила видаться с тобой до совершеннолетия.

— А ты испугалась, малолетка?

— Неа! — Марина осмелела и чмокнула меня в щеку. — Ну, здравствуй!

— Точно, малолетка... — я вновь схватил ее за локоть. — Поехали. Научу тебя, как приветствовать своего парня в будущем.

— А мы что... встречаемся?

— А ты думала? Ты моя девчонка. И чтоб других придурков, пока мы вместе, я подле не наблюдал. Все ясно? Все?! — грубо сжал ее руку, заметив, как к стайке подруг подвалила стая парней. Марина зашипела от боли, но я ждал ответа.

— Я... Ясно. — Тихо сказала она.

— То-то. Прощайся, едем ко мне. — Я вышел из холла, уверенный, что она вскоре последует за мной. Ждать пришлось не долго. Вот что значит дар убеждения! Через пять минут, воспользовавшись услугами такси, мы уже были возле моего дома. Я знал, что предки будут отсутствовать как минимум до полуночи.

Анна встретила нас в гостиной. Марина со снобизмом богатой дочки просто не заметила прислуги, но я держал эту женщину на коротком поводке человеческим отношением, за что она прикрывала все мои иногда далеко не безобидные развлечения.

— Шампанское, икра, клубника... — распорядился я. — Потом можешь посмотреть сериалы. Если что, позову, договорились?

— Спасибо, Дмитрий Валерьевич.

— Аня, просто Дима, достала уже... иди.

Мы поднялись в мою комнату. Оглядывая стройную фигурку новой герлфренд, я почувствовал прилив возбуждения. Ее взгляд, казалось бросал мне вызов — приручи поскорее! Что ж, именно этим я и собирался заняться в ближайшее время.

— В душ, — спокойно приказал я, наслаждаясь ее замешательством. Марина покраснела. Неужели я прав? Хм. Было бы круто. — Сама. Я не зайду. Верь мне.

Марина исчезла в ванной. Аня принесла поднос, собралась было откупорить шампанское. Я остановил ее.

— Я сам. Как, кстати, сын, восстановили в секции?

— Да! Дмитри... Дима, спасибо вам огромное, я...

— Аня, не стоит. Слушай. Тут никого не было, ок? Заметешь потом следы?

— Конечно!

— Все, иди тогда. Спасибо.

Я открыл шампанское, быстро сервировал стол. Марина минут пятнадцать не выходила из душевой, и я начал терять терпение. Мысль ворваться и вытащить ее оттуда отбросил сразу. И не зря, как потом выяснилось. Когда она справилась, принял безразлично небрежную позу, усталым жестом позвав ее к себе ближе.

Если сомнения в ее неискренности оставались, я тут же их отбросил. Кто бы еще после душа с обилием махровых халатиков и полотенец в ванной нацепил на себя заново школьную форму?

Маринка дрожала, сцепив пальцы в замок. От ее трогательной беспомощности меня накрыло волной сильного возбуждения, и я тихо обматерил себя за чрезмерно узкие джинсы. Стараясь выровнять дыхание, я похлопал по дивану рядом с собой и разлил шампанское в бокалы. Девочка несмело опустилась рядом, натянутая, как струна. Вся ее показушная дерзость растаяла, как утренний иней.

— За нас, — я вставил бокал в ее дрожащие пальцы. — На брудершафт.

Она залпом осушила бокал, закашлявшись с непривычки. Не дав ей опомниться, я завладел ее губами, сминая вялое сопротивление, завоевывая язычком рот. Мои пальцы

зарылись в ее пышные волосы, я сжал их в кулак, удерживая голову в удобном для себя положении. Второй рукой уверенно спустился на грудь, сминая шелковую ткань блузы. Марина сдавленно застонала в мои губы, но я держал ее крепко, не давая вырваться. Пуговицы блузки поддались на удивление легко, и уже через секунду я пробрался под бюстгальтер, сжав нежную кожу ее груди. Маринка заворочалась в моих объятиях с тихим всхлипом протеста. Вероятно, я не был нежным. Мне было все равно, и желание подчинить ее до предела перевесило здравый смысл. Я прервал поцелуй и оттянул ее голову назад.

— Встань и разденься.

Марина дрожала. Ее испуганный взгляд, не веря, скользнул по моему лицу.

— Дима, я не могу...

— Если я сделаю это сам, я порву к черту каждую штотку. Я жду.

Прошла минута. Я показательно безразлично закурил, с трудом удерживаясь, чтобы не наброситься на эту беспомощную прелесть. Марина не сводила с меня перепуганных глаз в надежде, что я передумаю. Напрасно. У меня не было такого намерения. Сегодня я собрался сделать ее своей одним из самых доступных и действенных способов. Ее пальцы скользнули к молнии юбки, я мысленно хмыкнул, увидев ее зажмуренные глаза. Куда теперь делась ее показушная дерзость избалованной девчонки. Юбка пестрой лужицей опустилась на пол у ее стройных ножек. Увидев белые кружевные стринги, я едва не присвистнул.

— Да ты горячая штучка, девочка моя. И что ты прячешь за этим кружевом?

Марина дернулась, словно от удара, и внезапно с перепуганной, но естественной грацией опустилась на пол, прикрыв руками лобок и грудь, как будто белья было недостаточно. Ее руки дрожали, что не ускользнуло от моего внимания, и самообладание снесло ураганной волной. Я не видел ее намокших, слипшихся в иголки ресниц, дрожащих губ, не слышал ее просьбы, смешанные с рыданиями. Ткань трусиков расползлась под напором силы ладоней, лифчик я, кажется, сорвал не расстегивая. На миг пелена спала с моих глаз, этого было достаточно, чтобы я увидел ее слезы и выражение ужаса в больших глазах. Мир словно раскололся напополам. Понимая, что я не остановлюсь и что ее слезы разбудили во мне темную сущность, которая, в общем-то, не очень крепко и спала, и в тоже время, словно ища какой-то компенсации для своей совести и оправдания действиям, я нежно уложил ее на кровать. Поцелуй сам собой вышел очень нежным, ее сердечко билось пойманной птицей под моими руками, и я наверное сам поверил в то, что сказал ей тогда.

— Повтори... — полустон — полувсхлип Марины был сладкой музыкой для моих ушей.

— Я не сделаю тебе плохо, я заберу тебя в рай, — произнес я и понял, что это в тот момент было правдой. Девочка все еще дрожала от страха. Вспомнив все свои действенные наработанные способы, я нежно прочертил трассу поцелуев от шеи до груди, сжимая кулаки до боли, чтобы не растерзать ее покорное тело в погоне за чувством иступляющей власти обладания. Когда ее острые сосочки затвердели под моими поцелуями, я уже не мог держать себя в руках. Мои пальцы безошибочно нашли центр ее наслаждения, но манипуляции с ним скорее еще больше испугали ее. Что ж, я знал, что оргазм в первый раз практически нереален. Ничего, все еще у нас будет впереди. Пальцы осторожно проникли внутрь, я лишь придержал ее шею локтем, пресекая протестующую попытку вырваться. Долго это продолжаться не могло, сопротивление довело возбуждение до точки невозврата. Я не помню, как поспешно избавился от брюк, как пытался лаской успокоить запаниковавшую девушку, стараясь прогнать из головы мысль о ее запястьях, привязанных к изголовью кровати — да, именно это яркое видение тогда меня доконало.

— Я постараюсь... — прохрипел я перед тем как рывком взять ее. Постараюсь что? Наверное, избавиться от боли? Мне было все равно. Ее стоны и слезы были самой лучшей наградой для меня в этот вечер. Она была такая узкая и такая восхитительно покорная. Надолго меня не хватило. Меньше минуты... Я вообще чудом успел воспользоваться презервативом.

Маринка уже не плакала, просто неумело куталась в одеялах, пытаюсь спрятаться. Только тогда я ощутил прилив необъяснимой нежности. Наверное, я полюбил ее именно в этот момент. Тогда, когда, по логике, должен был поблагодарить за удовольствие и выставить за дверь с обещанием перезвонить и желанием поставить очередную зарубку на кровати. Полюбил той любовью, которую никогда не постигнуть простому обывателю, и которая так понятна узкому кругу лиц.

После я долго успокаивал ее, снимая слезы с глаз губами и чуть ли не погружаясь в транс от соленого вкуса чужой покорности и безысходности. Качал в своих объятиях, словно ребенка, отпустив лишь тогда, когда она искренне рассмеялась в ответ на мой рассказ о том, как в детстве мы играли в индейцев и вылетели на дорогу, устроив ДТП. Я отвез ее домой сам. Поборов желание отнести на руках — дома располагались не так далеко. Но тогда я не упускал возможности форснуть за рулем авто. Поцеловал очень нежно, но добавил на прощание с пресекающей возражения категоричностью:

— В субботу встретимся снова.

Дима

Марина была даже внешне чем-то похожа на Юльку. Обе яркие. Наглые. Вызывающие брюнетки. Блондинки обычно были мне малоинтересны — они с готовностью, сбивая колени, падали ниц при одном только смелом взгляде, а после секса не оставляли никаких продолжительных воспоминаний.

Я не мог подавить свое бесконтрольное желание к новой знакомой. Может, и не стоило этого делать? Никто, помимо школьной любви, за столько лет не заводил меня настолько сильно. Еще, как бы ни трудно было признаться самому себе, мной двигал страх. Найти девчонку, которая столь сильно зацепит мои глубинные инстинкты, и потерять ее, не сумев удержать своих эмоций в узде. Я не был уверен, что у меня получится себя контролировать. Даже нежность поцелуя ее насторожила, жертва почувствовала фальшь хищника. Я отчетливо помнил, как дерзость вдруг покинула ее взгляд, уступив место неосознанному страху.

Но как же завела меня эта мимолетная незащитность!

Дима, возьми себя в руки. До того момента у тебя две недели не было секса.

Тебя заводит не эта яркая стерва, а элементарный инстинкт, который просто должен быть немедленно удовлетворен, и все.

Как Вика оказалась в моей постели, я и сам не понимал. Желание выкинуть Юльку из головы дошло до абсурда.

Сперва я набрал номер Алины, рыжей бестии, любительницы смелых экспериментов. И тут же нарвался на ее плохое настроение. Какого члена претензии? Я же не обещал уделять ей внимание каждый день! Без объяснения сбросив звонок, я купил букет из трех черных роз и поехал в "Элегант" к Вике.

Валерия, хозяйка империи мужских костюмов, сорочек, галстуков и запонок, оказалась на месте. Не порядок. Пришлось вручить букет ей. Холеная дама без возраста по-детски восхитилась необычным цветом роз, не догадываясь о его истинном значении. Вика, стройная, подтянутая, в элегантном костюме порхала вокруг солидного покупателя, укатывая того на позолоченные запонки к каждой из купленных им рубашек. Я позволил Валери напоить себя колумбийским кофе, минут двадцать мы обсуждали с ней тонкости налогового законодательства и растущие потребности клиентов, после чего она упорхнула с инспекциями по остальным своим магазинам, не забыв прихватить букет.

Вика с дежурной улыбкой проводила покупателя. Я поцеловал ее в знак приветствия, ощутив ответную дрожь.

— Принесла Лерку нелегкая. Букет был твой.

— Ты все правильно сделал, иначе б она меня на ноль помножила! Она едва из трусов не выпрыгнула, чтобы ты силиконовую обновку заценил! — Засмеялась Вика. — Ты мимо проезжал, или?

— Я соскучился, — ложь слетела с моего языка очень легко, и я подтвердил свои слова очередным поцелуем. Поцелуй увлек, и я опомнился лишь, осознав, что она оголтело лупит кулачками по моим рукам.

— С ума сошел?! Я же на работе!

Надо же, я так увлекся, что успел намотать ее длинные волосы на свой кулак.

— Когда ты заканчиваешь?

— Как обычно, в 19:00... - девочка поплыла. Слово не было моего долгого игнора и разговоров о принадлежности, которые перепугали ее до икоты.

— В полвосьмого у меня. Возьми такси. Не хочу, чтобы ты шла пешком через весь центр, украдут ведь...

Стоит ли говорить... Мне не удалось.

Едва за ней захлопнулась дверь, мои мысли моментально вернулись к Юльке.

Перед тем, как лечь спать, — а я не был уверен, что смогу уснуть, — я сделал еще кое-что. В социальной сети у меня имелась рекламная страница спортклуба. Я знал название ее ВУЗа. Ее приблизительный возраст. Поиск занял порядком 10 минут, когда я, не надеясь на успех, наткнулся на ее фотку. В черном купальнике, у бортика бассейна, в пол-оборота к камере. Огонь предвкушения побежал по моим жилам при виде ее вызывающего взгляда.

Страничка была частично скрыта, но мне хватило беглого ознакомления с историей статусов и сменяющих друг друга аватар, чтобы укрепиться в своем мнении. Девочка любит бросать вызов, и, скорее всего, именно потому, что проигрывать еще не приходилось. Музыкальная подборка состояла сплошь из рок-музыки в перемешку с ритмичными попсовыми композициями, — кажется, она говорила, что танцует в хип-хоп стиле. Когда загорелся статус "онлайн", я поспешно свернул страницу, словно она могла меня увидеть.

Перед глазами все еще стоял ее последний статус: "Я проткну твоё сердце шпилькой". Она бросала вызов всем подряд, в такой схватке побеждал сильнейший. Наверняка, она уже вертела мужчинами, как лишенными воли марионетками, только со мной такой номер у нее не прокатит.

Юлечка Беспалова, принимаю твой вызов. Тем слаще мне будет тебя сломать и подчинить своей воле. И ты мне еще спасибо скажешь, рано или поздно. Я позвонил ей прямо с утра.

Ночь не принесла облегчения. Я думал, что удовлетворил свою страсть с Викой, оказалось — нет. Юлька не уходила из моего сознания. Единственное, что я мог сделать на самом начальном этапе — это на недолгое время отключить свое увлечение Темой. Совсем. Главное, чтобы не соскочила с крючка. Как бы ни желала этого моя хищная сущность, вводить новичка в мир подчинения и власти нужно постепенно. БДР никто не отменял.

Хотя, о чем это я? С легкой руки Никеи в тематической тусовке Харькова пошел тренд искоренять принцип добровольности. Я восхищался ее смелостью, хоть и не понимал подобного... Пока.

— Дима... Какой Дима? — Осведомился ее обманчиво-ласковый голосок. — Ах да, суши-бар. Как твои дела?

Показательный пофигизм, не более, чем детская игра. Что ж, мы оба играли в свои игры. Только я — во взрослые.

— Я бы хотел увидеть тебя. Сегодня! — Безапелляционно заявил я, не давая опомниться. Что с того, что мой тон покажется ей резким? Вскоре она будет вспоминать его, как самую нежную музыку. Важно было изначально расставить акценты, прогибая под свою волю, и давая понять, что пополнять ее коллекцию марионеток я не намерен.

— Но у меня пары... А потом... — она явно опешила. Своим заявлением мне удалось выбить ее из колеи.

— Юля. Я хочу увидеть тебя сегодня. — Я не дал ей шанса. — Назови время. Иначе, это сделаю я.

— В пять я свободна... Т. тебя устроит?

— В пять. В "Кофеине". Сама доберешься, или мне за тобой заехать?

— Сама...

Дрожь восторга и возбуждения пронеслась по моему позвоночнику ураганной волной. Желание закрыть свои наклонности под замком оказалось трудновыполнимым. Сейчас я говорил с ней именно как Верхний, не давая возможности прийти в себя. И это подействовало. Подчинение у дерзких девчонок в крови. До вечера времени много, и она наверняка сейчас сбросит сети моей паутины, будет беситься от чувства протеста, но врожденная гордость не позволит ей меня продинамить, ведь это будет обычной слабостью.

Птичка попалась. Мое настроение выросло до высокой отметки.

Вечером я ждал ее в назначенном месте, предварительно убедившись, что Владимир пригласил куда-то ее подругу, ту смазливую блондинку с большой грудью. Есть у девочек ее возраста подобные закидоны — приходиться на свидания вместе с подругами. Одна нейтрализована. Вторая, с фотокамерой, поумнее, сама исчезнет, если что.

Но меры осторожности оказались излишними. В четверть шестого Юлька появилась. Сама. Я был готов к этому, сомнений в том, что она придет, не было. Опоздание. От этого я ее отучу уже в скором времени. Встречи через три, пока ты еще имеешь робкое право на демонстрацию неподчинения подобным образом. Я великодушен, ты сейчас еще много на что имеешь право, которого тебя вскоре лишат.

Я наблюдал за ее приближением. Восторга и щенячьего восхищения в моих глазах ты не увидишь. Как бы круто ты не выглядела.

Обтягивающее, словно вторая кожа, платье, имитирующее раскраску гепарда. Высокие сапоги на тонких шпильках. Красиво. Очень секси. Но не твое это, девочка. Нет смысла даже пытаться. А вот украшение на шее, в виде тонкой полоски кожи с подвеской — вот это как раз твое.

Правильно мыслишь, милая. Скоро на таких вот ожерельях вместо сердечек и кошечек будут мои инициалы, чтобы больше никогда не смогла позволить себе такого поведения.

Мысли путались. Я не имел на них никакого права! Вряд ли эта гламурная девочка, беспечно шагающая по жизни, знакома с расшифровкой аббревиатуры БДСМ. Вряд ли она останется невозмутимой, если узнает хоть часть моих фантазий и реальный статус.

Тогда я не смог признаться сам себе, что рядом с такой девочкой мне будет хорошо и без Темы. Что мне хотелось даже просто держать ее за руку, слушать ее смех и умиляться ее забавным детским выходкам. Просыпаться рядом и приносить ей, все еще сонной, горячий кофе со сливками.

Голод. Он таит в себе самую большую опасность. Будь мой внутренний зверь накормлен и удовлетворен, я бы не сбился с этого курса, не напугал бы, не оттолкнул бы от себя... Ведь я мог забыть о Теме рядом с ней, но просто не хотел. Эгоизм и привычка получать желаемое в ту же секунду.

Она гордо прошла через зал, не снимая маски каменной отчужденности с хорошенького личика. Но лишь до тех пор, пока не приблизилась ко мне. Утренний разговор не прошел бесследно. Улыбка с примесью смущения. Глаза слегка расширены от удивления, дезориентированы сталью моего взгляда. Короткий миг, и они устремляются в пол. Первый раунд завершен.

— Привет, — растерянно выдохнула Юля, наверняка прокручивая в голове свои возможные оплошности. Процесс пошел. Я легонько приподнял ее подбородок. Пожалуй,

время ослабить поводок. Поцелуй был нежным.

— Как учеба? Устала? Кофе будешь?

Она быстро восстанавливала утраченное равновесие. Может, из-за нежности поцелуя, может, из-за того, что мой взгляд стал теплее и временно отпустил переключатель власти. Юля перевела взгляд на коньяк в моем бокале и все еще немного натянуто засмеялась. Впрочем, дерзость уже возвращалась.

— Дима, мы что, в первом классе?

Уж в чем, а в логике ей не откажешь. Я ловко приподнял ее в воздух за талию и усадил на барный стул. Девочка охнула от неожиданности. Ну, просто ангел под личиной показной стервы. Я заказал ей martini, даже не спрашивая. Необычная легкость и приподнятое состояние духа завладели мной. Давно я не испытывал столь сильного прилива адреналина.

Сегодня я включил в игру всю свою галантность. Кнута хватит, время пряника. И напускная дерзость Юльки постепенно таяла, стиралась под натиском моей обаятельной беспечности. Она манерно потягивала martini через соломинку и с явным интересом слушала мой рассказ о недавнем сплаве на байдарках в веселой мужской компании. Я не пощадил даже Вову, в деталях расписав его потерю управления и погружение в холодную воду реки. Ее зеленые глаза выдавали интерес и смущение, несмотря на все попытки показаться невозмутимой. Я тщательно подавлял мысли о тотальном подчинении этой красивой, дерзкой, а вместе с тем и трогательно беззащитной девочки. Она непостижимым образом помогала мне в этом, отвлекая от темной сущности, и уже к вечеру я спокойно рассматривал имитацию ошейника на ее высокой шее, закрыв свои фантазии на ключ. До поры, до времени.

Она улыбнулась мне все еще слегка смущенной улыбкой и непроизвольно сжала пальчиками виски, слегка поморщившись.

— Что с тобой? — я не выпускал ее руку из своей весь вечер. Просто мне дико это нравилось.

— Шумно, башка трещит. У меня бывает, реакция на перемену погоды.

— А поехали ко мне в гости? — Она слегка испуганно посмотрела на меня, и я успел выдать очередную порцию лапши на ее нежные ушки. — Просто попьем кофе и поговорим. Я обещаю, что не трону тебя, если ты сама этого не захочешь.

Юлька закусил губу и склонила голову набок. Я ощутил, как забытое удовлетворение медленно разливается по телу. Меня заводила эта беспомощность загнанного ангела.

— Ну, что скажешь? — ее пальчики мелко дрожали. — Ты дрожишь. Ты боишься меня?

— Вот еще! — чересчур поспешно отозвалась она. — И ты сказал, что в любое время смогу уйти?

— Да, я даже отвезу тебя сам. Никаких такси.

— Ты за рулем? Но ты же пил!

Я не стал ей пояснять, что, благодаря высокому посту моего отца в ОГА ни один ГБДДшник в этом городе не посмеет меня остановить. Вместо этого, наклонившись, поцеловал ее, вложив в поцелуй всю страсть на пару с нежностью. Ее пальчики сомкнулись на моем затылке, язычок очень быстро включился в игру, словно вызывая на поединок. Она меня зажигала. Смогу ли я справиться с собой, когда мы окажемся наедине? Я должен. Первые встречи должны пройти по всем законам ванили.

— Поехали?

Юля было кивнула, подчиняясь гипнозу хищной природы, но в тот же момент остатки

очарования словно слетели с нее. Такое случается. Нормальная реакция. Она поспешно освободилась из моих объятий, настороженно ловя мой взгляд. Ну, тут, главное, не испугать. Никакой стали.

— Что с тобой?

— Кофе поьем, да? В какой же позе?

Занятно. Думаешь, ты контролируешь ситуацию? И удастся уйти нетронутой? Ты ошибаешься. И мне ничего не придется для этого делать. Ты же сама этого хочешь и все уже решила для себя.

— Ты зря язвись. Я не насильник и у меня все в порядке с головой. Ты можешь мне верить. Я бы не затрачивал столько усилий ради одного твоего тела. Мне интересна личность.

— Дима... Но мы же не в первом классе...

Я ждал.

— Чего ты хочешь? Ты знаешь сам, чем все это закончится.

Эмоции застывали льдом. Наверное, это проявилось в моем взгляде. Чего хочу? Девочка моя, ты и представить себе не можешь, чего же я хочу. Тебе бы хватило одного раза, чтобы растерять всю свою дерзость, если бы я выполнил все то, чего хочу. Я надменно усмехнулся в ее широко распахнутые глаза, прочитывая насквозь каждую эмоцию.

— Тебе дать честный ответ?

Девочка, я хочу тебя вниз. В свой ошейник. Сколько бы раз ты не говорила, прежде всего самой себе, что никогда не будешь принадлежать, я вижу тебя насквозь. Тебе это нужно почти так же, как и мне. Первобытные инстинкты неистребимы. Ты научишься получать такое удовольствие от подчинения, которое не получала никогда прежде. И ты быстро научишься любить боль и отдавать себя полностью.

Ничего этого я ей не сказал. Что ж, всегда говори половину правды, принцип, который никогда не подводил.

— Да, я хочу тебя. С первой нашей встречи. И это не должно тебя удивлять. Ты не маленькая, чтобы не понимать, как ты действуешь на мужчин. — Желая смягчить прямолинейную резкость, я погладил ее по щеке. — Я не буду тебя ни к чему принуждать, если ты не захочешь. Ну, а если захочешь... Что ж, долго сопротивляться не буду.

Моя честность выбила ее из колеи, но, в то же время, понравилась. Вряд ли она рассчитывала на иной ответ. А может, все дело было в банальной тщеславии. Она показательно уверенно выбила из пачки сигарету, хотя ее тонкие пальчики предательски дрожали.

Странно. Вроде она и нервничала, но одновременно хотела логического завершения.

— Хорошо. Поехали.

...Дима, держи себя в руках.

Свечи — пока только атрибут романтики, а не росписи по коже горячим алым воском, сметающим барьеры условности и несвободы от прессинга жизни, уносящего в рай с большой буквы, плавно мерцали, подсвечивая лед в высоких бокалах. Юлька ретировалась в ванную еще десять минут назад, смущенно прошептав "не заходи". За такую вольность можно было заработать нешуточный разогрев флоггером, будь она моей по всем канонам Темы. Это еще предстоит. А пока я слушал шум льющейся воды, и сомнения в успехе предприятия уже не оставалось. Трудно было остаться невозмутимым и не нарушить ее робкий запрет. Я не подозревал, что даже обычное желание с привкусом ванили может быть

столь сильным, охватывать каждый нерв и затмевать разум. Давление в джинсах почти достигло критической отметки, и я стал опасаться, что спалюсь, как школьник от одного прикосновения к ней. К черту кофе. Если она захочет сейчас уйти, я просто ей этого не позволю. Будь что будет.

— О, мартини! — видимо, я все же предался недопустимым мыслям, потому и не расслышал, как она подошла, ступая босиком по гладкому ворсу ковра. Под ее платьем (вот только зачем ты его снова надела?) ничего не было, кончики волос слегка намокли, и она выглядела трогательно посвежевшей.

Кому я обещал держать себя в руках? Чувак, ты в пролете. Поднявшись, я властно привлек ее к себе. Аромат мужского геля для душа на ее коже ударил в голову. Без своих высоких каблучков она едва доставала головой до моего подбородка. Я завладел ее податливыми губами, пытаюсь ощутить их вкус и испить всю волю без остатка. Мои действия не встретили ни малейшего протеста с ее стороны. Ее руки немного неуверенно погладили в ответ мою шею, перебирая отросшие на затылке волосы, смягчая этой лаской всю дикость страсти, рвущей прутья клетки самоконтроля. Ее сердце колотилось чуть ниже моего собственного, вступая в первобытный резонанс.

Я зря переживал, что не смогу удержать себя в руках — сейчас мне была ненавистна даже сама мысль о том, что я хоть как-то смогу ее обидеть. Ее хотелось сжимать в объятиях до боли и защищать одновременно. Мои руки, словно в полусне, уже гладили ее обнаженные бедра, закатывая платье повыше — только жажда ее шикарного тела заставляла мой огонь гореть, не вырываясь и не угрожая сжечь мою сдержанность без остатка. Словно сквозь туман я различил ее слабый стон, подхватил на руки, и ее ноги в тот же момент обвились вокруг моей поясицы. Я даже сквозь джинсы ощутил жар ее плоти.

Глаза Юльки казались черными от неподдельного желания. Она выгнулась в моих руках, пытаюсь поддеть непослушными пальцами пуговицы моей рубашки. Словно в трансе я опустил ее на кровать. Рубашка вместе с оборванными пуговицами отлетела в сторону. Юля едва не запуталась в своем платье хищной расцветки, я поспешно стащил его через ее голову, едва не разорвав при этом.

Я оказался прав. Она освободилась от нижнего белья еще в душе. В горле резко пересохло при виде ее маленькой, задорно торчащей груди идеальной каплевидной формы, гладкой кожи, абсолютно везде, в том числе и там. Она не смутилась под моим жадным взглядом, наверное, наша страсть сейчас была равносильна.

Это уже было выше моих сил. Сгорающая от ответного желания длинноногая брюнетка, полностью обнаженная в моей постели, с имитацией ошейника на тонкой шее. Я едва справился с застежкой брюк, заглушив ее возглас изумления сминаящим поцелуем.

— Моя горячая девчонка... Ты теперь абсолютно моя... я хочу покрыть прцелуями каждый сантиметр твоей кожи. Каждый!

Я не понимал, что ей говорил. Слова были излишни, когда она, встретив мое вторжение, со стоном толкнула бедра навстречу. Такая горячая и восхитительно тугая...

Я брал ее без излишней нежности, все же сдерживая себя от грубого проникновения. Увидев всплеск недоуменного восторга в ее зеленых глазах, понял, что остановиться уже не могу...

... Эти отметины на моей спине будут гореть еще долго.

За все время я никому такого не позволял. Но с ней просто не смог иначе. Она отпустила весь свой самоконтроль на волю, даже не понимая, что именно подчинение

освободило ее сущность. Подобная отзывчивость сегодня усыпила моего внутреннего зверя.

Все, что захочешь. Пока еще тебе это позволено.

Наверное, я сказал это вслух. Но она меня не расслышала, подхваченная волной потрясающего оргазма. Еще... И еще... Ритмичные сокращения ее внутренних мышц не оставили мне шанса продержаться дольше. Отпустив клеммы контроля, я сдавил ее в объятиях, уже не удивляясь собственному крику.

...Она казалась неподвижной. Губы приоткрыты, в их уголках витает удовлетворенность. На миг мне стало не по себе.

— Девочка моя, тебе было хорошо?

Она приоткрыла глаза. Пляшущие в них черти едва не отправили меня в нокаут.

Вот развратная стерва. Ночь будет долгой. Сама напросилась...

Юля

Это безумие.

Это правильно и неправильно одновременно.

Вообще, это авантюра чистой воды, но...

Тупо. Избито. Но иначе не скажешь.

"Я летаю. Я в раю..." как-то так.

Я спокойно курила на огромной лоджии в его рубашке поверх абсолютно голого тела. Мыслей, не то что умных... Мне сейчас казалось, что их не было вообще.

В памяти неотвязно крутился вчерашний разговор с Леной (из Феодосии) по скайпу. Кому я еще могла пожаловаться на козла, скьюз май френч, который так и не перезвонил? Вот обещал, и не перезвонил!

"Почему он не звонит? Потому, что трансвестит... А почему тебе, красивой такой девушке, должен звонить трансвестит? Правильно, не должен!" Cosmopolitan верен себе и своему чувству юмора.

Ленка была уверена на все сто, что позвонит. "Тебе ли вестись на эту детскую политику воспитания?" — изумлялась она. Я ее, по ходу, поддоставала своим нытьем. Ее колкая фраза о том, что я завтра буду в его постели еще просить пощады, завершила наш разговор. Леночка, у тебя дар предвидения. Твои прогнозы сбылись. Все, кроме одного. Пощады я не просила.

Его звонок застал меня в курилке на территории родной академии. В первый момент я опешила, затем, не сумев совладать с эмоциями, волчком завертелась на месте.

— Девчонки! Он позвонил!!!

И куда девалась моя показушная невозмутимость? Моя шаблонная мантра "I don't care"? Моя привычка всем демонстрировать идеальный poker face? Ничего не осталось. Испарилось. Улетучилось. Стерлось, словно ластиком. Только вот вместо ластика, телефонный звонок от мужчины, которого я хочу до дрожи в коленях (или просто поставить на колени), и в то же время немного боюсь.

Быть стервой во всем, и прежде всего в телефонном разговоре, не вышло. Не потому, что я растаяла — он просто не оставил мне выбора своим властным ледяным тоном. За такую манеру говорить со мной он рано или поздно выхватит свое, а сейчас... Посмотрим, что будет дальше.

Сегодня? Блин, а я к этому готова вообще? Тон его говорил яснее любых слов — "динамо" не прокатит. Хотя, можно и попытаться... Я что-то проблеяла в ответ, как долбаная пятиклассница. В пять? В пять. Хрен ему что возразишь...

Краткая ревизия внешности. Я давно привыкла каждое утро одеваться так, будто мне не

на учебу, а на подиум. С самого утра было боевое, несмотря на вчерашний облом, настроение, и прикид выбирался под статью. Обтягивающее платье Roberto Cavalli. Вообще-то я противница анималистических рисунков в одежде, но этот шедевр не выглядел вульгарным даже с высокими ботфортами. К нему было сложно подобрать аксессуары, подошел лишь один — полоска черной кожи с кулоном Svarovsky в виде сердечка янтарного оттенка. Как и его глаза... Волосы я зачесала в высокий хвост, чтобы шея оставалась в центре внимания. Ну, прямо хищница, готовая к прыжку.

Ага, где была твоя хищность, когда ты что-то не попадал бубнела в трубку, ехидно подколол внутренний голос. Где твоя уверенность? Что, нету? Дядя Дима уничтожил в пух и прах? Не дождешься, дорогое подсознание. Дядя Дима еще не сталкивался с Тетей Юлей. Хотя, что-то мне подсказывало, что тактика маленькой девочки тут проканает лучше.

— Может, мне пойти с тобой? — прикольнулась Эля. — Точно тебе говорю, он маньяк.

— Интересно, и на чем же базируются подобные умозаключения? — спародировала я преподавателя по информационному менеджменту.

— У него в глазах что-то... Вот я никак не могу понять, как у всех психов в кинофильмах. Взгляд — это ладно, но у меня еще чувство такое... Либо он гнет свою линию с каждым, либо только с тобой.

— Интересно. Мне Вадим травмат подарил. Положу, пожалуй, в сумочку.

Оказавшись в "Кофеине", я на какой-то момент пожалела, что со мной не было Эли. Кто знал, что его взгляд лишит меня самообладания до такой степени? На один короткий миг мне захотелось махнуть рукой и подчиниться первобытному мужскому властному обаянию. Нет уж, никогда! Я не одна из многих. Я охотник, ты цель. Третьего не дано.

Наверное, у меня все же ничего не вышло. Его близость сковала неподъемными цепями, инстинкты одержали верх над разумом, и, оказавшись рядом с ним, я попросту растерялась. Похоже, еще и покраснела в придачу. Зачем вообще согласилась на эту встречу? Жажда приключений? Скука?

Хм, я знала, почему. Мы одновременно бросили друг другу перчатку, и никто не хотел проигрывать. Он, по ходу, вообще не умел, а я... Я так беспечно упускала из виду его возраст, опыт, социальный статус, властный характер, да и просто принадлежность к сильному полу. Так беспечно и так фатально в свете последующих событий.

Что ж, я буду до последнего играть по своим правилам. И так, как будет удобно мне. И, в отличие от него, у меня хватит ума умело это скрыть.

Его взгляд прожигал меня насквозь. Кажется, даже мартини закипал в бокале. Меня бесило неприятное ощущение беспомощности и слабости, даже пальцы предательски дрожали, и ничто не могло отвлечь от этого. Даже его увлекательный рассказ про байдарки, промокшего друга и красоту весеннего Днепра. Наверняка всему виной этот взгляд, который буравил мой мозг и, казалось, считывал мысли. Когда его глаза возвращались к моей шее — наверное, мерцание кристалла привлекло внимание, — я чувствовала себя несколько увереннее. Тем не менее, за час такого прессинга и моих попыток защититься, сохранив остатки контроля, организм просто взбунтовался, тупая боль охватила виски, предвещая скорую мигрень. Таблетка «солпадеина» где-то валялась в недрах моей сумки, в которую я каждый раз клятвенно обещала установить google для быстрого поиска нужной вещи. Но, во-первых, после мартини она бы только усугубила ситуацию, во-вторых, от нее было мало толку, если Дмитрий снова возобновит свою визуальную атаку, ну, а в-третьих... Каждый слышал афоризм, что у умных женщин головная боль проходит именно после секса? Вот это

мой вариант. Даже если во время такого приступа нет под рукой мужчины, всегда есть мои пальчики. Жаль, что сейчас это не совсем уместно. Я держалась, уже с трудом разбирая его слова, но, стоило лишь на минуту расслабиться, как я непроизвольно сжала виски.

— Что с тобой? — я очень поздно сообразила, что выдала себя. Он сжал мои пальцы, но, похоже, не расслышал слов о зависимости от атмосферного давления. Об этом красноречиво свидетельствовала его следующая фраза.

— Поехали ко мне. Попьем кофе и поговорим.

От неожиданности и неуместности подобного предложения я напрочь забыла о боли, ощутив какую-то апатию. Везде одно и то же. Ну, конечно же. А чего я ожидала? Что он вызовет как минимум доктора Хауса, сделает массаж пяток, уложит в кровать вместе с плюшевым тигром и споет колыбельную? Нет, он решил, что от головной боли я соглашусь на любую сосудорасширяющую терапию. Или вообще об этом не подумал. Ему же все равно. Он не предлагал, он требовал. Я ощутила себя в тупике.

Шлюха. Как часто я слышала эти слова?

Мужчины, разве я нарушила закон всемирного тяготения? Я всего лишь играю на вашем же поле, вашим же мячом. Но у вас подобное поведение приносит титул Мачо.

Девочкам с самого начала первых критических дней часто втолковывают две противоречивые сущности: что она должна быть секси, ухоженная, красивая, воспитанная... И одновременно никаких поцелуев до свадьбы. Чего вы ожидаете с такими нравоучениями? Что моментально посыпятся предложения руки и сердца? Нет. Да и чтобы полюбить женщину, мужчина должен ее сперва захотеть. И вот, вот самый основной момент, Мужчина. Мы что, лишены выбора? У нас нет такого права?

— Ты дрожишь. Ты боишься меня?

Ты же на маньяка похож, права была Эля. Но ведь тебе нравится, что я тебя боюсь! Холодная злость и желание съездить по его уверенному фэйсу стало нестерпимым.

— Вот еще! Говоришь, что я в любое время смогу уйти?

— Да я даже отвезу тебя сам!

Вообще аут. Я непроизвольно скосила глаза на бокал коньяка в его длинных пальцах, с трудом задавив в сознании ассоциативную цепочку длина пальцев = длина члена. Непонятно, чего мне сегодня следовало опасаться больше — насилия или же перспективы стать жертвой ДТП по вине пьяного водителя. Не то, чтобы он так много выпил, но подобная самоуверенность дико бесила.

— Ты же пил! — не выдержала я. Дима пожал плечами.

— Поехали?

Его руки гладили мою спину, казалось, проникая через ткань, я ощутила на шее его горячее дыхание. В том, что меня это заводит, признаваться самой себе не хотелось. В том, что он умелый любовник, я даже не сомневалась, тело безошибочно уловило эту особенность. Только я не проиграю! Не он один здесь лидер, я тоже привыкла получать желаемое, и если сегодня мы окажемся в постели, это будет только мой выбор!

Я резко вырвалась из его объятий. Соски стали твердыми, как гранит, грозя проткнуть ажурное кружево бюстгальтера. Кровь ускорила пульсацию, боль в висках стала почти приятной... Да я бахнутая на всю голову, не иначе!

Я дерзко посмотрела ему прямо в глаза, гася желание и выпуская на арену злость.

— Попьем кофе, да? В какой позе?

На миг мне показалось, что он если и не ударит, то точно скажет что-то резкое. Не

привык? Что ж, это только начало. Никогда такого не говорили? Всегда падали в постель по щелчку? Ничего, неотразимый ты мой. Все еще впереди!

Что? А, не насильник, чистой души человек, и ему можно верить. Стандартный набор пропаганды. Тоже женские сериалы смотрит, что ли?

— Дима... Ну мы же не в первом классе! — я решила сменить тактику и изобразила легкую грусть. — Что ты хочешь от меня, можешь пояснить?

Его лицо как-то сразу замкнулось, я ощутила холод и нечто еще... Опасность. Быстрый взгляд вновь метнулся к моей шее, и я едва не вздрогнула от промелькнувшей в нем жестокости... Он что, душить меня собрался?! С трудом подавила желание прикрыть шею руками. Юлька, твою мать, держи травмат поближе или вали домой, пока не поздно! Но почему, вопреки всему, мне так хотелось остаться?

— Да, я хочу тебя. С первой нашей встречи. И это не должно тебя удивлять. Ты не маленькая, чтобы не понимать, как ты действуешь на мужчин. Я не буду тебя ни к чему принуждать, если ты не захочешь. Ну, а если захочешь... Что ж, долго сопротивляться не буду.

Ну ни фига себе! На миг я опешила. Не ожидала такой циничной прямолинейности. Все, что угодно — от сюсюкания типа "Ты интересный собеседник, мы просто обсудим творчество Мураками/Эрики Эл Джеймс." или "Не льсти себе, я даже не заинтересован". Насчет Эл Джеймс, как оказалось впоследствии, я вовсе не ошибалась...

Понимая, что скрыть замешательство не удалось и он это увидел, я дрожащими пальцами выбила из пачки щелчком сигарету и закурила. Это была еще и демонстрация протеста в придачу, я же знала, что он не курит.

Дима ожидал моего решения. Что ж, это совсем не трудно. Либо я ссылаюсь на головную боль и сваливаю, тем самым расписываясь в собственной слабости, либо... Ну зачем я вру себе? Я хочу его так, что зубы сводит. Просто варюсь на костре первобытного желания без стремления к дальнейшим перспективам. Интуиция то молчит вовсе, то кричит о том, что я не пожалею... Что ж, проигрывать нельзя. Это мой выбор, и уж никак не его.

— Поехали.

Вот и все, я сказала это вслух.

Пока мы неслись по вечернему городу, паника всюду сражалась с желанием, и наоборот. Я постоянно ловила его взгляд, брошенный украдкой на мою шею. Нет, не стоит даже думать об этом.

Меня поразила его роскошная трешка в центре города. Белые стены с абстрактными картинами, кремовая кожа мягкой мебели, высокий ворс ковров, ни одной лишней детали. Окна во всю высоту стен. Квартира соответствовала его характеру.

При виде коллекции пневматического оружия и десяти богато инкрустированных катан на одной из стен я едва не закричала от восторга, но сумела вовремя взять себя в руки. Игры с оружием, моя любовь с детства, наверняка отодвинули бы всю романтику на второй план. Чистота в этой холостяцкой квартире казалась просто стерильной, и я с сожалением вспомнила о бардаке и пыли на полках в своей съемной квартире. Нужно в выходной заняться наведением порядка.

Головная боль отпустила. Скрывая свое смущение, я ретировалась в душ. Привычка всегда выглядеть на все сто сыграла мне на руку, маникюр и эпиляция были идеальны. Я пару минут постояла под горячими попеременно с ледяными струями воды, бессовестно намазывая кожу его дорогим гелем для душа. Ревизия на полках на предмет женских

косметических принадлежностей не дала никакого результата, и я с удовольствием ощутила, что это меня обрадовало, хотя, наверное, ровным счетом ничего не означало. После контрастного душа моя кожа стала идеально упругой, я нанесла на точки пульса по капле Boss Orange, спрятала обычные хлопковые трусики и бюстгальтер в сумку, — извини, дорогой кружевная, la Perla осталась дома, слишком поздно ты позвонил, натянула платье на голое тело. Появиться перед ним обнаженной для меня было равносильно суициду. Всегда стеснялась этого момента.

Я распустила узел волос на затылке, чуть взбив их пальцами, и, подумав, снова застегнула на шее колье. Его же заводит эта побрякушка, я видела!

При виде свечей я на миг растерялась. Не подозревала в этом брутале такой романтики! Я-то считала, что окажусь на кровати, в лучшем случае, с закинутыми на плечи ногами. При свете пламени его взгляд казался совсем глубоким, притягивающим, в нем даже было что-то дьявольское. Только страха не было. Было лишь желание, требующее его немедленных прикосновений, пульсирующее в каждой клеточке моего тела. Вновь моя дерзость прорвала плотину замешательства, и я мысленно швырнула в него ментальный импульс готовой принять всю страсть мужчины слегка смущенной девчонки. Сработало быстро. Я едва расслышала, как он вскочил и встал рядом со мной. Мои кулачки неосознанно уперлись в его грудь, но яростный поцелуй смел напрочь попытку слабого и неохотного сопротивления. Я встретила его язык, властно раздвинувший мои губы, и сладкий электрошок отключил объективную реальность. Вместе с тем он с нежностью, в противовес поцелую, обхватил мои бедра, и я с удовольствием обвила ногами его поясницу, ощутив ответное желание. Прикосновение грубоватой кожи джинс к моей гладко выбритой киске едва не снесло крышу. Просто безумие. Давно я так не сходила с ума. Даже с Вадимом. Даже с Женей, который и открыл для меня мир чувственных удовольствий. Плохо соображая, я сражалась с тугими, неподатливыми пуговками его рубашки, даже не ощутив, что оказалась на мягкой постели. Платье жгло кожу, и я, путаясь в ткани, попыталась его стянуть. Он оказался быстрее. Вдруг остро ощутив сою незащищенность, я, вопреки всему, задрожала от более сильного возбуждения. Чувствительность груди под его пальцами достигла высшей отметки. Я непроизвольно выгнулась навстречу его пальцам, языку и обжигающему дыханию, вздрогнув, когда он ощутимо потянул кожу моего ожерелья. Только всего лишь быстро расстегнул его, словно опасаясь обжечься, что-то проговорил, и я перестала соображать вообще. Он не торопился, с каким-то садистским удовольствием терзая языком мои соски, живот и внутреннюю сторону бедер. Когда он вошел в меня, заполнив собой, я уже не хотела сдерживаться и, судя по всему, не могла.

Обычно я никогда не царапала своих партнеров, но с ним это вышло непроизвольно. Все равно, я мало что тогда соображала. Кажется, долго кричала, подводя его почти к одновременному оргазму.

А все его слова... Я знала, что он не соврал.

— Тебе было хорошо?

Блин, о чем он? Ослеп? Оглух? Неа, мне не было хорошо. Ни грамма. Мне было офигительно классно... И офигительно мало.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Долго, где-то с минуту, достаточно, чтобы вызвать повторную эрекцию.

Реально, мало. Даже двух раз...

...Я закурила вторую подряд сигарету, заморожено созерцая городские огни. Его рука

сжала мое плечо, и я инстинктивно потерлась об нее, словно довольная ласковая кошечка. Умиротворение разливалось по телу, уезжать не хотелось вообще, но я не могла позволить себе появиться в академии в помятом виде.

На какой-то миг стерва во мне подняла голову. Я сбросила его ладонь.

— Кофе хочу.

Едва не хмыкнула, когда он покорно ретировался исполнять мой каприз.

Я летаю... Я в раю... Только ему знать об этом совсем не обязательно.

— Здесь, или вернемся в постель?

Пожалуй, лучше вернемся.

Кофе я допивала уже остывшим. Он лежал рядом, поглаживая меня по голове и играя прядью моих волос. В его глазах плясали подозрительные темные искры, хотя, возможно, мне это просто показалось. Он словно опасался произошедшего... Или, скорее, до конца не верил в это. А я...

Я не понимала, что чувствую. Кроме самодовольства, удовлетворения и постсексуальной эйфории. Некий рубикон был перейден, за ним осталось подобие выжженной земли и равнодушие к тому, кто возносил меня в небеса совсем недавно. Наверное, я имела все основания считать себя победительницей в этом противостоянии. Это был поединок, и побеждал в нем тот, кто сумел придавить свои эмоции. Я залпом допила кофе, показательно не обращая внимания на Диму.

— Юля, когда мы снова увидимся? — Властно осведомился он. Неа. Не показалось. В глазах та же темнота и обещание чего-то... Только пауза совсем не была неловкой, я просто наслаждалась его неоднозначной реакцией на свое потребительское отношение. Дал слабость, получи. Я нагло закурила, проигнорировав его недавнюю просьбу табачить только на лоджии, и сбила пепел в пустую чашку из-под кофе.

— А зачем?..

Дорого б я сейчас заплатила, чтобы увидеть его фэйс, но, играя роль до конца, продолжала с показательным интересом рассматривать свой маникюр. Нейтрально пожалала плечами.

— Мы просто классно провели время.

Он придвинулся ближе. От его взгляда мне стало не по себе.

— Я должен был спросить сразу. У тебя кто-то есть?

— Нет, вроде, — усмехнулась я. — А что, это имеет значение?

— Большое. Значит, ты одна. Отлично. Меня ничто не останавливает. Я хочу дальнейших встреч. И не ври мне, что сама этого не хочешь. Тебе было хорошо сегодня.

— Да, — согласилась я. — Было хорошо. Только я не могу понять, зачем тебе все это надо.

— У меня свои мотивы, — ледяным тоном припечатал Дмитрий. — Но принуждать я тебя не могу. Хоть и готов подождать, пока ты будешь готова.

— Готова к чему? — не поняла я, поворачиваясь к нему. — Ты еще и психолог в придачу?

На миг легкое удивление промелькнуло в его глазах, но в тот же миг их снова заволочло льдом. Тонкие губы плотно сжались, и я ощутила смутное беспокойство.

— Да, у меня заочное образование — социальная психология. Не говорил разве?

Не говорил. Такое я бы точно запомнила.

— Может, тогда тебе стоит построить собственных тараканов?

Его рука резко взметнулась, несильно приложив меня по щеке, и в следующий момент я снова оказалась на кровати, непроизвольно всхлипнув от боли в затылке. Мои волосы мертвой хваткой были зажаты в его кулаке.

— Ты конченный! Отпусти!

Сердце бешено билось под его ладонью, которой он с усилием сжал мою грудь. Я ощутила ужас. Он больной! Бежать отсюда надо было, а не упражняться в своей стервозности! Меня все еще трясло, когда хватка ослабла, а его губы нежными, успокаивающими поцелуями прошлись по моей шее. Этот внезапный переход еще больше выбил из колеи, лишив меня способности вырываться, усыпив самоуверенность страхом возможной угрозы.

— Юля, прости. Это было недопустимо. Просто в следующий раз следи за своим маленьким острым язычком.

Так просто?! Будто это в порядке вещей? Я инстинктивно отползла в угол кровати.

— Прекрасный способ предложить мне отношения!

— Я извинился. Ты тоже думай, перед тем, как сказать. У тебя нет тормозов. Ты без защиты когда-нибудь убьешься нахрен.

Я не смогла ничего ответить. Потому что ответ неотвратимо шокировал бы меня саму. Я остро ощутила свою внезапную уязвимость рядом с его силой и непримиримостью, и от того, что была абсолютно голой, оно лишь сильнее усилилось.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я лихорадочно, путаясь в рукавах, натянула его рубашку и, схватив сигареты, поспешно выбежала на лоджию. Сердце бесновалось, как ненормальное. Но не от страха. Скорее от азарта и чего-то еще... Меня просто ошеломила его властность. Весело...

Проиграла, Беспалова? Складываем лапки и позволяем ему править бал? Да, два дебила это сила, ума нет, зато красиво... Только не будет все по его правилам!

Он стоял за моей спиной. Подходить ближе, видимо, опасался. Я молча повернулась к нему, и, хоть так и не смогла заставить себя взглянуть в его глаза, улыбнулась.

— Пожалуй, не стоит завершать вечер на такой трэшовой ноте...

Рубашка полетела на пол, и уже спустя миг я задохнулась в его осторожных... Нежных... Сводящих с ума объятиях.

В этот раз он старался из последних сил, словно стремясь сгладить свою недавнюю жестокость. Впервые я даже воздержалась от сравнения с Вадимом. Вадик... Впрочем, он никогда не требовал от меня лебединой верности, давая понять, что, если я начну какие-либо отношения, мешать мне не станет. Я не хотела сейчас об этом думать вообще.

Уезжать не хотелось... Мы едва не сделали это снова. В машине, аккуратно у моего подъезда. Тогда я обманывала сама себя, что не проиграю, если мы увидимся снова.

На автоответчике высветилось пять неотвеченных от мамы. Невзирая на позднее время, я перезвонила. Что за привычка экономить, и не звонить мне на мобильный? Я что, счет за телефон не смогу им оплатить?! Трубку взяла Настя.

— Юлька, ты самая офигенная систер, обожаю тебя! — я поморщилась от ее оглушительного визга.

— Так. Во-первых, почему не спишь? Во-вторых, не ори, мать разбудишь. А в-третьих, что случилось? В последний раз ты грозилась вырвать все мои нарощенные волосы и подпилить каблуки, если я не ошибаюсь.

— А я спать не хочу, мы с классным чуваком чатимся. Как это — что случилось?!

Платье! Та самая Мах Мара на выпускной! Я тебя обожаю!

Ах да, платье. Вадим сам предложил мне сделать сестре такой презент по случаю окончания ею девятого класса. Вот за что я его уважаю! Пара звонков, стоимость вместе с доставкой оплачена.

— Мама сказала, что это неправильно, требовала раздобыть у тебя его номер, якобы поблагодарить, но сама как сморозит что-то, а то я ее не знаю! — заливалась Настя. — А можно мне в уши твои золотые бабочки? Я осторожно, ты же знаешь! Еще Ленка приходила в гости, она татуаж бровей себе сделала. А еще она с твоим бывшим одноклассником разбежалась, он ходил по улице и орал, что она сломала его жизнь!

— Знаю. Петренко заслужил. — Я мстительно улыбнулась, вспомнив его подлое поведение в школе. — А ты что? Всем мальчикам уже головы вскружила?

— А я иду по стопам своей классной старшей сестры! — Выдала Настя. — Это генетическая память! Кстати, Лена не спит, в скайпе светится!

Я подскочила к компьютеру и быстро включила его. Поделиться с подругой событиями сегодняшнего дня хотелось до боли в натянутых нервах. Настя продолжала захлеб делиться своими приключениями.

— А я ему сказала, что если у него нет денег даже на мороженое, пусть смотрит свои боевики в одиночестве. А он сказал, что у него очередь таких как я выстроится, очередь кого, любителей боевиков?

— Да поржать с него очередь выстроится, только и всего. — Ленка была в скайпе. Ура! Пора заканчивать разговор.

— Настька, целую крепко. Ложись спать, завтра в школу опоздаешь. Маме привет, я завтра еще позвоню. Пока. — Я сбросила звонок, и как раз вовремя. Лена, заметив мой онлайн, уже звонила.

— Ух ты, а чего это мы при полном параде в час ночи? — слегка опешила моя подруга. Сама она, судя по всему, только вылезла из ванной. — Снайпер, ты свои глаза вообще видела? Травка хорошая? Хотя нет, ты же не по этой части... Не говори, я отгадаю. Алекс Скарсгард собственной персоной?

Снайпером она меня прозвала за любовь к оружию и лазертагу. Я рассмеялась. На душе было очень легко.

— Бери выше. Если исходить из классики, скорее, Кристиан Бэйл.

— Офигеть, у тебя есть его фотка?

— Нет пока. Откуда ты знала, что он позвонит? Что еще говорит тебе твоя высокоразвитая интуиция? — Я заметила, что Ленка явно хотела спать, но мне необходимо было с ней поговорить. Хоть пару минут.

— Да, я вижу. Так и знала, что он не один раз тебя позвонит.

— Эй, что ты делаешь? — не поняла я, увидев ее хитрое выражение лица.

— Фотографирую твою довольную рожицу для истории. Иди и съешь лимон, нельзя быть такой довольной.

— Жду прогноза! — прервала я поток ее остроумия.

Конечно, подруга меня изрядно помучила расспросами, требуя подробностей вечера во всех пикантностях. Лишь когда мы обе начали зевать, Лена, изобразив оракула, выдала вердикт.

— И страсть этого исчадия ада за гранью нормального, встретились два маньяка, и настал черед апокалипсиса! — она засмеялась. — Будь осторожна. Пусть влюбится.

Мы попрощались, но сон так и не шел. Я приняла теплый душ, выпила мятного чая, легла в постель, и еще долго прокручивала в голове подробности вечера.

Завтра надо не забыть надеть красивое нижнее белье. Пусть удивится. Пусть загорится еще сильнее. Это вызов, детка!

С такими радужными мыслями я, в конце концов, уснула.

Дима

Я уже битый час истязал боксерскую грушу в своем спортклубе, не слушая рекомендаций тренера и не замечая никого вокруг. Ничего не изменилось за прошедшие несколько суток в моем окружении. Все такое же серое утро за окном, апрель отдавал свои права последнему весеннему месяцу. Все те же пробки по пути в клуб, счета и список мероприятий, сотрудники, иногда крепко выводящие из себя своей бестолковостью, и непереносимое дефиле особо пафосных клиенток. С половиной из них у меня уже были непродолжительные отношения, и я больше не замечал их сексапильных махинаций с тренажерами, призывных улыбок и обтягивающих спортивных костюмов. Еще бы вчера я с наслаждением любовался всеми неприкрытыми прелестями этих райских птичек. Вчера. Сегодня же мне не было до них никакого дела.

Самая соблазнительная хищница попала в сети другого хищника. То есть в мои сети.

После нашей последней встречи я не хотел отпускать ее ни на миг. Едва удержался от желания развернуть на пороге, и... Она моя девочка. Пусть до конца еще этого не поняла, но она моя. И я не хочу ее отпускать. Не хочу другого потрясения. Что ж, это будет не сложно, я сумел удержать себя в руках. Ну, почти сумел. С ней это оказалось легко, раньше я ни к кому не испытывал подобной нежности. Внутренний зверь завалился в глубокий нокаут.

Юлька. Девчонка с характером прожженной стервы и совсем еще детскими, широко распахнутыми глазами. Я старался не думать о том, откуда у нее дорогие шмотки, элитный парфюм и дизайнерская обувь. Наверное, богатая семья, я не интересовался. Потому что уже был готов убить любого, кто к ней прикоснется.

Я не брал в расчет ее чувства. По-другому быть попросту не может.

В офисе я появился в превосходном настроении после разогревающего бокса и теплого душа. Алла поспешила ко мне с бумагами. После недавней выволочки за глубокое декольте на ней был темный гольф, полностью скрывающий шею. Она так и не поняла, что вовсе не декольте тогда стало причиной выговора.

Я отвернулся от кофеварки и протянул ей чашку с капучино.

— Кофе?

Алла обалдела и осторожно, словно ожидая подвоха, приняла чашку из моих рук. Она что, ожидала, что я выплесну кипяток ей на руки?

— Потрясно выглядишь.

— Спасибо, шеф. — Я завизировал счета, требующие немедленного погашения. После этого, решив изначально начать день на высокой ноте, набрал Юльку. Уже предвкушал, как услышу ее показательно надменный голосок, который в скором времени потеплеет. Я и услышал. Равнодушный и лишенный эмоций, голос... Оператора голосовой почты.

Наверное, холодный душ и то не произвел бы подобного эффекта. Умом я понимал, что она на парах, телефон отключен, только непонятная злость за этот факт вопиющего протеста на миг сковала мое сознание. Только я не спешил отключаться. Наверное, это было глупо, но двухдневная разлука давала о себе знать, не позволив промолчать.

— Сначала я рывком сорву твоё платье... Чтобы не смела прятать от меня свое роскошное тело. Затем укушу тебя прямо в твою белую шейку, чтобы всегда видела отметину того, кому принадлежишь. Я спешить не стану. Даже не буду реагировать на твоё

участившееся дыхание и просьбы сделать это поскорее... Заставлю пылать в ожидании каждого последующего прикосновения. И вот когда ты обезумеешь от страсти, плохая девчонка, вот тогда...

— Лучше бы ты составил нормальный проект для рекламы на телевидении и слетал на выставку Kettler, обновить свою рухлядь. Я смотрю, энергии море, только она уходит не туда, куда следует.

Я вздрогнул от неожиданности и поспешно нажал кнопку отбоя. Подобной неловкости не было с тех самых пор, как отец застал меня в подростковом возрасте в душе за самоудовлетворением. Охрана получит втык по первое число сегодня же. Какого члена никто из них не дал знать о приезде отца? Вот уж, поистине, талант появляться не вовремя. Я же всем раздал указания сообщать немедленно, как только он появится в поле видимости. После того случая, когда он застал меня прямо в кабинете с очаровательной клиенткой, больше любящей тренировки иного рода.

— Коньячку отцу нальешь? Давление ни к черту. — Я резко метнулся к бару, разозлившись на себя за такую реакцию. Пора начинать сразу гнуть свою линию, а не пасовать перед ним. И все же это было очень сложно.

— Опять вертихвостки? — отец кивнул на телефон. — Я еще, часом, не дедушка? Я налил ему "Хеннеси". Подумав, уверенно плеснул и себе тоже.

— Что такое? "Лендкрузер" давно ремонта не просил? — тут же встрепенулся родитель. Я, не мигая, встретил его взгляд.

— Давно. Есть сомнения в моем мастерстве как водителя? — маленькая, но победа.

— Да ничего. Все развлекаешься? Ситуация с Мариной ничему тебя не научила?

— При чем тут Марина?

— Забыл уже, как неделями потом в академии не появлялся, на первом курсе? И, по ходу, так ничему с этого времени не научился. Только Марина была из семьи нашего круга. А с этими только расслабься, руку откусят.

— Давай я сам разберусь с этим. Хорошо? Ты в гости или просто поговорить?

— Мать даже этикету тебя не научила в свое время? Отец не может просто так проведать своего сына? Я вот, собственно, к чему. Отправляйся в Мюнхен на выставку. Я не вполне доволен результатами экспертизы по безопасности оборудования. Через полгода все тренажеры приблизятся к аварийному состоянию, ты должен быть готов произвести быструю замену. Обрати внимание на коэффициент износостойкости.

— Когда выставка? — я не собирался ехать туда в мае, хотя разумность в словах отца была очевидна.

— 12 мая.

— Хорошо, я закажу билет.

— И покажи мне последние графики, раз уж я здесь.

С этим все было просто замечательно. С наступлением весны наблюдалась небывалая прогрессия, народ спешил вернуться в форму после нереально холодной зимы. Еще немного, и станет проблематично принять всех желающих. Я еще в марте задумался об открытии очередного спортзала.

К моему удивлению, отец остался крайне доволен предоставленными цифрами. Я отчетливо увидел на его лице восхищение.

— Дима, я не ошибся в тебе. Давай в том же духе.

Я едва подавил вздох облегчения.

— Ну, а теперь я тебя покидаю. Сессия горсовета на носу. На выходных рассчитываю с тобой поужинать. Закажу столик в "Не Гони". Ну, а потом можно в сауну. Семейной компанией. Можешь взять свою горячую штучку, только пусть для меня тоже подругу прихватит.

Кого-то другого это могло бы развеселить. Но отец был серьезен, как никогда. Настроение пошатнулось. Нет уж, хватит. Пусть, если желает, сам заказывает себе шлюх, а своих подруг бросать ему в пасть я не намерен. Бывших подруг, если быть точным. Такими они могли смело считаться после появления в моей жизни Юли.

Когда я оторвался от работы, на часах было четыре вечера. Я торопливо набрал Юльку. Тишина. Недоступна. Да сколько их, этих пар?!

Вечер был совершенно свободен. Может, съездить сразиться в бильярд? Я позвонил Вове и нарвался на его возмущенный пониженный тон.

— Слушай, ну ты вовремя!

— Что случилось?

— Эта большегрудая куколка только что пошла в душ. Перестань меня отвлекать от создания романтической атмосферы, я уже пальцы себе прижег!

Большегрудой он называл эту Лену, близкую подругу...

— Подожди, а Юлька?

Вован расхохотался.

— А что, классная идея! Блондинка и брюнетка одновременно, ммм...

Впервые за время нашей долгой дружбы у меня появилось желание раскрасить его рожу в цвета триколора.

— Речь шифуй, понял?

— Да расслабься! Нет ее здесь. Я вообще думал, она с тобой, так Ленка сказала. Слушай, нацепи на нее поводок, это же по твоей части, чтобы больше не терять из виду. Все, закончу, перезвоню. Может быть. Утром.

Послал я его в уже замолчавшую трубу. За поводок точно лишится пары зубов при встрече. Но злился я вовсе не на него. Подруга Лена, судя по всему, уже хрен знает сколько времени была свободна, а Юлин телефон все так же молчал. Что бы это могло значить?!

Я набрал еще раз 10, выслушав автоответчик. Образы, пришедшие в голову, могли напугать даже де Сада. Попадись мне только!

Дозвониться ей удалось почти в полночь...

— Ты, ничего не хочешь пояснить? Что за детский сад? Ты где была?!

Будь она рядом, я бы не сдержался. Исполосовал бы ее без жалости одной из своих семихвосток, затолкав в рот кляп, чтобы не орала. Это бы отучило ее от подобного динамо.

— А ты тон смени, понял? — ласково отозвалась моя дорогая девочка. — Если выключила, значит, есть причины! И доброй ночи тебе также.

Убрала она меня лихо. Я проклял себя за излишнюю самонадеянность. Какой там держать себя в руках? Она нарвется. Ничего. Долго такое терпеть я не стану.

— А ты не думала, что я переживаю? — я все же сдержался. — Лена свободна, а ты...

— Ты что, звонил моим подругам?! А не много ли на себя взял, Димуля? One-night-stand — и ты решил, что у тебя право указывать мне, что делать?! Ты еще, давай, к ректору запишись на прием и выясни, посещаю ли я занятия!

Что бы я с ней сделал за эти слова, будь она моей в полном смысле слова? Мне страшно было об этом даже думать. Сломал бы в два счета.

One-night-stand? Вот, значит, что для нее все это означало? Банальный трах без обязательств? Хотя, чего я ожидал? Я был с ней недопустимо мягок. К черту условности, я ее продавлю до основания. Больше не посмеет говорить со мной в таком тоне. Вообще не посмеет заговорить без разрешения.

Такие не понимают человеческого отношения. Язык насилия и воспитания им понятен куда сильнее. Пора плавно отходить от этого способа поведения. Я давал ей возможность быть со мной как с обычным человеком. Хватит.

Я подавил ярость почти без труда. Процесс ее приручения начинается, это решенный вопрос. Не захотела быть моей королевой? Твои проблемы. Станешь рабыней. И это не вопрос, это утверждение.

Внутренний зверь захлопал в ладоши. Повод легализирован.

— Успокоилась. Поняла меня? — мягко велел я, даже не удивившись тому, что она подчинилась. — Завтра поужинаем вместе. Заодно и поговорим.

— Хорошо... — привычная спесь слетела с нее, это я ощутил в ее дрогнувшем голосе.

Впереди были майские праздники. Какими бы ни были ее планы, я предвкушал, что проведу их вместе с ней. Идеи одна смелее другой бились на выживание. Может, вырваться в загородный дом? Вдали от города, тишина, идеально для начала обращения. Пожалуй, стоит заранее запастись баккарди с мартини и легкими закусками.

Второй вариант, наша вилла в паре километров от Симеиза. До моря десять минут на авто, кругом ни души. Соседи, среди которых даже были некоторые известные личности, редко интересовались делами всех остальных. Я их даже ни разу не видел. Говорили, что белый двухэтажный особняк приобрел фронтмен известной на весь мир украинской рок-группы, а тот, вдалеке, принадлежал киевскому политику.

В свое время я хорошо модернизировал этот дворец из десяти комнат, тренажерного зала, бассейна и огромных террас. Также там имелся теннисный корт, парковка на случай масштабной тусовки и специально огражденная площадка для пикника.

Этот дом отец подарил мне на 25-летие. Часто, путешествуя по миру, я всегда с тоской вспоминал этот дом, который не променял бы ни на один шикарный отель. Тогда у меня были отношения с Дашкой, миловидной шатенкой, мастером спорта по современным танцам. Мы были вместе три месяца. Отпускать ее было тяжело, но эта девочка просто уехала крышей, узнай, чем же я дышу вне ее объятий.

Подумав, я все же решил, что начало мая — еще не самый удачный период для отдыха на побережье. Частые дожди, прохладный ветер и еще не прогретая вода. В конце мая там будет уже сезон в разгаре. Подождем...

Она не знала, что я хочу с ней делать. Стоило быть с ней честным, хотя бы попытаться.

Говорят, из Темы никогда не уходят — это затягивает сильнее наркотика. Я склонен видеть истоки подобных игр в далеком прошлом, когда самый сильный альфа общины брал все силой, в том числе и понравившуюся ему женщину. У древних девчонок особого выбора не было. Либо бежать сломя голову в пасть очередной саблезубой твари, либо подчиниться тому, кто сможет ее саму и последующее потомство обеспечить максимальной защитой, лучшими шкурами и самым сытным мясом убитых мамонтов. Хищники больше были не опасны, самый страшный хищник не позволял им причинить ни малейшего вреда своей женщине. Может, поэтому я не считал свои желания отклонением вообще.

После ее появления в моей жизни я понял, что невозможно убить в себе генетику предков. Правда, ради нее готов был хотя бы попытаться.

Но как же трудновыполнимо! Я так и не смог выкинуть из собственного сознания все те картины. Одержимость во всей красе. И мне даже легко было оправдать самого себя. Подобные отношения, построенные на полном раскрытии и доверии, часто привязывают покрепче любых веревок. Умом я понимал, что Юлька может оказаться просто морально не дозревшей до такой игры. 19 лет, возраст бунтарства и протеста. Я не собирался спешить. Подведу к этому постепенно.

... На следующий день я прибыл в ресторан японской кухни на десять минут раньше и был приятно удивлен, увидев ее у бара. Стало быть, с опозданиями покончено? Юлька выглядела как никогда трогательно, ее темные волосы были схвачены по бокам в два трогательных хвостика.

— Я с тренировки, — улыбнулась Юлька, ответив на мой поцелуй. В спортивном стиле она смотрелась стол беззащитно, что мне стало еще труднее держать себя в руках.

Я подхватил ее за талию, и, не обращая внимания на других посетителей, закружил в воздухе. Мне очень сильно ее не хватало все это время. Она сперва испуганно огляделась по сторонам, но уже вскоре, расслабившись, со смехом обхватила мою шею.

Я донес ее, свежую после душа, пахнущую тонкими дорогими духами, до столика и осторожно опустил на диван. Она покраснелась, это было заметно даже в полумраке, но ее глаза сверкали. Официант, высокий парень с длинными, стянутыми в хвост волосами, скользнул по ее фигуре заинтересованным взглядом, но Юлька расправила плечи, дерзко встретив его взгляд. Я ощутил желание сказать ему что-то резкое. Это моя девочка, кажется, я подробно это всем продемонстрировал. Юлька покрутила в пальцах хвостик своих волос и оценивающе оглядела парня с головы до ног. Я было напрягся, но официант уже ретировался, с трудом скрывая смущение. Пожалуй, стоит вызвать менеджера и высказать свои претензии по поводу хамства персонала.

Я кормил ее роллами из своих рук, с трудом удерживая хаши в правильном положении. Ее язычок облизывал палочки с утонченным эротизмом, при этом периодически касаясь моих пальцев.

В разговоре выяснилось, что выходные у нее заняты.

С ней мои эмоции словно впадали в затяжной транс, иногда выстреливая фейерверками. Я отрывками вспоминал потом безумство прямо в машине — ехать ко мне Юлька наотрез отказалась. Но, тем не менее, проявила инициативу сама. Я донес ее на руках до квартиры, надеясь заскочить на кофе, но моя девочка была настроена категорично.

— Нет, Дима. И на праздники меня не будет. Не звони, телефон будет вне зоны доступа...

Юля

Я сладко, с грацией довольной сиамской кошки потянулась на шелковых простынях и вытянула вверх руку, любуясь магическим мерцанием почти черных сапфиров по периметру золотого браслета. Это было настоящее произведение ювелирного искусства — абстрактное переплетение золотых звеньев и крупные сапфиры прямоугольной огранки. Золотая змейка нежно ласкала мое тонкое запястье, и от этого по телу бежали легкие разряды тока. Лучшие друзья девушек — бриллианты, лучшие друзья уникальной девушки — сапфиры.

Вадим лежал рядом, не сводя глаз с моего довольного лица. Наверное, я даже самой себе не могла ответить на вопрос, что же вызвало такую реакцию — его подарок или же его мастерство в постели, от которого я очень быстро взлетела на гребне двух оргазмов. Впрочем, с ним никогда не было плохо за все то время, что мы провели вместе. Скорее, это

было беспечное существование беззаботной, самодовольной и не притесняемой ничем девочки. Ощущение свободы не покидало меня ни на миг.

Я оторвалась от созерцания браслета и перевернулась на живот, с улыбкой встречая взгляд Вадима. Мне было тихо и спокойно. Я больше не замечала крикливого пафоса гостиничного номера самого дорогого в городе отеля. Хотя, изначально меня несколько напрягло его нежелание остановить свой выбор на моей квартире. Поразмыслив, я пришла к выводу, что все логично. Женат, и это мера предосторожности. Плюс меньше пересудов бабулям у подъезда.

Что до Вадика... По сути, он заменил мне отца, которого, можно считать, у меня никогда и не было. Отец бросил нас, когда мне исполнилось девять лет, а Настеньке, соответственно, пять. Просто так, ничего не поясняя. Настя ревела белугой, мать ушла в себя, иногда заискивающе глядя на мужчину, смысл всей ее жизни, я молчала, а когда он погладил меня по голове, выдала трехэтажный, подслушанный в школе, когда электрики меняли лампы. А затем просто плюнула ему в спину. Как сейчас помню, на твидовый серый пиджак. Мать, не прекращая всхлипывать, вlepила мне оплеуху, от которой я заревела. Наверное, она любила его гораздо больше, чем нас, своих дочерей.

А потом... Я ненавижу вспоминать свой собственный ад, который начался потом. От отца мы не получили ни копейки. Он просто вычеркнул нас из своей жизни. Мать не стала сражаться даже за положенные ей по закону алименты. Она крутилась сразу на трех работах, получая жалкие гроши. Мне с ранних лет пришлось помогать ей убирать ночные клубы и кафе. Я возненавидела такую жизнь.

Я очень хорошо помню, какая волна ненависти обрушилась на меня тогда в школе. Ну не было у нас возможности оплачивать добровольно-принудительные факультативные занятия, дорогие подарки учителям, ремонт школы, учебники и прочее. Учителя, словно гиены, негласно присоединились к всеобщей школьной травле.

Однажды меня посетила мысль о суициде. Я нашла старую, забытую папой бритву, которую мать хранила как зеницу ока. Разобрала ее, зажмурилась... И тут же со всей дури отбросила в угол. Нет уж! Мне только 12 лет, вашу мать!

Наверное, после этого пошло становление новой меня.

Я перестала безропотно сносить издевательства учителей. Пару раз резко поставила их на место, забив на последующую лавину двоек. Очень жестко и детально разложила матери все, что думаю об отце, и уверенно перехватила ее ладонь, собирающуюся захватить мне очередную оплеуху. Досталось даже Насте после ее надрывного "папа лучший, а ты сука!" Тогда я твердо заявила матери, что больше не намерена так жить. Осточертело. Раз и навсегда.

Мне было 15, когда я встретила Женю, и моя ущербность на фоне ярких и ухоженных, круто прикинутых одноклассниц стала еще одним ощутимым ударом. Желание перемен завопило с прежней силой. Я просто подошла к зеркалу и посмотрела на себя со стороны.

Фигура была прямо точеной от вечного недоедания. Конечно, не без изъянов, вполне устранимых спортом и правильной одеждой. Начну качать пресс и руки, приказала я себе. Кожа. Вот тут трудно было обойтись своими усилиями, нужен косметолог. Да и парикмахер тоже. Прическа абсолютно безликая.

Кое-какие сбережения от доставки газет и расклейки объявлений у меня имелись. С этим проблем не будет. Идем дальше. Ногти длинные, но они никогда не знали, что такое маникюр. Кожа белая. Сучки с класса всю жару свои тела в соляриях, но зачем это мне,

если уже вовсю припекает солнце, рядом море, а я знаю все уединенные пляжи в родном городе? Я воодушевилась. Но ненадолго — до первого взгляда на свои ужасные шмотки, от которых хотелось завывать. Может, ну его, этот салон красоты, лучше купить джинсы? Но тут же одернула себя. Нет. Первоочередная задача — подчеркнуть свою естественную красоту. Джинсы Женя может и не заметить, а вот мои искусанные ногти и отсутствие эпиляции...

На следующее утро я отправилась в салон красоты. Моих сбережений едва хватило на модную стрижку каскадом и покраску, комплексную чистку лица с эффективными, но дорогими масками, коррекцию бровей, маникюр с педикюром и эпиляцию голеней. Из салона я выпорхнула обновленной! К тому же, косметолог щедро поделилась со мной ценными советами по уходу за собой в домашних условиях. Это помогло поддержать себя в форме месяц до повторных процедур, которых уже потребовалось не так много. Остаток средств я сперва планировала пустить на джинсы.

А потом встретила Лену.

Эта девчонка, моя будущая подруга, потрясла меня. Яркая, высокая, как и я, с рваной стрижкой красивого шоколадного оттенка, с изысканным макияжем, упакованная по последней моде. Так мне показалось вначале. У нее были отношения с Ильей, другом Жени. Мы познакомились на ее же дне рождения, на который меня силком затянули. Я жутко комплексовала по поводу своей одежды, и Женя милостиво подарил мне оригинальный летний сарафан розового цвета с переплетением полос на спине. Это был первый модный наряд в моем гардеробе, творение китайской индустрии, но я ценила его больше всех дизайнерских шмоток, что сейчас висели в моем шкафу.

Лена сама подошла ко мне, скучающей в беседке ее дома, и протянула пачку сигарет.

— Юля, да? Правильно запомнила? Куришь?

Я с благодарностью взяла сигаретку.

— Еще раз с днем рождения.

— Еще раз спасибо, — Ленка очень красиво курила, и я против воли начала копировать ее утонченные жесты. Она была нереально дерзкой, и в то же время поразительно дружелюбной. Она мне понравилась.

— Жека классный. Но ранимый. И почти все время говорит правду, — доверительно сообщила Ленка. — Хочешь поорать? Он сказал, что придет со своей девушкой, а мы решили, что это очередная пафосная сука, и договорились устроить ей игнор и общественное "беее". Хорошо, что все оказалось по-другому! Та блондинка, что вас встретила — моя сестра Вика. Она прибежала и говорит — отбой, норм девчонка, только перепуганная малость.

Мы проболтали час, потом долго танцевали и накачивались шампанским. Секса с Женей в тот вечер у меня не случилось по причине отсутствия красивого... Или хотя бы нового белья. Но на завтра мы с Ленкой договорились подобрать мне что-то. Я не постеснялась обратиться к ней за помощью, потрясенная ее чувством стиля. Мы встретились в полдень в центре.

— А сейчас по бутикам! — гордо провозгласила Ленка. Я опешила. Двести гривен в потрепанной пляжной сумке были каплей в море даже для обычных магазинов.

— Подожди, ты меня не поняла! У меня только...

— Успокойся! — заговорщицки подмигнула Лена. — Наши бутики не тут. Я просто хочу в "Дом Кофе"! Выпьем по чашечке и в бой. Я угощаю. И без возражений, угостишь меня в следующий раз.

10 минут спустя я пила самый потрясающий в своей жизни кофе из маленькой чашечки, настроение было отменным. Мы без напряжения болтали с Леной про парней, секс, школу и проблемы отцов и детей. Она тоже росла без отца, и это нас еще больше сблизило. Под ее влиянием я раскрепостилась, распрямила плечи. Двое представительных мужчин за соседним столиком без конца оглядывались на нас, а потом, проходя мимо, один из них произнес:

— Девчонки, вы просто потрясающе выглядите.

Я засмушалась, а Лена обаятельно улыбнулась говорящему, и то едва не перецепился через стойку с кофеварками.

Под броским названием "Бутик интересных вещей" скрывался обычный «сэконд хэнд». В центральном зале толпились несколько человек, и я, заметив маечку голубого цвета, потянулась к ней, за что тотчас получила по рукам.

— Подожди, иди за мной!

Ленка подтащила меня к бронированной двери и постучала.

— Теть Люба, это я! Можно?

Нам открыла дверь милостивая женщина в деловом костюме. Ленка обняла ее прямо с порога и втянула меня в кабинет.

— Это Юлька, моя подруга. Есть что-то для нас?

— Леночка, девчонки еще даже не разбирали. — Хозяйка магазина улыбнулась мне. — Какая красивая девочка! Лето? Ну, само собой.

Она просто придвинула к нам объемный ящик и ловко высыпала его содержимое на диван.

— Люкс-оценка. Думаю, много интересного найдете.

Ленка уже была у кучи шмоток. Ее руки профессионально задвигались, и она кинула мне пару футболок, затем платье. Следом в меня полетела джинсовая юбка, белые шорты и золотистая мастерка.

— Не стой, бегом мерить! — я машинально кивнула. На каждой вещи болтался ярлык производителя. Я оглянулась в поиске ширмы, а подруга расхохоталась. — Юлька, тут нет мужчин! Пулей переодевайся!!!

Теть Люба деликатно уткнулась в бумаги, а я, стянув сарафанчик, влезла в слегка свободную в талии юбку из приятной джинсы и майку черного цвета с декором по вырезу в виде крупных страз. Майка вообще села, как вторая кожа. Я подошла к большому зеркалу у стены и обалдела. На меня смотрела совсем другая девчонка — ухоженная, яркая, похожая на тусовщицу самого крутого ночного клуба. Как же хорошо, что первая моя инвестиция была в косметологию, визажиста и парикмахера! На мне, прежней, этот наряд смотрелся бы как на золушке после кухни.

— Класс! — Восхитилась Лена. — Откладывай, берем!

— Но юбка слегка...

— Откладывай, говорю! Дальше.

Красное платье прекрасно облегло фигуру. Животик выделялся, но это поправимо. Скоро уберу его подкачкой пресса. Шорты не подошли, но Ленка уже нашла мне другие, цвета лазури. Со второй белой майкой с декором в виде цепочек они смотрелись просто отпадно. Я влюбилась в свое отражение. Это была новая Я. Дерзкая, уверенная, сексуальная одним словом, потрясающая. Как Лена.

Спустя пару часов мы выбрали мне еще два платья, белую блузу с абстрактным

принтом, обтягивающие джинсы скинни (придется удлинить!), алую тунику, пиджак и юбку-карандаш. Ленка тем временем опустошала второй ящик

— Готова поспорить, классного купальника у тебя тоже нет!

Я вспыхнула. Неужели это так очевидно?

— Да у меня тоже нет. Сейчас исправим.

Спустя полчаса я примеряла купальник ярко-алого цвета с двойным эффектом пуш-ап, с лэйблом известной мне по журналам фирмы triumph. Фурор на пляже будет полным. Вторым купальник был черный.

— Cavalli! — Проорала Лена, и тут же, передумав, отложила в сторону. — Нет, этот я тебе не отдам. Себе заберу.

Что и говорить, шоппинг удался. Напоследок мы еще и затарились аксессуарами. Все это обошлось мне в номинальные 160 гривен. Мы вышли на яркий солнечный свет, и тут я осознала, что у меня нет хорошей обуви. Ленка словно прочла мои мысли.

— Да, но тут лучше не выбирать, вся затасканная. Тебе шпильки нужны на такие обалденные ноги. И сандалики б не помешали. Что у тебя осталось?

— Сорок.

— Ну ничего, я тебе подкину, если что, до зарплаты. Завтра на рынок съездим. На первое время что-то выберем, а потом научись покупать себе обувь подороже. И белье также. Кстати, насчет белья — сама понимаешь, тут не стоило даже и пытаться.

Я прикинула, что вряд ли вложусь по сумме, и сказала об этом подруге.

— Ничего, купишь просто трусики поразвратнее. Без верха обойдешься пока. Лето на дворе.

Потом она затащила меня к себе и заставила все снова перемерить под взглядом ее матери. Та работала швеей. Юбку и джинсы я оставила на переделку.

Утром следующего дня я стала обладательницей стильных черных босоножек на 12-тисантиметровой шпильке. А еще — красивого кружевного комплекта нижнего белья.

Моя мама рвала и метала, впервые распотрошив мой шкаф, брызгала слюной, грозя сжечь все это великолепие. Она свыклась с постоянной бедностью настолько, что просто презирала все атрибуты не то что красивой, а просто нормальной жизни. Я понимала, о чем она думала. Дочь могла раздобыть такой роскошный гардероб лишь одним путем. Я даже не стала оправдываться, пообещав, что если пострадает хоть один предмет из моей одежды, на работу она пойдет босиком.

Одно я знала точно: Я не хочу такой жизни. Моя жизнь — не прозябание в этой нищете. Я хочу вырваться из этого замкнутого круга с кофе и колбасой раз в году, с обрыдшими макаронами на завтрак, обед и ужин. К черту хамов-учителей, которые пару раз заявили мне открыто, что моя мать наплодила нищету и ничего путного из ее дочери не вырастет. И одноклассников, открывших на меня травлю лишь за то, что я не такая, как все. Долой отца, который пару раз пытался позвонить и противно сюсюкал в трубку, чтобы я хорошо училась, пошла работать на завод и отдала все деньги маме. Сам при этом не удосужился подкинуть ни копейки. Хватит!

Я стремилась к иной жизни. По соседству с нами в красивом, богато обустроенном доме на лето поселился молодой парень, рассекавший на белом bmw. Почти постоянно он приезжал с девушкой, словно сошедшей с обложки журнала. На мой взгляд, она не была красивой, но аура ее уверенности и холености просто завораживала. Всякий раз, когда у меня опускались руки и я пыталась пропустить зарядку, выйти за хлебом без макияжа или в

стоптанных шлепках, я вспоминала ее. У меня не было зависти. Было лишь желание зарядиться этим успехом, необычной харизмой, умением кружить мужчинам голову — я-то видела, как этот парень смотрел на нее.

Однажды она поздоровалась со мной. Дружелюбно, даже уважительно, не заметив моего потрепанного спортивного костюма (я тогда поливала цветы возле дома), и настороженного выражения. Она была самодостаточна и гармонична. Я так и не узнала ее имени, но на тот момент эта девочка стала для меня неким идеалом, к которому следовало стремиться. Красивая, но лишенная мании величия. Я была для нее равной, несмотря на нетоварный вид и разницу в социальном статусе.

... Роман с Женей закрутился уже полным ходом. Он медленно, осторожно водил меня шаг за шагом в мир чувственных удовольствий. Моя сексуальность расцвела пышным цветом. Стоило ему позвонить, как я моментально влезала в красивое белье (кстати, я его быстро подвела к мысли, что он должен покупать мне его сам, так как это подарок для него!) Я быстро вошла во вкус постельных игр, он был внимательным и чутким партнером. Страх первых встреч быстро сошел на нет, свой первый оргазм я познала в третью нашу близость. И сама была шокирована его силой, и Жеку напугала своей кратковременной эротической эпилепсией.

Вскоре я всю шерстила интернет в поиске новых сексуальных идей и игр. Тогда впервые мне довелось увидеть то, что посвященные красиво называли любовью в черно-красных тонах. Первое впечатление было омерзительным. Групповое насилие, избиение до крови и прочие мерзости... Порнография редко бывает красивой, особенно такая. У меня было непреодолимое желание истребить этих психов, вытворяющих подобные вещи с порноактрисами. Что же до БДСМ-эротики... Впервые увидев галерею прекрасных шедевров неизвестных фотографов, я ощутила непонятное любопытство и чувство, что приблизилась к некой запретной, но манящей грани. Здесь не было грубости в первобытном, развратном смысле и, скьюз май френч, насилия во все дыры. Тут рулили эмоции. Трогательная незащитность, доверие, нежность брутальных с виду мужчин, и непередаваемый эротизм — во взгляде, а вовсе не в обнаженке. Наверное, так выглядит искушение Дьяволом. Я закрыла страницы, словно обжигаясь, боясь собственного интереса и волнения перед этой темной стороной любви. Наверное, мне никогда этого не понять... Так сказала я себе, отрицая собственную заинтересованность. Нам вполне хватало и обычных безобидных игр.

Мы с Женей любили риск. Мы занимались этим везде. На его байке у обрыва, на безлюдном пляже, на развалинах Феодосийской крепости. Там я любила представлять себя то гордой амазонкой, заманившей путника в свои любовные сети, то искательницей приключений, попавшей в руки всадника горных дорог. Я раскрылась полностью, и у меня изменился даже взгляд. Именно на этот новый взгляд мужчины слетались, словно мотыльки на пламя. Мне нравилось пить их восхищение, купаться в омуте комплиментов и иметь возможность не нужного пока выбора.

Летом я устроилась на подработку в офис строительной компании, и пусть должность девочки принеси-подай-напечатай-свари кофе была не ахти, заработок был на порядок выше, чем на раздаче газет и листовок. Мужская часть офиса тут же кинулась наперебой оказывать мне знаки внимания. Очень часто я позволяла себе где-то развлекаться — то на яхт-прогулке с финансистами, то в клубах с младшим менеджерским составом, то в кинотеатре с сисадмином. Я не спала ни с кем из них. Зачем разминиваться на мелочи? Но моя самооценка и уверенность в себе крепились с каждым днем.

Женю не могло это не бесить. За неделю всего его контроль стал просто тотальным. Я задыхалась. Как иначе? Я любила свободу и чувство полета. Жалела я лишь о классном сексе, но умом понимала, что на этом отношений не построить.

Я ушла без объяснений. После очередного байкерского слета. Вылазка была с ночевкой, и все "вервольфы" накидались до чертиков. Я с трудом отбилась от домогательств одного из них. Помню, вылетела из палатки в разорванной футболке, кинулась по инерции к Жене, как к защитнику, а он пьяно расхохотался мне в лицо и выдал фразу, сразу расставившую все точки над "И":

— Ну что, родная, без б...ства не можешь?..

Домой я попала на попутке, предварительно без зазрения совести опустошив кошелек своего эксa.

Он пытался меня вернуть. Просил. Умолял. Только толку? Отношения изжили себя. Был нужен лишь повод, и я его получила.

Дальнейший месяц был сложным. Нет, я скучала вовсе не по Жеке. Я скучала по сексу. Тело предавало меня, и немой призыв в глазах не остался незамеченным. Однажды возвращалась с работы — в узких джинсах, на неизменных шпильках, с волосами, закрученными в кудри с мокрым эффектом, как научила Лена. Рядом притормозила иномарочка. Я не обратила особого внимания — остановка транспорта была уже закономерностью. За рулем оказался молодой накачанный парень лет двадцати.

Лелик был самым настоящим мажором. Окрепший на папиных деньгах, холеный, но вместе с тем щедрый. Роман продлился год. А потом я продала его дорогие ювелирные подарки и поступила в академию. Сама. Но — за деньги. Реалии нашей жизни.

В жизни моей матери появился Виктор, мой отчим. Предприимчивый, рассудительный и вызывающий уважение. Мое сердце он покорило, когда вывез на полигон, позволив пострелять из настоящей винтовки. Часть средств на мое поступление предоставил также он. Мать уволилась с унижительных работ и впервые за долгое время начала улыбаться.

Мне же везло на богатых папиных сынков. По приезду в Харьков я уже представляла, что именно должна делать. Остановилась на пустующей квартире маминой сестры, тети Марины — Виктор оплатил ее без вопросов. Шикарный мужик. Правда, я так и не стала звать его папой.

Юрия я встретила в ночном клубе. К нему я даже не могла относиться потребительски. Высокий, худощавый, с непременным загаром, маникюром и очках в тонкой золотой оправе для имиджа, он стал для меня своеобразной экзотикой. У него имелась герлфренд из богатой семьи, одобренная родителями, и даже вполне симпатичная. Почему я? Наверное, каждый мужчина хочет хоть недолго, но обладать девочкой-фейерверком.

Поначалу я сопротивлялась — особенно когда он насильно таскал меня по салонам красоты и требовал переkreить по своему желанию. То, что именно он подарил мне стиль и образ полухищницы — полуангела, я осознала намного позже. А так приходилось играть, прекрасно понимая, что его денежный транш иссякнет, стоит мне начать предъявлять претензии и качать права.

В сексе мне пришлось выкладываться на полную. Он был умен и развратен. Тем не менее, я с удовольствием оттачивала новые позы и технику орального секса до совершенства. Пережила даже ЖМЖ с красивой блондинкой модельной внешности, не признаваясь самой себе, что что-то меня в этом однозначно зацепило.

О расставании он объявил сам. После того, как богатая невеста застукала нас в клубе в

объятиях друг друга и вырвала мне при этом клок челки. Я даже не успела съездить по ее холеному личику — Юра запихал ее в авто, а через пару дней сказал, что сделал выбор. Она. Меня семья не примет.

Я пострадала недолго. Чувств к нему не было вообще.

А спустя месяц в моей жизни появился Вадим.

...- Сдашь экзамены, поедешь отдыхать? — Вадик сел сверху, сжав мои бедра коленями, и принялся разминать ноющие после тренировки мышцы.

Я обалдело замурлыкала.

— Наверное. Вот девчонки в Египет зовут.

— Езжай. Только будьте осторожны. Туроператора выберу сам, тут давай без самостоятельности. И никакой экономии на отелях и экскурсиях, это может быть опасно. Ты поняла меня, Юля?

Я что-то промурлыкала в ответ, разомлевая под его сильными руками. Мне нравилось с ним быть слабой и не принадлежать условностям. Послезавтра я буду в академии снова, гордо нести себя на высоких шпильках по коридорам, надев на лицо маску стервозного высокомерия, давать жесткий отпор каждому, кто решит замахнуться на мою свободу, улыбаться слабостям подружки, на равных дискутировать с преподавателями и пить крепкий черный кофе. И мало кто догадается, как хорошо мне было совсем недавно, как я упивалась ощущением защиты и вседозволенности, оставаясь маленькой девочкой.

— Юля, меня не будет в стране все лето. Я оставлю тебе экстренный номер. Просто так не звони. Только в случае непредвиденных проблем. Более того, запомни его наизусть. Он не сложный.

Я приподнялась на локтях.

— Ты уезжаешь! А как же я?

— Это вынужденная мера. Инвестиции требуют непосредственного контроля.

— А что мне делать, когда тебя не будет?

— Ох, ребенок ты мой... — Вадим заключил меня в объятия и крепко поцеловал в лоб. — Сдашь экзамены, езжай с подружками, отдохни. Потом я бы еще посоветовал тебе тур по Европе, если не будет сильной жары. И мать навести. Я пополню тебе карту, чтобы хватило на все. Не экономь. Я буду следить за балансом.

— Вадик, спасибо... Только это как-то...

— Нет, Юля. Я хочу, чтобы студенческие годы запомнились тебе как самое лучшее время в твоей жизни. Сейчас ты полагаешь, что весь мир у ног, и так будет всегда. Что после учебы будет еще лучше. Но так не бывает. Это заблуждение многих. Поэтому бери от жизни все сейчас, потом может не быть ни возможности, ни сил, ни желания.

Я обняла его и принялась целовать. Мы снова занялись любовью, прервавшись лишь на ужин, который нам принесли в номер.

За этот вечер я больше не думала о Диме. Зачем? Он в неадеквате. Лучше отправить его в долгий игнор. Ревности я наелась с Женей. А попытки контроля и приказной тон... Кто ты такой, вообще?..

От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год...

Задумывалась ли я тогда об ином значении этого слова? Может, совсем чуть-чуть. Есть сессия горсовета и Верховной рады. Фотосессия. Кажется, еще компьютерный термин. Ключевое же значение — экзамены. Зачеты. Бессонные ночи, штудирование конспектов,

систематизация всех своих записей, пока этот ворох разношерстной инфы не уляжется в голове до каких-либо определенных выводов. Если вкратце — полная ж*па.

Димуля свалил в Германию. Вот так вот просто, недостижимая мечта для меня пока что. Хотя нет, в перерыве между этими событиями мы поцапались. Прямо на академической парковке. Спустя пару дней после той ночи с Вадимом. А потом этот капучино в непонятном мне то ли клубе, то ли баре... И этот дядя с внешностью киноактера, который напугал меня до первых седых волос... Но обо всем по порядку.

Я игнорировала его звонки. Да, намеренно. С моих глаз словно слетела некая розово-черная кисейная пелена. Этот деспотизм и неуступчивость раньше меня пугали и будоражили кровь. Сейчас же — бесили. По сути, посторонний человек, так стремительно ворвавшийся в мою жизнь и попытавшийся безоговорочно установить в ней свои правила. Я была не против развеяться и получить удовольствие, пощекотать свои нервы, но вот изменить привычный уклад... Нет, ни в какую.

Но в тот день, когда он приехал в академию с намерением умыкнуть меня с пар, я просто взорвалась. Притихли даже Эля с Лекси под тем самым его взглядом, который мог заморозить Сахару. Притихли и незаметно рассосались по углам, найдя себе мнимые неотложные дела. Справляйся сама, Беспалова.

Я выбила сигарету и закурила, стараясь скрыть дрожь в руках. На деле же я просто остерегалась смотреть ему в глаза, призывая мысленно охрану вуза... Ничего. Видимо, рядом с обладателями шикарных машин можно не только курить, но и устраивать конкурсы мокрых маек.

— Девочка моя, — не предвещающим ничего хорошего тоном начал Дмитрий. — Я не позволю тебе делать из меня дебила. Не отвечать на мои звонки. Завязывать свой дерзкий язычок в морской узел, когда дело доходит до пояснений. Я не один из армии твоих ни... Обожателей. — Я так и не поняла, что за слово осталось недосказанным. — Мы вместе, а это значит, ты уважаешь мои правила и принимаешь их. Никакого самоуправства. Никаких других мужчин. И никакой блокировки входящих. Ясно?

— Мы — что? — хмыкнула я, сбивая пепел, со злорадным удовольствием наблюдая, как серо-белые хлопья аккуратно приземляются на черную кожу его туфель. — Вместе? Я что-то пропустила?

Резкая боль скрутила мое запястье, заставляя пальцы разжаться и выронить сигарету.

— Ай! — во всю силу своих легких завопила я, не желая мириться с этим беспределом. — Убивают!

Дима не пошевелился, но сталь его взгляда приобрела пугающий свинцовый оттенок.

— В машину.

— Щаззз, разбежалась!

Проще было противостоять Николаю Валуге. У него, по крайней мере, глаза добрые. Краем глаза я увидела Сержа, который явно собирался рвануть на мою защиту, но двое парней-старшекурсников, коллег по бодидибилдингу, удерживали его от этого шага. Твою ж мать!

Дима запихнул меня на заднее сиденье, ощутило ткнув в ребра. Я едва успела втянуть в салон ногу, рискуя в лучшем случае лишиться каблука. «Лендкрузер» рванул со стоянки, не отозвавшись на мое жаркое пожелание протаранить «Порше Кайен» ректора. Я закусил губу. Что же делать? Звонить Вадиму? Ага, и выгрести еще и от него. Может, в милицию... Полицию... МЧС... Сейчас же нафиг отвезет в лесопосадку и заставит катать снежных баб!

Но ни в какую лесопосадку мы не поехали. Хотя, уже не знаю, что было бы хуже. Он практически впихнул меня в полупустой зал "Никаса", выкручивая до боли уже второе запястье.

— Вызовите ментов! — бросила я вышколенному юноше в официантском прикиде. Дмитрий лишь хмыкнул в ответ на мою браваду. Я потом поняла, почему. Когда официант принес кофе и коньяк.

— Что-нибудь еще, Дмитрий Валерьевич?

Офигеть. Я так и не смогла скрыть изумления.

— Даме то же самое, — отмахнулся Дима. Парень незаметно испарился. — Хотя даме не мешало бы прополоскать рот с мылом.

Я потянулась за сигаретами. Долбанный страх! Все равно, храбрилась из последних сил.

— А где сам Аль Капоне? — пафосный зал ресторана сейчас не произвел на меня ни малейшего впечатления. Что нужно этому неадеквату?

— Я за него, — спокойно отозвался Дмитрий. — Поговорим? Почему твой телефон молчал? Ты решила со мной поиграть? Девочка, не советую. У тебя клыки не выросли.

У него что, передозировка зомбоящиком? "Сумерки, затмение"? Или нас снимает скрытая камера?

— Конечно, не выросли. Мы живем в реальном мире, а у тебя дар утверждать очевидное.

— Юля, — он явно не понимал моего юмора, и страх липкой волной пробежал по моему позвоночнику. — Должно быть, я невнятно пояснил в позапрошлый раз. Ты моя. Это подразумевает определенные правила. Телефон — в зоне доступа. Круглые сутки. Режим "стерва" — офф. Любая проблема — я должен быть немедленно о ней осведомлен, чтобы решить ее своими силами. Делиться я не люблю. Поэтому никаких парней рядом. Взамен скажу, что мне мало интереса от других женщин подле меня. По-моему, вполне равноценные требования.

Твою ж маму... Я бы долго просидела с открытым ртом, офигевая от его спитча, если бы не зазвонил его телефон. Красивая мелодия. Интересно, на кого такой рингтон?

— Приветствую, Ника. — Дима сразу потерял ко мне интерес. — Что? Прямо в... — быстрый взгляд в мою сторону, но как-то по касательной. — Он в своем уме? Ан... Вернее, Александр в курсе произошедшего? Да ты знаешь, дело времени. Не узнает? Ага, жди.

Ника, значит. Шикарно. Да гори оно все синим пламенем!

— Ты молчала, что у тебя началась сессия. — Вернул меня в прежнее оборонительное положение его ледяной тон.

— А это столь важно? Мог бы и догадаться.

— Важно. Назови сумму.

— Что? — опешила я. — Какую, нахрен, сумму?

— Еще одно косое слово, заткну тебя кляпом, — на полном серьезе пообещал этот маньяк. Поразительно, но после этих слов я реально заткнулась. — Сумму, необходимую, чтобы сдать экзамены. Вернее, оплатить. У меня на нас обоих большие планы. Поинтереснее твоей зубрежки.

— Я не покупаю оценки, — с трудом удержав себя в руках, отчеканила я. Сколько можно терпеть эти оскорбления? Сначала меня практически называют вещь без права на личное пространство, а теперь еще высказывают сомнения в моих умственных способностях! — у меня хватает мозгов выучить билеты и сдать экзамены.

— Я не это сказал. — Его глаза безжалостно буравили меня, лишая самообладания. — Я сказал, что мне нужно твое время. Я его ценю и не хочу, чтобы ты им разбрасывалась.

Он прекрасно видел, что ему удалось меня задеть. Жестоко усмехнулся, когда я одним махом опрокинула подоспевший коньяк, закашлявшись от пожара в горле.

— Значит, так, Юля. Мы вместе. Ты дала свое согласие, когда прыгнула ко мне в постель. Я считал это нечто большим, чем банальный перепих.

— Я не давала своего согласия, — робко поправила я.

— Поздно, девочка. Пути назад нет. И лучше тебе не злить меня!

— Да пошел ты!

Я не помню, как оказалась на улице, чуть не свернув себе лодыжку, попав каблуком в зазор брусчатки. На автомате нырнула в первое попавшееся такси, ощущая себя загнанной рысью, с ужасом понимая, что он практически загипнотизировал меня своими словами о том, что мы вместе. Что я реально ощутила чувство вины и какие-то мнимые, придуманные им же обязанности. Выпалив таксисту адрес, я сжала ноги, обтянутые узкими скинни, и вдруг ощутила разряд эротического тока, пронзивший меня всю. Который раз за день, твою ж мать!

Все мои телефоны в тот вечер объявили мне минуту молчания. Не ожидала от подруг. Вдруг меня убили и выкинули в посадке у трассы? Сами же говорили, что он странный! А теперь как в воду канули. Только Серж отписался ВК. Оптимистичное "Я дам этому гангстеру в лоб ногой, а затем уйду на бой, чтоб по академии ходить ты не боялась, а мне всегда в постели улыбалась". 50 cent местного разлива, блин. Как его хиты еще записывают, я бы побоялась краха имиджа подобных студий...

Через три дня экзамен у Миранды Пристли. У деканши. Информационный менеджмент. Относится ко мне эта леди без возраста очень хорошо, но одним отношением высокую оценку не заработать. Вырубив мобильный к черту, я засела за конспекты, предварительно заварив термос кофе. Уснула около двух ночи, разобрав по составу семь билетов из тридцати.

Утром в академии я отмахнулась от обеих подруг-предательниц. Лекси надулась моментально.

— Я не переживала! Потому что Вовочка сказал, что Димка хороший парень, и тебя не обидит. Еще сказал, что вас ждет бурное примирение! Нуууу, не злись!!! Мы в «Якиторию» сегодня хотим пойти... Ю-ууу-ль!

— Тебе бы все суши давиться... У нас экзамен завтра! — холодно осадил ее я. Вот Лекси как раз переживать и не стоило об оценке. О чем думала Элла, непонятно.

24:00. 24 пропущенных от Димы, переименованного в моей адресной книге с «Дима Лендкруизер» на «Отморозок». Все равно. У меня 26 билет и еще четыре впереди... От дебрей информационно-рекламных технологий меня отвлекла Ленка. Я так и пошла в скайп, с маской из белой глины на лице и закрученными на крупные бигуди волосами. Подругу ничем не удивишь. Да и она поспешно срисовала мое настроение.

— Иди готовься, потом расскажешь! — вынесла она вердикт. И тут мы обе вздрогнули от резкого звонка в дверь.

Только не это. Я закусил губу, понимая, что не готова к его визиту. Наверняка он явился сюда прибить меня за пропущенные звонки. Звонить в милицию? Да у него наверняка при себе их три месячные зарплаты.

— Умойся! — смеясь, посоветовала Ленка, отключаясь и бросая меня на произвол

судьбы. Звонок не унимался. Я на цыпочках подошла к глазку и осторожно выглянула. Незнакомый мне парень в смешной кепке.

— Кто там?

— У меня букет для Беспаловой Юлии!

Не особо парясь о своем внешнем виде, я распахнула дверь, искренне забавляясь реакцией курьера с огромной корзиной бордовых роз. Чувство необъятного, понятного каждой женщине восторга прокатилось по моему телу. Вадим!!! Знает, как поддержать перед экзаменами!

— От кого? — кривясь от стянувшей кожу маски, без видимого интереса спросила я.

— От Дмитрия Лаврова.

Я нервно сглотнула, разрываясь между двумя столь разными желаниями — обладать этим роскошным букетом, или же сделать финт ушами и послать его обратно отправителю. Тяга к прекрасному пересилила. Я расписалась в бланке, заставив курьера затащить букет в комнату.

От моей довольной улыбки даже маска растрескалась на коже. Но мобильный я так и не включила. С ясным разумом отштудировала оставшиеся экзаменационные билеты. К завтрашнему экзамену готова!

Пристли, она же Алла Викторовна, по-королевски правила потоком. Ее побаивались все. Кроме меня, наверное. Непонятно, чем я заслужила ее благосклонность, но факт был на лицо. Единственное, чего я не могла допустить — так это уронить ее доверие.

Оставив конспекты дома, я записала основные ключевые тезисы каждого билета на iPad, — сегодняшний look не предполагал объемной сумки. Утро началось, как прежде, с танцев под роковые композиции, дозы кофе, контрастного душа и изысканного неброского макияжа. Черное платье-футляр до колен, с длинными рукавами и закрытым декольте. Все! На черные, уложенные волнами волосы — белую повязку. Серьги под крупный белый жемчуг в уши. И клатч. Зачетка, мобильный, минимум налички и карта. Я готова.

Группа выглядела издерганной и подавленной. Один Сергей пытался только выяснить, "что это за фраер и не начистить ли ему репу". Отвечать я пошла первая. Если отстреляюсь раньше всех, смогу выпить латте с ликером в одиночестве. Билет шестой... Понятие ИТ-стратегии, ее необходимость, цели. Виды и подходы к разработке ИТ-стратегии. Ничего такого, чего бы я не знала. Я улыбнулась хмурой Алле, заметив, как одобрительно расширились ее зрачки при виде моего строгого наряда.

— Заметное преимущество предприятию может дать только ИТ — стратегия, правильно разработанная с учетом бизнес — стратегии и регулярно выполняемая. Для этого требуется хороший менеджмент на предприятии в целом...

— Юлия, вы сегодня поразительно похожи на Джеки Кеннеди — Онассис, — улыбнулась Пристли, с удовольствием расписываясь в моей зачетной книжке.

Зная робкую натуру Лекси и Эли, можно было бы не опасаться их скорого появления. К тому же, жесткая альтернатива этого дня уже дежурила на парковке. Я замерла, ощутив, как вихрь коктейля опасения, желания, азарта, незащитности, искушения, восторга, паники, да фиг знает чего еще, окутал спиралью мое тело. Тем не менее, я бесстрашно шагнула навстречу своему опасению, словно бабочка на пламя, словно лань в объятия тигра... Да словно эта самая Кеннеди к телу покойного мужа, не опасаясь пули киллера. Я не собиралась ему проигрывать ни в чем. Убегать — тоже. Во многом этому поспособствовал тот не столь важный факт, что сегодня на мне были чулки с поясом.

Не так давно мы на этой парковке выясняли отношения. Сейчас же — оголтело целовались. Прежняя хищница вернулась, принимая вызов и оставляя страх позади...

За спиной трепещут маленькие цветные крылышки.

Божья отметина?.. Чертова благодать?..

Мир утекает из пальцев за двери,

А там каждый — Охотник, и каждый желает знать...

Веры. Нет

Юля

На мосту влюбленных своя изысканная, непередаваемая атмосфера. И повисший в воздухе вопрос, который и ныне не дает мне покоя — как это архитектурное творение еще не кануло под воду от обилия железных замков на поручнях. Каждая влюбленная пара считает своим долгом закрыть свои чувства на этот замок под весенним небом города и над гладью медлительной реки, которая хранит на своем дне целый склад выброшенных ключей.

Наверное, я не столь романтическая натура. Первая мысль, которая у меня возникла — подбери ключи ко всем этим замочкам, можно открыть собственный магазин с убийным ассортиментом. Дима же считал иначе. Как школьник разглядывал надписи на металле, эти банальные "Лара + Валера" и "С+Т = Л". Между этим взалхлеб рассказывал про Симеиз, где на вершине скалы оставляют на память ленты, бантики, шарфики, а иногда и предметы белья. В этом плане, Харьков куда адекватнее.

О, Дима решил сегодня сыграть в хорошего полицейского. Так мило! Так по-мужски, решить, что все мои опасения и злость на его поступки можно заткнуть банальным венчиком из голландских роз. Никогда не любила такие цветы. На прошлый день рождения мне их подарили в количестве 17 штук, они еле влезли по горизонтали в салон такси. Шутка ли, каждый цветок ростом с меня. Но это еще полбеды. Они поникли спустя двадцать минут от того момента, как оказались в вазе. Ни аспирин, ни сахар их не спас. Так и провалялось это великолепие неделю в ледяной ванне. Тетушка потом с восторгом отвезла их черенки на свой огород. Ни одна не принялась. Все мужчины игнорируют тот факт, что я люблю орхидеи.

Было забавно. Смотреть на Димку-романтика. Что у нас дальше? Запуск китайских фонариков? Увольте.

Мне надоели поцелуи под порывами совсем не ласкового ветра и сырость от воды. Я думала лишь об одном — впереди еще пять экзаменов, и их надо сдать. Подготовиться. А при этом — побережь нервную систему от страсти этого красавца. Которая... Которая льстила безмерно и зажигала похлеще фейерверка.

Закат на Бурсацком спуске прекрасен. Я бы любовалась им долго, если бы не продрогла до костей.

— Поехали ко мне? — устав от галантной недосказанности, поставил вопрос ребром Дима.

Я не ожидала даже сама от себя. По всем законам жанра, я должна была гордо и вместе с тем вежливо послать его в лес по ягоды. Джеки Онассис наверняка поступила бы именно так. Но не я... Зачем было врать себе? Страх не прогнал мое влечение к этому человеку, более того, усилил его до невозможности. Находиться в его руках было наслаждением. Взрослым искушением, до которого я пока еще не доросла, но, как истинный ребенок, стремилась доказать, что мне по силам. Трусики были влажными от его поцелуев и легких

касаний, заставляя кожу вибрировать и желать более сильных прикосновений. Может, это был своеобразный отходняк после долгой зубрежки? Или жажда допинга в преддверии грядущих экзаменов?

Звонок удержал меня от желания самой форсировать события. Дима поспешно ответил, жестом велел притихнуть. Его лицо стало серьезным, словно на том конце провода был президент собственной персоной. Смысла разговора я не улавливала, к тому же, парень вел себя подозрительно осторожно. Вышел из машины и, отвернувшись, продолжил разговор, понизив голос. По интонации мне показалось, что он в чем-то оправдывается, но не заискивающе, а скорее из уважения к собеседнику. Когда он вернулся на место водителя, его лицо было хмурым и озабоченным. Несмотря на извечное женское любопытство, я воздержалась от вопросов. Захочет, сам расскажет.

— Юля, — сжав руками колесо руля, так, что побледнели костяшки пальцев, начал он. — Нам придется заехать кое-куда. Если хочешь, чтобы отвез тебя домой — не молчи. Разговор не займет много времени, но я не рассчитывал, что сегодня некоторые дела потребуют моего участия.

— Что-то в спортклубе? — нейтрально осведомилась я. — Никаких проблем. Если считаешь, что мне лучше уехать, перенесем встречу. Я не из тех девчонок, что будут ревновать к каждому столбу, задавать вопросы и требовать абсолютного внимания. Решай сам.

Он колебался. Я его понимала — наверняка уже четко обозначил и за себя, и за меня, как именно закончится романтический вечер и ни за что не хотел отказываться от этого, но, с другой стороны, переживал, что у меня может разболеться голова или развиться синдром недовольства от ожидания. Но помогать ему я не собиралась. Сегодня мне было на удивление комфортно от того, что он ненавязчиво принимал решения и брал всю ответственность на себя. Чулки с поясом, драйв от опасности вперемешку с желанием, острая необходимость снять постэкзаменационный стресс. Во многом эти факторы сыграли ему на руку.

— Я могу подождать в машине... А можешь высадить в кафе, попью кофе и подожду.

Мне не хотелось уезжать. Я была сейчас абсолютно подчинена его воле. Парадокс — как сильно я его презирала, находясь вдали от него, и как безумно хотела, когда мы вновь оказывались друг подле друга. На тот момент это поистине был самый шикарный секс в моей жизни.

— Нет необходимости, кофе можешь выпить прямо там. Тебя опасно оставлять одну в кафе, уведут сразу, — не меняя выражение лица, пошутил Дмитрий. — Просто несколько правил, к которым ты отнесешься серьезно. Это просьба. Сомневаешься, лучше я отвезу тебя домой.

— Излагай, — пожала я плечами, внутри сгорая от любопытства. Домой? Ну, нет. Завел и на попятную?! Так не бывает.

— Правило первое, Юля. Ни с кем не общаться и не задавать вопросы. Второе. Ждешь меня в баре и ни ногой оттуда. Третье. Вежливость. Это серьезные... Деловые партнеры, а быть леди ты умеешь, поэтому удастся без труда. И еще... Флирт и твоя дерзость там неуместны. Я не буду сейчас ничего пояснять. Просто прими это как должное. Как неизбежность, если хочешь. Будут вопросы, по-человечески прошу — молчи. На них потом отвечу тебе я. Договорились?

— Заинтриговал, — помимо воли восторженно улыбнулась я, предвкушая непонятное

авантюрное приключение. — Надеюсь, не на стрелку? Никого не убьют?

— "Бригаду" меньше смотреть надо! — хмыкнул в ответ Дима, заводя мотор.

Спустя 15 минут мы подъехали к пятиэтажному зданию посередине одной из центральных улиц города. Ресторан, судя по всему. "Devi-ant", — прочла я красную надпись на блестящей хромированной табличке небольшого размера. Дима открыл дверь и галантно подал мне руку, словно за нами наблюдала с стороны семья Бэкингэмов. Метрдотель в дорогом костюме тепло поздоровался с Димой, галантно поднес к губам мою ладонь, сделав ощущение сказки еще достовернее. Под руку с моим спутником мы вошли в подсвеченный красным полумрак большого зала.

Столики ресторана пустовали. Переговоры? Заведение закрыто для посетителей только поэтому? И какая моя роль? Декорация а-ля Жаклин Кеннеди? Надеюсь, здесь не будут стрелять в президента. Я осторожно оглянулась по сторонам. Источником единственного относительно яркого света служила барная стойка с интересной декорацией в виде блестящей цепи вдоль столешницы. Подобным образом были украшены также барные стулья. Взгляд бармена в интересном наряде из рубашки-безрукавки и красно-черного галстука-бабочки испытывающе скользнул по моей фигуре. Как мне показалось, в его глазах застыл немой вопрос. Да, с этикетом у них проблемы. Если служба так пялится на посетителей...

Я не сразу заметила высокую фигуру мужчины, двинувшегося нам навстречу. Источник света находился за его спиной, поэтому не получилось сразу разглядеть его лица. Пока он медленно шел к нам, я отметила его спортивную подтянутую фигуру, на которой идеально сидел черный костюм. Подняла глаза, с изумлением вглядываясь в его лицо.

Окажись бы мы с ним на необитаемом острове, я бы первым делом попросила политического убежища у местного племени каннибалов. Такой была моя первая мысль. Лед во взгляде, ни одной эмоции, непробиваемая сталь и холод — таким образом я охарактеризовала Дмитрия при первой встрече. Так вот, по сравнению с этим мужчиной Дима выглядел открытой книгой, выполненной крупным шрифтом, которую даже за стеной льда можно было прочесть вдоль и поперек. Этот же... Аристократическое лицо, волевой подбородок, умные, лишённые эмоций зеленые глаза с легким ироничным прищуром, тонкие губы, сжатые в плотную линию. С такой внешностью его бы разорвали на части в Голливуде. Наверняка ему больше сорока, но выглядит потрясающе для своего возраста.

Непонятная тревога лишила меня величественной осанки, и я поспешно спрятала глаза, ощутив почти первобытный страх. Всю свою жизнь я обходила стороной и остерегалась подобных мужчин, спинным мозгом понимая, что не то что играть с такими, а и демонстрировать свою женскую привлекательность недопустимо. В академии было двое таких преподавателей. Одному я на первом курсе сдавала историю Украины. Именно сдавала, выучив все даты, краснея, бледнея, и даже моментами желая исчезнуть, лишь бы не находиться рядом. Тогда я была словно раздавлена железной волей преподавателя, ощущая себя песчинкой в необъятной Сахаре. Вторым преподавал на соседнем потоке политологию, но, встречая его в коридоре, я всегда желала стать незаметной и слиться со стенами. Словно все инстинкты вопили о некоей непонятной опасности. Необитаемый остров... Какие каннибалы, он же необитаемый... Точно. Я бы забралась на самую высокую пальму, лишь бы подальше от такого человека. Правда, именно такой стащил бы меня с пальмы одним усилием мысли и взгляда... или же просто вежливой просьбой. Я до боли сжала руку Димы, желая лишь одного — чтобы это молчаливое знакомство скорее прекратилось. Чтобы этот

незнакомец перестал смотреть на меня, как ученый на инфузорию под микроскопом. Странное, пугающее ощущение! Когда смотрят не на ноги, грудь и все остальное, а словно сканируют радаром и рентгеном одновременно, проникая под кожу и в кору головного мозга.

Дима между тем что-то говорил, но я, под воздействием непонятного испуга, даже не сразу сообразила, что он представил нас друг другу. Понятное дело, имени этого мужчины даже не запомнила.

— Юлия, — донесся до меня как через туман голос Дмитрия. Я, сделав над собой адское усилие, подняла глаза и изобразила смелую улыбку. Защитная реакция. Надолго ли ее хватит?

Мужчина улыбался. Мне не понравилась эта ответная улыбка. Было ощущение того, что он прочел все мои мысли.

— Юлия, — я вздрогнула от бархатного, властного тембра его голоса. — Я не задержу вашего спутника надолго. Прощу, — он кивнул в сторону стойки и направился туда, не дожидаясь ответной реакции. Все так же цепляясь за руку Димы, я на негнущихся ногах проследовала за ним.

— Здесь очень вкусный арабский кофе. Зерна доставляют из Арабских Эмиратов, — произнес незнакомец. — Напиток, достойных шейхов.

Почти взяв себя в руки от обманчиво ласкового тона так сильно испугавшего меня человека, я дерзко усмехнулась бармену.

— Текилу и ломтик лимона.

— С молоком очень вкусно.

Бармен повернулся к кофейному агрегату. Я открыла рот, пытаясь возмутиться этим внезапно принятым за меня решением.

— Если нет, можно мартини или же...

Мужчина повернулся ко мне. Улыбка на миг покинула его губы.

— Я не спрашивал.

Я вздрогнула от этого спокойного ледяного тона. Клатч выскользнул из моих дрожащих пальцев. Покачав головой, мой визави подхватил его на лету.

— Осторожнее, Юлия. Наслаждайтесь кофе. — Я, открыв рот, наблюдала, как они вместе с Димой исчезли за дверью кабинета. Повернулась к бармену, которого эта сцена только позабавила.

— Слушай, налей мне то, что я просила. Я этому... Ничего не скажу!

— Не нервничайте.

— Что?!

— У вас руки дрожат. Расслабьтесь. Кофе и вправду потрясающий. Кстати, довольно редкая пропозиция. Этот сорт обычно берегут для солидных клиентов.

— Плевать. — Забыв о просьбе Димы держать марку леди и не вступать в диалоги, я улыбнулась бармену обаятельной улыбкой. Наверняка, после пережитого урагана панических эмоций, получилось жалко. — Я сегодня сдала один из самых сложных экзаменов. Поэтому до сих пор вот трясет... Пойми, нужно!

— Анубис сказал — кофе, значит, — кофе, — извиняющимся и одновременно веселым тоном ответил парень. — Вы уж извините, мне моя работа нравится. Ничего личного.

Кофе я как последняя растяпа расплескала прямо на стойку. Черт знает что! Куда этот Дима меня привел вообще?! К торговцу органами? Или ему надо было паспорт показать? А

может, банально алкоголя жалко?

— Не переживайте, — судя по табличке, Константин осторожно приподнял чашку и ловко протер столешницу. — Он горячий, я вас не предупредил.

Вообще аут. Я-то думала, его заваривают исключительно в холодной воде, а вот оно как, оказывается!

— Костя, ну хоть каплю ликера я могу попросить? В кофе!

Парень покачал головой и посмотрел на меня со смесью сожаления и поддержки с нотками некоторого покровительства. Затем, осторожно оглядевшись по сторонам, чуть подался вперед.

— Не переживайте. Перед сессией у Мастера алкоголь недопустим, вам самой это известно. И то, что вы проявили неосмотрительность в споре при посторонних, в первые разы всегда оставляют без излишнего внимания. Многие бы вообще отказались от выпивки на всю жизнь, получи они привилегию оказаться на вашем месте.

— Что? Перед... чем? У кого?

Костик странно посмотрел на меня, и в тот же момент его лицо замкнулось, словно он сболтнул лишнее. Осознав, что больше ничего от него не добьюсь, я сделала глоток. Кофе и вправду был великолепен. Его я приговорила с удовольствием.

— А можно мне еще? Пожалуйста, — попросила я, заметно нервничая. В зале обозначились новые посетители, двое мужчин, а Дима так и не появлялся. Мне же хотелось свалить с этого странного, пугающего места, но бежать своим ходом не входило в мои планы.

— Конечно, — отозвался бармен, явно обрадованный тем, что я не заостряю внимания на его словах. — Вы же не выдадите меня? Я добавил чуть-чуть ирландского ликера. Только тсс!

Один из вошедших направился в нашу сторону. Гора мускулов и обладатель тяжелого взгляда. Мне не понравилась его ухмылка.

— Мне чай без сахара, — небрежно кивнул он Косте. — О, приятно видеть новое лицо. Вы одна?

Я опасливо обернулась. Где этот Дима?!

— Покажи шею! — Вдруг требовательно выдал незнакомец. Я едва не расплескала вторую чашку кофе. Ситуацию спас Костя.

— Анубис, — четко проговорил он в лицо этому хаму, кивая в мою сторону. Мужчина поднял руки.

— О, прошу прощения, был не прав. Мои извинения, леди. — Его словно сдуло ветром. Я благодарно улыбнулась своему спасителю.

— Анубис — это египетский бог тьмы, да? Я на него похожа?

Взгляд Константина был недоверчивым и недоумевающим одновременно. Мой вопрос остался без ответа. Я без удовольствия допила кофе, повертев в руках чашку со странным логотипом в виде инь-янь, только почему-то разбитого на целых три сектора. Где-то я это видела.

Вздыхнув с облегчением, когда открылась дверь и появился Дима в сопровождении нерасслышала-как-зовут, я просто спрыгнула с барного стула, даже не оглянувшись на Константина. Стоило Дмитрию приблизиться, я, не отдавая себе отчета, просто бросилась ему на шею. Непонятно, что я пыталась и кому доказать, интуитивно признавая того, кто уже заявил на меня права, своим защитником.

Слегка прищуренный взгляд фаната арабского кофе продолжал изучать меня. "Давай уйдем отсюда", — шепнула я Диме, ощутив, как тревога сгущается, словно... Я не могла объяснить себе, на что это было похоже. Словно только что некая точка невозврата преодолела свой последний рубикон. Ничего не изменилось. Как и прежде, в руках Димы я немного пришла в себя, ощущая, что тут он, по сути, единственный пока мне не угрожает. Кивком попрощалась с, по-видимому, хозяином этого заведения, не поднимая глаз. Кожей ощутила, что ему понравилась такая реакция. Дмитрий, нахмурившись, обнял меня жестом собственника, и мы направились к выходу.

Чужой взгляд атаковал спину. Долгожданная свобода, по простому — выход, был в паре шагов, ничто не мешало мне преодолеть это расстояние. Я обезумела. Но — обернулась. И, не желая проигрывать несостоявшемуся противнику, которого наверняка никогда больше не увижу, устремила на него взгляд, заряженный энергией бесстрашно-азартного вызова. Девочки с задатками "вампов" меня поймут. Не дожидаясь ответа на свою выходку, шагнула вслед за Димой за порог. И только тут позволила себе вздох облегчения.

— Стой. Я хочу курить.

— Давай отъедем. — Сейчас, словно сбросив чары этого загадочного места, я ощутила напряжение Дмитрия. Видимо, разговор был малоприятным. Шестое чувство подсказало мне, что лучше не затрагивать эту тему в разговоре. Да и другие тоже, хотя вопросов было очень много.

Я думала, он будет ругаться и запрещать мне курить в салоне авто, но мой мужчина покровительственно молчал. Даже, обратив внимание на подрагивающие пальцы, таинственно изрек:

— Не переживай, он у всех вызывает подобный мандраж.

— Он — это кто? — глупо хлопнула глазами я.

— Александр, хозяин клуба. Не трясись ты так. Он совершенно нормальный человек.

— Которому жалко алкоголя, — не могла не съязвить я.

— Не жалко. Он просто усомнился, есть ли тебе 18. Ты же не хотела, чтобы я попросил тебя предъявить паспорт? Видишь ли, никто не хочет проблем с милицией.

Нет, этого я точно не хотела. При одной лишь мысли, что этот мужчина мог увидеть мои личные данные, у меня все похолодело внутри. Хотя что-то мне тогда подсказывало, что для такого человека вычислить всю информацию обо мне при желании не составило бы труда.

— А почему тот бульдог в баре требовал показать ему свою шею?

— Кто? — напрягся Димон, резко выворачивая руль. — Черт возьми, Юлька! Я же просил по-человечески не вступать ни с кем в разговор!

— Да я ему ни слова не сказала! Сам приполз и попытался подкатить. Такой типа весь вежливый, а потом перешел на ты и этот приказной тон. Вот как у тебя часто бывает. Пока бармен ему что-то не сказал... Припугнул Дьяволом, кажется.

— Дьяволом?

— Анубисом, если быть точнее. Это фан-клуб Древнего Египта?

— Ни на секунду нельзя оставить, — недовольно пробурчал Дмитрий. — Нет, девочка. Это фан-клуб далеко не Египта. Придет время, поясню.

— А почему бармен сказал, что я не должна пить якобы перед сессией с мастером... Что он имел в виду?

— Наверное, что вообще недопустимо на свидании заливать в себя текилу. Ты этим

выставила меня не в самом лучшем свете. Сегодня спишу на стресс, но в будущем это не прокатит. Ты поняла меня?

— Конечно, Мастер! — съязвила я, не понимая ни грамма смысла сказанной мною фразы. — Но сегодня я сдала экзамен и хочу расслабиться. И если у тебя дома из самых крепких напитков только кипяток... Мне лучше поехать в бар и отпраздновать это с подругами.

— Дерзкий язычок, — смерил меня серьезным взглядом парень. — Очень дерзкий. Пожалуй, придется принять меры. Правда, я еще не решил, что мне больше нравится — когда ты молчишь или же когда орешь, лежа на спине.

Мои аргументы как-то резко оборвались. Может, потому, что мы уже подъехали к его дому. Я осталась сидеть на месте, даже когда он выскочил и направился к подъезду. Ага, сейчас. Умеешь быть галантным, я видела. Продолжай в том же духе!

Так бы, наверное, поступила Жаклин Кеннеди. Хотя, эту шикарную женщину наверняка выносили на руках из машины по одному взмаху ее ресниц. Диме пришлось вернуться и подать мне руку. Похоже, я выигрывала этот раунд.

Точно выигрывала. Мартини и текила — недостаточно торжественно. Вот шампанское Cristall, ожидавшее в холодильнике — самое то. В сладком предвкушении роскошного вечера я побежала в душ, но Дима остановил меня на полпути.

— Одень потом снова это платье. Мне понравилось в прошлый раз. Но — никакого белья.

— Как скажешь, — ухмыльнулась я. От него, скорее всего, следовало ожидать требования вернуться в комнату голой. Смыв с себя усталость и нервозность этого дня, я с трудом натянула чулки на влажную после душа кожу, с непривычки немного дольше промучившись с поясом.

— Теперь жди меня, — распорядился Дима. — Я хочу, чтобы ты сидела на ковре, поджав под себя ноги. Поняла?

— Конечно, Хозяин! — игриво рассмеялась я. Только Дима уже который раз за вечер не оценил моего юмора.

— Никогда больше меня так не называй! — хрипло выпалил он, исчезая в душевой. Я огляделась по сторонам. Оружие! Подойдя, достала из ножен роскошную катану и замахнулась по дуге. Черт, она же заточенная! Как бы ничего себе не отыграла. Руки еще тряслись после столкновения с тем, кого Димка назвал Александром, и я осторожно вернула меч обратно на стену. Войдя в спальню, соседствующую с гостиной, замерла. Его желание я слышала. Вопрос, стала бы Джеки Кеннеди сидеть на полу? Возможно. У камина. На шкуре. Со спокойным достоинством ожидая Джона или же Аристотеля. Лучше Джона, на Онассиса жутко смотреть. Попивая шампанское за штуку баксов. Встретить его лежа на боку на кровати — избито. Я нахмурилась, вдруг заметив три мужские рубашки и пару галстуков, разбросанных по полу и кровати. Наш человек. Когда я опаздываю на пары, у меня еще не такой бардак можно наблюдать. Но как можно так обращаться с брендовыми вещами? Я осторожно сложила творение Cavalli и D&G в аккуратную стопку и решительно двинулась к шкафу-купе. Так. Ни одного вакантного тремпеля. Наверное, лежат на полках сложенные. Здесь? Мало места, помнутся же. Тут... Вряд ли им место подле коробок с обувью. Может, сюда? Я бездумно распахнула створки.

Сперва я просто не поверила своим глазам. Когда же наконец осознала, что могли значить эти предметы, от шока выронила аккуратную стопку одежды.

Охреть. Филиал самого развратного секс-шопа. Мне не пять лет, я прекрасно осознала назначение того, что висело на крючках. Плетки всех размеров и модификаций. Еще что-то, напоминающее мухобойки. Кажется, я знаю, для чего. Связки цепей с подбитыми тканью и кожей браслетами. Стальные прищепки, соединенные цепочкой. Мои руки против воли потянулись к ремешку с красным шариком посередине. Интернет просветил нас всех. Художественная литература — тоже. Все сразу стало на свои места.

— Понравился? — мрачно осведомился Дима, наблюдая за мной. Он расслабленно оперся на косяк двери, капли воды сверкали на его скульптурном торсе. Сглотнув, я вернула кляп на место и против воли отскочила на пару шагов.

Впервые за все это время ему удалось меня реально напугать.

— Вопросы? — сузил глаза Дмитрий, не делая попытки приблизиться. — Может, ты хочешь услышать, что это для красоты или, скажем, для рыбалки?

Я обхватила себя руками, чтобы скрыть дрожь. Несмотря на ужас, продемонстрировать ему это я не собиралась.

— Я не ребенок, Дима. Я читала "50 оттенков серого". Что дальше? Мы подпишем контракт и проживем счастливо?

Незнакомая прежде мне улыбка заиграла на его губах. Я помимо воли отступила назад, уткнувшись в бортик кровати и на негнущихся ногах опустила на нее, атакованная его следующей фразой:

— Лучше бы, девочка, ты читала вместо бульварного глянца "Историю О"...

Дима

Что такое романтика? Наверное, я никогда до конца не понимал истинного значения этого слова. Мерцание свечей в полумраке? Красиво, согласен. Но куда красивее, когда эти самые свечи выписывают абстрактные картины воском на обнаженной женской коже, вырывая попеременные всхлипы боли и наслаждения. Розы в необъятных количествах? Возможно. Я ведь прислал их Юльке вместе с курьером. Хоть и не понимал до конца, какой смысл ставить их в воду на пару дней и любоваться. Я знал и другое применение этим цветам, когда лишённые шипов стебли оставляют красный отблеск после поставленного удара, а ярко-красные лепестки разлетаются вокруг, словно брызги крови, покрывая пол этим роскошным ковром. Открытки с сопливыми заверениями о том, как я скучаю? Без ванильного глянца это не понятно? Куда занятнее подобных открыток присылать послание иного рода... " Буду дома через пять минут. Если за это время не успеешь раздеться и встретить, как положено, я буду огорчен". Закат... Согласен, прекрасное природное явление... Наверное, его романтическую сущность я как раз понимал. Красивые отблески уходящего света стирают грань между до и после, уступая тьме, которая уже не позволит скрыться, безжалостно обнажит истинную сущность каждого, вместе со скрытыми потаенными желаниями.

Мост Влюбленных, как всегда, был оккупирован влюбленными парочками, осаждавшими Нетеченскую Набережную и парк "Стрелка" все 360 дней в году, при любой погоде. Когда-нибудь этот не столь давно появившийся архитектурный шедевр все же не выдержит веса всех этих замков. Я с трудом сохранил серьезное лицо, читая приторные до жути надписи. Не стоило разочаровывать Юльку. Я еще не достиг нужной кондиции ее доверия ко мне. Пришлось разве что за сердце не хвататься от мнимых эмоций, читая признания на каждом из замочков. "Кися, не могу без тебя", "скорее река проглотит этот замок, чем мы расстанемся". Такими темпами, дорогой незнакомец, ваша любовная клетка

утонет очень быстро. Если придет еще сотня придурков, притащивших замок такого размера, как вон тот, огромный, без надписи...

Что ж, если Юленька получала от этого удовольствие, почему бы и нет. Можно даже подыграть.

Интересно, она представляла нас при этом влюбленной парой, или же я чересчур форсирую события? С ней мне удавалось выбросить из головы тяжелые мысли. Я и сам не понимал, почему меня ощутимо трясло после звонка Никеи, тогда, в ресторане, когда Юлька вылетела оттуда, сломя голову. Я не побежал вслед за ней только потому, что дела в клубе принимали серьезный оборот. Хорошо, что меня там не было. И отношение к происшедшему было неоднозначное.

Штейр никогда не был бездушным тематиком, если смотреть в корень проблемы. С чьей подачи было негласно решено отбросить принцип добровольности, оставалось только гадать. Тенденция прослеживалась уже давно, захватывая идеей абсолютной власти и вседозволенности. Чего греха таить, даже меня она манила обещанием неограниченной свободы, но, во-первых, я никогда не поддавался стадному инстинкту, а во-вторых, почти что родственные отношения с Анубисом держали крепче любых цепей.

Ника, сучка, поставила меня в двойственное положение. Мне было прекрасно известно, что она зачастую не соблюдает никаких правил, ломая свои игрушки без сожаления, в твердой уверенности, что их запас никогда не истощится. Она словно испытывала на прочность, рассказывая об этом. Я принял единственное правильное решение. Поскольку она правит свои зверства за пределами клуба, меня это не касается. Штейр же, похоже, забыл мозги дома. Девайсы не забыл, а вот мозги — забыл. Хуже всего, что он притащил нижнюю на публичную сессию. Ее слезы и протесты видели все двадцать присутствующих, как и то, что он заткнул ей рот, лишая возможности сказать стоп — слово, и зафиксировал так, что девочка при всем своем желании не могла остановить его жестами. Видели, но... Ни слова не сказали, удовлетворившись уверением Штейра, что все это игра по обоюдному согласию. Чем так сильно разозлила его эта саба, остается только гадать. Я бы по-мужски двинул ему в челюсть уже за то, что после этого он передал девочку кому-то из присутствующих, не замечая ее истерики. О чем думал тот, другой — непонятно. Я никогда не понимал передачи прав. Отдать свою женщину на растерзание другим мужчинам — ради чего? Чтобы оценили твою щедрость и крутость? Какой ты после этого доминант? Как бы то ни было, Анубису все же стало об этом известно.

Он выбрал идеальный момент, чтобы вызвать меня на беседу при закрытых дверях. После красивейшего красного заката на Бурсацком спуске, после искреннего соглашения Юльки продолжить вечер в моей постели. Казалось, я окончательно растворил ее страх своей актерской игрой в джентльмена. Но когда прозвучал телефонный звонок, реально ощутил, что нервничаю. И ей каким-то образом тоже передалось мое состояние.

Что мне оставалось делать? Если я сейчас разорву наш шаткий контакт, скорее всего, он уже и не возобновится. Взять ее с собой? Есть ли гарантия, что усидит на месте? Заметь она содержимое хотя бы одной из зарытых комнат клуба, мне пришлось бы наверняка везти ее к психотерапевту. Предложенный ею вариант ожидания поблизости я отмел сразу, представив, сколько вариантов более веселого времяпрепровождения окажется в ее распоряжении.

Сегодня мне легко дался имидж галантного парня. Может, потому, что Юлька выглядела практически леди в простом черном платье. Решение пришло молниеносно. Пусть считает, что мы приехали обсудить поставки крупной партии товара, курс доллара, покупку

нефти и еще что-то в этом роде. На волне восторга от своей сообразительности я даже не предупредил Александра, что буду не один.

Время еще было раннее, наверняка там пусто. Тем лучше. Я решительно зачитал ей основные правила поведения. Зная Юльку, еще захочет присутствовать при разговоре. Вот тогда шок ей обеспечен.

Одно из правил Анубис ввел давно, и до сих пор требовал четкого исполнения — заходя в его кабинет, каждая нижняя была обязана становиться на колени. Его территория, его законы. Не тематикам в клубе не место, туда так просто не войти. Двойственное положение. Что ж, дальше бара ей путь воспрещен. Я увидел искорки азарта в ее глазах, и желание напомнило о себе с новой силой. Что ж, чем скорее закончится разговор, тем быстрее я смогу остаться с ней наедине.

...Каждый раз, когда я оставался наедине со своим Наставником, у меня непроизвольно путались слова и нервно сжимались пальцы. Его властная харизма альфа-доминанта в прямом смысле слова вышибала почву из-под ног. Хотел ли я когда-нибудь чего-то столь сильно, как хотя бы пятой части уровня Анубиса?

Воспоминания нахлынули внезапно. Такой же неприветливой холодной весной я впервые попал в "devi-ant", получив приглашение наблюдателя. Более чем полтора года тематического голода, граничащего с безумием (я тогда не до конца осознавал, что именно со мной происходило), бесплодные попытки найти свою пару в этом городе, огромный объем информации, благодаря совместному другу Google. Километры букв переписки с организаторами единственной в городе тематической тусовки — тогда я ощущал себя подопытной крысой, которую безжалостно тестировали наводящими вопросами, дабы не усомниться в ее адекватности. Все это того стоило.

Я провалил свой экзамен на двадцатой минуте. Когда, возбужденный обилием полуобнаженных женских тел, покорными взглядами и весьма откровенными сценками, решительно зажал Оливку в коридоре, требуя немедленно отсосать. Что "нижние ближнего твоего — не твои нижние", мне объяснили довольно доходчиво. Улыбнувшись лишенной какой-либо покорности улыбкой, потенциальная рабыня с размаху двинула мне по фэйсу, оставив отпечаток горящей пятерни, который едва сошел к утру. Сабочка Анубиса могла позволить себе еще и не такое. Я тогда едва не накинулся на девушку. Остановило появление Александра.

— Неужели гость, перед тем, как прийти сюда, не изучил правила клуба? — сузив глаза, спокойно спросил Анубис. Его правая бровь насмешливо приподнялась вверх. И тогда я ощутил страх. Сейчас меня будут убивать за то, что трогал руками чужое. То, что эта девушка в ошейнике с сапфиром принадлежит ему, было ясно по быстрому обмену взглядами. Оливка презрительно покосилась в мою сторону, и тут же, вспомнив о своей незащитности, грациозно опустилась перед ним на колени. Кровь закипела в моих жилах от завораживающей эротичности этого процесса. Я, со своим недавним "НКСС"*, ощутил себя лохом, деревенским придурком в храме высшего искусства. Стоило бежать от этого мужчины с внешностью мафиози, какими их любят представлять в фильмах и любовных романах, но я не мог сдвинуться с места. Мне до боли захотелось сгореть в лучах его жестокой властности, забрать себе этого уверенного спокойствия и величия хотя бы часть... Или продать свою душу, только бы обрести такую ауру силы и мудрости, которая, при желании могла поставить на колени, казалось, весь мир. Я хотел быть ним. Я понял это с первой минуты.

— Предлагаю обсудить создавшийся инцидент в моем кабинете, — успокаивающе поцеловав девушку в лоб перед тем, как отпустить, сказал он. — В первый раз у многих отказывают тормоза.

Предложение прозвучало как приказ. Практически все его слова всегда имели подобный окрас.

— Не помешает, — произнес хозяин клуба, протягивая мне бокал с коньяком. — Как я могу к тебе обращаться?

— Дмитрий, — стараясь придать голосу спокойствие и уверенность, ответил я.

— В нашей среде не очень распространено обращение по имени. Что написано в твоём пригласительном?

— Дориан Грей, — тупо признался я. Тогда я даже не знал, кто это такой.

— Забавно. Но — неосмотрительно. Пожалуй, остановимся на именах. Я Александр.

Пожатие руки было крепким и властным, но ни в коем случае не унижающим и не демонстрирующим превосходство. Похоже, убивать меня никто не будет.

— Что ты ищешь здесь, Дмитрий?

Простой вопрос, но я не знал на него ответа. Пожал плечами.

— Мне нужна рабыня.

— Вот так сразу? — улыбнулся Анубис. — Что ты подразумеваешь под этим словом?

Станный вопрос. Я отхлебнул коньяка.

— Ну, я хочу, чтобы она исполняла все мои желания. У нее же нет права мне отказать, верно? Чтобы приняла мою власть... Что еще... — я растерялся.

— Понятно. А что ты готов дать ей взамен?

— Удовольствие, — на полном серьезе продолжал вещать я, не понимая, какую именно пургу нес. — Ну, деньги там... Шмотки...

Чудо просто, что после такого Анубис не указал мне на двери. Его, казалось, забавляла эта ситуация. Наверняка большинство новичков отвечали еще веселее.

— Дмитрий, а в чем состоит различие между "рабыней" и "сабой"?

Нокаут. Я уронил челюсть. Какое различие? Это что, не одно и то же? Пожал плечами.

— Саба — англоязычное выражение? В этом?

— Интернет не есть истина в последней инстанции. И никогда не был. — Анубис протянул мне флешку с выбитым на металле триксемом. — Ты дезинформирован, как и большинство. Ничего страшного. Здесь найдешь все необходимые материалы. Изучи их очень внимательно. То, что ты нарисовал в своем воображении — не Тема. Даже близко. Прочти и ответь себе на один единственный вопрос: готов ли ты играть по истинным правилам? Только будь честен, прежде всего, сам с собой. Ты знаешь три основных постулата?

— Безопасность, Разумность, Добровольность, — словно школьник, выпалил я. За что получил кивок одобрения.

— Очень хорошо. Предлагаю встретиться здесь в следующий вторник и продолжить наш разговор. С учетом новой информации...

...Анубис не изменился за эти пять лет. За то долгое время, за которое он, в прямом смысле слова, прокачал меня до высшего уровня Темы. Тот же безукоризненный стиль, от которого бы Джеймс Бонд тихо повесился на собственном галстуке от досады. Тот же взгляд, который мог расплавить металл и подчинить себе окончательно и бесповоротно. Если бы Власть имела облик, она бы выглядела именно так. Уверенная в себе и своих силах,

избавленная от необходимости что-либо доказывать, а потому внешне не лишенная галантности и дружелюбия.

Взгляд Алекса быстро скользнул по застывшей в изумлении Юльке. Что ж, я предполагал нечто подобное. Скорее всего, она теперь побоится сделать даже шаг. Стало быть, можно не беспокоиться?

"Закрой рот!" — мысленно заорал я ей, когда она устроила расклад понтов у стойки. Анубис закрыл ее одной вежливой взвешенной фразой. Когда я уже научусь такому? Неужели мне это просто не дано?

В кабинете Анубиса по-прежнему пахло дорогой древесиной и хорошими сигарами. Миловидная секретарша приготовила кофе. Она держалась с достоинством и нескрываемым уважением к боссу. На нее правила преклоненных коленей не распространялись.

— Дима, я пригласил тебя не просто так. Есть несколько вопросов. В последнее время, в мое отсутствие, в клубе творится невесть что. Вчера мне сообщили, что у Ассаи был нервный срыв. После той самой групповой сцены, о которой все молчат, как партизаны.

— Алекс, я не знаю, что тебе сказать. Меня там не было. Ты знаешь, что я бы вмешался. Авторитет Штейра, возможно, не позволил кому-либо усомниться в отсутствии добровольного согласия Ассаи.

Я сказал правду. К несчастью, у меня не было возможности присутствовать при этом.

— Я пытался с ней поговорить, но она молчит. Просто в ужасе, как будто я также пришел за ее телом. Штейр рядом, но от этого ей легче не становится. Совсем наоборот. Как такое могло произойти? — Он вовсе не просил моего совета. Спокойно и взвешенно проговаривал ситуацию, словно на диктофон.

— Может, он негласно посвятил ее в рабыни?

— Он прекрасно знал, что подобное без моего участия не произошло бы. И еще, меня беспокоит Никея. Либеральность ее взглядов относительно нарушения принципов. Два года назад я закрыл глаза на инцидент, произошедший с ее подачи на "Большой охоте"*. У меня вопрос. Кто из них, теоретически, стал зачинщиком подобного беззакония?

— Не проще ли обоих исключить из клуба? — я опасался, что блеск в моих глазах при мыслях о несоблюдении добровольности выдаст с головой. Так или иначе, это были просто фантазии, но все же...

— И позволить им извращаться над Темой дальше? Доказывая, что нижние лишены прав? Сколько неофитов попадет в эту ловушку? — Анубис наклонился, пристально взглядываясь в мое лицо. — Управлять недостаточно проинформированными особами очень легко, правда ведь?

От волнения я непроизвольно вцепился пальцами в подлокотник кресла. Сейчас я был просто прибит железной волей своего наставника. И это при том, что он ни разу не повысил голос!

— Алекс, не понимаю тебя. — Я оглянулся, словно опасаясь увидеть Юльку в кабинете. Глаза Анубиса застыли, сменив цвет с зеленого на темно-серый. Казалось, неуловимый сканер считал все мои мысли и потаенные желания.

— С каких пор ты перешел на детей? Ей есть 18?

Поворот поразил своей внезапностью, и я не успел прикусить язык и надеть «покер-фейс».

— При чем тут Юля?

— Она не саба, верно? Что она делает в клубе, в таком случае? Ты знаешь правила. Цель

ее нахождения здесь?

— Я сделаю ее своей. Вопрос времени, — более уверенно заявил я, ощутив неприятный холодок. — Только времени.

— Почему бы нам с тобой не выяснить это прямо сейчас? Красс сегодня в восьмом блоке со своей новообращенной. Они не станут возражать против зрителей. Что, если я покажу ей, что именно ты хочешь из нее сделать, а потом выясню ее мнение на этот счет?

В этот самый момент оборона самоконтроля дрогнула, а артобстрел бездушных аргументов ударил в образовавшиеся разломы.

— Не трогай ее. Она моя! — прорычал я, расплескав кофе.

— Я повторю. Она знает, чего ты от нее добиваешься? Не думаю. Тебя заводит беззаконие других. Ты решил, что можно брать все, что плохо лежит, придавать ему свою форму и не спрашивать согласия. Дима, ты меня огорчаешь.

— Ее сабмиссивность спит. Но она есть! — Необходимость оправдываться бесила, но молчать я не намерен.

— Хорошо. Приведи ее. Правила ты помнишь. Пусть станет на колени.

— Нет.

— Почему? Я отвечу. Ты мыслишь, как подросток. Извини за грубость, у тебя не голод, а банальный недотрах. У тебя глаза горят, ты хочешь ее сломать, не думая о последствиях. Уйми свое эго. Иначе мне придется раскрыть ей глаза на некоторые аспекты.

— Алекс, как можно вычислить нижнюю в толпе? — однажды задал я вопрос своему Наставнику. Ответ мне не понравился.

— Ты не готов. Для этого надо быть мной.

— Разве я здесь не для того, чтобы научиться?

— На данном этапе это невозможно. Потому, что ты принимаешь свое желание обладать кем-либо за шестое чувство. Это надо преодолеть, вопрос долгого времени. Готов ли ты разглядеть душу избранницы, ее боль и радость, ее тайные желания, чтобы это понять? Еще нет. На время оставь эти бесплодные попытки. То, что девушка любит секс в наручниках, может не значить абсолютно ничего. Запомни это.

...- Она совсем девчонка. Не делай того, о чем пожалеешь. А сейчас уведи ее отсюда. Юлия пока под защитой Константина, но половина членов клуба сейчас забрызгает слюной пол. У меня и так тут проблема с адекватным поведением.

"Главное — не потерять самого себя", — вспомнил я слова Анубиса, которые так часто доводилось слышать на первых порах, когда я раскрывал для себя совсем иную Тему. Настоящую. Игры разума, воспитание чувств, открытие истинной сущности, истинную свободу — даже на цепи. Тот, кто держит поводок, не свободнее того, кто носит ошейник.

Но так получилось, ято именно в этот переломный во всем год я начал осознавать, что мне мало легализованной Тьмы.

Юля была в панике. Я ощутил это сразу, как только мы с Алексом вышли в зал. Показательно его не замечая, чтобы не встречаться взглядом, она повисла у меня на шее, прижавшись, словно напуганный котенок в поиске защиты.

— Давай уйдем отсюда...

— Конечно, — ощущая себя победителем, согласился я. Внутренний зверь бил в колокола. Впервые Юлька искренне потянулась ко мне, плевать, что виной всему был просто страх. Наверное, именно благодаря этому мы, наоборот, стали ближе.

Почти у дверей я вдруг ощутил, что она обернулась. С ощущением чего-то

малоприятного и неизбежного последил за ее взглядом, и...

Искра. Вот, чем это можно было назвать. Едва уловимый разряд, наэлектризовавший атмосферу до нереального ментального треска. Ничего не изменилось во взгляде Анубиса, ни дрогнул ни один мускул, он по-прежнему смотрел на мою девушку со смесью равнодушия и снисходительности.

А Юлька, ванильная невинность, так ничего и не поняла...

— Я хочу курить, — выдохнула она уже на парковке, бросив на меня беззащитно-опарашенный взгляд. В другой ситуации эти эмоции разбудили бы во мне зверя до такой степени, что я бы отымел ее прямо на капоте. Но ко мне они не имели никакого отношения.

— Отъедем, — ощутив противные уколы ревности, сказал я.

Что мне надо было сделать тогда? Напугать ее сильнее, чтобы выбросила из головы все происшедшее — и Александра, и клуб? Противоречия разрывали на части. И, как ни банально, я реально считал себя ее ангелом-хранителем в тот момент, хотя спасти, по сути, было не от чего и не от кого. Анубис скорее убьется головой об стенку, чем позволит себе прикоснуться к тому, что ему не принадлежит. Стало быть, опасаться нечего? Мне до боли хотелось расписать Юльке в деталях, как ломаются подобные ей по щелчку его пальцев, падая на дно и не принимая этого в сладкой эйфории. Как сладок яд таких речей, когда тебе преподносят аверс монеты, обещая защиту, свободу сознания и яркость эмоций, умалчивая о нервных срывах, подмене сознания и чувстве вины. Хорошо, когда Верхний может ее снять, но зачастую он этого не делает намеренно. Нет, пока еще не стоит.

Тогда героем этой истории я считал сам себя. Понимая, что защита ей нужна лишь от меня самого, но... Не признаваясь себе в этом. Решив играть на контрасте до конца, я поспешил ее успокоить. Почти не соврал. Анубис реально заставляет всех нервничать в его присутствии. Юлька в ответ доверчиво сжала мою руку. Отлично.

Атмосфера клуба возбудила меня гораздо сильнее, чем я предполагал. Наверное, там не могло быть по-другому. Каждый угол, каждая пылинка, каждый кирпич хранил в себе собирательную память того самого нереального удовольствия, которое сносит крышу и лишает разума. Я вспомнил ощутимый удар тока от соблазна в тот момент, когда Алекс предлагал привести Юльку в кабинет. Картина того, чего так и не произошло, словно засела в моем мозгу.

— Я хочу, чтобы ты сидела на ковре, поджав под себя ноги. Поняла?

И тут она совершила свою первую ошибку за сегодня. Дура. За своим языком надо следить хоть иногда...

Юля

Этот ужасающий арсенал больше не находился в поле моего зрения. Но на тот миг казалось, что он отпечатался несмываемым тату прямо на сетчатке глаза. Как темные пятна после пристального взгляда на солнце. Аналогия была полной. Как говорят? Любопытство сгубило кошку? Меня оно ослепило. Отравило своей реальностью, потому как я привыкла, что такое может быть только в кино, на полочках секс-шопов — для украшения витрины, в безобидных сказках типа "50 оттенков серого"... Но в реале?

Однажды я увидела программу, участником которой был недавний победитель Фабрики Звезд. Не помню названия... Та самая, где звезды устраивают экскурсии по своим квартирам. Там арсенал плетей был куда больше. Но харизматичный с паренек брутальной щетиной всего лишь играл на публику, демонстрируя эту коллекцию. Может, Дима тоже собрал ее здесь прикола ради?

Сердце отплясывало в такт моему почти ужасу. Я внезапно осознала, что прекрасно понимаю назначение каждого из этих предметов. И это напугало еще больше. Больше, чем глаза того оборотня из "devi-ant". Хотя, что могло быть страшнее? Все потихоньку ставало на свои места.

Его властность. Его попытка установить тотальный контроль. Этот хищный блеск во взгляде. Привычка выкручивать руки и тянуть за волосы. И эта аура господства и непримиримости. Как и у того, другого...

Юлька, думай. Вспоминай. Ты шерстила всемирную сеть черт знает когда, что ты об этом знаешь? Так... Контракт, без него нельзя. Ага. Скажешь "красный", и тебя оставят в покое. Без твоего согласия никто ни на что не имеет права. Эл Джеймс, спасибо тебе за твое творение. Главное, вовремя! Что еще? Кажется, к нему теперь надо обращаться "Хозяин"? Нет, он мне это запретил. А если б даже не запрещал, меня же на "хи-хи" пробьет.

Аутотренинг не помогал. Наверное, Жаклин Кеннеди точно так себя ощущала бы под прицелом киллера. Я обхватила плечи руками, ощутив противный озноб страха. Димка же ничего не делал, чтобы меня успокоить. Стоял, облокотившись на косяк двери, и бездушно улыбался.

— Испугалась? — в его голосе звенела ирония. Я поспешно замотала головой.

— Нет.

— Не ври мне. В будущем я буду всегда требовать твоей искренности.

Что происходит? С каждым его словом мне становилось страшнее. Вроде бы, ничего особенного... Но при мысли о том, какими же методами он будет высекать мою искренность... О чем я думаю?! Неужели именно «высекать»?!

— Ты же не всерьез? Ты не будешь использовать эту... Коллекцию? — прошептала я, остерегаясь его взгляда и не имея возможности отвести свой. Дмитрий пожал плечами. Его глаза смеялись, но я была очень сильно напугана, чтобы увидеть в этом положительный момент.

— Я еще не решил.

— Дима...

— Как я тебя просил меня встретить?

В горле пересохло. Изящный образ Джекки Кеннеди на шкуре у камина уже не казался

столь восхитительным. Собственно, в свете последних событий это уже была не Джекки.

Что мне стоило сделать? Послать его в тот же миг и уйти. Дать в ухо, если посмеет задержать. Что-то мне подсказывало, что он не станет меня насильно удерживать... Эти мысли вихрем пронеслись в голове, отвлекая от самого основного. От того, с какой легкостью я скользнула с кровати на ковер, поджав под себя колени — словно это было главным условием того, что он не причинит мне боль. Тогда я впервые поняла истинное значение понятия "сладкий страх". Тот самый, что держит похлеще оков, только усиленный любопытством. Ведь уйти я могла беспрепятственно. Или же нет?

— Теперь мне этого недостаточно, — холодно прокомментировал Дмитрий. — Раздевайся. Полностью.

Я бросила на него ошеломленный взгляд. Это был тот самый барьер, который было сложно преодолеть. Именно с ним. И именно сейчас. Мои руки безвольно повисли вдоль тела. Да уж, мне не плеток надо было опасаться. Щеки запылали огнем, и я решительно затрясла головой.

— Нет!

— Это не просьба.

— Я же сказала, нет!

В два шага он пересек разделяющее нас расстояние. Я едва не закричала от неожиданности. Мои волосы оказались в захвате его сильной ладони, пустив по телу ток ужаса с привкусом сладости.

— Юля, ты испытываешь мое терпение. Смирись и прекрати сопротивляться. Ты же не хочешь, чтобы я наглядно объяснил тебе значение каждого из тех предметов?

— Я не буду! — упрямо повторила я. С телом творилось нечто странное. Меня возбудило это противостояние. Мне хотелось вывести его из себя своей дерзостью и спрятаться в угол от чувства острой незащитности одновременно.

— Ты разденешься. Сама. По-хорошему, или же по-плохому. И впредь, прекращай стесняться. Так будет легче.

Я не шевелилась. И тогда его руки, коснувшись ворота платья, резко рванули его в стороны. Хорошо, что вместо пуговиц были кнопки. Вместо вопля из моих губ вырвался сдавленный всхлип, а позвоночник окатило чувственной горячей волной. Тем не менее, как будто спасаясь от ненормальности ситуации, я отчаянно замотала головой, втайне испытывая необъяснимое наслаждение от своей позиции жертвы.

— Красный!

— Что? — сдвинул брови Дима. — Ты выучила новое слово?

— Красный... Ты должен... Прекратить.

Мои слова достигли цели. Он выпустил мои волосы и выпрямился.

— Умная девочка. Только, видишь ли, по моим правилам при осуществлении наказания стоп-слово не действует. Я в замешательстве. Наказать тебя за то, что ты лазила, где не надо? Отпадает, потому что послезавтра я улетаю в Германию на две недели, а оставлять свою сабу в таком состоянии недопустимо. Особенно тебя, для которой это впервые. Что делать, Юля? Простить? Говори, мне интересно твое мнение.

Я молчала. Просто не могла в таком состоянии сразу осмыслить эту информацию. Дима, вздохнув, подхватил меня под руки, поднимая с колен.

— Вставай.

— Зачем?

— Домой поедешь. Ты не готова. Может, тебе надо все обдумать?

Страх раскололся вдребезги под напором ледяного душа его слов. Мне было невдомек тогда, что с его стороны это была игра на грани фола. Он заметил мое любопытство, порозовевшие щеки и дрожь возбуждения одновременно, как и не свойственный мне взгляд в пол с оттенком желанной обреченности. Это мне казалось, что я вполне владела собой. Опыт Димы же давал ему возможность прочесть мою реакцию, как открытую книгу.

— Отвезешь? — одергивая платье, робко спросила я, в надежде услышать протест. Дима сбросил полотенце, лишь хмыкнув, когда у меня расширились зрачки от восторга. Владелец самого крутого в городе тренажерного зала просто обязан был иметь такое классное тело. Рельефные кубики пресса, переплетение узлов бицепсов, прорисованный изгиб грудной клетки, широкие плечи, бронзовый загар. Волна желания всколыхнула мое сознание с новой силой. Черт знает что!

— Юлька, я устал. Вызову такси.

Беспалова, это фол. Твои акции обесцениваются с оглушительным треском. Сделаешь ли ты что-нибудь?

— Отлично! Без садо-мазо тебе со мной вообще не по приколу?

Сделала. Продемонстрировала свою беспросветную тупость и претензии.

— Юль, не нагнетай обстановку. У меня был тяжелый разговор. Возвращайся, ложись спать и готовься к экзаменам. У меня еще сумка в дорогу не собрана.

— Но всего лишь 10 минут назад тебя это не волновало!

— Верно. Обстоятельства изменились. — Совершенно голый, (полотенце небрежно полетело на пол), Дима подошел к шкафу, открыв секцию одежды. Всего лишь. Провел руками по ряду модных рубашек, прикидывая, какую бы взять. Невозмутимо выбрал черную, снял с плечиков и швырнул на кровать. Я сглотнула. Шелк. Вряд ли он в нем будет рассекать дома, собирая сумку. Значит, он... куда-то собирается?!

Мои опасения подтвердились.

— Позвони в такси, они сейчас должны быстро отреагировать, — равнодушно бросил мне. — И да, мне жаль, что тебе довелось это увидеть. Забудь. Вычеркни из памяти. Это только мой мир.

— Ты обещал, что мы... выпьем шампанское... — от шока я продолжала тупить и дальше.

— Это была плохая идея. Все, Юльчик, езжай домой. Я позвоню потом.

Вот тварь! Выпихать меня из квартиры, чтобы... Вряд ли он собирался в магазин за хлебом в Армани! А это... Черт, а это аут. Шелковое белье! Да у меня шелк для экстренных случаев, таких, как... Как сегодня, знай я заранее, что мы встретимся. Я еще здесь, а он уже точит лыжи к... к любительнице боли? К очередной телке, которой по приколу ползать в его ногах?! Ревность накрыла тяжелой пеленой. У такого мужчины нет отбоя от готовых на все смазливых девчонок. Твою мать, Беспалова. Трудно было подыграть?!

— Дима... Это мерзко с твоей стороны. Я освободила вечер. Моталась с тобой черт знает куда, где мне указывали, что пить, и чуть не свернули шею. Ради чего? Чтобы ты мне включал от мороженого?

— Юля. — Мое имя упало тяжелым гранитом. — Все было неправильно изначально. Ты все видела. Я не могу по-иному. Могу, но мне нет в этом особого интереса. Что ты хочешь от меня услышать?

Я обессилено опустилась в кресло. Этот раунд был мною проигран, окончательно и

бесповоротно.

— Скажи... Ты вправду стал бы... Этими плетками... если бы я согласилась...

Руки Димы, воюющие с непослушными пуговицами, замерли. Впервые за вечер он посмотрел на меня с нежностью.

— Нет, Юля. Разве что ты сама меня об этом попросишь.

— Правда?

— Девочка моя, — улыбнулся он. — Я не маньяк и не садист. Чего ты так испугалась?

У меня не было ответа на его вопрос. Так и не погасив свою ласковую улыбку, так режущую сознание после напряженного момента, Дмитрий решительно отодвинул створки, скрывающие гестаповскую коллекцию. Я, как замороженная, следила за его руками. Пугающая с виду плеть с на вид мягкими кожаными лентами уверенно легла в его ладони.

— Смотри. — Страшное приспособление со свистом рассекло воздух, и я вскрикнула от удивления. Так легко, самого себя, по спине...

— Иногда это даже весело. Но, если ты так боишься, они сегодня останутся висеть на своих местах.

Камень с плеч. Я с шумом выдохнула. Сердце колотилось, как ненормальное. Понять собственные взбесившиеся эмоции казалось невозможным.

— Ну, каков твой ответ, Юля? Ты уезжаешь или мы попробуем начать все с начала?

— Сначала, — тихо выпалила я.

Наверное, именно тогда я преодолела точку невозврата, позволяя невидимому перу режиссера моего дальнейшего кошмара приняться за детальное написание сценария моего же падения. Но на тот момент ничто не предвещало фатального развития событий. Был неувядающий интерес, возбуждение, драйв, кураж, в голове чуть ли не звучали фанфары, разве что воображение еще не рисовало картины с сюжетами в образе Кристиана Грея на вертолете вместе с его миллионами, особняками, бриллиантом и свадебным платьем. Хотя, может, если бы я уехала, это бы все равно случилось... Может, даже скорее, чем я предполагала.

Но сейчас я не могла осознать всю глубину этой опасности. В его взгляде не гасла нежность, успокаивая, покоряя, подчиняя себе. И это успокаивало. Он не выдал своих темных намерений ничем. Ни жестом, ни улыбкой, ни фанатичным блеском глаз. Он был спокоен, как никогда прежде.

— Сними платье и подойди к постели.

Смушение все еще владело мной, и я, руководствуясь принципом "отсекать одним ударом", быстро стянула платье через голову, оставшись стоять спиной к нему.

— Не поворачивайся. — Легкая заминка, и я почувствовала его шаги. — Сегодня я завяжу тебе глаза.

Протест застыл на моих губах. Свет погас очень быстро, отнимая мою волю, подталкивая к краю пропасти, за которой, я тогда не знала — мрак. Шестое чувство взбрыкнуло непонятной паникой, и я нервно потянула руки к повязке. Только он мне не позволил этого сделать. Кисти в один миг оказались в сильном захвате его пальцев, вопреки всем законам логики разгоняя по напряженному телу сладкую истому. Его шепот опалил барабанную перепонку обволакивающим эротизмом.

— Не бойся. Со временем ты научишься мне доверять...

С изумлением расслышав собственный стон, я неосознанно прижалась к его телу, ощутив шелк рубашки на своей коже — скользкий, ласкающий, уводящий за грань в

тандеме с его словами и подчиняющей властностью голоса. Голова само собой запрокинулась, касаясь его плеча, щека к щеке, умиротворяя и волнуя одновременно, низ живота скрутило сладкой болью, вихрем прокатившейся по ногам и зажегшей пальцы ног, делая их слабыми и податливыми, как и всю мою сущность. Приподняв мои запястья, соединив их вместе одной рукой, Дмитрий уверенно провел рукой по моему животу, спускаясь ниже, раздвигая легким касанием сомкнутые бедра, безошибочно находя сосредоточение моей страсти. От прикосновения к клитору я лишь сильнее толкнула бедра навстречу его пальцам, во тьме скрытого повязкой взгляда на миг блеснули радужные переливы, вырвав из пересохшего горла очередной стон восторга.

— Да, давай... Трись об мою руку...

Чувства были обострены до предела, все эмоции и ощущения, до каждого потайного уголка сознания, до каждого толчка крови, летевшей по сосудам. Слух ласкало его легкое дыхание, и мне даже удалось расслышать биение чужого сердца. Диссонанс. От такого явления рушатся мосты и здания, уходит рассудок и накрывают цунами. Реальные. Катастрофические... Каждая клеточка тела была одним оголенным нервом, воспринимающим любое касание как одна цельная эрогенная зона. Ничто не отвлекало меня больше — ведь я была лишена зрения и не могла видеть деталей обстановки, за которые можно было уцепиться, как за соломинку.

Я не сопротивлялась, когда он уложил меня на прохладный шелк покрывал, заставивших тело содрогнуться в очередной раз. Его губы накрыли мои, выпивая коктейль моей воли и латентной дерзости, забирая, высасывая без остатка, устанавливая свой незыблемый закон. Я едва не заорала от чувства потери, когда он отстранился, но его ладонь вновь успокаивающе погладила меня по щеке.

— Тсс. Я сейчас вернусь.

С завязанными глазами мой слух достиг максимума. Я различала его тихие шаги, которые не мог заглушить ковер, скрип отъезжающей створки, металлическое позвякивание... Руки непроизвольно потянулись к повязке, подвижные подначиванием страха и любопытства, и тут же опустились обратно. Сознание кричало — нельзя! Шестое чувство уже тогда вводило меня от потенциальных наказаний, но слишком тих был его голос во всем остальном... Шаги... Он совсем близко. Глаза не видят. Слух обострен до предела. Каким огнем сейчас горят его глаза? Что из этого ужасного арсенала пыток он держит в руках? Меня прошибла нервная дрожь, когда он прикоснулся к моему запястью, поднимая его вверх. Что-то обхватило кисть, затягиваясь узлом. Правую... Затем левую... Руки потянуло в стороны, в ушах почти раскатом отдавалось его дыхание и стук наших сердец. Я попыталась свести руки, и в тот же момент осознала, что это невозможно. Я была привязана к постели. Распята. Лишена зрения и возможности двигаться. Паника огорошила с прежней силой.

— Дима, хватит! Я не хочу!

Теплая ладонь успокаивающим жестом легла на... нет, не на грудь. На сердце. Успокаивая этот стремительный бег, вбирая в себя пульсацию страха и отчаяния.словно согревая своим теплом через кожу.

— Тише, доверься мне.

Губы накрыл легкий, умиротворяющий поцелуй. Властный и нежный одновременно. На миг я опешила, но уже спустя пару секунд приняла его, прижимаясь сильнее к сильному мужскому телу, ища максимум соприкосновения, разливающего по телу сладкие иглы.

Никогда прежде я не испытывала ничего подобного. Тьма обострила желание и удовольствие от каждого касания до предела. Как там, в песне... "Ты на теле моем разжигашь вулканы"... Именно на извержение Везувия в миниатюре были похожи его быстрые поцелуи, перешедшие с губ на шею, затем на грудь. Боль в возбужденных сосках стала нестерпимой, но такой приятной, что я лишь сильнее выгнулась навстречу, готовая принять ее без остатка. Поиграв еще немного с чувствительными бугорками, губы Димы скользнули ниже. Тело больше мне не подчинялось. Ремни до боли впились в кожу, едва ли не выкручивая суставы, вопреки всему, доставляя незнакомое, пугающее удовольствие.

Опуститься губами и языком еще ниже он просто не успел. Благо, мои ноги не были связаны, я их сжала так сильно, что он от неожиданности захрипел. Только мне уже было все равно. Первый в жизни множественный оргазм подбросил меня на постели, выкручивая запястья, сводя судорогой мышцы, о существовании которых я ранее не догадывалась. Крик оглушил меня — не то чтоб я орала так сильно, но лишенное зрения тело углубило слух до наивысшей точки.

Не помню, как пришла в себя. Но Дима не снял повязку с моих глаз, и все так же неистово терзал мое тело языком и губами, словно вбирая в себя пульсацию самого естества, захваченного оргазмом. На некоторое время плотские ощущения отошли на второй план, и застонала я уже от сладкого и пугающего своей нелогичностью ощущения абсолютной незащитности и открытости. Впившиеся в кожу ремни хотелось прочувствовать всей сутью, каждое сжатие и касание кожи к коже. Стоило ли говорить, что к его вторжению я была готова как никто. Мои бедра изнутри были мокрыми от его поцелуев и собственного сока.

В отличие от нежного орального секса, классическое проникновение было неистовым. Глубоко. Резко. Беспощадно. Но, отойдя от первичного шока, я со стоном толкала бедра ему навстречу, словно мне в тот момент было реально мало глубины. Ремни впивались в тонкую кожу. Останутся следы, наверное... Желание обвить его руками не подчинялось рассудку, оно готово было рвать эти ремни, чего бы это ни стоило.

Тьма. Густая темнота, вспыхивающая мириадами искр с каждым толчком. Обостренные чувства. Нереальное удовольствие — пусть второго множественного оргазма и не случилось. Беззащитная открытость, приносящая эти нереальные ощущения. Эйфория... Так все замечательно, правда ведь?

Начало моего падения. Уже тогда. Я продала душу, волю и свободу за право раз удовлетворить свое любопытство. Но тогда этого не мог знать никто, кроме него...

Вмятины от ремней долго не сходили, вызывая приятную дрожь одним своим наличием. Повязку с меня он так и не снял. И не позволил стать на ноги. На колени. Приказ даже не вызвал протеста, после секса я едва могла стоять. Не потому, что все болело от соития с элементом изнасилования, этого не было и в помине, просто я была нереально ослаблена свалившимися на меня новыми ощущениями.

"Ты не привыкла пока", — тоном руководителя изрек Дмитрий, кидая что-то на пол, а потом нагибая меня за плечи вниз. Подушка. Я была ему благодарна. Колени у меня слабые, на шейпинге я не мгу делать упражнения из упора на коленях — не потому, что тяжело мышцам. Тяжело надкостнице коленной чашки. Сразу начинает болеть.

Потом меня безапелляционно лишили этого великодушия. Но пока...

Он поил меня из бокала, удерживая его в руках. Изумительное шампанское, которое я смаковала долгими микроглотками. Напиток богов, аристократов и олигархов. Вкус новых для меня удовольствий.

— Завтра? — осведомился Дима.

— Подготовка к экзамену. Высшая математика.

— Наверное, для девушки это тихий ужас.

— Возможен автомат, но Кретников их объявит непосредственно в день экзамена.

Хотелось бы верить, что я в списке счастливиц.

— Экзамен с утра?

— Да.

— Очень жаль, у меня вылет в 9 утра...

Очарование вечера потихоньку уступало место здравомыслию, и я едва не фыркнула. Он что, рассчитывал, что я попрусь в аэропорт его провожать?

Две недели... У меня сессия. Экзаменационная. Как раз никто не будет отвлекать от учебы. Реальность вернулась, но и чувство полета, ласкающей эйфории не проходило. Наверное, это был лучший секс за всю мою жизнь. Такая малость — завязанные глаза... Почему мне это раньше не пришло в голову?

— Завтра, в перерывах между зубрежкой, сделаешь кое-что ради меня?

Я пожалала плечами. Может, он попросит спрыгнуть с крыши?

— Что именно?

— Завяжи себе глаза и ласкай себя, думая обо мне. Поверь, я почувствую, делала ты это или нет.

Просьба не несла в себе никакой опасности. Но мое приручение уже началось, с этой ласковой стадии.

— Хорошо, я обещаю. — Почему бы и нет?

Шампанское, швейцарский шоколад, первая клубника... Постсексуальная истома и безмятежность. Я летала. Высоко. Там, откуда больно падать. Пока еще.

Домой он повез меня сам. Как всегда, мы до одури целовались в машине, мои губы припухли настолько, что, реши я сфоткаться для Инстаграма, надувать их бантиком было необязательно.

Дом встретил меня гостеприимным уютом и... Конспектом по вышке. Четкое напоминание о том, что надо готовиться. Завтра. Все завтра. Сегодня меня занимало иное учение.

Закутив и приготовив себе кофе, я включила компьютер. Лены в скайпе не оказалось. Что ж, это даже хорошо. Наверняка посыпятся вопросы, а у меня словно отобрало речь.

Затаив дыхание, словно за мной могли наблюдать, я открыла страницу Google и на миг замерла в нерешительности. Что искать? Мысли путались. Пожав плечами, я вбила в равнодушную белую строку запроса:

"Мой парень привязал меня к кровати и завязал мне глаза".

Миг, и страница запестрила синими заголовками с моими ключевыми словами. Я подалась к экрану, едва не расплескав кофе на клавиатуру.

"завязанные глаза — сенсорная депреация."

"Повязка на глаза — одна из распространенных БДСМ — практик"

"Как я стала вещью — эротический рассказ...парень пришел...попросил довериться ему...привязал меня к кровати и завязал глаза..."

Вещью? Ни фиги себе!

Дальше было еще круче.

" Думаешь, эта прелюдия будет вечной? Тебя уже начали ломать!" — статья,

посвященная сенсорной депривации. Клик... Черт! Доступно только зарегистрированным пользователям...

Любопытство пересилило, и я поспешно заполнила регистрационную форму. Вбив ник «Пантера», с чувством равносильного смерти промедления открыла статью... Но нет, это оказалось всего лишь анкетой девушки без фото.

Я пробежала информацию глазами. Дежа вю. Классный секс, в котором изначально превалировали завязанные глаза и руки, а потом... Потом... Липкий страх сдавил виски.

"— Привет, — написала я. — Можно с тобой поговорить?"

Тишина. Наверное, оффлайн. Подожду. Прогуглю эту непонятную терминологию...

["Сенсорная депривация используется в нетрадиционной медицине, йоге, медитации, психологических экспериментах (например, с камерой сенсорной депривации), а также для пыток и наказаний. Она также может применяться в практиках БДСМ, в рамках сессии."

Так... Цитируя каждого второго персонажа True blood — ух ты ж епаный ты ж нахрен (в оригинале грубее). Пытки? БДСМ... это я слышала... Ну-ка...

Да уж. Вроде как ничего страшного... Безопасность, Разумность, Добровольность... О души отлегло. Стоп-слово и анкета по недопустимости практик... Мой ответ — все! Кроме повязки и некоторых безобидных элементов. Исключить... Это невозможно.

Эл Джеймс что-то писала про контракт. Надо его найти.

Наверное, лучше бы я этого не делала...

Поздно. Вот. Ну-ка...

"Роль рабыни

Раб(рабыня) полностью подчинен(а) Мастеру. Вне зависимости от ситуации — желание Мастера закон. Раб(рабыня) обязан(а) угадывать желания Мастера и стараться доставить ему удовольствие, в чем бы оно не заключалось..."

— А с крыши тебе прыгать, нет? Не надо? — не сдержавшись, хлопнула я по клавише. Они что там, с ума посходили?! Это внутренний устав психбольницы, где лечат комплекс Наполеона?! Охренеть. Может, следующий? Я прокрутила до подписей сторон, намеренно не читая начало, и..

"Когда тебе станет в тягость быть моей рабой, можешь залушить себя своими цепями, ибо свободу я тебе не верну никогда!"

Я отправилась курить. Долбаный мир. Сборище психов. Наверное, телки добровольно не дают... Вот и излил свои дщерские фантазии...

Я была не далека от истины. Спустя время я узнала, что некоторые отрывки были взяты из того, что называли в сферах тематиков "дщерский кодекс". Уродов хватало везде. Но тогда я этого не знала.

По сути, меня возмутил даже общепринятый европейский кодекс. А ведь его считали не то что адекватным, а чуть ли не идеальным регламентом Темы!

Везде суть одна. Мастер прав, ты нет. Он может тягать сколько угодно телок, ты же — нет. Аут.

"Отношения рабыни с ее родственниками (включая родителей) определяет ее Мастер."

"В случае передачи рабыни Мастером во временное пользование кому-то другому, рабыня обязана подчиняться ему, как своему Мастеру."

Что? Фломастер, бя... Дырка в башке — пей зеленку! Передача?! Это что, газета?! Неужели это терпят?! Может, их запугали? Не оставили выбора?! Как можно свою... ах да. Это же не люди. О чем я?! Вещи! Рабы! Ничего, вообще, что рабство давно отменили?!

Какой может быть вообще Кодекс БДСМ?! Какими законодательными актами и правовыми нормами он регулируется?! Несете полную чушь...

Найдя в очередном горе-контракте причиной расторжения "смерть рабыни", я от шока свернула все окна. Включила музыку и обхватила руками плюшевого тигра. Меня потряхивало. Эйфория от свидания с Димой таяла без следа.

Арсалуртика, словно в насмешку, воспевала поэзию именно таких отношений. Раньше я об этом не задумывалась.

"Ты смотришь в мои глаза, и я лишаюсь гордости. Моя душа сдается, а сердце падает перед тобой на колени... Когда я рядом, я хочу и уйти, и остаться одновременно. Я в замешательстве — так сложно выбрать между удовольствием и болью..." Именно так. Так все сегодня и происходило. Без боли, но... Но, судя по интернет-страшилкам, это вопрос скорого времени.

Немного успокоившись, я вновь, словно ведомая некими цепями, вернулась к экрану монитора. Зря. Новые удары по неокрепшей психике. Список БДСМ — воздействий. Депривация тут тоже. А еще... Да уж. Фистинг. Порка кнутом. Зажимы на соски. Анальный секс с использованием также посторонних предметов. Подвешивание. Воск. Игра роли животного. Пощечины. Плевки. Топтание ногами.

И этого всего Димка от меня хотел?! Почему он молчал?! Чтобы не напугать? Может, ему это на самом деле все же малоинтересно?!

Ага, ехидно процедил внутренний голос. И плетки с цепями у него лишь затем, чтобы украсить этим новогоднюю елку. Или, как вариант, он у тебя заядлый шопоголик. Скупил все, что видел.

Но настоящий шок, перевернувший мое Я, накрыл, когда я попала на эту статью. Источник — darkgrot.

БДСМ — Пять уровней отношений

Обмен властью, уровень первый: условное согласие.

[Это соглашение о нерегулярной игре (одиночном сеансе, или серии сеансов во время выходных), СМ-ный эквивалент знакомства на ночь. Партнеры действуют в стиле взаимного уважения для исполнения каких-либо ограниченных по силе физических воздействий или совместной ролевой игры для удовлетворения своих потребностей. Ни от кого из них не ожидаются какие-либо действия, не приносящие им удовольствие или не удовлетворяющие их фантазии.

Уровень доверия: Партнеры не наносят друг другу физических повреждений.

Доминант: Привилегии Доминанта четко ограничены сабмиссивом. Дом не будет ожидать глубокие сабмиссивные ощущения от саба (сабспейс), и не будет пытаться надавить на саба. Тем не менее, он отвечает за безопасность действия.

Сабмиссив: Сабмиссив отвечает за четкое предоставление ограничений.

Это в большей степени простая встреча, чем отношения, и их благополучный исход определяется исключительно в терминах немедленного получения удовольствия."

(Как забавно! Этот уровень пройден! Он даже ничего... не хочу пять. Давайте остановимся на этом?!)

Обмен властью, уровень второй: ограниченное продленное согласие.

В этом случае соглашение о периодических играх продляется. Партнеры действуют в стиле взаимного уважения для исполнения каких-либо ограниченных по силе физических воздействий или совместной ролевой игры для удовлетворения своих потребностей на

протяжении отношений. Ни от кого из них не ожидаются какие-либо действия, не приносящие им удовольствие или не удовлетворяющие их фантазии. Поскольку это уже отношения, партнеры узнают друг друга лучше, и стараются доставить максимальное удовольствие.

Уровень доверия: Обсуждаются различные элементы как психологической, так и физической безопасности. Сабмиссив не имеет реальной эмоциональной зависимости от Доминанта, кроме как во время сцены.

Доминант: Базовые привилегии Доминанта аналогичны первому уровню. Дом должен удерживаться от присвоения большей власти, чем оговорено, в то время, когда саб психологически уязвим. Он может назначать легкие задания, но только если они "в духе" совместных игровых фантазий. Он может "играть в наказание", но опять-таки, если это доставляет удовольствие обоим. Дом может "принудить" саба только к тому, что она хочет. Любые предложения сабу, напрямую не относящиеся к ее собственным представлениям о действе не более, чем консультативных по своему смыслу, и воспринимаются, как от друга.

Сабмиссив: В основном все тоже самое, что и на первом уровне, за одним исключением: саб может соглашаться на какие-то легкие задания или на игровые наказания; кроме того, она может согласиться вести себя в некой предписанной манере для удовлетворения желания Дома, хотя не следует ожидать, что она это запомнит и будет так вести себя в дальнейшем.

Как и на первом уровне, успешность этих отношений напрямую зависит от получения удовольствия. Любое действие, не ведущие к удовлетворению обоих партнеров будет прекращено."

(Ну? Юлька, чего ты так испугалась, в таком случае?! Все права у тебя в руках. Нефили было лазить, читая дочерские фантазии, почему бы сразу не почитать научные определения умных людей? Два уровня мне понравились. Пожалуй, я бы на них и остановилась.

Настроение улучшилось. К черту кодексы!!! Мы же можем договориться!

Наивная... Глупо делать вывод по двум легким уровням.

Обмен власти, уровень третий: временное подчинение.[

Эти отношения характеризуются подлинной заинтересованностью в благополучии партнера и искренней нежностью.

Уровень доверия: Каждый партнер прикладывает неподдельные усилия для понимания потребностей и мотиваций другого партнера. Сабмиссив может не иметь реальной эмоциональной зависимости от Доминанта, кроме как во время сцены.

Доминант: Зачастую, саб дает Дому право на создание нескольких незначительных ограничений. Также возможно соглашение о легких наказания за нарушение этих ограничений. Настоящие наказания или унижения недопустимы на этом уровне. Хотя Дом вправе временами ожидать сабспейс, он не должен извлекать выгоду из этого состояния психологической зависимости. Дом не давит на саба всерьез. Он может выдать задание, но такое, которое не потребует значительных затрат времени или средств у саба. Дом может "заставить" саба сделать то, что она сама хочет, или то, о чем он наверняка знает, что это будет принято с удовольствием и желанием. В последнем случае Дом должен быть готов быстро прекратить свои действия, если он ошибся в своей оценке желаний саба. Предложения сабу, напрямую не относящиеся к ее собственным представлениям могут быть консультативны по своему смыслу, и воспринимаются, как от наставника или учителя.

Сабмиссив: Она отвечает за точное донесение до Дома пределов своих возможностей, и

за помощь Дому в правильном их понимании. Саб может позволить себе войти в сабспейс, что делает ее временно зависимой эмоционально от партнера. Саб может согласиться на получение заданий, инструкций, и игровых наказаний. Она может захотеть вести себя так, чтобы заслужить одобрение Доминанта, возможно, ведя себя так и в дальнейшем. Уважение к желаниям и мнениям своего Дома обычно становится частью поведения саба. Успешность этих отношений теперь зависит не только от получения удовольствия, но и от эмоционального удовлетворения. Оба партнера прикладывают усилия для изменения своего поведения на благо отношений.

(Рискну... Эйфория вернулась. Все выглядело роскошно... Просто ошеломляюще.

Эх. Мне бы на этом остановиться! Но я, как мотылек на пламя, бросилась читать дальше.)

Обмен власти, уровень четвертый: договор Доминанта и сабмиссива.

Такие отношения характеризуются глубоким эмоциональным участием и взаимной преданностью. И Дом, и саб желают удовлетворять эмоциональные и сексуальные потребности партнера. Зачастую, Дом и саб влюбляются друг в друга. Они вступают в своего рода симбиоз. Иногда, их дневная жизнь сохраняет частичку ночной. В устах саба "Мастер" становится не почетным названием, а глубоко прочувствованным понятием. "Хозяин" или "рабыня" становятся подходящим и вежливым проявлением ласки. Узы, которые чувствуют Доминант и сабмиссив, можно описать, как ощущения принадлежности и ответственности друг перед другом. На этом уровне партнеры могут почувствовать желание иметь какой-то символ их связи — например, пирсинг, татуаж, клеймение или ошейник, надеваемый Доминантом сабмиссиву.

Ошейник зачастую присутствует и на низших уровнях обмена власти, в зависимости от того, насколько партнеры придают значение этому символу. Для кого-то это временный "тренировочный ошейник", использующийся с начала отношений, с пониманием того, что он будет заменен на более красочный, как только "тренировка" саба будет завершена. Кто-то относится к ошейнику также, как к обручальному кольцу.

Уровень доверия: Партнеры любят и понимают друг друга. То, что не приносит мгновенного удовольствия, делается ради продления хороших отношений, а также ради партнера. Сабмиссив находится в некоторой эмоциональной зависимости от Доминанта, который поощряет такую зависимость и несет за нее ответственность.

Доминант: Сабмиссив дает Доминанту право на использование запретов и выдачу инструкций. Значительное расширение пределов зачастую становится обычным делом. На Доминанта возлагается большая ответственность, так как саб почти перестает принимать решения. Дом может выдать задание, требующее значительных затрат времени или средств у саба, однако, он и сам прикладывает аналогичные усилия для поддержания отношений. Поскольку теперь Доминант является любимым и глубоко уважаемым человеком, заботящимся о благополучии саба, саб принимает его советы и помощь в повседневной жизни. Аналогично, Доминант относится к сабу с уважением, и хочет защищать, заботиться и помогать ей.

Сабмиссив: Она по-прежнему в ответе за правильное понимание своих побуждений Доминантом. Она должна прикладывать усилия, чтоб не сабмиссивные эмоции или желание сделать Доминанту приятное не затмевали правдивое общение."

Осмысливая эту часть, я выкурила три сигареты. Все было так гладко и красиво, но тревожные звончки в голове зазвенели с неистовой силой. Как оказалось, готовили к

пятому уровню.

Где логика столь разительного перехода?! Почему столь тонка грань перехода от любимого человека до бесправной вещи?!

Обмен власти, уровень пятый: абсолютное владение.

Эти отношения характеризуются полнейшим поклонением и послушанием сабмиссива своему Мастеру. Мастер является самой главной личностью в жизни саба — теперь уже рабыни. Желание рабыни слушаться и уважать Мастера, жертвоваться ради него своими интересами постоянно и вечно.

Уровень доверия: Рабыня убеждена, что решения Мастера не обсуждаются. Пределов нет, поскольку рабыня является собственностью Мастера.

Доминант: Мастер может делать со своей собственностью все, что хочет, вплоть до продажи ее, когда она ему надоест. Все ошибки и несогласия караются по Его малейшему желанию.

Сабмиссив: Ее воспитывают не только слушаться, но и предугадывать желания Мастера. Она приветствует поправки, когда у нее не получается делать так, как Он хочет. Ее удовольствие проистекает от удовольствия Мастера и у нее нет значимых нужд. Она свободна от груза заботы о самой себе, поскольку ее единственная цель — доставить удовольствие Мастеру. Она живет, чтобы служить."

— Нет, — прошептала я. Прощай, эйфория. Липкий пот приклеил шелк халата к спине. Я ошарашено перевела взгляд на свои руки, еще хранившие слабые красные полоски от ремней.

Сначала так... как сегодня... интерес. Драйв. Удовольствие. Множественный оргазм. Нежность. Поцелуи. Внимание... Потом... то же самое... Словно липкой паутиной, опутывание души, стирание границ... Снова и снова... Так легко склонить ведомого, по крупинке навязывая свои хотелки... Когда же он уже не может сопротивляться, наверняка вследствие влюбленности... **ПЯТЫЙ УРОВЕНЬ, ЕПТ!**

В компьютерных играх эти уровни самые сложные. В жизни — тоже. В мире БДСМ — убивающие, разрушающие жизнь. Стать нормальным после пятого невозможно. Сломают. Отнимут душу. Мысли. Волю.

Куда ты, Юлька, едва не вляпалась?

Ты же читала. Что с тобой могут сделать? Продать, как рабыню, ага.

Зуммм! — я вздрогнула от неожиданности. Сообщение от Angela. Точно, я же хотела с ней переговорить... Теперь мне стало ясно, что эта девочка прошла все пять уровней... Дрожащими пальцами я напечатала приветствие. Поколебавшись, сжато изложила суть проблемы.

"Сорри, что побеспокоила, но просто не знала, к кому мне еще обратиться. Дело в том, что у меня вроде бы как начались отношения. Он старше меня лет на десять. Он пытается меня контролировать. Где, с кем. Навязать свои правила. После банального перепиха называет своей. Не суть... Сегодня он завязал мне глаза и распял на кровати. Не скажу, что не понравилось. Просто я случайно нашла его коллекцию плеток и много чего еще. Он что-то говорил о наказании, но так этого и не сделал..."

Я скопировала ссылку на статью, лишившую меня покоя, и отправила вместе со своей исповедью. Подумав, добавила вслед:

" Меня влечет к нему. Или влекло... Понимаешь, прочитав про пятый уровень, я уже ни в чем не уверена. Он сильный, и иногда я его боюсь. Остерегаюсь, что не вынесу такого... "

Зуммм.

"Доброй ночи, Пантера. Ты хвастаешься или реально ничего не понимаешь?"

Умничаем. Что ж, подыграем.

"Нет. Я мало что понимаю в этих играх. Но мне не с кем об этом поговорить. Я просто не понимаю, как далеко это может завести. И подозреваю, что ни к чему хорошему". Ентер.

Зуммм.

"Ты совсем не в Теме? Я верно поняла?"

"Совсем".

Зуммм.

"Я не хочу тебя пугать, Пантера. И давать советы наподобие "беги от него подальше" — тоже. Я сажу тебе так — у меня трижды были подобные отношения. Я укушенная Темой четыре года уже. Что сказать... Первые три уровня райские. Я каждый раз даю себе зарок на них остановиться, но это невозможно. Для меня. Я не знаю, как у других. Пятый — неизбежен. Но выбор за тобой. Уйти или остаться. ЛС выдерживают не многие. Ты и от четвертого можешь сломаться. Слезы, истерики, боль, но выпутаться сложно. Это неизбежность. Решай сама. Я не знаю твоего мужчину. Но все его поведение, судя по описанию, выдает в нем Дома. И девайсы в шкафу — тоже. И то, как он склонил тебя к бархатному БДСМ. Может, он исключение из правил, но сценарий один."

Я тупо вглядывалась в строчки. Сломает. Боль. Они словно мерцали красным курсивом.

"За себя скажу, я привыкла ко многому. Терпеть боль от кнута, ибо плетки — это так... Спать в наручниках. Он оплачивает мне массаж и бассейн, но это больно. Особенно утром. Но боли ты особо не бойся. К физической привыкаешь. Морально можно убить сильнее. Когда тебе каждый день будут говорить, что ты раба... Иногда подкрепляя незначительными аргументами, ты в это рано или поздно поверишь. Но с этим тоже можно жить... Остерегайся качелей. Резкого перехода от жести к ласке. Это уводит от реальности и ломает окончательно."

"Спасибо, Angela, " — я задыхалась. Я не хочу! Мне страшно! Я не вынесу этого. Просто не смогу. Я не та, кого он искал. Если бы пояснил заранее, я бы сразу ответила, что у нас нет никакого будущего.

Почему? Какие тайные страсти заставляют мужчин хвататься за плетки и подчинять тех, кто слабее? Кто просто не может дать отпора? Кого сама природа наделила стремлением к миру, нежности, любви, материнской ласке и другими прекрасными качествами?! Истязать, вырывая крики боли, расплавляя в аду уязвимости, словно доказывая что-то себе... Да что именно?! Природа и так была к вам щедра до невозможности! Сила, выносливость, больше возможностей для реализации своих амбиций, карьеры, успеха... Да, миром правят мужчины, матриархат изжил себя — почему вы не можете удовлетвориться уже этим одним?! Какие черные струны души вибрируют на пределе удовольствия, когда девушка дрожит от ужаса у ваших ног, лишенная прав вашим же распоряжением?! Вы пытались хоть раз поиграть так со своей весовой категорией? Слабо братьям Кличко такое зачитать? Ван Дамму? Пиночету? Что это — охренительный способ уйти от заботы и вашей обязанности обеспечивать любимую женщину, носить ее на руках, видеть ее улыбку?! Поднять на нее руку, прикрываясь вседозволенностью Темы — это, как минимум, все равно, что заколачивать пятым Айфоном гвозди, или рыхлить огород на «Порше Панамера». Садизм — зло. Отклонение. Извращение. Чем бы вы ни прикрывали это. Розовыми соплями в виде 50 оттенков или же заверениями о том, что это высшая форма отношений...

Дима отправляется в лес. Это было решено.

"Я где-то прочла, что рабынь имеют право продавать или передавать другим. Как такое возможно? В чем тут разумность, где безопасность для психики... И какая добровольность?! Неужели они это терпят?! как можно подписать такой контракт?"

Зуммм.

"Все на доверии. И добровольно. Контракт, по сути — фикция. Прикол. В какой суд в случае несогласия ты его понесешь? Продавать... В Европе есть мероприятие, "Радуга рабынь", там вроде как все серьезно. В этом наши соотечественники несколько адекватнее. В идеале, вы должны доверять друг другу как никому и уметь друг друга услышать. Сейчас у меня именно такой конфетно-букетный этап. Но даже я не могу предвидеть, что будет завтра. А с твоим, лучше спроси его напрямую. Вызови на откровенный разговор. Он обязан тебе ответить! Во-первых, ты новичок. Во-вторых, ведутся споры о внесении принципа информированности к трем остальным в придачу. Мой совет — поговорите обо всем. И потом сделай выводы. А сейчас извини, я спать. Кстати, еще бы с тобой пообщалась с удовольствием. Споки, Пантера!"

Я попрощалась с собеседницей и выключила компьютер. С меня хватит. Выкурила три подряд. Так и легкие убить недолго. Дима, е. ный садист. Теперь мне было все понятно. Предельно. Никаких нормальных отношений. Только изврат, пусть и преподнесенный в красивой упаковке.

Это конец. Мы не подходим друг другу вообще. Я сама могу хвататься за плеть, но позволять бить себя — да иди ж ты нахрен. Моя рука потянулась к телефону и замерла. Что я хотела ему сказать? И зачем? Выслушать лживые обещания, что мне понравится, и я не осознаю своего счастья? Офигеть от подробного описания конфетно-букетного периода с умолчанием о пятом уровне?

Нет уж. Вали в свою Германию. Очень вовремя. Как там, в песне? "Моря по колени, тому, кто под парусом уходит с рассветом к чужим берегам"? Вот. В точку. Я почти повелась. Ведь сама осталась и согласилась на то, чтобы меня связали. Чем я думала? А он, красава. Не оставил выбора. Или слушайся, или вали домой к маме... Урод! Тварь! Извращенец!

...Сразу я эту точку не поставила. Но все же, потом сделала это решительно.

Только этот е. ный садист ничего и не понял. Просто не захотел понимать. Для себя он все решил давно, а я... Я уже изначально в его глазах была рабыней пятого уровня...

Юля

Но его глаза

Манят, зовут назад.

Но уже нельзя Строго...и до конца...

Анна Седакова

Экзамен. Вышка. Высшая математика. Вышмат. Высшая мера.

Как только эту дисциплину ни называли в моем родном вузе! Как только ее не опасались все наши девчонки, со мной во главе!

Я лишилась математических знаний классе в пятом. Не потому, что такая тупая. И даже не потому, что гуманитарий по натуре. Нет. Просто не было возможности оплачивать внеклассные занятия... Те самые, на которых первые дебилы класса, скьюз май френч, с легкостью начинали щелкать интегралы, так сопливо разжеванные зажавшимся учителем, получившим за это свою мзду ценой в мамину зарплату. Именно те, кто на уроках открыто хамили, заявляя: " Я что, когда вырасту, буду исчислять косинус штуки баксов?"

Первый год в академии был адом. Даже ревела в подушку. Ну не понимаю, и все тут! Не мое!!! Не научили меня в школе, потому как доступное изложение предмета стоит очень дорого! А потом появился Кретников. Молодой, интеллигентный и очень симпатичный...

Так, стоп. Догадываюсь, о чем вы подумали. Ошиблись! Эта кудрявая мечта женской части группы просто был преподавателем, которого ангелы науки зацеловали в темечко еще при рождении. Спустя три месяца я вдруг поняла, что факториалы и теория вероятности пробили блокаду школьного незнания. Я щелкала эти формулы как семечки! Так ловко, что на каждой паре рвалась к доске с решениями. Ради блеска даже изображала иллюстрации. Шарики и кубики, вероятность большего количества кубиков? Легко. Нарисую!

— Юлия Беспалова! Ко мне, с зачетной книжкой.

Под прицелом тридцати, во главе с Кретниковым, пар глаз я начала грациозный спуск по лестнице между рядами парт. С закрученными в крупные локоны волосами, в обманчиво-деловом костюме в бордово-черную полосу. Почему обманчивом? Брюки-клеш обтягивали, как вторая кожа, пиджак — прямо поверх черного бюстгальтера, на шее — мужской галстук в тон. Пусть завязанный правильным узлом по всем законам жанра, но вовсе не поверх рубашки. Просто на шее. И не вертикально устремленный вниз, как у того же препода, а намеренно небрежно скошенный набок. Икона стиля собственной группы. Даже Миранда Пристли сегодня проводила меня одобрительным взглядом.

— Тяните билет, — сухо выдал Кретников.

Чего?! Автомата нет? Но я же только теорию вероятности щелкаю, а в билетах... Он отобрал мою зачетку. Я дрожащими пальцами потянула карту с экзаменационными заданиями, и...

— А теперь положите обратно. Поздравляю. — Преподаватель протянул мне зачетную книжку с автографом и отметкой "отлично". Я еще ничего сообщить не успела, как по аудитории прошелестел восторженный и протестующий одновременно вопль.

— Беспалова, восходящая звезда теории вероятности! — спрятал "покер фэйс" Кретников, провожая меня добродушным взглядом.

— Спасибо, Эдуард Дмитриевич! Кстати, бесподобный галстук! — Я подхватила сумку,

конспект и тронулась к выходу.

— А звездная болезнь прогрессирует, — хмыкнул кто-то из не-любящих-меня. Я незаметно показала говорившей средний палец и вышла в прохладный коридор.

Почти пустынный, если не считать Ленку.

— Сдала?!

— А то как же.

— У меня тоже автомат! Так мы теперь свободны, и можем гулять?

Цена твоей свободы, 300 долларов Кретникову от мамы. Я ей этого не сказала. Какая разница? Каждый крутится, как может.

— Сначала курить. — Не могу сказать, что шутка Кретникова так выбила меня из колеи.

Причина была в другом. Совсем в другом.

— А Элли?

— Пойдет последней. Ты ее знаешь. В случае чего, мобильная связь ей в помощь.

В парке академии царила неестественная тишина. Экзамены! Началась в стенах родной альма-матер пора серьезности и сосредоточенности, успокоительных капель, двойных эспрессо и ред-буллов, бессонных ночей, связанных со штудировкой конспектов, репетицией каждого билета перед зеркалом, слез сожаления по прогрессирующему клубному сезону, недолгих перерывов на виски с шампанским и снова, новой зубрежки — интервал между профильными предметами ничтожно мал...

Я выбила сигарету из пачки и расслабленно откинулась на скамейку.

Сегодня мне снова звонил Дима. Прямо с утра. Я пожелала ему счастливого пути. Посылать по телефону — признак отсутствия воспитания. Он так и не понял моего настроения. Только настойчиво интересовался, нет ли у меня после сета физической слабости, сожаления, чувства вины и желания заплакать. Слово "сет" у меня прочно ассоциировалось с теннисом, слова о слезах — с тупостью бойфренда. Я что, кисейная барышня, которую лишили невинности перед походом к алтарю? Во всяком случае, убедившись, что я в порядке, он улетел. Странный диссонанс не укладывался в моей голове. Как может уложиться пятый уровень и его переживания о малейшем колебании моего настроения? Да все, что вы там делаете, прикрываясь разговором о высоких чувствах и первобытном распределении ролей, ведет к психической травме! Или, может, это цель таких, как он? Довести до падения крыши и с видом энтомолога отмечать реакцию?

Я выбила еще одну сигарету. Лекси моргнула.

— Эй!

— Что?

— Ты куришь уже вторую... что-то случилось?

Я скосила глаза на подругу. Как всегда, лучистая, эффектная, с идеальной укладкой и макияжем, в легком кружевном платье, белых босоножках с кокетливыми белыми же носочками. Ленка словно воплощала собой невинность. Интересно, расскажи я ей то, что меня на самом деле беспокоит, как скоро пришлось бы бежать в аптеку за нашатырем?

Меня ощутимо трясло от того, что я так и не послала Димку. Конечно, в Германии он мне не опасен ни грамма, но чувство незавершенности грызло изнутри. Но и это еще не все. С того вечера, что мы провели вместе, я ощущала, что нечто важное все время ускользает от моего внимания. От разговора с Angela это чувство только усилилось. Что-то не давало мне покоя. Важное? Наверное, да. Но память подвела.

Беседы с Angela — это отдельный разговор. Я словно окуналась во тьму все глубже и

глубже. Пока еще держалась на плаву, не подплывая близко к опасным омутам, с азартом, любопытством и страхом наблюдателя познавая теорию этого хаоса.

Моя новая приятельница была счастлива. Это чувствовалось даже через экран монитора. Если в ту ночь, когда я, окрыленная и дезориентированная, приехала от Дмитрия, на меня вылился целый ушат тематических страшилок, в том числе и от нее, то на следующий день она пыталась заверить меня, что не все так уж и плохо. Я задавала ей вопросы, параллельно изучая фото-галереи БДСМ-сайтов и статьи, которые лучше б глаза мои не видели. Они противоречили друг другу, рассыпаясь каскадом разноцветных бусин, путая сознание окончательно, подпитывая дух противоречия и непонятный азарт, устроивший моему сердцу нереально скоростной марафон.

"Ученые из Нидерландов, решив узнать, страдают ли психическими отклонениями любители БДСМ, выяснили, что использовать плетки и наручники может быть не только опасно, но и полезно."

Полезно, извращенцы, свежие фрукты, контрастный душ и витамины... А то, что вы пропагандируете — это изврат!

"С точки зрения семейно-системной психологии, садомазохистические тенденции во взрослом человеке являются симптомом семейной системы."

Димочка, тебя что, била в детстве мама березовым прутом, за то, что не сделал ботанику? Или вся семейка переплюнула Адамсов? Нда... А вот ученые из Нидерландов тебя бы поняли. Правда-правда. Там, кажется, легализовали марихуану?

По тегам "психология БДСМ" предлагали чуть ли ни рай на земле. Все так складно и так шикарно. Ответственность, взаимное уважение, которое редко встретишь в жизни, и прочие прелести. Мне бы успокоиться, но я зашла дальше. На форум "нижних" девочек. И тут понеслось...

Я уже не слушала свою виртуальную собеседницу. После гордой фразы "пляжный сезон на носу, а с моей спины не сходят шрамы, обидно" я перестала вестись на очарование Темой. Форумчанки были не столь оптимистичны...

"Мой Верхний привел девочку на сессию. Совсем молоденькая. Меня смотреть заставил. Меня натурально колотило всю ночь. Сказал — что хочу, то и делаю!!! Как быть? Мы очень сильно друг к другу привязаны..."

И пошло-поехало. Всего пара одинаково адекватных ответов в стиле "с каких пор Тема и блядство стали синонимами" и "Ипать мой куй, он у тебя дровер!" Большинство же утирало топик-стартеру сопли и делились страшилками из собственной жизни, не забывая напоминать, что Господин всегда прав и надо засунуть свою ревность и гордость туда, куда вставляют анальные пробки. Да... Что за средневековье? Они это всерьез?

"Мы этой осенью отдыхали с Хозяином в Ялте. Там он встретил какую-то шикарную дамочку и весь вечер не отходил от нее, я закатала скандал. Знаю, это было недопустимо... Ночью он отвез меня на относительно пустой пляж и голую привязал к дереву, а сам уехал. Мимо шла орава подростков. Они меня, по очереди. Кричала, звала его, спустя полчаса он вернулся... Все обошлось потом. Целовал, кормил шоколадом и говорил, что я умничка. Он самый лучший!"

"Качественный у тебя, уважаю! И добрый! Мой меня раз за слово поперек иссек до крови... Тогда ревела, а сейчас, думаю — дура! Это же так здорово!"

"А мой сказал, что я охренела, и он меня продаст товарищу. Сижу, рыдаю... это уже завтра!"

"Девчонки, где вы находите таких заботливых и добрых?! Мой ухаживал красиво... романтика, свечи, рестораны, а когда переехала к нему, отнял все права. Заставляет спать связанной или скованной, если просыпаюсь позже него, хватается за кнут, одежду спалил, оставил лишь пару платьев для выхода в город... Сказал, что при нем просто обязана ходить голой..."

Продолжать можно было до бесконечности. Сперва я хохотала с этих покорных овец, как ненормальная. Чем дальше, тем мне меньше хотелось смеяться. Кто так мастерски промыл всем им мозги? Причем большинство девчонок занимали высокое положение в обществе, имели завидную работу и уважение окружающих, с их же слов.

Неужели Дима смог бы пойти на такое? Нет. Невозможно. Он же не совсем крышей поехал...

Ты его совсем не знаешь, услужливо подсказал внутренний голос. Совсем. Красивый секс? Почитай, всех на первом этапе носили на руках и пели дифирамбы. Галантное обращение? А кто заехал тебе пощечину после вашего первого раза?

Разрыв. Пусть только вернется. Дело времени. Не испытываю желания спустя полгода хныкать на заседании этого форума... Я решительно удалила все закладки и закрыла все окна с тематикой БДСМ. Это меня больше не касается.

...В "Fashion" было немногочленно. Экзамены загнали всех по домам. "Пиар-системы и коммуникации", следующий экзамен, только через четыре дня, подготовиться успею. Никто не отвлекает. Вадик уехал. Димка — тоже. Главное, вовремя!!! Еще четыре экзамена — и все!!! Море! Первая поездка за границу... Я лет с 15 ждала этого момента. Смотрела на пальмы и песчаные пляжи, в основном по телевизору, и мечтала, что когда-то у меня тоже такое будет. Море. Голубая вода. Белая яхта. Яркий купальник. Ну, и мужчина из старого доброго сериала "Спасатели Малибу". Куда ж без этого?

Молодой официант отвлек меня от приятных грез. Мне не понравилась его ироничная ухмылка. И закатывание глаз. Студенты не оставляют чаевых. Не съедают тушу косули за раз. Не выпивают семь бутылок водки. Одна пичалька.

— Принеси шампанского! — грубо сказала я. — Артемовского, красного. Самого лучшего, а не ту байду, к которой такие, как ты, привыкли!

Парниша держался превосходно. С взбесившей меня улыбкой закатил глаза.

— А кофе?

— Ты оглох? — начала было я, и тут на меня словно сошло озарение.

"Здесь потрясающий кофе. Напиток, достойный шейхов..."

"Текилу, два ломтика лимона..."

"Я не спрашивал."

"Не переживайте. Перед сессией у Мастера алкоголь недопустим, вам самой это известно..."

Твою ж мать!

— Эй, ты чего? — испугалась Лекси. — С тобой явно что-то не то! Ты уютно дома выключить забыла, и теперь все сгорит, да?

— Нет, мля, все прогладится, — на автомате ответила я.

Мастер. Ну, конечно же. И тот рисунок на стаканах. Кажется, его называли «триксель». И этот безапелляционный тон. Пазл сошелся.

Позавчера я побывала почти что в логове вампиров. Только вместо Дракулы — самый

крутой тематик города. Тогда я могла об этом лишь догадываться. Предполагать. Интуитивно я все поняла по одному лишь взгляду. Твою мать. Я еще ему улыбнулась... Дура! Бежать надо было. Скрыться. Они там все ненормальные!

Больше сладкого азарта не было и в помине. Только страх и едкая досада на саму себя. Я едва не вляпалась. Толку с того, что на фоне этого невообразимо опасного Анубиса Дима выглядел ангелом во плоти? Я не хочу таких отношений. И, слава богу, что меня не могут к этому принудить, — о том, что не могут, твердили все без исключения авторы статей, адепты высокой Темы. И все равно...

Я не знала, что со мной происходило от осознания всей этой действительности. Странное ощущение. Я чувствовала себя загнанным в угол существом. Пока меня еще скрывал яркий свет собственной адекватности и непримиримости, позволяя охотникам беспутно рыскать рядом, в тщетной попытке обнаружить мое убежище. Почему именно "охотникам" — именно так, во множественном числе? Не знаю. Наверное, приятно было ощущать свою крутость. Когда мужчины не хотели обладать мною?

Внутренний диссонанс. Я хотела сбежать и бросить вызов одновременно. Именно так, в итоге, все и вышло...

После шампанского и десерта стало гораздо веселее. Призрак экзаменов и Темы отступил, и я чувствовала себя почти счастливой. Настолько, что с легкой руки сбрасывала звонки, по всей видимости, долетевшего и расположившегося в отеле Димы. Йя, йя, гитлер капут!

Надо ж было так наклюкаться к трем часам дня. Мы вышли из ресторана в обнимку с Лекси, напевая "песенку студента". Затем, не сговариваясь, занырнули в такси и назвали адрес караоке-бара. Эля к нам так и не присоединилась. Как оказалось, завалила вышку.

Оторваться удалось. Молодой организм благодарно принял очередную дозу шампанского. Напиток аристократок. Хотя, нет, все гораздо проще. Мне хватило разума не смешивать его с текилой. Как и на то, чтобы не сорвать голос.

В разгар вечера туда явился Сергей с субтильной милашкой с первого курса.

— Завалил... Ну так че мне, плакать? Отработаю в выходные корпоратив в парке на разогреве "Время и Стекло", подрулю к Кретникову с ХО... — выдал речитатив наш рэпер. Ему всегда любые проблемы нипочем. — А я сперва опешил — ты одна, и никакого навороченного загорелого гангстера с тобой, я захватил кастет, решил, что будет бой! А в группе лабают спитч — "она Кретникову дала", а я не ведусь на эту туфту, Юла — просто мега-мозг, и все дела!

Я говорила вам, что меня бесил его рэп? Забудьте. Под шампанским появилось стойкое ощущение, что в клуб пожаловал Эминем собственной персоной. Может, все дело в смысле нового хита? Не стесняюсь присутствия новой подруги первого бодибилдера группы, я обняла его и смачно поцеловала. Правда, без языка. Не будем шокировать первый курс.

Зажечь удалось. Даже не смотря на то, что Сергей не пьет. Вообще. Ничего, что крепче его протеиновых коктейлей. Такую интерпретацию Тимати в его исполнении стоило услышать! Такая разная компания, такие разные музыкальные пристрастия. Рок, рэп и сладкая попса. Почти в полночь мы покинули гостеприимный караоке-бар, напоследок сразившись в бильярд. В счастливом угаре от проведенного вечера я едва не налетела на какую-то иномарку с тонированными стеклами.

— Упс! Извините!

Фары мигнули, словно пытаюсь сказать — ничего, проехали. Серж, самый трезвый...

вернее, вовсе не пьяный, уже разыскал такси. Я по-королевски завалилась на сиденье рядом с водителем. С самой благой целью, правда! Лекси бы нам устроила ДТП со своим 75 D.

— Юла, — склонился к моему плечу Сергей спустя десять минут, ненадолго прервав веселое обсуждение преподавательского состава родной академии. — Ты что, бампер маникюром им ободрала?

— В смысле?

— Да эта "ауди" уже хрен знает сколько времени плетется прямо за нами. Та, на которую ты налетела.

— Фигня! — я повернулась, различив похожую иномарку на дистанции в три метра. — Ты уверен, что та самая?

— Номер тот же...

— А я знаю! Это Джеймс Бонд! — рассмеялась я. — Этот, как его... Квант чего-то там я по телеку видела!

Сергей не разделял моего веселья.

— Я провожу до дома. Уродов развелось, сама понимаешь...

Первый признак его серьезности — ноль речитативов. Я скосила глаза на таксиста:

— Вы можете сейчас свернуть в первый переулок... Недалеко... а потом снова обратно?

Надо же, даже не отчитал, типа, мне разборки ни к чему, выметайтесь. Сервис!

Театральный переулок, поворот. Разворот сразу же... Все пять пар глаз вгляделись в лобовое стекло.

— Мля... — опешила я. Преследователь сбавил скорость, потом и вовсе затормозил.

— Все хорошо? — нейтрально осведомился водитель. — Если что, я могу проинформировать ДАИ...

— Да мы сами не знаем, что творится. — Сергей осмотрел свои кулаки. — Ох, сегодня кто-то нарвется. Кожей чувствую.

— Поехали, — решила я, почти припав к стеклу. Вырулили на Площадь Поэзии. "Ауди" не отставала.

Лекси запаниковала. Трясущимися руками щелкала по экрану телефона, выискивая каких-то крутых спасителей. Первокурсница жалась к сосредоточенному и что-то прикидывающему Сержу. Решение созрело молниеносно.

— Остановите! — распорядилась я. Таксист как-то странно посмотрел на меня, но спорить не стал. Движимая яростью, хмельным азартом и желанием вечного вызова, я вышла из машины. "Ауди", как и следовало ожидать, остановилась. Только врубала фары на полную мощность.

— Юла, не смей! — выскочил Серж, но я спокойно направилась к машине преследователя. Уверенно, не думая о том, что этот неадекват-шпиен может резко ударить по газам, или затащить меня в недра своего черного транспортного средства. Фары ослепляли, но мне было на это плевать. Подойдя, я бесстрашно уперлась руками в капот, пытаюсь разглядеть лицо водилы. Ничего не получилось. Цветные пятна от резкого света заволкли пеленой. Сенсорная депривация, мля!

— Эй, чувак! — спокойно прокричала я, пытаюсь переорать шум оживленного шоссе. — У тебя проблемы?

Ощущение рентгена, просвечивающего насквозь, опалило. Знакомое ощущение... Кажется, так Димка на меня смотрит, когда пытается доказать свою крутость?

Никакого ответа. Лишь ощущение чужого, внимательного взгляда. Я стукнула кулаком

по капоту.

— Купишь себе "Порше Кайен", тогда подкатывай! Штирлиц, твою мать!

Кисть сразу заныла неприятной болью, распаяя еще больше. Я рванула галстук в сторону, расслабляя узел, с третьей попытки стянула его через голову. Намотала на кулак. Достали все! Думаешь, купил тачку, стал королем города?

Спросите, зачем были нужны манипуляции с галстуком — я не знаю, что вам ответить. Наверное, я хотела разбить лобовое стекло этому нахалу, но при этом не поранить рук. Точно. Я в кино такое видела.

Визг тормозов. Я даже не успела испугаться.

— Юлька! — Сергей, подскочив, обхватил за талию и поднял меня над землей. "Ауди", дав задний ход, отъехала на несколько метров назад, затем, вырвав на вторую полосу, рванула прочь в направлении Советской. Только после этого он поставил меня на землю.

— Ни фига себе! — я была в бешенстве. — Ты номера запомнил?

— Юла, ты дура?! Этот псих мог тебя убить! Нахрена ты на машину кидаешься?! И вообще, сидела бы в такси! Я сам могу по-мужски поговорить со всякими уродами!

— А может, он за тобой охотился! Ты у нас мужчина видный! — огрызнулась я, понимая, что сейчас ярость испарится, и начнется отходняк. Что я опять, протрезвев, не смогу заснуть очень долго, ругая саму себя за неадекватную беспечность. Потом, конечно, я скажу себе — обошлось, ты была молодец. Ибо нефиг так себя вести всякому отребью, кто накопил на авто. Вот.

Доехали мы, впрочем, без особых проблем. Не считая слегка растянутой лодыжки. И Лекси, и Серж успокоились лишь после того, как за мной закрылась дверь.

Нервное напряжение, помноженное на драйв, вскоре погрузило меня в глубокий сон. А утром следующего дня я была настроена решительно.

Angela, виртуальная приятельница (а может, приятель?), напугавшая меня до безрассудства при первых беседах, резко сменила свою тактику, то ли на фоне своей влюбленности, то ли на фоне того, что нашла свободные уши, написала мне целый трактат о прелестях подчиненной роли.

Тематики, по ходу, как сайентлоги или свидетели Иеговы. Чем больше новичков в наши ряды, тем круче. Просто Доминантов полно, а Сабмиссивов — раз, два и обчелся. Не идут молоденькие хорошенькие сабочки к ним косяками, пугаются. То ли стандарты высоки — после все тех же "50 оттенков серого" они без вертолета и авто ни на что не соглашаются, либо вы со своими страшилками а-ля "Мастер всегда прав, если он не прав, см. Пункт ниже" отбили у них любую охоту. Непорядок! Вон, большинство Мастеров хотят гарем из нижних, а жизнь так жестоко обламывает — ты хоть одну разыщи, шейх! Это я не сама придумала. Это неумолимая статистика. Прочла в каком-то топике откровения такого типа царька, у которого их пятеро и он так устает, так устает! Вот честно, даже жаль его стало! От того, что так врет не краснея!

Я пробежала глазами опус приятельницы... Ага, душеное равновесие, эндорфины, прочая доза спагетти на мои нежные ушки. С меня хватит. Я закрываю эту страницу в талмуде своих безумств.

С легкостью удалила аккаунт и вычистила историю. Незачем. С Димой я разбегаюсь, причем скоро. Диссертации по БДСМ не светит, значит, необходимость в подобной информации отпадает. Блин, как же жаль! Ну почему такой шикарный парень оказался таким ненормальным? Или, наверное, я не настолько сильно его зацепила, чтобы он спрятал

своих тараканов ради меня куда поглубже. А если бы спрятал, а потом продемонстрировал в самый неподходящий момент? Не знаешь, что лучше!

Все, тема Темы, извините за тавтологию, закончилась, так и не начавшись. Впереди — экзамены. На этом стоит сосредоточиться.

Он звонил. Сперва — по несколько раз в день, потом все сухое и натянутое — с моей стороны, — общение свелось к одному диалогу в сутки. Он психовал, переживал, требовал рассказать, какого черта со мной происходит, но я эти попытки доминирования отсекала, не повышая голос. "Приедешь — будет разговор", — неизменно отвечала ему я. В перерывах между выговорами — а какого члена он треплет мне нервы накануне экзаменов?

Я вывесила новый статус во всех своих аккаунтах социальных сетей — "Готовлюсь к экзамену, ни для кого меня нет". Сессия, пусть даже ее остаток, обещала сумасшествие. Да, я могла купить все отметки благодаря деньгам Вадика, мне не позволяли это сделать собственная уверенность и принципиальность. Иными словами, сама выбрала свой ад. Я засыпала на раскрытых учебниках и конспектах в положении "сидя", пила литрами крепкий черный кофе, иногда забывая даже перекусить. Спускалась лишь в магазин за продуктами, да еще, иногда, вечером во двор с сигаретами и неизменной черной смертью в термокружке — минут на тридцать, лишь бы отдохнуть от зубрежки.

Первые дни, покидая квартиру, я зорко вглядывалась в проезжающие машины, опасаясь увидеть знакомую "Ауди". Как ни странно, я вовсе не была испугана фактом преследования. Наверняка, Вадик. Он так переживает, что со мной что-то случится! Или Дима. Этот без царя в голове, как говорила моя мама. Наверное, подговорил кого-то... или забашлял... а тот, увидев меня в компании накачанного атлета, потерял контроль и спалился. Не дай бог, это окажется правдой! Дима и без того подбешивал меня, за слезку же убью нахрен!

Но так вышло, что ни одной "ауди" за этот период я не увидела. Отлично. Скорее всего, это был разовый инцидент. Забыв про него окончательно, я принялась точить гранит науки.

Зачеты дались относительно легко... правда, один потребовал пересдачи. Экзамены же потрепали изрядно. Теорию управления я сдала с большим трудом. Впереди было еще три экзамена, а я уже ощущала себя выжатой.

Вадим звонил несколько раз. Со скрытого номера. Справлялся, не нужна ли мне помощь, несколько раз присылал курьеров из "Мафии" и "Якитории", предполагая, что при моем пристрастии к фруктам и овсянке упадок сил настигнет очень скоро.

Я почти ненавидела Лекси, которая с легким сердцем отстегнула зеленые купюры всем преподавателям, и теперь наслаждалась жизнью в компании красавца Вовика. Еще тусила в ночных клубах вместе с Элей, которая не горела желанием фанатичной подготовки, рассчитывая на "авось прокатит". Но о том, чтобы с легкой руки решить свою проблему по подобию Ленки, я запрещала себе думать до последнего... Знала бы я, поберегла бы силы... Два экзамена — автоматом.

А вот историю Украины я сдавала, как в тумане. Даты долго плясали брейк перед моими воспаленными от нервов и недосыпа глазами. Из аудитории я выползла вообще без сил. Не смогла даже обрадоваться свободе и яркому солнечному свету.

— Билет шестой! Прием! — обхватила меня за плечи Лекси и насильно вручила в безвольные пальцы стаканчик горячего эспresso. — Сядь немедленно! Это полный абзац, ты, вообще, себя видела? Зачем доводить себя до такого состояния? Она тебе сильно пригодится в жизни, эта история? Вот ты упрямая!

— Пять? — уточнила Эля. Я кивнула.

— А мне три впаял. Ну и хрен с ним. Я же не виновата, что не запоминаю даты, и все тут!

— А я, как и Юля, в этом семестре отличница! — весело прощепетала Лекси, не замечая презрительных и офигевших взглядов группы. Эля в упор посмотрела на нее и сжала губы.

— Девчонки, не ссориться, — устало проговорила я, в два глотка осушив горячий энергетик всех времен и народов. — Пить хочу...

Снова Лекси успела первой, протянув мне бутылку минералки. После судорожных глотков в голове немного прояснилось.

— Сессия сдана! — пританцовывала Ленка. — Мы свободны! Как собираемся это отметить?

— Спать... — потянулась я. Все потом. Отмечать буду, когда выплусь.

Только вот девчонки обменялись лукавыми взглядами между собой. Что, интересно, они задумали?

— Эй, хватит играть в теорию заговора, вы, двое! Быстро раскололись. Уже заказали столик в "Радмире"? Или стриптизера вызвали прямо на дом? Мне выспаться за эти дни дадут, или об этом можно забыть?

— Выспаться... ну, может быть... — Эля схватила мои предплечья и рывком заставила встать на ноги. — Пойдем, тебе сейчас нужна сигарета. И губная помада. И другой взгляд.

Я не сопротивлялась. Она меня подкрасила на ходу. Ожила я лишь в сквере академии. Жесткий шок тотального напряжения последних дней начал потихоньку отпускать. Действительно, ну какой сон?

— Надо выпить. Как-никак, сессия сдана. Рванули куда-нибудь? И... чего это вы все такие загадочные?

— Да нет, все верно, ты отдохни, отличница учебы, — ласково проворковала Эля, настороженно оглядываясь. — А мы тем временем что-нибудь придумаем...

Мои мозги были в такой глубокой отключке после всех исторических событий и дат, что я сразу не отреагировала на интригующе улыбающихся друг другу подруг. Беспечно выбила из пачки вторую сигарету, неспешно поднесла зажигалку, а, затянувшись, так же отстраненно выпустила дым чуть ли не в лицо — угадайте, кому.

Галлюцинация от недосыпа? Хотя после экшена под названием "экзамен по истории" логичнее было бы лицезреть появление князя Владимира, Степана Бандеры, Богдана Хмельницкого или же действующего президента Украины.

— Ты?!

— Поздравляю, Юля. — Поистине неотразимый в черном деловом костюме, с немного иной, но такой стильной укладкой, в ореоле аромата расо gabanne, Дмитрий широко улыбнулся и протянул мне букет.

Я едва не подпрыгнула на месте, увидев с десятков ветвей своих любимых орхидей в обрамлении из салатовой органзы.

— Ты же... — я выхватила букет прежде, чем успела что-либо сообразить. — Я думала, ты в Германии... Ты же ничего не сказал... И как тебя пропустили сюда... Как ты узнал, где меня искать?

— Это я ему тебя сдала, — хихикнула Лекси. — В отличие от тебя, я не могу спокойно взирать, как кто-то переживает за тебя прямо с другого конца земли!

— Германия не столь далеко. — Ах, да. Она же у нас спит с Владимиром. Вот откуда

утечка информации. Я перевела рассеянный взгляд на букет, потом на Димку. Его взгляд больше не был тем самым, что прежде — холодным и подчиняющим. Тепло, нежность и восторг после долгой разлуки — вот, что я смогла в нем прочесть. Он явно скучал и думал о нас... В отличие от меня. Но когда он, отобрав букет и уложив его на скамью, повернул мое лицо, ухватив подбородок пальцами, я узнала в нем его, прежнего. Не обращая внимания на мои попытки вырваться, он закрыл мой рот поцелуем. Я попыталась увернуться от неистовой атаки языка почти болезненного поцелуя, с трудом сдерживая желание отстраниться и скрыться в недрах академии. Мозг воспрянул от экзаменационной ахинеи, посылая сигналы скрытой опасности и требование быть осторожной. Это было неправильно изначально! Я собиралась порвать с ним любые отношения!

Тем временем его язык преодолел сжатую блокаду моих зубов. Дразнящими, ласковыми движениями пригладил мой язык, и яркий фейерверк отзыва отправил мозг в нокаут. Со всеми его сигналами S.O.S и моей решительностью. С поддержкой предательского внутреннего голоса, который лукаво прошептал — "да ладно уж, бросишь его завтра!" Риск вырвался вперед в обнимку с азартом, растворяя, гася всю мою решительность и осторожность на начальном этапе.

А может, все не так... может, после нервотрепки с историей я была готова к чему угодно. Даже к тому, что пряталось в его шкафу... Это был словно глоток влаги в жаркой Сахаре, и я просто задыхалась в песках беспощадных барханов, не успевая разобраться в себе.

Спустя миг осознала, что так же яростно, не желая проигрывать и отпускать инициативу, отвечаю на его поцелуй. Прижимаюсь вплотную, ощущая через ткань пиджака и рубашки рельефные мышцы его тела, и непреодолимо сильную, тянущую боль внизу собственного живота. Выгнулась навстречу, когда его руки по-хозяйски скользнули ниже поясицы. В тот момент мне было наплевать на окружение и иные условности.

— Ко мне. Я знаю, что именно сейчас тебе нужно. Вернешь себе крылья, обещаю.

Я заныла от изумления, когда он с легкостью подхватил меня на руки, не забыв перекинуть мою сумку через свое левое плечо, и двинулся в сторону автостоянки. Я позвоночником ощущала сотни взглядов, коктейль изумления, восхищения, удивления и зависти.

Завтра. Я брошу его завтра. Все равно, мы разные люди, и у нас нет будущего. Могу я позволить себе прощальный секс?

— Мне не нравится. Я же просила тебя, не возвращаться к играм. Почему ты делаешь только так, как хочется тебе?..

Не могу понять, страшно мне или же наоборот, пугает не жестокость и ограниченная свобода. Пугает чувство непонятной легкости. Совершенно новое ощущение. Если оно меня затянет, последствия будут непредсказуемыми.

Колени уже заныли той самой болью, еще немного, и я не смогу ее терпеть. А выбора нет. Сегодня он решил испытать цепи. Даже не ремни. Я не успела обалдеть, как обнаружила себя скованной самым развратным и непостижимым образом. Руки и ноги, крест накрест за спиной. Вот тогда накрыл ужас. Паника. Я рвалась из его рук, как умалишенная, проклиная свою беспечность и мозги, которые сиганули ниже талии. Но он снова удивил. Успокоил меня стандартным образом. Жаркие поцелуи пулями пятого калибра по всему телу, не пропуская ни единой клеточки... Умелая игра пальцев, от которой я вскоре выгибалась в своих путах, моля бога, чтобы не заканчивал эту сладкую пытку. Он

реально был для меня почти богом в тот момент. Когда я уже была готова разрешить ему все, лишь бы позволил испытать оргазм, он резко прервал свои ласки и объятия.

— Ты сегодня не кончишь без моего разрешения.

Этих слов было достаточно, чтобы вернулся протест вместе с ужасом. Но возразить я не посмела. Или же просто не захотела. Просто нырнула в неизвестность. Просто так...

Боль в коленях все ощутимее. Скоро я перестану их ощущать вообще.

— Дима, хватит! Я не хочу!

Он словно не слышит меня. Ходит вокруг кругами, словно лев около своей добычи. Или даже не добычи. Единственной и до сумасшествия желанной самки его прайда. Костюм так и остался на нем. Поразительный сладко-унизительный контраст между его парадным видом и моей абсолютной наготой. От этого незнакомое ощущение эйфории и легкости стало лишь ощутимее.

Он наклоняется ко мне. Касаясь своей щекой моей, но не делая попытки поцеловать или успокоить. Вся ласка заключена сейчас в этом касании, его желание — именно так, чего бы я ни хотела. Сейчас понимаю это с кристальной ясностью.

Мои ноги при помощи хитроумного перекрещения цепей, держащих мои руки кожаными манжетами, раздвинуты в стороны, сомкнуть их нет никакой возможности — так длина цепей неестественно выгнет мою спину, причиняя боль и дискомфорт. Да и шевелить коленями трудно.

Однажды он выйдет из себя, наказывая меня за то, что я изначально ему не призналась в проблемах с коленными чашечками. Потом я получу за это конкретный выговор от совсем другого человека, который в две инъекции и пару консультаций у доктора избавит меня от этой проблемы. Но пока...

Его ладонь ложится между моих раздвинутых ног. Властно, по-хозяйски, вопреки всему кошмару разливая ток по телу.

Пятый уровень, пятый уровень!

Его пальцы беспрепятственно проникают внутрь. Я скорее ощущаю, чем вижу его довольную ухмылку. Поняв, что это означает, едва не визжу от досады на саму себя. Хотя, какой у меня выбор?

— Ты обманываешь свое сознание. Ты вся мокрая. Твое тело врать не станет!

Резкие слова "не твоя заслуга, я просто очень люблю секс!" гасятся прямо на выходе. Эти длинные пальцы знают, что делают. Резко и вместе с тем очень нежно ласкают внутренние стеночки, и приливы круговых волн удовольствия, подобно кругам на воде от брошенного камушка, омывают мое тело, заставляя забыть про дискомфорт. Мои глаза зарыты. Я чувствую, что он смотрит мне в лицо, но не могу их открыть навстречу. Кажется, что я сделаю шаг за грань, откуда уже обратно не вернусь. Выше и выше... Снова и снова... Совсем теряю голову. Лечу...

Пальцы резко покидают мое тело. Не сообразив, что произошло, по инерции выгибаюсь в своих путах, в широко распахнутых глазах возмущение, обида и удивление.

Скрип ножек стула по паркету. Он садится напротив. С трудом удерживаю его взгляд.

— Я узнал, что хотел.

Черт, о чем он? Ощущаю себя подопытной мышью... только почему возбуждение не сходит ни на грамм?

— Что? — шепотом уточняю я, прислушиваясь к собственным ощущениям. На местах соприкосновения наручей с кожей тела словно пляшут маленькие искорки экстаза. Помимо

воли напрягаю и расслабляю запястья, чтобы вдоволь прочувствовать это ощущение.

— Твое тело меня не отталкивает. Что бы я с тобой ни делал.

У него дар. Дар утверждать очевидное. Пытаюсь свести вместе ноги, чтобы хоть немного облегчить вопли пылающей плоти. Задача невыполнима. Опускаю глаза и внезапно вздрагиваю от желания прижаться к его коленям. Да ну нафиг!

Следующие его слова ломают мою эйфорию, крушат мои недостойные желания на корню, пробуждая панику и страх от долгого сна. Взрывают плотину новоприобретенных знаний.

— Сейчас я отпущу тебя домой. Пару дней оставим все, как есть. Потом я надену на тебя свой ошейник. Это не обсуждается.

Сначала я охотно киваю, не особо вникая в сказанное. *Passion not rool The game*. А потом до меня доходит смысл этих слов.

— Нет.

Я играю с огнем. Я беспомощна наедине с ним. Могу только избить острыми и колкими фразами. Но решительность не замечает обстоятельств, которые не в мою пользу.

— Юля, это не вопрос. Прошло то время, когда ты могла принимать решения.

— Чувак, ты из какого средневековья? — не выдерживаю я, дерзко встречая его заледеневший, решительный и непреклонный взгляд. Он же — словно меня не слышит.

— Как твоя кожа реагирует на металл? Нет аллергии на сплавы?

Нет. У меня аллергия на долбодятлов. На одного, определенного.

— Ты меня слушаешь, вообще? Никаких ошейников.

— Юля, я не наказываю тебя сейчас только потому, что ты выжата после экзаменов. У тебя острый язык. Придержи его.

— У меня еще и острый ум, — с удовольствием парирую я. — Что ты вешаешь мне спагетти вместо сережек?! Я что, не знаю, что сабмиссив сам принимает решение, носить ему ошейник, или же нет?!

Изумление в глазах. Выкусил, Мастер? Впрочем, ненадолго.

— И я пользуюсь правом вето и требую, чтобы ты меня освободил!

Дима вздыхает. Но в этом вздохе нет сожаления и ярости. Только раздражающая меня ирония. Медленно встает, заходит за мою спину. Четыре щелчка карабинов крепления. Мышцы спины расслабляются, получив долгожданную свободу. Я поспешно выпрямляю ноги, стараясь не шипеть от вспышки боли в обоих коленях. Тянусь пальцами к ремням вокруг щиколоток, но он перехватывает мою ладонь.

— Я сам.

Стараюсь не замечать чувствительности кожи в местах прикосновения его рук. Манжеты вместе с цепями летят на кровать. Они не передавили кожу, но я помимо воли растираю запястья и разминаю шею под его пристальным взглядом.

— Юля, у тебя два дня. Твои пожелания приветствуются. Любые. Даже если хочешь стразы или гравировку Versace.

— Любые, значит. — Оглядываюсь в поиске трусиков и кружевного бюстгальтера. — Хорошо. Первое. Учи матчасть, Мастер! Первую главу. Там много интересного. Даже новая для тебя аббревиатура БРД.

Он молчит. Окрыленная безнаказанностью, продолжаю:

— Мне не нужно два дня. Я отвечу сейчас. Нет, и еще раз нет.

Он улыбается. Как будто что-то знает, чего не знаю я.

— Два дня.

— Ответ будет таким же.

Поднимаюсь, морщась от дискомфорта в затекших мышцах. Лихо ты решил перемахнуть четыре уровня. Красава. А я было начала сомневаться, разбежаться или же рискнуть.

В начале нашей не достигшей логического завершения сессии я всерьез думала с ним поговорить, как с человеком, и как с сильным, не лишенным разума и понимания женщиной. Рассказать обо всем, что успела узнать о Теме, о возникших страхах и сомнениях. Чего ради? Все просто. Чтобы он меня успокоил. Сказал, что это не цель для него. Что дальше третьего мы не зайдем никогда.

Почему промолчала? Да просто прочла в его глазах непреклонность. Этот не стал бы меня успокаивать. А если бы и стал, меня бы это не обмануло. Он был настроен эгоистично и решительно.

Пальцы с трудом справляются с застёжками бюстгалтера. Ноги дрожат, с четвертого раза попадаю в стринги. Ощущение обнаженности просто бесит. Платье в стиле сафари бросает вызов обилием пуговиц. Справляюсь не без труда.

Он молча наблюдает за мной, скрестив на груди руки. Стараясь этого не замечать, поправляю макияж, провожу щеткой по спутанным волосам. Дима просто любит эти манипуляциями, затем изрекает:

— На твоей шее одинаково выигрышно будут смотреться и кожа, и металл.

— Платина и бриллианты. И только в виде колье, — нагло отвечаю я. — Вызови мне такси.

— Я отвезу, — меня бесит его ухмылка. — Не пытайся сбежать. Уже поздно. Отношения зашли далеко.

— Да какие отношения? — натянуто смеюсь я. — Я с тебя фиגעю без баяна. Если бы каждый, с кем у меня был секс, паялил на меня ошейник, у меня бы шея сломалась под их весом. Мы хорошо провели время, но теперь с этим покончено. И на будущее... Если ты еще не вышел из средневековья, должен понимать, что после секса одевают кольцо на палец, а не на шею!

Мои слова его только веселят. Но самой мне не смешно.

В абсолютном молчании мы спускаемся к автостоянке. Уже темно. 10 часов вечера. Лето вступило в свои права. Город не спит, он только просыпается. Едва уловимый аромат черемухи плывет в воздухе.

Вопреки всему, я довольна собой. Я играю с ним на равных. Даже в цепях и на коленях. В изречении "кто владеет информацией, тот владеет миром" есть своя рациональность. Слава Гуглу. И моей любознательности. Чужая попытка превышения полномочий потерпела крах.

Мы несемся в авто по ночному Харькову. Невообразимая легкость и беспечность кружат мне голову. Я с восторгом люблюсь подсвеченным куполом собора зала Органной Музыки, Благовещенского собора и бриллиантами огней на спуске Ключковской. Раньше я не замечала их прелести.

Поставить точку оказалось так легко! Я не буду скучать за ним. Ну, может, чуть-чуть. Хочется даже петь. Что-то типа "Я свободен, словно птица в небесах", или "Районы, кварталы, жилые массивы, я ухожу, ухожу красиво!"

Уже у подъезда я уворачиваюсь от его поцелуя, безжалостно выпалив прямо в лицо:

— Нет уж. У тебя была куча времени доставить мне удовольствие, но ты так и не смог.

— Потому что это не было моей целью, — режет в ответ Дима. — Два дня. И мастурбировать я тебе запрещаю. Поняла меня?

— Слушай, ты, Садист Е. нутый, — Не выдерживаю я. С этого дня я его больше иначе и не называла. — Мне плевать, что ты мне запрещаешь или не запрещаешь. Я тебя услышала и сделаю наоборот. Кстати, забудь сюда дорогу. Я уйду.

— Юля, ты не можешь уйти.

— Але знаешь, любий мій екс, дякую за секс! — выдаю я, набирая код подъезда, не обращая на него никакого внимания. — С тобой было классно, но со своими извращениями иди на... Не хочу ругаться.

Резкий рывок за волосы останавливает меня. Твою ж мать! И, как назло, никого из соседей рядом...

— Девочка, ты что-то попутала. От меня не уходят.

— От тебя уже ушли!

Я не понимаю, как это получается. Просто взмах руки и отпечаток пятерни на его покер фэйс. Хватка в волосах ослабевает. Перед тем, как исчезнуть в подъезде — не бегом, с галопом испуганного суслика, а с грацией пантеры, — с чувством превосходства смотрю ему в глаза. Вижу недоумение, которое вот-вот сметет ярость.

Носи метку моего взгляда на своей сетчатке.

Дверь неспешно закрывается, отрезав нас друг от друга. Символично до неправдоподобности.

Дима

— Ты совсем е. нулся! — Ей страшно. Но пытается держаться. В больших глазах — дерзкая ярость и страх. Как эти две эмоции могут существовать одновременно? Пофиг. Я возбужден настолько, что ничего вокруг не замечаю. Даже того факта, что мы в доме ее родителей. Что Стелла свалила обкатывать свою новую "Субару", что домработница с кухни носа не высунет — это я краем уха еще услышал. Где остальные члены семейства, мне плевать. Член торчит колом. А мне хочется растерзать это дерзкое создание и вогнать его ей по самые гланды.

— Заткнись. — В глазах темнеет. Завело меня не хило. Школьная блузка рвется под моими руками, пуговицы на пол. Марина пытается меня оттолкнуть, но я вижу, как из последних сил она гасит дьявольскую улыбку. Школьница-шлюха. Бесподобно. Уже раза четыре сделал с ней все, что хотел, особо не церемонясь, а она продолжает строить из себя недотрогу-принцессу из завоеванной крепости. Но мне это даже нравится.

Мне повезло встретить такое же исчадие ада с улыбкой ангела, свое зеркальное отражение... Если бы еще хватило мозгов ее удержать! Но какие мозги в 17 лет, когда от вседозволенности и сладкой, сытой жизни сносит крышу, и кажется, что весь мир обязан жить только по твоим законам? Когда весь твой интеллект шарахает ниже пояса при виде объекта страсти?

У меня хватило сил разорвать даже кожаную мини-юбку. Собственно, из-за этого вопиющего нарушения дресс-кода Маришку и погнали с уроков. Чему она совсем не расстроилась.

Долго наслаждаться непередаваемым восторгом победителя, такого варвара-захватчика рядом с прекрасной строптивой пленницей, не получилось. Спустив джинсы до колен, я овладел ею прямо на полу. Яростно, неистово, наблюдая, как расширились ее глаза от заливающего удовольствия. Все выше и выше. Резче и резче.

Знакомо вам это выражение — "из глаз посыпались искры"? Вот-вот. Именно это произошло и со мной. Вместе с потусторонней силой, носком под ребра отбросившей меня прочь.

Папе моей девочки задрот-завуч моментально слил всю инфу. И про мини-юбку, и про дерзкое поведение на уроках, и про то, что на уроки после выговора она так и не вернулась в юбке положенного фасона. Не вернулась совсем, точнее. Только вот член клана Забегайко еще не знал, что вызывающая одежда дочурки не самая большая его проблема.

Как там поет Харчишин... "небо лягло, вдарило током?" Что-то подобное я тогда ощутил сполна.

Сперва мне пересчитали ребра. Ну не мог я драться со спущенными портками. А если бы даже и мог? Страшно подумать. Потому что вскоре отцу семейства стало плохо с сердцем. И тут Марина запела свое соло.

Она не хотела. Я сам пришел и заставил. Сказал, что расскажу ему про ее юбку и то, что она иногда ругается матом.

Я плохо соображал. Вытирал кровь из разбитого носа пушистой белоснежной мягкой игрушкой и даже едва не рассмеялся на эту изобретательную ложь. Чего я ожидал? "Папа, мы любим друг друга и поженимся прямо завтра?" Глупо. Эта малолетняя эгоистичная тварь

проигнорировала все симптомы гипертонического криза у своего отца, движимая лишь одной целью — обелить себя в его глазах, а после хоть не расти трава.

Тогда от ее предательства я даже перестал соображать. Краем уха отметил, что вызвали наряд ментов, и что влетевшая в комнату Стелла требовала моей смерти. Маринка ревела, как натуральная жертва насилия, обвиняя меня едва ли не в убийстве Кеннеди.

Очнулся я лишь с появлением обоих своих родителей. И впервые за все время спесь слетела с моего эго, и я ощутил горячее чувство стыда и неотвратимости произошедшего.

— Твоему ублюдку не место в гетеросексуальном обществе! — вообще-то, Стелла была не столь изящна в своих речевых оборотах, но я опустил их из-за... уважения, наверное. По крайней мере, стало понятно, у кого Марина училась искусству высокого речевого стиля.

Мать оставалась королевой в любой ситуации. Жестом велел отцу стоять на месте, властно обняла за плечи Стеллу, что-то тихо прошептав ей на ухо. Маринкина маман вздрогнула и, словно под гипнозом, согласно кивнула. Отец, оценив обстановку, подложил подушку под шею Забегайко и начал методичные переговоры по спасению ситуации. Вовремя. Потому что минут через десять влетел участковый элитного коттеджного поселка в компании четырех вооруженных головорезов.

В обществе сильных и всемогущих города сего царят свои законы. Если вам хоть раз доводилось присутствовать при подобных переговорах, вы поймете, о чем речь.

Это когда представитель порядка и закона, осторожно оглядываясь, усаживается в кресло, словно остерегаясь испачкать белоснежную кожу, принимает из рук экономки чашку кофе и прикидывается шлангом, пока не получит указаний от хозяина дома. Когда тот самый хозяин, вызвавший его и заставивший явиться в кратчайшие сроки, сейчас обращает на него не больше внимания, чем на предметы интерьера, и, не стесняясь, обсуждает с оппонентом, в данном случае, отцом нападавшей стороны, размер денежной или иной компенсации. В данном случае — предоставление участка под застройку под покровительством городского совета. Мы — элита. Все наши дела решаются именно так. Как бы ни хотел Забегайко закатать меня, непутевого сына тогда еще кандидата в депутаты горсовета, в асфальт — эмоции в сторону. Мы всегда друг за друга. Наши разборки и непонятки — они только наши.

Милиционер, похожий на дядю Степу из одноименного мультика, несмело попросил еще одну чашку кофе ценой в его премию, спрятал конверт с купюрами за ложный вызов в портфель, почти искренне порадовался, что стороны достигли консенсуса, его вмешательство не требуется, и удалился с глаз долой.

Лишь ближе к вечеру принялись за мою скромную персону. С Забегайко произошли чудеса исцеления от гипертонического криза и сердечной недостаточности аккуратно с подписями на документах и поздравлением юристов, которые вскоре так же незаметно растворились. Стелла увела мою возлюбленную наверх, а я остался в обществе троих нападающих, двое из которых были моими родителями.

Прессанули меня тогда не хило. Даже папаня жертвы насилия попытался смягчить ситуацию в стиле "детки, гормоны, сами такими были сорок лет тому назад". Не помогло. Отец лишил меня карманных расходов и тачки, а так же поездки на Ибицу в августе, мысли о которой помогли мне закончить школу на золотую медаль и почти с примерным поведением. Мать согласно кивала и за меня не заступалась, хотя, я понял потом, понимала меня и мои ненормальные желания как никто другой. Спустя десять лет для меня станет настоящим шокирующим открытием ее принадлежность к клубу Анубиса. Никогда не хотелось думать о ней и отце в таком ключе... Но, так или иначе, доминантские

наклонности передалась мне вовсе не от отца, как я считал вначале.

Вердикт разбил мне сердце на долгие годы. Мне запретили приближаться к Маринке на расстояние пушечного выстрела. Хотя я и понимал, что, сумею я удержать под контролем свою темную сторону, все бы закончилось просто отлично — две богатые семьи с обоюдной симпатией юных Ромео и Джульетты. Такие союзы не редкость. Только Забегайко сильно любил дочь, которая не опровергла позицию жертвы.

Больше мы так и не увиделись. Я лишь слышал, что моя несостоявшаяся любовь улетела учиться в Швейцарию. А потом мне стало все равно. Так я обманывал себя долгие годы, пытаясь отыскать ее подобие в каждой из моих девчонок.

А вот когда появилась Юлька, я понял, что все это время мне не нужна была копия Марины. Потому что в Юлии меня привлекла личность. Может, некие схожие черты, но сравнивать их больше не хотелось. Наваждение под именем Марина отпустило окончательно, сменившись неподконтрольной страстью по имени Юля.

Мне не нужно было быть Анубисом, чтобы вычислить ее натуру за пару встреч. Чтобы понять, насколько сильно она желает подчиниться. Если бы еще у нее хватило храбрости признаться в этом самой себе!

...В вечер субботы я в хлам напился с Вованом. Мне понадобилось три дня от нашей последней встречи, чтобы осознать: меня просто послали.

Надо ли говорить, что я был в бешенстве. В таком, что довел до слез женское царство бухгалтерии клуба. Что едва не раскурочил об столб свою машину. Что на полном серьезе собирался ворваться в квартиру Юльки и отходить ее кнутом до такой степени, чтобы ее язык разучился произносить слово "нет".

После бутылки «Хеннеси» на двоих с лучшим другом удалось немного прийти в себя. Я еще не проиграл. Просто не надо было давать ей время опомниться. Отправил к ней курьера с очередным веником из орхидей и забыл до завтрашнего вечера.

Владимир был в шикарном расположении духа.

— Хоть у тебя с грудастой все в ажуре, это радует, — не мог не отметить я. И ошибся.

— Ленка? Да забудь. Завтра объявлю ей окончательно, что любовь прошла, завяли помидоры. Мне столько не выпить, чтобы все это терпеть.

— Терпеть что?

— Ты видел эту комедию, как ее... "Избавиться от парня за десять дней"? Только там мужику портили жизнь по заданию редакции. А тут все всерьез. Хотя нет, серьезность — это не про нее.

— Что она уже натворила?

— Это полный капец. Кстати, ты ж вроде благотворительностью занимаешься... Есть где-то поблизости детский дом, чтобы отправить им десять килограмм мягких игрушек, которыми она завалила всю мою квартиру на пару с плюшевыми сердечками?

Мне стало смешно, стоило лишь представить эту картину. Но, как оказалось, это еще не все.

— Вчера звонок в дверь. Прикинь, приходит тату-мастер со всем арсеналом. Сюрприз! Эта блондинка решила, что не будет нам жизни без тату в виде красных сердечек на предплечьях.

— Спустил с лестницы?

— Воздержался. Понял одно, я не создан для гламура. Впереди еще ждет интимная эпиляция. Пора валить, пока не поздно.

— Все так ужасно, что размер ее груди перестал быть главным аргументом "за"?

— Похоже на то. У меня сейчас малышка из баскетбольной команды, Женя зовут. Там с интеллектом и адекватностью все в порядке! Ты видел девчонок-баскетболисток? Они все там модели, только пафоса минимум. Ноги из ушей растут! Одна, из команды, даже на твою чем-то похожа. И, по ходу, не такая пугливая.

— Я подумаю. — У Вовика отношения никогда долго не длились. Я не видел его новую пассию, но больше месяца они вряд ли протянут. — А мне сильно смелая ни к чему. Азарт не тот.

— Все никак без садистских приколов не спится?

— Я не садист. Я Дом.

— Какая, нахрен, разница?

— Садист сейчас бы выбил тебе пару коренных и получил от этого непередаваемое удовольствие.

Вовик покачал головой. Она мало что понимал в этих тонких материях, да и, к слову, особо не интересовался.

— Брат, смирись. Эта сучка оказалась тебе не по зубам.

— Мой бой еще не проигран.

— Да хватит воевать. Мы оба понимаем, что таких же ненормальных, как и ты, можно легко зацепить в вашем клубе. Я б тоже прифигел, если б какая из моих девчонок призналась в любви к мазохизму и начала рядиться в латекс и гонять меня ремнем.

— К мазохизму? Не путай понятия. Гоняли бы не тебя, а ты.

— Все. Стоп! — друг уже знал, что после первой меня может пробить на лекцию о прелести и основах Темы. — Как ты теперь собираешься вернуть ее обратно, одного не пойму. Придется забыть обо всем, что ты так любишь.

— Нет.

— Что "нет"?

— Я не собираюсь менять свои хотелки ради нее. Привыкнет. Людям свойственно привыкать ко всему.

Коньяк расправил мои темные крылья... так, кажется, называют это поэты и писатели? В общем, другими словами, я был намерен не только не отказываться от Темы в отношении Юльки, но и не оставить ей иного выбора, кроме одного: принять и не скулить.

— От меня не уходят! — орал я на весь бар уже после второй. Не стопки, нет. — Малолетка хренова! Я ее еще прощения просить заставлю! Не хотела по-хорошему, будет по-плохому! Посидит в подвале пару дней на цепи, по-другому запоет!

— У него кавказская овчарка совсем оборзела! — смешно спасал ситуацию более трезвый Вовка, улыбаясь барменам и отдыхающей публике. — Ей третий месяц пошел, она вчера сгрызла его планшет, а там все данные, представляете? И не только не раскаялась, а еще на телефон засматривается! Сука, она и в Африке сука!

— Юлька, тварь, ненавижу... — я уже плохо соображал, что говорю. — В соплях захлебнешься, я тебе это обещаю...

— Собаку зовут Юля! Прикиньте, да, юморист? — отчаянно чесал Вова. — Я думаю, это связано с политическими взглядами, хотя могу и ошибаться. Хомячка перед этим звали Виктором.

Кое-как верный друг погрузил меня в такси, чуть не сломав мне руку в попытке вырвать ключи от Лендкрузера.

— Ничего с ним на стоянке не случится! Завтра заберешь!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я, наверное, шокировал таксиста своими детальными планами того, что и в какой позе сделаю с Юлькой. Оценив ситуацию, Вовка решил проводить меня прямо до дверей квартиры, опасаясь, что я тотчас же поеду воплощать в действие свой план мести. Верный и преданный друг переживал больше вовсе не за нее, а за меня. За вероятность соприкосновения "тех самых стальных каблучков, что она носит" с моим фэйсом и более интимными частями тела.

Я мало думал о том, что завтра проснусь с жуткой головной болью и прочими прелестями похмелья. Это будет завтра. А сейчас я провалился в глубокий сон, где образ Юльки на цепи продолжал меня настойчиво преследовать.

Юля

В Fashion сегодня практически не было народу из-за опустившейся на Харьков аномальной жары. 31 в тени, епт! Я возненавидела это лето в городе всего за 15 минут тряски в душной маршрутке, которую пятиминутная пробка превратила в самую настоящую микроволновку, сведя на нет потрясающее чувство свежести после контрастного душа и утренней зарядки. Еще на четверть часа пришлось застрять в дамской комнате, наедине с холодной водой из крана и освежающими салфетками. Надо было вызвать такси! Что за привычка считать каждую копейку, когда в этом нет особой нужды? Те времена остались позади. В том самом детстве, когда мужчины вроде Вадима или Димки воротили морды от моих стоптанных сандалий и растянутых китайских свитеров. Сейчас же в экономии не было необходимости, да и такой девушке, как я, она была просто не к лицу.

Чуть подправив идеальный «смоки-айз», я с сожалением покинула свежую прохладу санузла. Свежую... Совсем от жары рехнулась.

Эля куковала за столиком в тени тента, вцепившись в свой неотъемлемый аксессуар. Ха! Название сегодняшней фотосессии — "глобальное потепление и его жертвы". Интересно, как скоро расплавится техника при такой жаре? Впрочем, на летний зной ей, похоже, было плевать. Она вырядилась в шелковый черный комбинезон, крутые гладиаторские сандалии, а сверху небрежно натянула подобие рыболовной сети бирюзового цвета. Может, звучит жутковато, но выглядело это все на ней донельзя эффектно. Творческий человек талантлив во всем.

Я расправила плечи и шагнула к ней, не без намерения продемонстрировать свой новый сарафан в пол насыщенного цвета электрик. Элла улыбнулась и отметила, что в нем я похожа на Дженнифер Лопес в каком-то из клипов. Убитое поездкой настроение вернулось. Мы обменялись дружескими поцелуями.

— А где Лекса?

— А черт ее знает! Обе шпалы у нее отключены. И домашний молчит. Наверное, отходит от любовных утех с этим викинггом.

— Сучка, — резюмировала я. — Всех подговорила, значит, на Египет еще с нового года, а теперь в кусты! Конечно, родители на Бали везут! И пофигу ей на нас. Только и счастья, что с этим кувыраться...

Эля грустно покачала головой и отвела глаза.

— Она прекрасно знает, что не потяну я Египет не по горячей путевке! Где третью искать?! Она что, даже это не сечет?

— Да, без нее нам там будет тяжело! — злость от сорвавшейся поездки не хотела

проходить. — Будь она там, мы бы ее бедуинам в сексуальное рабство продали, и озолотились бы! Блондинки с такой грудью в цене. Это брюнетки там и даром не нужны.

Эля улыбнулась. Мы заказали сет "Калифорния" и бутылку Микадо. Я сбросила очередной звонок Димы и хлопнула по экрану ладонью.

— Отдыхай, маркиз де Сад.

— Маньяк? — понимающе ухмыльнулась подруга. — Все никак не догонит, что ты его послала?

— Покой нам только снится! — я улыбнулась совсем юному официанту, явно студенту на летней подработке, разливающему охлажденное сливовое вино в бокалы. Мальчик от смущения нервно сглотнул и случайно цокнул горлышком бутылки о стекло бокала. Но я уже потеряла к нему интерес. — И знаешь, я все же за Вадиком больше скучаю. Понимаю, что семья и все такое, и что именно поэтому он вне зоны доступа... Но потосковать-то можно?

— Слушай, а может, он все же разведется и сделает тебе предложение руки и сердца рано или поздно?

Иногда наивность Эли поражала.

— Брось, мы живем в реальном мире, в котором, к счастью — заметь, именно к счастью, а не к сожалению — запрещено двоеженство. Ибо я, в отличие от тебя, замуж не хочу!

Подоспел заказ, и мы, пригубив вино за окончание мук сессии, синхронно защелкали хаши. Я попыталась набрать Ленку — мы не чужие, все-таки, — но наткнулась на равнодушный монолог автоответчика.

— Какие планы на вечер? — закуривая, поинтересовалась Эля. У меня не было никаких особых планов. Разве что завалиться у телека и посмотреть, наконец, последний сезон "Спартак. Месть".

— А махнули вдвоем на байкерскую сходку? Брюс из Одессы прикатил. А Шершень обещал показать стантрайдинг — шоу. Оттянемся на полную.

Я подкурила. Сигарету держала в длинном мундштуке. Прорепетировав час перед зеркалом, осознала, как эффектно это смотрится.

Сходка байкеров. Отлично. Не самая примитивная компания, будем объективными, и к черту обиды непутевой юности. С Женькой в то время, хоть и блин комом, но скучно точно не было. Да и вариант обалденного прикида на эту ночную тусовку пришел на ум сразу. Да у этих королей дороги, Ночных Волков, как их называла Эля, просто захватит дух!

— А поехали!

— Оки. С Брюсом я тебя познакомлю. Нормальный чел, весь такой семейный и галантный вне хобби.

— "И в гостинной при свечах он танцевал, как бог, но зато менялся на глазах, только вспомнит шум дорог", — пропела я.

— Именно. Ты держись к нему ближе, а то желающих устроить за тебя таран будет валом.

— Да плавали, знаем. Шикарный варварский обычай. Лекси тоже с собой возьмем?

— Да на кой нам там эта Барби? Еще в обморок грохнется. Решит, что настало пришествие Сатаны, а это его слуги.

— Тоже верно.

— Летим к месту назначения верхом на железных конях. За тобой заедем. Только каблук оставь дома.

— А что, надо, да? — натурально изумилась я. Эля засмеялась и достала мобильный. Я тоже услышала писк смс, и подруга просто не успела набрать номер — НТС запел сам. "Come on, Barbie girl! In a Barbie world!" В чувстве юмора Эльке не откажешь.

— Ленка!

— Только не кусай ее через трубку, — съязвила я, с удовольствием отпив холодного вина.

— Привет, подпольщица! — грубовато зашипела Эля, ответив на звонок. — Ты ответь, ничего, что мы тебя с вечера вызваниваем? Совсем связь с действительностью потеряла? В коленно-локтевой приток кислорода к мозгу замедляется?..

Я скосила глаза. Злорадное выражение лица Эли уступило место ошарашенной растерянности.

— Лекса, ты чего... Лена! Хватит реветь, я тебя через слово слышу!

— Дай мне! — я выхватила телефон. — Лена, это Юля. Что стряслось?

В ответ — одни стенания. Я не поняла ни фиги.

— Лекс, давай, ты успокоишься, и все объяснишь. — Почему-то я не поддаюсь панике от ее горя. Только ледяное, почти арийское, спокойствие. Отравленный вирус чужого влияния?

— Ну? Я жду.

— Юльк!.. Он ушел... Представь... Я вчера...

— Кто ушел? Куда?

— В...Владимир! Он... Он меня бросил!

— Мудак, — ляпнула я первое, что пришло в голову. — Ну, а слезы чего? Я думала — мир обрушился, ты так реवेशь...

— Ты не... не понимаешь! Я люблю его! Я... я...

— Коко Джамбо! — не сдержалась я. — Где ты? Прекрати плакать. Сейчас же.

Мой командирский тон подействовал. Ровно на три секунды. Потом мобильный снова разродился очередной партией рыданий. Удалось разобрать только то, что рефлексия от разбитого сердца догнала подругу в ее же собственной квартире.

— Не хнычь! Поняла? Мы сейчас к тебе приедем.

Мы поспешно приговорили "Калифорнию" и наполовину полную бутылку вина. Дружба — святое. Меня же они спасали в том году от весенней депрессии!

...Климат-контроль создавал здесь ощущение даже не рая. Сабспейса, как сказал бы Дима. Что это такое, я не знала. Может, стоило прогуглить, но тогда, напуганная страшилкой про пятый уровень, я не рискнула. Спейс — это космос по-английски. Саб... Увы, больше не двойственный. Теперь я знала истинное значение этого слова. О том, что они значат в комплексе, смутно догадывалась. Вроде что-то приятное, только вопрос — для кого?!

Я поддела ногой огромного белого плюшевого медведя и огляделась по сторонам. На стеклянной полке цифровая фоторамка беспрестанно гоняла по кругу фотографии Лены. Лекса на школьном выпускном в прекрасном золотом платье. Лекса с отцом на теннисном корте, выглядит круче Курниковой. С матерью в Милане, обе увешены пакетами — следствие удачного шоппинга. На чистом песчаном пляже, похоже, океан. С рюкзаком на фоне горных вершин. Ай-Петри. Да и по выражению лица подруги можно догадаться, что не Альпы. Зато отец рядом лучится от счастья. В дельфинарии. На балу... Венском?! Круто! Так! А это... Это же... Святослав Вакарчук?! Обнимает, как хорошую знакомую. Да уж, мне

б так, я бы не то что рыдать, я бы даже вздохнуть за придурком типа Вовика не стала.

Мои ноги утопали в пушистом ворсе дорогого ковра, LCD-панель транслировала клипы Бейонсе, и я изо всех сил старалась не вздрагивать на рыдания Лекси из-за стены. Была очередь Эли утешать ее.

Зазвонил телефон. Знакомым рингтоном. Но, непостижимо каким образом, по позвоночнику ударной волной пронесся каскад сладких иголок предвкушения чего-то опасного, запретного и в глубине души, даже желанного. Надо ли говорить, как сильно мне это не понравилось. Я — скучаю?! Невозможно. Я перегрелась на солнце. Сильно ужасно чтобы быть правдой.

— Садист е. ный! — я швырнула плюшевое сердечко прямо в свою сумку, чтобы заглушить настойчивые позывные мобильного. Все еще надрывно рыдала Ленка, Эля тоже была близка к истерике. А я ненавидела Диму даже не за его извращенные замашки, а лишь за то что он имел несчастье быть другом уроды Вовика.

И снова обманывала себя. Их дружба была лишь очередным поводом его не видеть. Потому что я очень близко подошла к этой запретной грани, которая манила к себе и одновременно давала понять, что мне не вынести и десятой части этих темных желаний. Его страсть и близость пугала меня, заставляя жить в не спадающем напряжении. Страх на пару с неизвестной эйфорией словно иссушал меня изнутри. Я обычно не запоминаю сны, но в последние дни мне трижды снился один и тот же. В сновидениях я убегала от него прочь, но он всегда непостижимым образом оказывался на шаг впереди, отрезая мне путь, а его взгляд лишал любой возможности двигаться. При том, что я никогда не видела его лица в этих реалистичных картинах непонятных снов.

Почему так? Я не находила ответа на эти вопросы. Да что там сны, я не могла себе пояснить более примитивных вещей. Почему, когда он хватал мои волосы, накручивая их себе на кулак, я испытывала ошеломительное сексуальное возбуждение? Почему множественный оргазм, первый в жизни, догнал меня связанную и с повязкой на глазах? Все это пугало и вызывало чувство агрессии в попытке защитить себя. От чего? От искушения, наверное. Мне многое еще предстояло понять, но я гнала прочь эти мысли, опасаясь шагнуть в эту манящую, но все же бездну. Все это грозило уничтожением моему прежнему миру.

Я вспомнила Вадима и ощутила, что беспокойство начало таять. Вот с ним у меня никогда не было страха и душевных метаний. Спокойно, умиротворенно, обыденно. Стоило ли бежать из рая в неизведанный ад?

— Юль, — позвала Эля. Я зашла в комнату Лекси. Та уже не ревела, только опустошенно смотрела в одну точку, не реагируя на мое присутствие. Элла жестом хозяйки указала на розовый пуф. Я присела, чувствуя, что сейчас начнется поток бредовых идей.

— Слушай, Багира, — о, пошла тяжелая артиллерия с обращением по статусу. Прогиб засчитан. — Поговори с Димоном. Он же от тебя без ума. Пусть прополоскает мозги своему товарищу. Когда ты не хотела его видеть во время экзаменов, мы ему помогли. Он поймет, что так нельзя... Ведь мы — твои близкие подруги и твоя поддержка(хм... И сдадим ему тебя с потрохами снова при любом удобном случае? Нда...). Он же должен понимать, что взамен на наше одобрение его интереса следует хоть как-то...

— Да вертел он ваше одобрение! — я ощутила злость. Я что, самая адекватная в этом дурдоме? Похоже, что так. — Ты вообще соображаешь, что сморозила? Мне? Просить?! Его?!

— Зря ты. Ленке очень плохо. Что, корона свалится? Сейчас только ты можешь помочь!

Я ее почти не слышала. Намеренно. Стоит вникнуть в слова — сорвусь так, что рыдать будут обе. Мой взгляд выхватил огромный дартс в розовых цветах на стене девичьей спальни. Гламурная штука. Кидаешь дротик и смотришь, что выпало: СПА, солярий, фитнес, ресторан, шопинг или турпоездка. Я помимо воли улыбнулась. Кажется, есть идея.

— Да ей плевать! — завывла между тем очнувшаяся Лекси. — Она зубы скалит! У нее все зашибись! В то время, как я...

— Леночка, — ласково заговорила я, присаживаясь рядом, и перехватывая ее руку, которую та пыталась вырвать. — У тебя есть фото этого долбо. а?

— Не смей о нем так! Он самый лучший! Это я одна во всем виновата! Я!

— Что ты, Лекс, ты ни в чем не виновата! — я сама не понимала, откуда у меня взялись эти слова. — А почему он ушел, я тебе поясню. Тут все просто. Ты — пьедестал. Ты спустилась с Олимпа. Живая богиня недостойному смертному. А мужчины боятся красивых женщин. Видишь ли, он осознал, что не дотягивает до твоего уровня ну никак. Всегда на шаг позади. Кому-то хватает сил и решительности соответствовать и идти рядом. А вот ему не хватило. Зассал просто. Но ему проще ползть в кусты и наивно полагать, что он остался Альфа-самцом, чем признаться себе в своей никчемности. Но мы-то знаем, как называют таких слабаков. Лу-зе-ры. Не впадлу тебе реветь из-за лузера?

— Июль, чего ж хреново так?.. Я влюбилась, наверное... — Лекси громко высморкалась. — Он ласковый был все время... Нежный... Я же сперва боялась, что они с твоим два сапога пара. Так классно ухаживал. Я не думала...

— Так есть его фотка, или нет?

Фото нашлось. И не абы где, а... На заставке компьютерного рабочего стола. Клинический случай. Принтер извлек эту улыбчивую морду из монитора за считанные секунды.

Мой способ борьбы с чужими проблемами легко можно было назвать "шоковой терапией". Не прошло и двадцати минут, как комната из замка плача превратилась в гламурный полигон боевых действий.

Фэйс Вовика в формате А-3, украшенный кольцами мишени красного цвета (ярче лайнера для губ еще ничего не придумали), был готов в нескольких экземплярах. Принтер еще не успел выплюнуть его гляцевую копию, как мы с Элей, не сговариваясь, затряслись в приступе смеха. Лекса сперва офигела, а потом забыла напрочь, что ей по статусу положено оплакивать полтора месяца загубленного чувства, и лично вывела помадой на лбу экс-надпись "крысеныш". Теперь его ухмыляющаяся физиономия гордо украшала собой широкую панель дартса. Дротики же мы прикола ради дружно выкрасили ярко-алой помадой.

Ни один квадратный сантиметр обоев в ходе операции, как ни странно, не пострадал. Лекси лично выбила экс-бойфренду оба глаза (на фото, естественно), сорвав наши аплодисменты. Остановились мы только тогда, когда красная помада Guerlain перестала существовать, а фото Владимира представляло собой картину а-ля Красный Квадрат Малевича.

...На байкерскую сходку мы с Элей все же попали... Перед этим приговорив бутылку "бехеровки" вместе со стильной маман Лекси, которая, затаившись в дверях, минут пять молча созерцала наш полигон и военные маневры. Затем, пристроив на диване пакеты с логотипом Gucci, властно потребовала тишины.

— Что, черт возьми, здесь происходит?!

Мы на миг растерялись, ощутив себя нашкодившими школьницами при виде этой роскошной дамы, но уже в следующий момент, не сговариваясь, рассмеялись все вчетвером.

— Ну, что я тебе говорила, Елка, все мужики — самцы и эгоисты, — она извлекла из золотистого клатча платок и вручила дочери. — Ну же, вытри глазки. Завтра на Бали летим. И купальники померяй, размер твой.

Ленка зашуршала брендовыми пакетами, а ее мать повернулась к нам.

— Девчонки, вы молодцы. Так держать. У меня в молодости не было таких классных подруг. Давайте, я вас кое-чем угощу.

— Ангелина Викторовна, мы пойдем, наверное, — залепетала Эля, но тут же замолчала — длинный гелевый ноготь хозяйки сети крутых харьковских СПА-салонов уткнулся ей прямо в грудь.

— Просто Ангелина. Уже сто раз обсуждали! Давай, организуй нам бокалы. И фрукты. Найдешь в холодильнике, на твое усмотрение.

Около часа мы цедили "бехеровку" и закусывали ананасами и виноградом. Получили приглашение на СПА-процедуры. Лекса же забыла напрочь о слезах и вовсю потрошила шкафы, готовясь к скорой поездке. Я завидовала ей по-черному. Мне оставалось только ехать в Египет в одиночестве. Чего не хотелось ни в коей мере.

...Вернувшись домой, я испытала странный прилив удовольствия и тревоги одновременно при виде 12 пропущенных звонков. Перезванивать, понятное дело, не стала. Мои мысли уже всецело вращались вокруг грядущего вечера. До восьми я провела время за просмотром сериала.

После ванны с солью и апельсиновым маслом я облачилась в черные леггенсы под кожу, миловидную маечку с тонкими цепочками и стильными надрезами — наследие байкерского прошлого, — затем взбила волосы в пышный объем и ярче подвела глаза. На ноги — черные босоножки с переплетением тонких ремней в заклепках в виде шипов. Каблук — 10 см. Куда же без этого?

Одежда диктовала свои правила. Дерзость и игривость были в моем взгляде и в каждом жесте. Вечер обещал быть незабываемым, хоть и в незнакомой компании.

Брюс мне понравился. Наверное, в толпе или в другой обстановке я бы прошла мимо него, но не сегодня. Есть в этой байкерской среде мощная аура азарта, оптимизма, свободы, легкомыслия и предвкушения, и этот черный внешне замкнутый мир видится в ярко-розовых очках. На фоне этих ангелов ночных дорог моя прежняя компания выглядела жалким подобием движения. Участникам колонны на вскидку было от двадцати до сорока лет, и "железные кони" (Я впервые увидела настоящий Харлей Дэвидсон) вместе с экипировкой седоков из дорогой кожи и хромированного блеска нашивок и цепей смотрелись донельзя органично. Никто из этих отчаянных парней не пытался ничего доказать посредством тюнинга и именитости средств передвижения, они этим жили и дышали. Наверное, с такими супер-мужчинами я бы могла свалить с собственной свадьбы, наплевав на окружающих, как в клипе "Океан Эльзы на песню "Сосны".

Брюс улыбался мне как давней знакомой, одними глазами. Легкая "эспаньолка" вместе с черной банданой в серебряных черепах создавала завораживающий эффект. Этаким отчаянный пират ночных дорог. Я отметила, что он галантно поцеловал мою руку, в отличие от соратников, которые в знак приветствия усиленно целовали Эльку в губы.

— Эй, ты слышишь меня? — я сфокусировала взгляд на его сильных жестикулирующих руках. Нда. Инструктаж я просто прослушала.

— Знаю. Я каталась.

— Ну, тогда держись крепче, лететь будем быстрее ветра. — Он с улыбкой окинул взглядом мои высокие шпильки, но промолчал.

Я устроилась позади него, обхватив руками и ощутив себя в полной безопасности и изоляции от окружающего мира.

Вечер стартовал.

Знаешь ли ты, о чем молчит она, о чем ее мечты?

Знаешь ли ты, говорит она, когда не рядом ты?

Знаешь ли ты, когда уйдет она, куда она идет?!

Знаешь ли ты, имеешь ли ты власть, чтоб удержать ее?..

С.Пьеха & Г. Лепс

Дима

Как, все же, странно устроены люди.

Ну почему, каждый раз, испытывая адские муки похмелья, мы заявляем себе: " Не стоило мешать коньяк и текилу", "Не стоило пренебрегать закуской", но ни разу — "Не стоило пить вообще"?! Вопрос, на который даже философы древности вряд ли смогли бы найти ответ.

Пробуждение было кошмарным.

Тупая головная боль. Противный озноб. Горло ссохлось до болезненных ощущений. Я разучился пить. Дима, ты не по этой части вообще. Не стоило забывать.

Литр кофе и почти упаковка Зорекса. Контрастный душ. Я едва сдерживался, чтобы не завизжать от подобной экзекуции. Как эта чокнутая Юлька такое терпит?! Кипяток и лед?! Мазанутая на всю голову, хоть целкой и прикидывается. Ничего. Лед и воск оценит...

Не оценит. Тебя бросили. Забыл?

Нет, не забыл. Проигнорировал. Не расслышал. Ни к чему мне это было делать, потому что априори не мой вариант и не моя история. От меня не уходят. Лучше бы ей это понять по-хорошему.

Давно жестить не приходилось. Но ведь по-другому не понимает! Я был настроен решительно. Заставив себя не концентрироваться на плохом самочувствии, все же поехал в спортзал. Только после тренировки — после которой я чудом остался жив — самочувствие немного улучшилось. Итак, что в итоге? Три дня. Ровно три дня я ее не трогал, давая прийти в себя. Пора бы и напомнить о себе. Чтобы не думала, что так легко отступлю.

Нет уж. Скорее ты захлебнешься в собственных слезах сожаления, чем я оставлю планы сделать тебя своей. Желание подчиниться в тебе бурлит. Почему ты бежишь от него назло мне? Я что, был жесток с тобой хоть раз? Наверное, ты не видела этих граней. Но я их никогда и не перейду. Если бы ты только могла это осознать и оценить!..

Удушающая жара легла на город. Такая же мерзкая, как и мое состояние. К тому же, Юлька то сбрасывала мои вызовы, то вообще на них не реагировала. Теряя контроль, я с трудом удержался, чтобы не ворваться в квартиру и не швырнуть ее на колени. Может, я бы так и сделал, но тут телефон взорвался веселым рингтоном. Я ответил прежде, чем сообразил, что эта мелодия звонка была закреплена за совсем другим человеком.

— Дмитрий, добрый день. — Как всегда, от одного только глубокого и властного голоса моего Наставника мне захотелось выпрямиться по стойке смирно и начать конспектировать каждую его фразу. Мышцы ощутимо напряглись, но уже в следующий момент я мысленно крыл себя матом. Какого хрена? Я что, один из его нижних? Толку, что у него опыта выше крыши? Мы равны. Мы, по сути, партнеры. За 15 лет — ровно столько составляла наша разница в возрасте — я буду знать гораздо больше него. Да, он направляет меня, и подсказывает очень часто, но я не школьник в кабинете завуча! И вообще, может,

радикальные методы вскоре отправят его учение в топку, или куда подальше.

— Александр, — сдержанно и, как мне показалось, прохладно ответил я. Показалось. Я даже представил его реакцию, подсознательно ища одобрения. Черт знает что! — Ты в городе? Ситуация в клубе разрешилась?

— Пока еще в городе. Завтра у меня дневной рейс в Мюнхен.

— А я, практически, только оттуда, — как ребенок, радуясь совпадению, отозвался я. — Там здорово.

— Там бизнес, — умерил мой восторг Анубис, и я почувствовал себя недалеким подростком. — Дмитрий, полагаю, ты не откажешься поужинать со мной сегодня в "Alt Bear"?

Это был не вопрос. И не пропозиция. Завуалированный приказ. Я это понимал очень хорошо, но — парадокс! — словно под гипнозом, ответил поспешным согласием. Неприятный осадок, от того, что мной скрыто манипулируют, раззадорил еще больше. Да и что-то не понравилось мне в его голосе. Наверное, будь я нижним, уже забился бы в угол от страха и начал бы перебирать поводы не ходить на эту встречу. Что ж. Учителям тоже свойственно заигрывать! И он далеко не истина в последней инстанции.

Раздираемый этими противоречивыми чувствами, я снова пытался дозвониться Юльке. Она не отвечала. Наверное, к счастью. Выплесни я на нее свое недовольство, было бы гораздо хуже.

Я был в ресторане ровно в назначенное время. Но Анубис и тут был на шаг впереди. Пора бы привыкнуть.

Он поднялся мне навстречу. Внешне — ожившая реклама Gregory Arber. Такие и аномальную жару при желании опустят в позу покорности. Безупречная укладка, роскошный костюм на подтянутой фигуре, "Филипп Патек" на запястье. Мне до этой высоты еще расти и расти.

— Присаживайся. Взял на себя инициативу сделать заказ на свое усмотрение. Стейк. Пить я не намерен, а вот тебе, наверное, не помешает?

Я поборол раздражение и желание сказать ему что-то язвительное. Неужели по мне так заметно, что мы с Вованом вчера хорошо оттянулись? Но слова застряли в горле под его испытывающим взглядом. Я заказал себе сок, в душе проклиная себя за нерешительность.

— Хороший повод был? — нейтрально поинтересовался Анубис, рассматривая меню. — Бизнес-победа?

— Типа того. — Официант принес наш заказ. Но от напряжения и предчувствия чего-то малоприятного кусок сейчас не лез в горло. Алекс же наслаждался замечательно приготовленным деликатесом, ловко орудуя столовыми приборами. У меня с такой легкостью никогда не получалось.

— Кто эта девочка, которую ты приводил в клуб?

От неожиданности я едва не расплескал сок. Анубис усмехнулся, но его глаза оставались холодными.

— Она не из наших, верно? Она вообще далека от всего этого. Но твоя одержимость не хочет замечать этого в упор.

Началось. Мне бы гаркнуть, что это его не касается, и я сам разберусь. Но я не мог. Он просто подавлял меня своей аурой.

— Популярность вампирской темы в кинематографе и литературе отравила многим мозг. Вседозволенность. Обращение. Выбор. Зов крови и больше ничего. Я не могу понять. С

каких пор и когда добровольность перестала иметь значение? Хочу и беру — так, выходит?

— О чем ты? — хрипло прошипел я, отложив столовые приборы. Усмехнувшись, Алекс достал свой смартфон. Присоединил витуку цепочку наушников, и протянул мне.

— Было занимательно это слушать. Я даже считал нужным не говорить тебе, что ты, судя по всему, ошибся номером. Но знаешь, сказанного мне хватило, чтобы я начал всерьез переживать за эту девчонку.

Ничего не соображая, я осторожно надел наушники и включил воспроизведение записи...

Услышал ли я что-то новое или откровенно шокирующее, произнесенное моим же сбивчивым от передозировки вискаря голосом? Ничего. Ничего из того, о чем я не думал все эти дни. Алкоголь облачил мои жестокие желания в словесную форму. И то, что заставило задуматься моего визави, мне казалось еще лайт-версией. Именно так. Я же не собирался спускаться с нее шкуру, верно? Об этом ни слова. Калечить — тоже.

Анубис прочел это в моих глазах. Я вернул ему телефон, ощутив предательскую дрожь. Черт знает уже сколько времени, одобрение Мастера, учителя было для меня непременным условием, к которому всегда следовало стремиться, дабы достичь подобной высоты. Я освоил все правила, даже негласно установленные, поднял свое мастерство до приличного уровня, но сейчас... Казалось, что все мои заслуги были перечеркнуты этим пьяным монологом.

И тут я испытал ярость. Ярость и протест. Какого хрена? Сколько можно ломать себя ради одобрения Наставника? Отказываться от того, чего хочешь до безумия?! Отпустить то, что любишь, ради спокойствия другого человека? А что, если человек сам еще не осознал, что от этого будет только в выигрыше? И почему, ради чего я должен жертвовать этим — ради каких-то правил, которые далеко не истина в последней инстанции?

Память предков сильна. Она в генах. Она в крови. Мир всегда делился на господ и рабов. Суррогат — не выход.

Представьте себя такую картину, скажем, во времена Древнего Рима. На рынке рабов. Патриций с заискивающим видом ходит между рядами этих дерзких варваров с одним только вопросом — примешь ты мой ошейник добровольно или нет?.. В набегах, при захвате потенциальных рабынь — контракт им в руки и спецификацию допустимых воздействий?... Даже на арене Колизея, только над тобой занесли меч — хрен вам, я произношу стоп-слово?... Насилие не только над историей и памятью предков. Насилие над своей природой. Общество вечно загоняет нас в тупые рамки. Женщины всей земли сетуют на слабость и нерешительность мужчин, втайне желая всю жизнь провести у ног лидера, но пресловутые рамки морали запрещают им это озвучить. Я прекрасно понимаю природу подобных барьеров и могу распознать их по одному только взгляду. И поверьте, это не бахвальство, так на самом деле и есть.

— Помнишь, я как-то сказал, что для таких, как ты, появление чувств поставит крест на Теме? — сделав глоток воды, спокойно произнес Анубис. Но от его взгляда, будь я нижним, уже бы затрясся в припадке в ожидании неизбежного. — Ты тогда мне возразил. Но мы просто не поняли друг друга. Любовь не превратит тебя в адепта ванили. Она сделает из тебя монстра, презревшего все правила и нормы!

— Алекс, — сжав стакан в руках, грозя смять в стеклянное крошево, ответил я. — Я разберусь. Это моя девочка.

— Пытался ли ты понять ее так же, как в эгоистичной жажде обладания пытаешься

понять себя? Увидеть ее душу через призму своих хотелок, и просто допустить возможность, что ее желания могут в корне расходиться с твоими?

Слова замерли у меня на языке. Эта отповедь просто ударила под дых. Но вовсе не сожалением или чувством вины. Наоборот, нарождающимся ураганом протеста и робким стремлением перешагнуть через неприкасаемый авторитет Наставника.

— Она красива и сексуальна. Женщина-вамп на пути своего становления, и далеко не дура. Редкость в наше время, правда? Так не похожа на тех, кто ради норковой шубы или скачка по карьерной лестнице сожгут свою душу в угоду чужим извращениям. Непорядок! Верно? Надо доказать самому себе, что у тебя хватит сил поломать ее до основания. Превратить в одну из многих, чтобы ничего не нарушало твою зону комфорта. И никаких преград. Даже то, что ей не больше двадцати лет. Но какое у тебя, поясни мне, право принимать решение за двоих, прикрываясь своей доминантной сущностью и уверенностью, что ты знаешь лучше нее, как ей жить?

— Забавно! — не выдержал я, стукнув ножом по тарелке. — Что-то я не заметил, чтобы тебя так обеспокоило ее моральное состояние, когда ты требовал притащить ее в кабинет и поставить в позу подчинения! Сильно ты переживал за ломку ее психики, когда собирался затащить на очередную сцену?! Не тебе после этого мне указывать!

— Истерика, Дмитрий? — слегка приподнял брови Анубис, наблюдая за мной с видом ученого. — Немедленно выпей воды и возьми себя в руки.

— Да я...

— Я сказал. Возьми себя в руки. Сейчас же. И мне плевать, как ты это сделаешь.

Его голос не повысился ни на тон. Даже взгляд не изменился. Но я вновь ощутил себя школьником, провалившим ответ у доски перед всем классом. Две параллельные сущности сцепились в неистовой борьбе, протест и неприятие чужих слов сдавали позиции под атакой ошеломительного осознания — что же я вообще творю и как могу разговаривать в таком тоне с тем, кто дал мне столь много?!

— Мои извинения. — Чтобы скрыть замешательство, я поспешно отправил в рот кусок сочного стейка. Кулаки при этом были сжаты до такой степени, что я ощутил боль. Стараясь убрать из голоса заискивающие нотки, я мысленно досчитал до ста, впервые пожалев о том, что бросил курить десять лет назад. Что ни говори, а сигареты успокаивают.

Анубис едва заметно кивнул в знак одобрения. Я почувствовал себя почти брошенным на произвол судьбы.

— Алекс, почему так? — какой-то почти девчочковый монолог из серии "он обещал, но не позвонил". Только молчать было выше моих сил. — Когда я ее вижу, я словно становлюсь другим человеком. Я чувствую ее молчаливый призыв, даже просьбу установить над ней свою власть... Я вижу, что ей со мной хорошо настолько, что это шокирует даже ее саму. И это не мои хотелки, я при этом объективен до невозможности. Стадия прогиба уже в разгаре, но она предпочла исчезнуть. Я ничего не понимаю!

— Не перегнул ли ты планку с давлением? Знаешь, ошибка многих именно в том, что они форсируют события, не завоевав должного доверия.

— Возможно. Но она не хочет даже это обсуждать! Просто поставила точку и молчит.

— Если ты вел себя в стиле своего роскошного спитча, — Анубис кивнул на телефон, — не стоило ожидать чего-то другого. Ты пытался после этого поговорить с ней и выяснить, что ее так беспокоит? Вижу, что нет. Ты боялся услышать, что проблема не в твоих пристрастиях, а в отсутствии с ее стороны большего интереса.

— Поговорить? О чем? Она думает только о себе. От подобной самоуверенности мне хочется... Проехали.

— Что ты знаешь о девочке, которую до безумия желаешь вниз, кроме того, что у нее иногда горят глаза на твои действия, что она нуждается в сильном плече и одинока наедине с собой? Осознаешь ли ты в полной мере, что именно в этом возрасте свобода и состояние даже вынужденного легкомыслия настолько сильны, что желание чужой власти, кроме секса в наручниках, больше ничего не значит? Ты хочешь ворваться в ее жизнь и сломать ее прежний мир в тот момент, когда она только начала им жить. Самый возраст такой, есть еще несколько лет, до того, как институты останутся за спиной и жизнь шарахнет по голове своей жестокостью и нежеланием прислушиваться к чужому мнению. Ты сейчас для нее угроза. По-моему, все закономерно.

— Алекс, у тебя были сабы ее возраста. Причем многие даже не догадывались об этом — я имею в виду, о своих желаниях принадлежать, ты их сам ввел в Тему, и очень быстро. Я запутался. Я просто не могу без нее. Почему по-хорошему ничего не выходит?

— Ответ. Когда вы расстаетесь, о чем она думает? Улыбается, вспоминая вашу встречу, или страдает от чувства вины до глубоких слез? Каким было ее детство? В любящей, счастливой семье, с искрометными праздниками и любовью родителей и родственников — или же она бежит от него прочь, считая это самой большой трагедией своей жизни? Пережила ли на хоть раз несчастную любовь, оставившую шрамы на ее сердце? Не столкнулась ли она с насилием — любым, даже моральным, и не обязательно от мужчины? Ты задавал эти вопросы хоть раз, хотя бы себе? Пойми, в твоей одержимости отсутствует даже само желание это делать. Ты изначально видишь в ней Вещь. Пойми, не бывает так. К вещизму еще нужно прийти. Не разобравшись в ее психологии, ты нанесешь ей очень сильную травму. Ты осознаешь, какая это ответственность?

— Я никогда не обижу ее, если она признает себя моей. — В этот момент я сам верил в то, что говорил.

— Как она может признать, если не ощущает себя с тобой в безопасности? Я видел ее в неформальной обстановке. У нее своеобразный психотип, и твои методы оттолкнут ее еще дальше.

— Ты... видел ее?! Когда?

— Дмитрий, это не имеет значения. Ты мой ученик, и в попытке защитить ее от тебя, если понадобится, я пойду до конца. То, что ты наговорил на автоответчик, только подтверждает мои опасения. Поверь, я видел, к чему приводит одержимость. И заметь, это при том, когда оба партнера в Теме. Эта же девочка наверняка кроме "50 оттенков серого" ничего больше не читала. Ее надо было если и подводить к этому, то очень мелкими шагами, а теперь, увы, этот момент упущен. — Анубис помедлил. — Дима, я к тебе... С просьбой, если хочешь. Оставь ее. Ты просто ломаешь чужую жизнь. В клубе появились две новенькие, в субботу обе будут на пати "стального шибари". Приезжай. Присмотришь. Уйми свой голод и подумай, готов ли ты просто ради красивого тела и взгляда ломать жизнь совсем еще девчонке.

— Ты следил за ней. — Ярость смела все преграды. — Алекс, какого хрена? Может, ты сам положил на нее глаз, и уже цепь подписал ее именем? Только не советую продолжать, эта дикая кошка вынесет тебе мозг!

— Я прощаю тебе твое неадекватное поведение, Дмитрий. — Анубис сделал знак официанту, давая понять, что ужин близится к завершению. — Мне понятно твое восприятие

в штывки. Я тебе не отец и не босс, чтобы читать нотации. То, что ты не видишь дальше собственного эго — наверное, это мое упущение как Наставника. То, что тематики города сходят с ума, пропагандируя вседозволенность — может, следствие моего нежелания перенимать радикальные методы. И все же, на мне гораздо больше ответственности за то, что ты пытаешься предпринять. Я хочу защитить не столько ее. Она мне никто. Но ты, поддавшись своей одержимости, поставишь под удар и себя, и ни в чем не повинную девчонку. Я все же очень надеюсь, что наш разговор не прошел для тебя бесследно. Отпусти ее. Хотя бы на время, до той поры, пока она не будет готова. Это совет даже не учителя, а друга. Не теряй свое Я из-за дьявольского искушения. Она просто не та. Смирись.

Я потянулся за бумажником, но Алекс царским жестом остановил меня. Вложил в кожаную папку купюры, еще раз посмотрел долгим, изучающим взглядом. Я пожалел, что официант унес пустой стакан — желание занять чем-то руки было нестерпимым.

— Не понимаю, когда я упустил тебя, — задумчиво произнес он. — Когда твоя жажда власти вышла из-под контроля. Остается лишь надеяться, что все было не зря, и ты проявишь благоразумие.

...Я не помню, как я оказался у подъезда Юлькиного дома. Меня трясло. Вовсе не от похмелья. Разговор повлиял на меня совсем иным образом. Дословно — выслушай и сделай наоборот.

Я по-прежнему восхищался мощной волей и мастерством своего Наставника. Он был наглядной иллюстрацией того, к чему я осознанно стремился все это время. К подобной власти. Уверенности. Беспощадности. Разумности. Умению влиять на всех без исключения. И в то же время...

Говорят, всему без исключения молодому поколению в той или иной мере свойственны радикальные взгляды. Наивно полагать, что речь идет лишь о подростковом периоде. В моем случае радикальность сейчас обрела осязаемую форму.

Взгляды Анубиса устарели. Что ж, я мог понять его острую приверженность к соблюдению всех правил и постановке интересов нижних выше своих собственных. Раньше тематические пары держались друг за друга железными тисками. Поиск был затруднен настолько, что не ценить с трудом найденное было просто невозможно. В эпоху интернета и информационного потока эта проблема исчерпала себя.

"Это БДСМ, детка, тут могут и ремнем отодрать", — вспомнилась мне хлесткая фраза из просторов вышеупомянутого тырнета. Довольно пытаться казаться лучше, чем мы есть на самом деле. Мы долбаная каста осознавших и принявших самих себя. Но что толку мучиться и страдать, не имея возможности получить желаемое?..

Юлькин телефон молчал. Я огляделся по сторонам. Не смотря на позднее время, лавочка у подъезда была усеяна респектабельного вида старушками. Этакая городская элита пенсионного возраста. Прислушался. Да, город ли, пригород, деревня — ничего не меняется. Кто на чем приехал, кто во что одет, ко с кем уехал, по кругу, через равные промежутки между перемыванием костей правительству и реформам. Дернув плечами — я наверняка готовился быть новой темой в их обсуждении, — я решительно вышел из машины и подошел к двери. Код. Я его не знаю. Засада!

Трио пенсионерок как по команде замолкли, и я оказался под прицелом трех пар любопытных перекрестных взглядов.

— Чегой-то, сынок, ключи забыл? — в предвкушении развлечения проворковала бабуля в вишиванке с шиньоном в седых волосах. Я обернулся, нацепив одну из своих самых

обаятельных улыбок.

— Добрый вечер, леди! Да у меня невеста трубку не берет... вот договорились встретится... как бы в ванной не уснула, зальет же соседей!

— Ой, а кто твоя невеста? — респектабельная дама в шляпке и деловом костюме, наверняка, заправила местного совета пенсионерок, от усердия даже подалась вперед. Поколебавшись, я ответил:

— Юлечка. Красивая такая, длинные черные волосы... 46 квартира.

На миг повисла тишина, затем, плотоядно улыбнувшись, дама в шляпке потерла руки с довольно-сочувствующим видом.

— Так свиристелка укатила-то около часу назад... Приехали такие страшные охламоны на мотоциклах, все в черном, как им не жарко-то в коже... Она к одному из них запрыгнула и покатили...

— Сатанисты це! — уверенно изрекла националистка. — Я по телевизору бачила, вони кров пьют, та твоя дивчина така ж, як и вони! Теж у чорне вдяглася та поихала...

— Пална, что ты такое городишь? — вмешалась третья. — Ты, сынок, не слушай ее. То бакеры были, я знаю, зять внуку тож такой бак подарил на именины!

— Та вона ж така, навить не поздоровается. Оти били банани в вуха та пишла, а ще вона курить и мени дим до скважини пускае, гадае, я не здогадуюся!

— Их целая толпа приехала, — доверительно добавил клон королевы Елизаветы, — Семь охламонов и еще одна девочка. Так та со всеми целовалась, вот срамота!

— Синку, кидай цю Юлю, вона тебе не варта! А в мене онука гарна, малюе, навчається в інститути культури. Гарна наречена тобі буде! И не курить!

Я услышал достаточно. Кровь закипела в моих жилах с прежней силой. Анубис, иди нахрен со своей программой лояльности. Я тебе покажу новую трактовку БРД. И посмотрим, кто окажется прав! Если суки по хорошему не понимают, будет по-плохому!

— Спасибо, леди... — чтобы не лишать их шоу после своего ухода, я горемычно закатил глаза. — О, за что мне все это! Я ж ее так любил, так любил!

Пришлось срочно ретироваться, выслушав, какой я хороший парень и как мне еще повезет. Вслед мне доносились восторги о том, что не вся молодежь исчадие ада. В глазах пенсионеров я на вечер как минимум стал ангелом с небес.

Домой я в ту ночь так и не уехал. Я дождусь эту суку. И это будет мой последний разговор по-хорошему. И лучше бы ей все понять с первого раза.

Наверное, подсознание вместе с интуицией уже кричало о том, что хрен кто ко мне прислушается. Все благие намерения постепенно застывали льдом. Из ниоткуда... вернее, из моего разорванного на части сознания рождались планы, по своему объему и коварству не уступающие планам, которые приходилось воплощать в жизнь прославленным злодеям истории. Он был еще зыбким и шатким, только обретающим свою истинную форму, но не менее страшным от этого. Наверняка, мне понадобится помощь отца. Не так давно я оказал ему услугу, за которую он обещал помочь в силу своих возможностей. Что ж. Папа — человек слова. Осталось только ждать...

Юля

Быстрее ветра — это было довольно мягким определением. Я бы назвала это "Вище неба". Такой скорости едва ли достигают Льюис Хэмилтон и Камуро Кабаяси во время чемпионата "Формулы — 1". Да, я люблю именно этот вид спорта по телевизору, если кто не знал! Да, для меня имя Хэмилтона ассоциируется со скоростью, скрипом шин, ревом

мотора и жженной резиной гораздо больше, чем с умопомрачительной Николь Шерзингер. Но я, пожалуй, отвлеклась.

Когда мы прибыли на место назначения — обширную поляну, окруженную высокими соснами, я поспешно соскочила на землю и чуть не свалилась с ног. Сказывалась нереально быстрая езда и чистый кислород, приправленный озоном. Давно я не была на природе!

Брюс с какой-то снисходительной улыбочкой придержал меня за талию. Невысокий, крепко сложенный, этакая смесь Вин Дизеля и Брюса Уиллиса, с умными глазами и галантным спокойствием, невзирая на иронию. Покровительственная ухмылка меня взбесила, но я, вовремя взяв свой гнев под контроль, бросила на него беззащитный взгляд ребенка, потерявшего любимую куклу. Я знала, что это будет переломным моментом. Сарказм тут же слетел с его мужественного лица, и в следующий момент он поспешно откупорил бутылку минералки и заботливо понес к моим губам.

— Я без тормозов, прости. Подожди-ка...

Меня любят носить на руках подобные ему мужчины. В этом случае моя сила была воистину в моей слабости. Уже спустя минуту, подняв меня в воздух, грозный байкер осторожно внес меня в круг своих соратников у костра. Мужчины как по команде прекратили разговоры при виде такой панорамы, немногочисленные телки многозначительно фыркнули, помимо воли вынужденные мириться с моим присутствием, а, судя по поступку Брюса — еще и с рейтингом. Ничего нового, как правило, в мужской компании всегда есть дочери Евы, которым я как кость в горле. Лишь одна мне приветливо улыбнулась — стройная, с короткой стрижкой, в черном корсете и кожаных шортах. На вид ей было лет 25, я, не запомнив имени, мысленно окрестила ее Элис — из-за легкого сходства с озорной вампиршей из "Сумерек." Она не подходила к костру, а попивала из банки пиво, полулежа на красивом агрегате белого цвета с выполненной готическим шрифтом надписью на баке — "Мій корабель — піратська шхуна, такі вмирають не в порту". Еще я запомнила четырех особо колоритных парней в банданах и кожаной экипировке, которым меня незамедлительно представили. Элька щелкала фотокамерой, я не успевала ей позировать снова и снова. Фото в окружении brutальных мачо и их железных коней обещали быть ошеломительными. Брюс на какое-то время утратил ко мне интерес, дезертировав в мужскую компанию, а я, воспользовавшись случаем, отошла в пролесок выкурить сигарету. Парень в декоративной косухе приветственно кивнул мне, направляясь к костру с двумя бутылками виски в руках, и на короткий миг меня словно обдало кипятком.

— Дима?

Нет, это, конечно же, был обман зрения. Я нервно закурила, треснув кулачком по сосновому стволу. Чертов эмпат! Почему он даже здесь не может оставить меня в покое, все время мерещится? Кристиан Грей недоделанный. Сволочь. Хренов варвар. Черт... Я едва не застонала в голос, ощутив, как неотвратимо затапливает тело запретная волна знакомого мне вождения. Я почти считала этого мужчину, его природу, и меня пугала эта беззащитная, желаемая готовность склониться перед грубой силой по-настоящему.

— Юля, ты здесь? Не отходи далеко от лагеря, — Брюс вышел из темноты и протянул мне жестяную банку. — Держи.

Я улыбнулась. Потерла слегка оцарапанные костяшки пальцев о ладонь и, не глядя, сделала глоток. Пить хотелось жутко. С первым глотком горькая, прохладная жидкость заставила меня скривиться.

— Пиво?

— Не угадал, — Брюс развел руками. — Возьми кока-колу. А чего убежала? Обидел кто?

— Нет, я...

Договорить я не успела. Его губы внезапно с поразительной нежностью и мягкостью накрыли мои. От шока и возмущения я на миг затаила дыхание, но уже в следующий момент распробовала ласку этого романтического поцелуя. Как мне не хватало нежности в свете последних событий! Вадима я не взяла в расчет, в нем всегда неуловимо присутствовала некая отстраненность, а Дима... Какая нежность у е. ного садиста?

Мысли о Димке смело теплым приливом эйфории, погасившей, растворившей чувство опасности и легкой обреченности, терзающее меня в последние дни. Не думая больше ни о чем, благодарная за чувство защиты и уважительного восхищения, я обвила его шею руками, ощутив ответные нежные прикосновения пальцев к моему затылку. Этот человек не собирался тянуть меня за волосы и причинять мне боль!..

Брюс отстранился первым. Мои глаза еще оставались предательски зажмуренными. Почему бы и нет. Я не заслужила одержимости гребаным демоном по имени Дмитрий.

Вечер набирал обороты. По традиции, не иначе, были танцы у костра. Подоспел изумительно вкусный шашлык, идеально сочетающийся с грузинским вином. Но никто не успел опьянеть, ибо далее в программе было стантрайдинг-шоу.

— Ангел ночной дороги, зажигательная Мила! — прокричал кто-то, и понравившаяся мне девчонка, оседлав белоснежного железного коня, выписав дугу, заняла позицию на старте.

— Удачи, Мила! — искренне пожелала я, восхищаясь этой обаятельной валькирией.

Едва коснулся асфальта шелковый шарф, белый «Сузуки» встал на дыбы на заднее колесо, огласив пустынную трассу зажигательным воем. Девушка словно исполняла страстный танец соблазнения, в котором смешалась первобытность и новшество технологий одновременно.

— Капитан Брюс, бесстрашный воин одесского побережья, король Затоки!

Дальше началась невероятная фантасмагория. Танец жженных шин, железа, рева двигателей и балансира на колесах с фигурами высшего пилотирования. Я наблюдала за ними во все глаза. Похоже, я тоже хочу байк. Красный. Надо намекнуть Вадиму. И взять контакты этих ребят, чтобы было, кому обучить покорению железного монстра.

— Ты прямо... Крис Пфайфер! — потрясенно выдала я Брюсу, чем изумила его еще сильнее. Не ожидал, что я знаю, кто это такой!

В три часа ночи мы с Брюсом вместе покинули эту шумную компанию. Мне было впервые за все время просто офигительно хорошо, когда мы вдвоем летели по практически безлюдному спящему городу. Я все время порывалась повторить фигуры Элис в виде ласточки, за что он обещал надрать мне уши в своей почти отеческой манере.

...Целоваться мы начали уже в подъезде. Нежно, захватывающе, словно подчиняясь тантрическим постулатам. Никаких африканских страстей с расчленением одежды и скидыванием ее прямо на лестничной клетке. Не заметили, как оказались в квартире и телепортировались в душевую кабину. Я растворялась в обволакивающей нежности сильного мужчины, покрывая горячими поцелуями его грудь с росписью красивых татуировок. Особенно мне понравилась одна, в виде дракона с инь-янь символом в зубах. Резкая ассоциация заставила прервать поцелуи, отрезвив уплывающее сознание.

— Как красиво, — мой голос был хриплым. — А что означает инь-янь, но разделенное

на три сектора? Вот так еще... — я прочертила языком на его груди изогнутую диагональ, приготовившись услышать, как таинственный клуб отнесут к резиденции сатанистов или гестаповцев.

— Я не знаю, — так же хрипло отозвался Брюс. Капли влаги блестели на его загорелом теле. — Это не байкерская символика. Хотя однажды, в Донецке, я видел нечто похожее. На полу художественной студии. Очень большой был...

Его рука ласково легла на мой затылок, перебирая волосы, и все мысли о татуировках, значениях и символах вылетели из головы прочь.словно в сладком полусне я опустила на колени и с особым, подпитываемым нежностью удовольствием сомкнула губы на восставшем мужском стержне, позволив языку выбрать произвольный темп. Не прошло и минуты, как мои старания увенчались успехом, а свою порцию жарких оральных ласк я получила уже в спальне.

Нежность брутального байкера унесла в неизведанные края. Именно так и должно быть. Мы хрупкие и ранимые создания. Сила мужчины не в подчинении и доказательстве превосходства. Сильным людям такие методы не нужны. В голове возникли строки, наверное, отмеченные где-то в просторах интернета:

Не раньте Ангелов словами.

Они открыты, словно дети.

Дарите ласку им. За ней

И сходят к вам созданья эти...

Утром я проснулась бодрая и счастливая. Умиротворенная. словно не было бессонной ночи и жалкого часика урывочного сна между нежным занятием любовью. Этой ночи и нежности своего любовника я точно никогда не забуду. Вадим по сравнению с ним выглядел роботом, а Дима... Меня пугали все намеки на его нежность, она всегда таила в себе нечто зловещее.

Брюс рвался отвезти меня домой на своем "Харлее", но я настояла на такси. До прибытия машины мы успели еще раз это сделать на кухонной столешнице. Он очень жарко и нежно расцеловал меня на прощание, и я покинула его квартиру со счастливой улыбкой на губах. Мы оба знали, что вряд ли увидимся снова; никаких обещаний, обмена телефонными номерами и предположений. Я ощущала себя повзрослевшей. Независимой и уверенной. Никогда не понимала своих подруг, которые после таких вот всплесков страсти продолжали строить нереальные планы, вплоть до потомства и букетиков на бамперах автомобилей.

...Я танцевала в кухне в ожидании горячего эспрессо. Ловила отражение в зеркалах межкомнатных дверей и удивлялась, почему после такой бессонной ночи кажусь себе еще красивее. И почему глаза такие непозволительно яркие и сияющие.

Звонок в дверь не вызвал даже удивления, лишь неопределенное пожатие плеч. Налив кофе, я, пританцовывая, направилась к двери, готовясь послать в лес очередных свидетелей Иеговы, которым какого-то члена не спится в 8 часов утра. Безжалостно улыбнулась, открыв ряд замков...

Дерзость замерла на моих губах. Его взгляд в одно мгновение парализовал меня, отсчитывая секунды до панической атаки. Пальцы ослабели, и я поспешно поставила чашку на полку, прекрасно понимая, что еще чуть-чуть, и залью ковровое покрытие.

— Ты?! — состояние аффекта вызвало непонятный виток смелости. — Я что, приглашала тебя?

— Нагулялась, любимая? — резко распахнув дверь, Дима ввалился в коридор. Я не

успела отреагировать — мое запястье прошибло сотней игл от его грубого захвата, заставив зашипеть от боли.

— Охренел?! Так свою маму будешь тискать, ты...

Оглушительная пощечина. Звон в ушах.

— Топай в комнату, тварь. Поговорить надо.

Слезы от резкой боли, теперь уже в немеющей щеке, застлала мои глаза. Я не сдвинулась с места. Дмитрий же решил это радикально — вцепившись мне в волосы, грубо толкнул вперед.

— Сними обувь... — тупо проронила я, не до конца осознавая происходящее. То ли от боли, то ли от шока. Но он словно не расслышал. Удар ногой... Слава богу, в двери — они лишь чудом не слетели с петель. Не успела я мысленно возмутиться, как невиданная сила подняла меня в воздух, аукнувшись нешуточной болью в ребрах, и я оказалась просто брошенной поверх так и не разобранный кровати. Вместе с осознанием этого, вспышками боли в разных частях тела и его ледяным, почти безумным взглядом проснулся ужас. Самый настоящий, липкий, беспощадный, сжимающий горло в тиски и не позволяющий кричать.

— Где твой телефон?!

Что? Он что-то сказал?

Новый всплеск пламени, уже на второй щеке. Я всхлипнула.

— Т... Там заряжается... — его глаза были лишены эмоций, но я ощущала физически, как эта ледяная жестокость рвется наружу, грозя затопить меня. Это было выше моих сил. Чтобы не разрыдаться, я зажмурилась. Но инстинкт сохранения пересилил, заставив наблюдать из-под опущенных ресниц.

Он вырвал телефон вместе с проводом зарядного устройства и улыбнулся одними губами. Такая улыбка могла бы стать последним из того, что можно было увидеть в жизни.

— 48 вызовов. 48! Я тебе что, пацан сопливый?! Я к тебе обращаюсь, сука! 7 из них сброшены. Ты в игры решила играть? Ты не доросла до этого, поняла?! Если я начну с тобой играть, тебе жить больше не захочется! Уяснила?

— Не ори на меня! — почти прорыдала я, инстинктивно отползая в центр кровати и пряча лицо за растрепанными волосами.

— Разве я ору, сладкая?

Он действительно не орал. Более того, не повысил голос ни на тон. Выпрямившись и не сводя с меня долгого взгляда, отшвырнул телефон в кресло. Хорошо, что не "ап стену"

Повисло гнетущее молчание, прерываемое лишь моим сдавленным дыханием и стуком моего сердца. Я задыхалась в ожидании неизбежного. Такой ужасный, унижительный контраст после ночи с нежным и галантным Брюсом! Такая мерзкая слабость и страх. Просто страх.

— Где ты была, Юлечка? И что это на тебе надето? — приблизившись вкрадчивым шагом, он резко рванул мою футболку на себя, и я, не сдержавшись, закричала. И снова, совсем легкий, но от того еще более пугающий удар оборвал мой рождающийся вновь вопль на полуаккорде.

— Я не пацан, дорогая, чтобы ночевать в машине под твоими окнами. В прятки играть решила? Только со мной такой номер не прокатит. Если мы вместе, ты будешь делать только то, что я тебе скажу.

— Ты себе голову в машине не отлежал? — почти взяв под контроль рыдания, отчаянно прокричала я.

— Застегни свои губы. Хотя нет. Всем байкерам отстрочила минет, или остались неудовлетворенные? — Его глаза прищурились. — Тебя отодрали прямо на мотоцикле, или удосужились поставить раком на земле? Понравилось?

Он сел рядом, подвигаясь все ближе и ближе. Его абсурдные обвинения разрывали мое сознание. Но, несмотря на вспыхнувшую обиду и страх, всю дерзость смело всепоглощающей волной власти одного только его взгляда. Я ненавидела себя за это, но в данный момент мое существо желало только одного.

Подчиниться.

— Сейчас ты отсосешь мне так, как ни для кого из них не старалась. — Его рука вцепилась в мои волосы. — Я был мягок с тобой, но пора начать тебя воспитывать. Давай, — рывок за волосы вниз, к ширинке. — Никаких рук, расстегивай губами.

Словно загипнотизированная этим властным безапелляционным тоном, я покорно склонила голову, плохо соображая, что делаю... но тут ясность разума вернулась. Может, потому, что я перестала видеть его взгляд. Да, этого оказалось достаточно.

— Я не буду!

Хватка руки стала грубее.

— Я кричу! Твою мать!

Шлепок по губам. Жестокий шок от произошедшего вновь поверг меня в пучину. За секунду до того, как его пальцы поспешно расстегнули ремень и молнию.

— Кричи, — он не позволил мне поднять глаза. — Давай, работай.

Я рванулась в сторону, когда головка возбужденного члена скользнула по моим губам.

— Вот так! Давай, сука, покажи класс.

Что заставило меня так покорно взять его почти на полную длину? Опомившись, я резко отпрянула. И тут же чуть не разрыдалась от отчаяния. Он держал свой мобильный в ладони, а объектив камеры зловеще подмигивал.

— Завопишь, взорву Youtube, — спокойно пообещал мне этот ипанутый садист. — С припиской "трудовые будни отличницы Беспаловой".

Я оказалась в западне. Но вот странно, все-таки, устроен человеческий мозг! Ярость проигнорировала все обстоятельства, которые были не в мою пользу. Вместо униженной мольбы стереть эту запись — о том, что я могу этим роликом создать проблемы ему же первому, я тогда не подумала, — я перешла в атаку, проигнорировав ужас. Воистину, лучшая защита — нападение!

Хватка ладони в моих волосах стала еще грубее, но я проигнорировала боль. Отвлекающий момент пришел на ум внезапно.

— Дам кем вы, уроды хреновы, возомнили себя, вашу мать?!

Дима на миг растерялся. Затем, до боли сжав пальцами мой подбородок, потянул вверх, вынуждая посмотреть в глаза. Только меня было уже не остановить. Ужас не исчез... Но протест вместе с возбуждением высвободили просто отчаянную храбрость. Игнорируя внезапно намокшие трусики, я вырвалась из этой стальной хватки.

— Почему твой друг послал Лекси?

Дима отпустил мои волосы. Вряд ли он ожидал такого вопроса. Сталь в его взгляде начала плавиться.

— Юля, не твое дело. Они взрослые люди и сами разберутся.

— Взрослые?! — нервно захохотала я. — Скажи об этом своему долбаному другу! Вы не много на себя взяли? Один решил доказать свою крутость, обидев девчонку, по которой

сохнет пол-академии! Это что, попытка выглядеть типа мачо! Чмо он, а не мачо, да и второй тоже хорош! Врывается ко мне и устраивает шоу с угрозами! Что вы там курили, оба?

— Юля, смени тон.

— А ты вообще закрой рот! Ты вломился в мою квартиру с угрозами и попыткой принудить к оральному сексу. Еще снимал это на телефон! В твоих же интересах ее стереть, потому что я вызову ментов и они примут тебя с этим вещдоком! Ты знаешь законы, дорогой?!

Я несла чушь. Максимум, что сделают менты по приезду — это возьмут с него мзду, пожелают счастливого вечера и с удовольствием посмотрят этот мерзкий короткометражный фильм. И счастье еще, если не попросят перекинуть себе. Я рано повзрослела и поняла перипетии жизни. Добрый дядя Степа не посадит в тюрьму этого бандита. Его вообще не существует... Но меня было не остановить. Я намеревалась обороняться до конца, прекрасно понимая, что сама себя погружаю в страшную пучину под названием Мужская Одержимость. Понимая, — но не делая никаких попыток это прекратить — адреналин жег мои нервы, прогоняя страх.

— Послушай, ТЫ! — я вскочила с кровати и подбежала к окну. — Да, у меня ночью был секс! Нет, у него не длиннее, чем твой! Нет, у него не больше денег, чем у тебя! Нет, я отдалась ему не потому, что он грозил прикрутить меня цепями и всыпать ремня! Наоборот, я сделала это потому, что он знает, как надо обращаться с женщиной! Потому, что он лаской может получить все, что ты никогда не получишь силой! Ему не надо тащить меня за волосы в пещеру — он идет в ногу со временем, в отличие от тебя! Мы живем в цивилизованном мире, но не все, подобно тебе, оправдывают свою несостоятельность силой! Ступай и найди себе достойную весовую категорию! Еще немного, и ты пойдешь издеваться над детворой в песочнице!

Я ощутила тяжелое напряжение, повисшее в комнате. Он не сводил с меня глаз.

— Ты гребаная проститутка. — Кривая ухмылка изогнула его губы. — А знаешь, так даже гораздо интереснее. Ты сама расширила допустимые пределы. Теперь я знаю, что первым делом исключу из перечня твоих первоочередных табу.

— Дима... С. бись из моей жизни нахрен. Думаешь, меня некому защитить? — Зачем, казалось, убийце убивать убийцу убийцы убийцы, но Дарью Донцову было уже не остановить. — Один звонок, и тебе твою коллекцию извращенца запихают в... В общем, туда, куда никогда солнышко не заглядывает! И тому уроду передай, вы заигрались! Только мы с моей подругой не бедные сиротки, может и аукнуться!

Тогда я еще не понимала, как была близка к правде... Но он был к ней гораздо ближе.

— Юленька, — его словно позабавили мои слова, которые были призваны разметать в клочья мужскую гордость. — Ляг, поспи. Тебе от езды на мотоцикле башку продуло. А засыпая, повтори себе как отче наш, что это был последний раз, когда ты со мной так разговаривала. Однажды ты окажешься в ситуации, когда острый язык тебя не спасет. У жизни тоже есть чувство юмора.

— Не ты ли меня, случайно, в эту ситуацию загонишь?

— Все может быть. Ты хороший игрок, девочка, но есть игроки повыше уровнем. — Он встал, окинув меня пугающим, оценивающим взглядом. Рабыня на рынке. Я поежилась. — Хорошо. Нам надо поговорить по-цивилизованному. Сейчас не получится. Вечером я заеду за тобой, и в твоих же интересах держать телефон включенным и никуда не свалить. Потому что запись останется у меня. От тебя зависит, сотру я ее или размещу в интернете. И сними,

наконец, эту футболку, выглядишь, как байкерская шляха!

— А мне нравится! — проклиная себя за вернувшийся страх, ответила я, погладив рукой цепочки. При этом жесте его глаза загорелись, но улыбка внезапно обрела чувственный окрас.

— До вечера, Юля. Я закажу столик в ресторане. Искушение большое, но в моей спальне нам не поговорить. И одень платье. Это моя просьба. Ты же не откажешь мне?

Я не ответила. Через минуту дверь за ним захлопнулась. Выждав немного, я вышла в коридор. Кофе остыл. Может, к лучшему? Я выбила сигарету из пачки, намереваясь закурить, и...

Ситуация вышла из-под контроля. Нервная дрожь захватила моментально, безжалостно, насытив кровь норадреналином. Горло сжало, вместе с ним острое чувство тревоги и незащитности накрыло полностью. Первые слезы потекли по моим щекам, не желая останавливаться, не прекращаясь, подводя к грани отчаянных рыданий.

Мне было страшно. Пусто. Дико. Тупик. Спустя жалкую минуту я редела в голос, чего уж таить, захлебываясь соплями — отбросим сантименты. Настойчиво трезвонил мобильник, затем — скайп... Мне было все равно. Голова разрывалась от этого трезвона, я ответила звонившему по скайпу лишь для того, чтобы послать его нахрен.

— Юля! — Опешила Лена, от изумления размазав тушь по скуле. От этого возгласа я разрыдалась еще сильнее.

— Перестань! — заорала Лена, явно тряхнув монитор. — Что с матерью?! Настя?! Да прекрати ты реветь!

Я не помню, что ей отвечала... Что-то про то, какой урод Дима и как мне страшно, что я опасюсь за свою жизнь и прочий высокопатетический флуд. И именно в этот момент на меня снизошло озарение, усилив мои рыдания до критической точки.

— Блядь, я хочу этого мужчину! Я хочу этого мудака! Мне плевать, что у него плетка и нет мозгов!!! Ленка! Ну почему он не может меня по-нормальному?! Почему он такой енутый?! Как мне это терпеть?! Как?!

Захлебываясь в слезах, отрицая советы подруги, одно дельное напутствие я все же получила. Даже два. Первое — это надеть то самое красное платье длиной ниже колен с декольте. Второе... Капли в зареванные глаза. Кажется, еще поговорить с ним начистоту и рассказать о своих страхах.

Но вот последнее моя гордость похабно проигнорировала.....

Кто здесь Охотник, и кто оказался смелее.

Она не умеет сдаваться? Да ладно, Она умеет...

(с)В Засаде

Дима

Юля была великолепно. Во всем

Не испугана, не зажата, нет. Развести ее на эти эмоции еще можно было за закрытыми дверями спальни, на людях же — невозможно. Иногда мне казалось, что ее смелости и внутренней силы хватит даже на то, чтобы перед смертью смотреть в глаза своему убийце, не замечая замершей в ожидании толпы. Наверное, в этот момент я кое-что понял. Понял, на кого она была так похожа.

На каждую из саб Анубиса.

Не имело значения, что именно этот Версаче от Темы делал с ними за кулисами студий или своих особняков. Наверняка он разматывал душу подобных красавиц с холодными сердцами до самого основания, вытягивая на свет все их тайные страдания, отравляющие жизнь, чтобы очистить их пламенем своей абсолютной власти, заставить пылающими слезами излить эту боль в никуда, чтобы после собрать воедино, принося с собой чувство освобождения. В его руках ледяные сердца снежных королев умели пылать и отогреваться, — не имело значения, что после расставания им вновь приходилось крушить стены жизненных преград и заколачивать свои гвозди. На виду у толпы они были рядом с ним Леди. Леди — не в плане дорогих туфель от Prada, хотя Алекс любил, когда его спутницы выглядят, как ожившие рекламы журналов. Готовые по одному движению руки пасть на колени — но всегда твердо зная, что он этого от них не потребует. Такому, как он, не нужны были дешевые проявления своей авторитетности на людях.

Юля улыбалась, словно не было моего утреннего срыва тормозов, а я готов был расцеловать ее за столь прямолинейное послушание. Маленькое черное платье с глубоким вырезом и кружевной сеткой на рукавах сидело на ней просто умопомрачительно. Я испытал непреодолимое желание расцеловать полоску загорелой кожи декольте, но ее ледяная, выверенная невозмутимость остановила от этого шага.

— Долго будешь пялиться? Поехали.

Нет, Леди Анубиса никогда не использовали такие фразы. Я едва не рассмеялся. Зубки у малышки, что надо. Наверняка в глубине души напугана до чертиков, но виду не подает.

Сегодня ей ничего не угрожало. Я был настроен исключительно на разговор. На тот самый, который должен был состояться изначально, не утратить я рассудок от ее непокорного эротизма. Я сразу дол

жен был расставить все точки над *i*. Да, был риск, что она пошлет меня к людям в белых халатах — но на той стадии знакомства я бы пережил разрыв толком не начавшихся отношений. А отсутствие одержимости вполне сыграло бы на руку — наш темный мир можно преподнести и с иной стороны, которая пробудила бы в ней азарт, а не страх и раздражение. Хотелось верить, что после моего утреннего шоу момент не был упущен. Как бы то ни было, сегодня я был намерен проявить поистине патрицианское терпение и великодушие, удержать себя в руках и включить свой дар убеждения на полную мощность.

Мы приехали в ресторан без особых происшествий. Не считая ее провальной попытки

поиграть на моих нервах — такие игры были мною заранее просчитаны. Я спокойно игнорировал ее получасовой треп по мобильному с какой-то Леной из Крыма. Только пожал плечами, когда она треснула кулачком по кнопке стеклоподъемника и закурила в открытое окошко, невзирая на капли мелкого дождя прямо в лицо.

— Не продует?

— Не беспокойся. — Юлька выгнула спину, платье сдвинулось, заскользив по коже, открывая загорелые колени, которые давно просили жестких досок паркета. Я ухмыльнулся своим мыслям и сосредоточился на трассе. Какие примитивные игры.

В ресторане было немногочисленно. Я еще с утра заказал самый лучший столик, который, по моему восприятию, подходил под звание "зона комфортного расслабления". Юлька успела подарить пару-тройку роковых улыбок немногочисленным посетителям мужского пола, наплевав на то, что все они были со спутницами — в силу возраста или внешности, уступавшими ей во всем. Скосила взгляд на меня, и, нарвавшись на маску невозмутимости, недовольно сжала губы.

Не будет по-твоему, девочка. И, если сегодняшней разговор не завершится в мою пользу — по-твоему не будет уже никогда.

Я сделал заказ, не дав ей опомниться. Юлька попыталась надуть губки и хоть как-то уровнять положение.

— Я хочу мартини!

— Прекрасный выбор. Я буду сок.

— А что так? — язвительно прошипела эта дерзкая красавица. — Когда это алкоголь мешал тебе управлять авто?

— Никогда не мешал с авто. Он помешал мне сегодня утром.

Юлька вздрогнула, покраснев.

— Дима, запись. Ты обещал.

— Конечно, милая. — Я протянул ей телефон. — Сотри сама.

— А...

— Ты всерьез думала, что я запущу это в сеть? — я погасил улыбку, захватив ее взгляд. — Отвечай. Ты реально так думала?

Она хотела, чтобы я испытал за это чувство вины. Но на деле... возможно, ее это даже завело. Как бы ни хотела соврать, я ей этого не позволил, удерживая сознание, словно блокируя своим взглядом.

— Н...нет. Я так не думала. — Она покраснела. Мило. Попыталась скрыть этот предательский румянец, отыскав что-то жутко интересное в мозаичном полу. Так не хотела признаваться сама себе, что начала принимать мою власть. Еще будет сопротивление, ненависть, вопли и слезы, и будут долго. Но результат стоит того, чтобы ждать.

Дождавшись аперитива, я сменил тактику, намереваясь немного усыпить ее бдительность.

— Юля. Я считаю, что должен извиниться за то, что было утром. Но ты должна понять, что я не съехавший с катушек псих, который искал повод сорваться с тормозов и, в итоге, его нашел. Можешь сейчас язвить и не верить, но я за тебя переживал. Знаешь, сколько всего за ночь я передумал? Твой телефон молчал. Хотя могла всего лишь ответить и сказать, что все у тебя в порядке, даже если занята. И, если у нас отношения — я хочу, чтобы ты впредь информировала меня о своих исчезновениях.

— А у нас отношения? — ухватилась за спасительный канат Юля. Мои извинения

словно прошли мимо.

— Юля, мы вернемся к этому разговору еще сегодня. И не стесняйся, будь откровенна. Если тебе нужно время — оно у тебя будет. Что-то пугает — я хочу знать, что именно. Нет ведь преград, которые не преодолеть, так? Нас изначально занесло немного не туда. Почему бы, как говорится, не стереть старый файл и не открыть новый? Даже если этому будет предшествовать дефрагментация диска.

— Поэт, — нерешительно улыбнулась Юлька.

— Иногда, — лед тронулся. Пора было вручить подарок. — Возьми, это тебе. Только прошу, открой дома.

— Спасибо. Там, надеюсь, не ошейник? — Юля спрятала золотую флэшку в упаковочной фольге в сумку, и вновь смущенно улыбнулась. Я слегка прикоснулся бокалом к бокалу в ее пальцах. — Нет, размер не тот, — уже смелее заключила она. — Спасибо еще раз.

Вытянув руку, я сжал ее пальцы. Решительно и нежно, настойчиво и ласково одновременно, явно представив, как перетекает через это пожатие моя воля в ее сознание, опутывая многообещающей паутиной сладкой неизведанности, сметая преграды испуга и протеста, ломая между нами лед и открывая путь чему-то новому... И в тот же момент в спину укололо ощущение чужого, пристального взгляда. Чертыхнувшись про себя, я безошибочно определил локацию этой "атаки" и, подавив желание незаметно рассмотреть виновника возмущения спокойствия, решительно обернулся.

Какой черт занес сюда несравненную Никею, альфа-домину без всяких тормозов, серого кардинала радикальных настроений в тематической тусовке Харькова?..

Она, как всегда, выглядела на все сто. Умные, холодные глаза самого крутого пиар-директора не менее авторитетного рекламного холдинга слегка сузились, когда она, утратив на миг ко мне интерес, обвела Юльку долгим, оценивающим и хищным взглядом. Ее спутник, высокий парень со стильной укладкой и спортивным телосложением, бегло посмотрел на меня и тут же благоразумно отвел взгляд. Я отметил его черную, наглухо застегнутую под шею рубашку и понимающе ухмыльнулся. Да, эта женщина в своем репертуаре. Никогда не остается без смазливых игрушек, сколько я ее помню.

В другое время я бы был безумно рад ее видеть — прекрасную собеседницу, советчицу и единомышленницу, но сегодня был явно не тот случай. Но правила хорошего тона игнорировать невозможно — особенно в нашей среде. Я кивнул ей в знак приветствия, отсалютовав бокалом сока. Смешинки в ее холодных глазах на миг тронули лед. Она грациозно поднялась, повелительно коснувшись плеча занервничавшего спутника, молча повелевая оставаться на месте, и двинулась в нашу сторону.

Высокая, идеально сложенная, хотя, на мой вкус, несколько худовата, в костюме из дорогой черной кожи, белой блузе, неизменными бриллиантами в ушах. Эталон леди, обладающей отменным вкусом. Черные волосы стянуты на затылке в идеальную прическу стильной бизнес-вумен. Она была неподражаема в своем гениальном образе. Если бы не одинаковое позиционирование в Теме, я бы нашел ее привлекательной партнершей.

— Добрый вечер, — обаятельно улыбнулась она, подплывая к нашему столику и обращаясь, как мне показалось, больше к Юле. Ее восточные глаза беззастенчиво ощупали еще никогда не знавшую ошейника шею. Моя девочка отставила бокал, и затишье перед непонятной бурей повисло в воздухе — противостояние двух самок стартовало. Она нагло выдержала взгляд альфа-госпожи. Я внимательно наблюдал за ними. Юля явно увидела в

Нике соперницу, не предполагая, насколько ошибочны ее мысли, выпрямила спину и снисходительно улыбнулась.

— Здравствуйте! — в ее голосе не было ни грамма дружелюбия. Никея удивленно сдвинула тонкие брови.

— Это Юлия, — поспешил я разрядить обстановку. — А это — Никея.

— Я догадалась! — показательно хмыкнула Юлька, но продолжить не успела — ее взгляд замер на кольце с эмблемой трикселя на безымянном пальце Ники. — Красивое. Колечко.

— Спасибо, милая, — обаятельно улыбнулась Никея с легким недоумением, наверняка уже прикидывая, каким образом зафиксировать столь дерзкую сабу на андреевском кресте. Юля не сводила глаз с перстня и выглядела слегка дезориентированной. И тут моя темная сущность взяла верх. Я распустил узел галстука, сорвав его совсем, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, предвкушая шок, когда она увидит точно такой же символ на моей шее. Но Юля была занята построением защитного барьера против, как полагала, достойной противницы.

— Дмитрий, рада была увидеться. Извините, что прервала вас, просто хотела поинтересоваться — ты подтвердил свое участие в июльском туре "Большой Охоты"?

Я с трудом сдержался, чтобы не наступить на носок ее дорогих туфель, призывая к молчанию. Но Никея никогда и ничего не произносила, не обдумав. Это было даже забавно.

— Еще нет. Нет особого желания бегать по лесу с автоматом.

— Насколько я помню, тебе было комфортно и в совете координаторов. Я зарезервирую тебе второй пригласительный — просто так, на всякий случай, — небрежный кивок в Юлькину сторону. — Есть еще неделя обдумать.

От такого заявления мне стало еще веселее.

— Да, помню, как ты рассекла веткой скулу на последней охоте. Даже тот факт, что уложила 15 зверушек, не мог тебя успокоить!

— Мой косяк. Сама загнала того строптивного котенка в непроходимые дебри...

— О чем вы говорите? — встряла Юля, недовольно поджав губы. — Что такое "Большая Охота"?

— О, Юлечка, вам там наверняка понравится! — очаровательно улыбнулась Ника. — это такой аналог бала-маскарада вместе с лазертагом. Вы умеете быстро бегать?

— Это любительский чемпионат по лазертагу, — сдерживая смех, ответил я. — Как пейнтбол, но гуманнее, потому что травмы от маркера там исключены. Инициация настоящего оружия в деталях, вместо шарика с краской — лазерный луч, а на руке датчик.

— Круто! А почему ты мне никогда об этом не рассказывал? — Юля выбила сигарету. — Ты же знаешь, как я люблю оружие.

Ника слегка похлопала меня по плечу.

— Дима, очень рада была тебя встретить. Юля, приятно было познакомиться. — Демон-искуситель расставил приманку. Это явно читалось в ее взгляде. — Приятного вам вечера.

— И вам тоже. — Я скосил глаза на ее спутника, нервно поглаживавшего свою шею, и понимающе подмигнул коллеге-домине. — До встречи.

Никея все так же плавно и грациозно направилась к своему столику, по пути обернувшись и показав мне большой палец. Юлька, к счастью, этого не заметила. Она сосредоточенно отрезала ножом кусок ветчины, чтобы скрыть эмоции.

— Что за имя такое идиотское — Nokia?

— Это творческий псевдоним. — Пока еще было рано вдаваться в подробности. — Она

— моя хорошая знакомая.

— Ты с ней спишь?

— Да нет же... — если бы она только знала, насколько нелепым было это предположение. — Девочка моя... Мне показалось, или я услышал в твоём голосе ревность?

— Не смеши меня! — вспыхнула Юля. — Она... Она слишком старая!

— Совсем не на много старше, чем я.

— И странная малость. Почему она так на меня смотрела, словно препарировать собиралась?

— Она пиар-директор крупного холдинга, гений промоушена и рекламы. Это профессиональный отпечаток.

Ничего глупее я еще никогда не выдумывал во благо, но Юлька уже отвлеклась — успела заметить кулон на моей шее.

— Это же... У нее и кольцо такое?!

— Да, это, предположительно, кельтская символика. Я расскажу тебе сегодня о ее значении.

— Спасибо, — Юля как-то заметно погрузтелла. Наверняка, встреча с идеально упакованной и уверенной Никой выбила ее из колеи. Как и необходимость находится среди двух людей, связанных общей тайной, слушать их разговоры и не понимать в них ни слова, плюс ко всему, терпеть покровительственную снисходительность. Я все это прекрасно понимал, и, при желании, мог избавиться от этого захлеста парой фраз. Мог, но не собирался это делать. Потому что, когда мы будем вместе на моих условиях, подобное будет происходить довольно часто. И в более ужесточенных рамках для нее, одна из которых будет касаться прямого запрета подавать голосок без приказа. Более того — вообще не поднимать глаз от пола. Все это ждало впереди.

— Красивая символика, — мимоходом отметила Юля.

— Можешь потрогать. Не бойся, она не кусается.

— Такая была на бокалах в том ресторане, где... — Юлька протянула руку, но я ловко перехватил ее пальцы, поднеся к губам. Заметил, как насмешливо свела брови наблюдавшая за нами Никея, дезориентированная нелогичностью происходящего. Затем, безапелляционно кивнув, направилась в сторону холла.

— Я покину тебя на минуту, важный звонок. — Юля натянуто улыбнулась и достала очередную сигарету. Перед тем, как ретироваться, я галантно поднес ей зажигалку.

Никея крутилась у большого зеркала. Если бы оно имело сердце, сейчас бы получило инфаркт от этого холодного, властного совершенства. От этой непробиваемой ауры непримиримости и беспощадности вместе с дерзким вызовом всему миру. И от осязаемой опасности, вызванной стремлением презреть шаблоны и играть вопреки правилам.

— Роскошная зверушка, — приглаживая ладонью идеальную прическу, бросила Ника. — Только ты ее жалеешь сильно. На грани допустимого. Но это, как говорит мой сын — "моя ИМХО, мама".

Я скривился. Между нами говоря, мне не верилось, что Ника может сама воспитывать и обожать своего десятилетнего сорванца и оставаться в обычной жизни примерной матерью, а в то же время, истязать сабов до критической точки. Эти две ипостаси вообще с трудом могли уживаться вместе — но ей это удавалось самым непостижимым образом.

— Юлю я еще не обратил. Ты ее едва не спугнула.

— О чем ты говоришь? Она прирожденная саба. А дерзость подобного плана вышибается на раз, два, три.

— Я работаю над этим.

— Долго тянешь, как по мне. Она уже перестала держать твой взгляд. Интересный типаж. Жаждет прогнуться до боли в скулах, но без пинка никогда в этом никому не признается.

— Ты мне сейчас не сказала ничего, чего бы я сам не знал.

— Дима, — Ника повернулась ко мне, и ее глаза на миг засверкали неким безумным огоньком. — Я предлагаю сделку. Отдай ее мне на неделю. Потом я брошу тебе ее в ноги, готовую на все. Ты же знаешь, что так и будет.

Я едва сдержался, чтобы не нахамить в это красивое, аристократическое лицо преуспевшей хищницы.

— Ты уже по девочкам? Не знал.

— Д/с не имеет половой принадлежности. Рожать с ней детей я не собираюсь. Как и склонять к однополой сексуальной связи — ты же знаешь, что у меня все выйдет и без этого. Она потрясающая. Ее руки плачут по цепям. Ты же не можешь этого не почувствовать. Сейчас прекрати язвить и еще раз подумай над моим предложением. Что ее пугает? Кровь, иглы, пирсинг и прочие крайности отмечаем сразу — мы не по этой части с тобой. Женщина всегда поймет женщину лучше, ты уж не обижайся. Да, я жестокая, ты сам повторяешь это очень часто, но, положи руку на сердце — кому-то было со мной плохо?

Фемдом всегда злее. Это непреложная истина. Но, откровенно говоря, Никая никогда не бросала слов на ветер. Психолог по велению души, а не по образованию, она всегда выводила из затяжных дропов не только своих, но и чужих нижних. Одним из примеров была Оливка, выскочившая замуж по расчету в разгар романа с Анубисом. Необходимость разрываться на части между исконно женским желанием иметь семью и своей второй, темной стороной жизни повергла ту в затяжную депрессию. Как справилась с этим Ника, не знал никто, но с Оливкой, теперь известной светской львицей, в миру — Ингой Дорофеевой, она поддерживала и по сей день дружеские отношения. Может, именно поэтому Алекс закрывал глаза на ее закидоны — в знак благодарности?

— Спасибо, но я лучше сам.

— Быть первым, большая ответственность.

— Я разберусь. Она и без того напугана. Не хочу форсировать события.

— Тут закон обратных сторон медали в действии, Дима. Гнуть нужно сразу. Довести до страха чуть ли не смерти. Долгие прыжки вокруг да около — демонстрация твоей нерешительности. Подумай. Я введу ее в Тему так ювелирно, что тебе ничего не придется делать. Только забрать готовый ко всему экспонат.

— Ника, закрыли тему. Я не люблю делиться. Мне всегда помогали твои советы, но отдавать ее тебе — ты уж извини.

— Закрыли, — пожалала плечами женщина. — Но как бы тебе не пасть жертвой собственной доброты и мягкости. Решать только тебе. Я бы не оставила ей выбора. Знаю, что меня за такие слова сейчас должен испепелить скипетр Анубиса, только, вашу мать, если бы я сюсюкала с каждым своим и подписывала контракты в стиле «где трогать, а где нет», уже бы околела от Голода.

— Замолчи, искусительница. — Ее слова пробрили блокаду моих тайных стремлений в

два счета. Дыхание сбилось, а жар предвкушения пробежал по позвоночнику ударной волной. Хуже всего было то, что брюки стали тесными в один момент, и это провокаторша заметила сразу. Но не стала делать вид, что все в порядке, а заливисто расхохоталась.

— Оу, ну нельзя же так! Представляешь, что люди подумают, когда это увидят? Давай я свистну своего песика. Фелляцию исполняет, просто мастер.

— Вот за что я тебя люблю, Ника, так это за твое непревзойденное чувство юмора! — я ухватился за спасительный канат. — Что за хипстер? Неужели из наших?

— Да нет, новообращенный. Месяц скоро как. Но быстро вошел во вкус, думала, сломается — не соберу.

— Долго уговаривала или сам готов был?

— Дима... Уговоры — вчерашний день. Просто увезла к себе на дачу и заявила, что все будет по-моему. Дергался, конечно, обещал и ментам сдать, и гопников натравить, и все в таком же духе, даже до слез дело дошло, но толку? Ты видел мои приспособления для фиксации. И знаешь, как я умею уговаривать. Через сутки уже умолял оставить наручники и с колен вставать не хотел. Еще через день, за право надеть ошейник просто отказался от списка допустимых воздействий. Ну, наверное, понял, что у меня все в порядке с головой... И я была уверена, перед тем, как сыграть на грани фола. Я не готова брать на себя ответственность за искалеченные мозги ванили. — Довольная собой, Никая еще раз оглядела себя в зеркале. — Пора возвращаться. Наши игрушки заскучали в ожидании. Будет нужна помощь — ты знаешь, где меня найти.

Пришлось выждать минут пять, чтобы отпустила эрекция, вызванная моим бурным воображением и перспективой абсолютной власти. Юля отстраненно молчала, чувствуя себя обиженной таким пренебрежением. Пока. Потому что спустя месяц она уже его жаждала.

Расплатившись, я обнял ее за плечи, и мы направились к выходу. Кивнул Нике на прощание. Юлька доверчиво опустила голову мне на плечо и несмело обхватила руками. В душе шевельнулось что-то похожее на абсолютную нежность. Это удивило меня, потому что в последнее время ни о чем другом, кроме ее тотальной ломки, я не думал. Сегодняшний разговор расставит все точки. И я не знал, чего же мне хотелось больше — ее согласия начать все на добровольных началах, или же отказа, который развяжет мне руки для дальнейших действий.

Устроившись на пассажирском сидении, Юля закрыла глаза и откинула голову. В этом жесте было столько незащитности и уязвимости, что коварные мысли о том, как я ее воспитаю, чтобы видеть такую реакцию постоянно, закружили в сладком вихре приближающегося безумия. Черт, возьми себя в руки! Предстоит разговор.

Я поймал свою улыбку в зеркале бокового обзора. Разговор был нужен лишь для очистки совести — для себя я все уже почти решил.

— Мы начали немного не с того наши с тобой отношения.

Юлька открыла глаза и растерянно моргнула.

— Я должен был все тебе рассказать, и только потом что-то требовать. Я не хочу тебе врать, чтобы добиться желаемого. Мне не нужна девочка, с которой я буду зависать перед телевизором, терпеть ее капризы и мнимую головную боль, спать в обнимку и строить планы на спокойную жизнь. Мне нужна саба. Тебе пояснить, что это означает?

— Дима, я не буду с тобой на таких условиях.

— Не перебивай меня, пожалуйста. — Я был настроен решительно. — Смотри, приукрашивать я не умею и не буду. Если ты даешь согласие, начинаются мои правила. Не

смотри на меня таким взглядом, у меня все в порядке с головой. Первое. Я всегда должен знать, где ты и чем занята. Телефон включен постоянно. Проверять твои соцсети и мэйлы — это дебилизм, и я этого делать не буду. Но если я попрошу, ты не посмеешь мне отказать. Просить без повода не буду. Прекрасно понимаю, что вам иногда просто необходимо поговорить о своем, о женском — это твоя законная территория, мне не нужна власть над тобой таким образом. Указывать, что тебе носить и как красить глаза — тоже не ко мне. Это уже домострой. На людях у нас ничего не изменится. Обычная пара. С этим разобрались, полагаю.

Забавно было наблюдать при этом за Юлькой. Глаза расширились, в них ошеломление вместе с проблесками недоверия... И ожидание, что сейчас из-за угла выпрыгнет кто-то из отечественных шоуменов с воплем "Вас разыграли"! Нет, не выпрыгнет. И даже не выйдет. Это не розовая сказка с плохим принцем, которого удалось наставить на истинный путь одним своим появлением.

— Я догадываюсь, что тебя ужасает больше всего. Это заблуждение всех новичков. Ты боишься, что я спущу с тебя шкуру, поломаю пальцы и все в таком де духе? Отвечай. Наверняка интернет выдал тебе именно эти элементы фильма ужасов?

— Дима, разговор ни о чем. — Ее голос дрожал, но она из последних сил старалась не отводить взгляд. — Мы что, не можем быть вместе, как нормальные люди? Я думала, твой интерес ко мне базируется на чем-то большем, чем затейливый секс в наручниках и повязкой на глаза.

— Ты перебиваешь меня снова, — ласково дожал я, улыбаясь самой теплой своей улыбкой. — И, кроме того, раздражаешь узостью своих взглядов. Для секса в наручниках я легко могу снять представительницу древней профессии. Но мы сейчас говорим об отношениях. Если ты со мной — ты принимаешь мою власть. Во всем. При этом у тебя останется право голоса — я никогда не пойду дальше твоих пределов. Взамен я дам тебе гораздо больше. Свою защиту. Свою помощь в любых вопросах. В том числе и в материальных. Иными словами, я за тебя убью любого. Соседа с дрелью. Препода — взяточника. Любого, кто обидит.

— Ты серьезно?

— Насчет "убью"? Нет, это образно, не трясись ты так. У тебя никогда не было в этой жизни каменной стены. Но это противоречит самой исторической роли женщины. Вспомни древнейшую историю. Да, крутому парню надо было угождать во всем и не перечить, но взамен гарантировалось тепло, сытость и защита от хищников... В том числе, и от ему подобных. И, если о принципе добровольности там речь не шла, сегодня в этом плане просто золотое время. Все оговаривается. Прямо сегодня сядь и напиши список, чего ты категорически не желаешь. И будь уверена, я приму его к сведению до последней запятой.

— Дима, я не буду с тобой на таких условиях, — покачала головой Юля. Ожидаемо. Но — глупо.

— Не спеши сейчас говорить "нет". Подумай, что бы ты хотела. Мы не школьники, и я не буду тебя покупать шмоткой или комплектом белья. Это тупо. Я могу купить тебе диплом и устроить работать хоть в горадминистрацию. Хоть подарить тебе салон красоты, чтобы ты начала сама зарабатывать и разбираться в бизнесе. Я знаю, что мои требования сейчас кажутся тебе ненормальными. Наверняка ты уже излазила всемирную сеть в поиске ответов на свои вопросы, но, подозреваю, еще больше запуталась во всем этом. Так и со мной было в свое время. И не смотри на меня так — да, я не родился с такими закидонами. И да, я не

пошел их воплощать в жизнь, движимый лишь одним понятием "хочу". Не зная правил и руководствуясь своим эгоизмом, я бы окунулся в криминал. Видишь, я не боюсь тебе об этом рассказывать, никто не идеален. Я просил тебя открыть подарок дома... Пока ты его не швырнула мне в лицо, поспешу тебя просветить еще насчет кое-чего. Это флешка. Она из чистого золота. И я залил туда кое-что, выкрой минутку и прочти. Не бойся, без вирусов. Если что-то будет не понятно, набирай меня в любое время и спрашивай. То же самое, сейчас. Есть какие-либо вопросы?

Сегодня я даже не запрещаю ей курить в машине. Временная мера моего великодушия. Когда я получу ее согласие... Или не получу, но все сложится по моему плану, этой привычки у нее не останется.

— Ты прав, я много чего читала уже. — Нервно затянувшись, Юлька уронила пепел в декольте, но сразу этого не заметила. — Почему с вашими... Нижними обращаются, как с бесправным скотом? Это тоже нормально?

— Юлечка, первое, что я тебе могу сказать — придурков хватает везде. И в шоу-бизе, и в школе, и в Теме. Главное, уметь отличать фейк и реальность. А второе — конкретизируй, я не понимаю, о чем ты.

От волнения она заговорила сбивчиво, больше не поднимая глаз.

— Я видела, что девочек заставляют есть из мисок... как собак, тягают на поводке... Тушат об кожу окурки... пинают ногами... Дима, это не может нравиться никому.

— Все понятно. — Я усмехнулся. — Мы изучаем культуру Темы на порносайтах. В надежде, что герои потом поженятся. Потому, что там больше картинок, и мало букв. Надеюсь, следующий вопрос не будет относиться к прищепкам, прижиганиям, подвесам и прочим садистским спецэффектам? Потому что я считал тебя умной девочкой.

— Разве это не одна из составляющих твоего изврата? — вспыхнула Юлька в ответ на сомнение в моем голосе. — В таком случае, зачем тебе плетки?!

— Атрибут, — пожал я плечами. — Как и цепи на карабинах. Которые ты сама можешь растянуть без усилий. Их назначение — не попытка пресечения твоего побега, а игра на струнах психологии, подчеркивающая твое зависимое положение. Это все, что тебя пугает?

— Нет, твою мать! Что такое "пятый уровень"?! — Юля выбросила недокуренную сигарету и подвинулась ближе, прожигая меня взглядом. Я сдвинул брови. О чем она, вообще?!

— Иногда так называют подземные этажи. В фильмах про шпионов — подразделения центральной структуры. Да, и в игре можно Эльфа прокачать до этого уровня. Как и до любого другого.

— Дима, я что, дура? Или мне тебя просветить насчет этого самой? У вас четыре уровня конфетно-букетного периода, а потом... Потом... Да рабства нет у нас в стране, тебе понятно?! Да не дают вам ваши бабки права ставить себя выше кого-либо!

— Вот ты о чем, — наслаждаясь ее истерикой, ухмыльнулся я. — Значит, до текста тоже добралась, похвально. А теперь дай сказать и не кричи. Воды попей. Да, некоторые пары доходят и до таких крайностей. Я даже знаком с некоторыми из них. Но это добровольный и обоснованный выбор каждого, и, в первую очередь, именно нижнего. Как иначе? Да у нас бы в психушках места не нашлось бы, если б любители хватали любого встречного и загоняли в такие рамки. Подумай сама.

— Там говорили, что если надоело, могут продать в рабство...

— Да, на Барабашовском рынке. Юлечка, у страха глаза велики. А теперь успокойся и

скажи, что ты узнаа. Все, что помнишь.

Я ошибся, обвинив ее в серфе по порносайтам. Любопытство привело и к правильным материалам. Безопасность, разумность, добровольность. Основные моменты психологии. Почти все то же самое, что я скинул на флешку в более удобоваримом варианте.

— Юля, сейчас я тебя отвезу. Прочти и запиши все, что тебя напрягает и пугает. Мы обойдем эти острые углы. Обещаю тебе.

Юля отвернулась, закуривая уже непонятно какую по счету сигарету. Я сдержался, чтобы не выбить ее у нее из пальцев.

Но все мои благие намерения в этот вечер устлали дорогу в ад.

— Нет, Дима.

— В смысле?

— Мы разные люди. Я никогда не буду играть по этим правилам. Я сама хозяйка своей жизни. И не тебе говорить мне о благородстве порывов и каменной стене. Потому, что если хотят дать защиту и заботу — ее дают. Не требуя взамен не то что взаимности, а уж таких закидонов — подавно. Ты мог все мне дать, и потом я сама бы искала пути, как тебя благодарить — и поверь, пришла бы к этому тоже! Да, прикинь. Потому что пока что мне многие элементы твоих игр понравились. Но ведь затратно, да, милый? И эмоции, и веники орхидей, и деньги — а вдруг не оценит и не отблагодарит? Лучше сразу все точки расставить. Только это элитная долбаная проституция, и я в ней не участвую!

Я хотел ударить ее в тот момент. Бесконтрольно, сильно, выбивая эти непонятные обвинения, и, наверное, дожал бы, подавил, подчинил этим окончательно. Почему я этого не сделал? Ответ на вопрос поразил даже меня.

Потому, что она — другая. Потому, что банальность — не про нас.

И потому, что я выслушал ее сценарий, укрепивший меня окончательно в последующей избранной тактике.

Спасибо, Юля. Будет, как ты хочешь. Опекун и заботу дадут. Наперед.

Но и от расплаты-благодарности тебе никуда не деться.

Юля

Что есть истинная свобода?

Как много человеку надо для счастья?

Могу ли я уметь довольствоваться настоящим, долбаная оптимистка? Оптимист видит свет в конце тоннеля, пессимист — несущийся на него поезд, а реалист... Да какого хрена реалист забыл в железнодорожном тоннеле?

Мне было... спокойно. Хорошо. Впервые за долгий год учебы. Сессия осталась за бортом. Дима — тоже. Тогда так легко было в это поверить!

Я откровенно бездельничала. Наслаждалась абсолютным ничегонеделанием. Могла полдня проваляться с маской из папайи на лице в кондиционированном раю квартиры, в обнимку с планшетом, читая все подряд — от светских сплетен до художественной литературы. Вот над моими литературными пристрастиями сам дьявол наверняка хохотал, как умалишенный. А я повторяла себе, что совершенно случайно мой выбор пал на таких же бахнутых авторов, как и я...

Шайла Блэк, Энн Райс, Полин Реаж. Ева Хансен, Джоанна Линдсей, Бертрис Смолл. Что меня так привлекало в литературе подобного плана? Эмоции. Внутренний диссонанс. Смело высказанные мои же опасения, иногда — пути выхода из них. Но больше — непонятная эйфория, затягивающая все глубже. Совмещая все эти жанры, я рисовала свой, понятный только мне мир, в котором, казалось, было комфортно до невозможности. И всегда, без исключения, у героя-подонка были одни и те же черты. Глаза и губы Димы. Его пальцы и ладони. Его б. дская ненормальность. Вот так, моя попытка убежать от сухой теории удалась. В смежную область прозы и поэзии.

После "Истории О" я окончательно убедила себя в его ненормальности. Хотя, насколько нормальной была я сама, читая подобную литературу захлеб?

Иногда мой затянувшийся покой нарушала Эля. Многие одноклассники разъехались по домам и морям, горам и дачам, а мою подругу переменчивая погода — от жары и солнцепека до ливня и шквального ветра — вынудила на время спрятать фотокамеру и взять перерыв. Правда, вчера, рискуя свалиться с крыши высотки, она устроила нескучный фотосет кому-то из парней, который ради этого вылез с сайта знакомств. На его накачанном теле, по ее словам, круто фокусировались капли мерзкого дождя, а она, игнорируя попытки соблазнения, больше всего переживала за свою аппаратуру.

Вчера у нас был вечер литературной критики. Автор — Дмитрий Лавров, орации. Лабораторное оборудование — флэшка, материал — аурум. Стационарный компьютер. Пара стульев. Сет из "Сушия", бутылка мартини, бокалы. Особые условия: приглушенный свет, пуфики, чтобы не больно было падать от хохота на пол. А, еще бутылка воды... Ибо Эля вначале разбора сего литературного шедевра натурально офигела.

— Бл...! Юля, он е. нутый! — глядя на меня, как на жертву апокалипсиса, выдала она.

— Ну, зачем ты так. Радоваться надо за подругу. Может, это мой личный Кристиан Грей. Только без вертолета пока.

— Маркиз де Сад, — поправила Эля.

— Граф Ото Дракула, — парировала я.

И мы погрузились в чтение и литературный анализ всей той пафосной хрени, что он

туда накидал.

— Анкета допустимый воздействий! — щелкнула я мышкой на вордовском файле. — Поехали!

"0 — не соглашусь ни при каких обстоятельствах (табу, лимит)

1 — соглашусь при сильном давлении хозяина, но мне будет это крайне неприятно

2 — соглашусь выполнить, как и любой приказ хозяина, но приятных эмоций это не вызовет

3 — мне все равно, выполнять это или нет, каких либо эмоций при этом не испытываю

4 — получу удовольствие от выполнения такой задачи

5 — сам очень хочу, чтобы мне приказали это сделать".

— Итак, интерпретируем для себя, — нацепив компьютерные очки прикола ради — я ими никогда не пользовалась, тоном профессора начала я —. 0 — зарюю его нахрен в первой траншее, раньше, чем он успеет сказать "мама"!

— 1 — соглашусь при сильном давлении НА Хозяина, глядя, как он собирает свои выбитые зубы поломанными пальцами! — пафосно подхватила Эля.

— 2 — соглашусь выпустить ему кишки, но приятных эмоций это не вызовет... — изобразила я вселенскую грусть.

— 3 — Просто, мне все пофиг! Что в анфас, что в профиль!

Комментарии мы произносили с таким серьезным выражением лица, что, не дойдя до 4 и 5, расхохотались, как умалишенные, вылив случайно на себя соевый соус. Но это только усилило веселье. Я представила, что выступаю с речью... Вот, хотя бы в Devi-ant! Быстро б меня пронзила за это святотатство молния их личного Сатаны?

— Переходим к самому интере... — пережив очередной пятиминутный приступ смеха, Эля принялась за саму суть статьи.

— Анальный секс! Слушай, какого члена он первый в списке?

— Не знаю... Может, это для этих...геев?

— Черт его поймет. Дальше. Болезненные инъекции. Коллега, вы полагаете, ему будет сильно больно при инъекции цианистого калия?

— Я протестую, дорогой оппонент! Отвечу языком классика: Если взрослого Мыша взять, и, бережно держа, напихать в него иголок — вы получите ежа!

— Бондаж груди... — Сгибаясь пополам от смеха, с трудом прочитала Эля. — В бюстгальтер от Агент Провокатюр? Пять, однозначно.

— Бондаж жесткий... — я призадумалась. — Если в тот лифчик с бриллиантами, что был на Миранде Керр на дефиле VICTORIA'S SECRET, я поставлю 10!

— Бритье, эпиляция генитальных волос... Юля, все кончено! Мы с тобой плотно в Теме пару раз в месяц, на столе у косметолога!

— Анальные затычки (вибраторы, фаллоимитаторы)... Что ты ржешь? Мы же летим в Египет в августе, как ты выпивку в самолет пронести думала?! Анальные затычки (вибраторы, фаллоимитаторы) под одеждой, ношение в общественных местах... Ну, а как иначе? Пока пройдешь по зданию аэропорта — это ж общественное место? — с заначкой... И лимончик не забудь...

— Вагинальный секс, — Элька уже каталась по полу, забавно вытягивая голову, чтобы прочитать с экрана очередной пункт. — Нет! После лимончика в одном месте я, наверное, поломаюсь немного...

— Вербальные (словесные) оскорбления... Пиши + 100! Я его по стенке размажу! Будут

ему и вербальные, и невербальные!

— Временная передача другому Хозяину... А у нас было. Помнишь, на первом курсе, препод по английскому свалил в Японию, и нам поставили эту гадюку, Веру Палну?

— Выполнение работы по дому... — истерика достигла апогея, и мы, уже обе корчились от хохота на полу, воздевая руки к потолку с аналогичными воплями — Нет, Хозяин, пощади, только не сковородки и швабры!!! Лучше инъекции в лобок!

— Длительное сексуальное воздержание! — я прочла это раза, наверное, с десятого — от приступов хохота. — Вместо него — разговоры о погоде! У него, кстати, уже началось...

— Запирание в клетки! — расхохоталась подруга. — Я уже вижу эту картину! Идете вы, короче, с Димоном в зоопарк... Видите клетку с тигром...

— А потом у тигрули стресс. Пощади животных!

— Играть роль какого-либо животного...

— Разве что того офигевшего тигра!!!! Ты, главное, камеру не забудь, взорвем Ютуб!

— Игровое групповое изнасилование! — пафосно зачитала Элька. — Слушай... Он, при всей своей при...донии ничего чувак... Давай его одновременно? Мы же понарошку, раз игровое?

— Он же сдохнет от счастья! Наказали кота сметаной!

— Игровые сцены на улице. А что! Давай распределим роли. Я выбираюсь на памятник Ленину с воплем "кто не спрятался — я не виновата", и потом иду тебя искать... Один вопрос, он-то нам нафига?

— Переодевание в белье или одежду противоположного пола... А в чем прикол, вообще?

— Спалилась, Багира?! Кто в галстук на вышке дефилировал? Мы теперь все про тебя знаем! Представь еще такую картину. Проснулась ты утром, пока он дрыхнет, влезла в его одежду и свалила, а свою оставила ему? Дальше... Порка (очень слабая, имитация). Это языком? Или чем-то поинтереснее?

— Он мне сказал, что это атрибут!

— Что "это"? Язык или пенис? Ничего атрибутик. Надо запомнить!

— Различного рода прищепки на тело, соски и гениталии... Ну да, а на чем еще белье сушить?!

— Использование льда наружно... Смысл?

— Там вот есть использование вовнутрь... — Я подняла бокал с мартини, в котором позвякивали тающие уже микрокубики льда. — Вот мы, как раз, этим и занимаемся! Это называется использование внутрь! — и, едва не захлебнувшись от смеха, осушила бокал, проглотив при этом мелкие бусины почти растаявшего льда.

— Секс на улице (при подходящей обстановке)...

— Что?! На Остановке?! Аааа!!!!

Отдавала ли я тогда себе отчет в том, что это было последнее мое бесконтрольное веселье? Что вскоре я очень надолго забуду, как напрягаются мышцы всего тела от такого счастливого, неподконтрольного смеха, как разрывает сознание остроумие, отшлифованное высокомерие, если верить Аристотелю? Как захватывает вместе с хохотом ощущение безграничного счастья, абсолютной безнаказанности от того, что ты хохочешь над тем, что для кого-то чуть ли не библия?.. Тогда я об этом не думала. Как и о всей серьезности подобных вещей.

Вскоре я перестала смеяться. На долгий год. Может, даже больше... Но сейчас мы пили

мартини, обливая себя от судорог веселья, вдоволь издевались над прочими материалами подобного жанра, заботливо залитыми на флешку Димкой. Ее ценность была не в ее золотом корпусе. Ценным было само содержание, доставившие нам так много положительных эмоций в тот вечер. Элька осталась на ночь, и веселье продолжилось — просмотром кинокомедий, дракой подушками и запасливо припрятанной второй бутылкой мартини. Ну и что, что завтра похмелье? Гулять, так гулять! Утром оказалось, что от мартини с дьюти-фри вообще не наступает похмельный синдром. Я была на вершине счастья!

Диму с того вечера внесла в черный список. Его 23 неотвеченных до сих пор грели мне душу. Как, вообще, взрослый чувак мог не понять ответ "нет"? Раз у меня промелькнула совершенно идиотская мысль — поехать в тот клуб неадекватов и корректно попросить ту копию Джеймса Бонда в костюме уговорить Диму оставить меня в покое, не умолчав о его нарушениях принципов добровольности. Ну, и крутой кофе выпить, напиток шейхов. Только какие у меня гарантии, что этот директор клуба соблюдает прописанные в интернете догмы? Никаких. А еще раз краснеть-бледнеть перед его взглядом хозяина вселенной уж никак не хотелось. Хватит с меня этих Мастеров-ФлаМастеров.

...В обед я была записана на маникюр. К вечеру мы снова договорились встретиться с Элей, — в отсутствие Лекси мы с ней сблизились каким-то невероятным образом. Может, благодаря стебу над информационными материалами? Кто его знает. Счастливая и нарядная, несмотря на жару, я приехала в салон красоты, и уже скоро мои ноготки в умелых руках Алены стали розово-белыми, блестящими и яркими.

— Тебе пора коррекцию ресничек сделать, — Косметолог Лика, безжалостно отдирая восковую полоску, проигнорировала мое возмущенное шипение. — Ну тихо... это всего лишь ножки!

— Ага, а потом? — к бразильской эпиляции я так и не привыкла. — Приколись, воск приравняли к садо-мазо практике!

— Да ты что?! Кто?

— Мужчины... Ааа!

— У меня есть пара клиентов, — доверительно поделилась эффектная Лика, — Танцовщики стрип-клуба. У них гладкость всех телесных покровов, помимо головы разве что, прописана в контракте. Ты бы видела, как наши парни переносят эту процедуру! Упаковка валокордина с персеном и ледокаин на все покровы... Их потом приходится на себе отсюда выводить! А говорят, мы слабый пол! Те мужчины явно что-то знали!

Я стойко выдержала следующий рывок восковой полоски.

— Ути божечки, — сочувственно произнесла косметолог, погладив пальцами мой небольшой шрам под правой коленкой.

— Бандитская пуля, — отмахнулась я.

— Лазерная шлифовка творит чудеса. Пара сеансов, и забудешь про все пули, — подмигнула Лика. — И не больно. Это не бразильский воск.

— Спасибо, вернусь, обдумаю.

Таким образом, благодаря моей непреложной мании по уходу за собой, Дмитрий вскоре получил меня почти в подарочной упаковке — ухоженной и желанной до безумия... Сколько раз я проклинала себя за этот визит в "Бьюти Стафф"! Как будто, окажись я в его руках с ободранными ногтями и колючими ногами, он бы прошел мимо... Но пока даже интуиция спала, не предвидя скорого кошмара, который разобьет мою жизнь на "до" и "после". Я дефилировала по лабиринтам супермаркета, выбирая конфеты для матери и Насти, ликер

для Ленки — поскольку наш Египет отодвигался на август, а в Харькове мало что держало, я наострила лыжи в родную Феодосию. Кто бы мог подумать, что я буду скучать за привычным с детства Черным морем! Уехать можно было в любой момент — в коммерческой железнодорожной кассе работала кума моей тетки, поэтому отпускной ажиотаж и резервы билетов меня не касались.

Представительный мужчина бальзаковского возраста попросил телефон. "Утопила в ванной!" — дерзко засмеялась я в ответ, оставляя его наедине с так и не ставшими явью желаниями. Молодой охранник супермаркета, оторвавшись от прессы, предложил отнести сумки к авто. Авто у меня пока еще не было, но отказываться я не стала. Ощущение беззаботного, беспечного счастья вместе с палящими лучами желанного летнего солнца словно кружили в танце, решив подарить мне максимум лучших мгновений. Даже таксист оказался приятным и вежливым, молодой еще, сам, наверняка, недавний студент, и мы уже спустя пару минут хохотали вместе, пересказывая друг другу студенческие приколы.

Отвергнув пропозицию донести пакеты до квартиры, — не хотелось радовать новыми сплетнями трио бабулек у подъезда, которые наверняка еще так и не завершили тему "Юля и байкеры", — я подхватила пакеты и направилась к подъезду.

Внезапно услышала торопливые шаги за спиной и недоуменно обернулась. Меня догонял мужчина в темных очках и цветастой рубашке. Что-то напрягло в его осанке... Военный?

— Юлия Беспалова? — запыхавшись, словно от быстрого бега, осведомился он. Я сдвинула брови, когда его рука уверенно скользнула в карман, и в следующий момент продемонстрировала мне развернутое удостоверение. СБУ, Анатолий-какой-то-там, фамилию я не запомнила, оперуполномоченный и звание — оно тоже вылетело у меня из головы в тот же миг. Я ощутила липкие ростки мерзкой тревоги. Мент. Мое радужное настроение начало медленно скатываться в минор. Да уж, дяди милиционеры давно не дяди Степы из мультиков.

— Это я, — выдавив улыбку и сглотнув, неуверенно произнесла я.

— Мы можем с вами поговорить?

— Я арестована?

— Нет, пара вопросов, к вам никаких претензий. Мы можем подняться к вам в квартиру?

— Нет, у меня бардак. — С утра мы с Элей играючи за четверть часа вычистили ее до блеска, но знать об этом представителю доблестной милиции не стоило. Поборов раздражение, я скосила глаза на отвисшие челюсти бабушек на лавочке. Мужчина перехватил мой взгляд, и понимающе улыбнулся.

— Я на авто, можем...

— Не стоит, тут есть беседка рядом. — Отойдя от первичного испуга и призвав на помощь свою стержность, я решительно протянула ему пакеты с продуктами. — Режут руки, буду вам признательна...

Он подхватил их без протеста и даже без недовольства. Присев на лавочку, я достала сигарету и вопросительно посмотрела ему в глаза.

— Анатолий... Чем могу быть полезна?

Мент был настроен благодушно. Видимо, исходя из классики жанра, это хороший полицейский. Расстегнув молнию на кожаной коричневой папке, он уверенно вытащил три фотографии, неспеша развернул ко мне и, не говоря ни слова, достал из кармана пачку

"Kent" и закурил.

Любопытство пересилило. В надежде, что я увижу на этих фотографиях Дмитрия с подписью "Его разыскивает милиция", я подалась вперед.

Че за противный дядька? На меня смотрела, выражаясь их сленгом, "протокольная рожа". Аккуратная, длинная эспаньолка, усы, абсолютно бритый череп с вензелем тату, пронзительный взгляд то ли криминального авторитета, то ли беспощадного убийцы. В профиль, на второй фотке, был виден шрам, слегка пересекающий висок. Третье фото демонстрировало этого кадра во весь рост — в военной форме на фоне песков. Пустыня? Серьезно.

— Что это? — сдвинула я брови, потеряв интерес к персонажу.

— Юлия, вам знакомо имя Виктор Строгов?

— Нет, впервые слышу, — я пожала плечами. Тревога от встречи с представителем закона отступила окончательно. — А что он натворил, и кто он такой?

— Недостижимая мечта интерпола, — охотно отозвался Анатолий. — Наемный убийца. Его список смертей исчисляется десятками.

— Капец. Но при чем здесь я?

Фраза о десятках меня не впечатлила. Дитя современного кинематографа, я вряд ли поразила бы и тысяче.

— Ни при чем, Юля. Сейчас проверяем любую ниточку, ведущую к нему. Любую информацию. Есть версия, что у него то ли дочь, то ли... Любовница вашего возраста. Вы точно его не встречали?

От сердца отлегло. Любовница этого монстра? Лучше Дима с кнутом в руках.

— Точно. У меня отличная зрительная память.

На прощание он вручил мне свою визитку. Опер. Не ошиблась. Я набралась смелости.

— Анатолий... эээ... Константинович, — прочла на визитке. — Я обязательно позвоню, вдруг вспомню, что вряд ли... Или увижу... Скажите, в случае преследования... Совершенно другой человек, но все же... Я смогу вам позвонить и рассчитывать на вашу помощь?

На миг в его непроницаемом лице появилось нечто похожее на участие.

— Юлия, вам угрожают? Кто-то посмел вас обидеть?

— Нет пока, — пожала я плечами. — Но все же... И еще, я уеду домой скоро. В Крым... Я же вам не нужна? В смысле, показания, и все такое...

— Нет, Юлия. Если вспомните, боюсь, придется вам вернуться... Но никакой подписке о не выезде не будет. И да, звоните в любой момент. Я сделаю все, что в моих силах.

— Юлечко, а що вид тебе милиционэр хотив? — подпрыгнула на лавке бабуля-националистка, впившись в меня любопытными глазами. Надо было, наверное, пулей прошмыгнуть, но тяжелые пакеты заставили сделать перерыв. Не знаешь, что хуже! Хотя, если б этот Анатолий донес их до квартиры — во-первых, знал бы, где я живу, во-вторых, клеймо шлюхи укрепилось бы за мной еще прочнее. А то и преступницы.

— Здоровья вам, тятя Галя, — ослепительно улыбнулась я. — И вам, — такая же улыбка старой мымре в шляпе. Как они меня достали! — А он не милиционер вовсе, он.... Ой! — театрально поднесла обе руки ко рту и отчаянно замотала головой.

— Що, Юлечко? Кто вин?

— Ты скажи нам, милая, мы ж его, если надо, прогоним со двора! — подпрыгнула Шляпа.

Ага. Заплюем ядом, пригрозим Сатаной, заставим уступить место в транспорте,

отдадим на растерзание в собес. Ибо мафия бессмертна.

— Вы будете молчать? — я присела между ними, едва не задохнувшись в удушливом облаке тяжелой парфюмерии. — Поймите, все очень серьезно... Только никому, хорошо?

Повеяло резкой прохладой от синхронного энергичного кивания.

— Он... — я выдержала мхатовскую паузу, — Он... Он агент под прикрытием. Он занят поимкой очень опасного преступника...

— С бородой, того! — обрадовалась Шляпа.

Класс. Надеюсь, опер проявил чувство такта, показывая им фотопортрет подозреваемого, и не связал заведомо с моим именем.

— Да. Он террорист и убийца младенцев, вот его и ищет. Его кодовое имя — Энакин Скайвокер, позывной — Джедай. С бородой — Оби Ван Кеноби. Только никому!

— Ни, Юлечко, ми цього... Эхина Сквородкера никому не видамо!

— Страна рассчитывает на ваше молчание! — я сжала ладони обеих пенсионерок. — И на ваш патриотизм!

Месяц горячих дискуссий им обеспечен. Я, не дав им опомниться, схватила пакеты и забежала в подъезд. Надсадно завопил мобильный, очень вовремя, как всегда. Бросив пакеты в коридоре, я захлопнула дверь и, не глядя, нажала кнопку ответа.

— Да!

— Здравствуй, Юля, — ответила труба голосом Димы. — Сколько раз мне еще с тобой провести беседу, чтобы ты перестала отключать телефон и вносить меня в черный список?

Мляяя... От досады я сползла по стене на пол. Он словно прочитал мои мысли.

— Ты думала, для меня проблема купить новый стартовый пакет? Или навестить тебя дома? Отвечай.

— Думаю, для тебя не проблема выкупить компанию оператора целиком. И пока ты не начал мне рассказывать, что за меня переживаешь — я тебя освобождаю от этой ответственности. Мы расстались! Пора бы поискать тебе новый объект для своей гипертрофированной заботы!

— Истерика, Юлия?

— Сухие аргументы, Дмитрий! — я с трудом расстегнула босоножки и упала на постель. — Я х...ю от твоей заботы! А вдруг у меня стресс после твоих материалов? Вдруг элемент "использование посторонних предметов" напрочь сломал мою уязвимую, нуждающуюся в твоей защите психику?

— Прочитала, стало быть. — Меня покорило от самодовольства в его голосе. — Расставила цифры?

— Поржала от души!

— Совершенно напрасно. Там нет ничего смешного. Вопросы?

— Есть, — злорадно протянула я. — Какая стадия мании величия у моего многоуважаемого собеседника?

— Я задал вопрос. — Казалось, от этого тона телефон превратился в осколок льда. И даже хуже — в некий ментальный проводник чужой воли. Дыхание перехватило, и я ощутила себя самым глупым и незащищенным человеком на свете.

— Только один... — ненавидя свой дрогнувший голос, ответила я. — Мне... Обязательно все это делать?

— Тебе — нет, — голос не потеплел ни на градус. — Все, что ты найдешь для себя допустимым, с тобой делать буду я.

— Н.но... Там и пяти пунктов не наберется... Я... — словно гипноз, невероятная черная магия этого властного голоса — даже на расстоянии, — пришибла меня многотонной глыбой, не позволяя вырваться из этих сладких оков. Трусика увлажнились моментально. Мимходом вспомнился поцелуй горячего воска, обжигающий, застывающий, стягивающий кожу, а вслед за ним — резкий болезненный рывок. От этого возбуждение только усилилось. Я замотала головой. Нет, нет, нет! Я не такая ипанутая, как он! Я не могу получать от таких вещей удовольствие!

— Дорогая, — отозвалось красное существо, восседавшее на левом плече, — Ты уже получаешь.

Ангел самозабвенно подпиливал ногти, игнорируя мое требование вступить и надрать дьяволенку хвост.

— Я же знаю, что он прав — чего ради? О чем ты думала вчера, засыпая? Чтобы он отвез тебя в далекие края, где никто бы не спас, и проделал с тобой большую часть того, с чего вы с подружкой проорали до судорог!

Вряд ли я хотела фистинг во всех его видах, прещепки на все нервные окончания и передачу кому-то. Дело было не в воздействиях. Подсознательно я хотела просто покориться властному мужчине, но без использования всего этого трэша. Как бы сильно мы вчера не хохотали, я ведь параллельно с весельем расставила эти коварные цифры, и на самых невинных практиках горели твердые пятерки....

— Юля, поэтому я уже пять минут жду твоего ответа — что тебя во всем этом так сильно пугает?

— Ты! — сбросив сети острого очарования, ответила я. Получилось не грубо. Получилось отчаянно и обреченно. — Я бы осталась с тобой, если бы ты... Если бы ты не настаивал на этом кошмаре. Это не мое! Я никогда не смогу получить от этого удовольствия. Даже если я его получаю, меня ломает потом не по-детски!

Что еще мне надо было сказать, чтобы пробить бронезилет его невозмутимости?..

— Это нормально. Пока ты отталкиваешь меня, так и будет. Но все исправить очень легко. Главное, чтобы ты оставалась рядом со мной. Чтобы я мог снять твою тревогу и чувство вины. Тогда будет лишь эйфория, и никаких переживаний. Но ты даже не даешь мне шанса тебе это показать!

От непонятной грусти и сожаления в его голосе мне стало не по себе. Но я, при всей искренности этого тона, не могла воспользоваться преимуществом превосходства. Я все еще оставалась жертвой, и, кажется, мне было... Комфортно?

— Дима, ну зачем тебе я? У тебя были партнерши, которые находили во всем этом удовольствие. Которые просто знали, что с этим делать. Любая девушка из вашей... тусовки была бы счастлива тебе все это дать!

— Любая... Но она — не ты, так ведь?

Это было... Приятно. Долбаный змей-искуситель!

— Дима, — выдохнула я. — Я скоро домой уеду. На месяц, как минимум. Давай проветрим свои мозги и, когда я вернусь, вновь возвратимся к этому разговору?

— Домой? — в голосе заскользили стальные нотки. — Ты не говорила мне, что уезжаешь!

— Так получилось. — тревога и даже растерянность собеседника — показалось или нет?

— Ты же не вернешься.

— Как это — не вернусь? А учеба?

— Я не о вузе. Ты все уже решила для себя, что нам не по пути, и твой побег — не просто так. Юля, ответь сама себе. Ты же не боишься. И не всех тех страшилок, что смеха ради повывкладывали в интернет. Ты боишься потерять себя, но я предлагаю тебе совсем другое — найти себя. Насчет крутой работы или же личного бизнеса — я не шутил. Это не взятка. Это моя забота о тебе, о твоём развитии как личности. Пустоголовой дуре я бы такого не предлагал — я просто не могу позволить твоим мозгам прозябать в офисе и терпеть нападки руководства, пытающегося залезть тебе под юбку или же просто использовать твой энтузиазм, чтобы завалить чужой работой при минимальной зарплате. Ты понятия не имеешь, сколько талантливых и амбициозных сотрудников перегорело, просто заваривая кофе и снимая ксерокопии с документов, когда их идеи нагло присваивались. Не знаю, все ли ты материалы прочла, но наверняка читала о том, что Мастер в ответе за свою рабыню, и оберегает ее до последнего. Даже жертвуя собой.

На миг мои глаза увлажнились.

— Почему? — стараясь не выдать своего состояния, прошептала я. — Почему ты не можешь дать мне свою заботу без... без этого извращения?!

— Потому что я такой, какой я есть.

И я этот путь не выбирал. Так вышло. Я еще раз прошу тебя — не беги от себя. Твой страх необоснован. Я готов не форсировать события. Я никогда не буду на тебя давить или требовать чего-то неприемлемого для тебя. Твое "нет" останется для меня приоритетом. Просто подумай.

— Я не могу. — Как я устояла перед искушением в виде салона красоты имени себя любимой — одному богу известно. — Дима, отпусти меня. Пожалуйста. Я не знаю, что будет дальше. Меня сейчас измотала эта долбаная сессия, и мне очень хочется отдохнуть. Вернуться домой и забыть обо всем хоть на какое-то время. Пересмотреть свои взгляды... И страхи. Если я приму выгодное тебе решение, ты узнаешь первым.

— Просишь отпустить, и в то же время даешь завуалированное обещание... — в трубке послышался вздох. — Но знаешь, ты стоишь того, чтобы ждать. Даже годы.

Тщеславие, наше все. Слезы остановились, и волна удовлетворения залила сознание.

— Правда?

Повисла затяжная пауза. Коварная паутина его обещаний растаяла, я уже не чувствовала себя загипнотизированной безоговорочной волей этого человека. Теперь все будет хорошо. Он принял мой отказ. А обещание — было ли оно?.. Моя интуиция спала сном младенца. Я перевернула эту страницу своей жизни. Одинока и свободна, и впервые за все время почти счастлива от этого. Пусть так. Я унесу с собой эти фантазии и интересный эротический опыт. Может, однажды осмелею окончательно, и попытаюсь снова воплотить их в реальность... Тогда я четко понимала, что должна еще немного до всего этого дорасти.

Кто же знал, что мне придется повзрослеть за очень короткий срок?..

Дмитрий перезвонил к вечеру. Дружелюбным тоном, таким непривычным и таким умиротворяющим, рассказал, что Вовик в эту пятницу закатывает у себя в загородном доме что-то типа приватной вечеринки. От обычных пати ее отличает лишь количество участников. Он со своей новой дылдой... Бейсболистка, если верить Димке... Ну, и нас он, по закону жанра, тоже пригласил парой. Больше гостей не предвидится.

— Шашлык из осетрины, бассейн, 3D кинотеатр, — огласил программу Димка. Будничным тоном. Кто мы теперь друг другу? Друзья? Приятели? Кем бы мы теперь не

были, мне было хорошо. Именно с таким, с ним.

В душе я знала, что к нему не вернусь даже после отдыха. Потому что дружить мне понравилось больше. Может, я не стану исключать из программы ни к чему не обязывающий периодический секс — без повязок и цепей, смущающих мое сознание.

— Сегодня можем сходить на спектакль, как ты? — нейтрально осведомился он. Неа, сегодня приедет Эля. Пообещав обдумать свое присутствие на пати, я с ним вежливо попрощалась. От легкости от такого благоприятного завершения отношений хотелось петь. Осыпать его лоб дружескими поцелуями. В этот день он подарил мне свободу от себя, заменив изматывающую душу канитель чем-то прекрасным и возвышенным. Я не могла понять себя. Мне хотелось проводить с ним время за бокалом маргариты, на катке, в кинотеатре, тире, выставке, все равно где, расставаться, обменявшись дружескими поцелуями, и сохранить такие отношения как можно дольше. Спрашивать его советов и давать свои — если спросит. Сочувствовать его следующей избраннице — и самой оставаться выше.

А на вечеринку к Владимиру, пожалуй, схожу. Я обожаю Лекси, но все мы взрослые люди. Ко всему в придачу — не могу же отказать себе в удовольствии поиздеваться над ним... Слегка.

Дмитрий был прав в одном. Начни мы свои отношения примерно в таком ключе — все могло бы быть идеально. Когда я шерстила интернет, информация о том, что многие сложившиеся тематические пары были и даже в условиях Темы оставались прежде всего друзьями, воспринялась мной как утопия. Но сейчас я осознала разумность подобного пути. Перед друзьями открываются. Им доверяют. С ними смело говорят о любых острых углах и ищут пути их обхода. Каждый видит свою реальную картину — и принимает решение, внося коррективы, не переживая, что партнер не поймет или откажет. Он же давил, прессовал, требовал, не видя во мне боевую подругу, сразу определив подчиненную роль.

Как ни парадоксально — первый самый откровенный и много значащий для меня разговор состоялся сегодня. Он же может, если хочет! И наконец-то понял меня. Без угроз, без оскорблений....

Я была счастлива.

И... Такой душой...

Вбиваясь в душу силой через боль!
Отнял надежду на исход счастливый.
Кричал мне разум: ты не мой герой!
А тело под напором... покорилося.
Рука не дрогнет, нанеся удар,
И боль огнем, переплавляет душу.
Вся жизнь давно превращена в пожар.
Себя спроси! Да как же так случилось?!
Ты подарил мне... сильного... себя.
А оказалось! все мне лишь приснилось?!
Того что въелось не омыть дождем,
Молю что б только, все не повторилось.
(с) Вейланси

Юля

Я почему-то больше не хотела ехать на этот пикник. Может, это было то, что называют «шестым чувством»? Может. Только тогда я отмахнулась от него как от очередного суеверия... Отчего мне было переживать? Мы — друзья. Что-то около того. Иначе, как объяснить наш недавний поход в паб, в результате которого я щебетала, как заведенная, о некоторых событиях моей жизни, не давая ему открыть рта, а он сам... Просто слушал, веселился, иногда подкалывал слегка... Было легко. Настолько, что я со смехом увернулась от попытки поцеловать меня на прощание, бросив ему лишь одно — «Мы договорились!»

Еще одно жаркое летнее утро нещадно вытеснило спасительную предрассветную прохладу. Ночью прокаленную солнцем за день квартиру не спасал даже кондиционер. В этом, конечно, была толика моей вины — я намеренно не использовала этот последний из подарков Вадима на полную мощность, опасаясь банальной простуды. Остро хотелось очутиться где-нибудь у моря — лучше всего бы в Египте, вместе с Элей. Но пока впереди маячил только родной Крым.

Я ощущала, что соскучилась. По моей матери, которая наверняка опять начнет читать мне нотации за связь с богатым мужчиной. По дерзкой и противной Настене, которая временно меня обожала за дорогие подарки. Сожалела, что отчим, с которым можно было пострелять из ружья по жестянкам или поудить рыбу, трудился в поте лица на Севере. Вахтенный метод. Но там оставалась лучшая подруга. Я строила планы относительно насыщенной программы с походами на яхте и покорением Кара-Дага. С ней скучать уж точно не придется!

Звонки от Вадима прекратились, но я этого даже не заметила. Пусть отдохнет свою семью в полном составе. Сумма на карточке, его стараниями, оставалась внушительной.

...Я поплелась в душ, с удивлением ощутив, что не вдохновляет меня этот самый «пикник на обочине». Вовка с девчонкой. А мы? Может, Дима рассчитывает, что я поведу на романтическую атмосферу, и наша дружба резко перешагнет на иной уровень? Это в его стиле. Скорее всего, я даже услышу горячие обещания того, что варварского секса больше не будет, что теперь все по-серьезному — и все это при горячей поддержке Владимира и его новой швабры. Хотя я и не видела эту Женю, но из-за слез Лекси уже заранее ее ненавидела.

Что ж, поору с этой красавицы, все же будет веселее.

Дима, все же, немного нервировал. Я всегда знала, что умолять и просить не в его стиле, такие во всем идут напролом. Вряд ли методом кнута — но мне и от его пряников радости мало.

Я все еще хотела его как мужчину. Сильнее, чем кого-либо. Но какой-то бесконтрольный страх гасил это желание, распыляя на микроны. Не хочу больше бояться и дергаться. Никакая спонсорская помощь не стоит физических и моральных травм.

Душ не спас от сонливости и апатии, и я почти залпом выпила три чашки кофе. Поймала себя на мысли, что даже не хочу делать искусный макияж и выбирать наряд. Зачем? Чтобы этот садист-друг ронял на меня слюни, заверяя в своей искренней дружбе? Но тут я представила реакцию второй леди, приглашенной на вечеринку, и мстительно улыбнулась. Вот ради этого, пожалуй, постараюсь! Пусть задумается, с какой журнальной обложки сошла ее предшественница, у которой оказалась такая вот подруга! И уже спустя пару минут я ловко орудовала кистями и спонжиками, создавая кошачий разрез глаз и тонкую линию изящных монгольских скул. Одежда? Сегодня будет глэм-рок. Покончив с макияжем, я едва не расхохоталась. Давно я так не старалась ради того, чтобы сразить наповал представительницу своего же пола, а не с целью покорить мужчину.

Дмитрию пришлось ожидать меня долгих двадцать минут. Ничего, привыкнет. Свою девчонку наверняка бы наказал в духе этой самой Темы, а меня нельзя, я подруга. Ни одной эмоции на лице, пока я шла к машине, гордо поднимая голову. Лишь на секунду плотно сжавшиеся губы выдали его недовольство. Подобный этому прикид он когда-то велел сжечь. Обтягивающие джинсы, черная футболка с готическим принтом, шипастые балетки. Сегодня я изменила своим постоянным каблукам.

— Привет, Димка, — бездумно бросила я, уворачиваясь от нацеленного в губы приветственного поцелуя. Он скользнул по щеке. Не дожидаясь попытки номер два, игнорируя галантно протянутую руку, я шлепнулась на сиденье рядом с водительским.

— Тут можно курить? — вопрос был риторическим, и я беспечно достала сигарету. Друзьям можно все. Но, ощутив, как сгустилась внезапно обстановка, подняла глаза и наткнулась на такую знакомую и пугающую сталь его взгляда.

— Нет.

Вот му... Чудак на букву М. Хорошая попытка. Спала со мной — курить было можно, решила дружить — не желаю дышать табачным дымом. Ну и ладно! Я и не хотела. Как будто твое «нет» реально имеет для меня значение! Я обижено надула губы и уставилась в окно, гася желание хорошенько его стукнуть. Приятелям прощаются такие вещи.

Его взгляд не отпускал. Беззастенчиво скользил по фигуре, а меня против воли кидало то в жар, то в холод. Это было чем-то новым, непривычным, и... пугающим. Не страсть в ее чистом виде. Не ревность. Даже не желание возврата прежних отношений. Что-то среднее между уверенностью в себе и показательным спокойствием. Я бы назвала это азартом, но сложно объяснить, почему. Что же он задумал? Надеюсь, упасть на колени прямо на глазах у Вовы и умолять меня вернуться. Или же...

И тут меня накрыла тревога. Внезапная паническая атака. А куда мы едем?! Да, официальная версия — на шашлык, за город, где будут Вова и его новая девчонка. А откуда мне известно, что все будет именно так? Кто, кроме Димы, мне об этом сказал? Что мне мешало позвонить Владимиру, чтобы удостовериться окончательно?! Я не решилась даже закурить. Дмитрий молчал, что только усиливало тревогу, и всю дорогу я просидела

напряженная, словно струна. Когда мы подъехали к трехэтажному коттеджу с коваными воротами, перепугалась еще больше. И лишь когда на звук подъехавшего авто ворота поползли в стороны. И оттуда выбежал довольный Вовка в гавайских шортах и с абсолютно голым совершенным торсом, я с трудом сдержала стон облегчения.

— Нет, ну посмотри на них — они точны, как швейцарские часы! Я надеялся, что не приедете, и нам больше шашлыка достанется! — он уже успел загореть, и светлые волосы в тандеме со смуглой кожей делали его похожим на серфингиста или яхтмена. — Джули, ты чего дрожишь? Он заморозил тебя своим кондером? Отпадно выглядишь. Не будь его рядом, я бы тебя...

Я от души рассмеялась. Почему-то в этот момент были напрочь забыты их сложные взаимоотношения с моей подругой. Вот в чем, а в обаянии этому белокурому негодяю точно не откажешь. Напряжение начало спадать.

— Джули, я ослеп, ты такая классная! Слушай, беги от этого Конана-варвара ко мне, пока не поздно, а?

— Почему «варвара»? — сквозь смех осведомилась я. Вова скорчил наивную рожицу, за которую ему б легко дали «Оскара».

— Думаешь, сел за руль авто и научился пользоваться смартфоном — далеко ушел от каменного века?

— Слушай, ты, умник, — Дима сжал мою руку выше локтя. — Выгружай вискарь, я с тобой сегодня не бухаю.

— Как? Вы не на ночь?

— Нет. Юлечка еще ботанику не выучила.

Меня передернуло от этого покровительственного тона экс-бойфренда.

— Слушай, ты, умник, — В присутствии Владимира страх испарился. — Полегче на поворотах, да?

— Юля.

Всего одна фраза — но чего стоил этот тон. Мне захотелось убежать сию же минуту. Только упрямая гордость не позволила этого сделать.

— Я уже почти двадцать лет как Юля.

— Так! — Вова покровительственным жестом обнял меня за плечи. — Вы сюда выяснять отношения приехали? Вилы — в сарае, лопата — в подсобке. Мой боевой арсенал к вашим услугам.

Как ни странно, рядом с ним я ощутила что-то сродни защите. Неплохой парень, хотя, конечно, негодяй первой степени. И чего это я на него взъелась? Лена — это плохо. Да, но ведь насильно мил не будешь!

— Можем устроить стратегическую игру, — продолжал веселиться Владимир. — Разбиться на команды и повоевать. У меня пейнтбольные маркеры запылились.

— «Большую охоту», — холодно отчеканил Дима. Я моргнула. Об этом, кажется, говорила та холеная стерва из ресторана? Как ее там? Никея? Я так и не поняла, что это было, но вновь ростки тревоги иглами аукнулись в пятках. Я отвела взгляд от непроницаемого лица Димы и ослепительно улыбнулась Вовику

— Шашлык готов, Джули! — он галантно поцеловал мой маникюр. В его карих глазах плясали черти. — Там Женечка салатами занимается...

— Вот и умница! — проигнорировала я намек. — Вов, давай покурим, а то мне в этом отказали.

— Давай! — я метнулась к машине, но он галантно протянул мне пачку «Парламент». Обернулась на звук приближающихся шагов. К нам направлялась высокая худощавая девчонка в вылинявших джинсовых шортах и свободной футболке. На ее... ну ладно, довольно симпатичном лице — ни грамма косметики. Отлично, значит, сегодня здесь рулю я.

— Женя, знакомься, это Юля, — я безразлично улыбнулась, встретив ее слегка смущенный, растерянный взгляд. — А это Димон.

— Дмитрий, вернее. — он метнул на друга уничтожающий взгляд и решительно поднял безвольно повисшую руку девушки для поцелуя. Нет, ну ни фига себе! И что это только что было? — Женя, рад знакомству.

Вова помог ему вытащить пакеты из багажника, а мы с Женей, не обменявшись и парой фраз, прошли на территорию загородного дома Владимира.

— У тебя красивые ресницы, твои? — восхищенно поинтересовалась Женя, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

— Нет, повыдергивала вон у него, — кивок через плечо. Она не Лекси.

Ребята надолго не задержались, и мы заняли место в роскошной беседке. Шашлык был изумительным. Грузинское вино — тоже. Подкрепившись. Я почувствовала себя почти счастливой, давно не ела такой вкуснятины. Спустя час, сытая и слегка захмелевшая, словила кураж и потащила упирающуюся Женьку к большому бассейну. Она все так же смущенно отнекивалась, но вырваться не пыталась.

— Да чего ты, давай искупаемся! — я замерла у бортика. Вода приятно манила к себе. Хорошо, что я додумалась взять купальник.

Женя все-таки вырвалась и отошла подальше. И тут же эта ниша оказалась занята Димой. Он замер рядом, вглядываясь в воду, словно прикидывая, стоит ли ему купаться.

— Бикини дома не забыл? — залиvisto расхохоталась я, беспечно шлепнув его ладонью пониже спины. Он перевел на меня внимательный, бесстрастный взгляд... И вдруг земля ушла у меня из-под ног, я только успела вскрикнуть от боли в сжатых стальными тисками ребрах. Мелькнула вспышка ослепительно яркого солнца и голубой синевы неба, и в тот же момент меня обдало ледяным холодом воды, сомкнувшейся над головой, размывшей эти яркие краски. От неожиданности я сделала изрядный поток хлорированной жидкости, в панике заколотила руками, выплывая на поверхность. От шока я даже не могла сразу сообразить, что только что произошло. Судорожно закашляла, отплевывая воду.

Все сгрудились у бортика бассейна. Дима с непроницаемым выражением лица и нехорошими, азартными бликами в глазах, которые приобрели стальной оттенок. Обеспокоенный Вова и готовая засмеяться Женя. Меня заколотило. Словно в полусне, я подплыла к лестнице. Так, наверное, ощущала себя Кинговская Кэрри на выпускном балу, когда ей на голову опрокинулось ведро крови? Ухватилась за хромированные поручни, не замечая четырех протянутых рук. Игнорируя звон в ушах от попавшей воды, заторможено выбралась на берег, отстраненно осознав, что вместе со мной искупались также мои сигареты, помада и мобильный телефон, по-винтажному закрепленный на поясе джинс.

Вова уже летел ко мне с широким полотенцем. Он был возмущен до предела.

— Дима, б...ь, ты что, дол...б? Какого хрена ты вытворяешь?!

Женя расхохоталась. Я откинула со лба взмокшие волосы.

— Чего ты ржешь, кобыла? Зубы отбели, тогда скалиться будешь!

Она переменилась в лице. Мне показалось, что вот-вот расплачется. Я встретила

внимательный взгляд Димы и медленно отстегнула от пояса телефон. С него тут же полились ручейки воды. Вода плескалась даже в экране, превращая картинку-заставку в набор ярких кубиков.

Повисла офигевшая пауза. Прекратила ржать Женя, замер в двух шагах Вова с распахнутым полотенцем, моментально сбросил свой покер-фэйс Дима, переведя ошарашенный взгляд на телефон в моей ладони.

— Черт... Юля, я... Я же не подумал...

Если бы я не была столь растеряна произошедшим, я бы уже тогда поняла, что в его взгляде не было ни капли раскаяния. Шок отступил, сменяясь приближающейся истерикой.

— Конечно, долбоеб, у тебя же мозги атрофировались! — заорала я, яростно вытирая глаза, размазывая тушь. — Это 4-й айфон, дол...б!

— Прости, завтра у тебя будет 5-й! — Дима сделал шаг, протягивая ко мне руки, но я оттолкнула их. — Юлечка, прости...успокойся, пожалуйста. Хочешь, я тебе завтра «Vertu» привезу? Хочешь золотую «вертушку»?

Вовка оторопело присвистнул. Да, Дима вряд ли врал. Я осознавала, что люксовый телефон, считай, у меня в кармане, но ярость не проходила.

— Да, урод, я хочу «Вертушку»! Красную! Да, и мне глубоко пофиг, что я буду ездить с ней в маршрутке! — облокотившись о борт перил, я стянула через голову промокшую футболку. Легкий бюстгальтер, сплошная кружевная сетка, ничего не скрывал. Пусть офигеют!

Дима ухмыльнулся. Я метнула на него полный ярости взгляд.

— Принеси мой купальник! Не стой, как пень, я замерзла!

Он не тронулся с места, но я сделала вид, что мне все равно. Только спустя пару минут этот е...ый садист, что-то весело насвистывая, исчез в доме. Притихшая Женя остановилась рядом, как-то заискивающе заглядывая мне в лицо, но я лишь раздраженно от нее отмахнулась. Овца! Была бы здесь Лекси, она бы грудью стала на мою защиту, устроила бы натуральный разнос всем присутствующим, а Диме б вообще разодрала морду в кровь. Владимир подошел с другой стороны и, стараясь не опускать взгляда ниже моей шеи, протянул зажженную сигарету. Я с благодарностью приняла ее и больно ударила руки Жени, пытающейся укрыть меня полотенцем.

— Лучше выпить мне принеси!

— Мартини?

— Виски, дура!

Она унеслась со скоростью гепарда. Вова шумно выдохнул дым и покачал головой, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Симка-то наверное тоже накрылась...

Я поперхнулась. Сим-карта! Все номера... и родня, и девчонки. И Вадим. Все сразу! Я не запоминала номера из принципа, не помнила даже свой собственный наизусть. Вот это облом!

— Два дня. И все восстановят, ты только не переживай.

Я его едва слышала. Пыталась вспомнить тот номер, который Вадим назвал предельно важным. Выходило плохо. Мой день рождения, с периодичностью в символ или два. Потом номер автобусного маршрута... Бред. Юля, без паники. Домой ты можешь звонить по городскому или скайпу. Друзей собрать в соцсетях. Ничего, переживу, что за пару дней может страшного случиться?

Женя протягивала мне стакан и бутылку «Джек Дэниэлс». Я поразились ее недалекости. Лекси, поняла я, при всей своей инфантильности все же наделена большей сообразительностью.

— Женечка, принесла б ты еще пару бутербродов, цены б тебе не было, — уловил мое состояние Вова. Когда герлфренд унеслась за закуской, он приблизился.

— Юль, понимаю, что не в тему, но... как там Лена? Отправил ей несколько смсок, но они вернулись...

— На Бали. Не долетели. — Счастливо проинформировала собеседника. — Наша Лена отправилась в теплые края.

— На Бали?

— Да, после сессии сразу улетела.

Вова о чем-то задумался, устремив долгий взгляд на сверкающую под солнцем гладь бассейна. Я благоразумно промолчала, понимая его состояние со всей отчетливостью. Молча отсалютовала стаканом виски и сделала крепкий глоток.

Дима протянул мне пакет с купальником. Я с натянутой улыбкой кивнула. Переоделась в беседке.

После следующего тура поедания жареной на гриле семги я уже отошла от шока, стерла следы размазанной косметики и почти с удовольствием нырнула в бассейн. Женя опасно отказалась составить мне компанию — да она мне была и не нужна. Позже они вместе с Вовой где-то скрылись, ежу понятно, зачем, а Дима, завершив затяжной телефонный разговор, с разбегу прыгнул ко мне, подняв веер брызг. Легкость моментально исчезла, и уже в который раз за день я ощутила тревогу. Он решительно подплыл, властно обнял за плечи. Его губы и язык хозяйским вояжем пробежались от моей шеи к лопаткам, вызвав такой ненавистный, но такой сладкий озноб в теле. Прошла дружба, сушите весла. Вырваться не было ни сил, ни желания. Я попыталась сказать себе, что делаю это ради самого дорогого телефона и спокойной обстановки в гостях, но не вышло — врала себе и изначально знала об этом. Его рука слегка натянула мои волосы на затылке, вырвав произвольный стон. Сердце колотилось, как ненормальное, по ходу, уже совсем не от тревоги. Даже когда он грубовато и вместе с тем нежно развернул к себе мою голову, ухватив пальцами подбородок, губы податливо открылись навстречу его языку. Проклятый виски. Я разомлела от атаки властного языка, утвердившего свой диктат с первых секунд, ощутив, как произвольно подаюсь вперед, соприкасаясь с каждой клеточкой этого сильного тела. Его ладони проникли под чашки купальника, стало трудно дышать.

— Моя глупая мятежница, — выдохнул он в мои губы.

Я недоуменно заморгала, осознав, что мои пальцы неосознанно ласкают его плечи. Он прижал меня еще крепче и снова приподнял за подбородок голову, вынуждая посмотреть в глаза.

— И от этого ты пытаешься убежать? И поэтому ты придумываешь себе всякие ужасы, — только чтобы не признавать, как нам хорошо вдвоем?

Я зажмурилась, и хватка пальцев усилилась.

— Смотри мне в глаза, и только попробуй соврать!

Не хотелось даже вырваться. Каким-то образом вся эта ситуация доставляла острое, извращенное удовольствие. Я лишь шире улыбнулась, не открывая глаз.

— Юлька, хватит обманывать саму себя. Ты хочешь, чтобы мы были вместе. — его жесткий шепот переворачивал мое сознание. Да, вашу мать, меня просто потряхивало о

возбуждения! Друзья до гроба, ага. — И бояться этого не надо. Ты не сможешь справиться с этим желанием, даже не пытайся! Голод никого не отпускает, запомни это.

— Какой голод? — не поняла я. Да и не хотелось мне сейчас ничего понимать. О чем он говорит? Много слов. Я жаждала поцелуя.

— Это твоя сущность. Не надо так яростно это отрицать. Признайся сама себе, как часто ты представляла себя в чужих сильных руках без права выбора? Когда этот выбор уже был сделан за тебя...

Его слова прожигали мою кровь. Но нет, решение принято. Я предлагала секс по дружбе. Что еще тебе надо? Мало?!

— Нет! — простонала я, выныривая из этого сладкого транса. — Я не передумаю...

Хватило сил говорить твердо и решительно. Маленькая, но победа. Только почему мне уже не хочется побеждать?

— Юля. — В его голосе зазвенела сталь. — Ты потом мне спасибо скажешь, что я тебя не отпустил. Ты же и сейчас не хочешь уходить... — рывком притянув меня еще ближе, он до боли сжал ладонью мою шею. От внезапного шока я захрипела. Ужас пинком вытеснил возбуждение куда-то очень далеко. Его слова долетали, словно сквозь вакуум. — Соглашайся. Я последний раз предлагаю по-хорошему. Я же никогда не был жесток с тобой. Будешь выделываться — пожалеешь, запомни мои слова.

Давно я так не кричала. Паника решила все за меня. Замолотила по его перекачанной груди со всей дури, даже не понимая, что шею больше никто не сжимает.

— Кричи, никто тебя не услышит. Да и Вова в курсе, что ты во время оргазма орешь так, что стены рушатся.

Странно — при всем моем испуге не промелькнуло ни малейшей мысли о том, чтобы убежать. При том, что я была зажата у бортика, подтянуться на тренированных руках ничего не стоило. Вслед за страхом накрыли ярость и стыд. Вдруг та сладкая парочка реально услышала мои вопли? Стоило б кому-то из них прилететь на зов, хорошую картину б они застали в лице перепуганной железной Юли. — Ты, садист шизанутый, — сквозь зубы процедила я, едва сдерживаясь, чтобы не садануть ногой в область выпуклых плавков. — Пошел ты нах... со своими страшилками! Твое место в психушке, урод! Воевать с себе подобными сил не хватает, да? Потому что ты — лузер! С этой минуты можешь вообще забыть про меня! И «Vertu» засунь себе в глотку, я обойдусь! Психиатру подаришь! — надо было молчать, только меня было уже не остановить. Я сорвалась на крик. Еще раз появишься рядом, ментов вызову! Нет, сразу санитаров! Про секс вообще забудь, е...тый садист!

— Для секса, — спокойно прервал меня Дима, — Я могу найти себе, не вставая с постели. И с такой внешностью, что тебе придется сразу убиться ап стену. Только я не в том возрасте, чтобы меня интересовал банальный перепих. Я думал, ты это понимаешь. Ошибался.

— Ты поехал крышей... — его слова о том, что есть девчонки покрасивее меня, погасили пыл скандала. Не то, что я этого не понимала... просто намеренно не думала об этом. Отлично! Пусть спускает шкуру с каких-нибудь топ-моделей. Мне плевать!

— Ошибаешься. Я говорил, что тебе нечего бояться? Я не врал. Но лишь в том случае если мы вместе.

— Мы не вместе! Понятно? — теперь у меня исчезли все сомнения в правильности моего решения. Как я могла сомневаться? Ему же лечиться пора. А классный секс у меня и с Вадиком будет. Вадим... Прости меня, Вадим. Сколько раз, закрывая глаза, я мысленно

уносила от тебя прочь к этому садисту, сублимируя в воображении свое завоевание?! От тебя, кроме нежности, сложно было ожидать чего-то другого. Но это в прошлом. Когда вернешься, в нашей постели его не будет никогда. Я ставлю на стабильность и защиту, а, если захочу пощекотать нервы, сигану с парашотом.

Дима как-то устало вздохнул, и на его тонких губах заиграла безжалостная и решительная усмешка.

— Ты сделала свой выбор. Но, надеюсь, помнишь, что я не принимаю отказов? — не дождавись ответа, он развернулся и спокойно поплыл к противоположному борту бассейна.

Стоило ли говорить, что меня как ветром сдуло оттуда. Наспех замотав на груди полотенце, я рванула на крыльцо особняка, но на полпути остановилась. Просить Вову, чтобы отвез меня домой прямо сейчас, было просто некрасиво, особенно после удавшегося пикника. Он же не виноват, что его друг в пожизненном неадеквате. К тому же, мы с ним наакались виски за дружбу в изрядном количестве. Оставалось играть в хорошую и всем довольную девочку и не выносить разборки на всеобщее обозрение. Меньше всего хотелось упасть лицом в грязь при нем и этой дылде. Я подошла к столу и, заметив недопитый виски, сделала глоток прямо из бутылки. Обожгло горло, но этот пожар загасили ягоды винограда. Дима рассекал по бассейну, и мне не хотелось думать о том, что будет, когда ему это надоест. Я прихватила с собой недопитую бутылку и горсть винограда и отправилась исследовать преддомовую территорию.

Владимир нашел меня в ажурной беседке с мягкими качелями, уже слегка захмелевшую, где-то через час. Попытался выяснить, что же у нас случилось, но я лишь неловко отшучивалась. Мне в тот момент было жутко от мысли, что я его начну чем-то просить. А именно — повлиять на этого садиста, который каким-то образом оказался его лучшим другом. Владимир мог бы помочь, на тот момент у меня сомнений не было, но язык так и не повернулся с ним об этом заговорить. Да и что я могла ему сказать? Все мои страхи выглядели бы в его глазах страхами семилетнего ребенка. Он ждал. Я сглотнула. Нет, не стоит.

— Вов, все хорошо, просто не хочу с ним разговаривать. Он убил мой телефон, а у меня на вечер были в планах два важных звонка.

Под неумолкаемую трель Владимира о том, что его друг тяжело переживает наш разрыв, хоть и не показывает этого, а важные номера телефонов лучше параллельно записывать в органайзер, мы вернулись на поляну. Дима обгладывал шашлык из осетрины прямо с шампура и о чем-то оживленно беседовал с Женей, причем с такой обаятельной улыбкой, которую мне приходилось видеть лишь изредка. Сердце пропустило два болезненных удара. Отвали, сука, он мой! Но, подойдя ближе, я лишь громко хмыкнула. Дура, ты хоть понимаешь, что это за человек? Это конченный садист! Да ты бы описалась от страха прямо в бассейне, если бы он только схватил тебя за волосы, не говоря о хватке за шею!

— Остыла? — издевательски протянул Дима. Я оступилась и непроизвольно ухватилась за Вовкино плечо. — Да тебе уже хватит заливать, я погляжу.

Я его проигнорировала, а Владимир наградил укоризненным взглядом. Это меня успокоило. В пределах этого коттеджа я в безопасности.

На жарком солнце мои джинсы и футболка, предусмотрительно вывешенные Женей, высохли окончательно. Мы переместились в кинозал с большой LCD-панелью. Женя раздала нам очки, и мы погрузились в просмотр «Стар Трэка» в 3D. Мне удалось занять

изолированное кресло, оставив их втроем уютиться на софе. Я пила холодный чай, закусывала арахисом и пыталась сосредоточиться на игре Криса Пайна, только это плохо удавалось. Изучающий, полный превосходства взгляд Димы прожигал меня насквозь из-за Вовкиного плеча. Несколько раз за весь сеанс просмотра я пожалела, что не попросила тогда, в беседе, о помощи. Да, они были абсолютно разными — с виду эмоционально непробиваемый Дмитрий и открытый, общительный Владимир, но именно на этих странных контрастах поразительным образом держалась их дружба. Иногда они удачно уравнивали друг друга, но сегодня каждому было комфортно в своем естественном образе. Прямо таки классика, плохой и хороший коп. Вдруг что-то случится, сможет ли Вова защитить меня? И самое главное — а станет ли он это делать?..

У Димы несколько раз звонил телефон, общаться он выходил на улицу, сославшись на рабочие вопросы и даже не попросив поставить фильм на паузу. С каждым итогом таких переговоров он выглядел все больше уверенным и довольным, улыбался, когда думал, что я за ним не наблюдаю. Но я наблюдала. И меня потряхивало от беспокойства, хотя повода, вроде как, и не было. Когда я, не выдержав, выбежала на лоджию покурить, — Вова предусмотрительно оставил здесь пачку сигарет, — следом незаметно выскользнула Женя.

— Юль, — она выглядела обеспокоенной. — С тобой все в порядке? Извини, если лезу не в свое дело.

Я растерянно покачала головой. Угостила ее сигаретой и подумала, что она, в принципе, неплохая девчонка. И содрогнулась вдруг от ощущения, предчувствия, что этот неспешный перекур будет... последним, что ли. Что это какая-то передышка перед тем, как что-то изменится бесповоротно. Стало страшно, и я сглотнула.

— Слушай, Жень, ты прости меня за тот случай, у бассейна... Что я кричала на тебя.

Женька понимающе улыбнулась, заверив, что все в порядке. Какое-то время мы поговорили об учебе и планируемом отдыхе, а когда вернулись в дом, она успела мне обнадеживающе шепнуть:

— Расслабься. Все утрясется.

Да, мне очень хотелось в это верить.

После мы посмотрели «Аватара» и еще какую-то комедию. От очков болели глаза. На улице уже стемнело, и в воздухе запахло приближающейся грозой. Парни ловко собрали установку, вскоре небо над нами озарилось яркими вспышками фейерверков. Я любовалась этой красотой... даже не замечая, как нервно вздрагиваю от каждого выстрела... и даже от дуновения ветерка. Дима это заметил, и какая-то довольная усмешка искривила его плотно сжатые губы. Но я тогда этого даже не осознала.

Вдали послышался раскат грома, который тут же прервал грохот разрывающихся снарядов. Я пошатнулась и вцепилась ладонями в перила. Паника — до того, вроде как, адреналиновая, охватила полностью, вызвав дрожь во всем теле. Я ощутила себя загнанным зверем.

Бежать. Остаться. Не уезжать с ним...

И тут его рука нежным, но твердым пожатием накрыла мою. В этом жесте не было угрозы или какой-то иной демонстрации власти. Наоборот, нервная дрожь стала быстро утихать, словно уносимая энергией сильных, чужих прикосновений. От этого покровительственного жеста стало легче. Даже спокойнее — хоть он и принадлежал источнику моего страха.

— Малыш, — Димка наклонился к уху, — прости. Забудь все, что я тебе наговорил. У

меня от твоего присутствия так снесло крышу, что я не соображал, что делаю.

Мне бы уцепиться за эти слова — о каком контроле может идти речь, вообще? Да само понятие «Доминант» — синоним контроля! Но измученное сознание так легко повелось на ласковые слова...

— И телефон у тебя завтра будет новый, и я оставлю тебя в покое. Обещаю. Если не захочешь меня видеть больше, я пойму. Сам все сломал, своими руками. Но я не хочу твоего страха и нервных срывов. Верь мне.

Я ощутила привкус горечи в горле. Глаза предательски защипало. Что это со мной? Как нежность слов могла меня так растрогать после его показательного выступления в бассейне? Прежде чем понять, что же делаю, я склонила голову ему на плечо. Отдергивать было поздно и, по меньшей мере, глупо — он видел мою слабость. Но в этой слабости было что-то от наслаждения.

— Зачем ты так?..

Он ласково гладил мои волосы.

— Этого больше не повторится. И еще, давно хотел сказать — я восхищен твоей смелостью. Ты боец. Сильная девочка.

Комплимент достиг цели. Да, я попыталась — если не быть смелой и нестигаемой, то хотя бы казаться. Комок в горле исчез, и я, поежившись от порыва свежего ветра, крепче прильнула к нему. Мысли потекли своим чередом. Неужели я поспешила?! Надо дать ему время... Просто перед этим отдохнуть друг от друга. Как я и хотела. Меня нельзя ломать под себя. Нельзя загонять в подобные рамки. Меня это убивает, он же не может этого не понимать и не видеть!

Робко улыбнулась сама себе. Женя права, все утрясется.

— Не злишься на меня? Юлька, я хочу это услышать, — он выдохнул мне это прямо в губы. Я не стала ничего говорить. Просто по инерции встретила его язык, и нежность поцелуя вскружила голову, прогоняя тревогу окончательно. Я словно проваливалась куда-то вниз — то ли от виски, то ли от жажды этой ласковой власти, заключенной в этом поцелуе.

— Эй, ребята, мы тут резко ощутили себя лишними, — игриво выдал Вова. Прервав поелуй по собственной инициативе, я встретила его показательно-веселый, но вместе с тем настороженно-вопросительный взгляд. Едва уловимо кивнула, показывая, что ситуация изменилась, и спастись мне не стоит.

— На посошок и баиньки? — сразу повеселел он, сотрясая в вытянутой руке бутылку виски.

— Не сыпь мне соль на сахар, — беззлобно отозвался Дима. Ага, нельзя, он же за рулем. Я со смехом выхватила у Вовки бутылку и сделала небольшой глоток. Кровь еще быстрее побежала по сосудам.

— Димон, тебе это тело еще домой заносить! — поигрывая бицепсами, ирек Владимир. — Как самому трезвому из нас!

— Да я как стеклышко! — Рассмеялась я. — Я и довезу нас легко!

Дима напрягся и обнял мои плечи. Поколебавшись, выпалил только одну фразу:

— Хочешь?

— А хочу! — беспечно отозвалась я. — Сам говорил, что все куплено и схвачено!

— Я, наверное, и правда шизанутый, но вот не прочь посмотреть, как ты с этим справишься.

Сердце пустилось плясать джаз-фанк. Я победила!!! Раз уж он свой джип согласился

мне временно доверить, грош цена его понтам и громким словам. Не хочет меня терять настолько, что уже поступает своими принципами. И, вашу мать, буду честна сама с собой — я хотела, чтобы он меня удержал и не позволил уйти. Желание взяло верх над разумом, и, наверное, сама вселенная вместе со вспышками молний подхватила его, унося в астрал, поставив в очередность немедленного исполнения. Дословно и неумолимо.

Начиналась гроза, я поспешно попрощалась с Вовой и Женей.

... - Выедем на перекресток — сядешь на место водителя, — решил Дима. — Тут брусчатка полуубитая.

Дождь припустил вовсю. Дмитрий повернул ключ зажигания, и тут его телефон взорвался громким рингтоном — "415, ответьте базе!" Не оригинально. Но от этого звонка мой спутник напрягся и бросил на меня внимательный взгляд. Я с отсутствующим видом уставилась на свой маникюр, а Дима, не колеблясь, вышел в дождь. Я подавила искру проснувшейся ревности. Ничего, это временно. Всяких шлюх рядом с ним я и близко не потерплю. Королева у него будет одна. Даже если он будет называть ее рабыней и приковывать на ночь к постели.

— Долбаный ливень, — с улыбкой сообщил Дима, возвращаясь в машину. Моя кровь побежала быстрее, стоило мне увидеть, как рельефно облепила его кубики пресса белая намокшая футболка.

— Ты весь промок. — С трудом подавила дрожь.

— Пустяки. Дома выпью коньячку, и сразу попустит.

Потоки воды били в лобовое стекло. Дима задумчиво посмотрел на мои руки.

— Не думаю, что по такой погоде тебе стоит практиковаться на скоростной трассе. Поедем в объезд, там машин мало. Ты точно хорошо себя чувствуешь?

Я, вопреки всему, даже не была пьяна, голова оставалась ясной, координация — четкой. Единственное, что пробудил во мне виски — бешеное сексуальное желание, которое я из последних сил удерживала под контролем.

— Тогда вперед, королева автострады, — я приняла с его пальцев губами таблетку "анти-полицая", подавив желание приласкать их языком и, что меня шокировало еще сильнее — припасть к его руке губами. Он уловил мое смятение, но в его глазах я не увидела ни издевки, ни превосходства. Только растерянное изумление. Хороший знак.

Спустя 10 минут мы выехали на более ровный асфальт, я определила это по плавному ходу авто. Дождь поутих, но не окончательно — гроза догоняла, озаряя угольно-черное небо вспышками молний.

— Передача. Переключение скорости, — потыкал Дима пальцами в приборную панель. Я все это теоретически знала. — Сильно скорость не набирай, договорились?

Поежившись от косых струй дождя, я поспешно перебралась на его место. Азарт накрыл с головой — и, в большей степени, от его доверия. Сердце плясало самбу, когда я медленно тронулась, постепенно ускоряясь и отдаваясь чувству полета. Включила плеер. "Жадно так глотает солнце два серебрянных крыла..." — заполнил салон голос Левы из Би2. Я даже не догадвалась, насколько похожи наши музыкальные вкусы.

Дима загрузил меня инструктажем, но вскоре умолк, наблюдая за мной с каким-то таинственным удовлетворением. Адреналин бушевал вовсю, и я утопила педаль до упора. Странно, но он промолчал. Вместо этого что-то отрывисто сказал в зазвонивший мобильный и положил ладонь на мое колено. Меня пронзил сладкий ток, от микса скорости, драйва и возбуждения мозг грозился уйти в подполье. Но его действия не вызвали протеста, я лишь,

скосив глаза, позволила его пальцем перебраться выше. И еще выше... руки предательски задрожали, и я из последних сил сконцентрировалась на дороге. Но он этого даже не заметил. Его ладонь прошла между моих сжатых бедер, молния податливо расстегнулась под этой атакой, пальцы настойчиво отодвинули ткань трусиков в сторону, и я почти отдалась этому безумию. Сладкий прилив прокатился вверх по позвоночнику — и снова вниз. Мои стоны слились с шумом двигателя и дождя. Его язык прочертил дорожку по моей шее, приласкал ухо. Я ощутила боль в пальцах, сжавших рулевое колесо, и, опомнившись, встретила его взгляд. Невозмутимый и спокойный.

— Ты лучшее из того, что со мной происходило в последнее время, — выдохнул Дима, убирая руку. Я тряхнула головой, перевела взгляд на дорогу, и...

Навстречу неумолимо приближались яркие огни, разбиваясь в каплях дождя. Меня словно парализовало. Нога в панике утопила педаль газа до упора, и я, не соображая ничего, ускорила свой путь навстречу неминуемому столкновению.

— Юля, выворачивай! — заорал Дима, навалившись на меня и пытаясь оторвать мои намертво вцепившиеся в руль ладони. — Влево, твою мать!..

Его паника завладела мной, и я слышала собственный вопль ужаса. Руки повернули руль вправо, его же — влево, почти одновременно. Меня припечатало к седушке и дверце, больно шарахнув по ребрам. Фары неотвратимо приближались.

Нет, ничего такого не было. Жизнь не пронеслась перед моими глазами за секунду, как, говорят, это обычно происходит. Ступор. Шок. Мой вопль повис в воздухе вместе с тупой, неуместной мыслью — не видать мне "Vertu", как своих ушей. Руки полоснуло сильной болью — Дима тянул руль на себя, и нас обоих завертело, словно в карусели, больно ударяя о все поверхности. Свет ушел в сторону машина описала еще один поворот, и меня швырнуло грудью на панель приборов. "Лендкрузер", заурчав, заглох.

Первые секунды ничего не происходило. Я оторопело огляделась. Дима жив. Я тоже. Пошевелила руками, ногами — работают.

Меня затрясло. Дима потерял ушибленную руку.

— Цела?

Кивнула. Он был сосредоточен и хмур. Я ощутила набегающие слезы. Лучше б он меня ударил или успокоил, чем этот долбаный ледяной панцирь скрываемой ярости. Такое поведение пугало меня. Я потянулась за сигаретами, но он жестко одернул мою руку.

— Выходи из машины. Мы должны посмотреть, что с теми.

Меня вновь затрясло от нового приступа ужаса и отчаяния.

— Не хочу! Что, если мы их убили?!

— Именно это я и собираюсь выяснить. Выходим...

Приказа верить в чудеса — не поступало...

(с) Би-2

Юля

Почему вот так, в один момент, все перевернулось с ног на голову?! Как вообще такое могло произойти?!

На негнущихся ногах я ступила на мокрый асфальт, под яростные струи дождя, кажется, испытав на миг эффект ужасающего дежа вю. Казалось, само небо наказывало меня за то, что я... Не может быть! Они живы, если бы было иначе, джип бы тоже вдребезги... Или нет?

Дима, хренов опекун, не сделал ни малейшей попытки как-то помочь мне. Дрожь усилилась. Еще и дождь полосовал тело, словно плетью, пробирая до костей этой жуткой ассоциацией. Я пошатнулась, ухватилась обеими руками за капот машины... И уже спустя секунду увидела три мрачные тени.

Нереальное чувство облегчения вместе с радостью накрыло, вызвав улыбку. Живы! Только автомобиль, черный "геленваген", одним колесом наклонился в кювет. Справа зияла очень заметная в свете фар вмятина. Откуда, нас же не задело вроде?..

— Ребята, все нормально? — Дима шагнул им навстречу, примирительно подняв руки и развернув ладони. — Ментов не надо, мы...

Кулак самого крепкого мужчины из троицы "пострадавших" метнулся вперед, и в следующий момент Димка, охнув, рухнул на асфальт. Едва сообразив, что произошло, я непроизвольно заорала в полный голос. В тот же момент кто-то из них впечатал меня в капот "лендкрузера", и я больно ударилась спиной.

— Сука, захлопни пасть!

Я оцепенела от ужаса. Тот тип, что отправил в нокаут Диму, обошел его и с размаху двинул ногой в живот.

— Вставай, мудила! Ты попал, понял?!

Третий засмеялся, вышел в световой луч фар. Я заметила в его руках самую натуральную бейсбольную битую, и в этот момент меня накрыло. Я разрыдалась. Не хочу умирать! Мы только что чудом остались живы! Как же так?!

Дождь смывал мои слезы, но тело сотрясало от ужаса и рыданий. Крепкий бугай, сплюнув на асфальт, сжал мне шею.

— Прекрати реветь, соска, ширинку застегни! Пока я тебя не отодрал прямо на капоте.

Я подчинилась, даже не ощущая нехватки кислорода от удушья. Дима медленно поднялся, держась руками за правый бок. Шкаф с лысым черепом, избивавший его, ухмыльнулся, глядя мне в глаза, и пихнул Диму в спину.

— Ну что, мальчишки и девчонки, накатались? Что делать будем, а?

Лицо Дмитрия искривилось от боли, но он стойко изобразил пожатие плечами.

— На... назови сумму. Давай решать все полюбовно.

— Сосунок, ты посмотри на номера, — заржал шкаф. — Ты хоть понимаешь, на кого наехал?! Ты, пидор, за эту царापину в рабстве у меня шабашить пожизненно будешь! Я тебя уничтожу. Я, мразь, стрелку из-за тебя прое. л только что, ты понятия не имеешь, какие баблосы у меня там накрылись!

Худощавый браток с битой подошел ближе.

— Айрон, харе зверствовать. Грузи его шмару в багажник. Пусть отстегивает за ремонт, а телку пустим после стрелы по кругу. И в расчете.

Я почувствовала, что ноги больше не держат, что я медленно оседаю вниз, и только лапища, сжимающая мою шею, удерживала в вертикальном положении. Дима, все еще кривясь от боли, поспешно вышел вперед, закрывая меня собой.

— Парни, назовите сумму. Она ни при чем, не трогайте ее. Я шгуку дам. «Патек» мой заberi. Мобилу. Я отвалю баксов, просто нет сейчас с собой! Евро! — быстро поправил Дмитрий.

Эти нелюди заржали.

— Да чего ты рыпаешься? Не сцы, вернем живую и здоровую! Ну, живую так точно! — гадко сказал тип с битой.

— Ребят, я серьезно. Я сын Лаврова. Отпустите ее.

— О! В эфире "ты знаешь, кто мой папа!" — продолжал веселиться тот, кого называли Айроном. Хватка на моей шее ослабла, и мужик, достав телефон, быстро набрал номер.

— 2307 ХА, "Ледкрузер Прадо"! — дождавшись ответа, махнул рукой. — Стопэ, это реально сын Лаврова. Его номера.

Айрон как-то сразу сник, задумавшись.

— Да, нах... нам терки с ОГА... Нам еще дела совместные решать. — Почесав затылок, скользнул по мне похабным взглядом и повернулся к Дмитрию. — Ну забей, я помял там тебя немного... Слушай... Ты раскинь мозгами, тебе нужен скандал? У папочки и так головняков по самые помидоры, еще за сына расхлебывать... Вот что, сдай мне эту ляльку в аренду на пару дней. И за царапины можешь не башлять. Ну подумай сам? У тебя еще таких шлюх загребись сколько будет! А мне она понравилась, давно такой шикарный кусок мяса не кантовал.

Я не сдержала крика ужаса, и рука отморозка вновь сжала мою шею.

— Нет! — решительно произнес Дима. Я зажмурилась, ожидая, что его сейчас снова начнут избивать. Слова о крутом родителе тут ни на кого особо не повлияли. Но ничего не произошло. Айрон продолжал скалиться.

— Эй, Бриг, отпусти ее. Еще задушишь.

Меня снова швырнули на капот. Я закашлялась, захлебнувшись слезами и дождевой водой.

— Сынок, значит. — угрожающе зашипел браток. — Слушай сюда. Подфартило тебе, мы на разборки опаздываем. Гони свою шгуку и уе. вай. Но мы не закончили нашу беседу. Я еще перетру с твоим батей. И соску свою умой, я завтра заберу ее. Пусть мне спинку в сауне потрет.

— Нет. — Дима повернулся ко мне. — Это — моя сестра. Я подгоню тебе завтра люксовую профессионалку, в накладе не останешься!

— Айрон, время! — недовольно намекнул тот, с битой.

— Охренеть! Ты жаришь собственную сестру?

— А это двоюродная, ее можно! — заржал тот, кто едва не задушил меня. Айрон прекратил ухмыляться, его лицо стало серьезным до жути.

— Ты че мне втираешь, сосунок? Ты думаешь, я не знаю, что у Лаврова нет дочери? Только убожество-отпрыск! Я свое слово сказал, завтра суку твою забираю. В обед чтоб ждала! В мини-юбке и без трусов! Я, так и быть, больше никому ее шпилить не дам, сам отдеру. А теперь валите отсюда, и только пискни в СБУ или кому еще — я тебя завтра с ней

рядом раком поставлю!

Я в оцепенении наблюдала, как эта троица отморожков силой своих бицепсов выровняла мерседес-кирпич, как улыбнулся мне на прощание плотоядной улыбкой этот мерзкий урод, как они погрузились в машину и быстро рванули в ночь.

Я без сил опустилась на колени прямо в лужу на асфальте, негнушимися пальцами достала мобильный из кармана джинс. Вадим! Где ты, Вадим? Никто, кроме Вадика, который как-то вскользь обмолвился о своих криминальных связях, не вытащит меня из этого кошмара. Щелкнула по кнопке, выронила в лужу. Епт! Да он же сдох у меня в бассейне вместе с симкой!

Год рождения. Маршрут Е-45... Или Е-32... День экзамена... Какого? Не помню, хоть убей! Ничего абсолютно. Тысячи комбинаций цифр, и лишь одна из них искомая...

— Юля! Юля, тебе плохо? — Дима поспешно подбежал, сжал мои плечи, поднимая с колен. — Вставай! Девочка моя, ты простудишься!

От несвойственной ему нежности обеспокоенности, скользившей в голосе, и неожиданного тепла сильных рук слезы снова хлынули непрерывным потоком. Затем эти самые руки ловко оторвали меня от земли, подняв, и осторожно опустили на автомобильное сиденье. Я промокла до нитки, меня колотил жуткий озноб, а сознание нырнуло в какой-то ступор.

Его ладони все так же нежно обхватили мое лицо. Неожиданно горячие, как и жаркий шепот с оттенком нежности.

— Юля, послушай меня. Ничего не бойся. Никто не посмеет тебя обидеть. Да, мы крепко влетели, но решать это буду я сам. Сейчас успокойся... Мы едем к моему отцу, только он сейчас поможет разрулить ситуацию. Все их слова — дешевые понты, они просто хотели нас запугать. Слышишь меня?

Я плакала. Это, наверное, было к лучшему — уйти в себя, замкнуться в этом шоковом трансе. Дима ласково поцеловал меня в лоб, погладил по шее, включил горячий обдув. Мы неслись сквозь дождь, рассекая серую пелену, в направлении города. Я еще долго не могла успокоиться, заливая мокрое от дождя лицо потоками собственных слез. Когда бутылка минералки коснулась моих губ, я машинально выпила ее до половины. Дима уже окончательно взял себя в руки. Поразительное самообладание! Протянув мне бумажное полотенце, он ободряюще улыбнулся.

— Не плачь, маленькая. Я же сказал, что все будет хорошо? Эти уроды еще прощения просить у тебя будут.

— А... А нам обязательно... Ехать к твоему отцу? — меня терзало жуткое предчувствие. День сегодня не задался. Угрозы, накрывшийся телефон, ДТП, провалы в памяти, что дальше? Хотя, скорее всего, мной овладела гипертрофированная мнительность после нокаутов судьбы. Дима кивнул.

— Надо, Юлька, надо. Я догадываюсь, чья это группировка. Долбаные беспредельщики. Но без дополнительной информации мы ничего не сможем решить. Я просто выясню все у отца и сам разрулю с... Их авторитетом. Но тебе, в таком состоянии, не стоит оставаться одной дома. Они быстро проббили мои номера. Узнать твой адрес им тоже не составит проблем.

Логика была бесспорной. Впрочем, Дмитрий никогда и не был стопроцентным папенькиным сыном. Я накрыла его ладонь дрожащими пальцами, ощутив робкие проблески зарождающегося чувства к этому человеку.

— Спасибо тебе.

Подрезав "москвич", он быстро наклонился и коснулся их губами.

— Ты, главное, ни о чем не переживай. Ты со мной, а свою женщину я никому не дам в обиду.

Какой же ценой, Дима?.. Какой ценой ты закроешь меня от страданий и ужасов кроме тех, что вскоре причинишь сам?.. Нет, я этого не сказала. Робкий писк здравого смысла был задушен паникой и ужасом событий этого дня.

Спустя четверть часа мы свернули на дорогу, ведущую к роскошному коттеджному массиву, окруженному высокими соснами. Дождь поутих, а может, просто не дошел сюда. Создавалось стойкое ощущение, что такой поселок запросто сможет избежать грозы по одному желанию хозяев этих архитектурных шедевров. Яркие витые фонари освещали дорогу, а многие мини-дворцы полыхали почти рождественской иллюминацией. Здесь было настолько необычно, роскошно и спокойно, что я ощутила нечто похожее на умиротворение, поддавшись благополучному, сытому очарованию местности. Не последнюю роль в этом сыграли нежность и спокойствие моего спутника. Чтобы прогнать послевкусие шока, я уставилась в окно, пытаюсь отгадать, какой же из этих домов принадлежит его отцу. Но на двадцатой ошибке прекратила это занятие.

Наконец-то мы остановились у витого еврозабора с массивным ролетом ворот, за которым просматривалось трехэтажное здание в стиле хай-тэк. Дима вышел, уверенно набрал код на панели, и ролет быстро поехал вверх. В проеме показалась фигура широкоплечего мужчины, который что-то отрывисто сказал Диме и сделал приглашающий жест ладонью. Охрана.

"Лендкрузер" уверенно въехал в роскошный дворик. Все вокруг было залито ярким светом и кричало о профессионализме рук ландшафтных дизайнеров — мини-озерца, умело подсвеченные светодиодными лампами, фонтан с синими светодиодами — почти копия того, что открылся в прошлом голу у Дворца Спорта, замысловато подстриженные самшитовые скульптуры. У крыльца дома я с изумлением заметила две кристально-прозрачные колонны, дробившие свет на причудливые лучи, такими же были перила открытой лоджии. Умопомрачительно красиво! Крыльцо и первые этажи освещались, словно аэродром, и лишь последний этаж тонул во мраке.

Дима заглушил мотор и вышел. Я заметила быстро метнувшуюся к автомобилю черную тень и испуганно ойкнула.

— Лежать, Церера, свои! — властно процедил мой защитник. Грациозная черная псина — в породах я не сильна, чем-то напоминая собак, напавших на героиню Милы Йовович в "Обители Зла", приветливо завиляла хвостом и отбежала в сторону. Я оперлась на руку Дмитрия, вышла из машины и сжалась под резкими порывами пронизывающего ветра. Шикнув на пса-охранника, Дима, не оборачиваясь, потащил меня к дому. Миг, и мы оказались в не менее роскошном вестибюле. Здесь все было оформлено в стиле охотничьего домика, и я поежилась, заметив висевшие на стенах чучела голов волков, лисиц и оленей. Настоящая обитель Хищника, безжалостного охотника, опасного зверя. Двунюгого.

— Отец, я приехал! — крикнул Дима куда-то в пустоту. Потом повернулся ко мне. — Немедленно снимай все, ты промокла до нитки. Я сейчас тебе кое-что из маминых вещей принесу. Размер у вас с ней один.

Меня это поразило — я гордилась своим телом, приобретенной в результате тренировок и диет формой, и от осознания того факта что зрелая женщина сохранила роскошную

фигуру, мне остро захотелось с ней познакомиться.

Мы были в холле, но я не подумала о том, что стоит уединиться в комнате — кондиционированный воздух помещения сковывал льдом. Я дрожащими пальцами ухватила край футболки, которая прилипла к телу и не желала сниматься. Дима на меня не смотрел. Когда я подняла футболку до уровня груди, упакованной в ничего не скрывающий бюстгальтер, меня заставило остановиться неприятное ощущение чужого взгляда. Я вздрогнула и медленно обернулась.

Дмитрий мало чем был похож на него, своего отца. Мужчина, стоявший на лестнице в арочном проеме, был довольно крупным и невысоким. Несмотря на позднее время, на нем был темно-синий костюм из дорогой ткани, черная рубашка и белый атласный галстук, тонкие очки в, похоже, золотой оправе, туфли из имитации кожи крокодила... Хотя, скорее всего, это вряд ли была имитация.

В его коротко подстриженных волосах просматривались седые нити, а глаза, рассматривающие меня с брезгливым презрением, были колючими и жесткими. Лицо показалось знакомым. Скорее всего, я видела его по телевизору, и не раз. Человек, наделенный большой властью, привыкший отдавать приказы и видеть всех остальных пешками в своих партиях. Наверное, кое-что Дима все же от него взял.

— Здрости... — пролепетала я от неожиданности. Он не удостоил меня ответом. Перевел взгляд на сына, и его губы сжались в тонкую злую линию.

— Ты объяснишь мне, что здесь происходит?

От звука равнодушного, пугающего спокойствием голоса меня снова заколотило. Но Дима даже не вздрогнул.

— Объясню. Мы попали в ДТП. Оба живы, машина тоже в порядке.

— Это я уже знаю. Ты посадил ее за руль?

Дима немного поколебался. Потом кивнул.

— Да.

— Ко мне в кабинет. Оба.

Это был безоговорочный приказ. Я натянула мокрую футболку обратно, а Дима молча взял меня за руку. Его отец поднялся по лестнице, не оборачиваясь, а нам не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним. Наконец, мы оказались в комнате с большим столом, мебелью из черного дерева и большой LCD-панелью во всю стену. Тут царила рабочая обстановка, и сам кабинет мог тягаться по стилю и оснащению с рабочим кабинетом президента. Царил жуткий холод. Я поежилась, но никто этого не заметил.

— Хорошо оттянулись, детки? — Лавров — старший подошел к бару, плеснул себе в широкий бокал темной жидкости и залпом выпил. — Жажда скорости вскружила голову? А за свои косари отвечать ой как не хочется, правда?

Я сжалась.

— Сядь! — рывкнул он мне, и повернулся к сыну. — Можешь не утруждать себя рассказом. Дай угадаю. Ты справедливо рассудил, что я улажу сейчас все ваши проблемы, поглажу по головке и отпущу дальше, как ты это называешь, тусовать... Тусить? Вижу, так и решил. Забавно. А теперь слушай меня внимательно. Моей помощи ты не увидишь.

— Отец. — Дима подошел ближе. — Я не помощи просить у тебя пришел.

— Вот как? Я полагаю, благословения? — Он ткнул в меня пальцем. — Ты точно не ударился башкой, а?

— Нет. Просто скажи, кто на нас наехал. Я свои вопросы, как ты знаешь, привык решать

сам. И с ними сам договорюсь.

Презрительный смех, казалось, сотряс стены.

— Договоришься? А вот ни хрена ты с ними не договоришься. Ты хоть знаешь, где сейчас Оракул?

— Так это его отморозки?

— Его, да не его. — Выражение лица мужчины стало сосредоточенным. — Тут вот в чем дело. Григоров в Италии отсиживается. Идет передел сфер влияния. Первый помощник, воспользовавшись случаем, прибрал власть к своим рукам. У Оракула нет возможности вернуться и утрясти эту проблему, в связи с тем, что его объявили в розыск на территории страны. Полетят головы. Берсерк, как его называют в их среде, вроде как отстаивает его интересы и не дает структуре развалиться, только все не так однозначно. Это, по сути, тот еще беспредельщик, который не упустит возможности отжать свое здесь. У него сорвало планку, и Оракулу в связи с подобным положением дел сюда не дотянуться. Сейчас тут беспределят Берсерк и Айрон, его сторожевой пес. Вот, кому вы перешли дорогу.

В комнате повисла напряженная тишина. Я чихнула. Отец и сын повернулись в мою сторону, сфокусировав задумчивые взгляды на моем лице. Мне стало страшно от растерянности и почти сожаления в глазах Димы.

— Пап, выключи кондиционер, — тихо сказал, наконец, Дмитрий. — Юля очень замерзла.

Я ожидала новой порции сарказма и презрения в ответ, но этого не произошло. Лавров-старший щелкнул кнопку на дистанционном пульте и, повернувшись к бару, чем-то наполнил чистый стакан. Протянул сыну.

— На, отнеси ей.

Коньяк. Я проглотила его залпом, горло обожгло огнем, но жаркое тепло побежало по венам, согревая. Его отец как-то устало оглядел меня. Так смотрят на нашкодивших котят — с пониманием и брезгливостью.

— Хорошая девчонка. Что у тебя за дар создавать им проблемы-то, а?

Это адресовалось Диме, но вопрос был риторическим.

— Пап, что нам делать? — ответил он вопросом на вопрос, придав голосу уверенность. Как-то сильно поспешно. Я невольно испытала восхищение. Он не ныл, не умолял, он принимал проблему такой, как она есть, и просто спрашивал совета у более опытного в таких делах.

— Я имел с ними долгую телефонную беседу, — ответил Лавров-старший. — Прихвостень Берсерка и вправду хотел забрать ее себе?

— Да. Этот урод так и заявил.

— Дима, он это сделает.

Я застонала. И тут Дима с размаху шарахнул кулаком по столу, заставив меня подскочить на месте.

— Ни х... он не сделает! И мне плевать на Берсерка и его ган. нов! Пусть только явится завтра, клянусь, я его грохну. Дай мне мой ствол.

— Эх, молодежь... Все еще ребенок. В ковбоев и индейцев никак не наиграешься? — его отец перевел взгляд на меня. — Марина, расслабься. Ты учишься? Работаешь?

— Ее зовут Юля! — прошипел Дима

— Ах да, точно, Юля. — Он повернулся к сыну. — Я сказал, что не стану вести переговоры с Айроном. Увы, это так.

Слезы побежали из моих глаз. Наверное, только сейчас я начала осознавать, насколько крепко вляпалась. Прошла целая вечность, прежде чем его отец нарушил молчание.

— Вот что. Уезжайте из города на неделю. Или вообще, из страны... Так будет лучше. У нее загранпаспорт есть?

Дмитрий кивнул. Лавров призадумался.

— Хотя нет, из страны не стоит. В случае совсем непредвиденной активности я, конечно, проведу вас по базе аэропорта, чтобы пустить их по ложному следу. Хотя вряд ли они станут поднимать из-за вас весь город на уши. Шестерки Берсерка побесятся и утихнут, с меня требовать предоставить им девчонку никто не станет. Но условие одно. Вы должны уехать, чтобы не путаться под ногами и дать мне время уладить этот вопрос. Езжай в Симеиз на виллу. Отдохнете пару недель, Игорь справится с залом, да и ты будешь на связи.

— Крым? Отлично. Юля из Феодосии, — улыбнулся Дима. Я ощутила облегчение. Всего лишь отъезд. Но ведь я и собиралась домой!

— Я рад за нее, только ехать домой ей пока не стоит. Я не знаю, как далеко могут дотянуться руки этой своры. А поезжайте вместе в Симеиз? Ей тоже отдохнуть не мешает. И я буду спокоен, не разыскивая тебя по всей Европе. Юля, — он обернулся ко мне. — Я буду настаивать, чтобы вы ехали вместе. Давай начистоту, ты взрослая девочка. Мне наплевать на тебя. У моего сына еще будет вагон тебе подобных. Я говорю это не для того, чтобы как-то растоптать тебя или унижить. И не от того, что ты виновата в этой аварии. Даже больше — по правде говоря, я совсем не вижу твоей вины в этом. Виноват тот, кто с дырявой башкой разрешил тебе порулить. Просто ты должна понимать: моя помощь ничего не значит. Никаких претензий на брак или денежный откат. Я таких, как ты, насквозь вижу. Ты стремишься охмурить богатого сынка и таким образом решить все свои проблемы. Этого не будет. И не надо так на меня смотреть. Чтобы я стал тебя хоть немного уважать, докажи, что достойна этого. Добейся сама чего-либо своими мозгами, а не одним местом, и разговор у нас будет иным.

Тут меня накрыло. Вашу мать! Гребаные толстосумы, нажившие свои капиталы путем коррупции и хлебных кормушек! Уроды! Да кто вам дал право оскорблять других, чья вина лишь в том, что они не наживаются на чужой нищете?..

— О, простите! Я оскорбила ваши чувства!!! Но у меня нет богатого папочки! Что же делать?! Наверное, пойти и убиться ап стену!

— Отец, сейчас не время и не место! — холодно сказал Дима.

— Да, и мне в пыль не тарахтит женить на себе вашего сына! — я уже почти кричала. — Это не мой уровень достатка! Вы еще до такого не доросли!

— Дима, вели ей закрыть рот. Я только из уважения к тебе сейчас сдерживаюсь, чтобы не преподать ей хороший урок в сауне. И никто бы меня за это не осудил — нормальная плата за то, что я спасаю ее от отморозков! Я не требую к себе уважения — если ноль воспитания и замашки гопницы, о какой благодарности может вообще идти речь. Я не выкинул ее за дверь сейчас даже не из-за банальной человечности, а лишь потому, что ты ею увлечен. И это увлечение, должен признать, хорошо сказывается на продуктивности твоей работы.

Наверное, я должна была ужаснуться, возмутиться, психануть и послать этого напыщенного родителя куда подальше. Я не вещь, чтобы меня обсуждали в третьем лице, и дипломатично называли шлюхой и охотницей за богатым спонсором! Но вместо этого опешила от осознания, что вопреки всему испытываю лишь стыд и сожаление за свои слова.

— Простите, пожалуйста, — искренне пролепетала я. — Умоляю, простите. Вы правы. Но вы должны знать — я ни на что не претендую и не буду претендовать. Я очень ценю вашу помощь. Да у меня не было и близко таких мыслей, поверьте мне... Просто... Просто... Я... — слезы вновь покатались из моих глаз от приступа острой жалости к самой себе.

— Отец, ну зачем ты так? — Дима сел рядом и обнял мои дрожащие плечи. — Я не знаю, почему тебе именно так показалось. Я еще не встречал подобной девушки. Она другая... она честная. Не чета всем этим корыстным сукам.

— Дмитрий, тебе виднее. Можешь ничего мне не объяснять. Сейчас соберите шмотки в дорогу. Бери «Туарег» своей матери, твои номера не должны сейчас светиться без надобности. Постарайтесь выехать до рассвета, долго не копайтесь. Юля, никому не объясняй ничего. Временно просто исчезнуть, чтобы никто не знал, где ты — лучший вариант. За неделю все притихнет, спокойно вернешься.

Он подошел ближе. Я нерешительно улыбнулась сквозь слезы.

— Спасибо вам! Спасибо большое! — Я много плакала за эту ночь. Я старалась не думать, что выгляжу ужасно, что называется, вся в соплях и губной помаде. Неожиданно его рука легла на мое плечо. Удивился даже Дима.

— Сын, она же насквозь промокла, — словно он только что это заметил! — Принеси ей что-то из гардероба Ларисы, пусть переоденется. Жаль, нет времени растопить баню... Согреться! — резко пояснил он, когда я вздрогнула. — Иди!

Помедлив, Дима вышел.

— Еще коньяку, Юля? — вкрадчиво осведомился старший Лавров, когда мы остались одни. Я отрицательно покачала головой. — Надо, девочка, надо. Ты с пневмонией сляжешь. Держи.

Я нерешительно сжала в дрожащих руках бокал и подняла глаза. Взгляд его отца не потеплел ни на градус.

— Я, наверное, не должен этого говорить, но... Ты вроде как не глупая девчонка, сама все понимаешь. Не благодари меня. Ты должна благодарить его. Понимаешь, чем я?

Я понимала. Он не зря назвал меня не глупой. У богатых это постоянная практика. Слушаться. Угождать. Выполнять его желания в благодарность за спасение. Интересно, а знает ли отец, какие желания у его сына и как мне стоит изнасиловать свой мозг и волю, чтобы им соответствовать? Даже если и знает... Я для таких людей пыль под ногами.

— Это рекомендация. Будь внимательна к его желаниям. Ты не осознаешь, что ему во многом досталось больше, чем тебе.

Ответить я не успела. Дима влетел в кабинет с охапкой одежды. Его отец кивнул.

— Выходи, переодевайся. Дима, будь тут. Кое-что обсудим.

В соседней комнате я с отвращением стянула с себя мокрую одежду. Новые джинсы оказались малость великоваты, но белоснежный свитер из тонкой шерсти, явно дорогой, сел идеально. Я сразу оценила его превосходное качество. Мокрые волосы спутались, щетки не было в наличии, и я, разделив их на пряди, заплела в подобие косы. Свитер согревал, промокшие трусики и бюстгальтер я сняла совсем, и от ощущения умиротворяющего комфорта подавленность исчезла, мозг вновь обрел способность объективно мыслить.

Остаться с Димой наедине, ценой спасения? Ответь сама себе. Ты же этого хотела. Гордость удерживала железными оковами. Без боя не сдаваться! Но сейчас у тебя забрали эту ответственность, разве нет?..

Второй вариант... Девичья память! Куда я записала экстренный номер Вадима — сразу

в записную книжку телефона или же... на клочке бумаги, односторонней визитке, на руке? Нет, на руке нет...была ли тогда авторучка под рукой? Если я найду его номер — Дима получит сухое «спасибо» и, так и быть, бутылку дорогого алкоголя за спасение. Вадик не будет требовать от меня ничего, ему за счастье побыть защитником и спасителем...

Спустя четверть часа мы неслись по городу на нереальной скорости. От пережитого стресса я задремала ненадолго — под мерный напев непрекращающегося дождя, шелест колес по асфальту и заверения Димы в том, что все обошлось, и скоро не о чем будет переживать...

Вахтерша спала беспробудным сном под мерно завывающий телевизор. Понимаю, дождь. Тем лучше. Иначе завтра новость «Юля ночью с мужчиной» затмит собой всю «Санту-Барбару» мира. Я уверенно открыла дверь и зажгла свет. Не разуваясь, побежала в комнату, забыв о присутствии Димы. Телефон!!! Где же?

Вытрясла из портмоне уйму визиток и чеков, которые забывала ликвидировать. Дрожащими пальцами раскидала их по поверхности стола... Есть номер? Нет. Нет и близко.

Умом я понимала, что вряд ли писала его еще где-то кроме телефона...

— Что ты делаешь? — Дима замер на пороге.

— Слушай, вставь симку в свой телефон? Там есть важный номер, мне помогут! Только дай набрать!

— Она накрылась после воды. Восстановим завтра. Собирайся. Тебе сказали — никому не звонить?

— Этот человек поможет! Дай мне позвонить Вадиду! — заорала я в отчаянии.

— О, а Вадик у нас — это кто? Человек-Летучая-Мышь?

Я прикусила губы. Поздно.

— У тебя кто-то есть, я верно понял? Но ты забыла мне об этом сказать?

Я молчала. Дима понял, казалось, все. Тень пробежала по его лицу, и он устало опустил в кресло.

— Я должен был догадаться. — Дима достал телефон, повертел его в руках. Казалось, он потерял ко мне интерес. — Прости, Юля. Мне было достаточно просто сказать. — Его пальцы забегали по сенсорному экрану. — В общем, ты завтра с утра езжай в сервис и восстанови карточку. Постарайся продержаться. Если тебе есть, кому помогать — я умываю руки. Оставить бизнес было хреновой идеей.

— Дима? — мне стало не по себе.

— Разбирайся сама. Всего хорошего. — Он встал. — Если хочешь мой совет, никому не открывай двери — до приезда своего... Вадика. Целее будешь.

— Подожди! Ты меня бросаешь?..

— Ты думала, я буду тебя спасать, а трахать — другой? Ты не в сказке, детка.

Трель городского телефона разорвала гнетущую тишину. Горячая волна прокатилась по моему позвоночнику. Вадик!!! Точно!! Он за границей, там иной часовой пояс... Я схватила трубку, не в состоянии скрыть радость.

— Алло!

— А у тебя приятный голос, — отозвалась трубка незнакомым голосом. — Завтра в полдень будь готова, шалава. Должок за тобой.

Комната поплыла перед моим глазами. Выронив трубку, я без сил рухнула в кресло, ощутив приближающуюся истерику. Городской номер! Хотя, с их связями, что его стоило пробить?..

— Прощай, Юльчик, закрой за мной дверь, — цинично пропел Дима. — Ой, что это с тобой? Ты прими горячий душ, заболеешь еще.

Первый надлом. Гораздо раньше, чем его ожидал даже он. Что-то с грохотом оборвалось внутри перед пучиной страха и безысходности.

— Дима, нет. — Я не кричала. Опустошение лишило меня каких-либо эмоций. — Не уходи.

Он развернулся, насмешливо сдвинув бровь.

— Видишь ли, я не привык быть вторым номером. И не нервничай ты так. Вадик поможет.

В тот момент это уже была не я. Инстинкт самосохранения все решил за меня. Я плохо соображала, что делаю, когда висла на его шее, захлебываясь рыданиями. И умоляла отвезти меня хоть к черту на кулички, только не бросать наедине с братками. Сколько это длилось? Может, секунды, может, часы... Наконец он резко оттолкнул меня от себя. Лед в его глазах на контрасте с ожиданием неизбежного сейчас даже не напугал. Наоборот — согрел некой надеждой, вместо того, чтобы заморозить.

— Флешка, — холодно процедил он, не глядя на меня. Я обессилено кивнула головой в сторону компьютера. Отстраненно наблюдала, как он его включил, рука уверенно заработала с мышью, зажужжал принтер, распечатывая документ. Поднявшись, он сгреб белые листы и швырнул мне их в лицо.

— Значит, так. Умойся и прочти. Быстро. Не принимаешь эти условия — счастливо оставаться. Принимаешь — уезжаем вместе. Я все сказал.

Твоя привычка носить чёрное. Не доведёт тебя до хорошего.

Твои случки с Пашами/Лёшами. Кадры, вырванные из прошлого.

История переписки с приятелями. Губы, сыплющие проклятиями. Я тебе обещаю. Я всё это отберу. К завтрашнему же утру. С первыми же петухами. Магические пассы руками.

В районе моей ширинки. Заклинания, сказанные без запинки. Тебя уже не спасут. Девочка, я уже тут. Не дёргайся.

(с) Антон Прада

Дима

Совершенно. Прекрасно. Лучше не придумаешь!

Но уделала она меня так не хило. Стоило оказаться в критической ситуации — сразу выплыл неизвестный Вадик. Герой- спаситель и герой-любовник в одном флаконе?

Хотя, если бы я не был столь одержим планом ее скорой поимки... А до того — сумасшествием страсти, догадаться не составило бы труда.

Такой ухоженной внешности девчонки обычно добиваются, днюя и ночуя в салонах красоты с обилием продвинутых технологий. Весь ее гардероб тоже был отнюдь не с китайского рынка, иногда она позволяла себе даже известные бренды. На стипендию?

Перед реализацией плана отец собрал на нее досье без труда. Скорее всего — с целью отговорить меня от этой затеи. Да, услугу за услугу, нет, он не отказывался, просто наверняка рассчитывал, что всплывет информация о влиятельных родителях или каком-либо наследстве, и...

Ничего. Отец — придурок, бросивший ее с сестрой и матерью в очень нежном возрасте. Отчим, заколачивающий бабки на севере, — тоже не олигарх. Мать вообще, кажется, без работы. Сестра-школьница. Кое-как концы с концами сводят. Переводы им клепают Юля. Уж наверняка не со средств, сэкономленных на студенческой столовке. Богатый любовник? Я как чувствовал. Изначально в планах было незаметно стащить ее телефон и размагнитить симку, идея с бассейном пришла в последнюю очередь. Вот кому бы она кинулась названивать в первую очередь...

...Устала плакать и давить на совесть и на жалость? Да нет, скорее, поняла, что это бесполезно. Сперва бросала на меня уязвимо-обреченные взгляды, поняв, что этим не пробьешь, аккуратно собрала листы с пола. Читай, девочка. Знание — сила.

С трудом удалось удержаться от довольной ухмылки. Мне было не жаль ее абсолютно. Особенно в свете вновь открывшихся событий.

Оставив ее одну, уверенно прошел на кухню. Надеюсь, там хватит ума не кинуться на меня с ножом и не порезать себе вены от страха пасть жертвой извращенного бесчестия. Попробуй разбери этих малолеток. Нашел возле плиты бронзовую турку, проигнорировав кофеварочный агрегат, обнаружил в шкафчике молотую пачку Блейзера. Где тут специи? Отлично, корица. Засыпав кофе и добавив воды, поставил на медленный огонь. Ровно на одну чашку. Умом понимал, что замерзла и все такое — но сейчас облегчать ей жизнь не входило в мои намерения.

С чашкой горячего энергетика вернулся в комнату. Юля вздрогнула и бросила на меня ошеломленный взгляд загнанного в угол животного. Это неприкрытое отчаяние ударило в спинной мозг сладкими иглами первобытного торжества абсолютной власти. Давно я не

ощущал себя настолько круто.

— Ну? Как успехи на литературном поприще?

Ответить у нее получилось только с третьего раза, когда внятная речь пробилась через баррикаду булькающих междометий и местоимений.

— Это... мне... Подписать?

— Конечно, — я опустил в кресло. — Кровью.

Эти слова должны были ее отрезвить. Ха, все куда запущеннее, чем я полагал в начале. Юлька перевела затуманенный взгляд на свои пальцы, приоткрыв рот.

— Ты совсем дура? — не выдержал я. — Итак, твой ответ?

— У меня есть выбор? — Голос надломлен. Только зря ты упражняешься сейчас в трагизме, мне плевать на твой дискомфорт.

— Конечно. Пятый этаж... Не совсем надежно, но можно подняться на десятый для верности. Можно сейчас разбить на моей голове что-то потяжелее. Или всадить в меня нож, чтобы наверняка. У тебя будет максимум полдня абсолютной свободы, перед тем как тебя захватит заживо гнить в какую-нибудь бабскую зону, где даже Вадик будет бессилён. Но сложно, ты не находишь? Можно и простым путем пойти. Мини-юбка есть в арсенале?

— Дима, прекрати паясничать. — Ага, мы в адеквате. Имитация не прокатит. — Я все это должна... По списку? Но там была анкета допустимых...

— Забудь. Прошло то время, когда я готов был считаться с твоими ограничениями. Если тебе станет легче, скажу, что половина из всего описанного там мне не интересна в принципе. Во-первых — потому, что я не садист. Во-вторых — я не люблю делиться своими вещами. Ну, а в-третьих — я никогда не перехожу грани. Я чувствую тебя. Поэтому можешь ничего не бояться.

Юлька закрыла глаза. Я с чувством глубокого удовлетворения наблюдал, как вздымалась ее грудь от нервного дыхания. Наконец, покачав головой, она несмело выдала:

— Сволочь.

Оригинально.

— Еще какая, Юля.

— Это... Мое стоп-слово.

— Твое "что"? — ледяная улыбка. — Юля, забудь. Я тебя его лишаю. Вернее, забираю себе, чтобы использовать за тебя. И придумай другое. Мы же не в колхозе? — тишина. — Прекрасно. Тебе даже не надо давать право выбора, ты просто не знаешь, что с ним делать.

— Но... Мы можем... Хотя бы обсудить? Право вето тоже есть?

— Конечно. В ООН, ЕЭС, в Верховной Раде. Ты-то тут при чем? — интересно, как скоро я доведу ее до слез? Получится? Если нет — не беда, времени валом.

— Ты же не всерьез! Лишать добровольности — недопустимо!

— Юль... Я тут подумал... Тебя же учили в детстве обращаться к незнакомым людям и тем, кто старше и просто опытнее, на "Вы"? — Ошеломленность взгляда ушла, уступив место недоумению. — По глазам вижу, что да. Поэтому начинай делать над собой усилия и прекращать мне "тыкать". Вообще забудь, что мы с тобой пили на брудершафт. С этого момента мы не друзья и не приятели. Даже не любовники. А насчет лишать добровольности... Я могу прямо сейчас встать и уйти. Кажется, я не держу пистолет у твоего виска.

Юля охнула и закрыла лицо руками. Ну началось, вторая часть марлезонского балета. Моя роль, стало быть — погладить по головке и принести шоколадку? А вот фиг тебе. Нет

такого желания, абсолютно.

Несколько минут прошли в абсолютном молчании. Я с удовольствием допил кофе, не делая попытки прервать затянувшуюся паузу первым. Наконец Юля прекратила свой театр, бросив на меня осмысленный взгляд.

— Хорошо, Дима. — Я скривился от звука своего имени. На его произношение она получит запрет по приезду. — Я все поняла.

— Приняла?

Тишина.

— Я задал вопрос!

— Д... да... — вздрогнула от резкого тона. — Ты... Хочешь прямо сейчас?

Глаза опущены. Сама покорность. Отлично.

— Заманчиво, ты знаешь... — отставил чашку, отметив, как вздрогнула Юлька от стука фарфора о стекло журнального столика. — Только трудновыполнимо. Если я сейчас надену на тебя ошейник, меня примут на первом посту ГАИ за пределами города. Так что тебе повезло. И не дрожи ты так. До Крыма путь не близкий, есть время принять и проявить благоразумность. Твое новое поведение и статус мы обсудим по приезду, пока расслабься. Сейчас ты пойдешь в горячий душ. Не обсуждается. Игры в доктора не представляют для меня интереса. Потом соберешь вещи. Много не бери, мы не надолго. Насчет звонков, я тебе уже все пояснил. Им не составило труда пробить твой номер, хочешь, чтобы они принялись за твою родню или других знакомых? Полагаю, нет. Я оставлю тебя не надолго. Полчаса у тебя есть, давай, не заигрывайся в депрессию и проведи их с пользой. Я вернусь! — добавил, увидев ее затравленный взгляд. — Я видел у тебя в кухне ягоды шиповника. Залей кипятком, добавь лимонного сока и выпей горячим после душа. Витамин С не даст тебе заболеть. И да. Я в супермаркет. Что-то купить тебе лично?

— Да. Сигареты Kiss с яблочным вкусом. Блок, если можно... — неуверенно пробормотала Юля, окончательно сбита с толку моей агрессией вместе с беспокойством о ее здоровье.

— Хорошо. Я запомню.

А вот эту привычку ты скоро забудешь. Это я тебе обещаю.

Я прихватил барсетку и быстро спустился вниз, бросив напоследок:

— Дверь чтобы открыла. Иначе я жду семь минут, и сваливаю, выпутывайся сама.

...До парка я добрался за пару минут. Вообще, у Вечного Огня обычно назначают свидания девушкам, но сегодня явно был не тот случай. Три часа ночи. Скоро рассветет. Надо торопиться, пока она не опомнилась.

Огонек двух сигарет я заметил издалека. Спортсмены, мля. Гробите свои легкие, потом глотаете анаболики, не в состоянии отжать от груди нужный вес. В парке было тихо и пусто. Недавний ливень загнал всех спать. Уверенным шагом я приблизился к виновникам нашего ночного столкновения на трассе.

— О, а вот и Тренер! — пробасил Сергей. Я двигался прямо на него. Ни он, ни этот апатичный Колян прекратили глупо ухмыляться лишь тогда, как оба моих кулака вошли в тесный контакт с челюстью одного и животом другого. От эффекта неожиданности моей атаки он легко мог перевалиться через перила и юркнуть вниз головой по спуску прямо на Клочковскую, не удержи его приятель.

— Твою мать, Димон, ты охренел?! Какого х..?

— Это за пинок под ребра, — жестко протянул я, толкая Коляна в плечо. — А это — за

папенькиного сына, сосунка и долбо. а, вместе взятых.

Я бил не сильно. Все-таки мы были партнерами в этом фарсе.

— Вы совсем с катушек слетели, парни? В роль вошли? Понты перед девчонкой поколотить решили? Хреново отыграли!

— Тренер, мы ж для достоверности...

— Ты вообще заткнись. Чуть не поцарапал мою собственность. Мне не нужны синяки на ее шее. Охренеть, цирк устроили!

— Ладно, Дим, не гони! — примирительно поднял руку Сергей, потирая челюсть. — Дело выгорело? Ты герой? Сразу дала?

— Тебя не касается! Хотя в целом... Хотя как-то справились.

— Да я мог хоть в ногах у тебя валяться, только плати!

— У тебя мозгов бы не хватило... Айрон, друг Оракула.

Колян заржал. Я повернулся к нему.

— Ты вообще б захлопнулся, фанат "Бригады". Биту притащил... Самому не смешно? Ты бы еще деревянный меч эльфа со своей "хоббитки" припер.

— Ага, и Орком бы нарядился, — Сергей, казалось, совсем не обиделся на удар в челюсть. — И зачитал бы той кукле, что она попала через портал в параллельную реальность...

— Ладно, парни, поржали, и хватит. В расчете? — холодно осведомился я.

— В расчете. Но если б реально была та штука евро!

— Вы охренели. Вам мало халявных платиновых абонементов и бесплатных протеиновых коктейлей? — Я был до одури доволен собой, чувство нереального полета грозило одержать верх над показной непробиваемостью. — Я еще поляну в "Урарту" вам торчу. По приезду бухаем!

Я пожал им руки. Они были настроены миролюбиво, не смотря на легкий разнос — весь этот театр позволил им с головой окунуться в детство. Наверное, даже комиссионные играли тут не первую роль.

— Шикарная девчонка, — с видом знатока заметил Сергей. — Хоть и дождь лил, я все рассмотрел, что надо. Завидую.

— Ты в роль сильно не вживайся, отец двоих детей, — с непонятным оттенком ревности предупредил я.

— Я тебе на мыло ролик с видеорегистратора скину. Твоя телка такой дрифт отмочила! Офигеешь...

— Никаких роликов. Удаляй. И без того едва не накосячили.

— Обращайся, вдруг что, — хмыкнул Серега. — Приятного отдыха.

Скупившись в ближайшем круглосуточном супермаркете я проявил великодушие, удовлетворив по ходу Юлькину просьбу и купив ей в круглосуточном сигаретном киоске блок тонкой гламурной дряни. Все равно скоро бросит курить.

Вахтерша в ее подъезде все так же мирно похрапывала, уткнувшись в локти головой. Отлично. Вот бы не проснулась еще минут 20.

Дверь в квартиру была не заперта. От шока Юля совсем расслабилась, чем я не преминул воспользоваться.

— Я сказал, на замок! Ты забыла, что мы еще в опасности? — она не ожидала нападения. Скрестила руки на груди, отбросив в сторону ремень, который продевала в шейки джинс. Я сглотнул, представив, что могу прямо сейчас сделать с этим ремнем. — Я

не понял. Что на тебе опять надето?

Куда делась вся ее дерзость? Она оглядела свои ноги, провела рукой по блузке, бросив на меня затравленный взгляд.

— Первое правило, Юля. Никаких брюк и шорт. Никаких скрещенных рук и ног. Ты должна быть доступна в любой момент. Переодевайся.

— Т...ты не выйдешь? — вздрогнув от моих слов, произнесла она.

— Нет. И советую начинать к этому привыкать.

Очаровательно. Мы умеем краснеть? Это будет даже круче, чем я предполагал. Она нерешительно стянула блузку, впервые не оттачивая свои движения доя соблазна. Нет ничего прекраснее естественности эмоций, без театра. Сейчас я наблюдал ее настоящую.

Спустя пару минут, переодевшись в короткий сарафан, моя девочка изо всех сил пыталась замять неловкость, заканчивая упаковывать сумку. Фигею я с женщин. Сказано было, что поездка на пару недель, а шмоток загружено на год, не меньше. Поразительная наивность. Она думает, что я ей позволю их носить?

— Зонт... Брать?

— Не надо зонта. Там дожди — редкость. — Даже если он будет лить целыми днями, за пределы комнаты ты не выйдешь все равно.

— Мне все же придется позвонить тетке, сказать, что я уехала...

— Нет. Оставь ей записку. Она же приходит сюда?

— Да. Она никому не доверяет свои фикусы с кактусами. Паспорт брать?

— Конечно. Спрячь в сумке.

Поднявшись, я сделал шаг к ней. Было заметно, как она побледнела, когда я пальцами сжал ее подбородок.

— Если есть вопросы, думай, формулируй и задавай. Пока мы в дороге. На месте я не дам тебе такой возможности.

Я намерено оставил ее сидеть в машине. Когда моя девочка поняла, что остается ожидать меня, знакомое чувство недетской паники вновь промелькнуло в ее глазах. Стоило говорить, что я просто офигел от такой явной и бесхитростной демонстрации незащитности и готовности подчиниться. Эмоции угрожали прорвать плотину контроля. Пусть всего сутки или чуть больше отделяло меня от переломного момента, держать себя в руках становилось с каждой секундой сложнее.

— Вдруг они сюда приедут? Я боюсь! — Юля поспешно опустила глаза и отчаянно вцепилась в мою руку. Я порадовался тому, что привычка в критических ситуациях не поднимать головы не дает возможности увидеть ей мою улыбку победителя.

— Никто сюда не придет. У нас другое авто. Это во-первых. А во-вторых, сиди тихо. Не открывай двери и не высовывайся. Я не долго.

Дома я с удовольствием сварил себе крепкий кофе. Хотелось кричать о своей радости на весь город.... И в то же время я не мог этого сделать. Из всей тематической тусовки меня могла бы понять только прогрессивная Никея. Что до остальных — черный список и почетное место мне было гарантировано. Анубис не станет закрывать глаза на нарушение БДР. Меня не покидало смутное беспокойство от того, что я не совсем правильно истолковал методы Ники, но копать глубже просто не хотел. Да. Не забыть бы ей выставить крутого алкоголя по возвращению.

Вместо благодарности боевой подруге пришлось звонить отцу.

— Выехали? — благодушно осведомился тот. — Слушай, она красивая у тебя. И на

Марину чем-то похожа.

— Бзиками своими, — Цинично согласился я.

— Да тебе всегда нравились темноволосые. С детского садика.

Потому что брюнетки — они воительницы по сути своей. Дерзкие, пробивные и в чем-то беспощадные. Но именно таких особенно сладко ломать. Срывать маски холодной неприступности и швырять к своим ногам, оголяя душу.

Я ничего такого не сказал. Вряд ли отец воспринял бы все это адекватно. Только хмыкнул.

— Спасибо, пап.

Отец как-то устало вздохнул.

— А не за что. Это сделка. Ты обкрутил Егорова, и только благодаря этому я смог к нему подступиться. Услуга за услугу.

Это было неприемлемое условие. Этот некоронованный олигарх не подпускал к себе никого, и попытки отца найти подход к большому человеку в городе ничего не дали. Когда Егоров оказался в моем клубе, я выложил на максимум, чтобы приблизить его к себе. Спустя пару недель мы уже как старые добрые друзья совместно отдыхали в русской бане и трещали за жизнь. Мужик он в принципе был неплохой, со своими тараканами, как это часто и бывает у обремененных большой властью индивидуумов. Один из вечеров мне запомнился особенно, когда он, выпив лишнего, чуть заживо не сварил элитную ночную бабочку в парилке. "Это грязь" — со спокойной ухмылкой сообщил он в ответ на мои попытки вмешаться в ситуацию.

К счастью, долго почувствовать в забавах подобного рода мне не пришлось. Теперь Егоров во всю контактил с отцом, под вискарь и просто национальную горилку стряпались договоренности, выигрывались тендеры и капали на счет евро. Я же свою часть работы выполнил, причем без особого напряжения.

— Понежнее с ней, что ли... — безразлично посоветовал отец. То ли ему было абсолютно плевать на очередной объект нездоровой симпатии сына, то ли он свято верил в разумность и адекватность своего ребенка. Непонятно. Какой-то невысказанный совет словно повис в воздухе. Но я не придал этому значения.

— Конечно, пап, я ж не зверь, не парься. Мы уехали. Буду на месте, отзвонюсь.

Кофе я допивал без излишней торопливости. Спустившись и открыв багажник, чтобы погрузить свою сумку, отметил, как нервно задергалась Юля. Позволил себе беспощадную ухмылку, уже особо не парясь, что она это увидит. Рано дергаться, моя сладкая. Рано. Скоро не так задергаешься, пытаюсь сбросить мою сеть. Твои нервы начнутся потом. А это так, реакция на стресс.

Меня сейчас даже не удивили откровенно жестокие мысли — эйфория полыхала в крови, а чувство власти и вседозволенности окрыляло похлеще, чем Red Bull. Право на мое милосердие Юлька утратила уже давно — когда тащилась от собственного эгоцентризма и смеялась мне в лицо. Когда вбила себе в голову что я с позиции влюбленного много чего стерплю. Но теперь она с треском проиграла свою партию. В опасной ситуации ее инстинкты вырвались из клетки, а слабая женская сущность, отбросив маску, потянулась в поисках защиты к мужской силе. Ничего экстраординарного, просто память предков. Вот только за право защиты и безопасности придется продать душу дьяволу. Просто так не бывает ничего. Очень скоро она в этом убедится. Наличие Вадима — еще один гвоздь в гроб.

Надо ли говорить, что она не произнесла ни слова, когда я плавно тронулся с места.

Просто притихла, бессмысленно разглядывая сцепленные на коленях руки, все так же не решаясь поднять на меня глаза. Наверное, уже сейчас незаметно для себя начала осознавать свое зависимое положение. И даже то, что пути назад не будет. Хотя наверняка пытается убедить себя в том, что это будет просто увеселительный отдых у моря.

Что ж, веселье я как раз мог гарантировать.

Себе.

Мы выехали из города. На горизонте уже заалела полоска рассвета. Юлька еще ни разу не подала голос. Приятно щекочущее нервы напряжение в салоне подогревало эйфорию, и, сполна насладившись полушоковым состоянием зажатой в угол спутницы, я против воли начал что-то напевать себе под нос. Она нервно передернула плечами и робко посмотрела на меня, явно не решаясь о чем-то спросить. Я старательно делал вид, что увлечен дорогой. Намеренно запретил идти навстречу, смакуя все сильнее чужую уязвимость.

Юлька так и не заговорила. Спустя полчаса я заметил, что она провалилась в легкий сон. Конечно, восстановить силы нужно, но ее вынужденное отсутствие лишало меня удовольствия держать другого человека полностью морально зависимым. Я свернул на узкую тропинку сбоку лесополосы и, намотав ее длинные темные волосы на пальцы, беспощадно дернул.

Юлька судорожно вскинулась и открыла глаза, непонимающе захлопав норковыми ресницами. Редкая хрень. Это понты для шлюх. Будем на месте, пусть избавляется от них, как хочет. Хоть с корнем выдергивает. От сенсорной депривации я отказываться не намерен.

— Что? Сколько времени? — Она зашевелилась, всматриваясь в окружающий туман. Я все еще держал пальцами прядь ее волос, и от резкого рывка головы она скривилась от боли.

— Рано, девочка. Все еще спят. — Не разжимая хватки, я притянул ее голову и впился в расслабленные губы агрессивным поцелуем. Девушка застонала от неожиданности и судорожно забилась, только я был непреклонен. Мой язык просто насильно ввел ее рот, не давая прийти в себя. Джинсы в момент стали невыносимо тесными. Подчинившись натиску, она притихла, и вскоре нерешительно ответила. Вволю насладившись поцелуем, я отстранил ее почти с нежностью.

— Поласкай меня, — я дернул ремень в сторону. — Губами.

Юля вспыхнула и отодвинулась

— Что? Что ты... Я не могу...

— Разучилась?

— Нет... Но не здесь же... Вдруг кто-то увидит...

— Здесь никого нет. — Я расстегнул молнию и приспустил джинсы вместе с плавками. — давай, девочка. Твой герой замахался вытаскивать тебя из неприятностей. Он что, не заслужил благодарности?

Юля зажмурилась и согласно кивнула, сжав кулачки. Я только улыбнулся. Хорошо, что она так быстро не сломалась, портить процесс укрощения не входило в мои планы. А пока пусть доказывает свою покорность благодарностью. Надолго этого не хватит.

Мои мысли улетели прочь вместе с нежным касанием ее губ. Язычок уверенными движениями пробежался по уздечке, затем, не прекращая вибрации, вверх и вниз по стволу. Горячая волна прокатилась по позвоночнику, и я откинулся в кресле, любясь ее склоненной головой. Волосы темным покрывалом рассыпались по моим коленям. Я осторожно намотал их на кулак и ощутимо потянул вверх.

— Глубже! — уже не стесняясь, насадил ее на член по самое горло. — Да! Вот так.

Юлька закашлялась, а я застонал от быстрой вибрации ее сократившегося горла. Приподнял за волосы, дав отдышаться, и снова прижал до упора. Мне больше не нужна была ее инициатива, сейчас я наслаждался своей абсолютной властью. Ее руки вцепились в мои колени в тщетной попытке отстраниться, только в мои планы это вовсе не входило. В дальнейшем при глубоком минете на будет связана. Именно... Именно так...

Возникший в воображении образ ее стянутых за спиной запястий и склоненной головы был настолько ярким, что я, позабыв обо всем, бурно излился в ее бархатную полость горла, скорее инстинктивно потянув аза волосы вверх, чтобы не захлебнулась. Только после этого осознал, что прокатившийся по салону звериный рык довольного хищника бы издан именно мной от нереальных ощущений, которые власть только приправила.

Юля резко отпрянула, я против воли поймал ее потерянный, упрекающий взгляд ее огромных зеленых глаз, в которых все еще стояли слезы. Тонкая ниточка спермы свисала с уголка ее припухших губ. Едва заметная дрожь сотрясала плечи. Не выдержав моего взгляда, она отвернулась, судорожно вытирая рот.

Я неспеша натянул брюки обратно. На миг почувствовал укол совести, и, поднявшись, погладил ее по волосам.

— Умничка моя.

Она не ответила. Я достал бутылку минеральной воды и, свинтив крышечку, вложил в ее подрагивающие руки.

— Все, успокойся. Приведи себя в порядок, и мы едем пить кофе. Шашлык хочешь?

Юля сделала несколько судорожных глотков и вернула мне бутылку. Затем, все еще вздрагивая, полезла в сумку. Я думал, за сигаретами, но ошибся. Всего лишь за косметичкой. Терпеливо дождался, пока подкрасит губы.

— Ты что, плакала? — нейтрально осведомился я.

— Нет, — тихо отозвалась Юля. — Горловой спазм.

Спокойный тон не оставил сомнений, что она говорит правду, но меня удивило то, что я остался недоволен этим логическим пояснением. Наверное, больше понравились бы какие-то упреки в жестокости. Но не было не то что нападок, не прозвучало даже претензий. Однако, прогресс. В "е...утые садисты", выражаясь ее сленгом, меня сегодня еще почетно не зачислили. Чтобы не показать своего разочарования, пришлось пошутить.

— Юль, а Юль. А ты плачешь, когда режешь лук?

— Нет, — девушка старательно водила кистью блеска по губам. — А что?

— Бессердечная сволочь.

— Я просто знаю, что если смочить нож в ледяной воде, то... — Шутка не понравилась, и Юля резко отшвырнула блеск. — Ну тебя, Дим...

Я добродушно чмокнул ее в лоб.

— Поехали... Кавказскую кухню любишь?

— Люблю...

— Вот и отлично.

Солнце уже жарило вовсю, когда мы подъехали к придорожному Кавказскому ресторанчику на въезде в Запорожье. Я заказал сациви и хачапури — шашлык, как нам пояснили, надо было ожидать около получаса. Явно там не ожидали гостей в столь ранний час. Юля, отбросив понты насчет своих диет, с аппетитом поглощала завтрак. Было заметно, что последние события капитально истощили ее. Я даже потребовал принести ей бокал "Киндзмараули", который она выпила чуть ли не залпом. Кофе допивали уже без спешки.

После сытного завтрака девушка ощутило повеселела. А, я был тверд в своем намерении отыграть весь спектакль до конца.

— Надеюсь, еще не хватились, — пришлось придать себе серьезный вид. — Ты же понимаешь, что пока мы не в Крыму, мы не в безопасности?

Юля вздрогнула и подняла на меня испуганные глаза

— Как?.. Ты же сказал, что раньше вечера не хватятся?..

— Ну, они же тоже не дебилы, — охотно пояснил я. — К тому же мы, образно выражаясь, на их территории. Донецк. Сама все понимаешь.

— Что же нам делать? — в глазах паника. Я ощутил легкое злорадство, но развивать тему все же не стал. И без того напугана до приемлемого послушания

— Что? Как можно скорее ехать и, по возможности, не попасться в лапы ДАИ. Все тут схвачено.

— Поехали? — она судорожно оттолкнула чашку с кофе.

— Нет, гнать на всех парах точно не стоит, а то нарвемся. Давай, в туалет, переодевайся, если нужно, и в путь. До полудня без остановок.

Юля решительно кивнула, вытащила платье из сумки и вернулась через 20 минут — посвежевшая, с легким макияжем, в лимонно-желтом летнем платье. Я оплатил счет и, имитируя тревогу, обнял ее за плечи и быстро увел к машине.

— Валим, не нравится мне тут.

Юля нервничала. Три часа я гнал не останавливаясь, ДАИ нас игнорировало — то ли от того, что я выдерживал примерную скорость и пропускал пешеходов, то ли от того, что номера "туарега", на котором рассекала мать, возвращаясь из Италии, отбивали на то всякую охоту. Однако я все равно пожалел об отсутствии банальной проверки документов — держать в напряжении перепуганную Юльку было ни с чем не сравнимым наслаждением. Когда она задремала во второй раз, я даже не стал ее будить. Пусть вечером свежее выглядит. Поразмыслив, я решил, что не стану ее подвергать сегодняшним вечером еще одному кошмару. Вот завтра с утра... Мммм...

Проспала моя девочка долго. Мы уже были в Симферополе, когда она сладко потянулась и открыла глаза. Потерла их кулачками, но тут же резко вздрогнула и осторожно потрогала ресницы.

— Ч-черт...

— Что стряслось? — я протянул ей минералку.

— Да ничего, я... Ты меня лицом утром сильно припечатал. — Она моментально проснулась, пытаясь разглядеть себя в боковом зеркале.

— Да сними ты их к черту! — не выдержал я. Юля дерзко вскинула голову.

— Как я сниму... Свои?

Я едва не расхохотался. Девочка наивно полагала, что я ничего не смыслю в женском бьюти-тюнинге, и что в моих глазах эти норковые опухли сойдут за натуральные. Знала бы она, что я даже силикон в груди могу под шубой определить... Но она этого не понимала. Зыркнула украдкой и успокоилась, полагая, что поверил.

— Дим, — сбивающимся голосом попросила она спустя полчаса, — нам бы в сервис-центр заехать. Я же без связи.

— Это к лучшему, — холодно ответил я.

— Но мне нужно восстановить симку! Я же даже не помню собственного номера... А об остальных вообще молчу!

— Юлечка, — назидательно отчеканил я, — Ты расслабилась, я погляжу? Преждевременно. Мы еще не в Крыму, знаешь, что им стоит пробить твой номер и местонахождение телефона? Нет? Я отвечу. Ничего не стоит! И еще. Если ты собралась звонить Вадику, я сам тебя сдам. Кто доберется до тебя раньше?

Она вздрогнула и замолчала. Я резко припарковался и поспешил покинуть автомобиль.

— За энергетиком! — давясь от смеха, бросил перепуганной спутнице. Лишь в вестибюле супермаркета я перестал сдерживаться. Меня трясло от хохота. С каким прилежным вниманием моя жертва позволяла мне вешать на ее прелестные ушки всю эту шпионскую лапшу! Спектакль вышел на ура. Вычислят номер... Еще и вертолет вышлют, ага. И конно-морскую авиацию туда же. На меня косились посетители супермаркета, а я по-прежнему не мог успокоиться. В конце концов, уняв слезы веселья, заказал у стойки "Дома Кофе" два эспрессо, и спрятав все еще смеющиеся глаза за очки, вернулся к авто.

— Держи. Пей. Под вечер на месте будем. Потом по скайпу своих предупредишь, пусть не нервничают. Скажешь что в Египте. С подругой.

— Ты говорил, вопросы...

— По приезду. Ты сейчас е в состоянии осмыслить все.

Это малость успокоило Юльку, я даже увидел подобие смущенной улыбки. Я тащился именно от таких ее улыбок — когда все высокомерие слетало, и сущность нежной маленькой девочки брала верх. Скоро... Не сразу... Но очень скоро она станет именно так улыбаться для меня. По-иному просто не сможет. Конечно, путь к этой улыбке выстлан дорогой слез. Но придется через это пройти. Вытерпеть. Дорога в мой рай лежит через мой ад, но оно того стоит.

Вскоре на горизонте показалась голубая полоса моря. Закат. Юлька даже подпрыгнула в кресле, любуясь шедевром природы. Странно, родилась и выросла у моря, а радуется, как ребенок. Так и любовалась красотами из окна, пока мы неслись по трассе. Алушта. Ялта. Алушка. Наконец Симеиз... Горную дорогу мы преодолели довольно быстро, и элитный поселок открылся перед нами как на ладонях в свете ласковых Крымских сумерек.

Чёрные ажурные. Красные вычурные. Посланные нахуй. Вычеркнутые. Мятные Длинные. Скуренные. Под твои длинные наманикюренные. Мои загнутые иголки. Из душа в моей футболке. Падающая на колени. Безвольно.

Тебе будет больно

Тебе будет больно.

Как я тебе обещал. Выстрел в голову наповал. Слияние или девятый вал. Проламывающий стены/дома/кровати.

Не говори, что хватит.

Не говори, что хватит.

Это же магия Вуду.

Не говори «Я не буду»

Не говори «Я не буду».

(с) Антон Прада

Юля

Я разомлела в шикарной душевой кабине с кучей наворотов в виде разных систем подачи воды, регуляторов температуры, голосового управления и подсветки. Тут имелась еще и джакузи, но я, лишь взглянув на эту снежно-белую красавицу, отмела эту безумную мысль — завалиться в ванную с пеной и включить массажный режим. Может, потому что опасалась его появления в разгар купания? Хотя душ тоже не являлся гарантом безопасности.

Под тепло-ледяными струями воды напряжение последних дней начало понемногу отпускать, но чувство тревоги никуда не делось. Я упорно давила его в зародыше, но до абсолютного спокойствия было далеко. Я содрогнулась при воспоминании о недавнем опыте вождения. Лицо защелкнутого в ярости мордоворота все время всплывало перед глазами. Еще бы чуть-чуть, и либо я б его убила, либо он нас двоих... Нет, не хочу об этом больше думать.

Потому что есть что-то более страшное, не дающее мне покоя. То, что я, вопреки всему, прочла очень внимательно.

Какого хрена! Сессия сдана, хвосты ликвидированы, ведомости закрыты. Да я тронулась на этих экзаменах так, что запомнила все с первого прочтения. Почти все...

Строки этого гребаного документа словно были выжжены на моей сетчатке.

Обязана обращаться к Господину только на "Вы" и прибавлять "Мой Господин". При посторонних людях, не связанных с Темой — по имени — отчеству.

обязана исполнять любое желание Господина с радостью и покорностью. Просьба Господина равносильна для меня приказу.

Для меня нет ничего такого, что было бы неприлично сделать в присутствии Господина или по его приказанию.

Я должна просить прощения за совершенные ошибки, стоя на коленях.

Я обязана благодарить Господина за всякое внимание к себе.

Я должна быть благодарна Господину за все, что Он делает для меня.

Я обязана никогда не надевать в присутствии Господина трусики...

По приказанию Господина я обязана обнажать себя и выполнять любые действия, не

противоречащие здравому смыслу...

Я должна благодарить Диму. Должна... Но у меня не было ни капли ничего, похожего на признательность, благодарность или уважение чувства. Ни-че-го! Да и откуда им взяться, если рассмотреть ситуацию с другой стороны?! Он сам виноват! Ну как, как мог взрослый лоб почти 30 лет пустить меня за руль в состоянии совсем не легкого алкогольного опьянения?! Это только его вина! Ну ничего. Сколько там... неделю перекантуюсь тут и свалю к маме с Настей. Постараюсь уговорить Леночку рвануть в Турцию со мной. А нет, так мы с ней и в родном Крыму нехило оторвемся. Как же я за ней соскучилась!

На миг мне поплохело. Я заключила сделку с Дьяволом. Почему я так беспечна?! Хотя... Может, все не так ужасно, как я думала?!

... Я не спешила. Не видела в этом необходимости. Позволила коже обсохнуть после контрастного душа и так же медленно втерла крем для тела. Маникюр, педикюр и эпиляция были в идеальном состоянии, волосы я высушила, придав объем одними пальцами. Пора выходить, не то решит еще, что я его боюсь. Он по-моему в этом даже не сомневается в последнее время.... Тем не менее меня слегка трясло. Я понимала, что мне придется разделить с ним постель сегодня, но ведь это уже было и не раз. Он был потрясным любовником и не было случая чтобы я не улетела на крыльях оргазма. С ним всегда было хорошо. Чего я боюсь? Подсесть на это безумное удовольствие и в итоге привязаться к нему? Да нет, ерунда. Я не знала. Возможно, надо было не прятать свои чувства глубоко внутри и не бояться быть слабой и разобраться во всем. Но я этого не сделала. Ни тогда, ни сейчас.

Юля, не ври себе.

Ты прекрасно знаешь, что не целоваться под луной он тебя сюда привез. Ты видела содержимое его шкафа. Ты забыла, что он из себя представляет? И что сейчас вас ждет разговор?!

Но ведь я женщина. Неужели мои женские чары ничего не стоят?!

Я прикоснулась пузырьком «Armani idol» к точкам пульсации на шее, запахнулась в почти прозрачный белый пеньюар и, выдохнув, босиком вышла в комнату. Дима, обнаженный по пояс и особо притягательный в свете свечей разливал вино в бокалы. Я сразу заметила какой-то ледяной, но в то же время лихорадочный блеск его глаз. Не дав опомниться, закрыла его рот поцелуем и заскользила по этому совершенному телу вверх-вниз, лаская. За минуту он потерял контроль над дыханием. Я не останавливалась. Запустила пальцы в его волосы, окончательно стирая грани агрессор-жертва, пощекотала его язык кончиком своего, прикусив верхнюю губу. Жизнь не учила меня сдаваться без боя. Он дал мне выбор. Я дам ему свой. Что ты выбираешь, Дима? Страх и отсчет секунд до окончания каждой нашей сексуальной схватки в моих глазах вместе с пассивным бездействием — или же горячие ласки и мое безумие от обоюдного желания, которое, возможно, я не захочу прекращать даже на исходе нашего вынужденного отпуска?

— Юль, — хрипло выдохнул он в мои губы, отстраняя меня. — Ты сводишь меня с ума, но сначала стоит поговорить.

— Хорошо, — запустив во взгляд стадо чертей, согласилась я.

В электрокаmine плясали огненные блики. Я с предвкушением оглядела белоснежную шкуру на полу, стараясь, чтобы он заметил этот взгляд.

— Тут идеальная чистота... Кто за этим следит?

— Раз в неделю приходит женщина с поселка. Сметает пыль, ухаживает за маминой оранжереей орхидей. Потом покажу.

На шкуре я заметила металлическую подставку для вина с запотевшей бутылкой, блюдо с фруктами и конфетами. Романтический вечер? Или он заставит меня есть это из миски?

Видимо, эти опасения промелькнули на моем лице.

— Не бойся. — Дима обнял меня за плечи. — Садись.

Стараясь не выдать волнения, я опустилась на мягкую шкуру, вытянув ноги. Я не должна желать никакой близости с этим... этим... Кем? Почему я так яростно отрицаю тот факт, что он вытащил меня из неприятностей?..

Молча наблюдала, как он откупорил бутылку незнакомого мне вина и разлил по бокалам.

— Коллекционное бордо 1920 года, — гордо провозгласил при этом. — У меня небольшая коллекция в погребе.

Скоро я увижу ее воочию. Но совсем при иных обстоятельствах...

Я пригубила терпкий напиток. Его вкус моментально разлился букетом по небу. Редко я пробовала что-либо подобное.

— Теперь я хочу услышать твои вопросы, — протянув мне конфету, которую я с легкостью приняла губами, посерьезнел Дима. — Итак, Юля. Помни, откровенность — главное. Что тебя пугает?

— Ничего, — ухватившись за его человечность, как за соломинку, беспечно произнесла я. — Просто я не буду стоять перед тобой на коленях.

— Я услышал. Травма или протест психологического характера?

У меня не было желания посвящать его в подробности моей анатомии.

— Это унижительно. Я не буду.

— Мое мнение — это просто удобно. И это, можно сказать, основы. Я спросил — что пугает. В остальном — ты знала, на что шла. Придется выбираться из зоны комфорта.

— Почему я должна быть все время голой?

— С этим проблемы? Ты стесняешься своего красивого тела?

— Нет...

— О чем мы тогда говорим? Ответ — я так хочу. Не понимаю. Физические наказания тебя не пугают, и эротические элементы вызывают панику.

— И не заставляй называть тебя Господином. Мне уже лично сейчас хочется заржать.

— Не советую. — На миг лед его взгляда понизил градус вина в бокале. — Сегодня можешь не называть. Стресс, и ты устала. Завтра — будь добра. Можешь прорепетировать перед зеркалом. Взгляд в пол — тоже.

— Ты конкретный псих...

— Больше вопросов нет?

Я замолчала. Его холодный тон отбил охоту продолжать.

— За нас, — скользнув своим бокалам по моему, сказал Дима. — Сегодня ты мне не будешь отказывать.

— Не буду, — не заметив приказного тона, вроде как ответила на вопрос я. Он отставил пустые бокалы в сторону, и наши губы встретились. То ли от вина, то ли от стресса, то ли от уверенности в собственных силах у меня все поплыло перед глазами в сладком экстазе.

... Я не помню, сколько я выпила сладковатого коллекционного вина и сколько продержала марку стервы, прежде чем оказаться в его властных объятиях. В эту ночь он был необыкновенно нежным. Я задыхалась от его чувственных поцелуев каждого кусочка моей кожи, я не могла и не хотела контролировать себя. Ощувив его горячий язык между своих

ножек я просто закричала от переполняющего восторга. Сдерживаться не было сил. Его слова достигали моих ушей словно сквозь вату.

— Моя девочка любит, когда я ее ласкаю? Тогда запомни это ощущение. Запомни прямо сейчас...

Я, конечно же, не поняла, к чему были эти слова. Скорее всего — в контексте воспоминания при неизбежном расставании. Сейчас я плохо соображала. После пятого оргазма я просто вырубилась.

Но он оказался прав... Этого я не смогла забыть очень долго.

... Приятная истома разливалась по телу. Шевелиться не хотелось абсолютно. Явно уже было утро — несмотря на полумрак от тяжелых штор я слышала пение птиц за окном, шум льющейся воды в душевой и запах изумительного свежесваренного кофе. Что ж, все не так уж плохо, как казалось еще вчера... И этой ночью Димка был просто бог. Пожалуй, стоит тут задержаться. И надо непременно вырваться к морю. Прямо сейчас позавтракаю и скажу ему об этом. Какой к черту контракт и нормы поведения. Все эти 60 оттенков дурачности — полный бред. После вчера он их и не захочет. В цепях я не буду такой страстной и отзывчивой. Хочет бревно в постели — пусть рискнет.

Я сладко потянулась на постели и... чуть не заскулила от резкой боли в запястьях. Дыхание на миг остановилось. Недоумевая, резко дернула руки, чтобы осмотреть кисти... Они не поддались, словно что-то держало их. Движение отозвалось новой вспышкой боли. Я попыталась встать, и тут же упала обратно на спину. Что происходит?! Резко рванулась всем телом и тут же просто закричала от нешуточной боли. Руки были зафиксированы!

— Дима! Дима, твою мать!!! Быстро иди сюда!!!

Паника нарастала. Стараясь не обращать внимания на боль, я дергала руками, пытаюсь освободиться — безуспешно. Паника, страх, непонятное чувство опасности лишили возможности связно думать. К тому же я следом ощутила, что шея чем-то сжата и это затрудняет учатившееся от отчаяния дыхание. Я выгнула спину, запрокинула голову и в первый момент не поверила своим глазам. Запястья были скованы блестящими металлическими наручниками. Их тонкая цепь с какими-то подвесками — трудно было рассмотреть, — была продета сквозь ажурное плетение спинки кровати.

— Доброе утро. Проснулась?

Я вздрогнула от звука его голоса. Скорее, от смутно знакомых стальных ноток, от которых сердце замерло в очередной раз. Я подняла глаза. В его взгляде не было ничего хорошего. Превосходство и насмешка.

Он только что вышел из душа. Капли воды блестели на его загорелом теле, подчеркивая соблазнительные кубики пресса. Вокруг бедер обмотано белое полотенце — как всегда, подлец выглядел потрясно. Его изучающий взгляд не без удовольствия скользнул по моей груди. Я потянулась было за покрывалом, чтобы

прикрыть свою наготу от его обжигающих глаз, и тут же закусила губы от боли. Против воли слезы сами выступили в глазах.

— Ошейник тебе к лицу, милая. — Ледяное спокойствие его слов вызвало легкую дрожь. — Не дергайся. Поранишь себя.

Вот что на шее... Мля... После вчерашнего?! Этого просто не может быть!

— Дима... Пошутили, и хватит. Мне же больно! И я хочу в душ... — пролепетала я, ненавидя себя за слабость. Где моя дерзость и смелость, черт подери? Вы держать его взгляд я почему-то уже не могла. — Пусти...

— Хорошо, милая, — с кривой улыбкой согласился Дима. Я вздрогнула, когда он приблизился. Но зря боялась. Ключ просто лежал на столике рядом, и он с легкостью расстегнул браслеты наручников. Я поднесла запястья к глазам и непроизвольно застонала, увидев багровые полосы и содранную кожу.

— Что ты сделал?! У меня следы остались!!! Ты конченный совсем!!!

— В следующий раз не рыпайся так, и их не останется, — с обезоруживающей простотой проговорил он, вращая наручники на пальце. — Иди в душ. У тебя ровно семь минут. Если не уложишься, я сам лично вытяну тебя оттуда. Уяснила?

Я молчала. Не могла поверить в происходящее. Инстинктивно растирала руки. В голове засела его фраза — «в следующий раз не рыпайся». Что это значит?! Он что, мозгом тронулся?

А ты не поняла, что тронулся и окончательно, еще в Харькове?..

— Уяснила?

— Д-да... — я потрогала шею. Мои пальцы наткнулись на полосу, судя по всему, из кожи, с металлическими на ощупь ставками. Сердце медленно упало вниз.

— Нравится украшение? — опередил мои вопросы Дмитрий. — Мне давно следовало это сделать. — Он схватил мои пальцы и насильно отвел их в сторону. — Не трогай. Ты такая красивая! Иди в душ, пока я не пожалел о своем великодушии! Быстро!

Я подчинилась. Наверное, чересчур поспешно — словно под гипнозом его взгляда. При одной только мысли, что я абсолютно голая, мне стало не по себе. Ощущение беспомощности, униженности и уязвимости под его взглядом было очень острым. Закрыв дверь изнутри на всевозможные щеколды, я пустила воду и только тогда шумно выдохнула. Чувство нереальности происходящего уступало место ярости — медленно, но необратимо.

Я подошла к зеркалу и на миг опешила. Полоса из черной кожи с интересными заклепками на шее поразительно контрастировала с темными волосами и слегка загорелой кожей. Помимо воли я залюбовалась собой. Блеск в глазах стал ярче. Но как только поняла, что изображение в зеркале завораживает, рассвирепела. С какой-то недетской, несвойственной мне яростью, дернула этот ошейник, пытаюсь сорвать с шеи одним жестом и даже не замечая боли. Это ни к чему не привело. Спустя тридцать секунд я поняла, что застежки устроены по принципу ремней, и расстегнула три фиксатора без особого труда.

Я задыхалась. Меня переполняли противоречивые чувства. Ненавидя себя за какую-то странную, скорее приятную слабость я с ругательством швырнула ошейник на светлый кафель и принялась энергично топтать. Заклепки врезались в пятки, но я этого даже не замечала. Что и говорить, привыкла к боли за это утро. Ничего! Сейчас эта тварь выхватит свое. Он заигрался не в меру! Почувствовав прилив сил и небывалое воодушевление, я схватила с полки флакон «OldSpice» и со всей силы швырнула его на кафельный пол. Вдребезги! Так, что там у нас еще? «Adidas»? Следом! Разбив о пол еще пару флаконов, я поморщилась от резкого запаха парфюма и залезла под холодные струи душа. Что ж, игра удалась. Самое оно для аналогичной щекотки нервов. Странно, но я почти убедила себя в том, что, стоит мне выйти из душа, мы с Димой вместе посмеемся над этой ситуацией, и все вернется на круги своя. Я расчесала волосы, — медленно, равномерно, почистила зубы, сделала легкий массаж лица. Завернулась в длинное белое полотенце, прикрывшее грудь и бедра, бросила беглый взгляд в зеркало и осталась довольна своим отражением. Осторожно, чтобы не поранить пятки об раскинутые по полу осколки флаконов, я открыла щеколды с цепочкой и нагло распахнула дверь в комнату ногой.

Дмитрий сидел в кресле с чашкой кофе. Он успел переодеться в черные джинсы, его сногшибательный торс по-прежнему оставался обнаженным. Я дерзко встретила его испытывающий взгляд и огляделась в поисках своего... ну, хотя бы вчерашнего пеньюара. Даже в полотенце я ощущала себя голой. Но безуспешно. Его нигде не было.

— Семь минут давно прошли. Ты что, не слышала меня?

Внезапная злость охватила меня, и я с трудом ее подавила.

— Мне пофиг, — я опустила в кресло напротив него и сладко зевнула. — пошли на пляж. Я год моря не видела.

— Где твой ошейник? Я что, разрешил тебе его снять?

Это было уже слишком.

— Там валяется. Я предпочитаю золотые украшения.

— Юля, я еще раз повторю. Я что, разрешил тебе его снять?

— Да мне нафиг не нужно твое разрешение! — не сдержалась я. — Ты совсем больной! Я кофе хочу. И притащи аптечку, руки болят.

Дима медленно отставил чашку и встал. Я непроизвольно вздрогнула, но тут же нагло встретила его какой-то безжалостный взгляд.

— Там? — кивнул он в сторону душевой. Я не удостоила его ответом.

На столике стояли две чашки с кофе. Нарезанная треугольниками пицца, виноград, абрикосы и какие-то конфеты. Я с удовольствием съела кусочек «Маргариты» и пару виноградинок. Хватит, пожалуй.

Когда он вернулся из ванной, сжимая его в руках, я уже допивала его кофе и вертела в руках сигаретку.

— Что ты там устроила?!

— А что, не понравилось? — картинно вскинула брови я. — Ну извини, не угадала. Следующей будет твоя плазма. Или айфон. Ясно?

— Юля, это не игра. У тебя что, инстинкт самосохранения отказался работать? — он сжал пальцами прядь моих волос и стал нежно перебирать пальцами. — Я не шучу. Ты не поняла?

— Слушай, Димочка. — Я подавила страх — то ли от его слов, то ли от его ледяного тона и дерзко встретила его взгляд. — Я поняла, куда ты клонишь. Если ты решил играть в эти игры... бл. ь, выучи аббревиатуру БДР!

— Да, а ты подкована, — ухмыльнулся он. — И это верно. Только у меня немного иное мнение на этот счет.

— Да, и какое же?

— Тормоза придумали трусы!!!!!!!!!!

В следующий момент я задохнулась от боли.

Его рука, до того нежно сжимающая мои волосы, резко сжалась, накрутив их на кулак и потянув вниз. Моя голова уперлась ему в пах.

— Ты что, с башкой не дружишь, твою мать! Отпусти сейчас же!

Его голос оставался таким же спокойным и беспристрастным. И это не предвещало ничего хорошего.

— На колени, Юля.

Я обомлела. Наверное, потому, что начала понимать серьезность происходящего. Но разум до последнего отказывался принимать изменившиеся обстоятельства. Особенно после того, что произошло между нами ночью. Это было реально похоже не ночной кошмар, и я

просто лишилась способности предвидеть какие-либо последствия своих поступков... Спустя какое-то время, я осознала, что просто кричу, а мои кулачки осыпают его живот и бедра градом ударов. Но в них не было абсолютно никакой силы.

— Неправильное поведение, — процедил Дима и, до боли дернув мою голову за волосы, залепил нехилую пощечину. Я закричала. Следом за этим вторая пощечина обожгла уже левую щеку. Слезы от боли и внезапного безудержного страха сами брызнули из моих глаз.

— Мои приказы будут исполняться мгновенно! Понятно, Юля?! Я не слышу!

Меня трясло. Страх перешел в ледящий ужас. Но он явно не замечал моего состояния или же не хотел замечать. Нет... он наслаждался им. Не дождавшись попытки моего подчинения, Дима схватил меня за волосы уже двумя руками и резко потянул. Я просто слетела с кресла на пол.

— Стань на колени и раздвинь ноги.

Я дрожала. Теперь я полностью осознала, что он не шутит. Его спокойный голос словно парализовал.

— Дима, прекрати... мне страшно...

«Это мой голос?!»

— Я считаю до трех!

Плохо понимая, что же делаю, я подчинилась. Дима отпустил мои волосы и, замахнувшись, рывком сорвал завязанное над моей грудью полотенце.

— Второе правило, которое ты будешь соблюдать в этом доме. Твоя основная одежда — ее отсутствие, если я не захочу иначе.

Я судорожно прикрыла грудь руками, с трудом подавив сдавившие горло рыдания. Ужас достиг максимума. Я даже не могла пошевелиться. Посмотреть в его обезумевшие глаза — тоже.

— Убери руки! Сцепи их за спиной.

Его голос действовал как обволакивающий, безапелляционный гипноз. Не подчиниться было невозможно.

— Молодчинка. Начинаешь понимать, кто ты есть! — Дима вновь захватил в кулак мои волосы. Я непроизвольно замотала головой в ожидании неминуемой боли.

— Нет!.. Прошу тебя!..

— Вот одного не могу понять, — он не причинил мне боли, вместо этого я ощутила, как кожаная полоса ошейника вновь сомкнулась на моей шее. Ремешки он застегнул не напрягаясь, но следом за этим я ощутила какой-то щелчок. — Вроде и читала литературу по теме, а основного так и не усвоила. Ты должна знать, что к Господину на «ты» не обращаются!

Я даже не нашлась, что ответить. Это был ступор.

— Ошейник будешь носить постоянно. Как знак твоей принадлежности мне. Впрочем, наручники тоже. И ради бога, не пытайся сама их снять. Не хотелось бы травмировать такие тоненькие запястья.

Несмотря на ужас, я уловила в его голосе нотку иронии. Помимо воли сознание уцепилось за нее, словно утопающий за соломинку. Это словно что-то поставило обратно на свои места, вернув мне прежнего Диму на какой-то миг... Надо взять себя в руки. Это его очередная игра для щекотки нервов. Бояться нельзя, стоит показать, что меня это скорее забавляет чем ужасает, и он потеряет к этому интерес... Я подняла глаза. Он держал наручники в руках, ухватив пальцами за два браслета.

— Что ты собираешься со мной сделать?!

— Все, что захочу. Для начала, думаю, неплохо будет познакомить тебя с плеткой. 44 хвостика. Я считал. — Он подошел ближе, неожиданно резко сжал мой подбородок пальцами, отведя голову в сторону. Хватка была сильной. — Кто разрешил так дерзко смотреть на господина?! У тебя, запомни, больше нет на это права!

— Прости, — растерянно пролепетала я. Это слабо походило на игру, но я продолжала убеждать себя в этом из последних сил. И тут же вздрогнула от хлесткой пощечины. — Простите...

— Что?!

Я недоуменно посмотрела на него. Паника возвращалась.

— «Простите, Господин». Повтори это.

Вчера мне казалась, что я буду хохотать до упаду над этим пошлым шаблоном. Сейчас же... Я сжала губы и упрямо замотала головой.

— Что ж, придется тебя сегодня воспитать как следует. — Дима хрипло засмеялся и зашел за мою спину. — Руки за спину! Выше!

Я не подчинилась, и тогда он резко вывернул мои руки. Холодная сталь браслетов закрылась с глухим щелчком. Я резко дернулась, не противясь желанию их сорвать, и тут же опешила. От осознания собственного положения — я, беспомощная, на коленях. Со скованными за спиной руками, во власти сильного мужчины — по коже словно пробежали мелкие разряды незнакомого прежде нереально сильного сексуального возбуждения...

— Дрожишь, — я не видела его глаз, но в голосе ощущалась улыбка. — Это правильно. Истинная сущность соврать не даст.

Я что-то прошипела, все еще не веря в природу возбуждения.

— Проще для тебя будет сразу уяснить. Игрушка — это вещь. Вещь. У нее нет права говорить без приказа, есть без приказа, смотреть мне в глаза, — вообще ни на что нет права. Право только одно — быть послушной. За непослушание — плетка. Или побои. Или изнасилование. Или вынужденная диета. Это как хозяин решит. Так что прекращай рыпаться, куколка!

— Ты совсем охренел! Отпусти сейчас же!!!

Меня ужаснули его слова. Мелькнувшее желание начало быстро убывать. Страх возник не из-за угроз сделать больно или изнасиловать, — я не вполне представляла, что такое возможно, — но ледяной цинизм его спокойного голоса вызвал панику, которая сметала все на своем пути и рушила мою последнюю спасательную иллюзию — иллюзию безобидной ролевой игры... Но тут же мой характер, забыв про безопасность, показал себя во всей красоте. Я Юлька Беспалова, я ломала и не таких сосунков в своей жизни! И все они ходили у меня по струнке! Все без исключения!!! И этот, мать его так, тоже будет!!! Думает, я забыла его 46 неотвеченных, его избитые «скучаю-целую» и орхидеи ведрами!!!!

— Освободи руки, лузер гребаный, и я тебя убью!

Моя пламенная речь не произвела на него ровно никакого эффекта. Об этом красноречиво свидетельствовало спокойствие его голоса.

— Неправильный ответ. Я думал, ты умнее. — Я почувствовала щелчок расстегиваемого ремня. Кровь отхлынула от лица когда я осознала, что это означает. Мне не надо было даже смотреть на него, я чувствовала кожей, как ему понравилась моя реакция. — Прижми голову к полу.

Я не соображала, что говорю. Надо было вырваться... надо... но у меня не было сил.

— Нет, только без боли!!! — его руки сжали ремень, слегка оттянув его. Я уже теряла контроль над собой. — Дима, прошу тебя, прекрати!!! Хватит! Давай обойдемся без этого! Я не выношу сильную боль!

Грань между игрой и реальностью стерлась... Нет. Ее никогда не существовало. Я почувствовала, как слезы медленно побежали по моим щекам.

— Головой в пол, Юля. — Я не послушалась. Все еще не осознав реальной угрозы... и в тот же момент его нога прижала мою шею к полу. Я оцепенела от ужаса. Одно только его резкое движение, его усиленный нажим на позвоночник и...

Что-то сломалось глубоко внутри меня с отчетливым щелчком, открывшим всю глубину понимания. Я уже не замечала ничего вокруг от чувства отчаянной, безысходной покорности высшей силе. Все, что было до, утратило свое значение — его власть была всегда. При первом знакомстве... при головокружительном романе... при последующих событиях...

Его ремень опустился на мою обнаженную спину. Я завизжала от боли. Но ведь это было не больно! Аспект этих ударов... Он был совсем в ином. Резко дернулась, пытаясь откатиться, но его нога по-прежнему удерживала меня в таком уязвимом положении.

2....3... По-моему, я охрипла от крика. Шок оказался моментальным. Я не помнила, сколько же раз он меня ударил, удары не были сильными, но просто в какой-то момент я перестала замечать что-либо, кроме жара разгоряченной кожи. В горле стоял комок, который мешал связать слова между собой, глаза уже ничего не видели за пеленой непрекращающихся слез, и я даже смутно не осознавала, что его пальцы зачем-то настойчиво сжимают мое плечо, а голос что-то спрашивает с обеспокоенной настойчивостью.

Спустя очень долгое время, еще не сейчас, я поняла, что он все-таки не терял контроль ни разу. Не ожидал, что мой болевой порог настолько низкий. Сжимал плечо общепринятым в БДСМ жестом — в ответ на сигнал о том, в порядке или нет. Правда, просветить меня на счет этого благополучно забыл изначально...

... А затем давление в запястьях ослабло, на миг способность что-то осознавать вернулась. Его ладонь неправдоподобно нежно гладила мои волосы... именно это, как я поняла уже впоследствии, пробудило во мне вспышку неконтролируемой ярости. Ни о чем больше не думая, я вскинула свободную руку — где-то, по моим расчетам, на уровне его лица, — и резко разжала зонтиком пальцы, ощущая, как ногти неглубоко, но все же сильно впились в чужую кожу...

Боль вернулась снова... Теперь реально БОЛЬ. Я едва не задохнулась от собственного крика, скорее инстинктивно, я не совсем в полной мере ощущала ее. Только когда он перевернул меня на спину, грубым, безжалостным толчком раздвинув мои ноги, в ушах зазвенело и внезапно стало резко темно в освещенной утренним солнцем комнате... Маски спали... Я осознала все в полной мере... А дальше уже не чувствовала абсолютно ничего.

О том, что это не был банальный обморок и не потеря сознания, я узнала, слава всем высшим силам, гораздо позже.

Судьба-насмешница щадила мой рассудок. Не знаю, понял ли сам Дима, что со мной случилось под градом его ритмичных, но не настолько жутко болезненных ударов ремнем. Он никогда не причинял мне настоящей боли. Все эти устрашающие девайсы были просто атрибутом власти и гарантом его доминирующей роли. Меня вырубил не боль, а сама ситуация, умножившая в воображении эти ощущения в геометрической прогрессии. По факту, без них можно было обойтись вообще. Он взял меня совсем другим.

Тело — только инструмент. На нем быстро заживают шрамы. Никогда долго не длится вспышка боли. Моментально, вырывая сдавленный крик — и затихает снова. Много внимания адепты спорта и фитнеса уделяют крепатуре после перерыва в занятиях? Я не замечала ее вообще. С такой болью можно было жить, не обращая на нее внимания. Тогда было что-то похожее.

Он пошел дальше. Как там говорила Клеопатра? "Мужчины не боги, им не нужны наши души"? Клео, ты врала сама себе. Я тебе ни грамма не верю. Я бы даже сказала, что ты не встречала таких мужчин. Да, помню. Юлий Цезарь, Марк Антоний. Чем, скажи мне, ты с ними занималась в своих царских хоробах? Играла в лото между спариваниями? Если ты сделала такое умозаключение, ты мало чем отличалась от любой древнеегипетской фифы, не хватающей звезд с неба в погоне за банальным сокращением интимных мышц.

С Клеопатрой у меня в свое время была отдельная история. Наверное, ни одну меня так увлекал Древний Мир. Мне не хватило школьной программы, и я под впечатлением от этой роскошной женщины, укладывающей мужиков в штабеля, перерыла местную библиотеку, жадно глотая информацию... Может, подсознательно пытаюсь постичь секрет успеха этой роковой соблазнительницы? Нет, секретов мне не раскрыли никакие научные труды. Но я сделала тогда один вывод из всей этой истории.

Клеопатра всегда негласно оставалась рабыней Цезаря. История помнит ее несломленной царицей только благодаря его благородству. Он не нуждался в демонстрации своего величия. Египетский народ видел свою царицу истинной правительницей, легко заигрывающей с древним Римом, восхищался ее отвагой и нестигаемостью — и зачем ему было знать о том, что теоретически могло происходить между доминантом и сабой древности за пологими шелковых покрывал?

Уважение к Цезарю тогда в моем сознании поднялось до заоблачной отметки. Это было гораздо сильнее "veni, vidi, vici" А о том, что во всем этом меня очаровало вовсе не недостижимое историческое прошлое, я начала понимать только сейчас.

Дима был прав. У меня была не просто предрасположенность к подчинению. У меня была просто тяга! Стремление, застывшее на уровне детских фантазий о красавце-легионере, захватившем наш город... Они реально, кажется, топтали землю Феодосии... Но если тогда дальше поцелуев и пышной римской свадьбы прекрасного агрессора и украинской красавицы, то есть меня, фантазия боялась забегать — сейчас у меня просто не было выбора.

Сознание понимало, что произошло нечто очень странное. Неправильное и пугающее. Сейчас я знала, что это было, и ради этого стоило, наверное, вытерпеть многое... Где-то на седьмом ударе, не очень болезненном, несмотря на мой низкий болевой порог, вместе с головокружением пришло чувство неподконтрольного расслабления, а от последующих ударов вспышка медленного, запредельного удовольствия окутала тело, проникла в кровь, погнав эту эйфорию по сосудам, расплавив в остром ощущении нереальности происходящего. Я словно наблюдала за этим со стороны, не понимая, почему не чувствую боли и растворяюсь в чем-то знакомом и неизвестном одновременно. Его слова, теряя смысл, рикошетили от моего сознания, но звук самого голоса плавно нес меня в потоках высокогорной реки, обволакивающие воды которой оберегали от подводных камней. Глупая, я тогда решила, что смогла убежать, отыскав безопасный грот в глубинах своего сознания. Может, сабспейс и был дан нам высшими темными силами тематического мира, чтобы уберечь психику от острых рывков или качелей?..

В погоне за "рабским счастьем" многие проводят долгие месяцы и годы. Кто-то вообще,

как выяснилось позже, считает его мифом. Кто-то расписывает эту технологию, предлагая наносить удары чуть ли не с секундомером в руках, задавая определенный темп и интенсивность — и эта программа иногда срабатывает, но не всегда... А кому-то достаточно просто взгляда, чтобы погрузиться в этот транс. Единого мнения на этот счет нет...

Мне это удалось с первого раза. Но как хорошо, что я не поняла тогда всего масштаба того, что со мной случилось! И я была благодарна Диме за то, что он тоже не стал развивать эту тему. Может, просто не заметил, или не понял... Или, что вероятнее всего, не поверил. Объясни мне он это в тот момент, я бы сломалась моментально. Это могло значить только одно.

Первое — он прав во всем. Второе — я такая же ненормальная, как и он. Адская пара. Е...утый садист и е...утая мазохистка. На фоне всех предшествующих событий мой рассудок бы просто расплавился. А так... Обморок, пусть будет обморок. Может, он так и выглядит. Откуда мне знать, я же, кажется, не теряла сознания ни разу в жизни... Ну, когда пошли с Ленкой бить себе пирсинг пупка, меня повело. Было дело. Косметолог тогда четко накануне велела — позавтракать, а я этим пренебрегла. Было по-иному. Но ведь разные вещи, разве нет?

...Возвращение в реальность было малоприятным. Я еще не успела осознать, что произошло и где я нахожусь, когда он рывком поднял меня на ноги. Между бедер саднило от его вторжения, которое я помнила смутно, плавая в запредельных далях своей эйфории. Мои пальцы не причинили ему существенного ущерба. Неглубокие царапины на виске. Хорошо, что я не выколола ему глаза.

Мне хотелось одного. Просто уснуть. Я была растоптана и раздавлена как морально, так и физически. Настолько, что не могла ни страдать, ни радоваться. Только, как оказалось, мое наказание на этом не закончилось. По сути, оно даже не начиналось.

Этого избиения и насильственного вторжения ему было мало.

— Вставай! — Как сквозь вату, расслышала его ледяной тон.

— Я устала...

Вспышка боли обожгла правую скулу, заставив замолчать. Мое состояние играло ему на руку — я не могла думать ни о сопротивлении, ни о попытке воззвать к его разуму, ни обо всей неоднозначности своего положения. Послушная кукла в его властных, сильных руках.

Подталкивая в спину и одновременно удерживая, чтобы не упала, он подвел меня к углу комнаты. Мой расфокусированный взгляд отметил стальную скобу, прикрученную к полу. Словно дверная ручка... Но нет, подвала там не оказалось. Его ладони неумолимо надавили на мои плечи, опуская в позу покорности. Я не испытала ничего сейчас, кроме облегчения — ноги отказывались меня держать. Так даже легче.

Оглушающий щелчок. На моих запястьях защелкнулись наручники. Не полицейские, с острыми гранями — иные, с закругленными металлическими браслетами. "Красиво", — тупо отметила я, ничего не соображая. Светлый металл на загорелой коже. Дима отошел в сторону, вернувшись с небольшой цепочкой в руках. Еще один браслет?

— Подними голову.

Щелчок на середине цепи наручников с поворотом на ключ. Потом, такой же — на кольце ошейника. Руки притянуло к шее. Очень близко. Все еще не в состоянии отойти от недавнего полета, я кончиками пальцев погладила приятно вибрирующую (мля!) от пощечины щеку. Мельком подумала — показался мне или нет удивленный и довольный смешок Дмитрия?

Его ладонь легла мне на шею, опуская к полу. Щеку охладила полированная древесина паркета. Прикрепив к металлической скобе еще одну цепь, он петлей продел ее через мои скованные руки, защелкнув в замкнутую связь.

Способность осознавать возвращалась очень и очень медленно. Холодные браслеты сжали мои лодыжки. Не было ни малейшего желания поворачиваться, чтобы понять, что он с ними делает. Я расслышала звон цепей, который пока что казался мне почти музыкой в ненормальной, неправильной тишине. Она прерывалась лишь его отрывистыми приказами.

— Теперь подними голову. Вот так. Колени ближе к себе. Еще ближе...

Выпрямиться не удалось. Колени заскользили по полу. Я, не раздумывая, подчинялась его голосу. Остатки эйфории еще не покинули кровь. Щелчок — один, за ним второй. Полагая, что это все, я попыталась вытянуть ноги и лечь на скованные руки... И поняла, что это невозможно.

Впереди стена. Ноги не вытянуть — их крепко держат натянувшиеся цепи. Можно лишь опереться головой в стену, чтобы снизить напряжение в позвоночнике. Ноги вообще лишены способности двигаться. Только вширь, наподобие поперечного шпагата. Насколько это позволят две цепи, соединившие ножные браслеты со скобой. Да они же утратят чувствительность уже спустя... Несколько минут?!

Его ладони легли на мою грудь. Сжали соски, оттянув в сторону. Я дернулась, ощутив, как натянулся ошейник и браслеты, хранители запястий, причиняя сдавливающую боль.

— Тише, тише.

— Дима...

— Я же запретил тебе называть меня по имени, — движения рук не грубые. Ласковые. Нежные. Эта гребаная нежность начала плавить мои барьеры с упорством напалма. Вместе с их разрушением вернулся страх и чувство острой, обреченной безысходности.

— Устала... Моя хорошая. Отдохни часок. Я не буду тебе мешать. — Его рука тянется к столику, на который я, движимая шестым чувством и инстинктом самосохранения, не желаю смотреть. Боюсь, что заработаю натуральную психологическую травму от того, что там увижу.

Что-то прикасается к моим губам. Круглое и не твердое по тактильному ощущению. Я открываю было рот, чтобы спросить, что это и зачем... И меня безжалостно лишают возможности это сделать. Резиновый шар проникает в рот, и прежде чем я осознаю, что же это, ремень кляпа затягивается на моих волосах.

— Ты ничего не решаешь, Юля. Стоп-слова ты не заслужила. Не очень хочется, чтобы ты орала на всю комнату "Сволочь".

Очарование обморока-полета-безумия-непонятной игры разума разрушено. На арене моего личного Колизея паника. Не уходи! Черт, останься рядом! Пусть я даже захлебнусь соплями, не бросай меня одну в таком состоянии! Даже если это убьет меня морально... Я готова заранее простить ему свое уничтожение. Заранее...

Хлопок двери. Одна...

На долгий час.

Первой начала ныть шея. С этим я еще, гася панические атаки, могла справиться. Ощущая пылающим лбом шелковистую гладь дорогих обоев, разминала ее, плавными рывками в стороны и назад. Одно из основных элементов любимого мною джаз-фанка. Спустя непонятно сколько минут так же разгоняла кровь напряженной поясницы...

А потом пришла боль. Яркими вспышками. Приступом безумия. Мои колени. Я не

шевелилась — но от неудобной позы она только нарастала, грозя свести с ума. Словно удары тока. До отчаянных криков в резиновый кляп, до глубоких отметин зубов. Сколько прошло времени? Я билась в этих путах, стирая в кровь руки, лодыжки и даже шею. Уже было плевать, как я выгляжу со стороны. Слюна, просачиваясь сквозь стенки кляпа, заливала мой подбородок. Чуть позже — пол.

Приходилось ли вам хоть раз чувствовать нечто подобное? Когда вы хотите закричать, а крика нет? Так бывает в ночных кошмарах... А со мной произошло наяву. Взрослые девочки плачут? Конечно. От душевных метаний. Сейчас это тоже ко мне не относилось. Я плакала именно от боли в коленях. Адской. Невероятной. Грозящей просто лишить рассудка на потеху своему палачу.

...Дима не дал мне часа. То ли все же расслышал мои стоны, то ли реально не собирался надолго уходить. Когда я услышала звук открываемой двери, мне было уже все равно. Я готова была лизать эти кожаные туфли, попавшие в поле моего зрения, лишь бы прекратить полыхающие толчки боли в коленях.

Когда он поспешно освободил меня от кляпа, я поняла, что не могу говорить. Боль лишила меня даже этого. Я могла только кричать, в надежде облегчить ее.

— Черт! — услышала его голос, не осознав, что в нем было дохрена беспокойства. Если бы не боль, я бы все поняла еще и по той хаотичности движений, с которой он освобождал меня от цепей, уже бьющуюся в истерике. Ощувив свободу, я попыталась вытянуть ноги, понимая, что они просто не желают разгибаться. Вместе с болью в моем крике сейчас было до жути много ужаса.

Он что-то говорил. Наверное, о том, что сам хотел услышать. Мне было все равно. Дрожащими руками я потянулась к его ногам, ухватившись за щиколотки пальцами, в которых полыхали отголоски боли.

— Ты мой Хозяин! Вы! Если вам так легче...

Кажется, я готова была повторять это бесчисленное количество раз. Боль сделала меня готовой на все ради того, кто мог ее прекратить.

— Повтори то, что сказала, и я просто уложу тебя в постель. Повтори...

Может, мне почудились эти слова. Может, и нет.

— Вы мой Хозяин! Мой Господин...

Он попытался поднять меня на ноги... Боль? Нет. Это была прелюдия. Самая настоящая пришла сейчас, при попытке разогнуть затекшие колени...

Мое молчание о проблемах с суставами сломало меня гораздо быстрее и вернее, чем все его зверства...

Я медленно, наслаждаясь каждым моментом, плыла вперед на спокойных, ласкающих волнах Черного моря. В этот предрассветный час кругом не было никого. Ощущение эйфории, опьяняющей свободы не покидало меня ни на миг. Прохладная, соленая вода при каждом рывке ласкала мое тело... впервые за год я была по-настоящему счастлива...

Оглянувшись, я осознала, что заплыла очень далеко от берега. Нужно было возвращаться. Я бы с удовольствием доплыла до горизонта и еще дальше, но какое-то чувство осторожности остановило меня. Обратно я плыла неохотно, с каждым взмахом рук, разрезающих спокойную морскую гладь, чувство непонятной тревоги только усиливалось. Словно что-то неизбежное и страшное ожидало меня на берегу, но выбора не было... В воде я пока что была в относительной безопасности, но мне нужно было успеть скрыться на берегу до первых лучей солнца, — словно они могли спалить меня заживо и навсегда лишить

возможности ощущать под ногами твердую поверхность. Почему? Я не знала. Кто там, вампиры боятся солнца? Да, именно они. И я, наверное, одна из них.

Я без малейшего желания, даже против воли плыла назад к берегу... силы таяли с каждой минутой. Внезапно резкая боль обожгла мои колени, и я застонала, вглядываясь в горизонт. Нет, еще рано, до восхода солнца время еще есть... Но откуда тогда боль?! Снова. И снова. Казалось, что ломаются кости, усиленные судорогами, в тот момент, как я ощутила под ногами песчаное дно. Я уже не могла ее выдерживать и старалась не орать, отчаянно сжимая губы и кусая их до крови. Но почему? Откуда? Солнца ведь еще совсем нет! Выйдя на берег, я просто упала на подкосившиеся колени, не в силах больше терпеть. Легкий утренний прибой ласково лизал мои ноги, словно стремясь успокоить, и я сделала решительную попытку встать. Мне почти это удалось, но, подняв глаза, я снова увидела его... Этот взгляд. Он лишил меня последних остатков разума.

— Нет! Нет!!!

Вскочив на постели, я не сразу осознала, где нахожусь. Вокруг было темно, прохладно, я слышала легкое журчание кондиционера, но прохлада не ощущалась совсем. Я горела. В горле пересохло, а пальцы словно онемели. Все еще ничего не понимая, — где я, к чему этот сон и почему так темно, — я пошевелилась и тут же ощутила боль, которая преследовала за мной из мира сновидения. Недоумение сменилось паникой, и в следующий момент сознание словно прорвало плотину и я во всех деталях увидела подробности сегодняшнего пробуждения. Получается, во сне я распрямила колени, и...

Но если б еще только это было самой большой из моих проблем!

Я еще не знала, что включает в себя понятие «сабдроп».

Ужас. Раскаяние. Унижение. Отчаяние. Страх. Неприятие. Беззащитность. Уязвимость. Этот адский коктейль эмоций словно парализовал мою волю в один момент, лишив возможности принять хоть какое-то решение. Дыхание остановилось, и только ощутив влагу на своих пальцах я поняла, что плачу.

— Нет!!!

Хотелось отключиться, исчезнуть, забыться, заснуть и не проснуться — только больше не осознавать этого кошмара. Я не сразу поняла, что чужие ладони ласково гладят меня по голове и щекам. Когда его рука ласкающим движением попробовала отодвинуть мои ноги от края постели, я закричала от резкой боли. Меня трясло.

— Юлечка, успокойся. Я с тобой. Все хорошо. Тише...

Отчаяние набирало обороты, словно стремясь увезти с собой в бездну безумия. Я не поняла, как это произошло — рыдания сами сотрясли мои плечи. Я пыталась, не смотря на боль, вырваться из кольца его рук, отворачивалась от легких поцелуев, снимающих мои слезы, но это лишало меня последних сил. Я не хотела его сострадания и человечности. Мне в сто раз было бы легче терпеть его очередные издевательства, чем его нежность. Она лишала меня воли. Делала слабой, забирая из глубин сознания мою уязвимость и демонстрируя во всех подробностях.

Стекло стакана ударило о мои зубы. Не понимая до конца, что же происходит, я непроизвольно резко дернулась и закрыла лицо руками.

— Юля, возьми себя в руки. Тебе нужен сахар. Выпей все.

Я задыхалась. Дима осторожно снял мои руки с лица и, разжав пальцем зубы, легонько вложил мне в рот таблетку. Мне было все равно... пусть там даже цианид... Пусть!!! Непроизвольно сделав глоток, я вновь попыталась вырваться, но он только сильнее

прижимал меня к себе

— Не надо кричать. Это пройдет. Что с ногами?

Он мог сейчас говорить все, что угодно. Для меня это уже не имело никакого значения. Это страдание могло убить или свести с ума. И никакие слова бы этого не изменили. Я без сил упала на подушки, оторвав его руки от своих плеч. Боль накрыла с новой силой, но я даже не кричала... Боль отрезвила. Напомнила о том, что ее причинил именно тот, кто так ласково обнимал меня только что...

Я хотела просто утонуть в своей апатии, но мое сознание было безжалостно ко мне. Следом за болью я вспомнила потрясающее чувство яркого, ничем не прикрытого возбуждения, возникшего в тот момент, когда наручники защелкнулись на моих запястьях и я ощутила коленями твердую поверхность пола. Вопреки всему это вызвало новый приступ рыданий от стыда, неприятия и беспомощности... Я не могла взять себя в руки, как ни старалась. Ничего сейчас не существовало в окружающем мире, кроме моей боли — душевной боли, по сравнению с которой физическая не значила ничего. Я не видела в полумраке его лица, но не из-за темноты, а просто потому, что никакая сила сейчас не могла заставить меня посмотреть ему в глаза.

Мысли путались. По-моему, я начала с отчаянием загнанного зверька отбиваться от его рук, но в этом не было толку. С какой-то раздражающей нежностью он осторожно перевернул меня на живот.

— Юля, успокойся, ты вся горящая. Сейчас....

Через миг мою спину словно обожгло холодом, я застонала. Но это не было пыткой — он просто накрыл мою спину полотенцем, смоченным в холодной воде. От этой заботы мне стало еще хуже.

— Ты мразь. Ты слабак. Какой ты, нахрен, доминант... Ты — лузер! — эти слова дались мне с трудом, и, едва выговорив их, я захлебнулась в новом потоке рыданий. Легче не становилось. Несмотря на то, что боль вспыхивала с меньшей периодичностью, я морально была уничтожена, убита, растоптана. Мне было все равно, даже если в ответ на мои оскорбления посыпятся новые удары. Отчаяние и апатия шли рука об руку, и я не могла до конца осознать происходящее.

Наверное, так выглядит шок.

Его ладонь гладила мои волосы, успокаивающие слова лились сплошным потоком, но я даже не разбирала их значения.

Наверное, вскоре эти слова и успокоительное начали действовать. Все еще всхлипывая, я провалилась в какую-то дремоту. Боль тоже ушла — может, он скормил мне таблетку обезболивающего. А в сознании, словно переключая этот кошмар, всплывала одна сцена... То ли первый, то ли какой-то из последующих раз с ним. Он целовал меня с максимальной нежностью, шептал успокаивающие слова, и я была счастлива от чувства удовольствия, наслаждения и безопасности...

Юля

Боль в коленях, уже не такая сильная, полыхала тупым огнем, и я сквозь сон со стоном перевернулась на живот. Просыпаться не хотелось, но поворот вызвал новый всплеск боли, настолько интенсивный, что остатки сна слетели сразу.

Реальность безжалостным пинком отпихнула негу неведения прочь. Поднявшись на локтях, я замотала головой, все еще не открывая глаз, надеясь проснуться в собственной постели. Нет, ничего не произошло. Вернее, то, что вчера произошло, произошло на самом деле. Сорри за тавтологию. Этот ад, эта боль и мои слезы. Насилие, истерика и потеря сознания. И Дима... Который сошел с ума.

Ужас сжал горло цепкими щупальцами. Я даже забыла про колени, которые стоило разгибать с осторожностью, и не заметила, что саднящие запястья получили свободу.

Я была одна. Непонятно, надолго ли, но все же одна. Абсолютно голая, растоптанная и беззащитная в его постели.

Сердце колотилось как ненормальное. Я вскочила, забыв про боль. Ощущение обнаженного тела делало меня настолько уязвимой, что я против воли застонала от отчаяния. Ни халата, ни каких-либо других моих вещей не было и в помине. Меня лишили даже этого. Как будто насилия и этого адского пилатеса в цепях было недостаточно...

Мой взгляд сфокусировался на двери, и страх заполнил капилляры вязкой смесью. Я хаотично обмоталась шелковой простыней, завязав узел только с третьей попытки. Меня шатало, перед глазами плясали темные пятна, и, сделав пару шагов, я просто повисла на дверной ручке. Замерла, пока в глазах не прояснилось. Она была закрыта, но это, непонятно почему, вселило надежду в мое измотанное сознание.

Придерживая простыню на груди, я неровной походкой проследовала в душ. Колени больше не прожигали разрядами тока, они скорее пульсировали ноющей болью, а между ног, я ощутила это только при движении, все было словно стерто в кровь. Неужели он продолжал, когда я отключилась... От этой мысли я закусил губы, и даже соленый привкус крови не отрезвил. Безумие, удерживаемое плотными цепями самосохранения, грозило в любой момент разрушить все эти механизмы, и точка невозврата была близка.

Я вскрикнула от ледяной воды, обрушившейся на мою голову. Поспешно сменила режим ее подачи, осознавая, что на автопилоте шагнула в кабинку, отбросив простыню прямо на кафель. Вот это попала! Но не может ведь просто быть такого, это же не всерьез! Мы вчера просто выпили, и игра вышла из-под контроля. Да, именно игра. Ведь после этого он смягчился, держал меня за руку и успокаивал. Он же не мог желать этого всерьез. Вот только боль, а вместе с ней давящий шею ошейник говорили совсем об ином. Теплая вода ласкала, руки машинально размазывали мыльную пену по телу, а ужас и отчаяние вместе с усталостью и ожиданием неизвестности делали свою дело, медленно, но верно. Слезы бессилия смешивались с водой, стекали вниз, но это не приносило облегчения. Не плачь, говорила я себе, лучше злись. Огрей его чем-нибудь, как только снова посмеет заставить тебя, не убьет же, в конце концов? Он же говорил, что никогда не обидит тебя, и вы оба знаете, что не врал. Он же и сам сейчас, наверное, в ужасе. И оставил тебя одну только потому, что не сможет какое-то время смотреть тебе в глаза...

Холодный озноб сбросил тактику защиты прочь.

Дура, в чем ты сейчас пытаешься себя убедить, разве нормальный человек способен сделать ТАКОЕ?!..

Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я успокоилась и перестала плакать. Все это время просидела, обхватив колени, в углу кабинки под косыми струями воды. Тело затекло в этой позе, я ощущала себя разбитой, но мысль о танце для тонуса показалась мне сейчас далекой и даже дикой. Это стало последней каплей. Я сломана. Я больше никогда не смогу посмотреть ему в глаза. Да и о чем я, он же мне это запретил... Горло сжал горький спазм, и только спустя несколько минут я осознала, что стою у зеркала с его бритвой в руке. Поймала свое отражение, и с испугом отшвырнула злосчастный "жиллет" на пол. Меня ошарашило одно только предположение о том, что я хотела с ним сделать... Вернее, сделать им.

В воздухе все еще ощущался аромат свежего мужского парфюма, самого стойкого из тех, что я вчера расколотила об кафель. Как я вчера веселилась, уверенная в своей безнаказанности, и как жестоко получила за это!

Юля, не расклеиваться! Ты сейчас выйдешь и поговоришь с ним. Он не может не понимать, что это ненормально. Просто не может!

Небольшое самовнушение помогло. Стараясь не замечать ошейника, так эротично... Нет, так похабно сидящего на моей шее, я почистила зубы, умылась прохладной водой. Волосы сушить не стала. Ресницы держались на честном слове, являя собой вместе с покрасневшими глазами жалкую картину. Сцепив зубы, я нашла в косметичке консилер и осторожно замаскировала темные круги под глазами. Нет, мне вовсе не хотелось быть для этого монстра привлекательной, я стремилась как можно максимальнее скрыть свое унижение. Слезы вновь попыталась смыть все усилия моих трудов, и дабы избежать этого, я сунула руки под поток ледяной воды. Помогло.

Кто бы знал, каких моральных усилий мне стоило открыть двери ванной... Зажмурившись и потуже затянув шелковый узел простыни на груди, я решительно шагнула в кондиционированную прохладу комнаты.

Не знаю, чего я ожидала, но его присутствие едва не сбilo меня с ног. Кровь резко отхлынула от лица, и я едва устояла на ногах.

Он стоял спиной ко мне, что-то расставляя на прикроватном столике. Сильные руки, темные джинсы, лазурно-голубая тенниска. Мужчина, похитивший мой покой весенним вечером в харьковском кафе... Пробудивший во мне страсть... Сейчас же, глядя на него, я ощутила только ужас. Рука рванула дверь прежде, чем я осознала, насколько глупо и насколько бесполезно будет прятаться от него в ванной.

Дима медленно обернулся. Я не успела понять, что происходит — мои глаза униженно устремились в пол, а дрожь передалась пальцам, что было особенно заметно. Ничего хорошего.

— Привет, — ровным голосом поздоровался он. Я не шевелилась. Стояла, глядя в пол, с обреченным исступлением осознавая, что он подходит ко мне. Задрожала от прикосновения, когда его пальцы осторожно подняли мой подбородок. Против воли я встретила его взгляд, и поняла, что вновь близка к панике.

— Ты снова плакала. Болит?

Голос прозвучал сухо. Ни участия, ни нежности, ни сострадания. Ничего этого я не прочла и в его взгляде, только отстраненное спокойствие и уверенность в собственной власти. Надо ли говорить, что ошарашенная этим открытием, я не могла ответить даже

физически. Только сдержала крик и непроизвольно отшатнулась, когда его рука уверенно легла на узел простыни. Отшатнулась и зажмурилась, инстинктивно ожидая удара.

Дмитрий со вздохом убрал руку и отошел.

— Сядь, — так же убийственно спокойно указал на диван. — Нам надо поговорить.

Я не восприняла его приказа, и так бы и осталась стоять, если бы не ощутила аромат кофе. Несмотря на утреннее время, он мне показался настолько неуместным в этой обители зла, что расценился как спасительный якорь, и я непроизвольно шагнула к дивану, избегая его взгляда и придерживая узел простыни.

— Вот. — На мою ладонь легла таблетка. — Выпей сейчас же.

— Что это? — тупо переспросила я.

— «Эскапел». Я вчера потерял тормоза от твоей дерзости настолько, что напрочь забыл про средства контрацепции.

Я моргнула, все еще не понимая, чего он от меня хочет. Накачать колесами? Чтобы была послушнее?

— Не бойся, она не смертельная. Я пока как-то не планировал стать отцом.

Я тоже не планировала носить его детей. Это была бы, как минимум, живая экранизация фильма «Омен». Уговаривать меня долго не пришлось, и, проглотив таблетку с, наверное, третьего раза, я вспомнила, что у них дохрена побочных последствий.

— Это опасно, Дима. — Тогда мне простили это обращение...

— Нет. Это новое поколение. Можешь не переживать, дальше будем предохраняться барьерными методами. Опасно другое. То, что ты играла в молчанку. Что с твоими коленями?

— Я... я не знаю... с детства так...

— При ходьбе? Жим ногами делала, не было боли? «Ступеньку», «приседание Смитта»?

Я тупо моргнула. О чем речь, вообще?

Ага, владелец сети спортзалов. Эта мысль меня ненадолго развеселила. Совсем ненадолго.

— Не знаю... Так нормально... И бег тоже... Когда на питлатесе было упражнение... ну, мах ногами назад на локтях... Боль всегда была, я не могла его сделать...

— Понятно. Ты доктору показывалась?

— Нет...

— Почему, Юля?

— Я боюсь... — сглотнув, я помимо воли ощутила его осязаемое беспокойство и сожаление в его голосе, подсознательно признавая в нем сильного, готового взять на себя ответственность. — я когда-то спросила... в школе. На уроке анатомии у училки, что это... Она сказала, что придется колоть... И боль адская... Представь, перед всем классом, я очень испугалась. Спросила, нельзя ли наркоз, а она ответила, что доктору надо видеть реакцию...

— Юля, это варварские методы. Их больше никто не использует. Когда утихнет это метание братков, я отвезу тебя в клинику, и ты никогда больше не вспомнишь, как болит. Обещаю. Сейчас, ответь — можешь сгибать колени? Не болит?

— Больше нет...

Я тогда решила, что он смягчился... Наивная дура.

— Я, наверное, должен извиниться, — донесся до меня его голос. — Я не должен был причинять тебе вчера боль, особенно такую сильную. Начинать стоило с более легкой. К такой ты пока не готова.

Когда до меня дошли его слова, все вокруг словно пресекло иметь значение. Что значит это безжалостноепока?

— Но в этом есть и твоя вина. Больше никогда не смей мне сопротивляться. Чем скорее ты поймешь, что все будет по моим правилам, тем лучше.

Нервы не выдерживали. Я набрала полные легкие воздуха.

— Дима, прекрати это. Мы заигрались.

Это был уже совершенно иной человек. Убивала интонация — именно своей искренностью. Ни грамма пафоса, бравады и прочих понтов. Уверенность и серьезность сразу дали понять, что он не шутит. От его холодной улыбки мне стало еще хуже.

— Юля, мы вчера это обсудили. Я лишил тебя права называть меня по имени. Господин. Хозяин. Мастер. На твой выбор. И за право выбора стоит поблагодарить.

Он определенно сошел с ума. После этого заявления мой характер, презрев вчерашнюю боль, вновь напомнил о себе. Протест оказался сильнее страха.

— Да у тебя крыша поехала! — его лицо не дрогнуло. Ничего, обломается! — ты зашел слишком далеко, ты это понимаешь?! Ты изнасиловал меня вчера! Я не буду играть по твоим е. нутым правилам! Ты немедленно везешь меня на вокзал, и я возвращаюсь в Феодосию. Где моя одежда, тварь?!

Дима остался недвижим. Затем вздохнул.

— Сядь. И прекрати истерить. Я не стану наказывать тебя за это лишь потому, что ты еще не пришла в себя и не до конца осознала свое положение. В этом я тебе помогу, и это будет не трудно. Но сперва предлагаю тебе позавтракать. Потом вернемся к твоему молчанию. Если тебе наплевать на собственное здоровье, то мне — нет.

— Из миски на цепи, как в твоей дебильной садо-мазо-порнухе? — я понимала, что скоро начнется истерика, но это от меня не зависело. Дима почти ласково улыбнулся в ответ на мою тираду.

— Юля, чтобы ты понимала. У меня все в порядке с головой. Можешь не переживать. Держать тебя в клетке, спускать шкуру, крутить соски или сдавать в аренду я не собираюсь. Этого никогда не будет. Тебе нечего бояться. А теперь садись ближе. Завтрак остывает, а я старался.

Меня это совершенно не успокоило. Вместе с нарастающей паникой я еще острее ощутила свою полную беспомощность от этого непоколебимого тона Хозяина. Я ощутила, что слезы вновь навернулись на глаза. Присела на край кровати, буквально молясь о том, чтобы не разрыдаться от собственного бессилия вместе с обидой. Дима заметил мое состояние.

— Ты не ответила. Все еще больно? Если хочешь, я смажу тебе спину потом. Потерпишь?

Спина вообще волновала меня меньше всего. Флагелляция оказалась, по сути, детской забавой в его исполнении. Я незаметно повела плечами. Кожа казалась немного стянутой.

Меня вновь передернуло от страха, и я инстинктивно замотала головой.

— Не хочу! У меня остались шрамы... — мысль о том, что моя спина изуродована, а шрамы перекрыли напрочь пляжный сезон, вызвала новый прилив слез, и я, как мне показалось, незаметно смахнула их ладонью. Я где-то читала. Что если не испытываешь при порке сильной боли, могут остаться следы. И наоборот.

Чашка едва не выскочила из моих пальцев.

— Юля, никаких шрамов нет. Такие удары не оставляют следов, я владею этим

девайсом в совершенстве. Если хочешь, посмотри в зеркало. А теперь успокойся и поешь.

На беду, мои руки дрожали так, что я пролила кофе на свое импровизированное платье. Дима спокойно отставил чашку в сторону.

— Не дрожи ты так. Не съем я тебя. Вот я вспомнил, мы вчера разговаривали, и, кажется, обсудили твою форму одежды?

Кофе резко приобрел привкус мазута. Я изумленно вскинула глаза, с целью увидеть в нем хоть каплю снисхождения. Я помнила даже очень хорошо.

Основная форма одежды — ее отсутствие!

Он ждал. Нетерпение исказило его черты лица.

— Я не могу! Прошу тебя! — мне стало мерзко от собственного униженного тона. Руки вцепились в узел как в спасительный канат. Ужаснее всего было осознание того, что я начинала принимать его правила игры.

— Попробуй это. Одно из самых лучших блюд, — он словно не расслышал моей просьбы. — Что скажешь?

— Вкусно, — выдавила я, не ощутив вкуса и до конца не понимая, что именно сейчас продегустировала. Просто елозила вилок по, судя по всему, фарфоровой тарелке как можно медленнее. Пока мы заняты завтраком, я в безопасности. Так мне казалось. Но продолжать этот фарс до бесконечности было невозможно. Дима сдвинул посуду в сторону, а я инстинктивно забила в угол. Паника росла.

— Юля, ты в моих руках. Ты знала, что я всегда добиваюсь своей цели. И я требую беспрекословного подчинения. Это в твоих же интересах. Понятно?

Я закусила губы. Только бы не сорваться и не начать его умолять! Что он собирается делать?! Неужели вчерашнего было мало? Он не видит, что я на грани?!

— Встань! — резко резануло по натянутым нервам. Я зажмурилась и почему-то автоматом подчинилась. Простыня грозила съехать с груди, и я судорожно прикрыла ее руками.

— Руки за голову.

Я отчаянно замотала головой, но когда он решительно шагнул в моем направлении, затравленно сцепила пальцы на затылке. Паника росла, но мужчина не замечал моего состояния. Казалось, он наслаждался им. А впрочем, вовсе не казалось. Так и было.

Я сдержала всхлип, когда он грубым рывком распутал узел на спине и отбросил ее прочь. Стыд лишил меня сил, и я опустила глаза в пол. Щеки горели. Конечно, я не раз и не два раздевалась перед мужчинами при ярком освещении, испытывая при этом нереальное удовольствие от их жадных взглядов и гордость за свое тело, вот только сейчас все было совсем иначе. Я дрожала от страха и унижения, забыв, что мое тело может быть оружием безжалостного соблазнения.

Дима отступил на пару шагов.

— Красивая девочка. Ноги на ширине плеч. Ну?

Я подчинилась. Этот жест показался мне донельзя зажатым и скованным. Моя кошачья грация исчезла под взглядом победителя и хозяина.

Он подошел еще ближе. Я замерла, не поднимая глаз. Просто не смела. В голове не укладывалось, как он мог после экзекуции вновь подвергать меня такому унижению. Его пальцы властно коснулись моих губ, очертив их по контуру и задев зубы. Я ощутила его учатившееся дыхание на своей щеке.

— Какие сладкие. И какое удовольствие они умеют доставлять своему Господину.

Скоро мы это вновь проверим. — Его рука тяжело легла на мой затылок, спустилась вниз, оттянув ошейник. Я задохнулась от унижения. Эта тварь сейчас рассматривала и ощупывала меня, как рабыню на рынке, а я ничего не могла с этим поделать. Страх усыпил мою дерзость. Хоть боль в коленях и утихла, напоминая о себе лишь при резких движениях, но новой порции соприкосновения с полом или плети я бы просто не выдержала.

— Дрожишь... — задумчиво констатировал Дима. — Ах, да. Понимаю.

В этот момент я заметила в его голосе отголоски его прежнего, привычного, и это вселило в меня робкую надежду. Я набрала полные легкие воздуха.

— Дим, я прошу тебя. Я устала, мне больно. Не делай этого, давай поговорим.

Резкая пощечина обожгла мне щеку. Я закричала. Ноги лишились опоры, я бы упала, если б он не схватил меня за ошейник. Ощутила соль на губах и поняла, что плачу.

— Я не разрешал тебе говорить. — Я подняла глаза и тут же заскулила от второй пощечины. — Я позволил звать себя по имени? Расслабилась?! Напомнить?

Я не ответила. Слезы стекали по щекам и глухо шлепались на паркет, а я не сводила глаз с этих маленьких озер.

Оставь меня, не трогай, я же с ума сойду. Я не вынесу твоей жестокости, мы же можем по-иному, так же было раньше...

— Нравится принадлежать, дерзкая девочка? Теперь можешь отвечать.

— Д-да... — прошептала я. Все что угодно, только не пощечины. Я переживу...

— "Да" кто?

— Да... Мой Господин. — Голос дрогнул, контролировать рыдания становилось все тяжелее. — Не надо! Прошу вас!

Дима как — то устало вздохнул, и уже в следующий момент его руки стали нежно гладить мои волосы. Потрясение от смены тактики было настолько сильным, что я просто уткнулась лицом в его плечо лицом, гася рыдания в голубой хлопок тенниски. Он нежно гладил меня по голове.

— Тише. Тише, ты привыкнешь.

Его слова резали мое сознание на части, и я плакала не сдерживаясь. Он осторожно, коснувшись подбородка, поднял мою голову с плеча, но я униженно ответила взгляд в сторону. Я была уничтожена. Просто раздавлена. Чувствовала, как он рассматривает меня взглядом пусть смягчившегося, но Хозяина, и готова была умереть от бессилия

Его прохладные пальцы едва ощутимо, словно перышком, коснулись моих щек, снимая слезы. Я вздрогнула в ожидании удара, но он успокаивающе сжал мои плечи. Я сморгнула слезы и с удивлением заметила, как он поднес свои пальцы к губам, проведя по ним языком.

— Вкус твоей капитуляции незабываем. Ты бы знала... — Тихо проговорил он. Следом за этим его пальцы скользнули по моей груди, взвесив ее на ладони, нежно помассировали сосок, и потянулись к другой. Я с трудом держалась на ногах, выдерживая этот унижительной осмотр, уже предугадывая его действия. Рука ласковым движением погладила мой живот, поиграв со штангой пирсинга. В этом жесте была откровенная нежность, и я ощутила легкое тепло. Плакать расхотелось. Он обошел меня, его рука легла между лопатками, помедлила и уверенно двинулась вниз по позвоночнику. Нежно, настойчиво, вызвав подобие сладкой дрожи на какой-то момент, и замерла на изгибе копчика. Я зажмурилась, пытаюсь унять в себе отклик на ласку, это плохо удавалось. Но тут его рука решительно скользнула ниже, раздвинув половинки ягодиц. От этого вторжения весь мой покой смыло волной, я непроизвольно протестующе дернулась. В тот же момент вторая рука предупреждающе

потянула мои волосы, напоминая об истинном положении вещей, о том, кто здесь Хозяин, а пальцы неумолимо продолжили свое исследование. От какого-то безотчетного страха я задергалась еще сильнее, не обращая внимания на усилившуюся хватку. Ощутила, как чужие пальцы деловито огладили сжатое колечко ануса, пытаюсь ненавязчиво проникнуть внутрь. Это лишило меня последних капель самообладания, и я забилась под его руками, пытаюсь максимально отстраниться и сжимаясь еще сильнее. Мышцы сфинктера сопротивлялись из последних сил, а паника срывала крышу. Я готова была закричать. Услышала какой-то торжествующий смешок мужчины и... Все резко прекратилось. Меня трясло. Вновь обойдя и став лицом ко мне, Дима помедлил на долю секунды, и тут его пальцы без предупреждения скользнули между моими неплотно сжатыми бедрами. Я вскрикнула скорее от внезапности, чем от боли — пальцы проникли внутрь безболезненно и легко, словно нож в подтаявшее масло. Нежно, но по-хозяйски прошлись по внутренним стеночкам влагалища, задевая точку G. Сладкий ток пронзил меня с ног до головы, и я изумленно вскинула голову, поймав его жестокий взгляд, в котором плескалось торжество.

— Да ты вся течешь. И стоило плакать? Тебе же это нравится!

— Нет! — выдавила я, не в силах отвести взгляда.

— Да. Ты сама это видишь. Это страсть, моя девочка. Ты почувствовала руку Господина, твое тело не даст тебе соврать. — его пальцы зашевелились внутри. Сладкая дрожь пронеслась по телу подобно цунами, и я застонала от бессилия и чего-то еще.

— Прекратить? — покровительственно осведомился Дима. — Попроси. Но ведь ты не хочешь просить, правда?

— Не надо! Остановись... — униженно простонала я.

Он рассмеялся, и его пальцы уверенно продолжили сладкую пытку. Презирая себя за это, но не осознавая, я резко подалась бедрами вперед, насаживаясь на них до упора. Еще... И еще... Дыхание сбилось. Нет! Надо держаться! Если я кончу в таком униженном положении, я буду ненавидеть себя до конца жизни... Почувствовав приближение оргазма, я, не отдавая себе отчета, расцепила покорно сжатые за головой руки и с усилием толкнула захватчика в грудь, соскакивая с пальцев.

Он переменялся в лице. В один момент. Да, я вырвала его из равновесия, но в тот миг мне было все равно. Стыд и желание вступили в поединок, а я еще острее ощутила свою наготу и уязвимость.

— Вот как? Ну ничего. Это мы исправим. Я научу тебя покорности. Ты у меня, совсем скоро, шелковая станешь!

Попала. Я затряслась от неконтролируемого озноба. Дима намотал мои волосы на кулак. Поддел ногой декоративную подушку, сбив ее на пол.

— На колени.

— Нет!

— На колени. Счет три, 20 ударов. Хлыст. У нас бедра и попка остались не у дел. Один...

Все остатки моего возбуждения и протеста сменились самым максимальным ужасом, с которым рядом моя арахнофобия нервно закурила в сторонке. Дважды повторять не пришлось. Мои ноги сами подкосились, колени безвольно стукнулись о паркет, вызвав в теле тупую вспышку боли. Не попала... На миг на его лице промелькнуло нерешительное беспокойство. Я стерпела. Все равно это лучше чем хлыст... Все равно..

— Назови меня Господином и скажи, что примешь любую мою волю. Что у меня есть

право владеть тобой. Скажи это.

— Я... Я подчинюсь вашей воле... Мой Господин. — эти слова дались мне легче. Симулировать покорность не пришлось, и почему-то это испугало меня окончательно.

— Выпрями спину. Вот так. Голову ниже. Руки за спину. А теперь обхвати локти ладонями. — я подчинилась, не раздумывая. Только не боль... Я все стерплю... Только не боль... Мой взгляд уперся в его сандалии. Уже ничего не соображая, я подалась вперед, и...

Я сошла с ума... Это случилось... Я резко выпрямилась.

Он не видел... Он никогда не узнает... Что я была в шаге от... От... Будь же смелее. Признайся! Себе. От. Поцелуй. Его. Ног...

Да! Епт вашу маму. Все, что угодно, но только не хлыст!

— ...Это называется поза покорности. Каждый раз, когда я вхожу — принимаешь ее и называешь меня Господином. Без промедления. Я не садист, девочка моя. Мне не хотелось бы причинять тебе боль так часто... И согласишься, что это очень простое требование. Поскольку ответственность за боль, что ты вчера стерпела, полностью на мне, делаешь это на кровати или подушке. Если больно — не молчишь. Говоришь сразу. Но не путать боль и «не хочу стоять на коленях»

Я кивнула. В душе рождалась злость. Но я знала... Один намек... И я снова буду избита.

— Ты все поняла?

— Да, мой Господин! — забыв об осторожности, я вскинула голову. Явно в моих глазах теперь была ярость, выпущенная на волю унижением. Позорное желание целовать его ноги вновь вернуло мне меня прежнюю.

— Ну почему я не до конца тебе верю, девочка? — с леденящей кровью улыбкой осведомился он, отходя куда-то в сторону. Я доигралась! Он сейчас возьмет хлыст... Боже, я не хочу. Я не вынесу... Я должна сделать то, что почти не сделала, чтобы его остановить... Но тут гордость вновь схватила меня за горло. Нет! Не стану ни о чем его просить! Хватит! Вытерплю. Снова потеряю сознание. Пошел он к черту!

— Посмотри на меня, — надо же, а я и не расслышала его приближения. Я подняла глаза, понимая, что помимо откуда-то взявшихся слез в них так же плещется вызов. Протест. Бунт. Но Дима покровительственно улыбался. Медленно вытянул вперед руку и разжал ладонь.

— Знаешь, что это?

... Я знала. Очень хорошо, потому что это были мои любимые цветы. Очень часто, на протяжении нашего бешеного романа, он дарил мне их. Орхидеи. Теперь это было в прошлом. В прошлой жизни...

Ремень бил не больно, боль была морального плана. Больно стирались вчера в кровь колени. Больно было от ломки моей воли. Но ничего так сильно не ударило, как эта жестокая боль... Боль напоминания о том, чего я лишилась на контрасте с кошмаром.

Орхидея. Просто цветок без стебелька. Кажется, я видела ее в вазоне на окне. Нежно-белоснежный цветок с тонкими бордовыми прожилками. Сама нежность и уязвимость, доверчиво уместившаяся в ладони варвара.

— Очень красивый цветок. Но попытайся представить, что она мыслит. Живет. У нее есть круг интересов, внимание поклонников, которые ею восторженно восхищаются, гордость, попытка во всем управлять своей жизнью, наконец. Даже есть имя... наверное. Мне безразлично. Но сейчас она являет собой сознание. Без стебля и воды — именно сознание. Воля. Гордость. Самооценка. Но вот в чем незадача, она в чужих руках.

Я опешила, не ожидая услышать такой философский монолог от своего тирана, но это не имело значения. Во мне внутри медленно рушились стены укреплений рассудка... Именно так я себя ощущала. Просто смотрела на цветок, не в силах отвернуться.

— Эта беззащитна. Она это знает изначально, потому не хватает звезд с неба. Но в джунглях Борнео растут черные орхидеи. Ее сестры. Они ядовиты — это их защитная особенность. Они оплетают лианами все вокруг, завоеывая себе новые территории таким образом. Агрессоры. Своим черным окрасом они вовсе не маскируются, а наоборот, кричат о своей дерзкой красоте, уверенные в одном — они далеко. Туда так редко ступает нога человека, что они продолжают жить в уверенности, что их не сорвать. Но их срывают. Всегда найдется тот отважный, кто пройдет все опасности дикой природы непроходимых джунглей ради права сорвать для себя эту красоту и завладеть ею. И вот тогда у нее больше нет выбора. Цвести помимо воли в замкнутой клетке колбы с водой, забыв прошлую жизнь и радовать глаз своего захватчика. Или же... Или же так. — Я содрогнулась, когда его ладонь резко сжалась. Разжал он ее неторопливо, и скомканный, раздавленный цветок с изломанными лепестками безвольным лоскутом упал к моим коленям.

Я, не отрываясь, смотрела на искалеченный цветок. Дима склонился и ласково погладил меня по волосам.

— Сила всегда права, и если нельзя ей противостоять, стоит просто покориться.

Я отшатнулась. Горькие слезы медленно стекли по щекам и упали вниз, задев сломанный бело-бордовый лепесток. Больше слова были не нужны. Даже наказание вчера не смогло донести эту истину до моего сознания. Даже боль.

— Подумай над моими словами, — мягко сказал Дима. — Это не приказ. Это совет. Станет легче. — И, развернувшись, громче добавил: — я приду вечером. Будь готова к минуте. Я соскучился за твоими губами.

— Пощади... — прошептала я, содрогаясь от его цинизма, и словно в забытьи подгребая ладонью сломанный цветок еще ближе. Силы оставляли меня, и я прижалась головой к паркету, уже не сдерживая слез.

— Почему ты просишь пощады, разве я жесток? Разве я сегодня причинил тебе боль? Или ты хочешь, чтобы я предпринял действия, от которых даже самые стойкие начинают молить о пощаде?!

Меня трясло. Я смотрела на орхидею, гладила пальцами лепестки, словно пытаюсь отдать им свою силу и влить жизнь, понимая, как это бесполезно... И страшно.

— Отдыхай. До вечера есть время. И стоит ли говорить, что если я увижу тебя в простыне или полотенце, то буду очень зол? И еще. На тумбочке таблетка "персена". Одна, чтобы у тебя не возникло желания натворить романтических глупостей. Будь добра, выпей. И умойся перед моим приходом. Я не требую улыбку до ушей, я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но рыдать и кататься по полу прекращай. Меня этим не пробьешь. Можешь выреваться до моего прихода, но чтобы вечером я подобного и близко не наблюдал. Ты меня поняла?

Я молчала. Цветок не оживал. Сломанные лепестки темнели на моих глазах. Так будет и со мной. Очень скоро. Почти уже сейчас...

— Ничего. Времени воспитать тебя у меня достаточно. Спишу на стресс, я умею быть великодушным. До встречи, моя девочка. — Ключ как-то нервно повернулся в замке.

"До вечера, Хозяин" — мелькнула автоматом мысль. Я сходила с ума. Осторожно уложила цветок в ладони и дала волю слезам. Пей! Оживай! Ну же! Это вода, забудь про

соль! Забудь, просто сражайся и пей! Но ничего не происходило, от моего теребления цветок умирал еще быстрее, терял эластичность, и один лепесток отпал.

Хорошо же. Если нет сил бороться, и тебя не спасти, отдай силы мне. Хоть капельку... Тебя все равно уже не спасти... С горестным стоном я сжала кулак, сминая плоть цветка, убивая его, раздавливая, превращая в прах под моими пальцами. Быстро... Безболезненно... Разрывая душу.

Все равно тебя уже не спасти...

Нимфомания в доме расколотых подоконников.

40 дней твой бойфрэннд играет в покойников.

Не клянись на молоке, сука, не стой на дороге. Радистка Кэт, давай раздвигай ноги.

Я буду мстить тебе за своё одиночество. Кончилось доброеутро, Ваше Высочество.

Начались ночи, полные электричества, Ваше Величество.

Здесь берут качеством, а не количеством. Такое вот у меня язычество.

Зашивать твои вены суровыми нитками. Рисовать «Never Die» в ванной с белыми плитками.

Стащить бы зубами на память все твои мини/бикини/шестёрки/вини. Моя игра без ферзя. Буду трогать/ласкать/целовать тебя там/где/нельзя

Пока ты мне всё не выложишь. Надеюсь, ни с кем не спишь. Слышишь? Ариведерчи малыш. Я жду тебя.

(с)Антон Прада

Дима

Я смотрю, как мерцают звезды в ночном небе Крыма.

Здесь все не так, как в Харькове. Не так, как в Ялте и других густонаселенных городах побережья. Нет светового загрязнения и прозрачной пелены смога, которая гасит их сияние. Кажется, протяни руку — и ошпаришься этим холодным, безразличным сиянием. Именно поэтому мне так нравится на них смотреть. Как в детстве, задрав голову. Они не осуждают. Они вообще выше всего этого.

Одновременно две. Прочертив пунктир в ночном небе над темным силуэтом Ай-Петри, сгорают, не успев коснуться земли. Желания мои сейчас отличаются завидным постоянством. Одно уже сбылось. И я давно вышел из детства, чтобы загадывать их на падающих звездах.

Что мы там загадывали в этом самом постсоветском детстве, когда удирали из дома и мечтали с пацанами со двора о дальних странах и невероятных приключениях? Я, кажется, хотел стать пиратом. Стивенсон, Майн Рид и Беляев формировали наше мировоззрение похлещужасающей политпропаганды. Желания сбываются. Не так, как мы загадывали, но все же... В сомалийскую бригаду путь закрыт. Шхуны с черным флагом тоже нет. Корабли не грабим. А в остальном?

Может, не корабль и морские просторы были основополагающей частью моих детских стремлений. И даже не черный флаг. И не та добыча. Совсем иная...

Я ощущаю ее страх и ее отчаяние даже на расстоянии. Это словно гребаная черная дыра, ограниченная четырьмя стенами, из которых ей больше нет выхода. Она не в перегородках межкомнатных конструкций. Не в повороте ключа в замке ее импровизированной темницы. Она только в ее сознании. Отравленном женском сознании, в котором никогда не было места слабости. Только вперед, круша эти стены. Вырваться из тьмы обыденности, потому что не место нам там, мы иные. Плевать, что трещат ребра под грузом никому не нужной силы. Твоя сила в твоей слабости. В неосознанном желании отдать эту тяжесть в руки сильного мужчины. Никто не говорил, что будет легко. Сдирать с тебя латекс этого скафандра, не оцарапав души — невозможно. Убедить, что без него у тебя вырастут крылья — еще сложнее. Ты думаешь, я уничтожаю тебя... Какая же ты дура. Я представляю

выражение твоего страдальчески-заплаканного личика, если бы ты узнала, что я на самом деле к тебе чувствую.

Ты не знаешь. Игра не по твоим правилам. Тут нет веников роз и орхидей. Хотя, я утрирую. Есть. Розы — хороший ударный девайс, если отколоть шипы. У тебя изумительная кожа. Гладкая. Загорелая. Я не хочу видеть на ней кровавые рубцы. Мне никогда такие экзекуции не приносили удовольствия. Я люблю гладить бархат твоей кожи. Иногда мне кажется, она светится в темноте. Понимаю, что это бред, но фантазия моя безгранична. Я люблю писать на ней маршрут нежных поцелуев. Видеть, как она розовеет под несильными ударами ремня. Слабая порка, имитация. Я никогда не смогу, наверное, тебя сильнее. Мне это просто не нужно.

Орхидеи хороши не в букетах. Нет. В ладони. Беззащитные, как и ты, в моей абсолютной власти. Чтобы одним сжатием пальцев ломать твою волю, втайне даже не заставляя, нет — умоляя тебя покориться. Страшно? Больно? А выхода нет. Только смириться.

У тебя необыкновенные глаза. Мне безумно нравится наблюдать, как уходит дерзость и вызов из этих бездонных омутов, когда ты понимаешь, что проиграла. Что все равно, все будет по-моему. Стрдание и боль тогда пляшут свой неистовый танец. Страх. Недоверие. Надежда, что я пошутил, что все это не всерьез. И вместе с этим, невысказанная мольба защитить и спрятать, как ты полагаешь, от моего безумия.

Девочка, все не так. Я никогда не теряю контроль. Я запретил себе это давным-давно. Каждый шаг просчитан, как в долбанной шахматной партии. И в этот момент ты полностью под моей защитой. Ты за каменной стеной, которая убережет тебя от любой боли извне. Причинять тебе боль — только моя привилегия.

Ты скажешь — я ошибаюсь, я специально мучаю тебя ради своей услады. Я тебя прекрасно понимаю. В твоём мире, все не так. Там нет места стертым в кровь коленям, надрывному крику душевной агонии, униженной мольбы избавить тебя от моих действий. Там горит вечно сияющий калейдоскоп огней, фальшивые бриллианты новых граней, мнимая карусель, которая вертится, якобы, вокруг тебя. Там никто не стремится поставить тебя на колени. Наоборот, они готовы сами шарахнуться в пыль у твоих ног ради одной твоей улыбки. Ты думаешь, это любовь? Возможно. Любовь слабаков, она такая. Обреченная на муки без взаимности. Но какое твое дело? Пока они дарят тебе цветы, дорогие подарки и поют дифирамбы, тебе комфортно. Они — настоящие. Я — изверг. Это все понятно.

Никогда тебе не узнать, что я чувствую к тебе. Не пробить ледяную маску моего равнодушия, и не увидеть, как сгорает мое сердце во имя тебя. Потому что тебе ничего не стоит сжать его в своей тонкой ладони и выжать из него кровь, чтобы потом швырнуть в пыль у своих ног. Я не позволю. Считаю меня кем угодно. Одержимым. Садистом. Последней сволочью. А я всего лишь не стал ждать у моря погоды. За свою любовь, пусть в черно-красных тонах, я пойду по трупам. Прижму к стенке, не оставив выбора. Ты моя. Я вскрою твой эмоциональный сейф, заставив отдать мне все. Без остатка.

Твоя паника сейчас достигла всех мыслимых и немыслимых пределов. Я ее ощущаю кожей. Уже ведь не вечер. Глубокая полночь. Но я знаю, что в ожидании неизбежного ты не сомкнула глаз. Билась в этих стенах, словно пойманная в силки птица. Наверняка, плакала так долго, что не осталось больше слез. Отлично. За слезами приходит смирение. Ты не хочешь моего прихода, и желаешь его одновременно, чтобы избавиться от убивающей неизвестности. Что, моя девочка, меня ждет в стенах неприступной тюрьмы, в которую я запер тебя недрогнувшей рукой? Может, в меня полетит какой-нибудь тяжелый предмет? Те

же самые орхидеи в прозрачном вазоне? Будет печально. Маман расстроится. Игры в рабовладельца она бы мне с легкой руки простила, свои же цветы — вряд ли. Поэтому, девочка, лучше тебе этого не делать. Какие еще варианты? Слезы? Я же запретил это. Да, мне жаль тебя. Особенно, когда ты плачешь. Я почти чувствую, как рвется из груди твое измотанное сердечко. Далеко ему все равно не вырваться. Прутья моей клетки уже строят круговую оборону вокруг него тоже. Почему это меня не останавливает?

Вкус твоих слез — вкус твоего отчаяния. Капитуляции. Сложенного оружия. Это посильнее коньяка столетней выдержки. Я не готов отказаться от такого напитка. Мне остается верить, что ты проявишь благоразумие. Что в меня не полетят подручные предметы, стоит мне появиться на пороге. Что у тебя хватит достоинства не обнимать мои колени и вытирать о джинсы заплаканные щеки, в попытке меня разжалобить. Что первый раз положенное обращение станет на твоих устах глубоко прочувствованным, а не тупой цитатой из 50 оттенков пародии на Тему. Это минутное удовольствие, раз, и я ни разу тебе не поверю — два. Поэтому придумай что-то другое. Обнимать мои колени будешь еще не раз, когда я сам тебе скажу это делать. Сегодня ночью мне нужно твое благоразумие, открытость и адекватность. Открытый файл, на котором я напишу свой программный код.

Наверняка я снова увижу это в твоих глазах. Попытка выбить, вытребовать, выманипулировать мою благосклонность и нежность. Мне жаль, Юля. Я готов утопить тебя в нежности, потом, но не сейчас. Сейчас я проведу тебя по кругам моего персонального ада, чтобы ты осознала все раз и навсегда. Я твой Хозяин. Это мое решение. Другого не будет.

Знала ли ты, моя сладкая невольница, что все могло бы быть по-иному?

Нет, я не о нашей первой встрече. Что бы ты хотела услышать? Что, забудь ты ожерелье дома, я бы не обратил на тебя внимания? Что, не сядь бы в мое авто, на твоём месте была бы другая? Что, веди ты себя поскромнее, мы бы до сих пор держались за руки и считали звезды? Опомнись. Ты могла бы спрятаться за паранджой, за спиной Виталия Кличко или даже Шварценеггера, и это бы ничего не изменило. Потому что я с первого раза понял, что ты станешь моей и на моих условиях.

Я о приезде. Ты никогда не узнаешь, что изначально я не планировал окунать тебя в этот трэш. Сам я его таким не считаю, нет. Это все в твоей голове. Выходить из зоны комфорта всегда тяжело. Видит бог, я этого не планировал изначально. Более того. Помнишь, я сказал тебе, что это будет обычный отдых у моря? Так бы все и было. Я б подвел тебя к неприступным вершинам постепенно, позаботившись о том, чтобы ты получила от этого максимум удовольствия. Думаешь, вне Темы мне плохо с тобой? Что мне ни разу не упало просыпаться утром рядом с тобой, видеть твою улыбку, любить тебя не как Хозяин — свою вещь, а как мужчина — женщину? Ошибаешься. Тогда, ради тебя, я бы это сделал и сам бы нашел в этом непередаваемое удовольствие. Если первый вечер тебе ничего не доказал, я уже не знаю, что мне следовало сделать...

Ты разрушила эти планы не в тот момент. Гораздо раньше. В тот вечер я всего лишь увидел предысторию твоего истинного отношения.

... Ты так сладко засыпаешь после многочисленных оргазмов, утомивших твой рассудок и тело. С улыбкой. Тогда ты улыбалась и чувствовала себя в безопасности. И это было именно так. Я перенес тебя на кровать, усталую и разбитую, но такую родную и умиротворенную. Эта ночь грозила нокаутировать моего внутреннего монстра окончательно. Я укрыл тебя шелковой простыней, но уходить не спешил, мне очень понравилось наблюдать за тобой спящей. Во сне все маски слетают. Твоя уязвимость вызвала уже не жажду

обладания, а бесконечную нежность. Я слушал твоё размеренное дыхание и рисовал в воображении планы на следующий день. Аренда яхты. Бутылка коллекционного вина. Дрейф в Голубом Заливе. Ты же умеешь плавать, моя девочка? Тогда стоит включить в программу погружение на глубину. Закат. Солнце садится за хребет Кошки, и силуэт животного просматривается очень четко — не зря она получила такое название. Это всё завтра.

Ты даже не разобрала сумку. Только извлекла из неё свой роскошный пеньюар, чтобы развеять им тьму моих желаний в твоём отношении. Боялась? Совершенно напрасно. Я простил тебе всё. Даже Вадима. Он всё равно скоро уйдёт из твоей жизни. Ничего больше не имеет значения, пока ты со мной. Надо перенести утром сюда твои вещи. Я расстегнул гламурный розовый чемодан. Какое-то пиликанье меня насторожило. Ага. Планшет. Чего ты его не выключила? Он съел весь свой заряд, в попытке отыскать в горах вай-фай. Глупая девочка. Зарядное устройство рядом... Вставил в розетку. Завтра забереешь.

На кой тебе столько вещей? Женщины. Что с них возьмешь. Отыскав в этом ворохе гламура коралловый халат из шелка, перекинул его через руку. Если ты завтра с утра будешь рассекать передо мной в том самом кружевном великолепии, ни до какого моря мы не доберемся...

Зуммм.

Что такое? Провод отошел?

Лучше б меня туда не заносило. Лучше бы я его вырубил к чертовой матери. Как будто завтра она без планшета пропадет... Слишком много «если». Отложив шелковое великолепие в сторону, я повертел его в руках, пытаюсь понять, в чем источник сигнала. У меня Мас, с Андройдом не знаком настолько. Тупая система, как по мне. Заряд в порядке. Что же...

Ага. Соцсети, бич 21 века. "Вконтакте". Интересно.

Уверенный клик по всплывающему окошку.

Эллада Алиева. Кто такая? А, точно, подруга. Виделись.

"Багира, ты сучка. Почему молчишь? Ты точно послала этого ЕС? По нему уже мой папа плачет."

Евросоюз? Однако, высокими материями мыслите, девочки.

Мне бы вырубить его, и с концами. Обнять Юльку и уснуть с ней рядом, ощущая ее тепло и биение сердца. Прогнать все ее страхи. Разговор всё равно ее немного напряг. Я не хотел, чтобы она боялась. Я хотел Доверия. Непременной главной составляющей. Но пальцы уже независимо от моего желания отбили ответ.

"Привет. ЕС? Не понимаю."

Минутное молчание.

"Еб. утый Садист — так тебе понятнее? Сама же решила его так называть! Он что, тебе уже мозги прополоскал? Ты точно послала этого лоха с его анкетами куда подальше?"

Лед. Кубиками по нервам. Кусками по позвоночнику. Шипами в сознание. Пальцы сами по себе сжались. Мозг еще не до конца переварил прочитанное.

Мне нужно больше информации. Больше...

"С чего бы мне его посылать? И, напомни, кто у нас папа?"

"Папа — тот, кто понадобится тебе, если ты с этим уродом не развяжешься! Ты точно в адеквате? Я ему сейчас позвоню, чтобы в свое психиатрическое оформил. Он что, запугал тебя? Я после нашей пижама-пати и его флешки спать спокойно не могла, а ты решила найти себе на пятую точку приключений?! Ты же собиралась окрутить Вадика... Вплоть до

свадебного платья... Беспалова, выйди из сумрака, на."

"Вадик... Отстой."

Веселая злость захватила меня. ЕС. Я должен был догадаться. А в остальном... Она совсем умом тронулась, показывая флешку подруге?!

"Юль, ты же там куришь?! Давай я приеду. Он рядом, да? Он... он заставил тебя? И почему ты вне зоны? Городской проверь. Он молчит..."

"Я не дома. Я не могу жить без ЕС. Я его люблю."

"Спс, поржала. И ты хочешь, чтобы я в это поверила после нашего разговора? Вадик все для тебя делает, и тебе с ним классно. Сама же собиралась продолжить с ним? Короче, перезвони мне, когда этого д...ба рядом не будет..."

Мне было мало. Уже не задумываясь о моральном облике последующих действий, я открыл переписку с остальными подругами.

И только тогда понял, что потерял контроль окончательно.

Что "ЕС" — вовсе не предел ее отрицающего презрения.

Что Вадим — самый лучший чел в мире. Женат только, сволочь, но когда нам это мешало в стремлении окрутить богатого папика и получить розовый «Порше Кайенн» и полцарства в придачу.

Что по созвучной с ЕвроСоюзом аббревиатуре плачет дурка. Что мои родители... Как и я сам... С заниженными половыми способностями — гораздо ниже плинтуса. Себе мы врем еще изощреннее, да, Юля?

Нет. Планшет не полетел в стену. Не вспыхнули алым пламенем все ее шмотки и гаджеты. Ничего такого. Я был спокоен. И одержим холодной яростью, которую мне никогда не преодолеть.

Фрахт яхты? Упаси всевышний, а то ненароком утоплю. Нет. Ты больше не увидишь моря. И солнечный свет — только из окон моей спальни. Я узнал достаточно. Б...ская сука. Тварь в суперобложке. Я долго с тобой церемонился. Поддавался твоим правилам и старался не травмировать одним случайным движением... Ты не стоила даже этого.

Кто меня осудит? Ты в моих руках. Услуга за услугу. Не стоило совершать ошибки первой. Мои руки теперь развязаны. Добро пожаловать в ад, крошка.

Что было не так? Откуда эта гребанная уверенность, что тебе все должны?

Я пытался. Я выступил в роли Бэтмена по всем законам жанра. Кто знал, чего мне стоило отыграть на все сто роль спасителя на безлюдной трассе, но я все же успокоил ее, хотя состояние можно было понять — особенно в комплекте с раскуроченной сим-картой... Я постарался... Эта запланированная акция шокировала бы кого угодно своей жестокостью.

По всем мыслимым и немыслимым законам жанра, логики и морали, после такого Юля должна была просто упасть в мои объятия. Но я недооценил ее стойкости и эгоизма. Стоп-кран был сорван одной ее фразой.

"Какие чувства к этому извращенцу?! Он землю целовать должен, за то, что я с ним перепихнулась пару раз."

О да, экс-пассия Вовы со своими куриными мозгами оценила всю глубину твоей пламенной речи...

То, что она в ту же ночь так самозабвенно мне отдавалась, не значило ничего. Это была ее благодарность за то, что я якобы разрулил ее «автокошмар» и оградил от дальнейших проблем. Плюс попытка все перевести в ванильную плоскость и откосить от моих требований. Не мне следовало ее осуждать, особенно если принять во внимание все

детали... Но я не принадлежал себе. Понимая умом, я руководствовался эмоциями и больше ничем.

Чертова малолетняя эгоистка! Она привыкла плевать на разбитые сердца и думать только о себе. Врать, себе же самой. Теперь это останется в далеком прошлом.

Ярость созревала постепенно. Я умело сдерживал себя все то время, что мы были вместе. Сучке давно пора почувствовать руку хозяина. Я зря был с ней излишне мягок.

Я принял решение. И мне было теперь плевать на принцип БДР. Если тогда, в ее квартире, я говорил, положив руку на сердце, не всерьез — я не мог позволить себе взять на себя такой ответственности за ее моральное состояние, это было сделано лишь для того, чтобы она не смогла опомниться. Чтобы страх воззвал к ее благоразумию, а затем отступил, стоило лишь понять, что я и части обещанных ужасов никогда не воплещу в реальность. Хватит с нее того, что безопасность и разумность остались при мне — вряд ли б кто-то другой вообще заворачивался подобными мелочами. Вотдобровольность, неблагодарная маленькая тварь, ты больше не заслуживаешь!

Я не хотел оскорблять Юльку даже в мыслях. Но одно только воспоминание о том, как яростно она стала бить по кнопкам, намереваясь вызвать своего богатого папика, гасило все позывы совести.

Прости. Будет больно. Не физически. С садистом тебе бы было проще. Исполосовал бы тебе спину и простил. Им много не надо. СМ вообще не признает излишних эмоций.

Я теперь знал, чего хотел на самом деле. Все это время. Переписка — только лишь предлог. Но тот предлог, что позволил, не теряя контроль, поломать любые барьеры. Теперь же я вижу цель и больше не вижу препятствий.

Я хочу тебя сломать.

Ты сама, своей рукой лишила себя меня прежнего. Того, кто готов был оберегать тебя до последнего. Теперь забудь. Это сделка. Она не терпит эмоций и слез. Ты будешь отвечать по всем без исключения пунктам. Игры в добродетель закончены.

Я пытался... И если бы не твоя ошибка...

... Я специально зажег свечи и достал из погреба бутылку коллекционного бордо. Тогда еще это было именно романтичным вечером для ее мягкой адаптации. Но ничего, наверное, не происходит просто так. Возможно, события последующих часов заранее играли мне на руку, это была самая жестокая часть моего плана, не знаю, но только на игре контрастов ее можно было сломать окончательно. Пусть сперва ощутит мою нежность во всех нюансах, распробует ее на вкус и поверит в свою безопасность. Затем, чтобы завтра осознать, что это был последний нежный секс в ее жизни.

Я довел ее до безумия своими ласками. Я уже знал, от чего она теряет голову и без зазрения совести воспользовался этим. Порядком охмелевшая от эксклюзивного алкоголя Юлька наверняка уверовала в собственную неотразимость и безнаказанность.

...Я не пошел к ней в тот же момент. Не выбил ногой дверь. Не вырвал ее из объятий сна яростной хваткой за волосы и броском на колени. Во-первых — прерывать определенную фазу сна опасно для психики, во-вторых — просто не прикольно. Утро вечера мудренее. Я сделал по-иному.

Мои руки больше не дрожали от ярости, когда я разбирал ассортимент своих девайсов. Терпение, Юля. Скоро ты познакомишься с каждым из них. Сейчас пришлось ограничиться малым.

Она сладко спала. Но больше меня не могла выбить из колеи ее улыбка. Ее хрупкая

уязвимость. Теперь они станут ее постоянными спутниками, и не только во сне. Сталь наручников щелчком сомкнулась на ее хрупких запястьях. С ошейником было сложнее. Едва не проснулась, пока я с трудом закрепил его на ее шее.

Ошейник в Теме — символ принадлежности. Доверия. Незыблемости таких отношений. По сути, его надо заслужить. Потому что важность этой вещи запредельна. Это символ беспрекословного подчинения своему доминанту. Иногда он приравнивается чуть ли не к обручальному кольцу. Но не в этом случае.

Это иное. Это символ твоего униженного положения и моей безграничной власти. Больше ничего. То, что незримо отравит твою кровь ядом смирения сильнее любых воздействий.

...Смаковать каждый момент твоего последующего приручения было наслаждением. Нанизывать, словно драгоценные бриллианты, на леску. Как ты пыталась меня обыграть! Все, что я оставил в смежной ванной комнате, вдребезги! Вот это страсть! Мне не будет с тобой скучно. Таких дерзких кошек особенно приятно ломать. С какой прытью ты пыталась выцарапать мне глаза! С таким я еще не сталкивался. Мне было весело. Даже ремень бил вполсилы. Контроль ускользнул лишь в одном — я взял тебя, забыв о резинках напрочь. Ничего. От этого еще никто не умирал. Хотя, ты пыталась. Отъехала.

А знаешь... я бы все отдал, если бы твоя отключка была именно тем, о чем я подумал. Даже грустно стало. По принуждению в сабспейс не улетают. Для этого надо родиться сабой. Если бы ты словила его тогда... Я бы, наверное, не раздумывая, рванул в ювелирку за 6-ю каратами. Очень жаль. Ты бы могла летать, если бы не расстроила меня так. Сейчас же, забудь. Обидно, но от меня не зависит. Ломка и кайф несовместимы пока...

Я об этом забыл сразу. Какого черта, дура малолетняя, ты молчала о своих коленях?! Я тебя напрямую спрашивал в первый же вечер.

Прерывая диаграмму непрекращающейся эйфории, тогда мной овладел страх. Я ненавидел себя за то, что боялся вовсе не того, что ты не сможешь принимать участие в моих жестоких играх. Не того, что это может зарубить мою бессердечность на корню. Мысль о том, что я сделал тебе плохо, отравляла мое сознание. Недопустимо. Больно — да. Плохо — нет...

В тот вечер я не мог оставаться рядом с тобой. Ты кричала от боли, не имеющей ничего общего с Темой, а яд безумия до конца не выветрился из моей крови. Мне нужно было твое признание. Твои слова.

— Скажи мне то, что я хочу услышать, и я просто уложу тебя в постель...

Ты сказала. И не раз... А мне потом хотелось убиться об стену, чтобы стереть этот эпизод из нашей истории. Я метался по комнате, когда ты уснула, понимая, что еще немного — я прекращу все это раз и навсегда... Я едва не пришел к тебе снова... Ты бы офигела, если бы увидела меня на коленях. А так бы и было. Мне пришлось зашвырнуть ключ от твоей темницы в сад. Потом, остыть и отправиться на его поиски. Найти в фонтане. Озвереть от всего этого, и затем успокоиться. Закрывать свое сочувствие и нежность в несгораемый сейф. Чтобы утром не замечать ничего. Твоего отчаянного взгляда. Невысказанной мольбы больше не кантовать. Робких проблесков доверия... которые, казалось, не были игрой вовсе.

Поздно. Слишком поздно. Сдайся. Я не хочу для тебя участи орхидеи. Мне безумно жаль ломать твое сознание, но выбора нет. Ты должна понять, что новые грани не перейти. Я — Хозяин. Ты — рабыня. Прими это. Переступив через себя и смирившись, станет легче. Ты же знаешь, при всем этом я никогда не дам тебе упасть. Ты в безопасности, пока я рядом.

За что тебе все это? Юля, я никогда тебе не откроюсь. Я могу признаться лишь самому себе.

Потому, что ты пыталась похитить сердце не того человека. Не с тем ты решила играть белыми фигурами. Это сердце тебе не по зубам. Потому что, пока оно в твоих палацах — я не отпущу тебя. Держи. Мне не жаль. Но за те чувства, что ты во мне пробудила, я не остановлюсь ни перед чем. Я сделаю тебя своей. У нас впереди долгие 12 дней.

12 суток, 24 часа в каждом. И за это время я сломаю тебя и отстрою по новой. Называй это, как хочешь. Извращением. Жестокостью. Ненавистью. Слабостью. Беспощадностью. Безжалостностью. Эгоизмом. Манией величия. Криминалом. Преступлением. Безумием. Одержимостью.

Я называю это любовью.

Была уже глубокая ночь, когда ноги сами принесли меня к двери ее импровизированной темницы. Охрентельно позднее время, два часа ночи. Сейчас это не имело значения. В любое время, при любой погоде и политическом раскладе, у меня есть абсолютное право воспользоваться ею по своему усмотрению, не спрашивая на то согласия.

Поворот ключа. Ну, что у нас прилетит первым из этой оглушающей тишиной темноты? Не прилетело ничего. Уже легче. Нащупав выключатель, я включил приглушенный мерцающий свет, заливший комнату лунным сиянием. Напряжение изматывающих часов сломало ее. Смягчив боль этого отчаянного падения крепким сном, успокоившим изнасилованное собственными догадками сознание. Даже во сне она стремилась спрятаться от безжалостной действительности, сжавшись калачиком, обхватив себя руками, словно это могло сделать ее невидимой для меня.

Я не сразу понял, что не могу двинуться с места. Что цепь с гладкими стальными оковами даже не раскачивается в моей ладони. Я просто смотрел на нее, спящую, позволив эмоциям сражаться на арене друг с другом, даже не делая ставок на победителя. Потому что триумфатор не будет диктовать мне свои правила. Даже в том случае, если они созвучны с моими желаниями.

Неравный изначально бой, а здравый смысл никогда не принимал в нем участия. Жажда власти протянула руку великодушью, загнав клинок в ножны. Сегодня мир, дружба, жвачка. Наверное, я сам устал. И, когда она спала, у меня не было необходимости держать лицо.

Мягкий ковер поверх паркета поглотил мои шаги. Мне не хотелось, чтобы она просыпалась. Это не закончится ничем хорошим для нее. Минимум — закинутыми мне на плечи ногами. Максимум же добьет ее окончательно.

Цепь с глухим звоном оплела столбик решетки кровати. Ускорив одним своим наличием ненормальный пульс, бьющий о стены самоконтроля. Оторвать ее скрещенные руки от груди оказалось гораздо сложнее. Даже во сне она пыталась сбежать и закрыться от моей власти. Миг, и сталь безжалостным поцелуем оплела ее правое запястье. Юлька протестующе застонала и зашевелилась. Перехватив левую руку, я решительно защелкнул второй браслет. Ее руки даже сквозь сон устремились в исходное положение, натянув цепь до предела. Даже во сне сознание искало хотя бы символической защиты.

Браслеты впились мягкими гранями в кожу, и она недоуменно открыла глаза, пытаясь понять, что потревожило ее полет по царству Морфея. Я откинул волосы с ее лба, удерживая этот расфокусированный взгляд. Волна паники медленно, но неотвратимо смывала удивление.

— Тише. Спи. Все хорошо.

Цепи натянулись в ее отчаянной попытке освободиться.

— Зачем?! Я... Я же не могу никуда убежать... — паническая волна схлынула, стресс прошедшего дня и дальше требовал полноценного сна. Она зевнула, по инерции попытавшись прикрыть рот рукой. Ничего не вышло.

— Так надо. Спи.

— С..сколько времени?

— Уже очень поздно. Засыпай...

Она пыталась бороться с этим сном. словно встревоженный котенок, забыв напрочь, что я запретил смотреть мне в глаза. Впрочем, это я готов был ей простить.

— Спи, моя маленькая. Я буду рядом.

Мои руки самопроизвольно, не подчиняясь рассудку, гладили ее волосы, до тех пор, пока дыхание не выровнялось, а тело не расслабилось окончательно. Я не тронул ее в эту ночь. Слишком мало времени осталось. Но необходимость побыть одному все решила за меня, выровняв самоконтроль, задвинув последующую нежность и сомнения на задворки с помощью биты холодного цинизма и равнодушия. Завтра будет новый день, и я компенсирую свое отсутствие. Завтра.

Заснуть мне долго не удавалось. Может, стоило лечь спать, прижимая ее к себе, укрывая собой? Тогда бы ее пробуждение не было столь тяжелым. Инстинкт, ничего больше — ощущать тепло чужого тела и чувствовать себя в относительной мнимой безопасности. Я опасался ломки той стены, что с таким трудом воздвиг в своем сознании, лишь бы она не догадалась о том, насколько сильно вошла в мои мысли и желания.

В четыре утра небо начало сереть, а я так и не сомкнул глаз. Жажда действия? Я знал, как с ней справиться. В правом крыле особняка был тренажерный зал. Но сейчас это было вопиющим преступлением — игнорировать драгоценные часы утренней прохлады и ласковый рассвет в четырех стенах. Решение пришло внезапно. «30 second to the Mars» в плейлист. Шорты с кроссовками.

До моря около четырех километров, отличная дистанция. Чистый морской воздух не отравлен выхлопами авто и заводских труб, как в мегаполисе. Расстояние легко покорило моей выносливости и отличной физической форме. Лучшее время суток. Природа еще спит.

Заряд бодрости усилился после поспешного заплыва на довольно приличное расстояние. Мышцы получили дозу своего эндорфина. Яркий рассвет застал меня на берегу, сложно было удержаться, чтобы не понаблюдать за рождением нового дня. Вместе с этим, нахлынула легкая грусть. Юлька, ты тоже могла сейчас бежать рядом и даже посоревноваться со мной в скорости... Если бы все сложилось иначе!

Это был минутный порыв. Я тут же стер из сознания эти кадры. Ничего не изменить. И положила руку на сердце — не особо и хотелось.

Жажда действия никуда не делась. Лазанья шкварчала в духовке, салат только ждал заправки. Морить свою девочку голодом не входило в мои планы, как, впрочем, и приковывать ее у плиты. Я любил готовить сам, и никого не пускал на свою территорию принципиально. Она здесь для другого удовольствия.

9 утра. Время пролетело незаметно. Отличное настроение от утренней пробежки разложило все мысли и эмоции по полочкам.

Дверь в комнату я распахнул как можно резче. Уже проснувшаяся Юлька испуганно вскинула голову, и ее плечи обреченно поникли. Руки в стальной хватке наручников, простыня сползла, открыв грудь, губы едва заметно дрожат, в глазах страх, который не под

силу перекрыть мнимому спокойствию. Девочка моя, забыла ты о правилах. Я же запретил смотреть на меня. Даже с интересом при виде моего ничем не прикрытого пресса. Придется над этим поработать отдельно.

Я не произнес ни слова. Это напугало ее еще больше. Молча сел рядом, не замечая, как она помимо воли дернулась в сторону, намереваясь сократить дистанцию. Но наручники не позволили. Я развернул ее запястье, непроизвольно покачав головой при виде красных полос. Вряд ли во сне. Рвалась, надеясь, что сами соскочат? Ну, и чего ты добилась? Поворот ключа. Один, второй. Резкая попытка натянуть простыню до подбородка.

— Не смей.

Ледяной тон подействовал. Наконец-то опустила глаза, растирая запястья с покрасневшими отметинами.

— А теперь посмотри на свои руки. Оно того стоило?

Молчание. Но я и не ждал неминуемого ответа.

— Если ты решила, что это избавит тебя от них, ты просчиталась.

Юлька подняла глаза.

— Говори, — велел я.

— Я не понимаю, зачем? Мне не убежать отсюда. К тому же, я спала... Плечи болят...

— Я умею делать массаж. После завтрака сниму напряжение мышц.

— Дело не в плечах. Ты даже не видишь этого всего. Ты спишь в другой комнате. Я не понимаю!

Да... Шаг вперед, два назад, то прыжок, то зигзаг. Резко сорвал простыню, не дав ей возможности прикрыться, запустил руку в спутанные после сна волосы, заставив приподнять голову.

— Я забыл калькулятор в кабинете.

Несмотря на страх от моего выпада, в огромных зеленых глазах удивление с недоумением.

— Нет, дорогая, не интегралы вычислять. Просто у меня закончились пальцы на руках считать твои косяки за последние пять минут. — Теперь в глазах не страх. Натуральный ужас. Мне жаль. Но с тобой нельзя по-иному. — Я похож на одну из твоих подруг? Шмотки, мальчики, тачки, коктейли? Отвечай!

— Н...нет...

— "Нет" кто?

Губы приоткрыты. Вот-вот расплечется. Рано пока.

— Я твой муж? Твой бойфренд? Поклонник из Фейсбука? Кто я?

Дрожь твоего тела сильнее. Наконец-то взгляд вниз.

Пощечина. Несильно. Почти ласка.

— Хозяин!

— И почему ты позволила себе об этом забыть? Я плохо разъяснил?

— Нет, Хозяин.

— Я больше не желаю об этом напоминать. Это так сложно?

— Нет, Хозяин.

— Умничка. Советую наперед не забывать. Наказание все же получишь. Вечером. Сейчас в душ. Ровно 10 минут. Задержишься, вытяну силком. И тебе это не понравится.

Она вздрогнула. Нерешительно подняла голову.

— 10?... Это очень мало... Хозяин.

— Это мне решать. У тебя 10 минут и не секундой больше. Не испытывай мое терпение! У меня выносливости скоро не хватит наказывать тебя за все твои утренние косяки.

— Дима... — осознав сказанное, она вздрогнула и попыталась отползти в угол кровати. Я только вздохнул.

— Еще одно слово, и ты будешь передвигаться по комнате в моем присутствии исключительно на четвереньках. Еще один повод — и я это сделаю. Марш в ванную!

После такой угрозы дважды повторять не пришлось. Юлька вскочила с постели, словно испуганный олененок, но я грубо перехватил ее руку выше локтя.

— Прежде, ответь мне на вопрос. Мне следует убрать из ванной бритвы, тонкие расчески и бьющиеся зеркала? Выдавать тебе воду исключительно в пластике? Или ты мне честно признаешься, что мысли сыграть в Анну Каренину у тебя нет?

Ее ресницы дрогнули. Похабная имитация. Как же они меня бесят...

— Н..нет. Хозяин.

— Хорошо. 12 минут. Не люблю есть остывший завтрак.

Она справилась даже раньше. Как будто бы я реально стал втыкать в секундомер. Как раз разливал по чашкам кофе, когда она вышла. Посвежевшая, проснувшаяся окончательно. Полотенце, завязанное на груди, рваным движением улетело в кресло, стоило мне выразительно поднять бровь.

— Садись. С добрым утром, попытка номер два.

Моя шутка немного расслабила ее зажатые плечи, когда она села рядом. Непроизвольно облизнула губы, потянувшись к чашке с кофе.

— А кто это все готовит? — вздрогнув, быстро исправилась. — Хозяин?

Утренняя пробежка и созерцание ее обнаженного совершенного тела определили мое прекрасное настроение.

— Ладно, пока ешь, расслабься. Сама как думаешь, кто готовит?

— Т...с ресторана? Да? — неловко обошла тяжелый пока барьер между "ты" и "вы".

— Не угадала. Вообще-то я сам это делаю.

— Сам?!

— Что тебя удивляет?

— Ничего... Ничего. — Отставив чашку, потянулась за ножом и вилок. Наверняка прикинула,

— Дима... — неуверенно посмотрела, отвела глаза. Наказывать не стал. Сам дал небольшой кофе-брейк для отдыха от регламента. — Ты... вы... говорил... что есть тренажеры... в доме. У меня очень болит спина от наручников... Спорт бы помог...

— Я сделаю тебе массаж после завтрака. Тренажеры... Я не против, но это зависит от твоего поведения. Не приковывать же мне тебя к орбитреку? Поговорим после.

Она с удовольствием уплетала лазанью. Пыталась скрыть, но обмануть меня сложно. Я сделал вид, что этого не замечаю.

— Твои колени больше не беспокоили?

— Нет. Больше нет.

— Это хорошо.

— Можно спросить? — отложила вилку, сложила руки на коленях, не поднимая глаз. — Я насчет того, что ночью... Вы... ты... Прав во всем, я просто пытаюсь понять... Какой смысл в этом... Если я не сопротивляюсь... Это просто очень неудобно...

— Ты уверена, что хочешь знать ответ? — горячая волна пробежала по позвоночнику.

Черт, от такой искрометной покорной невинности я не дотерплю до вечера! А мне еще над документами не мешало бы поработать в кабинете.

— Юля, я могу тебе ответить. Но тебе это не понравится.

Вздрыгнула. Но любопытство и страх неизвестности пересилили.

Не доведет тебя это до добра. Нельзя давать тебе выбор. Но я бы все равно сказал, рано или поздно. Чтобы сокрушить остатки последней гордости асфальтоукладчиком страха и безысходности. Сейчас? Значит, сейчас.

— Юля... Я внес небольшие корректировки. Долго думал. Понимаешь, мне больше не интересно с тобой, как с собой. Мне нужна рабыня. — Взгляд зеленых глаз просто режет молчаливой надеждой. Соври. Скажи, что шутишь. Давай договоримся. Нет, Юля Кончились договоренности. Язык дипломатии всегда был тебе чужд. — Не надо так сильно бояться. Что это означает для тебя? Придется привыкнуть и не задавать вопросов. На ночь я всегда буду надевать на тебя браслеты. Не потому, что мне хочется, чтобы ты стирала кожу в кровь или испытывала боль. Это для того, чтобы твое сознание с этим примирилось без излишней моральной травмы. И это лучше самой распространенной практики — приковывать тебя к ножке кровати и заставлять спать на полу. Дальше. Пока ты не готова, но через несколько дней я надену на тебя металлический ошейник. Это медицинская сталь, раздражения не будет. В виде обряда, чтобы ты осознала. Легко не будет, но физически больно — тоже. К этому придем вместе и еще не раз все обсудим. Остальные правила особо не меняются. Я отдаю приказания, ты подчиняешься. Если ослушаешься, наказания будут более суровыми.

— 5 уровень... — вилка с глухим звоном о паркет. Руки непроизвольно обхватывают плечи. Дрожь. Епт. Я ее все-таки напугал до безумия.

— Юля! — тишина в ответ. Наверное, сейчас даже не стоит к ней прикасаться. Любая попытка успокоить может довести до грани. — Черт, Юля! Избавляйся от привычки биться головой об стену, не выслушав до конца! Я что, сказал тебе, что любая твоя просьба не будет услышана? Что я лишаю тебя права голоса?

Молчание. Ничего. Тебе лучше прийти в себя и осознать все сказанное без моего присутствия.

Тарелки и чашки на разнос. Я скоро вернусь. Просто побег с поля боя, чтобы она не видела, как дрожат мои руки от взрывного эмоционального коктейля. Как плещется в моих глазах сочувствие вместе с желанием успокоить — это прозвучало только очень пугающе, на практике будет больше удовольствия, чем страха. И вместе с тем, как вырвалась из-под контроля тьма, имя которой Власть. Как она в деталях смакует твою предрешенную участь, наслаждается твоим беспомощным ужасом и хочет закрыть от него в то же время. Потому что все это взорвет твой мир гораздо сильнее моих слов.

Да, просто-напросто, чтобы ты не видела мою эрекцию, с которой я хрена с два дотерплю до вечера, если не перестану на тебя смотреть!

Я вернулся лишь спустя полчаса. Мне был просто необходим ледяной душ и обе руки одновременно. Самоконтроль. Я не имел права его терять ни на минуту.

Юля вовсе не билась головой об стену и не рыдала, уткнувшись в подушку. Сидела на постели, закинув ноги, в руках флакон детского масла Jonson baby. Пальцы планомерно втирают его в кожу ног. Она вздрогнула и попыталась отстраниться, не поднимая глаз, когда я сел рядом. Я решительно отобрал флакон, не встретив никакого сопротивления. Массаж.

— Ложись на постель. На живот, руки вытяни перед собой.

Зажмурившись от страха и унижения одновременно, подчинилась. Перекинув ногу через ее все еще напряженно вытянутое тело, сел сверху, оседлав ее бедра, стараясь сильно не давить своим весом.

— Расслабься, я не сделаю ничего, что так тебя пугает. Все еще больно? — плеснул на ладонь теплое масло, дополнительно согрев в руках, сжал предплечья.

— Немного...

— Проходит?

— Да... Не так, как утром... Тупая боль.

— Она сейчас пройдет. Если будет печь или очень сильно сдавлю, говори и не молчи, договорились? — она не ответила. Надеюсь, расслышала. Методичная проработка напряженных мышц и нервных узлов. Под воздействием масла кожа горячая и податливая уже спустя пять минут. Вот, зажатый мышечный узел. Прости, будет немного больно. Молчишь... Правильно, это не ради моего удовольствия, я снимаю мучающий тебя спазм, чтобы плечи больше не болели. Дилемма, которую мне никогда не понять. Я могу сам причинять тебе боль и ловить от этого дозу счастья, но твоя боль, независящая от меня, делает готовым на все, лишь бы забрать ее прочь. Чего уж там, забрать себе, испытывать самому, но лишить тебя.

Мышцы расслабились под моими пальцами. Как и все тело. Последнее ласкающее поглаживание по предплечьям, пред тем, как переместить руки на спину, провести по выпирающим лопаткам, заметному под кожей корсету ребер. Ты почти ничего не ешь, таешь на глазах. Не надо так.

Ласковые поглаживания, ощущения нежной кожи, снятие всех предыдущих и последующих отголосков боли. Юлия молчала, ее тело расслабилось окончательно под нежным массажем, приправленным мысленными посылами о том, что пока ей ничего не угрожает. Мои руки скользящими движениями переместились на копчик, огладив соблазнительные ямочки, на которых я не отказал себе в удовольствии задержаться подальше.

— Теперь ручки вдоль тела. — Это не вызвало никакого протеста с ее стороны. Обхватив обеими ладонями от плеча, я осторожно помассировал каждую по очереди до самых пальчиков. Наклонившись, припал губами к выпирающему бугорку шейного позвонка, ощутив, как кожа завибрировала легкой дрожью. Расслабилась. Хорошо. Подняв флакон масла, снова смазал ладони, подумав, плеснул немного на дерзко вздернутую попку. Сжал ладонью, растирая масло, наслаждаясь ее соблазнительной упругостью.

Новая эрекция не заставила себя долго ждать. Давно со мной такого не было. Вместе с этим пришла вновь жажда абсолютной власти. Собственно, она никуда и не уходила.

Упиваясь этим ощущением, я скользящим движением раздвинул половинки ее ягодич, проникая ладонью между ними, массируя с внутренней стороны. Юлька задергалась, ее тело резко напряглось. Промелькнувшая догадка заставила меня на один короткий миг замереть на месте. Добавив больше масла, решительно переместил пальцы ниже, погладив сжатое колечко мышц. Юлька вскрикнула и задрожала. Что, я не ошибся? Невозможно поверить! Надавил посильнее, наблюдая за реакцией. Юлька забилась под моими руками в попытке уйти от вторжения.

— Сковать цепью по рукам и ногам? — ледяным тоном осведомился я, отбивая у жертвы охоту к сопротивлению одним только тембром голоса. — Если нет, лежи и не дергайся!

Она застонала. Пальцы сжали простынь, а на спине засверкали мелкие бисеринки пота. Добавив еще масла, я безжалостно надавил пальцами посильнее, стремясь проникнуть внутрь. Но мышцы были сжаты настолько плотно, насколько это казалось вообще возможным.

Девочка моя, ты хоть сама понимаешь, какое оружие вложила мне в руки только что, сама, добровольно?

Вытянув свободную руку, я натянул кожаный ошейник, развернув его кольцом к себе.

— Ты ничего не можешь мне запретить. Твое тело принадлежит только мне. Осознай это. Ты здесь исключительно для моего удовольствия... Рабыня.

Ее уже сотрясала крупная дрожь. Но я пил ее испуг и унижение, словно вампир — свежую кровь.

— Ты моя. Ты ничего не можешь изменить. И я могу сделать с твоим телом все, что пожелаю. Это твоя расплата за дерзость.

Может, она была близка к тому, чтобы расплакаться, но в данный момент мне было все равно.

Возбуждение не отпускало. Следовало срочно успокоить себя проверенным методом, чтобы не отыметь ее здесь и сейчас тем способом, которого она так опасается... Каждому удовольствию — свое время. Неохотно поднялся, на прощание шлепнув ее по вздернутой попке.

— Обед в два часа. Не дрожи ты так. О твоём поведении поговорим вечером.

Эйфория захватывала. Я спокойно развернулся к двери, пряча довольную улыбку... И раньше, чем шум за спиной привлек мое внимание, шею пронзила резкая боль. Миг — и она ударила в затылок, вызвав на глазах слезы.

Я обернулся, не до конца понимая, что же ее вызвало. Юлька, полностью голая, вся блестящая от масла на загорелой коже, скривившись от боли, трясла ладонью, ребром которой только что пыталась меня нокаутировать. В зеленых глазах вместе с испугом и яростью плескался вызов. И, несмотря на то, что мозг был готов взорваться, мои губы расплылись в улыбке.

Ай-яй-яй. Отличная отплата за то, что я размял тебе мышцы и вдохнул в них силу. И меньше надо смотреть веселые боевики с Джейсоном Стетхемом и прочими крутыми парнями. Не замечая больше боли, сделал шаг ей навстречу.

— На колени. Руки за спину.

— Убейся об стенку, е. ный урод!

Юля, Юля... Почти кувырок через кровать, закрепленная позиция у окна. Никакой покорности, никакого постоянства. Панический взгляд по сторонам, рывок — цепь со стальными браслетами прочно зажата в руке.

— Моя девочка решила поиграть? — азарт точечными инъекциями в кровь. Ни злости, ни ярости. Улыбка шире. — Прикуешь меня к кровати?

Как бы ни так. Я даже не успел увернуться. Взмах ее руки, и нешуточная боль пронзила ключицу. Браслеты тяжелые. Сам выбирал. Быстрый взгляд. Сука, до крови.

— Тарантино потерял отличную актрису для своей киноленты " Убить Билла", — не позволяя ощущению ударной боли стереть с лица улыбку, ласково проговорил, делая шаг вперед. — Сама положишь на место, или мне тебе помочь?

— Сдохни, дегенерат е. нутый!

— Когда-нибудь я точно прополоскаю тебе рот гелем для душа.

В ее красивых, огромных от страха и адреналина глазах больше нет прежней решительности. Но зря я расслабился, пытаюсь обойти кровать. Миг, и приглушенный шторами свет солнца чуть ли не меркнет перед моими глазами, а висок взрывается вспышкой новой боли, вызвав звон в ушах и спазм горла. Сука, прямо в висок, чуть бы правее...

— Ты только что натанцевала тут на пожизненное рабство. Брось на пол, и я закрою на это глаза.

— Ты меня грохнешь!

— Если прекратишь свои бзики, я об этом забуду. Ну?

Не время расписывать ей в деталях, что я сделаю с ней за подобное проявление непокорности. Если меня сейчас вырубит от удара в висок, вряд ли я смогу воплотить это в жизнь.

— Я не верю тебе...

— У тебя нет выбора. Если ты этого не сделаешь, я выдеру тебя кнутом до крови. Оттрахаю во все дырки так, что не сможешь пошевелить пальцем. Вырежу свое имя на твоём бедре, твою мать. Будешь потом рассказывать своим детям, что я был твоей первой и последней любовью, рабская сука. Брось на пол!

Темнота подступает. Вместе с долбанной тошнотой. Похоже на легкое сотрясение... Чувствую, как струйка крови щекочет скулу, сбегая вниз. Эта полоумная раздробит мне все кости, если я отключусь...

Звонящий стук. Успеваю приготовиться к новой порции боли, прежде, чем осознать, что ее не будет. Что оковы с 50-тисантиметровой цепью, превратившей их в нунчаки, шарахнулись на пол в полуметре от моих ног. Едва не застонав от адской боли при наклоне, подхватываю рукой.

На Юльку жалко смотреть. Сползла по стенке, закрыв лицо руками. От нервного сотрясения тела, кажется, колеблется воздух в комнате. Мне все равно. Я не могу себе позволить потерять сознание прямо здесь. Из последних сил дохожу до двери, непослушный ключ прячется в кармане джинс, на которых пятна моей крови. С четвертой попытки закрываю двери, перед тем как опуститься на пол и выровнять дыхание, жмурясь от боли.

Тьма, я тебя больше не боюсь. Я, твою мать, выиграл этот раунд.

(с) Анджи

Юля

I don't care.

Иными словами — просто мне все пофиг. Что в анфас, что в профиль.

Тело все еще колотит, долбаная дрожь. Холодно. Лучи солнца не согревают. Руки дрожат. А я сбежала. У меня получилось.

В свои воспоминания, пугающие своей нелогичностью, но все же... В состоянии стресса подсознание жжет не по-детски.

"— Юлька, это не конопля с огорода, это реальная марихуана! Помнишь, на евро 2012 голландцы наводнили Харьков... Мы на одной трибуне тогда отвисали... Охренительные ребята! — Коля с четвертого курса, фактурный красавец, беда всех девчонок академии, раскрывает стильный портсигар. Самокрутки аккуратные. Похожи на сигареты.

Пати в честь Нового Года в стенах академии в разгаре. 22 часа, но расходиться никто не спешит, подмаслили замдекана и охрану. Как там любят говорить в американских фильмах... "Это колледж, детка?" да, именно. И все надо попробовать. Кроме тяжелой наркоты. Кроме опасных ЕС! Кроме е. нутого БДСМ! И гребаных уровней помер пять!!!

— А давай! — втягиваю дым. Привкус соломы. Буэ. Хочу Kiss с ароматом персика. И Мартини Асти с таким же вкусом. Одна бутылка раздавлена на троих. Лекси, Эля и я. Парни глушат старину Джека. Дэниэлс который.

Приторная вязкая кисея дыма обволакивает горло, беззастенчиво, не предоставив стоп-слова, проникает в легкие. Сейчас начнется...

Ну?! Феи! Орки! Эльфы! Оптимус Прайм и Мегатрон! Где вы? Ау?

Нету. Но с сознанием происходит нечто странное. Как будто его заливает коралловым светом ласкового солнца, как будто по его отсекам летит легкий бриз, овеивает узел концентрации внимания и усиленного мышления...

— Ты знаешь, что Вашингтон и Джефферсон выращивали коноплю на своих плантациях? (потом проверено гуглом... Это факт! Твою ж маму!)

— Политика Джефферсона, Коля, была абсолютна. Она базировалась на стойких устоях либерализма и осмысленности. Не исстрачивай своих денег, пока не держишь их в руках. Вашингтон же, не Дэнзел который, в этом плане...

— Юля, вот это да!!!! Беспалову Юльку — в президенты! — хлопает в ладоши старшекурсник. Легализованная в Голландии наркота снимает заслоны сомнений. Сейчас я ясно понимаю, что мальчик в меня влюблен.

— Надеюсь, вы в курилке избирательный участок возводить не собираетесь?

Миранда Пристли! В натуре, Дьявол носит Prada.

— Алла Викторовна! — на Николая забавно смотреть. Руки на накачанную грудь, фирменная улыбка Джуда Лоу и Джареда Лето одновременно. Ммм. ДЛ в квадрате... Мозг под травой работает на полную мощность. — Вы та круто сегодня выглядите... Эм... Не только сегодня... Вы простите, она не при чем! Это все я... Отшлепайте меня!

— С вами, Аверин, мы поговорим в следующем году на лекциях. Юлечка, в мой кабинет, будьте любезны.

Высокий каблук, идеальная форма икры, это джоггинг или пилатес... Мозг работает за

десятерых, подмечая любые детали. Юля, не отвлекайся! Вспоминай свои заслуги. Отличница, раз. В постановке КВН порвала академию в том году... В порочащих связях замечена не была... Заходим в кабинет деканши без возраста. Сейчас будут немного исключать или объявлять выговор?

— Алла Викторовна, это же просто сигареты... — неловко мямлю я. Чашка горячего чая на стол передо мной.

— Юленька, я тоже была молодой. И в СССР было все. Даже сувениры из Голландии. Золотые времена были. Битлз, Элвис Пресли, виниловые пластинки... Вы похожи на меня в молодости. Королевское достоинство и гордость. Правда, я не столь сильно горела тягой к знаниям... Николай Аверин потерял голову. Но не знает, как найти к вам подход. Это юность. Еще немного, и он распутает этот бикфордов шнур.

— Но мы просто друзья... — расслабляюсь. Я же с первого курса без ума от этой стильной леди неопределенного возраста. Все дрожат перед ней, матерят за спиной и обсуждают, а я жадно мотаю на ус каждый жест и манеру держать себя. И вот, в ее кабинете, мы говорим, почти как мать и дочь... Или даже две подруги...

— Его выбор на данный момент. Они как дети, эти мужчины. Страх получить отказ сделал его уязвимым. Проще называть себя другом, но быть всегда рядом...

— Алла Викторовна, а почему мужчины так любят стерв? — Осмелеваю окончательно, ловлю уникальную возможность почерпнуть частичку бесценного опыта и получить ответ на интересующий меня вопрос. Алла-без-возраста возвращается с чашкой чая и садится напротив меня.

— Видите ли, Юля... В каждом мужчине есть инстинкт Охотника. Чем дышит эта ипостась? Риск. Азарт. Вызов. Игра на гранях основного мужского начала. Каждая женщина сама делает свой выбор — стать покорной дичью, самой сунуть голову в капкан, или же заставить Охотника преследовать ее до окраин света, теряя сон, силы, но он покорно идет в эту западню, не ведая страха. Многие не выдерживают. Им проще отказаться от погони. Забыть про черную пантеру и поймать сайгака. Но есть те, кто пойдет до конца. Самые слабые из оставшихся — попадут в западню своей дичи. Самые сильные же найдут ее даже на богом забытых окраинах.

— А они существуют, такие выносливые охотники?

— Я тоже долго не могла поверить в юности, что такие найдутся. Но их даже больше, чем вы можете себе представить. Просто их не всегда можно вычислить в толпе. Не всегда их методы резки и грубы. Дичь можно подкосить дротиком с ядом кураре. А можно приручить ласковым обращением. У каждого путь постижения — свой... Они не раз еще появятся на вашем пути. Иногда их не распознать. Но все идет на уровне первобытных инстинктов. Женщины, даже трижды стервы, не могут не оценить подобных мужчин по достоинству...

Мне легко в компании Миранды Пристли. Тепло и уютно. Такая неуловимая взаимная симпатия, мы словно заговорщицы. Я уже знаю точно, что не сломаю это доверие ничем. Не будет глупого "прогуляю ее лекцию, не подготовлюсь к семинару, забуду на экзамен, ибо мы подруги". За стенами ее уютного кабинета — строгий преподаватель., вне лекций — старшая подруга, которая всегда поможет советом.

Мы прощаемся — меня ждет продолжение предновогодней вечеринки, мартини, танцы и ни к чему не обязывающий флирт. Ее же... Я никогда не спрашивала, есть ли у нее семья, а она сама об этом не говорила. Пусть с ней в эту сказочную зимнюю ночь тоже случится что-

то чудесное.

— С наступающим Новым Годом, Юлечка.

— С Наступающим, Алла Викторовна!.."

Где ты, Миранда Пристли?.. И почему я не спросила у тебя совета, как же быть черной пантере, когда ее настигнет охотник на краю земли?!..

Воспоминания пугались. Я ощутила, что замерзаю. Конечно. Я же голая. Чего ожидала? Полотенце рядом в кресле. Как быстро оно полетело, открывая мою уязвимость, под этим лишенным эмоций холодным взглядом!

Не думать. Не помнить. Не вспоминать. Мысли, прочь. Это был сон. Это была не ты.

Нет, епт твою мать. Это была ты! Понравилось?! Запомнила?! Last dance of Mary Jane. Или, что вероятнее, Crazy. Потому что это последняя выходка.

Полотенце влажное. Ни черта не согревает. И тоже работает против меня. Дает чувство мнимой защищенности, которое, сука, активизирует мой спасательный ступор, точнее, сносит его нахрен.

На полу красные пятна. Немного. Целых три. Маленькие. Как дождевые капли красного цвета. Чувствую, что просто леденею от созерцания самого явного доказательства своего безумия. В тупой надежде провожу руками по телу... Нет. Пожалуйста, нет. Боже, пусть я найду на своем теле шрамы от его плеток. Пусть это будет моя кровь. Пожалуйста!

Нет. На мне ни царапины. Даже запястья отошли уже. Приказа верить в чудеса — не поступало...

Хотела ли я его смерти в тот самый момент?

Я не помню.

Я хотела только одного. Чтобы он перестал ко мне прикасаться. Чтобы он заткнулся и не смел называть меня "рабыней". Я, вашу мать, хотела не так уж и много!

Утром я была почти надломлена. Он не врал. Скованные руки оставляют свой отпечаток на теле сознания. Утром у меня было полчаса ценного времени, чтобы об этом подумать. Нахрен. Он больной. Его заклинило. Что мне стоит подыграть? Выпустить на волю исконное женское оружие, соблазн? В школе нам на внеклассных читали лекции про маньяков. Самым ценным мне тогда показался лишь один совет... Начать приставать в ответ к нему самой. Это обломает ему кайф, он испугается и убежит, не получив твоего страха... И я пыталась. Но лишь стоило ему появиться в дверях...

Это похоже на падение с километровой высоты, когда крылья твоей уверенной планиды раскалываются на осколки, словно под влиянием жидкого азота. Когда вся твоя гребаная уверенность просто прекращает свое существование.

Я долго шерстила интернет, в попытке достучаться до сути такого вот мужского сдвига. Сотни электронных страниц пытались меня убедить, что это не сдвиг, а игры избранных для обоюдного удовольствия. Тысячи роликов ничего, кроме желания промыть глаза святой водой, больше не вызвали. То ли дело постановочные фото...

Я тогда задалась вопросом. Почему на подобных фотографиях мужчина всегда в костюме, при галстукe и в крутой обуви, словно он только что сбежал с инаугурации президента или с кастинга на роль Джеймса Бонда, а девушка, в лучшем случае, в чулках и красивом белье. В лучшем. Так, преимущественно, кроме цепей и веревок на ней больше ничего не увидеть. Тогда самый простой ответ показался самым логичным. На красивую раздетую девушку всегда приятней смотреть. Основная аудитория сайтов — мужчины. Дамам же особо много голого мужского тела не надо, если оно не супер — совершенное

конечно. Им дороже некий возвышенный образ галантного парня, а что, кроме костюма, сможет так подчеркнуть этот статус? Я ошибалась в своих выводах. Суть костюма я поняла только сегодня утром.

Пробуждение вообще было кошмаром. С тех пор, как я здесь, я по-иному и не просыпаюсь. Эти гребаные наручники... Защемление плечевого нерва... Какой в них смысл? Куда мне отсюда бежать? Глухой металлопластик окон с функцией микропроветривания. Первый этаж, ажурные решетки закрывают эти стекла. С ними ничего не сделать. И далеко я доберусь в одной простыне... в лучшем случае? Тогда это была ярость в чистом виде. Когда я их дергала и стирала запястья. Никакой логики. Но совесть должна была просто сказать — я хотя бы попыталась...

Через десять минут этих усилий я прекратила идиотскую акцию протеста. Теперь на запястьях будут следы. Отлично... Утро доброе в окошко, вашу мать. Думай, Юлька, думай! Женские чары у тебя никто не отобрал. Постарайся не блевануть, называя его котиком, и все... Соври, что тебе понравилось во второй день исключительно все...

Или не соври. Самой себе, хотя бы... Нет, во. Эти мысли надо точно гнать. Думай. Перевоплощайся. Все сейчас только в твоих руках. Не прилетит волшебник в голубом вертолете со спецназом из 33 богатырей спасти тебя. Не испепелит Зевс этого неадекватного молнией. Сама, Юля, сама.

К его приходу я была почти готова. Голливудская улыбка. Черти в глазах плясали самбу. Гордо встретила его взгляд, и...

Автоматная очередь косит стадо чертей. Улыбку гасит арктический холод. Сердце обрывается, падает вниз. Туда, где теперь волей сильнейшего твое истинное место.

Когда ты раздета, прикована и лишена свободы, твоя гордость уходит в долину забвения. Когда ты не можешь даже прикрыть себя руками, а этот взгляд Хозяина прожигает твою кровь холодным лазером, видит тебя насквозь. Все твои игры. Твои мысли. Твой страх...

Он одет. Свободен в своих передвижениях и принятии решения. Не имеет значения, что вместо костюма — светлые джинсы с надрезами, а торс обнажен. Уже наличием минимума одежды он на сотни ступеней выше тебя. Осознаю всю суть постановочных фотографий... Уязвимость и незащищенность от такого положения вещей ломает сильнее боли. Когда все призвано напомнить тебе об уязвимом положении, перестаешь быть собой. Только от его воли зависит, позволит ли он тебе тупо уединиться в санузел, или будет дальше демонстрировать вопиющее неравенство. Обнажено не только тело. Душа твоя обнажена до каждого скрытого нерва. Никогда тебе в таком положении не переиграть его.

Лицевые мышцы не могут, просто не желают воспроизвести улыбку. Язык не поворачивается произнести хоть что-то. Он тоже молчит. И стены моего последнего бастиона сотрясаются под звенящей тишиной этого молчания. Даже когда он начинает говорить, я мало что соображаю. И мне даже становится легче, когда он запрокидывает мне голову, затылок полыхает уже привычной болью от стальной хватки. Это отрезвляет. Теперь все, как должно быть. К этому я привыкла...

Душ. 10 минут, так ничтожно мало. Я привыкла проводить там по меньшей мере полчаса. Это еще одна демонстрация его власти. Почему он не может оставить меня в покое?! Слезы сжимают горло, чтобы не разреветься, оголтело тру кожу мочалкой. До тех пор, пока не начинает полыхать. Ее едва гасят ледяные струи контрастного душа. Удастся отвлечься. Совсем ненадолго...

"...Я не помню имени этого чувака. Помню только, что его чарам поддалась даже моя

подруга Лена. Первый мачо Золотого Пляжа в моей родной Феодосии. Я загораю топлес, а он просто не может пройти мимо. Теряет телефон в попытке снять на камеру соблазнительное зрелище — мою грудь, прикрытую лишь двумя круглыми камешками, чтобы не пострадали соски. Всего-то — взмах руки, и модный гаджет, шипя, заливает кола-лайт.

— Нарвешься ты когда-нибудь, секси, — беззлобно изрекает он. Ленка смотрит с осуждением. А мне весело. Очередной пикапер — пошел нахер. Такая вот моя поэзия без прикрас. Парень не уходит. Смотрит на меня с какой-то грустью. Ей-богу, сейчас разревусь от смеха.

— Аргументируй!

— Маленькая ты еще. Что будет, когда кому-то не понравится твое поведение? Не каждый будет умиляться с подобных выходов. Я даже не пойму, секси — или же я от тебя тащусь, или просто боюсь за тебя в недалеком будущем..."

Кто ты был, твою мать? Оракул? Мудрый друид? Реинкарнация Нострадамуса?!..

Холодная вода успокаивает жар растертой кожи. Я не хочу выходить. Пожалуйста. Пусть все закончится прямо сейчас. Произойдет что-то плохое, я это чувствую. Какой у меня выбор, если он не понимает по-хорошему?

Глаза красные. Боже, нет. Он не должен этого увидеть. По капле «визина» в оба. Выхожу, пообещав себе, что не буду смотреть в его глаза. Просто не выдержу... Но — не выходит. Я самоубийца. Не иначе. Быстро срываю по привычке закрученное полотенце с тела. Когда мне за это влетит? Мать твою, сделай это быстрее...

Кофе. И что-то вкусное. Вот он, садизм в чистом виде. Погладить, потом ударить...

Зачем? Зачем я пытаюсь с ним заговорить?! Это должно звучать гордо и спокойно, а я краснею и бледнею, как целка на мужском стриптизе. Лепечу какую-то хрень о том, что он во всем прав... Что не оспариваю... Мне оно надо, знать ответы и его умозаключения? Инициатива наказуема. Когда он медленно, снисходительно, даже ласково с оттенком какого-то садистского сочувствия, отвечает на мой вопрос, я не шевелюсь. Смотрю на вилку в своей руке и, по мере того, как эти жестокие слова добиваются до моего сознания, мысленно рисую себе мишень в районе... нет, не сонной артерии. Где-то сбоку. Только адская боль меня сейчас отрезвит, и я хочу сама это сделать...

"Мама в бешенстве. И Настька, малолетняя дрянь, забыв напрочь о бауле новых шмоток, с ней заодно.

— Доиграешься! Еще в подвал посадят или в Турцию, в рабство упекут! Совсем без царя в голове! Да если б твой отец узнал... — перехватываю руку матери, готовую дать мне пощечину. С меня хватит.

— Еще. Раз. Я. Услышу. Об этом уроде...

Аффект с головой. Боже... я ее чуть не ударила? И почему это было так легко?.."

Сейчас похожей реакции нет и в помине. Почти спокойно выслушиваю лирическое описание перескока на пятый уровень... Логично. Мягко... Затишье перед бурей... И тут планка с треском падает. Слова достигли своей цели.

— Пятый уровень... — вилка об пол. Теперь поздно. Чувствую, что задыхаюсь. Дима, скажи, что ты пошутил. Пожалуйста. Умоляю тебя... Скажи, что прикалываешься, и я сделаю все, что ты захочешь. Хочешь, не встану с колен до вечера и забью на боль?! Чего ты, мать твою, хочешь?!

Ужас накрывает с головой. Он что-то говорит, но я его не слышу, только крайним

отсеком сознания ощущаю отголоски беспокойства. Конечно же... Съехавшая с катушек рабыня — не прикольно... Взгляд помимо воли задерживается в районе развитых грудных мышц. Совсем недавно от одного только взгляда на это тело у меня пересыхало горло и порхали алые бабочки чуть ниже живота... Возьми вилку, всади в него с размаху, пусть он заткнется!

Ужас только усиливается, когда я понимаю, что не смогу... Что это, епт вашу мать, живой человек. Что мне проще будет ненавидеть себя и ползать в его ногах, чем сделать то, о чем я подумала...

Он уходит, а меня накрывает кошмаром безысходности. Все правильно. Я даже грохнуть его не могу. Я слабая. Не рыпалась бы, прикидываясь сильной — ничего бы этого не было. Он прав во всем. Мое место на пятом уровне. Сабы и то заслуживают больше уважения своей смелостью. Я не такая...

На что это похоже? Серая пелена, звуконепроницаемая и неумолимая, которая начинает медленно, но неотвратно обволакивать сознание. Я не знаю, какой цвет безумия. Наверное, он серого оттенка. И у безумия их гораздо больше 50... Пятый уровень. Пятерка — высшая оценка в школе... Это значит, что все хорошо, да? Вязкая кисея гасит ужас. Однозначно, хорошо. Пошатываясь, дохожу до ванной. О. Бритвы. Он испугался, что я убьюсь ими нахрен, глупый. Чего ради? хватаю на автомате бутылку детского масла. Юля, на дворе лето. Твоя кожа нуждается в увлажнении. Безумие этого парня — не повод об этом забывать... Сосем не повод...

Страшно мне стало потом. Когда я подумала что, возможно, это и были первые звоночки безумия. А сейчас же они оберегали меня защитным серым коконом. Может, мне бы не удалось его прорвать, но приближение к точке невозврата все решило за меня... Серый саркофаг разлетелся на осколки от его слов... Такой жестокий контраст после нежных прикосновений во время массажа. Был даже миг, когда мне до боли захотелось развернуться и обвить его шею руками, словно это могло уберечь от всех кошмаров. В этом даже не было никакой игры. После душераздирающего, жестокого объявления о наших дальнейших отношениях мне нужно было ощутить, что он живой. Что его сердце тоже бьется. Миг защиты и покоя, чтобы я поверила, что все будет хорошо, вне зависимости от номера уровня.

Дай мне хоть частичку этой уверенности, и я попытаюсь. Из последних сил. Дай мне гарантии. Самые безумные и нелогичные. Только не загоняй меня в угол. Это вряд ли закончится чем-то хорошим... Я готова войти в этот мир, которым правят мужчины... Если я буду знать, что никогда не разобьюсь в результате твоих действий...

Он не услышал. Или не захотел. Пронзающие, словно кинжалы, слава, славно в издевку сказанные хриплым эротичным шепотом, вспарывают занавес серой кисеи. Но она не поддается. Нет. Она становится плотнее, сжимая изнасилованное сознание, приобретает пугающе — чарующий оттенок грозового неба, миг, и кинжалы слов не причиняют вреда. Неизвестно, как ему удастся уловить эту перемену, и в ход идут прикосновения. Там, где меня никто не касался прежде. И эти действия атакуют грозовые стены с обратной стороны...

Ты не слабая. Покажи ему, твою мать, или мы расплющим твой рассудок. Стены серого цвета.

Это безумие. Натуральное. Он все-таки сломал мою сущность... Медленно. Это же кино. А там замедленная съемка. Удар. Моя рука! Больно! Черт?! Почему он не падает?

От страха мне хочется орать. Но адреналин сейчас лишает меня этого типично женского

оружия. Вместо воплей ужаса — отборный мат. От этого ему еще веселее. Не приближайся! Просто свали! Тебе же не трудно!!!

Дальше мрак. Я задыхаюсь, ухватив жестокое орудие моего порабощения. Я не хочу причинять ему боль. Я знаю, как это. Я хочу лишь одного, чтобы он ушел... Иногда круглые сферы натываются на препятствия... Я не соображаю, что это препятствие — его тело. Просто уйди. Мне много не надо. Исчезни... Почему ты лыбишься?! Исчезни...

Осознание приходит яркой вспышкой, стоит ему заговорить. Я в ужасе.

Юля, б. дь, брось эту хрень... Еще не поздно. Падай на колени, боль проходящая, проси его забыть о своей выходке. Ты роешь себе могилу...

Уже вырыла...

Кнутом больно? Наверное, адская боль... Наверное, окончательно сойдешь с ума. Секс не будет таким, как прежде. Реально сдохнешь от разрывов. Моральных и физических. Нож? Какие дети? Нет, конечно, они здесь не причем. Он сказал... Вырежу? Шрам?!

— Брось на пол!

Хозяин отдал приказ. Дальше стоять не имеет смысла. Не хочу смотреть. Можно, я закрою глаза, когда ты начнешь меня убивать?!

Пожалуйста...

На его тыльной стороне ладони интересный рисунок выпирающих вен. Словно дельта Амазонки. Моя собственная ладошка ничтожно маленькая в захвате его руки. Как она дрожала еще пятнадцать минут назад, как отказывались сгибаться пальцы, как опалил жар его прикосновения, потому что мои руки были ледяными от стрессового шока.

Еще совсем недавно меня трясло в самой крутой истерике века. Не помогало ничего. Вода — я не могла сделать глоток. Пощечины — я даже не жмурилась. Слова и обещания — я не разбираю их значения. Хватило одного взгляда. Пластырь на виске и ключице. Такого не прощают.

Пришла в себя, лишь ощутив, спустя 10 минут, жар его тела. Крепкий и осторожный одновременно захват объятий, в которых я билась, пока он терпеливо удерживал, что-то приговаривая.

— Что, ты думала, я сделаю?! Что?

Если бы я об этом думала, я бы не рыдала и не билась. Я бы смеялась тебе в лицо. И была абсолютно счастлива. Сумасшедшие не страдают.

Я, как зачарованная, смотрю на единение наших рук. У него хватит силы сжать мои пальцы до треска. Но вместо этого все по-иному, моя уязвимая ладошка под защитой. Прикосновения плавят лед моего ужаса и отчаяния. Прикосновения уносят панический ужас. Может, у него дар касаниями снимать боль? Мне тяжело думать. Но от осознания того, что он жив, меня накрывает волной облегчения. Вместе с мыслью, что, дай мне в руки пистолет, я бы не смогла даже Гитлера.

— Я виновата... — говорить тяжело. То и дело всхлипываю. — Я не знаю... просто не знаю, как это произошло...

— Юля. — Слова невесомы. Падают легкими перышками. — Ты помнишь, что я тебе сказал?

Тело напрягается. Дергаюсь. Час расплаты. Не хочу...

— Что я ничего тебе не сделаю, если прекратишь добровольно. Что я об этом забуду. Ты справилась.

— Ч...что? — Я и вправду сошла с ума.

— Ты сейчас перестанешь плакать и дрожать. Рисовать ужасы в своем воображении. И запомнишь одну простую истину. Что бы ни было вечером... Твой поступок ни при чем. Этого не было. — Наверное, мои глаза расширились от шока. Он продолжает меня гладить. Его губы напротив моего уха. Не выдерживаю.

— Ты... Меня... Не накажешь?

— Только в одном случае. — Непонимающе трясую головой. Его улыбка шире. — Если вечером ты сама скажешь, что чувство вины придавило тебя, и ты хочешь от него избавиться. Я не знаю, что ответить. У меня реально едет крыша. Не иначе.

— Какой цвет крови? — дезориентируя еще сильнее, задает вопрос Дима. Моргаю. Есть подтекст?!

— Красный...

— Запомни, что я сейчас у тебя спросил. И вечером, если будет морально тяжело, ты его произнесешь. Это твое стоп — слово.

Дима

Они приехали довольно быстро. Это я ХЗ зачем оттягивал этот момент. Подумаешь, боевая травма... По молодости в драке прилетало и посущественнее. И даже до переломов. Сотряс — вообще обычное дело. Если ты не прошел через этот джентльменский набор в детстве, ты не мужчина. Не имеет значения, в какой семье ты вырос, и в какой элитной школе грыз гранит науки. Методы взросления практически универсальны — начиная от сигарет под окнами директора и наглую ухмылку в ответ на выговоры, и заканчивая откровенными боями без правил на идеальном футбольном поле после уроков. Неважно, что мы не поделили между собой — очередную девчонку, плэйстейшн или икс на игрек. Бешеная подростковая энергия требует выхода и не признает революций в белых перчатках.

Последствия заминались. Я уже говорил: у элиты и их потомства свои негласные правила. Сломали ребра, нарисовали кровавый смоки-айз на фейсе, выбили зубы — это только наши разборки... Переддирекцией школы и фамильными кланами — тотальное молчание. Понятие чести не отнимал никто. Если его не дано — ты долго не продержишься.

После последнего перелома руки мы в тот же вечер в крутом баре опустошили бутылку виски вместе с моим оппонентом. Чтоб срослась быстрее. Все три легких сотрясения прилетели от лучшего кореша. Нам было скучно. Махач развлек. Да и кое-чему это научило. Не примешь меры сразу — потом башка раскалывается в самый неподходящий момент... Кому оно надо?

"Борис — завжди допомога"! Коммерческая скорая помощь не зря ест свою черную икру и убивает шикарные машины на горных дорогах... Которые им раз плюнуть преодолеть в самый короткий срок.

— Перебинтовать... — вежливо рекомендует доктор с европейской внешностью и американским смайлом. На бейджике дублируется его ФИО на трех языках.

— Нет, восставших из египетской гробницы не надо. — Не хватало еще моей боевой амазонке дополнительного стресса... Илижелания увидеть меня в бинтах с ног до головы. — Обойдемся, док?

— Конечно. Как пожелаете. Я бы настоятельно порекомендовал вам отдых первые два дня. — Его пальцы ощупывают ключицу, перед тем, как обработать рассечение. — Все в порядке.

— Спорт?

— Воздержитесь. Особенно- от того вида, что привел к подобным последствиям. Сейчас выпишу препараты. Швы не нужны, разве что вы будете настаивать...

Я не буду настаивать.

— Легкое головокружение и приступы головной боли — нормальное явление при таком виде травм. Лучше отложить работу, связанную с аналитическим мышлением.

— Жаль. Собирался поработать с документами.

— По возможности, перенесите подобную работу. Сейчас ожидается аномальная жара, и в вашем положении это будет дополнительная нагрузка на сосуды. Отдых. Настоятельно рекомендую.

— Док, а как насчет секса? — губы сами расплываются в улыбке. Стильная медсестричка, ни дать ни взять — модель с обложки журнала "Playboy", бросает на меня призывной взгляд, пытаюсь изобразить очаровательное смущение. Жалею, что, подобно Челентано из «Укрощения Строптивого», не вставил себе в рот капу с клыками. Взгляд второй девчонки, похожей на училку вип-класса, под видом осмотра ключицы скользит по моему телу. Они что, решили, что я им предлагаю секс?! Или это дополнительная услуга? Становится весело.

Девочки, знали бы вы, в каких ракурсах можете меня заинтересовать — уже привели бы с собой консилиум психиатров.

До доктора не сразу доходит, что это риторический вопрос, а не прямая пропозиция для него. Улыбается, снимая маску медика-профессионала. Мужчины всегда поймут друг друга.

— Воздерживаться? Ну, мы же не звери... Эндорфины тоже нужны. С одним условием. Головокружение или резкая боль в области затылка — прекратить.

Едва сдерживаю смех. Вспоминаю Юльку и ее удар ребром ладони по темечку. Уважительная причина для головокружения. Почему я на нее ни капли не злюсь?

Первая медсестра наполняет шприц прозрачной жидкостью. Улыбка на миллион долларов.

— Пожалуйста, согните руку.

— Хочешь меня потрогать? — Уколов не боюсь с детства. Поворачиваюсь к доктору. — Что она мне вколола?

— От головокружения и болевого спазма. У него нет побочных эффектов. И чтобы ничего вам не помещало в реализации приятных планов.

Однако, сервис. Прощаюсь, дав устное обещание в случае плохого самочувствия немедленно звонить/ложиться в постель/прекращать занятия сексом, оплачиваю вызов вместе с чаевыми. Никаких вопросов. Будь даже огнестрел, клиент всегда прав.

С их отъездом паника и чувство какой-то пугающей незавершенности снова одерживает верх. Паника проходит, а я ловлю себя на мысли, что не понимаю, что мне делать дальше. Впервые со мной такое. И ответ вроде бы как очевиден...

Все, что хочешь. Шикарный полигон для контрудара. Она знала, на что шла. Ты ясно дал ей понять, что все будет по-твоему. За это боевое айкидо ты можешь смело воплотить в жизнь то, о чем раньше не хотел думать, чтобы ее излишне не травмировать. Тот кнут от Шороха с автографом давно не дает тебе покоя. Такой вот парадокс. В клубе отлично поставили руку, чтобы не причинить себе излишней боли, это, при устрашающем внешнем виде девайса, всего лишь легкие поцелуйчики... Покраснения сходят с кожи меньше чем за пять минут. Захлест вообще больше похож на ласковые объятия, чем на элемент экзекуции.

Но стоит лишь поменять угол сгиба кисти, как все меняется. Кожа остается нетронутой, но кнут жалит подобно раскаленному железу. В голом СМ, который никогда не был мне интересен, это самая вкусная практика. Но постигать искусство разных ударов было занимательно. Алекс сказал четко. Должен знать, даже если никогда не пригодится.

С теорией дела обстояли даже лучше. Только психология Темы упорно сопротивлялась. Проще было ограничиться теорией... И развернутыми договоренностями в начале отношений. Стоп-слово — прекратить. Вопли "нет, хватит, убью, перестань" — чаще всего элемент игры. Кто-то выражает свой экстаз через слезы, у других это сигнал неприемлемости. Люди разные. Многие терпят, ломая себя изнутри, в страхе произнести заветный стоп-кран, опасаясь, что подобное воспримется как протест и поставит крест на дальнейших отношениях. Адекватного партнера найти тяжело. Может, поэтому произошла ломка системных ценностей? И Штейр, и Ника расширили границы собственных полномочий, одновременно сняв с плеч сабов груз ответственности и принятия решений? Так или иначе, они практически устроили революцию в избранном раю. Презревшие правила — герои. И я один из них. Никогда мой мир не наполнялся такой палитрой красок, как сейчас.

Сделка. Лучший выход. Похищение или же шантаж — перебор даже для такого, как я. А так все по-честному. Ей был предоставлен выбор. Добровольный, прошу учесть. Пистолет у виска никто не держал и отвезти в логово бандитов не обещал. Свой выбор каждый делает сам.

...Инъекция от темноволосой медсестры начинала действовать. Мысли прояснились, тупая боль исчезла совсем, не напоминая о себе даже при резких движениях. Ноги сами принесли меня к самой захватывающей секции шкафа-купе. Теперь остается подумать, девочка, чего ты заслуживаешь за свои смертельно опасные танцы.

В первые минуты, едва не отключившись на полу у запертой двери ее вип-камеры, я точно знал, что именно она заслужила. Боль грозила разорвать башку. Конченная сука, удар в висок! Мне очень хотелось верить, что она мало соображала, что делала. Ии что такие попадания в цель — случайны.

Все, что я ей тогда наговорил, сметая повелительным тоном барьеры ужаса, ненависти и черного отчаяния, на тот момент было правдой. Без исключения. Чтобы произвести эффект — надо верить в собственные слова и даже заставить себя хотеть этого.

Отходяк накрыл спустя полчаса. Со всеми незамеченными ранее деталями.

Спустить кожу кнутом?! Это реально невыполнимо даже технически. Жестко долбить ее до обморока у меня вряд ли хватит здоровья в таком состоянии. Рисунок ножом по коже... Это вообще без комментариев. Оставим психам.

Кто больше е. нулся в тот момент из нас? Или это последствия удара? Это не было ни в коей мере моим реальным стремлением. Я просто не нашел других слов, чтобы остановить ее и не позволить своему безумию одержать верх. Я никогда не теряю контроль...

Длинный стек. Хлопок по ладони. Этот инструмент никогда в моем восприятии не был ударным девайсом. Просто атрибут власти. Не вызовет такого панического ужаса, как кнут, но кто ее разберет, на какие именно страшилки она успела насмотреться в интернете. Благо, с флэшки, где подробно были описаны все практики из возможно допустимых, мы синхронно посмеялись вместе с подругой. Юля, Юля... Иногда я забываю, за что именно назвал тебя умной девочкой. Сердце ускорило бег, уколов затылок микроразрядом уснувшей под действием анальгетика боли. Стальной ошейник. Твою ж мать...

Вот насчет этого я не врал. Рано или поздно я это сделаю.

Двадцатиминутное созерцание идеальной коллекции так ни к чему и не привело. Каждый из экспонатов грозил напугать ее до безумия, особенно в таком состоянии. Даже банальная повязка на глаза. Воображение сыграет злую шутку в условиях неведения о своем дальнейшем положении...

"Черт тебя побери, Юлька..." — устало подумал я вместе с ростками непонятной тревоги. Я обещал, что ее не трону, если прекратит сопротивляться. Я не врал. Вряд ли она слышала мои мысленные мольбы. Потому что я не имел понятия, что с ней делать дальше, если не прекратит. Только знает ли она об этом?

Пока я не узнаю ответа на этот вопрос, я не смогу принять объективного решения.

В голливудских фильмах все просто и весело. Согласно им, мне следовало войти к ней с пистолетом наготове. И, судя по ее недавней реакции, это был бы самый приемлемый вариант. Только все сложилось иначе. От своих слов я не собирался отступить ни под каким предлогом. Спустя время, я понял, что на самом деле хотел именно этого. Искал и нашел повод не причинять ей боли. И от этого было очень легко на тот момент.

Сигареты лежали в ее сумке. По мне, эта гадость ни черта не успокаивает, но для мирной пропозиции в нашем варианте сойдет. От алкоголя может быть только хуже.

Все время ожидаю, что мне что-то прилетит в голову при каждом новом заходе в камеру ее заточения. (Настоящую камеру я ей пока не демонстрировал, главное не перегнуть палку до перелома). И каждый раз ожидания напрасны.

Ощущение почти арктического холода заставило вздрогнуть. Это удивило меня куда сильнее, чем Юлька, замершая в точно таком положении, в котором я ее оставил, уходя. Не считая полотенца вокруг груди.

— К кондиционеру есть пульт дистанционного управления. На котором есть кнопки выключения и регулирования температуры. Замерзнуть решила? Героично, но глупо.

Ноль реакции. 17 градусов тепла. Попытка убежать в ОРЗ от последствий своих закидонов? Выключить.

Никакой реакции на мое приближение внешне-но я кожей ощутил острые иглы ментальной попытки закрыться.

— Хватит уже. Я сказал, что с тобой ничего не случится? Открой глаза.

От прикосновения моей ладони она вздрагивает, как от удара. И, похоже, даже не слышит, что именно я ей говорю. Обнимаю за плечи, пытаюсь поднять на ноги. Полотенце мокрое. Совсем инстинкт самосохранения потеряла? Срываю одним резким движением, уже не думая о том, как именно это выглядит. В награду получаю слабый старт приближающейся истерики. Попадает даже по пострадавшей ключице.

— Успокойся! Я сказал, что ничего плохого с тобой не сделаю?

Вряд ли суть слов доходит сейчас до нее, но есть реакция, а это уже хорошо. Подхватываю на руки, удерживая кисти в захвате. Драться и пытаться вырваться — нормальная реакция. Ее кожа обжигает холодом. Пытаюсь поймать взгляд, и не получается. Глаза закрыты. Надо в горячую ванну, чтобы не заболела. Но сейчас нет возможности даже открутить краны. Это означает, вновь оставить ее одну, а я с пугающим чувством проигранной ответственности понимаю, что сейчас не имею права этого делать. Сейчас все мои права аннулируются. Есть обязанности. Первая из которых — разрулить последствия своего диктата.

Я едва успеваю опустить ее на кровать, как прорвавшая баррикады апатии истерия

сгибает ее пополам. Я оказался не готов к такому сильному проявлению эмоций. Неожиданно, неприемлемо, мало логично — но меня это пугает. Пытаюсь оторвать ее ладони от лица — руки ледяные. Пальцы не слушаются. Попытка разогнать кровь ничего не дает. Ее приступы рыданий похожи на удушье. С ужасом понимаю, что она могла промолчать о проблемах с дыхательными путями...

— Пей! — нет времени переливать воду из бутылки в стакан. Пара глотков жидкости обычно гасит даже самую сильную истерику. Не в этот раз. Ощущаю, как затапливает паника. Она не может сделать ни одного глотка. Вода просто стекает по ее подбородку тонкими струйками из дрожащих губ.

— Юля, хватит! — ее голова запрокидывается от пощечины. Прости, девочка, это вынужденная мера. Вторая... — Тише... я рядом, и все закончилось. Ты меня слышишь? Все хорошо. Я люблю тебя.

Я не понимал, что говорил ей в этот момент. Что у трезвого на уме, у перепуганного на языке. Было просто и легко. Она сейчас ничего не слышала. С трудом задвинув весь ужас от последствий своих хотелок на задворки сознания, обхватил ее руками, прижимая к себе как можно сильнее. Тише, малышка. Прости Хозяина. Почувствуй мое тепло.

Ее голова запрокидывается на плечо. Глаза широко распахнуты, смотрят в одну точку. Конкретно — на пластырь в области виска. Снимаю темные метастазы подступающего ужаса в ее глазах усилением объятий и дозой совсем не фальшивой нежности.

До тех самых пор, пока рыдания не прекращаются совсем, а дыхание не выравнивается. Пока ощущение безопасности не вытесняет из ее сознания все нарисованные в воображении кошмары. Губы едва шевелятся, но я разбираю отдельные фразы ее шепота.

— Режь... Лазер творит чудеса... Никто этого не увидит...

Едва сдерживаюсь, чтобы не ударить снова за подобные умозаключения. Да кем она меня считает? Взбесившимся психом? И что ей возразишь, если я сказал это сам...

— Что, ты думала, я собираюсь сделать?! Что?!

Расслабляю объятия, сжимаю ее ладошку. Уже не такая ледяная, как была. Она не отвечает. Переводит взгляд на свою руку в моем нежном захвате, и кажется, что ничего увлекательнее она еще в своей жизни не видела.

Долгое время, но я ей не мешаю. То ли ощущение моего тепла, то ли чувство защиты от прикосновения успокаивают ее. Тело расслабляется, дыхание ровное. Она и сама не осознает, как доверчиво ко мне прижимается, стремясь стать как можно ближе.

Программа работает. Ничего не было зря, отталкивая от себя, я приблизил ее гораздо сильнее. Реверсивная психология в действии. Но сейчас мне не хочется об этом думать. Я просто боюсь, что она увидит торжество в моих глазах, и это вызовет очередной психологически тяжелый протест, на который у нее уде не осталось сил. Курс дальнейшей программы сейчас на все сто процентов совпадает с моими желаниями. Три шага назад, один вперед. Вынужденный прыжок в бездну, и в самый ответственный момент земля ослабляет свое притяжение, поднимая вверх. Кое-что из психологии Темы я все же усвоил. Ростки доверия начинают обретать жизнь именно сейчас. Просто сознание не понимает, что процесс ломки запущен и набирает обороты. Можно ломать самой сильной болью, и никогда не пробить барьеры стойкости. Но если на контрасте с этим проявить человечность, вариант становится беспроегрешным. Особенно, если тебя не подготовили к этому спецслужбы. Тут даже последовательность не важна. Можно чередовать, как угодно. И я уже знаю, что, несмотря на страх за ее моральное состояние, теплые чувства, инстинкт

защитника и собственные сомнения, я буду это делать снова и снова, чтобы подчинить себе окончательно.

Доверие прогрессирует. Слабые всхлипы. Это тоже своеобразный барьер, который пал. Ты ни о чем не подозреваешь. И не надо тебе на данном этапе.

— Я виновата... Я не знаю... Просто не знаю, как это произошло.

Страх никуда не делся. Так и должно было быть, наверное. Почему понимание всей сути происходящего оставляет тяжелый осадок? После всего сказанного утром, она и не должна считать меня положительным героем детской сказки. Если бы не верила моим словам — ничего бы не получилось на пути ее приручения. Я бы сам купил билет в Феодосию, лишь бы избавиться от ее выносов мозга. Страх — определяющая постоянная.

— Юля. — Мне больше не нужен ее страх. Точно не сейчас. — Ты помнишь, что я тебе сказал? — Что я ничего тебе не сделаю, если прекратишь добровольно. Что я об этом забуду. Ты справилась.

Ее плечи напрягаются от моих слов. Я ощущаю усилившийся ток крови грудными мышцами. Не ожидала от меня такого? Понимаю. Твое мировоззрение сейчас рушится, как карточный домик. Если бы я выполнил все свои угрозы, это воспринялось бы легче.

— Так ты меня не накажешь?

Нет. Не уверен, что ты к этому готова. Не потому, что это больно, потому, что к наказанию надо относиться по-иному. Как кискуплению своего чувства вины. Только тогда ты ощутишь, как этот тяжелый довесок с каждым ударом испаряется, пока не исчезнет совсем. Позже, когда осознаешь. Как бы мне этого не хотелось, еще слишком рано.

Только в одном случае. — Напряглась, наверняка предположив, что я сейчас взамен заставлю ее целовать себе ноги. — Если вечером ты сама скажешь, что чувство вины придавило тебя, и ты хочешь от него избавиться.

Удивлена. Но поверила с первых слов. Барьер недоверия сломан.

— Какой цвет крови? — наклоняюсь к ее ушку, намеренно щекоча своим дыханием.

Вздрагнула.

— Красный...

Финальный аккорд. Почувствуй себя в безопасности.

— Запомни, что я сейчас у тебя спросил. И вечером, если будет моральнотяжело, ты его произнесешь. Это твое стоп-слово.

Ответ я получаю спустя пять минут.

— Спасибо, Дима.

Никакого постоянства. Но сегодня благосклонно закрываю на это глаза.

— Ты согрелась?

— Да...

Отстраняюсь. Аттракцион щедрости продолжается. Достая пачку сигарет. Последний раз курил черт знает когда. Юля вздрагивает от щелчка зажигалки. Ну чего ты такая перепуганная? Поджигаю кончик этой гламурнойдряни с ароматизатором, осторожно подношу к ее губам.

— Скучала?..

...Спустя двадцать минут и две сигареты ей удается уснуть на моих руках. Последствия нервного стресса. Сон спокоен и невесом. Мне удалось ее расслабить. Не замечаю ничего — затекших мышц, вернувшейся головнойболи, забываю о том, что хотел разобраться с документацией, и по времени — пора глотать выписанный препарат. Ничего больше не

имеет значения. Я не могу ее бросить. Не сейчас, когда началась финальная стадия укрепления доверия. Спустя час меня тоже вырубают. Тяжелый день и бессонная ночь не прошли бесследно.

...Я проснулся от ощущения легкого поглаживания травмированной ключицы. Эти прикосновения своей нежностью снимали отголоски боли. И разогнали невероятную эйфорию до скорости гоночного болида. Не дав ей догадаться о том, что уже минуту как не сплю, резко, но не грубо схватил ее запястья, переворачивая на спину.

— Попалась?

Даже в темноте вижу всплеск кратковременного ужаса в зеленых глазах. Они мерцают в темноте. Может, это плод моего воображения. Может, игра света и тени. Сметаю эту реакцию настойчивым поцелуем в губы. Тело моей девочки расслабляется, бедра непроизвольно поднимаются навстречу. Еще одна крутая и такая желанная реакция на стресс. Отстраняюсь очень быстро, опираясь на локти, чтобы запечатлеть картину, которую мне явно не хотели показывать.

— Ты улыбаешься!

Я реально офигел. Особенно, когда ее язычок якобы не произвольно обвел контур губ. Улыбка в глазах. Эту- не скрыть.

— Нарываешься, проказница?

— Ты меня отшлепаешь?

Обязательно. Кое-чем другим. Не плеткой и даже не стеклом. Все свое ношу с собой.

— Удовольствия потом. Ты с завтрака ничего не положила в рот... Я, кстати, тоже...

— В рот- это должен быть именно завтрак?

Дима, подними челюсть с пола. Это ее реакция на стресс, ничего больше...

Эротическая эйфория ураганом по телу, моментальная эрекция. Нет, сперва таблетка. На фоне с голодовкой можно, как Кличко, закончить в первом раунде.

— Так, юмористка. У тебя семь минут. Быстро в горячий душ. — Не хватало мне тут простуды. В комнате хоть и потеплело, но ненамного. — Если ты голодна, я хочу об этом знать. Ну?

За ней интересно наблюдать. Вот ее руки потянулись к отброшенному в угол кровати полотенцу... Чтобы лишь презрительно хмыкнуть и грациозно соскочить на пол. Губы изогнуты в улыбке, скрыть уже не получается.

— Правда! Я не хочу есть!

— Отложим на пару часов. 7 минут. И не вздумай никуда уйти.

Адреналин плавит сосуды. Ей хочется поскорее скрыться в ванной, чтобы не рассмеяться беззаботным смехом от осознания того, что все обошлось.

— Слушаюсь, Хозяин!

— Ну? Не трудно же было?

Конечно, не трудно. Стебаться- всегда легко. Сегодня у нее исключительное право. Кивает, прикрыв рот ладонью.

— Марш в душ. И никакого мне там погрома!

Лишь спустя пару минут, запивая капсулу минералкой, ловлю свое отражение в зеркале на стене рабочего кабинета.

Моя улыбка такая же, как и у нее. В глазах. На сегодня мы заключили негласный пакт о ненападении.

Пусть мы не из тех, кто давит по тормозам, услышав предупредительный выстрел в воздух.

Шагнувший до края, увы, не успел сказать: Чем ближе до края бездны, тем ярче звезды...

(с)Экзистенциальный вакуум

Какого хрена. Воспитанные девочки не ругаются. Они всегда выше этого. Остается только прогнать эту трехэтажную тираду в своей голове и не подавать виду, как тебя это бесит? Пугает? Выбивает из колеи? Вгрызается в плоть сознания раскаленным железом, не дав возможности ощутить боль под анестезией черт знает, откуда взявшегося эндорфина... Не успеваешь/не чувствуешь/ не хочешь замечать, как завораживающим готическим шрифтом проступают на срезе твоей души эти черные буквы, подсвеченные пламенем ада.

Kinky. Малопонятно. Но не грубо. Банальный транслит "извращенка" звучит грубее и не совсем отражает суть происходящего. Поэтому, с термином, заимствованным у американцев, чувствуешь себя не ниже плитуса, а чуть ли не на пике Эльбруса. Горячая лава черт знает откуда взявшегося желания плавит металл прутьев твоей клетки. Так быть точно не должно. Желать с такой силой того, кто совсем еще недавно...

Буквы вспыхивают алым. Крик сам рвется из горла, но его синхронно подкараулили на выходе две перекрестные волны — возбуждения и ожидания чего-то... Чудесного?

..."Выдеру тебя кнутом до крови. Оттрахаю во все дырки так, что не сможешь пошевелить пальцем. Вырежу свое имя на твоем бедре, твою мать. Будешь потом рассказывать своим детям, что я был твоей первой и последней любовью"...

Черта с два. Сознание стряхнуло оковы шока и посмеялось над этой увеселительной тирадой твоего мучителя. Оно с самого начала знало, что все это не было правдой. Может, кроме последнего...

Только совсем не ножом. И совсем не на бедре. И даже не его имя.

Когда тебя грубо швырнули к ногам, не спросив твоего мнения на этот счет, ты пытаешься этому сопротивляться. Так комфортнее. И так правильно. Борьба за право быть собой, испытать свои пределы и выйти победительницей. Когда осознаешь, что против абсолютной силы нет никакого противодействия — рушатся все стены, все возведенные тобой города твоего же замкнутого мира. В один момент теряешь все. Себя же теряешь не сразу. Проходит некоторое время. Сознание уже поняло и приняло, пытается донести до разума одну простую истину — смирись, нельзя восставать против идеального на первый взгляд порядка вещей и плевать на первобытные инстинкты генетического уровня. Именно в этот момент и начинается кошмар.

Тебя предали все. Сознание — в первую очередь. Герои не сдаются. Не этому ли кредо ты следовала всю свою жизнь? И это гребаное сознание все устраивало. Но, наверное, тогда эти стремления подпитывал еще и здравый эгоизм. Который пал первым. Страх еще не уничтожил тебя, а вот твое эго — вполне, особо не напрягаясь.

Когда тебе ногой безжалостно прижали горло, перекрыв кислород, путей отступления нет. Будет последний рывок. Скорее всего, неудачный.

Вот и у меня не получилось. Не течет в тебе, Юлька, кровь скифских амазонок и монголо-татар, чьи скулы достались по наследству и заставили свихнуться не одного

потомка коренных славян. До последнего будешь искать что-то человеческое в каждом, на кого дрогнула поднятая рука. Оправдывать свою слабость человечностью и светлым началом, мимоходом приписывая такие же качества оппоненту. Считать, что нокаутировала тьму своего сердца, не понимая, что просто-напросто лишилась последней гордости вместе со слезами, изматывающей истерикой и желанием заснуть на его руках крепким сном, пофиг даже, проснешься потом или нет...

Сон оказался последним закрепляющим этапом моего безоговорочного падения. Сознание победило эгоизм, одержимый чувством протеста. Тогда я этого не понимала.

Открыла глаза в абсолютной темноте. Было тепло. Было очень хорошо. Что-то, знакомое с детства. Что-то от кошачьих инстинктов, которые, если верить журналам, сильны в каждой особи прекрасного пола. Острое желание свернуться клубочком на его плече и замурлыкать.

Что?! На чьем плече?! Твою ж мать!

А почему бы и нет?

Сон как рукой сняло. Я сомкнула колени, пытаюсь занять удобное положение... и опешила, ощутив мощный эротический разряд. Что за хрень? Мое сознание проснулось первым. Сейчас просыпалось тело. Словно ураганная спираль, набирая робкие обороты, завертелась внутри каскадом розовых лепестков черно-красного цвета, за миг сметая на пути все преграды, чтобы взорваться негаснущим фейерверком между сжатых ног...

Такое со мной раньше было... Раза два, не больше. Первый раз — еще в школе, когда Жека, окунув меня в омут чувственности и прочно подсадив на плотское удовольствие, укатил на две недели в Заток с братьями по железным коням. Я с ними не поехала — подработку в офисе терять не хотелось. Что творилось со мной в спальне, стоило только наступить ночи — не передать. Пару раз я здорово напугала Настену, которая поведала матери, что по ночам меня кто-то душит. Слава богу, мамуля не поняла ничего. Зато вынесла все мозги с воплями — "докурилась до астмы, дрянь?!"

Вспоминать об этом моменте я не любила. Да и на месте Жени в моих фантазиях тогда Брэд Питт, Джош Харнет и Мэтт Боммер сменяли друг друга с шокирующей развращенной периодичностью.

Второй раз я хотела стереть из своей памяти до основания вместе с каскадом иных воспоминаний. Потому что это случилось со мной аккурат после нашего знакомства с ЕС. И почему-то в своих фантазиях я не пририсовывала ему лицо Александра Скарсгарда или какого-нибудь очередного Роберта Паттисона, учтем реалии. В той безумной агонии он был для меня самим собой.

Твою ж маму. Возвести в квадрат и взрастить в геометрической прогрессии, где каждый второй член больше предыдущего... Ага. Привет, Зигмунд Фрейд, долбани меня электротоком.

В этот раз сознание сжалилось. Подняло за шкуру коматозное эго, пихнуло в бок — а ну, улыбнись ей! Минут на пять, не более. Этот синхронный дуэт и остановил их обладательницу, то есть меня, на пороге очередной панической атаки, запустив аналитический ум.

Юля, какое нахрен чувство вины?! Ты сделала все, что могла. Вырывалась. Пыталась убить его. Протестовала. Посмотри правде в глаза — что ты могла противопоставить абсолютной власти? Куда тебе с твоей силой против крепкого мужчины со стальными бицепсами? Куда тебе с твоей верой в справедливость и мир во всем мире восставать против

того, кто давно вне правил и вне закона? Тебе просто не оставили другого выбора. Сломайся — или сойди с ума. Тебе стало бы легче, останься ты в Харькове и попади в лапы к тем уродам?! Кто бы там обращал внимание на твои травмированные колени и когнитивный диссонанс?! Даже если бы это все продлилось пару часов, а не обещанные две недели...

Как легко было убедить себя во всей этой успокаивающей хрени. Так просто списать свою капитуляцию, переложив ответственность на чужие плечи. Почти с улыбкой констатировать факт — "мне не оставили выбора". Я ничего не могла изменить. Я могла плакать в подушку и окончательно убивать свою нервную систему, в десятки раз преувеличивая собственные страдания. До тех пор, пока бы окончательно не поверила в это и не превратила свою жизнь в окончательный ад.

С этим разобрались. Но какого черта я так хотела этого у...ка?! Именно его, а не кого-то другого, ради банальной физиологии?

Лава беспощадного вожделения прожигала кровь, испаряя чувство вины и логические доводы вскинувшего голову эго. Моя рука сама собой скользнула вниз, задержавшись на коже живота, словно не решаясь продвижением дальше дать все основания для признания собственной капитуляции. Прикосновения своих же пальцев вызвали непроизвольное сокращение интимных мышц, пришлось прикусить губу, чтобы не застонать. Если он проснется, и я увижу в его глазах злорадное торжество, весь мой самоконтроль и логические доводы рухнут в один момент.

Дыхание сбилось. Контролировать это желание становилось все труднее. Не спасали даже тревожные звоночки в голове. Ты не можешь желать своего мучителя. Ты можешь его ненавидеть. Хотеть его смерти. Или чтобы он оставил тебя в покое. Пусть делает, что захочет, только не вынимает твою душу. Хватит ему тела... Это все, что у него есть на данный момент...

Юля... Ты живой человек. Или ты сейчас добровольно готова расписаться в том, что он тебя сломал, не оставив никаких желаний? Зачем бежать от себя, когда вся ситуация лежит на поверхности? Каждый день, непозволительно много времени, ты смотришь на мужчину с телом греческого бога. Тебя захватывают его флюиды ненормальной одержимости. Чем сильнее ты ей противостояешь, тем мощнее будет ядерный взрыв, когда сознание не сможет игнорировать твой банальный инстинкт продолжения рода. Именно так, ничего более. Первобытные гены, оказавшись в благоприятном для них стечении обстоятельств, завопили в полную силу. Тебя, за волосы, в комфортную пещеру. Страшно? Конечно. Жила, занимаясь собирательством, тогда как право охотиться было прерогативой сильнейшего в силу его физической выносливости. Пока настоящий охотник (привет, Миранда Пристли!) не сделал выбор за тебя. Не отбил у трех злостных питекантропов и не встал на твою защиту. Есть еда. Есть огонь в очаге. Не страшны саблезубые тигры. А похолодает, будет и норковая шубка мамонта на согнутые в знак покорности плечи... И что удивительного, что в условиях тотальной защиты... Это ведь тоже есть... Тебя так сильно тянет к воспроизводству? Потомство будет в тепле и сытости, плюс, тебя кантовать перестанут... Инстинкты рулят... Ничего больше...

Так, не напрягаясь, воспользовавшись постшоковой ясностью рассудка, я вывела для себя главный постулат всей сути психологии БДСМ. Но тогда я об этом не догадывалась и не претендовала на диссертацию. Я спасала осколки своей гордости. Искала себе оправдание — и не просто нашла, а переложила на чужие плечи. Чтобы иметь возможность расслабиться, или с чистой душой отдаться неприемлемому ранее разврату.

Ты ничего не решаешь. Нет выбора.

Я очнулась, только сообразив, что больше не глажу себя. Что теперь моя рука у него на груди. И от этого поглаживания я начинаю потихоньку терять над собой контроль. Первобытное эротическое безумие словно проникает в поры моей кожи, разрушая барьеры никому не нужных условностей, впрыском в кровь подготавливает сосуды к своему неумолимому вторжению, чтобы добраться до самого сердца... Пальцы замирают, наткнувшись на результат моего вооруженного сопротивления. Отдергиваю руку. Черт. Ему больно, и сейчас проснется... Ничего. Я просто закрою глаза, чтобы не видеть его торжествующей улыбки. Просто...

Я не успеваю закрыть глаза. Провожу пальцами по вспухшему месту ушиба... Хрен знает что, но, кажется, я хочу снять эту боль. Это изначально неправильно.

Все происходит за долю секунды. Кисти сжимает стальным захватом, но закричать не успеваю. Ужас ледяной волной. Чужая власть, абсолютный тотем по пылающим нервам. Еще миг, — и это больше не лед. Мои глаза не совсем привыкли к темноте, и я скорее чувствую, чем вижу, как плещется во взгляде расплавленный жаром подобного желания свинец. Сколько времени он не спит? Явно достаточно, чтобы возбудиться до предела. Сильнейшая эрекция тому подтверждение. Не успев сообразить, что делаю, подаюсь бедрами навстречу. Твою ж мать...

Юля, Юля! Стоп! Какой у тебя выбор? Ты связана его руками. Прижата его бесконтрольным желанием. Захвачена сладким ужасом предвкушения — но сама ты абсолютно ничего не решаешь. Решение погладить его шрам было самым большим из всех, что тебе надо было принять... Отпусти себя. И, положила руку на сердце, ответ — когда тебе в его руках было по-настоящему плохо?

У...ок. До одури желанный в этот момент у...ок. И пусть весь мир идет в лес.

Поцелуй железным хуком выбивает из меня остатки метаний и сомнений. Горячие губы не целуют. Они пьют мою капитуляцию... жадно... неистово...словно опасаясь, что я передумаю...

Его мысли и ощущения сейчас — ток в моих проводах. Движение неопознанной цели на моих радарах. Прочсть их ничего не стоит, но логическая сторона мозга спит. Она не готова воспользоваться даже слабостью противника... Потому что началось безумное перемирие.

Только противник не намерен засыпать. Контроль над ситуацией — все, что ему нужно в этой жизни. В другой ситуации, мне бы стало его жаль.

Глаза привыкают к темноте. Психологическое возбуждение захлестывает с головой, когда я вижу его офигевший взгляд.

— Ты улыбаешься!

Знаю. Тебе нравится, когда я плачу. Только ты просчитался. Топить себя в омуте депрессии я сегодня не хочу. Ощущение власти. Над ним... над ситуацией в целом. Он может снова надеть на меня цепи и согнуть в коленопреклоненную позу, и я все равно останусь выше. Это осознание кружит голову. Ничего во мне не сломалось под его давлением за это время. Сейчас стыдно за недавние мысли. Какие там скифские амазонки... Кровь монголов-завоевателей сильна как никогда. Чтобы перехватить власть, мне даже не нужно махать наручниками. Удерживая его взгляд — дезориентированный, по-идиотски счастливый и недоверчивый, — медленно провожу язычком по губам.

— Нарываешься!

— Ты меня отшлепаешь?

Глаза загораются. Нет. Сегодня ты свой арсенал забудешь. Я не допущу.

Мастерски держит лицо. Только глаза выдают... Да... Я проголодалась. Только твои кулинарные изыски тут ни при чем. Наношу контрольный в голову, выпивая флюиды его ничем не прикрытой радости.

— В рот — это обязательно завтрак?..

Выбор у него невелик. Или прямо сейчас в стиле "угнать за пять секунд" или, подобно Челентано, пойти поколоть дрова.

— В душ! У тебя 7 минут!

Хорошо, что не ползком... По-кошачьи выгибаю спинку, тянусь за полотенцем... Да нафиг мне это полотенце?!

— Марш в душ! И никакого мне там погрома...

Вряд ли сейчас акт вандализма в твоей ванной снимет с меня хоть часть сексуального напряжения.

Щелчок. Даже заливший комнату электрический свет не может ничего изменить. Он даже на руку. Склоняю голову, чтобы подарить ему тот самый взгляд, который он уже видел при нашем первом знакомстве, и на который рванул, словно Хищник на строптивую зебру.

— Слушаюсь, Хозяин! — так, только не смеяться... но сдерживать веселье все тяжелее.

— Вот. Не трудно же было?

Дорогой, я могу называть тебя хоть Эрагорном, королем Средиземья, мне действительно не трудно. Потому что я никогда серьезно к этому не относилась. Мы все заигрываем в этой жизни с кем-то, стремясь ухватить что-то для себя в первую очередь. Я сейчас хочу урвать серию крышесносных оргазмов, чтобы мои мозги встали на место. Я хочу доказать тебе, что управлять можешь не только ты. Твое удовольствие? Димочка, меня оно интересует в самую последнюю очередь.

Прикасаюсь к своему телу просто мучительно. Вот-вот сорвусь, направлю струю душа между ножек на отэпилированное женское естество и прекрасно обойдусь без тебя... Буду смотреть в потолок и делать вид, что плевать на твои ухищрения. Куда потом побежишь первым делом? За своей плеткой или на прием к психотерапевту, лечить комплекс неудавшегося альфа-самца?..

Ничего этого я не делаю... Понимаю — не поможет. Стоит только его увидеть, как желание вновь накроет с головой, не оставив выбора. Каждая клеточка тела горит. В глазах почти пламя. Они даже стали темнее... Или это отбрасывают тень почти оторванные норковые ресницы? Осторожно сжимаю едва заметные капельки крепления... чуть растираю подушечками пальцев из стороны в сторону... И они соскальзывают без труда, не задевая мои настоящие ресницы.

Взгляд меняется сразу. Глаза кажутся нереально большими... и темными. Так я выгляжу еще уязвимее. Но это не имеет больше никакого значения — главное, что я так себя не чувствую сейчас. Еще один барьер, и его оказалось так просто преодолеть!

Не успеваю выйти, — выход охраняется. Вдрагиваю от прикосновения горячих после финального аккорда ледяной воды рук, и чудом хватает выдержки, чтобы не разлететься на мириады осколков. Он понимает это по-своему. Ему так комфортнее. Это плюс триста очков к его возбуждению.

— Не бойся...

Я боюсь только одного. Что мои мысли материализовались, достигнув астрала, и сейчас его пронзит молния — прежде чем он успеет доставить мне удовольствие.

А потом весь мир и окружающие декорации летят в тартарары. Вместе с глубоким поцелуем, который глоток за глотком высасывает мою волю и недавнюю стервозность. Я на какой-то момент вообще забываю, как надо целоваться... И, по ходу, так и не вспоминаю. Сейчас я добровольно отдала ему всю власть над собой — но это не капитуляция. Это благосклонное позволение вознести меня к небесам.

Язык неистово бьется в унисон с пульсом, грудь накрывают теплые ладони, сжимая пальцами соски, которые ни на миг не переставали быть твердыми. Выгибаюсь, бесконтрольно перехватываю его запястье, чтобы направить нужным курсом... Как бы ни так. Миг — и мои руки заведены над головой, прижаты к шершавой стене. Он не собирается играть по моим правилам. Возмущение гаснет на губах, которые все еще сладко терзает его поцелуй. Первобытная энергия чистейшего вождения разгорается с пугающей силой, и я окончательно теряю возможность соображать... забываю о том, что это, по сути, моя маленькая месть, ничего больше. Непроизвольно сдвигаю ноги, жар между ними становится непереносимым — но его колено решительно вклинивается между ними, разводя в стороны. Быстрые пульсирующие удары в глубине влажных складок отнимают последние силы. Твою ж мать! Капелька жидкости стекает по внутренней стороне бедра. Со мной еще ни разу такого не случилось! Непроизвольно толкаюсь вперед, движимая лишь одним — ощутить поверхность его кожи и погасить это пламя одним соприкосновением, пока ноги еще удерживают меня. Поцелуй, словно в наказание за nepозволительное своеволие — глубже, яростнее, с легким прикусом верхней губы... Импульс от самой шикарной мимолетной боли взрывает сердце. Если бы не его руки, прижавшие мои запястья к стене, уже сползла бы на пол. Наверное, в этом поединке не выстоять. Он уже выиграл.

Безжалостные шипы декоративной штукатурки впиваются в кожу рук и в спину. Стоять больше не могу. Тело — сплошная оголенная минная сеть, нажми посильнее — и цепная реакция разметает всю мою вселенную за считанные секунды. Уже просто кричу. Пальцы, пробежавшись по нежной коже бедер изнутри, растирают свидетельство моего сумасшедшего желания... Я ощущаю его торжество. Видеть не могу, в глазах шикарная алая пелена. Миг — и эти пальцы внутри меня... безошибочно определяют точку G, но никакой стимуляции... Просто прикасаются и замирают, устанавливая свои стяги завоевания... Тело не желает с этим мириться! Собрав последние силы, толкаюсь вперед. Еще раз, и я получу долгожданный приз за все свои слезы и страхи...

Пальцы резко покидают мою текущую киску. Твою ж мать, думаю я, ощущая, как увлажняются глаза от чувства обиды и потери.

— Рано тебе пока.

Это милосердие и великодушие в чистом виде. Заставь он сейчас меня в обмен на желанную разрядку стать на колени и признать себя тем, кем всегда хотел меня видеть — я бы, не задумываясь, это сделала... И без дешевой актерской игры. В таком состоянии просто невозможно играть.

Все начинается сначала. Нежные поглаживания шеи, ключиц, груди, каждой по очереди — мои запястья все еще надежно удержаны в захвате над головой. Чертовски желанная медленная смерть, а тело больше не желает подчиняться никаким законам. Толкаюсь навстречу каждому прикосновению, провоцирующему мини-извержения эндофина... Его колено между моих раздвинутых ног не позволяет свести их вместе... Ощущаю, что уже не капельки, маленькие ручейки стекают по ногам... Я никогда не была так сильно возбуждена, как сейчас.

Он останавливается в шаге от моего оргазма. Я готова кончить от банального рукопожатия. Ноги подкашиваются, и я почти падаю, чего мне не намерены позволять. Комната переворачивается перед глазами вместе с пеленой тысячи оттенков алого, прикосновение шелка к голой коже обжигает сладким огнем. Я готова кричать. Готова расцарапать себе руки, чтобы поставить кровавую подпись принадлежности на любом договоре. Потерять контроль очень легко. Но он этого не просит. Даже не иронизирует. Наверное, я почти люблю его в этот момент за проявленное благородство.

Когда он прекращает терзать мое извивающееся на постели тело, в шаге от безумия, я уже перестаю принадлежать себе. И понимать, что именно он мне говорит. Просто киваю. Пофиг, на что я там подписалась, только избавь меня от этого сумасшествия!

Шелест фольги режет нервы. Б...дь. Я бы не заметила отсутствия в таком состоянии. Мне было абсолютно похрену. Ему все мало. Наверное, он никогда не удерживал в руках такой абсолютной власти, которую урвал сейчас. Дразнящие прикосновения головки к моему пылающему естеству... погружение на пару миллиметров... почти кричу, толкая бедра вперед, но ладонь властно прижимает, впечатывая в матрас. Сколько можно! Е...ный садист. Сколько еще пыток в твоём арсенале?! И что мне сделать, чтобы ты наконец перестал надо мной издеваться?

Он входит одним толчком до упора за секунду до того, как я открываю рот, чтобы начать его упрашивать... Или молиться на свершение этого чуда.

Нечто новое. Так меня еще никто и ни разу. Заботились только о себе? Знали, что я и так получу посредственное удовольствие?! Остановка. Толчок. Снова. Острые иглы чистого безумия разжигают сосредоточение удовольствия до вселенского взрыва. Алая пелена сжимается за секунду до сладкого апокалипсиса... Черная дыра. И она меня поглотит, не зажмурившись.

Он держит мои руки — и я царапаю шелк вместо кожи. Мой крик бьется о неприступные стены комнаты, в тот самый момент, как красный оттенок разгорается ослепляющим солнечным цветом, накрывая волной потрясающего оргазма.

Одновременно с ним.

...Мое дыхание едва успевает выровняться, как все начинается снова. Без перерыва на покурить или сбегать в душ. Безошибочный рейд по всем эрогенным точкам, большинство из которых открыто моим завоевателем сегодня. Протестующе шепчу, что нужен отдых, и я не смогу дважды за такой короткий промежуток времени...

— Сможешь, — властный тон, от которого вихрь алых лепестков вновь поднимается вверх, кружась пока еще в нежном и нестремительном танце. Горячие губы — я все же успела искушать их в ответ! — играют с восставшими сосками, которые, по моим ощущениям, сейчас дадут фору твердости алмазов. Пока есть небольшая передышка, стараюсь прогнать прочь чувство накрывшего сожаления за свое недавнее поведение... Мне нужно взять реванш за это безумие. Прямо сейчас... что... Ааа! В топку реванш.

Его язык, поиграв со штангой пирсинга, решительно устремляется вниз. Все! Я девочка. Я не хочу ничего решать. Я хочу оргазм в ошейнике! Снова. И не последний... Пока я не бьюсь в сладких судорогах объятий, ты — победитель.

Раздевай и властвуй...

После долгожданной разрядки мировоззрение меняет свою полярность с ужасающим цинизмом. Мне бы расслабиться в его сильных руках и отдаться этому чувству абсолютного полета выше всех граней — за один такой прыжок в рай можно позволить ему все... Принять

его правила... Признаться себе, что, пойдя я ему навстречу, плохо больше не будет никогда. Барьеры возвожу я сама. Ничего удивительного, что ранят их обломки, когда он сметает эти преграды... Но я не слабая. Послушание — не моя добродетель.

Ласково провожу кончиками пальцев по его щеке. Жмурится, как Элькин ориентал Макс при почесывании за большим ухом. Все они одинаковые. Планомерно. Неистово нежно, пока он не расслабляется, уверовав в искренность моего жеста. Дыхание становится затрудненным, но я при этом спокойна и решительна, как никогда. Подаюсь вперед, накрывая его губы неистовым поцелуем. Так не целуют первых встречных. Так целуют далеко не всех своих любовников. Даже мужей не всегда. Такой поцелуй — епархия любимых мужчин, он достается только им. С душевной отдачей и ощущением счастья, нет места коварным планам и корысти... Если в идеале.

Дима напрягается всего на несколько секунд, не веря в сигнал, который я заставляю считать по капле и сохранять на жесткий диск раздутого эго. Мои ладони, переместившись на затылок, сметают последние турникеты его сомнений, сейчас в них нежности больше, чем в сотне ладошек влюбленных женщин земли. Возможно, он уже готов забыть все и пойти мне навстречу... Так легко поверить. Так легко отступить от своих принципов. Но ни хрена не легко мне играть по незыблемым правилам.

Отстраняюсь, смазывающим движением ладони по щеке отталкивая его голову.

— Понравилось? А теперь забудь. Это то, что ты мог получить уже давно, если бы не пытался поставить меня на колени. Теперь ты этого не получишь даже во сне. Мне мерзко даже имитировать.

Я спокойно держу его взгляд, который застывает льдом за считанные секунды. Если его и задели мои слова, он не подает виду. Долгую минуту, может, даже больше. Правильно, заткнись. Этот раунд за мной. 1:0, милый.

— Мне понравилось, что ты сегодня смогла отпустить себя. Я рад, что тебе было хорошо. И мне нравится твоя улыбка. — Моргаю от его слов, ничего не понимая. Молча проглотишь мой смертельный удар?! Да, до абсолютной власти тебе, как...

Не успеваю додумать эпитет, как ледяная волна затапливает цветущее побережье моей торжествующей эйфории.

— Мне почти жаль тебя. Только кто тебе сказал, что то, что произошло между нами, как-то изменит твоё положение?..

1:1. Но меня не запугать. Вызывающе улыбаюсь в ответ, гася с первого раза предчувствие надвигающейся тьмы...

Вопрос, который не давал мне покоя... А зачем вообще стоп-слово сегодня? Или под утро ждет камера пыток?

...Я не знала, что такое возможно. Что на долгие часы я забуду о своем незавидном, униженном положении, и буду чувствовать себя почти счастливой. Отбросив стервозность — одной шпильки ему было достаточно, вычеркнув из памяти арктический лед его взгляда и ласковое обещание чего-то пугающего по окончанию нашего временного сексуального перемирия. Скарлетт ОХара дала поистине бесценный совет таким, как я. Завтра. Все завтра.

Был, конечно, момент, когда его слова пробили мое сознание, на миг вернув ужас ожидания. Почему я не могла промолчать?! Зачем намеренно била своими словами?! Нельзя было отключить мозг и заниматься любовью, а не этой фигней? Мне не стало легче от того, что я узнала. Ничего не меняет. Завтра для меня снова начнется кошмар. Может, проще было уверовать в иллюзию, что в эту ночь мы перейдем на иной уровень? Эти мысли отравляли мое наслаждение. Преждевременно джокер полетел на стол. Второй игрок всегда на сотню шагов впереди. Мои метания достигли пика аккурат под его нежные поцелуи перед вторжением. Паническая атака захлестнула яростным порывом ветра, когда я попыталась оттолкнуть его и вырваться из обманчиво-нежных объятий.

Как он понял, что именно со мной происходит? Это навсегда останется для меня загадкой. "Я чувствую тебя". Неужели это было правдой? Я была близка к новому приступу рыданий и отрицания происходящего. Блядский язык. Стоили эти пару секунд торжества последующего обвала горькой действительности? Они же не тронули его совершенно. Очередной повод, за который будут ломать и опускать как можно ниже. Что-то человеческое в нем еще оставалось, заставляя играть по правилам в случае моего благоразумия. Но мне словно некомфортно было с ним — адекватным. Нужно было получать подтверждение его ненормальности шаг за шагом... Но сегодня, за исключением своей многообещающей фразы о том, что это ничего не меняет, он ничем не подтверждал мои страхи наступления утра. Негрубо, решительно перехватил мои ладони, которые неловко пытались оттолкнуть, не причиняя никакой боли и скорее поглаживали, чем останавливали. У меня перехватило дыхание. Вовсе не от страха. Я чувствовала его взгляд, который не потеплел ни на градус, но в то же время согревал, а не пытался уничтожить холодом. А через сжатые запястья, в кровь постепенно просочился незримый транквилизатор, достиг мозга за короткие мгновения, принес с собой покой. Паническая атака сошла на нет, возвращая трон правления нокаутированному на миг желанию близости.

Я почувствовала себя уязвимой, но это не напугало. Наоборот, отозвалось острой потребностью спрятаться в его руках. Правда, все еще тряслась мелкой дрожью, накрытая его великолепным телом... Как ему удалось понять, что эта дрожь не имеет ничего общего с желанием?

— Юля.

Я слотнула, почти растроганная этой непонятно как установившейся связью. Может, именно это называют стокгольмским синдромом? Танец нервных клеток постепенно утихал. Согретая его теплом, я осознала с пугающей ясностью, что сейчас хочу лишь одного — чтобы ночь не кончалась. Чтобы замерло время, навсегда оставив меня в состоянии покоя и пусть мнимой, но безопасности, которая может с легкостью перерасти в страсть, и наоборот.

Положа руку на сердце — если бы все наши вынужденные отношения складывались только в таком ключе, при поцелуе не пришлось бы ничего играть и имитировать. Он бы получил это без всяких усилий со своей стороны, такую желанную инициативу. Потому что сегодня было очень много моментов, за которые я бы не только целовала его такими глубоко прочувствованными поцелуями. Следовало, наверное, извиниться... Но это означало одно. Признать свою капитуляцию. И разбиться при падении на сотни осколков, потому что я знала, что в его ответных словах как раз не было ни капли фальши. Он даже не мстил мне за демонстрацию протеста. Как бы ни повернулась сегодняшняя ночь, завтра все вернется на круги своя. Но, по крайней мере, это было Ches

— Юля, ничего не бойся, — его голос продолжал успокаивать, в то же время, не давая никаких надежд на то, что положение изменится. Уже за подобную честность ему можно было позволить многое. Уже потом я поняла, что он мог совместить последующие этапы моей ломки с сегодняшней ночью, и тогда бы я приняла это с более легким сердцем. Но он просто не хотел. Планомерно готовил последующий удар, прекрасно понимая, что возвел мою уязвимость в абсолют именно настоящим поведением. Дал мне возможность ощутить себя женщиной, а не сабой. Получить удовольствие в подобном состоянии. Расслабить и убедить в безопасности. Чтобы потом это было больнее... и наверняка.

Странно устроена психика. Я понимала и знала, что это петля на мою шею, которую он затянет уже вскоре с безжалостным спокойствием. Что даже легкого сжатия хватит, чтобы свергнуть меня в пропасть. И ничего не изменить. Я могла сопротивляться, колоть его острыми шпильками невероятных обещаний или же признаваться, что люблю — и ничего из этого не повлияло бы на его решение, которое, я чувствовала, было принято задолго до этой ночи, призванной дать мне хоть каплю ощущения счастья перед кошмаром моего падения. Но вместе с осознанием этого мне так легко хотелось поверить его словам и успокаивающим обьятиям, что я в итоге и сделала. И тогда страсть черно-алого оттенка вновь поглотила сознание, не позволяя ему выскользнуть из цепких лап иллюзорности...

После очередного раунда изматывающих ласк тяжело было добраться до душа. Сознание плясало джигу, а тело хотело еще и побольше. Может, не оформившаяся надежда на то, что, покажи я ему идеальную любовницу, вся эта хрень с наручниками и стоянием на коленях потеряет свое значение? Но я больше не могла заниматься никаким психоанализом на тот момент. Он реально, в прямом смысле этого слова, вытрахал из меня все гены Зигмунда Фрейда, а ночь еще даже не закончилась!

Будь на то моя воля — я бы отменила перерыв на перекусить совсем. Но моя воля тут никогда не имела равным счетом никакого значения. Хозяин истратил все свои силы, ему нужно их восполнить. А то дрогнет рука, наматывая волосы понравившейся самки на кулак, подкосятся ноги в попытке дотащить ее до пещеры, а на поднять хлыст сил вообще не останется. Наверное, мне оставалось только обрадоваться тому, что никогда мой мучитель не требовал моих выкрутасов у кухонной плиты. Даже сейчас.

На жестком полу было очень неудобно. Я смирилась с этой участью. Не слишком большая цена за ошеломительное, такое желанное и оберегающее, придающее уверенность, прикосновение... Шелковой ткани его рубашки к коже. Сегодня девочка была великолепна. Заслужила почти платице.

Эту комнату я раньше не видела, мне так и не провели обещанной экскурсии по загородной вилле, ставшей тюрьмой. Типично мужской рабочий кабинет, темные панели дерева, дорогой минимализм, выдающий изысканный вкус его хозяина. Меня стало дергать

на этом слове. Мирозозрение пошатнулось давно и неотвратимо.

Пока я приходила в себя в душе, Дима успел сервировать подобие столика, просто хаотично сгрузив документы на кожаный диван. Сама я еле передвигалась, ему пришлось придерживать меня за плечи, чтобы не упала. Мне не позволили даже закрутить на груди полотенце. Ломка уязвимостью не прекращалась ни на секунду. Еще четверть часа назад нас уравнивали в правах отсутствие одежды и пожар бесконтрольного вожделения. Теперь все снова изменилось, напоминая о моей роли. Всего лишь наличие джинсов на нем. Даже с расстегнутой пуговицей. Тогда первые звоночки тревоги прозвенели с такой оглушающей четкостью, что остановили поток беспричинных слез. Я ощутила себя проигравшей и надломленной, как никогда прежде. На контрасте с тем, что произошло недавно, меня могло согнуть в рыданиях от одного грубого слова. Понимал ли он, что со мной творилось в этот момент? Однозначно. Щадил своими дальнейшими поступками, или же плел жемчужную паутину мнимой безопасности, чтобы уже завтра нанести удар, который мне не удержать?

— Заведи руки назад, — это было похоже на просьбу, но я уже знала, что лучше на все его слова реагировать, как на приказы. Я могла сопротивляться, отрицать его власть, отстаивать свою независимость сколько угодно, но почему-то в последнее время только беспрекословно подчинялась. Этот раз не стал исключением. Я покорно свела запястья вместе за спиной, сглотнув, чтобы прогнать непрошенные слезы. Вот и все. Помни свое место, саба, и ни на миг не забывай, кто ты здесь. И попробуй полюбить свои оковы, чтобы не плакать каждый раз, когда он будет это делать. Потому что это совсем не больно и не страшно в отличие от того, что тебе наверняка приготовили в будущем.

Холодная сталь не спешила сжимать мои запястья. Вместо этого я ощутила прикосновение чего-то, похожего на шелк или атлас. Ленты? Какая к черту разница, чем именно хотят ограничить мою свободу. Его раздраженно-покровительственный вздох едва не заставил меня подпрыгнуть на месте. Я недоуменно обернулась. Черная рубашка. Мне всего лишь предлагалось продеть руки в рукава. А совсем не то, что я успела себе надумать. Проигнорировав чье-то остроумное высказывание "мужская рубашка на девушке — как флаг на завоеванной крепости", я поспешно нырнула в защиту черного шелка, словно опасаясь, что ее тут же отнимут. Пальцы не сразу справились с мелкими пуговицами... Я разучилась делать даже это. Зато когда ласковая ткань прикрыла всю мою уязвимость до середины бедра, я испытала восторг и ощущение неудобства одновременно. Восторг — от того, что при покорении последней пуговицы у меня непроизвольно выровнялась осанка и распрямились плечи. Неудобство — я катастрофически отвыкла от одежды за столь короткое время, наполненное шокирующими событиями, что потеряла счет дням. Сознание спешило сыграть согласно установленным правилам. "Поблагодари его! Скажи ему спасибо!" Иногда оно подсказывает дельные вещи. Обернулась, готовая произнести эти слова, и тут мой взгляд упал на кресло за его спиной.

Когда?! Вашу мать, когда я перестану верить в сказку про охренительно доброго принца?! Учел свои ошибки, значит. Металл бьет больно. Вон, красноречивые свидетельства на виске и ключице. Да и руки секс-рабыни растирает в кровь, нам этого не надо. Должна всегда выглядеть так, что хоть вечером на подиум. Кожаные браслеты вам в помощь. В тот момент меня вдруг резко разозлила собственная слезливость. И я почти с вызовом посмотрела ему в глаза, протягивая руки. Никакой благодарности не будет. Моя благодарность — то, что я не смогла тебя грохнуть. Точка. Аттракцион щедрости на сегодня не закончился. Его брови поползли вверх, но тут мое меткое попадание дало о себе знать. Я

испытала острое удовлетворение, увидев, как в его глазах быстрой вспышкой полыхнула боль. ЕС сегодня решил прикинуться добрым и хорошим до конца. Для меня осталось загадкой, собирался ли он использовать новые наручники, или же просто оставил их лежать в кресле негласным напоминанием.

Осторожно сдвинув документы в сторону, я присела на диван, вздрогнув от прикосновения прохладной кожи к моей гладковыбритой киске. Длины рубашки явно не хватало, чтобы пресечь волнующий контакт. Твою ж мать. Еще слови оргазм от ерзания на диване. Чтобы отвлечься, я пристально наблюдала, как штопор с глухим хлопком откупоривает бутылку с вином. Как льется по стенкам бокалов жидкость цвета темной крови. Есть мне не хотелось вообще, но от алкоголя, пожалуй, я бы не отказалась.

— Ты слишком далеко, — не поднимая глаз, хмуро бросил Дима. Я истолковала это по-своему.

— Я думала о своей семье... Понимаешь, я никогда не исчезала так надолго... Они уже забили тревогу... Ты воюешь со мной. Мать и отчим не причем...

— Вообще-то, мне не нравится, что ты так далеко села, — проигнорировав все намеки, пояснил Дима. — И как ты это сделала. Подойди.

У меня не было другого выбора. Сопротивляться в подобных мелочах — глупо и недальновидно. Замерла у столика, ожидая дальнейших распоряжений. Он отставил бутылку, и, все так же, не поднимая глаз, указал на пол.

— На пол у моих ног.

— Там холодно!

— Я дал тебе, чем согреться. Предпочитаешь ее лишиться?

Да, погорячилась я с диагнозом внезапной человечности. Сглотнула мерзкий ком в горле, перекрывший кислород. Кнут и пряник. В подобной интерпретации — кнут в зубы, и пряником. Вопрос "почему" замер на моих губах. Я уже понимала, что услышу в ответ то, что пробьет мою и без того шаткую оборону. Гребаная уязвимость... Впрочем, именно так согласно его плану, я и должна была себя чувствовать. Стиснув зубы, я осторожно, чтобы не вызвать резкую боль в коленях, сползла по спинке офисного стула на паркет.

— Не нужно, — немного обеспокоенно поспешил сказать Дима, когда я неловко попыталась встать в гребаную позу покорности. Подавись своей милостью. Я вытянула ноги, ощутив немного вспухшими от изматывающего секс-марафона нижними губками лакированную поверхность паркета. Когда тут мыли пол, вашу мать? Попытка натянуть подол рубашки, в конце концов, увенчалась успехом. Вот она, мечта всех ему подобных неадекватов со времен трухлявой древности. Правитель на троне, женщина у его ног. Только заплакать сейчас от подобной несправедливости мне для полного счастья не хватало...

Меня беспокоила подобная мнительность. Я вообще стала слишком часто плакать в его компании. Неужели я начинаю терять себя прежнюю?! Неужели процесс уничтожения воли уже запущен и так необратим?! Нет больше холодного цинизма и ледяного расчета. Я маленькая заблудившаяся девочка, которой предначертан этот бег по острию ножа, а сойти с дистанции нет никакой возможности. Его пальцы ласковым движением обвели мои губы, но вместе с тянущими ростками сладости внизу живота я вновь ощутила, как сжалось горло. Он же мог быть нормальным, когда сам этого хотел!!! Он мог получить сейчас от меня очень многое, если бы не продолжал гнуть свою линию и всякими мелкими действиями подчеркивать мое униженное положение. Я помнила, как легко было с ним говорить, все равно о чем. Политика, повышение цен, кино, музыка или культура. Как легко слетали слова

с моих губ в такие редкие моменты покоя, когда я не чувствовала этого подчеркнутого превосходства, когда его руки обнимали меня не захватом собственника, а нежным объятием единения. Мы словно настраивались на одну волну в такие моменты. Редкие и забытые. Сейчас, по ходу, это в далеком прошлом... Ему ничего не стоило в моменты этого шаткого перемирия усадить меня не у своих ног на жесткий пол, а как минимум к себе на руки. Сегодня очень благоприятная ночь для таких отступлений, негласный договор о ненападении. Пусть завтра это не будет ничего значить, пусть... Я бы и не вспомнила об этой слабости...

— Открой рот.

Я тряхнула головой, уставившись на половинку персика в его ладони.

— Ты собрался кормить меня с рук?

— У тебя с этим какие-то трудности?

Не с этим. С тобой. Или мне полагалось радоваться, что не из миски?

— Я не голодна. И сама могу удержать в руке.

— Я тебя не спрашивал.

От обиды и возвращения его прежнего я едва не задохнулась. Эта гребаная беззащитность вскоре доконает меня окончательно. Первые ростки обреченной усталости уже тревожными звончками звенели в моей голове. Так и должно было быть. Понять, что мне никогда его не переиграть, как бы ни пыталась. То ли ради экономии сил, то ли просто от безысходности, я откусила кусочек сочного персика. Не такое серьезное требование, черт с ним.

— Умничка, Юля.

Его рука переместилась на мой затылок, уже привычным жестом оттянув волосы вниз. Теперь я могла видеть его глаза. Сейчас не было в них ничего из того, что так пугало меня прежде. Холодное стекло бокала коснулось моих губ, и я жадно втянула кислотоватое вино с легким освежающим букетом. Сперва неуверенно, потом жадно, до капли. Алкоголь — тоже хороший вариант побега от своих внутренних противоречий. Капелька побежала вниз, на подбородок, и он ловко снял ее пальцами, завершающим аккордом растирая по губам. Я видела его глаза очень близко. Сейчас мне действительно ничего не угрожало. Казалось, что он смотрел на меня лишь с одной целью — успокоить и заставить поверить в собственную адекватность. Обида, пока без ярости и безумных планов, не желала уходить никуда.

— О чем ты все время думаешь? — его голос, словно обволакивал.

Только я не поддалась на эту ласковую провокацию. Залезть в душу и оставить там руины — он хотел всего и сразу.

— О своей семье. Прошу, разреши мне позвонить. По скайпу. Или хотя бы написать... Ты будешь рядом, чтобы контролировать все, что я им скажу... Я обещаю, что ничего лишнего не прозвучит, — не получилось у меня сказать это все с арийским хладнокровием. Голос предательски дрожал, а от униженной просьбы снова сдавило горло. — Я обещаю... Я же ничего не могу изменить, а пугать их криками, что меня похитили или давать какие-то знаки... У матери сердце слабое... А Настя, вообще поколение "Сумерек" и "Дневников вампира"... Ни хрена не поймет...

Держать его взгляд стало невыносимо, и я закрыла глаза. Голос срывался. Он не должен понять, что я близка к тому, чтобы банально расплакаться. Потому что это будет его очередной звездный час. Молчание показалось бесконечным. Я непроизвольно поддалась вперед, прикоснувшись щекой к его колену, словно давая некую взятку, для принятия

выгодного для меня решения.

— Сейчас, боюсь, ты их обеих разбудишь. Глубокая ночь. — Дима провел ладонью по моим волосам. — Я не хочу, чтобы ты переживала. Завтра что-то придумаю.

Я не осознавала, как сильно мне не доставало в последнее время его человечности. Но этого было ничтожно мало для того, чтобы забыть все, что он со мной делал.

— Меня все еще ищут? Когда я смогу вернуться?

— Мне жаль. Но ты своим исчезновением их конкретно взбесила. В Харьков нельзя пока. Домой... Я очень надеюсь, что они не узнали о твоей семье, но там лучше не показываться как минимум неделю. Я контролирую этот вопрос. Как только утрясется, сможешь вернуться, куда захочешь.

Спаситель. Гребаный Архангел. Который пальцем бы не пошевелил, откажись я принимать его жестокие игры... Юлька, только не плачь. Не при нем. Когда будешь одна, сколько влезет. Не доставляй ему такого удовольствия...

Две сущности вступили в жестокий поединок. Они одерживают верх внутри меня, не оставляя выбора. Прежде чем понять, что делаю, я поудобнее устраиваю свою голову на его бедре, поджав колени. Не совсем удобно. Приходится обхватить его ноги руками, чтобы не завалиться набок. Гребаная дрожь, она не отпускает. Если бы я разревелась, стало б легче. Отчаяние толкает на непонятные поступки. Мне бы молчать, но он ловко разносит эти желания, заставляя вступить в диалог, и я не понимаю, где правда, а где ложь в моих ответах.

— Ты решила покориться?

Будем бить прямо в цель на поражение, прикинувшись внимательным и отзывчивым собеседником. Что тебе ответить? Наверное, только правду. Сил соврать, у меня нет.

— Ты слишком сильный.

Почти слышу, как тараканы в его голове начинают вечеринку в честь своей значимости, и звучит тяжелый металл. Мне все равно. Вряд ли я сказала то, чего он сам не знает. Закрываю глаза. В обреченности тоже есть что-то от запретного извращенного удовольствия. И в роли загнанной жертвы есть свой изысканный привкус.

— Юля, я рад, что ты, наконец, это поняла. Я могу рассчитывать на благоразумие?

— Я постараюсь. Иначе просто ничего не получится.

— Моя девочка устала сражаться? Еще не сейчас. Пройдет немного времени, и ты спросишь себя — зачем столько душевных метаний, если признание принесло покой и удовольствие?

А потом я режу его сознание пугающим ассоциативным рядом. Не задаваясь этой целью совсем, не понимая, что эти слова удержат меня на пороге неминуемого падения... Мной был выигран еще день. Но лучше бы я проиграла сейчас. Потому что он бы принял мою капитуляцию, не ломая полностью... Гребаная уязвимость все решила за меня. В какой-то степени он сам это спровоцировал, своими словами.

— Я не понимаю, чего ты так боишься... ты ведь знаешь, что все твои страдания прекратятся, сделай ты этот шаг. У меня хватит опыта провести тебя по этой линии, не разрушив твою личность...

Его ладони не перестают меня гладить. Волосы. Скулы. Губы. Плечи. Чтобы не разреветься, улыбаюсь, как идиотка.

— Такие сильные руки... Из таких не вырваться... И ты знаешь, как... Мне действительно, ничего не угрожает... Это же правильно, наверное? Мне бы остановиться... но я не осознаю, что бью его своими словами. Просто говорю о том, что думаю. Нам всегда

было, о чем поговорить... Если бы я сейчас не закрылась в своем мире, где рушились стены моей гордости, весь кошмар бы прекратился, не начавшись...

— Я действительно была не права. Ты старше. И мудрее. Ты знаешь, что делаешь... А представляешь, пройдет время, и вырастет твоя дочь... И у нее будет не только твоя улыбка... А еще и твой взгляд на некоторые вещи. И однажды она тоже поверит, что взрослый мужчина знает, как правильно... Хорошо, если сама, без давления... А если даже и под прессингом... Руки сильные. И он слишком сильный. Не вырваться... И может, даже сильнее ее отца, будь то положение в обществе или финансовая вседозволенность...

О том, что мои слова поражают цель, я даже не догадываюсь. Лишь ощущаю, как становится резко холодно в комнате. Как замирает его ласкающая рука на моих волосах. Мне все равно. Я в шаге от пропасти. И только чудом он меня не толкает туда.

Благородство? Сочувствие? Сопереживание? Кажется, это так и выглядит со стороны... О том, что это месть за мои слова я пойму только следующей ночью.

Сейчас мое приземление на дно пропасти будет мягким. Это не в его интересах. Я должна упасть на острые грани его безумного эго, поранив себя при падении до оглушающей боли. А над этим нужно поработать, еще совсем чуть-чуть...

Когда он поднимает меня на руки, я доверчиво обхватываю его шею. Что-то есть в его словах. Смириться и не отравлять дальнейшее существование ядом ужаса и отчаяния. Сейчас мне спокойно. Негласное перемирие не окончено. Я наивно полагаю, что мой Ангел-Хранитель не спит, тогда как он предоставил меня самой себе в эту ночь... Кто его знает. Умчался на пати в рай, понадеявшись на мое благоразумие... И ведь не просчитался, я, когда произнесла роковые слова, не принадлежала сама себе... И даже не думала, что подписываю себе более суровый приговор. По сути, я даже не знала, какую боль причинила Диме своими словами. Уже потом, спустя дохрена времени, я осознала...

Я простила своему мучителю все. Почти с легким сердцем. Все, кроме одного. Того, что он отложил мое уничтожение на следующий день. Того, что проявил гребаное благородство, не защелкнув ошейник в тот же миг. В тот самый миг, когда я могла пережить изменение сознания с более легким сердцем. Принять его власть с беспечной легкостью. И, возможно, успокоиться окончательно, чтобы найти в этом подобие счастья...

Он не сделал. Он отложил приговор. Слишком легко — не интересно. В ту ночь мы занимались любовью до самого рассвета. Как у него хватило сил не растерзать меня физически за мои слова, осталось загадкой. Наверное, все его ходы были просчитаны наперед уже тогда. В его руках я забыла о многом. Просто выжимала до последней капли в погоне за самым нереальным удовольствием. Множественные оргазмы выбили из головы все ненужные мысли. Возможно, это сексуальное перемирие затянулось бы и на следующий день, если бы усталость не взяла свое, и я б так и не уснула, ощущая его внутри, не разжимая объятий, впервые счастливая от отсутствия каких-либо мыслей. Засыпая, я с трудом разбирала его успокаивающие слова. Часть из них я вспомнила лишь на следующий день.

— Если страшно... Вспомни. Главное не кнут. А руки, которые его держат. Они никогда не причинят тебе вреда. Будет очень тяжело... поэтому набирайся сил.

Я полусонно кивала, соглашаясь со всем вышесказанным. И очень хорошо, что не дослушала эту речь до конца, уплыв в царство Морфея за короткие доли секунды...

Дима

Мне удалось уснуть только после Юльки. Десять минут борьбы со сном, чтобы убедиться, что ее не разбудишь даже в случае падения астероида, и неизвестный отрезок

времени, (полчаса? больше?) чтобы добраться до своей комнаты. Уснуть с ней рядом было сейчас подобно самоубийству. Трудно сказать, почему. Наверное, все дело во взгляде, который я успел перехватить несколько раз за эту ночь. Отчаянный и хладнокровно оценивающий одновременно. Никогда мне не понять, что движет ею, когда мы вместе. Она закрыта от меня звуко- и светонепроницаемой стеной, которую не в силах разрушить поэтапное и осторожное изменение сознания. Девочка сама не догадывалась, насколько сильной оказалась, осмелившись изначально противостоять мне в поединке, обреченном на провал. Как ни крути, меньше всего я рассчитывал на такую затянувшуюся конфронтацию, наивно полагая, что мы обо всем договорились. Неужели у нее не хватает благоразумия принять столь очевидные вещи?

Эта ответная игра вызывала замешательство. В случае соблюдения правил с ее стороны я знал, что следует делать, чтобы минимизировать негативные последствия от принятия несвойственной роли и не нанести моральную травму. В свете же последних событий изначальная программа отказывалась работать, я находился в растерянности, не понимая, что же дальше... я снова врал себе. Это уже становилось привычкой, самообман, который держал в шаге от пропасти. Дальше — вторжение на неизведанные территории. Игра вслепую. Чаша весов слепой Фемиды. Остановиться или сделать шаг, дожать до основания, получить желаемое любой ценой. Так далеко я не заходил даже в своих фантазиях. Фантазировать проще. В них все складывается лишь по твоим законам. Все, даже чужая психология подстраивается под твои Хочу. В итоге все остались довольны и счастливы. Вне фантазий... Имею ли я право ломать другого человека в угоду своим желаниям? Вслепую, наобум, не имея понятия, что с ней произойдет после этого? Ответственность. Безопасность. Разумность. На Добровольность рассчитывать не приходилось...

К черту сон. Крепкий кофе, и проблема решена. Это тупик. Будь я хорошим человеком — он бы стал финальным. Но я давно потерял ту человечность, что приводит к саморазрушающему альтруизму. Так далеко, как я собирался зайти, ранее заходить не приходилось. Территория избранных, у которых хватит ответственности и самоконтроля не уничтожить подчиненного партнера в ходе жестоких игр. Только сколько ошибок в свое время сделала избранная элита? Та же ледяная Ника. Тот же мой Наставник. И то, что я никогда не узнаю об их ошибках на пути становления, вовсе не значит, что таковых не было.

Обжигающий коньяк. 50 грамм для восстановления сил хватит. Мы вымотали друг друга этой нескончаемой ночью. Никто не победил и не проиграл в этом сладком противостоянии. Ее улыбка, ее блеск в глазах, который я бы никогда не хотел гасить, шаткое доверие редкими проблесками. Почему я не мог остановиться именно на этом? Ее улыбка убивала меня прежнего. Наверное, девчонка сама не осознавала, как легко могла бы управлять мной с помощью собственных искренних эмоций. Игра давно перестала быть игрой. Вмешалась высшая сила. Та самая, воспетая лириками и разобранная по косточкам в сонетах всех времен и народов. Которую стандартно окрашивают в розовый цвет, предпочитая молчать об обратной стороне луны, где царит вечный мрак. И она не была похожа на всю эту лапшу в пользу черт знает кого. Она иссушала, разрушая изнутри, ломая устоявшийся уклад, чем бесила невероятно. Я упустил момент, когда подпустил ее слишком близко, позволив прописать свой неумолимый сценарий, в котором не было места сожалению и сопереживанию. По сути, человечности в нем тоже не было по определению.

Горло согрело отрезвляющим теплом, но до невозможности захватывающие картины, не покидавшие мой мир с самого начала, вновь запустили свою безжалостную трансляцию —

когда я, словно на свет маяка в штормовую ночь, пошел на ее скрытый вызов. Можно было разбить свою шхуну об остроконечные выступы скал, неприступную стену, которую она возвела вокруг себя и к которой боялись приближаться очень многие. Но с самого начала я, не тратя время на поиск безопасной гавани, ломал эти шпильки, прокладывая путь к ее сознанию. Тогда казалось — дело нескольких месяцев, пока я не уничтожу ее оборону и не потеряю к ней интерес. Когда понял, что не потеряю никогда — было уже очень поздно. Потерять новую цель своего безумия — это было равносильно эмоциональному суициду. Марину я упустил по молодости, но с появлением Юльки в моей жизни перестал об этом переживать. Всему, свое время. Дети и Тема — грустная история.

Когда жизненные обстоятельства и человеческий фактор ставят тебе палки в колеса, выбор один: отступить в поиске более доступной цели, или приложить усилия, чтобы получить желаемое. Выражаясь языком Шоу — "Постарайся получить то, что любишь, иначе придется полюбить то, что получил". После злосчастного случая, стоившего мне Ибицы, японского автомобиля и первой крышесносной страсти, эта позиция стала моей религией. Она же помогла мне взять труднодоступные вершины с ледяным сердцем. С тех пор мало что мне не удавалось. Я бы мог сделать карьеру звезды юриспруденции сразу после выпуска — не было в сухой теории юридической Академии того, чего бы я не знал. Средства, на которые сокурсники покупали оценки, дипломы и право на прогулы, можно было спокойно пустить в оборот и приумножить. К третьему курсу я уже был обладателем акций трех прибыльных предприятий, на дивиденды мог позволить себе автомобиль, отдых на дорогих курортах и, по сути, даже должность в городском совете. Не будем брать в расчет отца — числиться в штатном списке и почивать на лаврах я бы просто не смог. Красный диплом, ни одной проплаченной отметки. Профессура сокрушалась, теряя самого толкового юриста и политика в моем лице. Но я уже четко знал, чем буду заниматься после отгремевшего в полностью бронированном отеле Шарм-эль-Шейха выпускного.

— Не самая удачная мысль, — изрек тогда отец.

— Мне нужна сеть. Минимум четыре, один-два — не вариант, — ответил я, небрежно кидая на стол отчет со сведенной суммой прибыли моих капиталовложений.

Скептицизм отца был понятен. Я тогда выглядел малость опустошенным после суточного сексуального марафона с местной светской львицей Аленой Гресс, которой не повезло в день отлета оказаться на соседнем кресле в самолете, а до того — перекраситься в жгучую брюнетку. Мимо такого я пройти точно не мог. Мне было наплевать даже на то, чем все сможет обернуться, заката эксцентричная дочурка медиамагнатов публичную истерику за то, что я с ней сотворил. Все оказалось до банальности примитивно — сперва визжала во всю глотку под легкими ударами ремня, потом восхитилась вкусом запретных удовольствий, с почти что требованием повторить, и как можно чаще. Была адресована на...на светский раут, в общем. Легкая дичь вызывала только одно желание: пристрелить, чтобы не мучилась.

— Сеть "Рестлинг Фит" прочно держит позиции. Чем ты собрался их обойти? — пытался держать марку до последнего отец, который любил спорт только по телевизору или в VIP-ложе стадионов, где заключались в основном сделки. — Убрать их с арены за год вряд ли выйдет.

— Не надо никого убирать.

Обычное дело. Бизнес помешал, стал поперек дороги — в небытие конкурентов. Если их клиентура за пару лет не станет моей — я нихрена не соображаю в бизнесе.

— С чего ты намерен начать, мне интересно...

— Гугл мне в помощь, — ответил я, чем взорвал отцовский мозг окончательно.

Три филиала фитнес-империи — большой риск. Но ради одного не стоило и браться. Пока я не оборудовал все три зала по высшему разряду, не отобрал самый толковый персонал и не провел пиар-компанию — отказывал себе в праве даже на сон. Сообразив, что у меня начало получаться, отец без колебаний предоставил внушительный транш для совершенствования сети, вследствие чего удалось плавно захватить сегмент элитного уровня.

Случалось всякое. Даже попытка поджога со стороны, предположительно, конкурента, которого я играючи сместил со сцены. Я всегда помнил, что нет не решаемых проблем, есть только ситуации. Любая цель сдаётся рано или поздно, главное, найти подход. Методы — хороши все. Даже те, от которых потом тебя морально сгибает пополам, и которые спешишь впоследствии вытравить из памяти. Знала ли моя девочка, с кем собиралась вести свои игры? Недооценка противника — самая большая ошибка, которую только можно допустить. В этом не было ее вины. Я намеренно не раскрывал ей свою истинную сущность, а то, что не догадалась в силу молодости и отсутствия опыта — прискорбно, но не стоит того, чтобы я отказывался от своей цели.

Человеческий фактор — досадное недоразумение. Чувства делают нас слабыми. Никей была права в одном: я очень сильно ее жалел.

Ладонь сжала тонкое стекло бокала с такой силой, что я отбросил его прочь, прекрасно зная, что еще немного — и он превратится в осколки. Такое мы уже проходили. Пока я переживал о том, чтобы, подчиняя, не нанести ей излишней моральной травмы, Юлька уже начала потихоньку осознавать свою безнаказанность. Лупила словами, не думая о последствиях, на интуитивном уровне докопавшись до сути вспыхнувших во мне чувств. Зря она заговорила о детях. За плоть своей крови я бы вырвал сердце обидчика и зажарил на медленном огне. Нет, меня разозлило не это. В детальной визуализации сказанного ею у предполагаемой дочери были ее черты. Так просто и так логично, словно свершившийся факт. Дима, очнись. Какая она нахрен мать твоих детей. С таким характером она сама рано или поздно убьется нахрен, поставив потомство под удар... Или перегрызет глотку любому, кто посмеет обидеть, и пойдет к более неприступным вершинам ради лучшего будущего для своих детей?!

Вашу мать. Руки дрожали, когда я решительно закрыл коньяк в баре. Хватит. Эту ситуацию не уничтожить банальным заливанием. Плюс я не имею ни малейшего права работать с Юлькой в состоянии алкогольного опьянения. Она и трезвого доведет в одно касание.

Кровь полыхала в висках, усиливая боль от травмы — таблетка после коньяка не лучший вариант, но я стойко проглотил ее, не запивая, и из последних сил закрыл на замок каскад ненужных мыслей о том, что делаю все неправильно. Одно я знал точно: в таком состоянии, как сейчас, я не имею ни малейшего морального права кантовать ее дальше. Потому что могу, и потому что бороться с этим желанием становилось все труднее. Выход был только один. Весь арсенал подчинения находился на своем месте. Логично, где ему еще быть. Взгляд сразу выхватил тот самый бриллиант моей коллекции от Шороха. Одного его было достаточно, чтобы выбить из строптивой сабы желание не только противиться неизбежному, но и даже открывать рот без соответствующего приказа. Он мог расписать ее кожу в граффити красных полос — на час, не больше, такие следы сходят быстро. Мог вспороть эту кожу до капель крови. А мог не делать ничего, лишь отпечататься в сетчатке ее больших зеленых глаз Угрожающим предупреждением. Именно это и должно было произойти. И мне

потребуется все силы, чтобы не проделать с ней первые два пункта.

Взмах. Безошибочный захлест. Тренинги в епархии Анубиса не прошли даром. Обжигающая боль гасит изматывающую пульсацию виска, перетягивая акцент на спину. Кажется, что кожаная змейка прошла ее до кости и мышц, но на самом деле не рассекла даже верхний слой кожи. Этого мало. Ничтожно мало. Я должен ее спасти от себя самого. Рука бьет очень уверенно и легко. Кто сказал, что себе нельзя причинить сильную боль? Все можно. Просто не у всех хватит силы воли. Не кричу я лишь потому, что просто не умею этого делать. Чтобы взять на себя право причинять боль другим, надо самому пройти путь плети. Новая вспышка ледяного огня почти до сердца. Привкус крови во рту — сильно закусил губу. Это не повод остановиться. Вздох перед прыжком в свободный полет — град безошибочно четких ударов ложится на спину, вместе с тем принося ясность измотанному сознанию. Ты сильный, ты выдержишь. Ее ты так же точно просто не имеешь права. Устала кисть, дыхание сбивается, боль прогоняет безумие, возвращая мне себя прежнего. Ничего не бойся, моя девочка... Для тебя это не средство наказания теперь. Всего лишь атрибут моей власти...

Я догадываюсь с пугающей уверенностью, что она наверняка дергалась во сне во время этой беспощадной самоэкзекуции. Мы чувствуем друг друга с поражающей реалистичностью. Я обещал, что плохо ей никогда не будет. Спи, ничего не бойся.

Иногда после напряженного рабочего дня усталость в буквальном смысле слова валит с ног, и, сколько бы времени не было в запасе, выспаться все равно не удастся. Иное дело — приятная усталость. Даже если она высосала из тебя все соки и вытянула из глубин сознания недопустимые мысли, на восстановление хватит немногим больше пары часов. Мой день всегда начинается с закатом. Под покровом темноты очень легко срывать маску и не казаться правильным для окружающих. Исторически так сложилось — играем несвойственные роли в социуме при дневном свете, чтобы потом освободить себя настоящего. Ночные Хищники безжалостнее и опаснее. Хорошо, когда удается от них укрыться. Если же нет — то и выбора нет.

На улице нереальная жара, но в доме благодаря климат-контролю всегда приемлемая температура. Час изматывающей тренировки — это только поначалу кажется, что потом не сможешь поднять даже чашку кофе от переработки. На самом деле, после прилива сил можно сдвинуть горы и возвести на их месте свои Эмпайр Стейт Билдинг. Юлька просила позволить ей заниматься в зале. Черта с два. Нет особого желания гадать, который из блинов мне прилетит в голову первым. Какая бы ласковая и покладистая не была этой ночью, воинственная сущность не дремлет. Когда я лишу ее этого ненужного качества — тогда и обсудим.

С приготовлением обеда я сегодня заморачиваться особо не стал. Салат и шашлык на аэрогриле. Физические силы ей очень и очень понадобятся. А моральные я буду сегодня безжалостно устранять.

Она уже не спала. Со скучающим видом листала когда-то забытый здесь прошлогодний Mens Healths, и даже не вздрогнула, когда я вошел, ограничившись безучастным поворотом головы — на доли секунды, перед тем как вернуться к чтению. Вроде бы, обычная реакция, если забыть о ее неумном желании противостоять мне в мелочах. Непонятно почему, панцирь спокойной уверенности дал трещину от подобного игнорирующего поведения. Сам виноват. Не надо было оставлять на ней рубашку, которая скрыла тело, а вместе с ним, сознание, непроницаемым экзоскелетом. Расслабилась. В полной уверенности, что

изматывающий секс превратил нас в друзей до гроба. Просчиталась, милая. Видит бог, я не хотел, но ты конкретно офигела сейчас.

— Что пишут? — нейтрально осведомился я.

Текста там как раз было по минимуму. Вряд ли голый торс Дэвида Ганди можно назвать текстом. Сон восстановил ее куда сильнее, чем я предполагал. Исчезла скованность движений, страдальчески дрожащие губки и растерянная уязвимость взгляда. Ничего нового, с учетом того, то все девчонки после секса уверены, что парни будут сидеть у их ног. Парни — будут. Мужчина же выбьет с тебя эту дурь даже без помощи плеток. Презрительно скосила глаза.

— Пишут, как не быть мудаком.

— Дай-ка взглянуть. — ничего нового. Картинки с полуобнаженными мужскими телами. — Смотри, это называется "стероиды".

— Или — у него бицепс круче, и это не дает тебе покоя.

Да, шаг вперед, 10 назад. Ловлю этот дерзкий взгляд хозяйки положения. Поехали. Обратный отсчет. Выражение превосходства сметает растерянность. Потом — недоверие. И, наконец, страх. Забавно наблюдать эту пляску эмоций в ее широко распахнутых глазах — чем сильнее застывает льдом мой взгляд, чем неотвратимее сжимаются губы в линию властного превосходства, тем скорее уязвимость прогоняет напускную дерзость, сжимает гордо расправленные плечи, гасит улыбку, превращая ее обладательницу в то, чем я хочу ее видеть. Вот уже страх и сожаление за свои слова согревает мое эго своими теплыми лучами. Хочешь поставить человека на колени — заставь его испытать страх.

— Какого черта ты одета?

Губы приоткрываются в немом отчаянном крике. Но отвести взгляд у нее нет никакой возможности. Два зеленых озера заволакивает влажной пеленой, тогда как пальцы нерешительно начинают сражение с пуговицами. Наблюдать за ней в такие моменты — одно удовольствие.

— Сколько раз мне повторить тебе касательно обращения? Совсем от оргазмов мозги расплавились?

Прежняя уязвимость вернулась. Та самая, ломающая сознание, которая ночью не ускользнула от моего внимания. Очень близко к грани, эти непрощенные слезы, которые все тяжелее и тяжелее скрывать. Рубашка черной лужицей падает на кровать. Теперь все, как и должно быть.

— Сегодня вечером повоспитываю тебя немного. Ты, я погляжу, решила, что находишься здесь с целью получать удовольствие. Придется разрушить эту сладкую иллюзию.

Глаза вниз, на свои подрагивающие пальцы. Судорожный вздох. Ну, проси прощения, так сказать, сегодня ночью. Раз не догадалась сделать это прямо сейчас. Медленно подхожу к ней. В глазах больше не озера — океаны страха. Глупая, самого темного кошмара ты уже избежала, я взял его на себя. Отголоски этой боли все еще дают о себе знать при резких движениях. Почти с нежностью накручиваю ее влажные после душа волосы на свой кулак. Причинять ей боль не входит в мои намерения сейчас, но один неверный шаг, и от рывка посыпятся искры из глаз.

— Сколько ударов плетью тебе всыпать сегодня, чтобы ты уяснила, что к Господину на "ты" не обращаются?!

Очень быстро. И много времени не надо. Полустон-полувсхлип, попытка вырваться —

тяну за волосы вниз, теперь наверняка больно.

— Я не слышу!

— Простите.

Вот теперь равновесие восстановлено. Вернулись к истокам. Голос дрожит от едва сдерживаемых слез.

— Не надо... Ударов. Я буду послушной.

— Куда ты денешься. Ты будешь благодарить меня за каждый. Вслух.

От внезапно хлынувших из перепуганных глаз слез меня каким-то образом бьет в солнечное сплетение. Это как-то не совсем нормально. Слишком быстро. Слишком ничтожный повод для капитуляции. Разум понимает... что-то не так. В чем эта неправильность?

Разум понимает. Жажда власти и разгул внутренних демонов — не хочет ничего понимать. Досчитав до трех, почти заставляю себя разжать руку и перестать подавлять ее волю одним своим взглядом. Мне не нужно зеркало, я прекрасно знаю, каким он может быть. Сейчас несколько вариантов действия. Обнять, и пусть успокоится. Пусть рыдает на моем плече, пока не станет легче. Только этот вариант не подходит. Он опять отнесет нас на сто шагов назад. Второй — жестче. Гни свою линию, но раскрась ее в светлые тона, не отступая от курса.

— Вот что, девочка. Мне жаль, но только благими методами мы с тобой далеко не уедем. Это не моя блажь, я сутки пытался найти к тебе подход по-хорошему. Ты не виновата. Просто есть у некоторых людей такой склад характера — они не понимают по-человечески.

От этих слов ей еще страшнее. Ощущение власти и восторга грозит потерей контроля, и я ощутимо сжимаю ее грудь пальцами — даже не ради демонстрации власти, а чтобы прийти в себя, ощутив хаотичное биение ее загнанного сердечка.

— Важно, чтобы ты помнила. Я никогда не причиню вред твоему здоровью. За колени прости. С этим мы разберемся по возвращению в Харьков. Я не знаю, как дальше сложатся наши отношения, но от боли я тебя избавлю. Вечером — что бы ты не нарисовала себе в своем воображении — просто держи в своей хорошенькой головке тот факт, что я ни на миг не отпускаю контроль. Даже если тебе покажется, что мир вокруг тронулся, а я хочу выпить твою кровь. И старайся не задерживать дыхание. Я постараюсь за этим проследить, кислородное голодание может вызвать обморок, плюс еще твое волнение.

Она больше не может смотреть мне в глаза. Закрывает их, словно намереваясь остановить свои слезы. А меня разрывает от противоречивых желаний — просто прижать ее к себе и пообещать, что больно больше не будет... Или заставить испытать чуть ли не страх смерти, который будет, во-первых, гарантом успеха... А во-вторых, может довести ее до первого в жизни спейса. Маловероятно, грань очень тонкая — но кто сказал, что не стоит попытаться?

Она что-то говорит. Тихо, но я слышу ее очень хорошо. Физическая боль пугает? Девочка, не этой боли тебе надо бояться... Ты еще не знаешь, что в твоем состоянии ее нужно ждать, как избавления от своих страхов

— Я буду держать тебя за руку...

— Я...ты сам сказал... Красный. — чуть расслабилась под моими руками, вспомнив, что я давал ей право на стоп-слово. Да, абсолютно верно. Давал. Вчера. Сегодня оно утратило свою силу.

— Нет, Юля. Сегодня нет. Выход один. Смирись и постарайся получить удовольствие.

Спустя 15 минут я пытаюсь заставить ее поесть, но она отказывается от еды. Глупо и избито. По глазам вижу, чего именно она этим добивается — моих заверений в том, что я передумал, и этим вечером мы пойдем смотреть на звезды или говорить об искусстве. Нет, дорогая. Не надо давить на совесть и жалость. Если я тебе поддамся сейчас, в следующий раз будет вдвойне тяжелее. Убивать своего монстра каждый раз я не смогу.

Не обращая внимания на новый поток слез, надавливаю на ее плечи, пригибая к полу. Она даже плакать умудряется красиво. Очень красиво, и это сводит меня с ума. Я, похоже, уже знаю способ, как заставить ее делать то, что я хочу. Сейчас оцени мою якобы злость. Ремень рывком со шлеек. Дернулась, прикрыв рот, гася крик. Удастся с трудом. Я в этом скоро помогу тебе, кляп снимет эту дополнительную ответственность с твоих согнутых, под давлением моей власти, плечей. Не трясись так. Мне не нужны отметины на твоей коже, мне нужны твои руки. Наручники дают больше свободы, тогда как ремень соединяет запястья вместе. Туго. Ничего. Пятнадцать минут, моя девочка. С твоими сосудами за это время ничего не случится.

Вроде ласково, не грубо, но от испуга притихла, глотая слезы. Ты должна понять, что нельзя в мелочах злить человека, который сжимает в ладони твою волю. Один бросок — и ее не будет. Закрою на замок твою душу, и все. Игрушке воля ни к чему. Никогда не обладал даром внушать другому человеку свои мысли, но в этот раз каким-то образом удалось. Моя девочка притихла, не поднимая глаз, наверняка в душе проклиная себя за попытки дерзить и отказываться от еды. Есть аппетит или нет, я не знаю, но с моих рук ест без протеста.

— Ты же убьешь меня сегодня, — всхлипывая, произносит в пустоту, когда я собираюсь оставить ее одну, чтобы наконец-то разобраться с документами. До вечера времени море.

— Юля, прекрати нести херню. Обращение!

Вздогнула.

— Я прощаю вам, хозяин.

Непонятно, почему меня бесят ее слова. Может, потому, что в них нет фальши?

— Вот любите вы, девчонки, трагические позы и закатывание глаз! Высокопатетический слог звучит круче? Никогда не понимал.

Вот так. Я всегда безжалостно буду ломать твою защиту. Попытка не удалась... На арене искренность.

— Хозяин... я не хочу. Мне страшно.

Стоять. Дима, стой на месте, твою мать, иначе можешь смело становиться на колени рядом с ней. Молчу. Она не все сказала.

— Иногда... Интуиция говорит со мной. Произойдет что-то плохое... Я... Я сейчас смотрю вокруг, словно хочу это запомнить... Это не просто так...

Распутываю ремень на ее запястьях. Она даже не делает попытки их растереть. Мне от этого жутко. Пора сваливать. Ни черта не выйдет, если я сейчас кинусь ее утешать.

— Слушай меня внимательно. Вот бояться как раз не надо. Хотя у нижних с этим сложности. Советую принять как неизбежность. Так легче воспринимать...

...Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу. Неумолимый отсчет до неизбежно роковой ошибки начал свой планомерный бег.

Дима

Я часто задавал себе вопрос, могло ли все быть по-иному. И где находилась волшебная красная кнопка, на которую следовало жать, вдавливая в разветвления проводов, чтобы остановить собственное безумие в этот день. Что именно привело к неконтролируемой

ярости, определившей дальнейшую жестокость?

За два часа до пропасти. Так можно было охарактеризовать этот день. День, когда я осознал собственную слабость. Понял, что, не расставь все по своим местам сейчас, смысла в дальнейшем просто не будет. Что не я держал все это время в руке поводок ее ошейника. Держали меня. Управляли мной. Я бы простил ей все. Даже новый этап избиения наручниками. Но манипуляции простить оказалось выше моих сил.

Ничто этого не предвещало. Когда я вернулся в кабинет с намерением поработать, на душе было спокойно. На самом же деле, это была предпосылка к вечеру, который в корне изменит действительность — потому что я, сам об этом не догадываясь, выписал себе своеобразную индульгенцию на дальнейшие действия.

Боль в виске легко снималась таблетками. Именно поэтому я очень быстро разобрался с отчетами и скоординировал дальнейшие действия подчиненных. Положительная динамика роста прибыли. Предстоящие переговоры с филиалом американской компании, решившей подсадить сотрудников на здоровый образ жизни в сети моих спортзалов. И предстоящее открытие четвертого кита фитнес-империи. Ремонтные работы подошли к концу, поставку приобретенного в Германии оборудования обещали в сжатые сроки, можно было смело планировать открытие на конец осени. Разобравшись с текущими делами, я наконец-то открыл e-мэйл от Аллы. Помощница постаралась, подобрав 10 идеальных вариантов вместо запрашиваемых семи. Все помещения, как на подбор. Красная линия, отсутствие прямой конкуренции, высокий трафик посетителей и удобные транспортные развязки. Я мог этого не делать. Достаточно было того, что я ее спас. Не важно, что это была всего лишь голливудская постановка, она об этом никогда не узнает. Но то, что я собирался ей презентовать, развязывало мне руки и давало зеленый свет любым фантазиям. Типично женский бизнес. Магазин белья/ одежды имени себя любимой... А лучше салон красоты. Так проще. Пусть приобретенные с дипломом знания реализует на практике, мозги у нее хорошо работают. Все же лучше, чем зависать годами у копировального аппарата и таскать кофе самодурам-начальникам за плату штука гривен в месяц. Со вчерашними выпускниками редко церемонятся, если нет связей.

Тогда я ощущал себя героем. Щедрым спонсором. То, что эйфория была вызвана чем-то другим, я понял спустя время. Такой роскошный подарок развязал мне руки, которыми я, не дрогнув, выпустил из клетки своего зверя.

Мобильный высветил три входящих и одно смс от Анубиса. Волна ярости поднялась внутри, стоило прочесть текст... взгляд зацепился за фразу "исчезли одновременно". Твою ж мать. Не зря меня напряг тот факт, что он куда больше, чем следовало, осведомлен о ее жизни. Нет, гребаный наставник, можешь вешать лапшу кому угодно, мне все стало понятно еще тогда. Не от меня ты ее защитишь собрался. Бес в ребро или куда ниже ударил при виде ее длинных ног и пухлых губ, имей смелость говорить об этом прямо, а не рассуждать о высокодуховном! Твои игры больше не катят. Ты у себя в клубе разобраться не можешь, там оппозиция, не признающая пионерской добродетели, давно захватила власть. Твое учение не для наших реалий. Если бы я соблюдал все эти правила, задохнулся бы от скуки.

Кто тогда мог знать, что, спустя совсем немного времени, авторитет Наставника вновь поднимется в моих глазах на недостижимую высоту. Извечная дилемма, попытка ученика восстать против своего учителя. Энакин Скайвокер выбрал сторону Тьмы. Но совсем оказался не готов к последствиям размаха своих черных крыльев. И что, услышав в ответ на просьбу о помощи прямую угрозу, просто проглочу ее... ради безопасности дорогого мне

человека. Все это потом.

В верхнем ящике стола нашлись сигары. Гребаный Анубис. Его тень словно преследует меня, хотя прошел уже год с того вечера, когда мы встретились и целый вечер рублились в покер под коньяк и сигары. Он тогда приехал в компании своей новой сабы. Всегда восхищался его умением держать себя с ними подобным образом — он не относился к ним на людях иначе, как к добровольно сдавшимся в плен королевам. Мой собственный тематический голод на тот момент достиг критической отметки, и я едва не рычал, улавливая понятные избранным знаки — уязвимость и восхищение в ее глазах, мимолетные касания губами его руки, уважительное обращение. Аура единения окружала их ощутимым биополем. Мы благосклонно позволили единственной леди в нашей компании выиграть все партии. Если бы я знал, что звукоизоляции в доме не хватит заглушить ее счастливые крики, когда все отправились спать — свалил бы куда-нибудь. "И тебе повезет", — поняв мое состояние, пообещал утром Анубис, когда я сжал кулаки, заметив самую счастливую из улыбок на лице девушки, которую на ночь глядя подвергли порке семихвосткой. За покер — официальная версия. Наверное, уже тогда первые ростки протеста потянулись к свету — я возненавидел его за то, что он умел то, что никогда не сумею я.

Холодная ярость, клубок противоречий, борьба проснувшихся чувств и темных желаний... Но у меня не было сил отменить вечер. Сознание пыталось воззвать к доводам рассудка. Позже — обвинило во всем ее. Пока же холодная решимость, приправленная острым привкусом злости и отравленная проблесками человечности, захватывала свои позиции, выдавая себя нервной дрожью в пальцах. Точно так же сегодня дрожало ее тело, и я прекрасно понимал природу подобной реакции. Гордость и покорность рвали друг друга на куски в беспощадном поединке. Б..дь. Зачем я обманываю себя? Эйфория не может длиться вечно, если есть чувство вины. Когда я видел ее слезы, у меня вставал. А сознание било в темечко кувалдой с воплем "это неправильно!" Неправильность была едва уловима. Такие девчонки вообще редко плачут, предпочитая видеть слезы других... Но в последнее время эти самые слезы просто не высыхали в ее глазах. Сочувствие боролось с воспаленным эго. Но долго это продолжаться не могло. И сегодня все теплые чувства постепенно вытесняла холодная решимость. Она сама совершила ошибку.

Насладиться кофе на террасе мне грубо не позволили. Стук и грохот, я даже сперва не понял, где его источник. Да, ненадолго хватило твоей фальшивой покорности, девочка. Пошли испытания новой тактики?! Меня заипали твои попытки залезть мне в мозг и найти там что-то человеческое. Если бы я не пришел к ней в этот момент, а дождался вечера, всего этого можно было бы избежать. Впрочем, слишком много "если".

— Что это за, твою мать, бунт на корабле?! — меня уже потряхивало от злости, когда я распахнул дверь в ее комнату. От увиденной картины кровь в сосудах превратилась в жидкую лаву, а сердце пошло отбивать ритм по шкале Рихтера. — Какого хрена ты в рубашке?

Повышенным тоном ее напугать не удалось. Она сама была в подвешенном состоянии, под стать мне. Страх все же промелькнул в ее глазах, но на доли секунды.

— А вдруг, твою мать, мне стало плохо? С сердцем, к примеру? Или в вашем санатории это маловероятно?

Подойти, вклеить две ощутимые пощечины, чтобы заткнулась? Да я бы спас этим и ее, и себя! Черт его знает, почему я этого не сделал. Не из жалости. Отчасти, из любопытства.

— Тебе не терпится? — самоконтроль сработал. Предвкушая, как всыплю ей после

заката за прекрасно предоставленный повод, я опустил в кресло. — Не можешь дождаться вечера?

Юлька, прекрасная, злющая, с раскрасневшимися щеками и сверкающим взглядом — я до мельчайших подробностей запечатлел в памяти эту картину, сладкая волна пролетела по позвоночнику, унося с собой все метания и сомнения, никому не нужную человечность и противостояние разума и совести. Сердце словно застыло льдом в тот момент, и я отчетливо понял, что никакой пощады для нее теперь быть не может. Я ее уничтожу. Это последнее проявление характера и попытка манипулировать мной вызвала уже не ярость, а злорадную любознательность. Спящий зверь вышел на тропу войны. Но она пока об этом не догадывалась.

— Я хочу получить ответы на свои вопросы!

— Не ори, сучка.

— И ты мне ответишь!

— Что ж, давай попробуем. В детстве меня не роняли, я не мщу тебе за войну в Ираке, и да, я конченный психопат... на самом деле нет, но что тебя в этом разубеждать. Ответил? Биться головой об стенку прекращаешь?

Холодный тон на этот раз не подействовал. Прекратив мерить шагами комнату, Юлька уселась на кровать, со смесью страха и вызова удерживая мой взгляд. Наслаждайся, девочка. У тебя максимум десять минут перед тем, как я заставлю тебя рыдать на коленях. Игры в хорошего Доминанта закончились.

— Я хочу знать, когда, нахрен, это прекратится! И как далеко ты собираешься зайти! Я, конечно, благодарна тебе за спасение и все такое, но бля, давай я лучше куплю тебе столетнего вискаря по приезду и будем в расчете!

— Это будет продолжаться так долго, как этого захочу я. Как далеко я собираюсь зайти, ты узнаешь на своей шкуре.

Немое удивление. Конечно, мы ожидали другого. Что я сейчас начну гладить тебя по головке, плести хрень про то, как тебе будет хорошо... Не будет. Я сегодня разрушу твой прежний мир. Это не игра. И в этом только твоя вина. Наверное, это обещание у меня во взгляде. Игра не подчинилась ее правилам. Удивление, растерянность... И, наконец, вихрем огненных искр меня оплетает ее страх. Даже ужас. Наслаждаюсь этим. Пошло осознание, мысленные заламывания рук с воплем "что же я делаю" и "как перемотать запись назад". Первый этап надлома.

— На колени.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Мне не надо даже кричать. Или добавлять в слова властные нотки. Леденящая кровь ласка произношения бьет куда сильнее. У нее шок. Ступор. Мне не жаль ее ни грамма. Зашла со своими фишками на мужскую территорию — забудь о том, что ради тебя правила смягчатся. Они ужесточатся в десять раз.

— Юля, ты же прекрасно понимаешь, что если мне придется встать, ты этого просто не переживешь.

— Ты не осмелишься...

— Ты знаешь, как больно может бить кнут?

Повторять дважды не надо. В глазах паника и проблески недоверчивой надежды. Поздно, Юля. Ты сама подписала себе приговор. Мои мысли, похоже, передаются на расстоянии. Заставляют дергаться ее плечи. Сжимают тисками горло. Выбивают из

потайных закоулков души скорые слезы. И впервые мне не то, что не жаль, — эйфория захватывает полностью, открывая новые грани темной сущности. Прекрасно вижу, как убивает ее моя невозмутимость. Не каждый день ей говорят спокойным, вкрадчиво-ласковым тоном о том, что собираются сломать и подчинить воле своего извращенного желания. Прошло совсем немного времени, и мало что уже напоминает в ней ту самую дерзкую девчонку, на чей испытывающий, обжигающий взгляд я шагнул, словно в обрыв. И чья непокорность разбудила во мне этого Монстра.

Забавные метания. Потом, вроде как найден выход — на коленях просто расположение тела, можно проигнорировать унижительный подтекст... Поразительно, с какой легкостью я ее читаю. Как будто, убив в себе слабость, бонусом приобрел возможность улавливать чужие мысли и понимать язык произвольных жестов. Она прекрасно понимает, что в шаге от пропасти, и что очень скоро я ее туда толкну. Наверное, знала об этом с самого начала, но не хватило ума принять неизбежность сразу. Мне жаль... Это метафора, во мне нет ни капли жалости сейчас. Мне не жаль, и, если бы ты покорила в первый день, отбросив свои игры, сегодня страх бы тебя не коснулся.

— Можно мне спросить?

Похвально, девочка, только очень поздно. Мне нет смысла поощрять тебя за натянутое правильное поведение, на исходе вечера оно выработается у тебя без лишних усилий.

— Уверена, что ответ тебе понравится? — наклоняюсь, пытаюсь поймать взгляд. Не получается. Я его вряд ли теперь буду видеть часто. Когда она решается заговорить, голос дрожит. Маятник запущен.

— Я не понимаю, за что? Почему ты делаешь это со мной? Неужели я так сильно обидела тебя, что ты просто так... не дрогнув... ломаешь мою жизнь? Я сейчас не понимаю, как смогу с этим жить дальше! Ты же тоже не можешь этого не понимать!

Я молчал. Пусть говорит. Для меня ее отчаянные слова, предвещающие скорые слезы, были на тот момент самой сладкой музыкой.

— Я вообще далека от всего этого! Ты в своем мире можешь любую, без всякого принуждения. Я не понимаю, зачем нужно было меня спасти от них тогда ночью... Чем ты отличаешься от них, если делаешь то же самое?

В этот момент мне больше всего хотелось ее погладить. Но чисто в садистских целях, чтобы продавить до кровавых душевных слез. Пересилило любопытство — что же она еще мне скажет, и желание, чтобы все мои ответы дошли до нее, когда я устрою очередную бомбардировку сознания.

— Я не выдержу, Дима. Просто не смогу... — плечи охватывает скорее интуитивно уловимая мною дрожь, глаза в пол.

И эта дикая кошечка считанные минуты назад готова была вцепиться мне в глотку? Чудеса перевоплощения, да и только.

— Ты не дал мне времени... Ничего не объяснил... Каждый день я схожу с ума, не зная, чего ожидать. Сопротивляться тебе у меня уже не осталось сил, и в этом никогда не было смысла. Я просто не понимаю. Я же ничего не сделала, чтобы терпеть этот ад! Ты понятия не имеешь, как это больно!

Истерические нотки в голосе вызвали довольную улыбку. И хорошо, что она только, что усвоила правило насчет того, где должны быть ее глаза.

— Ну, начнем сначала, Юля. За что... Ты красивая и сексапильная, тебе этого достаточно? Не надо искать заумных поводов, все до смеха примитивно. Обида? Меня так

легко обидеть, по-твоему, или мы в первом классе? Дальше. Месть за то, что решила от меня свалить? Ты предсказуема. Вернулась бы по первому щелчку. Чем я отличаюсь от братвы... От той самой, которая пустила бы тебя по кругу не раз и не два, а потом бы спокойно зарыла в лесопосадке? Ответ себе сама, как по мне, тут даже комментировать нечего. Дальше. Сопrotивляться ты можешь, это твое неотъемлемое право. Можешь прямо сейчас. Я даже наказывать тебя за это не буду. Ты слабая. Детка, это мир мужчин, что ты можешь ему противопоставить? Я сегодня тебе продемонстрирую, что ты не решаешь в этой жизни ничего, пока находишься в моих руках. Можешь подергаться, конечно. Меня это заводит. Но поверь мне, что ты слова поперек не скажешь. Прикажу лизать мои туфли, и тебе придется. Прикажу сосать мой член до кровавых мозолей в горле, ты будешь это делать! И не говори, что не сможешь с этим жить. Будешь, потому что я так решил. Более того, на исходе нашего приятного медового месяца ты не сможешь жить без этого!

Один отчаянный взгляд, чтобы понять, что я не играю... Чтобы окончательно потерять остатки гордости, увидев мою улыбку при виде ее душевной боли... Бриллианты слез заливают щеки, в наступившей тишине я слышу, как они падают на паркет, те из них, что не упали на кожу согнутых в позе покорности ног. Волны чужого отчаяния сперва бьют под дых, вызывая желание немедленно снять их губами — но оно испаряется очень быстро, захлестывая уже цунами ментального семяизвержения. Почему ты снова пытаешься что-то сказать, эта тишина бесценна. Зачем ломать ее ненужными фразами, которые так же беспощадно разобьются о скалистое побережье абсолютной власти, которую тебе никогда не преодолеть?

— Это вышло из-под контроля... я же могу сразу по возвращению написать заявление... это насилие. Ничего больше... — ее голос срывается.

Даже угрожать мы разучились. Когда ты на коленях, ты уже не личность. Просто вещь, которой управляют с помощью невидимых сенсоров. Плечи сотрясают пока еще с трудом сдерживаемые рыдания. Тяжелый металл в студии. Зажигательный концерт фаната безумия в чистом виде.

— Хорошая попытка. Только против кого ты собралась играть, маленькая рабыня? Я вот сейчас в замешательстве. Сравниваю две калькуляции. Что же мне обойдется дешевле — купить прокуратуру, или организовать тебе пропажу без вести? Не на две недели, как мы договаривались, а на всю оставшуюся жизнь? Как тебе такой вариант? Формально, тебя не будет больше. Что меня остановит тогда? Ты спрашивала, зачем нижних превращают в подобие животных? А хочешь, по истечении пары лет, увидеть себя одним из таких питомцев? Тебя никто не спасет. Инсценировка твоей смерти и закрытый гроб. Не будут искать даже в моей квартире.

Последующие семь минут бесценны. Сладкие мгновения отчаянных рыданий окончательно добитой моими словами девочки. Каждая фраза прокручена на космической скорости, разобрана по составу, прошла фильтр осознания — я могу, и мало кто меня остановит. Я не произношу ни слова. Нет больше жалости и сочувствия. Есть бешеный восторг победителя. Он просто зашкаливает, уносит на недостижимую высоту. Беспokoит только одно. Лишь бы ничего с собой не сделала. Иначе я сам ее прибью за попытку лишить меня удовольствия этим вечером.

— Будешь благоразумной, или мне прикрутить тебя к кровати?

Она меня не слышит. Да, именно так и может показаться на первый взгляд, но я прочно залез ей под кожу, именно сейчас. Я точно знаю, что все она слышит, понимает и чувствует,

рыдания от душевной боли — спасительная ширма, которой можно прикрыться, чтобы избежать неудобных вопросов. Вздыхаю. Не ради какого-то эффекта, реально бесит ее молчание. Ответь и радуй мой слух дальше своими горькими рыданиями.

— Хорошо, Юля. Я не знаю, какую именно романтическую программу псевдосуицида ты сейчас рисуешь у себя в воображении, знай одно... Если я увижу, хотя бы попытку... Помнишь, как ты испугалась, когда увидела плетку в моих руках? Ты еще не видела трость. Так вот, я разукрашу тебя так, что ты неделю не сможешь ходить. И чтобы от излишней комфортабельности комнаты больше крыша не уезжала, посажу тебя на цепь в подвале. По всем законам жанра. Сравнишь потом, стояла наша светская беседа игр с собственной жизнью, или же нет.

Я знал, что она ничего с собой не сделает. Бойца в себе не задушить никакими жизненными нежданчиками. Мне нравилось пить ее боль и отчаяние. Мне впервые за долгое время до безумия нравилось быть самим собой. Она не посмела даже отшатнуться, когда я грубо сорвал с нее собственную рубашку, уже влажную от слез. Несмотря на сильное перевозбуждение, я не стал к ней прикасаться. Все вечером. Удовольствие должно дозреть. После этого я ушел, не сказав ей ни слова. И мне не надо было оставаться у двери, чтобы догадаться, что рыдания наконец-то прорвали барьеры измученного сознания аккуратно, с поворотом ключа.

Кнут — один из самых эффективных и, несомненно, самый опасный из ударных девайсов. Для физических воздействий кнут вообще требует самой серьезной технической подготовки и не рекомендуется начинающим. Я умел с ним обращаться не то, чтобы в совершенстве, но моих знаний хватало для того, чтобы не нанести травмы, и даже не причинить серьезной боли. Изначально я вообще не собирался этого с ней делать — психологическое доминирование приносило куда больше удовольствия, чем сухая физика. К тому же, данная модель, плетеный шедевр ослепительно черной кожи, этот непревзойденный аксессуар ломки самой строптивой воли часто применяют для использования исключительно в психологических или эстетических целях. Мне хотелось запечатлеть каждый кадр изменения ее взгляда, расширения зрачков и надрыва дыхания при одном его виде. От страха она будет согласна на все. Гвоздь программы вечера. Весь дополнительный арсенал, вместе с ним, небольшую бутылку ХО и бокал — в одном экземпляре, — я для усиления эффекта упаковал в кейс. Алкоголь в микроскопических дозах — это только моя привилегия. Позволю ли я ей сделать глоток, чтобы снять ужас предстоящей ночи, зависит исключительно от моего настроения.

Поворот ключа — с усиленным звуковым эффектом. Это было очень легко и умопомрачительно до феерической пульсации в висках — рвать струны ее нервов хромированными зажимами. Толкать в пропасть, за шаг над землей поднимая обратно. Любить и ломать то, что так люблю, до извержения огненной лавы отчаянной капитуляции.

Моя девочка сегодня такая послушная. Страх бьет на поражение. Это не проигрыш. Это самый древний инстинкт выживания. Неестественно прямая спина. Напряженно сжатые в замок руки. Даже не помню, учил ли я ее чему-то подобному. Началась моя игра. Все так, как должно было быть изначально, я благодарен тебе за то, что упростила мою задачу, не заставив пинком носка отправить тебя на колени. Потому что именно так бы я и сделал, не задумавшись. За попытку играть на моей слабости. Восстать против моей власти. С этим покончено. Черный кожаный ошейник на ее шее мне изрядно поднадоел. Когда придет в себя и сможет адекватно оценить новое положение, я застегну стальной. Еще не сегодня, но

очень скоро.

Зря ты подняла глаза. Но я даже не буду тебя за это наказывать. Стоило временное любопытство того ужаса, который затопил твои большие глаза паническим безумием при виде того, что я держу в руке? И не его тебе нужно бояться. Без рук, которые его сжимают, это всего лишь безобидная игрушка. Я ничего этого не сказал. Полувсхлип-полувздых, вырвавшийся из ее губ, когда я прошел мимо, едва не задев ее рукой, ускорил сердцебиение, послав в кровь самые сильные из всех прочувствованных ранее эротических импульсов... Осторожно выложил из кейса немногочисленные приспособления для сегодняшнего вечера. Намеренный звон цепи — дрожь по ее коже. Она жадно ловит каждый звук в ожидании неотвратимости. Со скучающим видом обошел вокруг, остановившись в полуметре от ее склоненных колен.

— Дай мне повод быть сегодня великодушным. — Не поймет. То, что я хочу, сильно даже для меня. — Поцелуй мои туфли и назови Хозяином. Ты же не хочешь терпеть боль?

Слова ломают быстро. Но сознание не может так, в один миг, преодолеть барьер унижения. Я тебе помогу сделать выбор. Когда твой Хозяин рядом, тебе не следует принимать много решений. Я буду думать за тебя, твоя воля в моих руках. Сжатием пальцев поднимаю подбородок. В глазах скорые слезы. Тебе уже много не надо, чтобы расплакаться. Ты устала противостоять. Не вини себя, я просто не оставил тебе выбора.

— Коленям больно? Соврешь — и, когда начнется боль, я тебя не услышу.

Отрицательный кивок. Я чувствую ее отчаяние, оно словно окружает меня стеной черно-красного пламени эйфории. Нет времени разводить долгие театральные постановки, я хочу сразу и сильно. С легкостью отказываюсь в этот момент от части продуманного сценария.

Стул поближе к ней. ХО в бокал. Расслабленная поза. Пить не стал, жидкость цвета грозового заката лишь слегка обжигает губы.

— Пять минут, Юля. Ты знаешь, чего я хочу. Это даже не больно.

Пять минут пролетают в абсолютной тишине. Ты позабавила меня. Впрочем, я не ожидал, что сломаешься так скоро. Можно же просто отключить мозги и прикоснуться губами к черной коже Luigi Ferrari. Так проще, так легче. Что? Конечно же. Ты голая. Ты на коленях. Дрожишь от страха. Но долбаная гордость не позволяет избавиться себя же от страданий.

— Хорошо, девочка, — медленно встаю, бокал на пол. Ее оцепенение прерывается. Рано еще до предела униженных просьб остановиться. Греет остатки расколотого сознания мысль о том, что сможешь выстоять, не согнуться. Тупое геройство. Нет меня прежнего больше в этом замкнутом пространстве. И тебя прежней скоро не будет.

Пальцы сжимаются на рукоятке хлыста. Даже при сумеречном освещении заметно, как она бледнеет. Ладонь вверх. Хлопок. Ударный девайс преодолевает звуковой барьер, с силой впечатавшись в паркет в паре сантиметров от ее колена. И тут моя вселенная взрывается от ее крика. Взгляд по моим рукам — невидящий, почти обезумевший — вряд ли понимает, что я ее так и не ударил. Мимолетный испуг — не перегнул ли палку? Она выдержит? Выдержит, злорадно отвечает темная одержимость, сжав мое сознание в тиски.

— Успокойся! — уже привычный ей, почти родной рывок за волосы. — Я еще ничего не сделал. Закрой рот и поцелуй мои туфли.

Ее трясет. За этим тоже можно скрыться, чтобы проигнорировать приказ. Сознание успевает запечатлеть оттиск ее расширенных глаз, и эрекция бьет все рекорды. Обрываю ее

крик более сильной пощечиной, чем те, что прилетали от меня прежде. Кончилось мое благородство, ты его сама растоптала. Расстегиваю ремень, запрокидываю ее голову. Я сказал, что ты будешь сосать до ссадин в горле? И не только это. У меня нет к тебе больше жалости. От резкого толчка на всю длину едва не заваливается набок, руки в поиске опоры хватают мои колени. Забыл ее связать. Ничего, это успеется. Это даже не фелляция в классическом исполнении. Я просто трахаю ее глотку. Мне не нужна дополнительная стимуляция языком или сжатыми губками, бархатная полость горла сокращается, посылая мириады крышесносных разрядов по всему телу. На полную длину... как можно глубже... Давится, с трудом сдерживая рвотный рефлекс. Привыкай, это еще только аванс. Соль ее слез пощипывает кожу головки, когда выхожу из атласной полости горла, чтобы войти глубже — и тут же это покалывание смыто ее слюной. Дальше. Глубже. Сильнее... Удерживаю ее голову, не позволяя отшатнуться. Держи. Пальцы на кольцо ошейника, и эндорфиновый водопад накрывает с головой, сладкая боль простреливает пятки, неумолимо захватывая каждый нерв. Юлька рвется из хватки, но мне плевать, что ей не хватает кислорода, — в таком положении ее горло расслаблено, а язык дополнительным бонусом порхает вокруг ствола. Сдерживать себя нет ни сил, ни желания. Наверное, даже кричу от острого удовольствия. Этот раз ни с чем не сравнить.

— Глотай... — голос охрип. Руки дрожат, когда застегиваю ремень, а она сломанной марионеткой оседает на бок у моих ног, с трудом пытаюсь выровнять дыхание. Мне мало. Ничтожно мало. Мне нужна ее боль и полная капитуляция. Пофиг, что я нафантазировал себе до этого. Вечер только начался. Несильный толчок носком по выступающим от нервного истощения ребрам.

— Руки вперед, лицом в пол. Получишь 10 ударов кнутом.

Глава 21

Не принадлежать самому себе — круто. Освободиться от условностей — еще круче. Поставить совесть и проблески ненужной человечности, отравляющие мысли о том, что есть хорошо, а что плохо, на свое законное место — цитируя популярный хит, вообще, Выше Неба. Достаточно того, что я никогда не теряю контроль. Все остальное — не играет роли.

Моя девочка прекратила плакать и биться в истерике. Рано или поздно это проходит. Что толку в слезах и хаотичном сердечном танце, когда выбора нет, и быть не может? Ты будешь идти, стирая ступни в кровь, только по тому пути, который для тебя избрал я. Ты не виновата. Какие бы поводы я не находил, твоя сомнительная вина лишь в одном — ты добралась так глубоко, как мало кому удавалось, и куда не мог никто добраться в принципе. Кто дал тебе право даже предположить, что я это позволю? Что ты будешь ломать, крушить в щепки мой прежний мир, устанавливая в нем свои флажки и свой диктат? Так было раньше. Я каждый раз одергиваю себя, когда воспаленное сознание пытается воспроизвести в воображении всю экспозицию твоих завоеваний. Мне не хочется знать, сколько их у тебя было, тех, кто жил спокойной жизнью, о чем-то мечтал, видел цветные сны и светлое будущее, на котором зажегся сигнал запрещенных поворотов, стоило с ними случиться... тебе. Верю, не мало. Наверняка не меньше, чем у меня в твоём возрасте, с той лишь разницей, что нормы социальной морали не позволили тебе протащить их через койку. Да и ты вряд ли этого хотела. Те, кто удостоился, получал твое тело и вакуум вместо иной отдачи. Как это знакомо.

Я не мститель за расколотые сердца своих братьев, мне на них наплевать. Они были слабыми. И, по сути, у них не было выбора и шанса сбежать от твоего обволакивающего рокового обаяния. Этого не смог сделать даже я.

Двум Хищникам не ужиться на одной территории. Кто-то должен одержать верх, рано или поздно. Твои методы — перекрыть кислород, стать моей вселенной и завладеть моим сознанием в угоду собственному эгоцентризму, сущность играющего в хитросплетения лабиринтов суккуба. Меня это восхищает. Мне это близко, как никому. Мои методы — приручить твою необузданную энергию, подчинить своей воле. Мои истребители в твоём воздушном коридоре. Мои шаги в твоём оазисе черных орхидей. Пламя моего безумия — в твоих сосудах, и оно сожжет твою кровь, наполнив их моим персональным резусом отрицательным. Безжалостно, неотвратно, жестоко — но никогда твое сердце не перестанет биться, сгорая вновь и вновь и возрождаясь из пепла, пока я рядом. Я говорил, что мне не жаль. Я заставил себя не испытывать к тебе жалости. Именно здесь, именно в этот момент. Тебе лучше не знать, как накроет меня совсем скоро, если я не смогу перешагнуть через собственный ад, созданный ради твоего абсолютного порабощения. Как вновь сойдутся в беспощадном поединке жажда власти и желание закрыть тебя стеной от моей тьмы, вдохнуть волю к прежней жизни в твои приоткрытые в застывшем крике искусанные губы, — шаг вперед и шаг назад, и никто не сумеет победить, потому что никто не пожелает проиграть. Я думал, ДомДроп — это просто слова. Вымысел психологии БДСМ для шаткого паритета. Я со всей ответственностью готов заявить: нет, не вымысел. Это такая же часть моих дней с недавних пор, как уносящая на запредельную высоту эйфория от безумной обратки в ходе... Больше не будет игр. Мы перешагнули эту грань.

Мерцание серых светодиодов на почти зеркальном полотне натяжного потолка.

Оттенки серого — это романтика. То, что сегодня происходит с тобой, достойно, как минимум, черно-красной игры света и тени. Тогда бы выбора не было изначально, сейчас же противоречие между тьмой моих воздействий и приглушенным светом, под которым ты еще вчера ночью извивалась в моих руках, теряя голову, сводит тебя с ума. Я это чувствую всеми своими рецепторами. Как бы ни было тяжело прогнать прочь из воображения эту картину, я просто закрываю ее на замок со всеми сопутствующими атрибутами... С кириллицей твоих ногтей на моей спине. Отчаянным росчерком *never give up* стилусом струн твоего уставшего сознания. С попыткой добраться до самого сердца с помощью своих острых коготков, оставивших эти надрезы. С криком освобождения, который, придави я сильнее, определил бы твою капитуляцию и избавил от боли. Я едва не завершил путь твоего падения тогда. Мои сомнения стоили тебе сегодняшнего вечера. Прости. Без права надежды. Без права на жалость. Без права меня остановить... Ты не пытаешься. И я режу твое сознание хромированным скальпелем, изрубив на части результат прошлой ночи. Это моя безоговорочная победа, хотя, есть то, о чем я стараюсь не думать. Ведь ты не проиграла. Мы оба в чем-то победили. Это грозит взрывом моей политики, вместе с попсовой растиражированной цитатой. Когда мы вместе — никто не круче. Но это в прошлом. Сжигай свои мосты. Взрывай свои города, спаси их от неминуемого разграбления. Отдай мне руины своего сознания, которые подвергнутся более ужасному разрушению, но пройдет совсем немного времени, прежде чем с хаотичной скоростью будут возведены иные. Ты примешь это, чтобы не сойти с ума, я более чем уверен.

Дрожь твоего тела неуловимой вибрацией сотрясает холодный паркет. Ты дрожишь не от холода, наверняка тебе даже жарко от моего безжалостного вердикта. Зачем излишний ужас, ты же знаешь, что я никогда не причиню тебе физическую боль. Хотя, будем честны друг с другом, даже самую сильную боль от ударов ты бы пережила с более легким сердцем.

Я останавливаюсь рядом. Кажется, что кнут в моей ладони — продолжение моих нервных окончаний. Что одно только его прикосновение снимет гриф "Top Secret" с фейкового образа безжалостного доминанта, что истинные мои мысли, переживания и чувства к тебе вольются в твою кровь с его почти ласкающим ударом. Твое тело напрягается еще сильнее, дыхания почти не слышно. Ожидание — более страшная мука, чем само воздействие. Я не знаю, чего мне в этот момент хочется больше — дать тебе обещанные десять ударов, или же ощутить губами каждый бугорок твоих выгибающихся позвонков через натянутую нежную кожу, чтобы согреть и ненавязчиво заставить расслабиться. Но какое бы из желаний не пересилило, я не намерен сбиваться с заданного курса.

Говорить с ней легко. Потому что ласка голоса и нежность смысла сказанных слов не могут повлиять на мои решения, но этот самообман взрывает эйфорию зажигательным фейерверком.

— Что такое? Ты знала, когда согласилась уехать со мной, что рано или поздно тебе это предстоит. У тебя было время принять это.

Снова слезы. Впрочем, они никуда и не уходили. На исходе ночи я возьму ее рыдающую, поставлю на ней метку утверждения своей власти. Но еще очень рано, ночь только началась.

С первым ударом ни с чем несравнимое ощущение бессмертия едва не сносит крышу. Я не слышу ее крик, любуясь отпечатанной на коже спины отметкой. В призрачно-сером свете спальни она кажется яркой до невозможности. Я никогда не теряю контроль. Это просто прилив крови к коже. Прости, не было времени разогреть тебя флоггером, да и особого желания тоже. Мой текст готическим шрифтом, в отличие от твоего курсива страсти, он не

проникает под кожу, его дизайнерский принт на ней, сверху. Почему ты кричишь, я знаю, что это не та боль, которая будет вызывать подобные срывы голосовых связок. Расслабь мышцы, будут просто острые поцелуи. Но она меня не слышит.

Взмах кисти, прежде чем я это осознаю — орудие порабощения в моей ладони обретает жизнь, независимую от воли. Вторая полоса крест-накрест плетет свой узор. Моя эйфория не от ее отчаянных криков, с которыми уходит последняя женская гордость. Ты раздавлена, кончилась эра твоей чарующей власти, заставившая меня прибегнуть к таким безжалостным методам. Ты больше не управляешь ни одной из сфер моего сознания. Еще два удара ложатся одновременно практически, параллельно друг другу. Слова слетают с губ раньше, чем я успеваю их осмыслить.

— Ничтожная сука. Больше никогда не смей трясти мою душу. Играть со мной.

Десять. Помни об этом. Пока только пять.

На седьмом приходится поставить ногу в черном кожаном luigi ferrari на ее шею. Это сводит меня с ума, на миг забываю, что такой садистский жест был продиктован исключительно благими намерениями — передать, пусть даже через подошву туфель, извращенное подобие поддержки, шаткий канат, чтобы удержат на пороге безумия. Обратная сторона медали — непревзойденный восторг победителя. Она больше не нежная желанная рабыня в шелках у моих ног. Она именно вещь. Восемь. Вновь попытка спарринга нежности и удовольствия от проделанной работы в сознании — ее рыдания меняют свою тональность, но не под силу ей сегодня пробить кевлар моей черной сущности.

— Ты думала, рабыня только лежит в шелках у ног своего господина, в ожидании обоюдного удовольствия?

Девять.

— Ты хорошая девочка. Только мне этого мало. Мне нужно твое беспрекословное послушание, и очень жаль, что ты не смогла сама этого дать. Сейчас было бы гораздо легче.

Ее уничтожает не боль. Ее добивают мои слова. Так и должно быть. Мир делится на господ и рабов, иначе не бывает. Против воли, в десятый удар вкладываю дополнительную силу, прежде чем это осознаю. Наверное, острее боль, но все равно недостаточно для рассечения кожи. Достаточно для излишнего смирения, которое приходит через боль.

От ее горьких слез рушатся стены. Все так, как я и предполагал. Я мог осыпать ее тело поцелуями вместо ударов, и произносить те же самые слова, эффект бы был идентичным. И непонятно, что бы больше разрушило барьеры агонизирующего сознания. Двумя пальцами бокал, в котором плещется янтарная жидкость, согретая совсем недавно моими ладонями. Наверное, стоило сделать с ней это раньше. Ее голова у моих ног. Останавливаюсь, намеренно подойдя ближе, давая благосклонный повод вспомнить, чего я от нее хочу, и прекратить свои страдания на сегодняшний вечер. Не понимает. Это вызывает даже подобие легкой растерянности. Д/с не подчиняется правилам, наверное, мы уникальны в этом замкнутом мире, каждый по-своему. После того, что я ей устроил, должна была поцеловать мои туфли без разговоров. Вслед за этим, смахнуть языком собственные слезы с черной кожи. Развязать зубами шнурки. Нет, мы даже в граничной степени унижения пытаемся бороться. Это хорошо. Жаль было заканчивать вечер столь примитивно.

Нежно поднимаю за плечи, вглядываюсь в заплаканное лицо. Мой взгляд — очередной удар. Я знаю, что в нем любопытство и удовлетворение от того, что я увидел, никакого сожаления или сострадания. Ее зеленые глаза почти потеряли свой цвет. Генетически обусловленный самой природой окрас радужки самых опасных хищников, слабые отголоски

древнего воинственного женского племени, которое проводило свою жизнь, прячась в лесах, сливаясь изумрудом взгляда с листвой, и роскошным черным оттенком волос — со стволами деревьев, чтобы, не раскрывая себя, поразить цель. Память предков сильна. Только сколько вас, таких нестигаемых красавиц, уволокли за волосы в пещеру древние мужчины-охотники?

Зубы стучат о тонкое стекло бокала. Усталость берет свое. Нет сил сопротивляться, сильно слабая, чтобы отшатнуться, чересчур уязвимая, чтобы оттолкнуть ласку тех самых рук, которые только что причиняли ей боль. Судорожный глоток вызывает приступ кашля. Мне мало. Я усиливаю ее боль именно сейчас, бережно обнимая, массируя зажатые плечи, крепко прижимая к груди. Почувствуй. Мое сердце тоже бьется. Сходит с ума от одного твоего присутствия. Отмеряет чуть ли не бескрайние мили до инфаркта от твоей дерзости. Ты его вымотала. Заставила работать в ненормальном режиме, отключив прямую функцию. И все же, оно бьется. Так как и твое. Как и сердца других людей. Это вроде должно тебя успокоить. Убедить, что я не монстр, которым ты меня рисуешь в своем воображении, что в груди не осколок льда и не холодный расчетливый процессор. Убеждай себя. Заставь себя поверить в это. Сердце настоящее. Только оно закрыто таким щитом, который тебе никогда не пробить.

Рубашка в области груди промокла от ее слез. Проходит не так уж и мало времени, прежде чем рыдания утихают, остается лишь надрывное дыхание и неосознанная попытка прижаться ближе. Хочешь моего садистского утешения? Лови, пока я выровняю дыхание перед новым этапом твоей неизбежной ломки.

— Ты успокоилась? — риторический вопрос.

Она кивает, прикусывая пальцы. Но зря ты расслабилась и убедила себя, что все закончилось, все только начинается. Оставляю ее в том же положении, в которое поставил. На коленях. Даже не нужны слова, она будет послушной. Выбора нет. Карабин и цепь с кожаной петлей. Пора поменять дислокацию.

— Подними голову! — мне даже не приходится добавлять к своим словам кубики льда. Ласка произношения бьет сильнее. Робкая попытка поймать мой взгляд. Что ты там ищешь? Ты это давно потеряла. Не будет сочувствия сегодня ночью, оставим это первым лучам солнца... если хватит соображения принять мои правила. Щелчок, несильный рывок за цепь. Вот и все. Ты больше не коварная соблазнительница, намотавшая на изящные тонкие пальчики мои нервы и инстинкты, ты мое животное на привязи. Моя вещь. Ошейник без поводка — деньги на ветер. Я тебя недооценил. У тебя есть еще силы сопротивляться неизбежному. Рывок в сторону, в глазах новый пожар униженной паники.

— Нет!

— Да. Ты с самого начала это знала, так ведь? Внимательно читала, или от тупого смеха на пару с подругой перелистнула страницу, как страшный кошмар?

Руки к горлу, отчаянная попытка сорвать эту моральную удавку с шеи. Попытка двумя руками разомкнуть тугую сталь крепления цепи, конец которой в моих руках. Это может получиться. Сколько слабым девичьим ладоням бороться с металлом и жесткой кожей?

Звук пощечины разрывает сгустившуюся тишину с привкусом отчаяния. Пресекает даже призрачную попытку сбежать в осмысление того, откуда мне известно про вечер больших приколов. Жду новых приступов слез, но полу шоковое состояние захватывает. Это может длиться долго. Мне нужны ее эмоции. Если не доходит через боль, дойдет через слова.

— Ты спрашивала, помнится, вчера, что же я буду делать, если это когда-нибудь случится с моей дочерью? Как бы ты этого не хотела... как бы ты ни рисовала у себя в голове

эту картину, сука... Как бы не взывала к своим святым чертям с требованием проклятия через поколение, этого никогда не произойдет. Во-первых, за свою дочь я убью. Закатаю в бетон вместе с семейством того, кто посмеет о ней даже подумать в таком ключе. Во-вторых, с ней такого просто не сможет произойти. Ее мать будет думать головой, а не пятой точкой, бросая вызов таким, как я. Поэтому с ней в принципе не будут происходить те вещи, которые я делаю с тобой.

Слова просто падают тяжелыми каплями дождя, без стука и грохота. И, вопреки всем ожиданиям, не вызывают рыданий. Казалось, погружают в шок еще сильнее. Усвой это. Осознай. Ты рабыня. У тебя нет права рассчитывать на то, что однажды ты станешь для хозяина кем-то большим, чем сосуд для спермы и холст для отработки ударов. Это то, во что я могу тебя превратить не дрогнувшей рукой.

Я никогда этого не сделаю. Видит бог, меня ужасает сама мысль об этом. Ты терпишь это потому, что твои пределы выносливости запредельно высоки — будь по-иному, ты стала бы для меня одной из многих, кто ломается слишком скоро, и с кем у меня предельно короткий разговор. Пробудила чувства в сильном мужчине — имей смелость отвечать за свои поступки...

Что-то вырывает меня из задумчивости с резкостью порыва ледяного ветра. Она улыбается сквозь слезы. Сердце пропускает глухой удар. Это неправильно. Так не должно быть. Она должна плакать и дальше. Или сделать то, что я потребовал, и спустя миг после этой капитуляции уснуть в моих руках, пусть потерявшей саму себя, но с чистой душой, на которой я напишу новую историю наших отношений. После этого твои слезы навсегда утратят привкус обреченности. Они будут сладкими, ты их даже не захочешь от меня скрывать. А я, со своей стороны, сделаю все, чтобы рыдания этой ночи стали последними. Ее голова запрокидывается назад, натягивая цепь в моей ладони. Стараюсь не замечать, как от этой улыбки кровь застывает льдом. Рано ей еще кристаллизироваться. Это не конец.

Она сама произносит слова, которые просто не оставляют мне выбора:

— У моральных уродов дочери не рождаются...

...Наверное, классика жанра — сомкнуть руки на ее хрупкой шее. Дернуть поводок цепи со всей дури, до хруста шейных позвонков. Разбить эти пухлые губы одним движением руки, смотреть на кровавые слезы этого не знающего тормоза язычка... Стандартная, казалось бы, схема... Мерзкий отрицательный герой при таком ударе по психике должен уложить обидчика на лопатки веерным обстрелом от бедра и сделать потерянное выражение лица... Но меня не бьют эти слова. Совсем-совсем. Потому что это не голливудская кинолента, это жизнь, детка. Тут все по-иному. Плохие мальчики доживают до старости, оставаясь любимчиками фортуны, забывая уже на следующий день о жертвах своего эгоизма. Дети рождаются даже у тиранов-диктаторов, и этих детей любят безмерно, и их жизнь никогда не омрачается расплатой за грехи родителей. И за пределами этого дома я не кидаюсь на молодых и дерзких девчонок с кнутом, мне ничего не стоит провести с ними время и забыть о своем темном вожделении совсем. Не повезло тебе. Думай, почему. Окружающий мир ничего плохого мне пока не сделал.

— Зачем ты так? — любопытство. Ничего больше. Пожалуй, я проявлю великодушие, дам тебе право вписать разрыв вселенной в общепринятые шаблоны. Так тебе будет легче. Легче считать, что пострадала за дело, а не потому, что я так захотел. Долгожданное логическое пояснение. В ответ молчание. Это твой максимум, ты сказала все, что могла сказать. Сама не знаешь, что сняла с меня отголосок последующей вины и сомнений. Дергаю

поводок. Попытка встать с колен пресечена на корню.

— Ползком, родная. Я не разрешал тебе вставать.

Запомни это. Последнее свое сопротивление. Последний вопль гордости, который ты завтра забудешь. Я его распылю на микрочастицы... У тебя просто потрясающая воля к жизни. Ты на коленях, но не двигаешься. Рывок почувствуем. Я контролирую, с шеей ничего не случится — но эта имитация тебя не пугает совсем. Хорошо же. Посмотрим, как ты выстоишь следующий раунд, и молись, чтобы он стал последним. Потому что... потому что все, что за гранью, лежит выше уровня моих допустимых воздействий.

Отбрасываю цепь в сторону. В твоих заплаканных глазах искорка торжества. Наслаждайся секундной победой... Пользуйся тем, что за беспокойство о твоём здоровье, я готов перегрызть себе плотку. Ничего. От того, что тебя ждет, пока еще никто не умер. Она следит за моими действиями из-под полуопущенных ресниц. Смотри, мне не жаль. Совсем легкая цепь, размах, со свистом рассекает воздух. Наверное, моя девочка даже вздрогнула. От этого я хочу ее наказать еще сильнее. Меня можно считать кем угодно, и ожидать тоже, чего угодно, кроме нанесения телесных повреждений и иных действий, несовместимых со здоровьем. Корректирую длину. Классическая фиксация. Было бы интересно заставить тебя стоять на кончиках пальцев, но я помню о твоих проблемах с суставами и судорогами.

Стальные браслеты с защелкой на тонкий стержень. Такие не снимешь сама, без помощи тонкой иглы. Подхожу к Юльке. Ее снова начала бить крупная дрожь.

— Руки.

— Я не хочу!

— Напоминаю, у тебя нет выбора.

Две сущности теперь сражаются в кратковременных раундах. Вижу в ее глазах проблеск надежды — может, если я буду сейчас послушной, ничего плохого не случится? Поздно, девочка моя. Защелкиваю стальные оковы на ее вытянутых запястьях. Пристально смотрю в глаза, прямо в душу, до самой сути. Призрачный шанс все переиграть. Потом не сможешь, как бы ни старалась, даже при желании облизать мои туфли до миллиметра, цепи не позволят. Нет. Не дождусь. Дашь мне знать потом, стоила ли такая тупая гордость того, что я с тобой сделал. Поднимаю на ноги своей любимой хваткой за волосы. Даже не встречаю сопротивления, фиксирую руки за кольца браслетов на натянувшейся цепи. Выше. Вот так. Теперь не вырвешься. Можешь только извиваться, но не советую, будет очень больно.

Без предварительной ласки вполне можно обойтись, но не отказываю себе в этом удовольствии. Ее идеальная маленькая грудь доверчиво умещается в моих ладонях. Захваты цепи сделали ее более округлой. Такой совершенной каплевидной формы некоторые знакомые девчонки добились исключительно под скальпелем пластического хирурга. Причинять ей боль сейчас не входит в мои намерения, поэтому забываю напрочь о японских зажимах, соединенных цепочкой. Тишина. Даже спустя пять минут такой ласки. Не порядок, мне нужна твоя реакция. Перемещаю руки ниже, ломая сопротивление сомкнутых бедер. Ты не течешь. Это должно меня насторожить, но в принципе, я сегодня не собирался доставлять тебе удовольствие. В моих планах всего лишь тебя расслабить и подготовить, так легче. Пальцы скользят внутри по сухому, ее слабый стон — от дискомфорта такого вторжения. Но природа все предусмотрела, легкий массаж точки G, и в ответ учатившееся дыхание вместе с влагой на моих пальцах. Совсем немного, нет попытки податься навстречу, прижаться в немом призыве довести эту пытку до логического завершения. Очень хорошо. Сегодня будет только мое удовольствие, ты лишилась этого права. Молчишь? Пора услышать песни твоих

криков. Отстраняюсь вместе с несильным ударом по промежности. Лучше не оборачивайся. Она меня слышит. Никакой попытки повернуть голову. Выдавливаю смазку из тубика на пальцы, одновременно расстегивая ремень. Достаточно одного прикосновения, чтобы услышать ее шипение и сдавленный вскрип. Догадалась? Это только твой выбор. Тугие мышцы сфинктера отказываются пропускать мои пальцы. Только меня это никак не остановит.

— Расслабься и прекрати дергаться, — ласково шепчу ей в затылок. — Ты же хочешь, чтобы обошлось без разрывов?

Крик стынет на ее губах, когда я прорываю оборону зажатых мышц. Такая узкая, я долго не продержусь. Уже два пальца, беспощадно, невзирая на оцепенение и сдавленные вскрипы, легко скользят посредством лубриканта с обезболивающим эффектом. Она считает, что я над ней издеваюсь, и никогда не узнает в мелочах, как я упростил для нее этот момент. Будь больше времени до того момента, как она довела меня до крайних мер, я бы ее постепенно подготовил к этому так, чтобы исключить любую боль. Меня возбуждает ее беспомощность. Когда я в попытке погладить ее искусанные губы ощущаю на ладони слезы, мир взрывается. Этого не отнять, возбуждение при виде ее слез сносит крышу, и попробуй мне только кто-нибудь сказать, что это ненормально. Ширинку до упора вниз. Пока еще работают тормоза. Если я заведу сильнее, просто растерзаю в четыре глубокие фрикции.

— Значит, я первый... — констатация факта возносит эйфорию на запредельную высоту. Растираю лубрикант по всей длине члена, добавив еще немного на сжатое колечко мышц. — Можешь кричать. Будет больно.

Медленное вторжение первопроходца ни с чем не сравнить. От тысячи острых игл запредельного удовольствия глаза застит красная пелена, под непревзойденный аккомпанемент ее стонов и криков. От восхитительного сжатия тисками никем ранее не разработанной дырочки самоконтроль грозитесь пуститься во все тяжкие, с трудом удерживаю его на месте. Медленно. Осторожно. Спешить некуда. Без боли, увы, не обойтись. Пройдет спустя какое-то время.

Пальцы впиваются в кожу ее подрагивающих бедер, оставляя безжалостные отметины, но это единственная возможность удержать ее на месте, чтобы не дергалась и не пыталась вырваться. Время прекращает свой хаотичный бег, застывая безмолвным и циничным наблюдателем. В какой-то момент мне приходится обнять ее крепче, чтобы удержать на ногах, моя девочка просто повисла на цепях. Вместе с этим прекратились надрывные стоны и содрогания тела. Расслабилась, хорошо. Теперь боль должна уйти. Ничто больше не сдерживает. Когда яркий оргазм накрывает с головой, в глазах темнеет, настолько яркие ощущения. С трудом заставляю себя удержаться на ногах, разжимаю кольцо рук, обхвативших ее ребра. Звон цепей. Ее ноги отказались служить точкой опоры. Забыв про приятную слабость, приподнимаю ее вверх, одной рукой расстегивая карабины крепления на запястьях. Бережно укладываю на пол. Я переиграл свою слабость сегодня. Безоговорочная победа абсолютной власти во всем. Очень осторожно переворачиваю ее на спину, чтобы увидеть взгляд и зачитать очередную порцию слов утешения.

Это не ее глаза. Больше не ее. Абсолютно пустые.

Трясу головой, надеясь, что мне это только показалось. Картина не меняется. Абсолютный вакуум вместо двух глубоких изумрудов, в которых раньше с космической скоростью сменялся атмосферный фронт самых разных эмоций, от откровенной радости до горечи поражения. И в этот момент понимаю, что жажда власти лишилась головы.

Позвоночник прошибает тысяча ледяных игл неотвратимости, прежде чем я понимаю, что именно произошло.

Юля

Где-то там, над нами, кто-то есть? Он все видит? Я всегда была долбаной атеисткой, мне было проще поверить в навязанный кинематографом мир, в котором управляет Высший Разум. Однажды я посмотрела фильм, названия которого даже не вспомню. Фильм, между нами, на троечку. Начало апокалипсиса. Горстка людей то ли в бункере, то ли в хижине, и с какого-то перепугу на этом last party оказался Ангел, который всех достал в раю. С таким-то торсом и проникновенным взглядом, ничего удивительного. По-моему, они там прятались от чертей и прочей шушеры... Во всем этом, кроме харизмы Пола Беттани, был еще один сильный момент. Когда группа затерянных в общерелигиозном кошмаре синхронно упала на колени, воздевая руки к небу, умоляя Бога сжалиться над ними, Пол, он же Ангел, недрогнувшим голосом похоронил их последнюю надежду одной хлесткой фразой... "Вы думаете, это Дьявол спустился на землю? Опомнитесь, это богу вы настолько поперек горла, что он решил стереть этот мир с лица земли..."

Бог вместе с моим Ангелом-Хранителем в этот момент, видимо, так и сочли нужным. Пришел сценический дебют темных сил.

На каком ударе я перестала чувствовать боль? Да на первом. Ничего. Ни боли, ни пожара в изнасилованном горле, ни привкуса его спермы. Ничего. Он, кажется, и не бил меня по-настоящему — или же физическую боль вытеснила иная. Я плохо помню сейчас этот кошмар, чтобы пересказать его в деталях, даже ценой ваших шокированных глаз и осязаемого пламени праведного гнева. Помню только, что до последнего верила, что игра прекратится над самым высоким обрывом с острыми бивнями прибрежных скал, на которые, если я упаду, никогда больше не встану. Что делал он? Он меня в этом не разубеждал. Он подпитывал эту шаткую надежду ядовитой лаской голоса, от тембра которого еще совсем недавно я превращалась в податливый воск. Когда сознание, не выдерживая боли, готово было подбитой птицей рухнуть к его ногам, к носкам этих черных туфель, поцелуя которых он так от меня и не добился... Тогда в ход шло одно из самых страшных человеческих оружий. Ласка и фальшивое ощущение безопасности, вопреки всякой логике, заставляющее поверить, что все хорошо, больно больше не будет, теперь все закончится. Душа рыдала кровавыми слезами облегчения, избитая гордость из последних сил держала глаза широко распахнутыми, кривила избитые губы в подобии улыбки — ну что, Юлька, "героям слава?" Выстояли? А я не успевала ей ответить, потому как, вслед за этим, мой личный фатум наносил очередной удар Его руками.

Больно не было от цепи к кольцу этой черной моральной удавки, которая за эти недолгие дни истерла мою шею, о чем я молчала, сжимала зубы, чтобы униженно не просить избавить от нее, хотя бы на время сна. Казалось бы, что такое — щелчок карабина? Просто звук. Никому, наверное, кроме меня не понять, как кроит сознание острым лезвием на "до" и "после" ощущение того, что ты на привязи. Действительно, продолжение воли и рук того, кто заграбастал себе право назваться твоим Хозяином. Сердце просто падает вниз, и гаснет свет в холле ЦРУ моего сознания. Край пропасти все ближе, как бы ты не замедляла шаг, твой оживший кошмар неумолимо толкает в спину, не позволяя свернуть с пути. Тебе не нужно знать, что он при этом думает, но дар чтения чужих мыслей, хренова дьявольская благодать, снизошел именно сейчас, зацепив рикошетом его. Такая малость, цена не допустить безоговорочного падения, казалось бы... Но не знаешь, что убьет тебя вернее.

Прикосновение губ к черной бездушной коже этих крутых тифель или последующий полет его безумной фантазии.

Немного больно, когда руки вытягивают цепи, боль в суставах слабая и почти незаметная с высоты... или кратера сознания, приговоренного сегодня к смерти. Это не наказание. Это вынесение приговора. Есть шанс на унижительную апелляцию у его ног, на поводке... Шанс есть всегда... Но не тогда, когда ты защелкнута в тисках кошмара и думаешь, почему сердце все еще бьется. Почему не устает так колотиться?!

А финальное выступление... Я мало что о нем помню, кроме того, что это был даже не шаг, а парашютный прыжок в бездну. Только парашют не раскрылся, как в том анекдоте. Как накрыл волной мерзкий ужас, когда пришло понимание того, что именно он собирается со мной делать. Как сознание, вступив в тандем с инстинктом самосохранения, призывало тебя расслабиться, но ты не прислушалась к их доводам, рвалась из безжалостной хватки цепей, стирая в кровь многотрадальные запястья, кричала от неизвестной ранее разламывающей боли. Именно кричала... орала... Надрывно и громко, чтобы не просить. И сильнее этой боли была другая — агония гордости, в которую медленно впивались раскаленные стрелы, выжигая изнутри, как она билась в предсмертных судорогах... надрывно. Страшно. Выбивая из меня все больше слез. Я думала, обжигающие слезы — это только слова. Нет. С ними уходил мой свет. Когда предсмертная судорога сотрясла мою гордость, я уже не чувствовала физической боли, и не слышала его слов.

У моей гордости — мои глаза. Такие же глубоко зеленые, когда я злюсь или возбуждена. Такие же светлые, с осколками янтаря, когда я спокойна и мне хорошо. Распахнув их напоследок, она из последних сил протянула мне руку. Она одна была верна мне до последнего. Я терпела боль, она укрепляла оборону. Я сходила с ума, она шептала мне слова утешения — мы никогда не сдадимся. И сегодня она умирала, покидая мой мир до окончания века, оставляя его на волю дьявола в человеческом обличье. И при этом, не забыв обо мне, тянула свою руку.

Пойдем со мной. Пойдем туда, где не будет боли. Его там тоже не будет. Встань и иди, забей на сознание и желание, это они привели тебя в свое время на сегодняшний костер. Не оглядывайся на них, смотри, они заняли места в первых рядах, наблюдая за вашим противостоянием, в котором ты проиграешь. Хоть бы попкорном подавились, предатели хреновы. Ангел-хранитель? Как, ты не заметила? Тебя еще не успели зафиксировать на цепи, как он, покрутив пальцем у виска, удалился восвояси, философски бубня себе под нос — да ну вас нахрен, ребята, пора у...вать с вашей вечеринки. Наслаждайтесь, короче.

Спокойной ночи, моя девочка. Этой ночью 3600 человек, согласно статистике, умрет во сне. Спи сладко, и ничего не бойся.

Рука легко выскользнула из оков, тело — из его грубого захвата, когда я, осознав правоту своей гордости, сделала шаг вперед, протягивая ладонь. Спазм горла отпустил, слезы, передумав бежать, молниеносно улеглись, и все вокруг перестало иметь значение. Боль еще ощущалась, но как-то по иному, словно полыхала где-то в пространстве, а я издали наблюдала за ней.

Крутой разворот перед пропастью — или шаг веред, расправив воображаемые крылья? И кто сказал, что острие скал... может, прибрежные ледяные воды, холод которых скует сильнее цепи?..

Я этого так и не узнала.

...час X.

Неизвестно, сколько прошло времени с того момента, как я потеряла себя в этом безумном мире страдания. Сколько раз сменились закаты и рассветы за окнами моей импровизированной камеры. Сколько раз я ощущала его присутствие рядом, вес его тела на своем, щекочущие поцелуи, а может, даже удары — сейчас все воспринималось мной одинаково. Точнее, никак.

Непонятно, какой был нынче день с того момента, как я утратила над собой всякий контроль. Как поставила самопроизвольно твердую точку в этих затянувшихся многоточиях. Я не отмечала ничего из того, что это е. нутое подобие Кристиана Грея делало с моим телом во время своих визитов. Мне было все равно. Даже когда я ловила его взгляд... В них теперь постоянно, с хаотичной скоростью сменялись самые разнообразные эмоции, а я не узнавала ни одной из них... Что из этих чувств было злостью, яростью, желанием, жалостью, нежностью? Не было сил и желания даже задумываться. Совсем.

Окончание той самой ночи я не помню. Иногда сознание, словно психанув, подкидывает мне какие-то кусочки паззла, совсем мелкие, разбросанные во времени и пространстве.

Привкус горячего чая, в котором наверняка десять, не меньше, ложек сахара. Крик, режущий струной по барабанным перепонкам, не мой собственный, чужой, его интонация мне вроде бы как знакома, но откуда? Голова из стороны в сторону с глухими вспышками боли по щекам, боль отдается даже в затылке, но больше не действует на меня именно так, как должна. Я за ней наблюдаю... И только. Горячая вода, она вроде бы должна снимать усталость, а разве я устала? Нет, абсолютно. Тихий шелест слов, опять не понимаю их тональности и окраски, его руки на каждом миллиметре моего тела — такая малость, что перестая их замечать... Что-то глотаю, не могу с первого раза, кажется, такое вероятно с таблетками. Легче дышать, шею больше ничего не сжимает, мне все равно. Я еще не понимаю главного, и слава богу.

Что меня больше нет.

Утро следующего дня... или этого же... Доведено до автоматизма, подчинено шаблонным алгоритмам. Контрастный душ... будь он холодным, я бы этого не заметила, пальцы безучастно переключают регулировку температуры... Как-то я все это делаю, вопрос "зачем" даже не возникает. Зубная щетка соскальзывает несколько раз, разбивая губы, а я не могу даже злиться на эти проявления боли, они как будто не со мной. На что это похоже? Точно. Я же недавно пересматривала. То ли ради сюжета, который не мог не впечатлить, то ли ради того, чтобы еще раз убедиться, как эти двое похожи внешне. Пыталась представить, что это такое — уничтожить в себе слабость вместе с человеческими чувствами, остаться лишь исполнителем воли системы, бездушной машиной, искусственным интеллектом, лишенным права не то что на любовь и счастье, но даже не имеющим возможности оценить всю прелесть восхождения яркой радуги в утреннем предгрозовом небе. Представила. Ужаснулась. А сейчас... Что же в этом страшного? С самого рождения стоило вшпилить в свою артерию вековую дозировку прозиума, чтобы не испытывать боли, зависти, не страдать, и, черт с ним, даже не радоваться. Эмоции — это от Дьявола. Как хорошо сейчас, без них. Я ведь даже не понимаю, что со мной происходит.

На столике у кровати чашка с кофе. Суши? В прежней жизни я их обожала до судорог в монгольских скулах. Разноцветные кисти винограда. Его я тоже, кажется, люблю? На кровати коралловый шелк. Ах да, мой халат. Движения — до автоматизма. Делаю глоток

кофе, отставляю назад. Не нравится. Просто не хочу. Виноград? Что-то искоркой мелькает в сознании, стоит раскусить ягоду. Тоже не хочется. Поднимаю кисть перед собой. Смотрела б на нее, не отрываясь. Словно впервые увидела. Сбегаю куда-то в долину своей жемчужно-серой апатии, а, вернувшись, понимаю, что от кисти осталась только веточка. Я посбивала щелчками пальцев все ягоды.

Шелк халата приятен коже. Так было всегда. А глаза сами собой закрываются, когда спокойно, сон тоже будет таким. Кажется, этой ночью я летала во сне. Может, даже с обрыва...

Его появление не позволяет мне заснуть. Не от страха или напряжения. Люди же засыпают в тишине, не так ли? Или, если к ним не прикасаются... Такое странное ощущение... тактильные рецепторы обострены, ощущают каждое поглаживание и сжатие... но никакой реакции в ответ.

Я не помню... вроде бы, мне нельзя смотреть в эти глаза? А зачем они тогда? Рассматриваю. Эта платиновая сталь иногда приобретает оттенок кофе. Они меняются в зависимости от его настроения. Как и мои. Я это редко вижу, подруги говорили, что-то мелькает в их глубине, но мне даже не любопытно — все это лишь констатация факта. Я даже не знаю, что это. Логично было бы предположить, что эта эмоция мне не знакома — или же я ее видела настолько редко, что на уровне рефлекса не могла запомнить.

Он что-то говорит. Разбираю только слово "боль". Наверное, даже пожимаю плечами в ответ. Ну и что? Даже она надо мной в этот момент не властна. Ничего не имеет значения. Словно кадры, потерянные странички из киноленты, которая меня не напугала, не впечатлила, не возбудила, а вызвала лишь усиленную сонливость. Так я всегда реагировала на ужастики. Безразлично наблюдаю за его руками, развязывающими пояс моего халата. На ладони у него дельта Амазонки, это я точно помню, а еще моя ручка легко умещается в ней. Еще они умеют делать что-то плохое. Только я сбежала за грань добра и зла, поэтому не строю никаких предположений, без каких-либо эмоций отмечаю, что халат соскальзывает с моих плеч. Под его пристальным взглядом, который больше не задевает ни одной струны души-пофигистки. Неразборчивый шепот, легкие объятия... зачем на живот? Так хорошо лежала, в удобной позе...

Я сношу все манипуляции его пальцев, даже не кривясь от боли. Боль стала второстепенной и не заслуживающей внимания. К тому же, уходит вскоре совсем, оставляя вместо себя ментоловый холод. Те же ощущения на спине, хотя ей вообще не больно. В душе пустота. Ни благодарности, ни злости, ни протеста. Барабанные перепонки режет повышенный тон голоса. Пальцы впиваются в мои безвольные плечи, переворачивая обратно на спину. Глаза снова темные. Такой слабый, разбавленный кофе, я бы его точно пить не стала. Не трясина меня, голова кружится, не успеваю за тобой. Вспышка глухой второстепенной боли попеременно с левой и правой стороны лица. Крик сменяется шепотом, рваными поцелуями на месте, предположительно, ударов, трудно дышать — он сдавил нечаянно мою грудную клетку, а остановить его, то ли банально лень, то ли скрытое любопытство не позволяет. Я не узнаю на тот момент в интонации его голоса отчаяние, беспощадную панику в надломанном шепоте, не понимаю в упор значения несвойственного этим глазам влажного блеска. В некоторой степени... Мне вообще кажется, что мы не знакомы. И что это ожившая голограмма, какая разница, что за эмоции приписал ей программный код, и что такого в том, что продолжение десятичной системы якобы прикасается к моему телу? Просто наблюдаю, словно из-за стекла, как будто он не рядом, и

ничьи руки меня не касаются. Наконец, с усталым вздохом, он отстраняется. Закрывает лицо руками. Солнечный свет, наверное, такой яркий. Режет глаза.

Вкус сочного винограда на языке. Тоже, наверное, логично? И что с того, что с его рук? И так много? Отстраняю, переждав вслед за этим новую вспышку сотрясения за плечи, закрытых ладонями глаз и биополя чего-то непонятного. Кажется, так, в прошлой жизни, выглядела тревога. Наблюдать легко, как за привычными декорациями, которые однажды просто перестаешь замечать.

Мне хочется спать. Настолько сильно, что его срывающийся голос сейчас этому не мешает. Просто закрываю глаза, не замечая, как скользят по телу его руки, как изменяется тональность голоса, в непривычно-просящей манере, потом уже знакомые нотки злости... Сон тянет в свой черный омут, воздвигает высокие крепостные стены вокруг, хотя он сейчас и через частокол из прутьев не пробьется. Кошмары мне не снятся. Совсем. Сны спокойные, я их смотрю, как киноленты. Кажется, только там мои эмоции обретают свои крылья, способность чувствовать и переживать (как хорошо, что только приятное). Ничего, наверное, не сгорело и не поломалось внутри, просто взяло запланированный отпуск раньше срока. Я должна хотеть, чтобы после каждого такого погружения в сон просыпалась окончательно овладевшая собой... Но не хочу. И этого не происходит. Мне комфортно в тот момент в долине расколотых снов.

Я его вижу слишком часто, раньше было не так. Он словно решил провести этот день, и, забегая вперед, последующие тоже, в этой комнате. Сознание отмечает это, как сухой факт, оно не вмешивается, это комплекс вины от гребаного принципа невмешательства. Мне плевать на свое сознание. На то, как его там колбасит за гранью моего защитного скафандра, как бьется оно в эту наглухо заваренную стеклянную дверь, как сбивает в кровь костяшки пальцев. Как вопит, что, не открой я замок, от которого даже потерял код... Что, родимое мое? Что ты мне сделаешь? Правильно, ничего. Все, что могло, ты допустило. Попытки ласковых уговоров тоже не спасут, я даже догадываюсь, от кого ты это переняло. Да вы, по сути, уже разбили свои походные палатки вместе с ним перед прозрачно-неприступной стеной моей апатии.

Переступаю через шелковый пояс на полу, даже не понимая, что он что-то говорит. Мне нужно плеснуть ледяной водой в лицо, чтобы не хлопать сонными глазами. Мне нужно в контрастный душ... зачем? Нужно, и все. Раньше ж я это зачем-то делала? Даже не закрываю дверь в ванную, раньше в этом не было необходимости. Рваный апатичный автоматизм. А струи воды приятно обволакивают... Разряд в тысячу вольт на секунду, вибрация непробиваемого плексигласа обороны... Горло на неопределенное мгновение сжимает паника, и я мысленно отбегаю от этого сосредоточия угрозы. Выходит. Просто держаться от стены подальше и не вестись на провокации сознания...

Я возвращаюсь в комнату, забыв, что он там. А вспомнив, даже не удивляюсь, вообще никаких эмоций по этому поводу. Что-то говорит, схватив меня за руку, мне мешает этот захват, спокойно разжимаю его пальцы. Губы разучились говорить. Сознания нет, а то, что осталось, не умеет понимать сказанного, и не видит смысла в том, чтобы отвечать. Чужие слова падают набором букв, интонация — сухой терминологией самых разнообразных эмоций, в этом тандеме нет сейчас никакого смысла. Его пальцы медленно перемещаются на мои губы. Легкое поглаживание по контуру. Задевают микроскопическую метку эрогенной зоны, пульсация вокруг губ приятно щекочет. Рассудок принимает ее, как еще один свершившийся факт. Когда я задеваю этот нервный узелок кисточкой блеска для губ,

зубками, пальцами, соломинкой коктейля, краем чашки, это же не вызывает во мне эмоций эротического плана? Приятно, прикольно, и только. Он что-то настойчиво ловит в моих глазах. Видимо, не находит, подобие слабой улыбки моментально гаснет. Пальцы протискиваются сквозь неплотно сжатые губы, язык царапает чужеродный предмет. Таблетка? Их надо пить. Тогда болеть не будешь. Будешь здоровая, веселая и хорошо учиться.

В этот раз ее проглотить легко, инстинктивно запиваю водой из стакана. Выбора нет, ее вливают мне в рот. А дальше его слова льются умиротворяющим ручейком, чуть взрезая слух какими-то названиями, наверное, фармацевтических препаратов. Доктор прописал. Ко мне приходил доктор? Наверное, я все-таки заболела. Болеть не хорошо. Это потому, что я в тонких колготках зимой ходила и без шапки. И целовалась на холоде с кем ни попадя. И теперь мама расстроена, конечно, лекарства стоят, как 40 буханок хлеба, и я нанесла непоправимый урон семейному бюджету. А он тоже расстроился? Да. Точно. Узнаю эту эмоцию из прошлой жизни. Это же... наверное, несколько десятков литров бензина, да? У него крутая машина. И теперь она не поедет, потому что таблетки пришлось купить. Он сначала злился, а теперь расстроен. И может сделать что-то плохое. Плохого не надо. Что бы это ни было. Я хочу спросить, сильно ли эти лекарства дорогие, но на самом деле мне все равно, чувство вины/благодарности/любопытства/страха отсутствует.

В его судорожном вздохе разочарование и что-то еще... Что, согласно писку нокаутированной интуиции, могло бы в прежней жизни вызвать у меня злорадство или удовлетворение. Сейчас же нет даже удивления. Как и любого маломальского протеста. Его объятия, когда он притягивает меня к своей широкой груди, которую я ощущаю спиной, для меня не объятия вовсе. Лишились своей смысловой нагрузки. Просто удобный предмет интерьера, можно облокотится. И вроде как тепло. Этого достаточно. Время потеряло свои рамки и ограничения. Реальность устала вращаться вокруг на космической скорости. Иначе быть не могло — я ушла в иную. Поглаживаю свои кисти. Саднящая боль при сжатии. Наверное, так и должно быть в моем новом мире. Когда его пальцы снова обхватывают кисть, спустя миг красноватые полосы накрывает ощущение прикосновения губ и языка, на секунду пытаюсь уловить в этих действиях логику, но по пятам преследует бесконечная усталость, поэтому прекращаю делать это. Безумно долго... И безумно никак.

Я вывела остатками, кластерами, temporary files сознания основную аксиому своего теперешнего состояния.

Мне не хорошо и не плохо. Мне никак.

Дерганые переливы его голоса снова убаюкивают. Мне никогда не будет много сна. Снова открываю глаза лишь к вечеру, за окном золотисто-кофейные сумерки, шея затекла от неудобной позы. В клетке его рук не так уж и удобно. Клетка... клетка? Что-то важное снова ускользает от сознания. Даже тогда, когда меня молниеносно и грубовато хватают за плечи, снова впечатывая в матрас. Зачем? Я не хочу больше спать. Его глаза блестят в полумраке комнаты. Оттенок крепкого эспresso, это игра света и тени, днем они светлые... Что-то важное вновь пытается пробить ледяной панцирь апатии, но не удастся... Это что-то из того что надо потерпеть, часть обязательной программы. Снова эти хаотичные касания губ, за ними хорошо отстраненно наблюдать, и только. Я, наверное, даже не понимаю, что происходит. Ощувив на себе вес его тела, между расслабленных ног — чужеродное вторжение, просто закрываю глаза. Нет даже любопытства. Открываю их снова — кто знает, сколько времени спустя, и то, от ощущения какого-то дискомфорта. Щеки влажные. Шелк покрывала под моей головой, пряди волос — тоже.

Потом я узнаю, что так было бесконечно долго. Что каждый раз, когда он брал меня, каким бы способом это не происходило, нежно, грубо, быстро, медленно — я либо закрывала глаза, либо смотрела в одну точку, а слезы лились сплошным потоком, механическое очищение слезовыводящих протоков без намека на эмоции, утихая лишь тогда, когда он останавливался. То ли получив разрядку, то ли устав кантовать подобие резиновой куклы, то ли вообще утратив эрекцию от подобной реакции. Сейчас я понимала, что происходит, но, ни капли на этом не акцентировалась...

После так же, не думая ни о чем и ничего не чувствуя, позволяла ему кормить меня таблетками и завтраками-обедами-ужинами, лупить по щекам в обреченной на провал попытке привести в чувство, целовать, гладить, говорить бессмысленные слова... Насиловать послушное и лишенное воли тело. Много чего. Я просто разучилась дышать.

...Утром нашла на прикроватном столике красивую зелененькую с белым тонкую коробочку, пыталась вспомнить, что такое Kiss. Глаза не помнят — руки делают. Пальцы уверенно снимают тонкий целлофан, зеленую фольгу, выбивают щелчком тоненькую сигарету — внешне до одури красивый жест, никого не мог оставить равнодушным. Зажигалка рядом. Быстрый всплеск чего-то, похожего на положительную эмоцию, гаснет так же искрометно. Я знаю, что одно окно открывается, там удобный подоконник, и еще решетка. За ней — другой мир. Светлый. Летний. Позитивный. Я ему не доверяю.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От первой затяжки что-то приятное царапает панцирь моего бункера, это обрывочные воспоминания... Красивый жест... И дым чуть ли не в лицо тому... Сошлись зачем-то грани остроконечной сатанинской пентаграммы, как и наши взгляды, и бездушное переплетение орнамента темных сил вспыхнуло ярким огнем безумия, который поглотил полностью спустя не столь много времени...

Я полностью ушла в себя, все так же отмечая его присутствие. Ловлю обрывки чужих и непонятных мыслей, точно знаю, что они не мои собственные — я такого не могу ощущать в принципе. Отголоски то ли вины, то ли паники, то ли страха...

Таблеток сегодня больше. Выпиваю все. И даже съедаю все, что дают его руки. Вкус давно перестала ощущать, все на уровне простых физических реакций... Прикосновения шелка к коже... Ощущение какой-то невесомости, поплывшей перед глазами комнаты, когда он подхватывает меня на руки, неприятное вздрагивание от его шагов, когда преодолевается лестничный пролет...

Яркое солнце режет глаза. Но легкий ветерок приносит аромат моря, цветов и хвои. На недалеком горизонте — голубая полоса морской глади и силуэт горы, похожей очертаниями на ласково скрутившегося котенка перед прыжком. Визуальный эффект потрясающий. Кошка. Так и называется. Свежесть моря переплетена со свежестью фонтанов и ароматом роз. Я их не люблю. Я люблю орхидеи. Но ведь они же хрупкие... Их так легко сломать. И после этого они представляют собой сомнительный интерес...

Скамья под навесом жесткая. Ребра обрели чувствительность? А еще она покачивается от любого движения. Вдалеке, на голубой глади моря, очертания чего-то белого. Яхта или пароход, отсюда не разобрать. Может, лайнер, как в киносериалах о красивой жизни...

Он снова рядом. Легкая искра раздражения — отойди, ты закрываешь обзор... Мелькнула и пропала, будто не было бреши в крепостной стене империи моей апатии. Мои руки послушны его рукам. Разум и эмоции не подвластны унижительному подтексту его действий. Запястья обдает мимолетным холодом, металл, но бег крови быстро согревает

браслеты до температуры тела. Мне не понятно назначение этого предмета, ограничившего мою подвижность, как и то, почему цепь продета в стальное крепление спинки скамьи. Наверное, чтобы я не упала, если ее раскачает легкий бриз. Его слова шелестят извиняющимися колокольчиками, а я снова не понимаю их значения. Просто закидываю босые ступни на скамью, занимая комфортное положение — так даже красивая металлическая цепочка не мешает. И мне кажется, что, если бы я чувствовала, этот момент был бы самым счастливым в моей жизни. Я не чувствую. Огненный Гольфстрим произиума сковывает бег крови, запирает клетку эмоциональности на тысячи замков. Кажется, я даже улыбаюсь. Но — теплу солнца, аромату роз и синему цвету моря. Просто хочется.

...Плохо станет завтра. Когда все те таблетки, что он мне заботливо скормил, заработают. Транквилизаторы... И их действительно прописал доктор с мировым именем в онлайн-режиме...

Глава 22

Окна открыты настежь, двери открыты настежь, ты снова играешь в это, и ты ни за что не заплачешь,

ты падаешь в это снова, там глубоко и жарко, другие дадут все, что хочешь, кому здесь нужны подарки.

Всё, что ты догоняешь, точно не уцелеет, кто здесь охотник, добыча, кто здесь оказался смелее,

кто здесь оказался быстрее, сильнее и просто умнее... Ей было бы проще сдаться. Да, но она не умеет.

Она уведет тебя полем, петляя по новому снегу, лесом, глухими тропами, до самого дикого берега,

и ты не собьешься с дыхания, ты не собьешься с ритма, и ты проглотишь свой стон и все эти новые рифмы.

Все эти новые сны, дрожь и приливы истерик, ты можешь оставить себе — она все равно не поверит,

что ты ее слишком помнишь, что можешь идти по следу. Ты — славный домашний зверек, ты спишь под уютным пледом.

Ты точишь длинные когти, ты пьешь молоко, ешь творог, у тебя растут новые зубы, ты их вырастишь очень скоро,

по ночам каменеют мышцы, по утрам прорезается слух. Ты скоро прыгнешь и бросишься по этому следу. Вдруг.

Вдруг станет темно и жарко, быстро, и, может, больно. Кто здесь домашний зверек и кто тосковал по воле,

кто ждал, убегал, догонял, кто сможет развить эту скорость, кто знает все повороты, и не знает, что нужен тормоз.

Совершенный охотник, как тень, как дыхание за спиной, он так удивится, что ты оказалась совсем иной.

Кто догонял, кто догнал, кто и кому сдавался, кто зарывался в листву, дрожал и в снегу просыпался,

кто здесь охотник, добыча, кто здесь оказался быстрее... Она не умеет сдаваться? Да ладно. Она умеет.

След обрывается резко, никто понять не успеет. Славный домашний зверек. Губами. Впивается. В шею.

(с) В Засаде

Юля

Сегодня ночью пошел дождь. Просто разверзлись небеса, то ли устав от своего безразличия, то ли поймав сентиментальную волну нашей версии Санта-Барбары в стиле хардкор. Потoki воды бились в гладь стеклопакетов, минуя решетки, а я смотрела на эти разводы, рисовавшие свои гротескные секундные картины, и казалось, что ничего важнее истерики стихии в мире вроде бы как и нет. Не держи меня в заточении этот мир замкнутой темницы, я бы шагнула навстречу этим косым ударам дождя, пусть смоют все воспоминания и отрезвят от апатии. Пусть закroют более непробиваемыми стенами от одного только его присутствия.

Моя психика любила меня. Далеко не взаимной любовью, фанатичной, оберегающей, на которую раньше мне было плевать... Особенно, когда я послала ее в компании Ангела-Хранителя с сачком на хутор, ибо нефиг мне диктовать было, какой мужчина тигр, а который так, суслик в полете. Как она тогда не свалила с чемоданами. Наверное, что-то знала.

"Я не мог позволить тебе упасть..." Что было основополагающим в этом обрывке здравого смысла его губами? Не дать свалиться со скамьи-качели посредством наручников... или что-то иное? Мысли путались. Но одна из этих гребаных пилуль сделала свое дело на какой-то миг. Лазурь неба и морской глади заколебалась, ласковое солнце погасло, вернув кошмар каких-то размытых воспоминаний. У кошмара тоже были его глаза. Я не смогла даже кричать. Смотрела на цепь, сковавшую мои руки, не замечая его присутствия, мне казалось, что, сними я ее одну — весь кошмар прекратится. Он еле успел удержать меня от неосознанного автоматического порыва — перегрызть ее зубами... Подумал, что кисть. Вены. Зубами. Он оказался слишком е. нутым.

Осознание произошедшего кошмара ударило захлестами ужаса, настолько сильно, что я ощутила спазм в горле и головокружение. Я не хотела возвращаться в этот безумный ад. Кто-то, чьего лица я не разобрала — закрыл проем в этот безумный портал, латая стены вновь и вновь, прогоняя из крови отраву транквилизатора. Реинкарнированная гордость? Осознавшее свою вину сознание? Получивший пиз. лей на небесах психически нестабильный Ангел?

— Зачем? — выдохнув последние обрывки паники, с пофигистическим любопытством спросила я, показывая на цепь. Вернее, спросил мой взгляд. Говорить я не хотела и даже не вспомнила, как это делать.

Тогда и прозвучал этот ответ. Логично, подумала куда-то мимо цели, закрывая глаза и даже не заметив, что мои запястья получили свободу. Здесь было хорошо. И спокойно. Прележать почти до вечера, насчитать шесть яхт/пароходов/катеров/белых танкеров на горизонте, моргать, прогоняя темные круги перед глазами, когда солнце медленно опустилось, задев макушку Кошки, испытать подобие счастья, когда огромная бабочка кофейно-шоколадного окраса села мне на грудь и долго не торопилась улетать. Когда он снова подхватил меня на руки, моя кожа на миг оцетинилась тысячей воображаемых игл протеста, его тело, ощутив эту ментальную акупунктуру, напряглось, и я уловила скрежет зубов вместе с прерывистым вздохом. Хотя, наверное, мне это просто показалось.

Апатия, защитный саркофаг, непробиваемый кевлар спасительного равнодушия — кто подарил мне эти охренительные тюнингированные доспехи и не дал сойти с ума окончательно? Иногда транквилизаторы выбивали из меня панику и содрогание нервов, кратковременно, больно... и мимолетно. В остальном, они работали более мягко. Вернули мне вкус, и я бездумно смаковала горячий кофе и вкусные рулетки, приготовленные его руками. Вызвали подобие легкого любопытства без каких-либо эмоций, сопутствующих ему. Я так и не находила ответов на возникающие вопросы — почему у него такой взгляд, которого раньше не было и близко? Что у него случилось? Почему он как-то осторожно ко мне прикасается, чуть ли не с заискивающим выражением на лице, словно к фарфоровой статуэтке? Наверное, потому, что недавно произошло что-то ужасное. Любопытство тотчас разбивалось о гранитную табличку с надписью "не влезай — убьет", и я оставляла эти попытки. Что бы ни произошло в прошлом, сейчас мне было хорошо от этого вынужденного неведения. Его руки больше ничего плохого не делали. Его слова — тоже. Наоборот, я ловила кварки чужих эмоций, и ничего угрожающего они вроде как не несли. На данный

момент мне этого было достаточно.

... Сок нектарина течет по моим губам, заливая подбородок. Я в растерянности, не понимаю, что лучше — стереть его руками или ощущать, как сладкая капля стекает на шею. Как далеко она пойдет? За отворот кораллового шелка? До александрита в штанге пирсинга?.. Или еще ниже? Вряд ли до самого сосредоточения женского естества, хотя, как знать, может, это живительная влага, которая сметет мою апатию? Тень закрывает вселенную размахом острых крыльев, почти отчаянная попытка пробить мои крепостные стены. Но ему это вряд ли удастся, поэтому я не паникую и не сопротивляюсь. Пальцы вновь касаются моих губ, очерчивая их по кругу, в этот раз не находя блуждающей эрогенной точки. Подушечки его пальцев теплые. Немного шероховатые. Странное ощущение. Такие чужие и инородные и такие близкие, почти горячие, с едва ощутимой пульсацией крови. Они любят контролировать все и вся. Так происходит и сейчас. У янтарной капли сладкого сока никаких шансов — не то что сбежать на шею, но даже сорваться с обрыва моего подбородка в свободный полет... Но он не спешит прерывать ее медленный бег, дань закону всемирного тяготения. Мне интересно, что дальше. Пальцы поглаживают контур моего лица. Эта нежность может обмануть кого угодно, это не ласка, это фундамент мнимо безопасного барьера, за которым не ждет ничего хорошего. Осколки памяти не врут. Глаза больше не темные, любопытная игра света и тени, Я просто отстраненно наблюдаю за ними, не считывая никаких сигналов, не замечая в них ни малейшей эмоции. Вроде как они там есть... Но мне просто лень заморачиваться их прочтением.

Его губы совсем близко. Язык снимает каплю сладкого сока за мгновение до того, как накрыть мои губы. Непривычно. Осторожно. Без прикуса кожи и беспощадной экспансии языка. Вроде бы как это должно что-то значить? Следуя бездушной логике — да. За такими поцелуями всегда следует что-то большее. И это безумно логично. Слабый грохот в долине ожидания, он сотрясает шатер моего сознания веерным ударом с грифом "фенозепам" (этим меня тоже кормили...) Секс — это круто. Это даже было классно в той, прошлой жизни... Предполагается удовольствие, но почему-то я его не получала в последние дни... А ведь было же, да? Эта мысль ускользает, но я хватаю ее ослабшими пальчиками, словно крокодила за хвост. У меня сейчас состояние ребенка, привет, Эрик Берн. И нетленные строки Паоло Коэльо.

"Иногда надо воскресить в себе ребенка, которым ты был когда-то, и который до сих пор живет внутри тебя. Взглянуть на мир с его воодушевлением и непосредственностью... Иначе смысла в нашем существовании не будет..."

Ребенок любознателен. Это как будто ему подарили самую крутую игрушку, а она вдруг перестала работать. После того, как с ней поигрался ребенок постарше. Или долбаный взрослый. И вроде как не сломал, не разобрал на винтики-кубики, но уже совсем не то. Не приносит удовольствия долгожданная цацка. Этот вопрос не дает мне покоя. Но я терпеливо жду, когда он закончит накрывать мои губы своими. Когда ему это надоест.

У меня сейчас нет никакого скрытого мотива. Чистый лист детской искренности и любопытства. Как "почему люди не летают?" или "а почему зебры полосатые?". Мой голос не дрожит, я не успела отвыкнуть им пользоваться. Но он вздрагивает, когда я произношу свои слова с ненамеренно леденящим спокойствием.

— Я ничего не чувствую, — ни упрека, ни грусти, ни обвинения. И, проведя уже своими пальцами по губам, с обезоруживающим любопытством: — А что ты сделал, что я ничего не чувствую?..

Теперь боль имеет образ. Яркий фотооттиск на сетчатке его глаз. Фотокадр судороги, пробежавшей по его лицу. Чужая боль пытается произвольно накрыть и меня ударной волной, но мои стены нерушимы, и она легким рикошетом возвращается к нему. Прямо в уязвимый янтарно-серый мир этих глаз. Отчего-то мне кажется, что она не погаснет в них очень долго...

...Холодный, мокрый дождь. Забери меня с собой, я буду рядом...

В саду, за пределами комнаты... целого дома, ставшего местом моего заточения, светло. Фонари. Они горели всегда, раньше я просто этого не замечала. Поэтому так приятно наблюдать за акварелью дождя, подсвеченного электрическим потоком. Мне хочется открыть окно и просунуть руки в решетку, чтобы ощутить на себе эти рваные стрелы небесной истерики. Но что-то меня останавливает. Символы на стекле.

Три шестерки, число Дьявола. Это тоже логично. Как и 3,14здец. В этой обители зла не может быть иных чисел. Я спокойно смотрю на эту символику... Она даже похожа на тот знак, что автоматом замечала у него на шее. Инь-янь на три сектора. Это если их соединить...

Иллюзия не уходит. Достоверная как никогда. И вот две из этих шестерок переворачиваются. И уже не на стекле. Уже в сознании. В осколках памяти. И они не сами по себе... Они в ряду из...1, 2, 3... Десяти чисел!

*9***6***9... Что этот набор цифр, часть которых мелькает и ускользает, хочет мне сказать?.. Я пытаюсь понять. Ухватиться за обрывки этой важной информации... Но стоит моя стена, охраняя покой моих же сонных не завоеванных городов. В этот закрытый социум имеет доступ только логика на правах гостя-парламентера. Она не сухая, бездушная и расчетливая. Она похожа на кого-то харизмой своей уверенности и незыблемости. Ее сухие версии пока неубедительны.

Экзамены. Теория вероятности? История Украины? Свот-анализ курсовика? Ни то, ни другое, ни третье. И к чему образ маршрутного такси, единственного в городе, где стоит маленький плазменный экран, на котором помимо рекламы крутят диснеевские мультики?..

...Окно я все-таки открываю. Сила привычки, рука сама тянется к сигаретам на прикроватном столике... Щедрость Дьявола вместе с шелковым халатом и сорванным с шеи ошейником. Забираюсь с ногами на подоконник. Почти ледяная свежесть воды, усиленная кондиционированной прохладой помещения. Мое тело так долго было без какой-либо одежды, кроме цепей и гребаной кожаной полоски, что перестало остро реагировать на холод. Тонкая сигаретка со вкусом яблока несколько раз гаснет от капель дождя, я прикуриваю ее снова. Не замечаю ничего, даже того, что капли воды стекают по лицу, халат намок и прилип к телу, а кондиционер может добить этот безумный набор до пневмонии. Словно интуиция что-то хочет мне сказать... Словно в этом ливне — огни маяков спасения.

Порыв ветра с оглушительным грохотом швыряет стеклопакет о стену. Неожиданно, но даже не пугаюсь. Просто сознание отмечает это с каким-то радостным спокойствием. Стихия искренна и не всегда жестока. Она более миролюбиво настроена ко многим из нас...

Поворачиваю голову на резкий хлопок входной двери. И с удивлением — да, простите за тавтологию! — понимаю, что меня настигла... эмоция удивления!

Он не должен был здесь появиться. После того, что я прочитала в его глазах. За что он, прежний, должен был исхлестать меня по лицу с оттяжкой — не за слова, нет, ведь я даже не осознавала, что они могут ударить. За то, что вызвала в нем эмоции, граничащие с одержимостью, а может, и перевалившие за эту грань. Чего я, разбитая и доведенная до

подобного состояния, не могла в нем вызвать в принципе. Ведь не было даже такой цели. Но это было... любопытно, да. Вот лишилась я в теперешнем состоянии полного спектра эмоций — злорадства, удовлетворенности, эйфории от того, что отголосок моей боли задел его осколком.

— Пусти! — этот резкий захват рук мне знаком, знаком настолько, что может сравнить с землей мои оборонительные сооружения в один миг. Паника нашла лазейку в мой мир. Разведка доложила точно, каким ударом бить, чтобы пошатнулись эти стены. И тут капроновой удавкой горло перетягивает ужас. Кажется, я даже кричу, отчаянно колотя руками по его груди... Слишком тяжело вспоминать о том, что недавно сделали со мной эти сильные руки, которым предполагалось защищать, а не причинять боль... Еще и тем, кто оказался слабее. А потом все резко обрывается. Лишь недоумение. Что это было только что? И только учащенное дыхание непонятным отголоском.

— Ты могла заболеть! Ты понимаешь, что творишь?! Да не будь ты в таком состоянии... Я бы всыпал тебе посильнее!

В каком состоянии?.. Плохо соображаю. Пассивно отмечаю, как его руки срывают с меня насквозь промокший халат, со смешными ругательствами пытается поймать пульт от климат-контроля, в итоге отбросив его прочь, шелк простыни временно стал полотенцем. Я смотрю на его суетливую панику и выдавливаю улыбку.

— А это вылечит, да?

Опять, без подтекста и издевки, но его прошибает. Зря. Я не хочу его присутствия. Я не хочу никаких его эмоций, потому как они будят во мне мои собственные, о которых я бы хотела забыть и не вспоминать. Ледяная стена дала трещину. Страх подкрался белым и пушистым зверьком. Песец. Чтобы его не показать, я просто закусываю губы, прогоняя из памяти пугающие образы. Цепи. Захват моих рук. Черная кожа туфель...

Какой не показать? Когда он возвращается... А я даже не заметила, что он куда-то уходил! — меня уже трясет. Во рту привкус крови. Боже мой, я не хочу. Я хочу обратно. Там было хорошо, никаких страданий и эмоций. Там, что бы он не делал, я этого не замечала, этот холод его давления, жар его ненависти и обволакивающую теплом безысходность. Я почти сбежала. Почему нельзя было оставить меня в покое в том мире, ведь я даже не стала бы сопротивляться?..

Он ничего не замечает... Вернее, думает, что это от холода. Не буду его разочаровывать или, наоборот, радовать раньше времени. Доверчиво прижимаюсь к его плечу в кольце сильных рук, любое ухищрение, только бы не догадался! Только бы... Насколько мне может уже быть хуже? Где эта грань? Теплая вода обволакивает ласковыми объятиями. А я из последних сил гашу в горле вопль отчаяния. Я вернулась. Мои стены пали под натиском его боли. Может, сознание, как утопающий за соломинку, ухватилось за этот шаткий мираж — тот, кто испытал боль, не сможет причинить ее снова... Его руки держат меня в захвате, а я кусаю губы и язык до крови, чтобы из последних сил нарисовать фальшивый баннер proHer Face. Чтобы он не догадался, что моя душа сейчас сама пришла в его тиски, протяни руку, — и можешь снова играть в свои жестокие игры. Мне нужно больше времени. Больше времени ничего не чувствовать, пусть правит пассивный холодный расчет, а не истерзанная уязвимость. Я больше не могу смотреть ему в глаза, и не потому, что он лишил меня этого права. Потому что он в них все прочтет, даже психологом быть не надо. Проще играть свою роль сломанной куклы и дальше, не встречаясь с ним глазами. Я чудом перестаю дрожать минут через пять, когда вода накрывает меня с головой, вернее, сама в нее погружаюсь,

чтобы смыть слезы и остановить их поток таким экстремальным способом.

Если б он забрался в джакузи вместе со мной, было бы проще. Так бы у него не было возможности ловить мой взгляд. Но он свалил куда-то, обеспокоенно закатив глаза, как оказалось, за горячим чаем, и куда уж, по традиции, не без коньяка... Мля, я реально вернулась — раз сарказм на время нокаутировал ужас. Надежды на обратное погружение нет... Как же быстро, вашу мать! Вернулось все. Наверняка все, вместе с жестью — я же не могу за него расписываться. Нет уж, мысли и мотивы поступков ЕС пусть читает очередной адвокат дьявола или гениальный аффтар любовно-вампирских романов, если не побоится тронуться башкой. Потому что ею тронусь я. От того, что прикосновения ладоней, размазывающих по моим плечам гель для душа, сейчас вызвали реакцию.

И да, б. дь, не отшатнуться! Не с. баться с воплями! Не выцарапать ему глаза, чтобы не смел трогать! Вполне определенную и шокировавшую своей нелогичностью. Я е. нулась окончательно, а у меня даже микро-разрывы еще не восстановились!

Юля, твою мать, сидеть. Ничего не замечать. Вон, коньячку выпей. И думай, твою мать, как обернуть ситуацию в свою пользу, а не вспоминать в деталях, как он драл тебя на цепях... Именно драл, иначе и не скажешь. Что ты сейчас можешь этому противопоставить, кроме слез, на которые у него встает? Только закрыть эту боль глубоко внутри... Анна Ахматова с тобой в одной упряжке.

А завтра опять мне играть свою роль.

И смеяться опять невпопад.

Помнишь, ты говорил что любовь — это боль?

Ты ошибся, любовь — это ад...

С известной поэтессой меня в данный момент роднило все, кроме любви, которой не было в помине и не могло быть. Даже не потому, что он растерзал ее своей одержимостью. Будем честными, он с самого начала был для меня еще одним бриллиантом в коллекции шикарных мужчин, о которых можно было бы с легким сердцем рассказать дочери на совершеннолетие или подругам за бокалом мартини. Только вот бриллиант оказался черным. Редким. Беспощадным. На его фоне померкла крутая огранка белых, и он отравил свою обладательницу своими черными невидимыми излучениями... Перед тем, как отомстить за то, что посмела даже предположить, что он удовлетворится ролью драгоценного экспоната в сейфе ее побед. Кем для него теперь стала я? Подобной редкой драгоценностью в весьма осязаемой камере хранения?..

Мне удалось в тот вечер взять себя в руки. Сообразительность и придавленное шоком мышление получило необходимый отдых, чтобы уже совсем скоро сплести свои пути отхода и выхода. Подготовительные работы начались, только я этого еще не понимала. Успех первого этапа зависел только от меня. Остаться хладнокровной и невозмутимой, чтобы получить ответы на свои вопросы и удержать его внутренний зоопарк от повторения последней ночи, едва не стоившей мне потери рассудка.

Играть в апатию-меланхолию не сложно. Главное, не видеть его глаза и расслаблять мышцы тела, когда он к тебе прикасается. Никаких эмоций в голос, во взгляд и в изгиб губ. Даже при виде его беспокойства и чего-то еще, похожего на раскаяние. Рано еще до настоящей боли, и не тебе сейчас лечить его сознание. Ни сейчас, ни потом. Я закрывала глаза, когда он пытался заглянуть мне в лицо. Две девятки и шестерка прочно отпечатались в сознании, об этих числах я решила поразмыслить наедине с собой. Титанических усилий мне стоило справиться с дрожью страха... И иной дрожью, рядом с которой даже ужас

сваливал в стопроцентном, скьюз майн дойч, а..е. Когда он подхватывал меня на руки — за этот вечер это случилось не менее четырех раз, — я расслабляла мускулатуру и устремляла взгляд в потолок. А потом просекла очень интересную фишку со взглядом в глаза. Смотри в переносицу. Расфокусируй зрение. Все гениальное — просто. Пока страх держал за глотку, я банально молчала. А потом под действием горячительных напитков (чтобы малышка не простудилась... Ведь с ней еще не наигрались...) пришло состояние покоя. Тяжело было гнать прочь воспоминания — тело помнило боль вторжения, холод цепей и поцелуи кнута, пусть не такие болезненные, скорее, унижительные до предела — но я из последних сил их гасила, убегая в более приятные моменты, вспоминая те периоды, когда мне было хорошо. Не с ним. И даже не с мужчинами.

Он пытался меня поцеловать... погладить шею... Прикоснуться к эрогенным точкам... Я до одури насилвала память, вспоминая даты исторических событий или вычитая в уме произвольно заданный интеграл с факториалом. Срабатывало. Весь мой с таким трудом возведенный покер фэйс был готов вылететь в трубу, когда я ловила его взгляд и убеждалась, что это не игра воображения и не желаемое за действительное. Именно боль. Я достала его. Вскрыла саркофаг, в котором, предположительно, так же стучало настоящее сердце, ценой своих жестоких страданий.

Было ли мне его хоть немного жаль? Народ, сожгите до пепла свои попытки увидеть во мне альтруизм, сочувствие, ванильно-розовый стокгольмский синдром, я не мать Тереза. Мне было хорошо. Я видела его боль и гасила торжествующую улыбку, жалея, что не могу замедлить пульс... Мне казалось, от мстительного злорадства сердечко шарахало так, что его слышали отдыхающие на побережье. Было что-то, что мне надо было выяснить. Его слова, которые во многом стоили мне погружения в безумие.

— Два года? Ты меня не отпустишь? — расслабленный взгляд в переносицу, в глазах любопытство ребенка. И оно должно там остаться, даже если ответ будет утвердительным.

Почему именно два года? Он что-то такое упоминал. Что через два года я... Нет, не думать! Забыть! Держать свою маску до конца.

— Юля... — с трудом не отшатываюсь от прикосновения его рук, прячу острые иглы неприятия, чтобы не ощутил и не понял, что я вернулась. — Вообще забудь думать о том, что я тогда сказал. Все неправда. От первого до последнего слова.

— Хорошо, — изображаю улыбку одними губами, стараясь не выдохнуть от облегчения. Почему-то абсолютная уверенность в том, что не врет. От кратковременной эйфории мысли уходят куда-то вдаль, снова перед глазами эти цифры... Что-то важное. Их 10...10... Вроде я близка к разгадке ребуса подсознания... Но его руки снова не дают мне сосредоточиться. Я помню, чем заканчиваются эти якобы утешительные поглаживания... Девятки и еще одна цифра отлетают на второй план. Я должна остановить его. Без боя. Без слез. Без просьб. У меня никто не отнимал женского оружия.

— А мы были вместе, да? — скулы сводит от идиотской улыбки ушедшей в себя безумицы, очень тяжело медленно обводить взглядом потолок, а не смотреть в его глаза. Он увидит там мрак, этого допустить нельзя. — Сколько раз?

Он пытается выиграть секунды, делая вид, что не понял, о чем я. Я ощущаю все. Боль. Растерянность. Сожаление. Хаотичный поиск выхода из ситуации. Мне не жаль, это бальзам на срезы моего окровавленного Я. Мне нужен ответ. Я помню с ужасающей правдоподобностью один раз, насчет остальных не уверена. Игра разбитого воображения? Иллюзия?

— Я не знал, что делать. Ты... Просто не разговаривала. Смотрела в одну точку. Я должен был попробовать все методы.

— Несколько раз, да? — скользну расслабленным взглядом по спасительной точке на его переносице, а внутри сущность скручивается в тугий ледяной узел. Твою ж мать. Культ лечебного фаллоса прям. Такой симбиоз из двух расхожих анекдотов — "ну и сиди, как дура, без подарка" вместе с "е. у и плачу". Еле сдерживаюсь, чтобы не сжать кулаки. Интересно, что он еще мне начнет чесать в ответ, пользуясь моим неадекватным состоянием? Про волшебную палочку, сорри за пошлость?!

— Я думал, ты вспомнишь... Тебе же никогда не было со мной плохо? Вспомнишь ту ночь, когда забыла обо всем в моих руках...

— Не сработало, да? — ребенок констатирует факт. — Совсем-совсем?

Как же мне в тот момент хотелось сорвать с себя эту маску прибитой горем апатичной жертвы! Выплеснуть всю свою боль в отчаянном вопле, всего на миг, хватит слабости! — и сжать свои ладони на его шее, давить, сжимать до кровавых пузырей, и при этом смотреть в глаза, а не в гребаную переносицу! Возможно, у меня бы хватило на это сил, и да, после пережитого я теперь знала — меня не остановит слово Совесть. Теперь у меня были основания это сделать! Меня остановила его боль. Да... но не в том смысле, о котором вы все подумали! Нет! Я не насмотрелась на эту моральную агонию ЕС, мне хотелось снова и снова, пить этот коктейль адского раскаяния каждой чакрой, и становиться все сильнее... Я даже понимала все мотивы его поступков в тот момент — власть и осознание того, что ты держишь чьи-то эмоции в кулаке, не могла не вскружить голову! Понимала. Но, какого хрена, он решил воплотить ее в жизнь, не спросив меня?!

— Юля... — ментально ощущаю, как он пытается прогнать собственную боль, переключив внимание на что-то отвлеченное. — Ты никогда не думала о собственном бизнесе? Что бы ты хотела иметь?

...Тебя, тварь, straponом размера XXL. Камеру пыток, нахрен. Мужской бордель. Кунсткамеру моральных уродов. И в каждой этой бизнес-сфере ты был бы vip-экспонатом.

— Спать, — отстраненно выдыхаю с растяжкой, чтобы не озвучить свои мысли ему в лицо. Моя мини-пьеса достигла цели. Усугубила его терзания на несколько пунктов. А мне действительно нужен сон. Хоть адреналин от успеха предприятия и бурлит в крови, титанические усилия, которые нужны были, чтобы сохранить лицо, не прошли бесследно. И я засыпаю. Сны лишены кошмаров, и впервые я вижу их красочными. Говорят, они черно-белые у нормальных людей, а цветные у тех, кто страдает отклонениями. Вот у него, наверняка цифровое с передачей оттенков. Это у меня пока еще аналоговое телевидение, но уже скоро...

Я просыпаюсь среди ночи от прикосновения его руки. Мое запястье в осторожном, нежном, но все же захвате. Крик гасит холодный расчет, и я, скрепя сердце, фиксирую эмоции осязаемыми цепями, надевая покер фэйс даже в темноте. В его действиях дохрена настоящей, неигровой ласки. Она отличается от прежней — за ней не последуют издевательства. Я очень на это надеюсь.

Тьма мой союзник. Все, "Ад стал союзником рая в ту ночь, против тебя одного". В темноте я могу смотреть в его глаза и не заливать свои пассивно-сломанным тупизмом. Все равно ничего не увидит. А в силу своего застывания в мире страдания — тем более. Come into my world, сладкий, и никакого вопля "красный".

Его слова долетают до меня, словно в тумане, но аналитический центр мозга

включается в работу, цинично фильтруя этот звуковой ряд и подготавливая контрудар, фишка которого в том, что он не должен таким казаться. Его ладонь нежно разгибает мои пальцы, не встречая сопротивления.

— Это вернется. У тебя просто нервный срыв. — От его шепота сводит горло. Твою ж мать. — Совсем скоро, моя девочка. Совсем... — рука, обхватившая мою ладонь, уверенным движением перемещает ее.

Я мысленно прикусываю язык, ощутив сталь мышц его груди под теплой кожей. Его ладонь ведет меня давно забытым маршрутом, и я едва успеваю выровнять дыхание. Б..дь. Да что этот уе. к должен со мной сделать, чтобы я перестала на него реагировать?! Только лоботомию, вашу мать. Трогать такое тело и не испытывать ничего невозможно. Совсем. В принципе.

— Юля? — его губы совсем рядом.

Черт, я задержала дыхание. Ты палишься, детка. А он прав в одном. Все вернулось. От этого мне хочется уснуть и не проснуться. Из последних сил беру под контроль взбесившийся пульс, гашу ужас от осознания очевидности своего желания, ловлю спасительную точку на его переносице.

— Нет... Снова ничего. Это плохо, да?

Кажется, комната вспыхивает сотней мощных прожекторов. Это только мое воображение, но я до основания разглядела надлом в его глазах. Они снова неопределенного цвета... И он скоро погаснет, когда я напьюсь твоего отчаяния по самую глотку.

Тяжелее всего было вовсе не избегать его взгляда. Не симулировать ненормальность. Не бороться с желанием проснуться ночью и задушить его, спящего, подушкой. Тяжело было просыпаться в кольце его рук. Когда оковы сна только размыкаются, мир на миг кажется идеальным. Шелк постельного белья — самым ласковым и родным. Ощущение тепла чужого тела — закономерным, и волнующе приятным. Наверное, я неосознанно прижималась ближе, без всякого эротического подтекста, в необоснованном стремлении согреться после того арктического холода, который стал моим постоянным спутником с первого дня, как я переступила порог этого дома. Было несколько сладких минут неведения... Когда шаткий корсет прежних крыльев начинал расти со световой скоростью, подпитанный чувством безопасности и защиты, сонные глаза не хотели открываться, а губы изгибались в счастливой улыбке... А потом... Потом я просыпалась окончательно, и хрупкие сваи не успевшего стать железобетонным корсета рассыпались в пыль, черным пеплом накрывая сознание. Паника сдавливала горло, я с трудом успевала выровнять дыхание и предотвратить отчаянный рывок из его объятий. Видимо, получалось плохо, но он списывал все это на отголоски кошмарных снов.

Что делала я? Я играла свою роль. Роль поломанной игрушки, которую сильно любили, чтобы выбросить на помойку, и поэтому больше не откручивали ей руки-ноги и не выдергивали волосы. Это все можно было делать потом, когда она восстановится. А сейчас же имитировали детскую игру в больничку. Не стоило разочаровывать этого зверя. Двойственность утреннего пробуждения сводила меня с ума. С одной стороны, мне хотелось поскорее сбросить его руки собственника и смыть эти прикосновения под текущими струями контрастного душа. С другой — в этих объятиях, реально было что-то от безопасности. Пока я якобы сплю, меня не тронут. Запланированный отдых перед тем, как надеть свои доспехи и держать очередные удары.

Пока я размышляла о том, выдавать ли свои карты, или насладиться... Скорее,

воспользоваться мнимой передышкой, он проснулся сам. И гребаный самоконтроль оказался под ударом. Шелковая простыня поползла вниз, остановившись на талии... Я прикусила припухшие губы, чтобы не закричать, но мышцы тела превратились в гранит, который едва не отбросил его ладонь. Или мне так показалось?

— Ты проснулась?

Проснулась. И я все еще ненормальная. Как та девочка со стройки, что надела каску, когда на нее и мальчика летела плита. Мальчика размазало по стройплощадке, а девочка только улыбнулась. Теперь всю жизнь бегаёт и улыбается. Весь мир театр, и люди в нем актеры. Поднимаюсь, из последних сил приказывая заткнуться бешено колотящемуся сердцу и встречаю его взгляд... Черта с два. Острый эротический импульс захватывает сознание, водружая там свои пиратские флаги. Какая нахрен мишень между глаз, если я не могу оторвать взгляд от его губ... Которые... Да! Я в неадеквате! И мне это сейчас простят! Спишут на безумие или застег в моем мире боли! Если я с таким же отсутствующим видом запущу свои пальцы в его волосы и, изобразив потустороннюю улыбку, сожму что есть силы, чтобы эти самые губы оказались там, где... Где не надо будет выдерживать его взгляд, в общем! На той высоте, с которой он не сможет рассмотреть во мне возвращение прежней Юльки. Перепуганной. Почти убитой. И сексуально озабоченной по самое мама не горюй. Ловкость языка и пять минут... а может и больше... только бы не меньше! Долгожданной тишины. От его языка можно реально перестать симулировать ненормальность, можно запросто в нее вернуться.

Что это было? Подсознательная попытка доминирования? Требование сатисфакции за шокирующее изнасилование на цепях? Стремление доказать себе, что мужчина, выписывающий жаркие иероглифы языком на складках моей киски и внутри нее, практически не опасен? Или просто не самая изощренная подмена сознания, которая позволит ненадолго вырваться из безрадостных дней моего существования?

Прикосновение пальцев к подбородку шарахает током. Совсем не грубо, но я в ужасе. Меня раскрыли. Это конец.

— Что с тобой?

Играть в молчанку сегодня не выйдет. Из последних сил мысленно призываю — "roHer face, приди!" — вместе с улыбочкой годовалого ребенка.

— А что со мной, — тяну эту тугоплавкую резину без какой-либо интонации. Стараюсь не замечать испытывающего взгляда. Догадался! Вот хрень. Или все же... 50 на 50? Охотник осторожен. Он вообще не торопится в свете последних событий делать поспешных выводов. Не хвататься обеими руками за любой из тех сигналов, который дал понять, что я пришла в себя. Так ему было бы проще. Так ему было бы привычнее. Но не живет мир по твоим законам. Самая незыблемая константа ломается, если передавить. Приходится анализировать и включать разум, пряча излишнюю эмоциональность и эгоизм. Идти путем наибольшего сопротивления.

"Что за...!" — на миг холодная волна липкого ужаса сковывает позвоночник, прежде чем я понимаю, что ничего ужасного не произошло. Просто поцелуй. Краш-тест моего Я. Внезапно, настойчиво, но нежно. Для меня шок, что он может так целовать. Не пить из губ мою волю, зажав в захвате неизбежности, не отбирать мой кислород, насилуя языком до чувства горького опустошения. Наоборот, снимать всю тревогу, запечатывать ее скрытые чакры на моих губах. Мне так хочется поверить в это в данный момент, но я прогоняю прочь эту недостойную слабость. Заморозив внутри мгновенно выступившие слезы от осознания

несовершенства этого мира в целом и его отдельных индивидуумов. Ведь ты можешь по-другому! Ты можешь прожить не час и не два без своей потребности ломать, крушить, причинять боль, доказывая себе... что доказывая? В последнее время мне все чаще кажется, что своим поведением он что-то пытается доказать только мне... Сегодня его губы будут целовать мои, так и не произнесшие отчаянные слова, успокаивая, деактивируя их непривычной нежностью, а завтра будут пить из губ жизнь посредством грубого прикуса. Я так устала от неопределенности. Боже мой, пусть будет что-то одно. И мне даже все равно, что. Только не эти безжалостные качели из света в темноту...

Сколько времени нужно ослабленному нервным стрессом сознанию, чтобы принять неизбежность и отключить все защитные экраны? Совсем немного. Я с какой-то апатичной обреченностью осознала, что мои губы начали отвечать на этот поцелуй. Мне никогда его не переиграть. Он был победителем изначально. А я подписала пакт о собственной капитуляции, помогая ему брать свои крепостные стены, и практически расстреливать на месте защитников моего же обреченного государства... Горло сжало беспощадными тисками, дрожь страха и безысходности, зародившись внутри уставшего сердца, атаковала каждую клеточку тела, когда я с мучительным стоном вырвалась из сладкой и ужасающей одновременно атаки губ. Я боялась встретить его взгляд, почему-то решив, что ничего, кроме злорадного превосходства и издевательского триумфа победителя, в нем не увижу.

— Юля!.. — донесся до меня его отчаянный шепот. — Девочка моя...

Я ненормальная. Я такая же, как и он сам. Ненадолго хватило моего самоконтроля. Да и был ли он, этот самоконтроль?.. Меня трясло, не разрыдалась я только чудом, когда Дима подхватил меня на руки, легко, словно я больше ничего не весила. В его руках было тепло. Вот такие объятия в последнее время даже не вызывали отторжения.

...Черно-песочная плитка в ванной не успела прогреться горячим паром воды. Этот холод проникает в позвоночник, он вроде как должен отрезвить, но ничего не происходит... Почему?! Наверное, он меня уничтожил. Как бы я не сопротивлялась, это произошло. Теплые брызги душа-распылителя стекают по моему лицу, маскируя слезы беспощадной капитуляции, но мне уже все равно, пусть видит. Наслаждается. Мне уже не помочь. Я знаю, что не должна верить тому, что происходит. Это ничего не меняет. Его боль отпустит сразу, как только он убедится, что я в порядке. Уйдет, исчезнет, соберет себя по кусочкам и вернется уже моей болью... К черту реванш. Мое кодовое слово. У меня есть выбор... Кажется... Будь осторожна с желаниями, твою мать. Они имеют коварное свойство сбываться, и иногда овсем не так, как тебе хочется. Эта мысль пролетает на световой скорости в задворках сознания... Перед тем, как я понимаю, что мои сигналы считаны и расшифрованы. Мы, сами того не желая, стали неотъемлемой частью друг друга. Пусть я по-настоящему хотела его смерти, так же сильно, как и он моей окончательной капитуляции, ничто уже этого не изменит. Мы, сами того не осознавая, создали утонченно-инновационную телепатическую связь, сеть тонких ментальных объединений. Дар небес или троянский конь епархии Дьявола?

Бриллиантовые струйки воды обволакивают, они смывают не только слезы. С ними уходят предрассудки, и приходит осознание. Вслух я об этом не просила. У меня не может быть комплекса вины. Мысли... Это реакция на стресс. И желание увидеть его на коленях. Пусть так. Пусть это подмена понятий и сознания. Он мог бы приказать мне это сделать. Расслабиться и не изображать вселенскую печаль. Но не это было бы самым ужасным. Ужасно было, если бы он предоставил мне именно сейчас право какого-либо выбора,

заставив потом гореть от чувства неисчезающей вины за подобное желание. Этого бы я точно не вынесла. Мне опять не оставили выбора. Как легко было обманывать себя и таять под лавиной его осторожных поцелуев, прикосновений языка к ничем не скрытой сейчасшее. Его язык плавно скользил по поверхности кожи, изучая, словно в первый раз, уязвимую впадинку, теплые струйки воды усиливали ласкающее скольжение, приумножив ощущения в десятки раз. Осознание того, что я, по сути, опять лишена права протеста, внезапно высушило подступившие слезы. Мои руки никто не сжимал в тисках, впечатывая над головой в быстро принимающий тепло испанский кафель, никто не пил мою капитуляцию взглядом, проникающим внутрь самой души, и даже не напоминал мне о моем истинном положении. Могла ли я дальше скрывать свое возвращение? Больше нет. Пульс отсчитывал свои тысячи ударов в минуту, тараня барьер его языка, учатившееся дыхание выдавало с головой, но я с шокирующей уверенностью понимала, что даже апокалипсис не заставит меня сейчас молить о пощаде. И никакой Тьме больше не скрыть моих настоящих ощущений. Не испепелить вырвавшихся вновь в мир живых искрометных эмоций.

Стена, вобравшая тепло моего тела, была на тот момент единственной опорой. Так легко было сползти вниз, но гордость не позволила. Она вернулась. Ее ранения оказались не смертельными, клиническая смерть — кратковременной. Они недавно рука об руку вышли из переговорной комнаты моего рассудка вместе с сознанием, заключив соглашение о прощении и перемирии. Сознание с легким сердцем поставило свою подпись, обязующую закрыть недавние ужасные воспоминания на своих задворках. Не хватало только шампанского. Но еще не вечер.

Губы, исследовав каждый микрон кожи моей шеи, уверенно переместились на грудь. Кажется, перед этим был быстрый вопросительный взгляд снизу вверх, словно негласное ожидание моего разрешения... Что, скорее, было всего лишь игрой фантазии. Капсулы сладчайшего яда растворились в крови в одно мгновение от такого положения вещей, хотя смысл вспыхнувшей эйфории я осознала только потом — Дима был там, где ему и полагалось быть с начала нашего знакомства. Без двадцати минут — почти у моих ног. Нах... самоконтроль и игры. Когда горячие губы сомкнулись вокруг ареолы соска, вакуумным зажимом втягивая его в горячую полость рта, я спалилась окончательно. Хоть бы постаралась изобразить стон боли, а не удовольствия, не так хреново было бы потом, спустя чуть больше суток... Я привыкла жить настоящим в последнее время и не заглядывать в будущее. Но сознание соблюдало условия договора. Держало меня в неведении. Как это возможно? Поцелуй груди, а отзывается чуть ли не в сердце. В эпицентре, скоплении галактик моей вселенной, горячими вспышками рождения новых звезд, в бесконечном пространстве четкой 3D-панорамы. И гаснут факелы на всех баррикадах обороны, нет больше «стоять до конца», есть «жить настоящим днем»... Жаркие поцелуи не успевают смыть потоки воды, они расцветают заново — яркими вспышками сверхновых, и в этом ярком сиянии любая боль кажется самой желанной и востребованной лаской, необходимой, как кислород... Его пальцы чертят знакомый и понятный без любого навигатора маршрут, вниз, легкими прочувствованными прикосновениями... За миг до того, как заменить их языком по указанной трассе навстречу своей цели. Моему возвращению... и скорой капитуляции... Мне надо это остановить... сомкнуть ноги... Этой ласки я не выдержу, он владеет ею в совершенстве. Но ни сил, ни желания нет сопротивляться его горячему языку на лепестках нижних губ. Это конец света в отдельно взятом масштабе. Ногти скользят по шершавой плитке, я могу упасть, но мне этого не намерены позволять. Его правила. Его игра.

Даже если на коленях сейчас не я... Реально, не я... он! Прикосновение пальцев к моим бедрам удерживает на месте, не позволяя упасть и остановить свое тело и душу от последующего унижительного разгрома. Тебе так необходимо во всем быть первым!!! Все контролировать! Даже в этот момент ты не упускаешь возможности напомнить, кто тут главный... От этого умозаклочения меня прошибает радужным током, поток чистейшего желания и вожделения, разложенный гранями призмы на цветной спектр, который поглотит меня полностью... Бл... кажется, уже поглотил!

Добрая фея, твою мать, как так получилось, что, пролетая над нами, ты слышала из всех моих желаний только это?! Где ты бухала нектар, в то время как я задыхалась от боли, сходила с ума от унижения и отчаяния, за шаг до безумия и суицидального порыва? Что тебе мешало наколдовать мне свободу от этого Монстра? Ну, хотя бы нафеячить пофигизма?..

Обрывки мыслей, осколки памяти... всю эту возвышенную поэтическую ассоциацию накрывает приливной волной вместе с настойчивыми прикосновениями его языка. Вашу мать. За что мне это?.. Такое нереальное удовольствие после всего пережитого? В венах вместо крови пляшут искры фейерверка, обжигая изнутри до невозможности интимными и сладкими разрядами. Неумолимо. Быстро. И я убью его прямо сейчас без сожаления, если он остановится...

Скрывать дальше невозможно, да я и не думаю об этом в тот момент. Поглаживания, потом удары настойчивого языка, прямо по сосредоточению всех нервных окончаний... Мой мир вырывается за просторы вселенной мощным цунами черно-красного калейдоскопа. Сил держаться на ногах все меньше, и его руки уже не смогут меня остановить, если я сползу по стене. В какой-то момент меня выгибает предоргазменной судорогой, пальцы непроизвольно впиваются в его волосы... Тогда мне это простили. Или не заметили. Или забыли. Его голос меня не останавливает. Не обдаёт пожар моей чувственности холодно-расчетливым «что ты себе позволяешь?» или «после получишь 10 за свою выходку». Холода больше нет... Опять так быстро стерлись грани между тьмой... и тьмой черно-красного оттенка. Его шепот способен перекричать шум льющейся воды, грохот моего пульса, он словно акустически усилен кафельными плитками, такими же чужими и инородными там, где я не согрела их теплом своего прижатого тела.

— Хватит... Отпусти себя...

Еще немного, и меня не надо будет об этом просить. Я вообще не понимаю. Говорит он что-то или это плод моего разгулявшегося, перевозбужденного воображения.

— Я обещал... Все вернется... Моя непокорная мятежница...

Мне не хватает этих слов. Я буду взлетать еще выше, даже если он мне сейчас зачитает раздел из учебника по квантовой физике. От одного только голоса. От необходимой, как кислород, иллюзии временной безопасности. От того, что происходящее сейчас не ради моего унижения или доказательства его превосходства, а лишь ради моего спасения, даже если я больше не на краю. В таком состоянии все нервы обнажены, открыты все каналы ментального восприятия, и, как бы я не хотела убедить себя в обратном — сейчас все, что не делается, только для моего спасения. От раскаяния, страха или от планомерного внедрения в жизнь просчитанной наперед партии по моему порабощению — не имеет значения.

Пальцы внутри... G, предательница, у тебя не хватило ума скрыться. И как это здорово, что ты без мозгов, в отличие от своей обладательницы, которой надо все анализировать и искать повод отказаться от удовольствия. Я не понимаю, чего мое тело желает больше. Чтобы он продолжал говорить, или же чтобы его язык не останавливался, насилуя клитор и

доводя до сладкой агонии. Легким касанием, словно ветерок... почти агрессивным нажимом, от которого прошибает каждый нерв, донося эндорфиновый поток до самого сердца. Медленно, словно все же решил выбить из меня униженные стоны и мольбы о пощаде... Резко. Ускоренно. Чтобы остановиться на самом пике подступающего взрыва... Я бы могла продержаться, но мои глаза предательски раскрываются, хватая доли секунды, чтобы оценить открывшуюся панораму. Мои пальцы, сомкнутые в кулачки, сжали его волосы в захвате, оттянув наверх, наверное, реально больно сейчас... Тот, кто превратил мою жизнь в кошмар, на коленях у моих ног. Его руки, обхватившие мои ноги чуть выше колен в почти молитвенном экстазе. И, как финальный, разрывающий аккорд — внезапная атака языка внутрь моей киски, быстрыми движениями. На поражение. Без остатка. Сильнее и настойчивее. Снова и снова. Переплетение узора плиток плывет перед глазами, и простор ванной комнаты взрывается симфоническим оркестром моих стонов. Непревзойденная акустика словно подвешивает отголоски эха в пространстве, и лучше этой немеркнувшей классики я еще ничего в своей жизни не слышала.

Ты выиграл, Е. тый Садист. Остается только поблагодарить, что всем своим орудиям пыток, которые оставляют след не на теле, а в душе, ты в этот раз предпочел собственный язык.

Капитуляция прошла относительно безболезненно. Я просто приказала себе — держать лицо. И сделать вид, что я сама приняла такое решение, а вовсе не он меня заставил. Да уж. Пошли два извращенца в душ... заодно и искупались. От его внимания сводит зубы и хочется закатить глаза. Как на том самом распространенном демативаторе с Дауни-младшим... Я вру себе снова. Мир расцвел для меня радужным спектром, пусть ненадолго, пусть именно сейчас, но уже за это я стала на десять процентов меньше его ненавидеть. Жить настоящим, сегодня мой осознанный выбор. Это было так неправильно с одной стороны, и так выбивалось из выстроенной системы... На ногах удержаться я не смогла. Но он не дал мне упасть. Подхватил на руки, что-то приговаривая и поглаживая по мокрым волосам. Ничего плохого, но моя реакция в последнее время была непредсказуема, я из последних сил сдерживала поток слез от его гипертрофированной нежности. Могло быть гораздо хуже, помни, кто твой враг. Мог потребовать свою порцию оральных ласк в ответ... Или не мог? Я запуталась в паутине его неадекватности.

— А теперь за маму, — очередная умопомрачительно вкусная тарталетка касается моих губ. Шутки у нас тоже ипанутые. Можно было просто дать мне вилку с ножом, тем более, что я не кидаюсь на него в последнее время с подручными предметами. Правила игры негласно приняты.

— Не хочу! Правда, хватит!

— Не будешь слушаться... Я расскажу твоей маме, что ты отказываешься от еды!

— Очень смешно. Не забудь ей рассказать, что ее предполагаемый зять не столь много времени тому...

— Юля. — в его взгляде предупреждающий платиновый блеск. Да у тебя совсем фигово с чувством юмора, чувак. Мама, скорее, будет рада видеть зятем Ганнибала Лектора или же Усаму Бен Ладена в качестве еще одного моего мужа, чем тебя.

— Расскажи, — беспечно отвечаю с набитым ртом. Ага, еще найди моего папу. Я его хз когда видела в последний раз.

— Думаешь, не сделаю? Я умею быть убедительным. Особенно по скайпу.

— По скайпу? — вовремя успела проглотить. Настроение грозит скатиться в минор от

одной этой фразы. Это жестокая шутка. Хуже только — сказать, что он меня хотел отпустить, а, поскольку я не съела всю его кулинарную экспозицию, передумал.

— По скайпу. Или ты уже не хочешь поговорить с родными?

Мне бы безразлично выплюнуть ему в лицо слово «нет». Изобразить пофигизм. Но я не могу. После выступления в ванной моя душа обнажена до самой сути. И мысль о том, как беспокоятся родные, отравляла мою душу наравне с насилием все эти дни.

— Я очень хочу.

— Значит, пока не доешь десерт, никакого скайпа. Твоя мама и без того меня через монитор покусает, когда увидит, до чего я тебя довел.

У моей матери, долб. б, слабое сердце. Нет крутых клиник, тепличных условий, косметических салонов и СПА курортов, как у твоей. И прикалываться над моими торчащими ключицами тупо, потому что еда здесь ни при чем. В этом виноват ты сам.

Я ничего этого не говорю. Улыбаюсь показной улыбкой кошки при виде сметаны.

— Не показывайся ей в монитор, хорошо? Она потом достанет меня расспросами.

Когда за ним закрывается дверь, внезапный и быстропроходящий удар головной боли сдавливает виски. Скайп. Возможность. Шанс. Юля, думай! Но мыслей никаких. Потому что я прекрасно понимаю, что вряд ли мне позволят пообщаться с матерью наедине. Будет наблюдать. Ведь я могу спокойно отправить сообщение об истинном положении дел... Если Настя дома... Она б отнеслась к этому, как к веселому квесту...

Он возвращается с ноутбуком последней модели. Конечно же, закономерно. — Логин и пароль, скажи мне, — вопрос потрясает своей двусмысленностью. Словно меня просят сдать все замки от моего сердца. От души, которая еще пока выдерживает натиск обстоятельств. Может, так и было, мы вообще до одури тесно проросли друг в друга в последние дни. Надо сменить, мелькает быстрая мысль, когда я произношу свои данные.

— Дай! — не выдерживаю, протягивая руки. Его улыбка шире. Не могу ничего понять.

— Возьми, — он с трудом сдерживает смех. В его руках рубашка. Темно-синий шелк. Мой халат промок в ванной, и тело скрывает только плед. Я, наверное, уже привыкла быть раздетой, но это совсем не веселит. Он сделал из меня то, что хотел. Необратимый процесс в сознании запущен. Быстро продеваю дрожащие руки в рукава. Пальцы не слушаются, застегивая пуговицы. Косметичка черт знает где... надеюсь, никого не напугаю. Если я на отдыхе, согласно легенде, отсутствие боевого раскраса никого не удивит.

— Юля, — возвращение прежнего ЕС. Сталь во взгляде и обещание чего-то ужасного. Мне полагается понимать его сейчас без слов. Никаких воплей «спасите меня». Никаких попыток что-то отправить при помощи смс-ки или жестов.

— Я все поняла, Хозяин, — за то, что он дал мне возможность успокоить моих близких, я могу называть его так, как он того захотел. Не время усугублять свое положение показушными понтами. Сейчас не время... Он садится рядом по ту сторону монитора. Руки на крышке дисплея. Мне пояснять не надо — что-то не так, одно неверное движение, и одним жестом экран будет сложен пополам. А я, скорее всего, тоже потом огребу по полной в позе сложенного вдвое ноутбука.

Сердце, кажется, замирает, когда раздается сигнал. И подпрыгивает, заряжаясь почти счастьем, когда я вижу на экране бегающих чертиков в глазах Насти.

— Систер!!! — едва не жмурюсь от ее пронзительного вопля. — Ни фиги себе, ты куда пропала? Мы уже думали в розыск подавать!

Просто шутка. Заезженный штамп. Знала ли малая, как близка была к правде? Дима

внимательно наблюдал за мной. Вот только непонятно, за чем больше. За тем, чтобы я не сказала лишнего, или за отпечатком грусти на лице.

— Настена, все в порядке. Я в Египте, — улыбаться было несложно.

— Не, а че бледная, как Белла после укуса Эдварда? Ты не загораешь?

— Загар не в тренде, — делаю над собой усилие, чтобы забыть о Димкином присутствии. — Что у тебя хорошего в жизни происходит?

— Да фигня полная! — глубокомысленно изрекла в ответ сестренка. — Крапивко меня достал. Сил нет. Что делать, а?

— Расскажи поподробнее, — общение с близкими расслабляет. Даже плечи уже не так напряжены. — Просто не общаться — разве не лучший выход?

Кажется, Димка улыбается. Без издевки. Без подтекста. Обычной искренней улыбкой... Ему знакома эта ситуация. Забавляет. Он хочет создать этим некую зону комфорта для меня, но... я ему не верю.

— Я ему сказала, что не хочу с ним мутить... ну, встречаться в смысле. А вчера, когда шла с тренировки, он меня в переулке подкараулил...прижал к стене... я испугалась, а он мне на ухо — «ты попутала, чика, от таких как я не уходят!» У него знаешь, глаза такие при этом были...

Мля, надо было между ног, тем приемом, что я тебя учила. Сразу. И не думать, что пройдет само, когда вырастет... Не пройдет! Станет хуже! Твоей сестре это известно... потому что некому было... за все это время... его остановить! Такого, как мать его, больной на всю голову старшеклассник Крапивко!

Слезы сжимают горло. Вашу мать, я никогда так много не плакала, как сейчас, с ним!

— Я завтра скажу этому дебилу...

— Настя, слушай меня, — мне не хватает кислорода, я игнорирую обеспокоенный взгляд Димы. — Не перебивай и не спорь. Отчим не вернулся?

— Нет, а с мамой смысла нет говорить, ты ее знаешь. Виновата я!

— Вечером сбегает к Лене. Расскажешь ей все, как есть, и скажешь, Юля просила помочь. — Моей сестры это не коснется. Никаких задатков ЕС поблизости не будет. Кто-то из авторитетных друзей подруги обломает рога этому офигевшему школоло. — Договорились?

— Ага, — звонок мобильного...то, чего я тоже лишена сейчас. — Оки, систер, я побежала, мы с Ксанкой на пляж собирались... О, маман шлепает... Мужайся!

Я едва успела взять себя в руки. Улыбалась, но хаотично моргала ресницами.

— Здравствуй, мама.

— Юля, — мать в своем репертуаре. — Что ж я за эгоистку-то вырастила, поясни мне? Что одна, что вторая? Где тебя носит? Тетке даже записки не оставила. Лена как на работу ко мне бегаёт, спрашивает, где ты и что с тобой! Ты мать в гроб решила загнать?

— Мама... все хорошо. — Миссия выполнена. Я хоть смогла решить Настину проблему. Только б пошла к Лене, а не проигнорировала. Мама... Это мама.

— Что на тебе? — ее глаза расширились настолько, что я подпрыгнула. Паук, что ли?!

— Ты в мужской рубашке?! Почему я не удивлена? Совсем стыд потеряла? Вот, значит, в чем дело! Я с ума тут схожу, а она развлекается! Ты хоть бы причесалась!

— Мама... я на море... Мама, все не так! Это женская блузка... Это Джон Варватос Это шелк... — не понимаю, что несу. И она не понимает...возможно, сегодня наш последний разговор... После той ночи я не исключаю и такой возможности. Но тема

неизменна. Дочь — шлюха. Дочь сама во всем виновата... так, по сути, и есть. Не будь я такой, ничего бы этого со мной не произошло... только шлюза могла пойти в бар и подепить неадекват.

«Тебя убедили в неотвратимости вымышленной вины», — скажет мне спустя не так уж много времени мужчина, который станет смыслом моей жизни... и Ангелом-Хранителем во всем. Но сейчас я застегнута этими обвинениями.

— Я с ума схожу, Юля! Когда ты приедешь?! Почему ты не звонишь?! У тебя совесть есть?!

Потому, что мне этого не позволили. Потому, что я была шлюхой, а с такими случаются е. нутые садисты. Это с хорошими девочками такого не происходит...

— Я приеду, мама. До встречи. Была рада тебя слышать! — нажимаю кнопку обрыва вызова прежде, чем он успевает перехватить мою руку. Мне все равно.

— Что с тобой? — надо же, мы делаем вид, что нам жаль.

Понравилось, гребаный мажор? Увидел изнанку жизни? Да что ты об этом знаешь... У нас честью было штопать колготки, а когда я начала покупать новые, на меня навесили ярлык б...и. Ибо откуда лишние 50 гривен у красивой молодой девчонки? Каких бы успехов я не добивалась, никто не хвалил меня. На мне поставили крест с наступлением моих первых критических дней...

— Я не знал. Прости, — он просто садится сзади, притягивая меня к себе. Вашу мать. Все закономерно. Мне хочется выговориться, но я сжимаю зубы. Надолго не хватает.

— Что не знал? Как в школе мне ставили 2, потому что приходилось выбирать, взятка или ужин? Как я до октября бегала в школу в босоножках? Как мать убивала себя на трех работах, а отец, урод, даже алиментов платить не стал?! Как мать назвала меня тварью за первый дорогой подарок от мальчика?! Чего ты, мать твою, не знал?! Думал, аристократку королевской крови тут на цепях пялишь?!

Давай, врежь и заставь меня заткнуться. Чего еще от тебя ожидать... Но его руки внезапно обнимают меня со спины... какое-то иное объятие. Или я стала очень мнительной...

— Твоя мать очень любит тебя, — с задумчивой уверенностью произносит он. — Она просто не умеет проявлять свою любовь по-иному. Она прячет свою боль за безопасность дочери под маской нападения. Может, еще не сейчас, но пройдет всего несколько лет, и ты поймешь...

— Ты не понимаешь... — горло предательски щиплет. — С таким детством... Ты ничего обо мне не знаешь!

— Ты думаешь, с иным детством все радужно? — он не жалуется. В голосе мало эмоций. Констатация факта. — Когда от тебя откупаются дорогими подарками? Когда на твой выпускной предки с легким сердцем сваливают на прием в мэрию, забыв о тебе напрочь? Когда рады сплавить хоть в Колумбию, хоть на Бали, только бы под ногами не вертелся? Когда я им на полном серьезе говорю, что в Рио приобрел кокс, а мне спокойно отвечают — "веселись, сынок"? Когда между родителями... черт знает что происходит, а у тебя еще не хватает опыта и знаний, чтобы понять, в чем неправильность, и почему от тебя готовы просто отмахнуться? Ты пытаешься доказать что-то отцу, который видит в тебе лишь усовершенствованный станок по дальнейшему выколачиванию бабок... Приходишь к матери поделиться первыми поражениями, получить поддержку и банальное заверение в том, что дорогу осилит идущий, а в ответ — Димочка, закрой рот, ты и слово "не получилось"

несовместимы, будь добр, американский смайл и no problem. За то, что сказала тебе твоя мать, пусть даже в такой манере... Было время, когда бы я отдал все. Деньги, авто в 17, тусовки и поездки... если б моя мать сказала бы мне хоть раз что-то подобное!

Дима

"Нет, любовь не сделает тебя адептом ванили. Она превратит тебя в монстра! Монстра, презревшего все нормы морали!"

Словно острозаточенная сталь одним выверенным, медленным замахом рассекает надвое. На две сущности. На до и после. Анубис, иди нахрен. Не тебе мне рассказывать о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия. О чувствах.

Как просто прикрыться кем-то воображаемым. Внутренним Зверем, к примеру. Словно это развяжет тебе руки для дальнейших действий... Впрочем, так и было. Трудно сейчас анализировать ситуацию и не искать для себя оправданий одновременно, не хвататься за спасательный якорь с устрашающей готической надписью "она виновата сама!", и игнорировать задумчивый вопрос совести "В чем?"... Мало ли в чем. В том, что родилась. В том, что ее занесло какого-то хрена именно в мой город. В том, что оказалась в том самом баре, куда я имел несчастье (для нее) заявиться в тот вечер без какой-либо цели. В том, что из сотни возможных претендентов на нескучное времяпрепровождение ее взгляд выбрал меня. В том, что я его почувствовал. В том, что она не отвела его первой. И так до бесконечности. Сходство с нерушимым идеалом. Моя привычка всегда получать желаемое. Попытка навязать мне свою игру. Все это можно было легко свести к одному общему знаменателю под грифом Я Захотел.

Мне реально жаль, что я не разглядел ее грани. Что довел до состояния, которое напугало меня очень сильно. Наверное, это все, что надо вам знать. Мне проще было соврать. Сказать, что в тот момент я был одержим темными силами/демонами/черепашками ниндзя. Многим проще было подумать именно так... Я всех вас разочарую. Я не клиент психиатра. Я не проект экзорциста. У меня нет раздвоения личности. И тогда, когда тут все хотели моей медленной смерти, изгнания дьявола, осиновый кол в грудь или сноп солнечного света, я не потерял контроль. Мои глаза не закрыла кровавая пелена. Мой рассудок не улетел в долину безумия. Я владел собой настолько, что мог остановиться в любой момент. Даже заставить себя это сделать. И в какой-то момент, за пару шагов до окончательного погружения, я всерьез хотел только одного. Остановки. Просто выбор казался очевидным. Продавить до конца. Подвести сцену к логическому завершению. Собственно, закончить первую сессию, а не жалеть себя и ее на самом интересном месте.

Ответил на все вопросы? Не пойму только, кому, но да, свободен. Имидж отрицательного героя, он да, обязывает. То, что произошло со мной на самом деле, останется тайной под семью замками, по одной простой причине. Потому что мне больно признаваться в этом в первую очередь самому себе. Девочка моя, почему ты так яростно упорствуешь в мелочах? Почему ты отказываешься мне верить? Если ты решила, что я буду поступать только так, как желаешь ты, — вспомни, кто ты здесь и каковы условия сделки. Если я захочу носить тебя на руках и забрасывать мишками Тедди, я сам тебе об этом скажу. Я был честен с тобой с самого начала. Тебе же ни разу не было по-настоящему больно. Я не требовал от тебя неукоснительного соблюдения общепринятых в таких отношениях норм. Я не заставлял тебя пить молоко из миски, спать на коврик у кровати и передвигаться исключительно на четвереньках. Не потому, что они мне малоинтересны, я четко разделяю понятия "почти готова" и "не готова категорически".

Собственно, я и не ожидал от самого себя, что смогу зайти так далеко. Хотел ли я с самого первого дня нашего знакомства видеть то, что стало сейчас постоянной картиной моих дней? Твоих настоящих слез. Твоих обнаженных эмоций. Твоей внутренней борьбы, которая ломала не хуже боли, в чем-то упрощая мне задачу, а в чем-то уводя за грань реальности. Очень быстро все эти игры зашли слишком далеко, спалив мой сценарий к чертовой матери.

Мог ли я хотя бы предположить, что ты будешь так отчаянно защищаться? Что твоих сил и непреклонных амбиций хватит, чтобы повергнуть нас обоих в кратковременные вспышки безумия? Так не должно было быть. Не бывает такого тандема внутренней силы и уязвимости одновременно. Сила требует противодействия. Иной силы, которая докажет свое превосходство. Уязвимость требует защиты и нежности. Твою мать, как? Как совместить несовместимое в одном?! Что за две параллельные реальности рвут тебя на части, Юлька? Как ты вообще жила с этим и не похоронила себя заблаговременно под обломками какой-нибудь из этих крайностей?

Может, я сказал это вслух. Может, и нет. За миг до того, как искры в ее глазах погасли, унося на несколько суток туда, где хрен кто ее уже мог достать, я узнал ответ.

"Просто раньше в моей жизни не было тебя"...

Я бы все отдал, чтобы эта ментальная стрела имела иной контекст. Но ее значение было перевернуто с ног на голову. Не было тебя. И я была счастлива. Зачем ты появился?...

...На тот момент она престала о чем-то просить. Искусством читать мысли мы за не столь долгое время овладели в совершенстве. А сейчас по телепатическим каналам мой мир накрыло тьмой. Тьмой чужой эмоциональной гибели. На что это было похоже? Наверное, на тот самый момент, когда я прошел в двух шагах от смерти, почти 10 лет тому назад...

...На мое восемнадцатилетие мать сделала типа красивый жест. Чуть ли не единственный за всю мою жизнь. Так получилось, что вступление во взрослую жизнь мы с друзьями начали плавно отмечать еще накануне в клубе. После ударной батареи самбуки и прочей горячей жидкости, — кажется, я едва не спалил кому-то модельную стрижку — меня оттуда вывез в непонятном состоянии личный бодигард и водитель отца. Это было не столь важно, важно то, что, очнувшись, я увидел ангела. У него были черты лица матери, только не столь надменные. Ангел протягивал мне стакан воды и таблетку Алка-Зельцера. И почему-то молчал

— С днем рожденья меня! — съязвил я, сообразив, что никакого небесного явления не было, мама решила отметить для галочки на полигоне семейно-благополучной идиллии. Интересно, насколько ее хватит в этот раз? Прежний рекорд соизмерялся 23 минутами.

— Вставай, что-то покажу, — мать отстраненно потрепала мои волосы в циничной пародии на ласку и поцеловала воздух в области моего лба. Все норм, ребята, поднимайте челюсти с пола, это мои будни. Никаких тебе "сынок, как самочувствие?" или "что ж ты, родной, сердце мне рвешь своими выходками в клубах", на крайняк — "все, домашний арест, ты расстроил мать!" В общем, то, от чего все знакомые офигевали и завидовали, почти в открытую — "мля, а мои предки совсем озверели, мозг выносят за каждый лишний литр б-52!"

Сюрприз ждал во дворе особняка. Мать с отстраненным видом вложила мне в ладонь непонятный округлый предмет.

— Ну, кто отзовется? — загадочно улыбнулась она, и все встало на свои места. Твою мать, японец. Suzuki Hayabusa. Тюнинг по цене дотягивал до Бентли, как потом оказалось.

По сути, светоскоростной. Охрнительная игрушка мотофристайлеров, гроза стантрайдинга.

Эйфория шарахнула в голову, напрочь прогоняя похмельный синдром. Шарахнула...и отвалила. — Что опять? — цинично поинтересовался я у маман. — Горит посольство России? Оперу отказываются исполнять без вашего с отцом присутствия? Карнавал Рио-де-Жанейро объявил бойкот, если вы не сорветесь туда прямо сейчас?

— Тебе разве плохо? — сдвинула тонкие брови мать, припечатывая меня взглядом. Все как один твердили, что у нас одна манера смотреть. Не дай бог, от такого взгляда, Сахара замерзнет к черту. На крайняк, вискарь в стакане. — Сколько тебе сегодня исполнилось, ну-ка, напomini? 5? 10? Или все-таки 18?

— Куда на этот раз? — пора перестать удивляться. От меня откупились.

— Кения.

— Лихорадка Эбола, сафари и много диких обезьян?

— Дмитрий, хватит язвить. У меня непреодолимое желание остаться и устроить показательное выступление перед твоими друзьями. "Скажи нет алкоголю", к примеру. Хочешь? Шахматы, чай, компот в ассортименте?

— Ты хоть знаешь, как его варить?

— Дима, не пытайся тут устроить спитч обиженного ребенка. В шесть приедет организатор с бригадой. К девяти справится, подтягивай всю свою компанию на это время. И не надо закатывать глаза. В семь встретишь еще один подарок. Понравится, смело продлевай до утра, — мать развернулась на каблуках. — У нас в 5 самолет. Смотрите, не сожгите дом. С днем рождения.

— Останься хоть раз. Это сложно? — злость закипала. Но этой холеной снежной королеве было все фиолетово.

— Дима... Если твоим друзьям нужен аналог мамы Стифлера, позвони в эскорт-агентство. И я не желаю обсуждать с тобой этот вопрос.

Добро пожаловать в мой мир. Мир, где матери плевать на своего сына. Отец требовал очень много. Мать вообще ничего не требовала. Им обоим было наплевать. Пока есть деньги и крутые автомобили с байками.

...- Это что за хрень? — натурально офигел я ровно в 19:00 по местному времени. — Ты откуда взялась?

Подарок, который полагалось использовать и продлить в случае необходимости, потерял дар речи. Вернее, потеряла. Меня пробило на смех.

— Ты сбежала из магазина нижнего белья?

Девчонка была прикольная. Длинные светлые волосы, большая грудь, спортивная фигура. Упакованная в черный кружевной корсет, тонкие чулки, и... И все. Но офигевать было рано.

— Чего желает Хозяин? — развратно пропело незнакомое создание, опускаясь на колени. Не, ну ни фигу себе? Спасибо, мама. Наверное, укололо тебя в чем-то чувство вины, раз ты пошла на такие меры? Мне очень хотелось в это верить.

— Все и сразу, — процедил я сквозь зубы. Ярость и непонятная обида на игнор родителей вспыхнула с новой силой. — Ползи сюда и поработай ртом, тварь.

Часа мне хватило с головой. Не всколыхнулась внутри темная сущность от оплаченного наигранного раболепия. Не всколыхнулась сущность Хозяина, которому предшествовал этап Охотника, намеревающегося самому поймать свой трофей. Где вы видели пуму, которая схватила обеими лапами ружье, вставила ствол себе в пасть и пропела "стреляй?" Вот и я

нигде такого атавизма эволюции не видел. Лучше б я поспал лишний час.

— Вы скажете госпоже Ларисе, что все прошло идеально? — напоследок робко поинтересовалась девчонка.

— Кому? — не врубился я. — Какая она, к черту, госпожа. Динамщица она хренова. Смысл титула маман я просек только спустя лет семь.

Что могло заполнить пустоту внутри? Ничего. Вечеринка шла полным ходом. И только прикончив наполовину бутылку виски, я понял, что может мне помочь.

— Прокатимся, камикадзе? — вежливо поинтересовался я у подарка номер один, покинув шумное сборище. Кажется, он даже кивнул в ответ. Отлично.

Моего исчезновения никто не заметил. Хватились лишь под утро, когда...

Все 300 км/час. Иногда — по встречке. При наблюдении запоздалого путника на трассе — с фигурой байкерского пилотажа на обоих колесах попеременно. Шлем гасил вопль восторга, и я с легкой совестью отшвырнул его в придорожные кусты. Идите нахрен все! Я заипался симулировать нормальность. Я такой, какой есть, и хватит пытаться доказать обратное тем, для кого я стал ошибкой с самого рождения.

Жизнь не пролетела пред глазами с космической скоростью, не открылся вдруг на Белгородской трассе яркий световой туннель с фигурами ангелов/чертей в перспективе. Единственная мысль... "Завтра семинар по криминальной юстиции, знал бы, отдал бы свой доклад... Да хотя бы той брюнетке на "лексусе", что сидит через три ряда..."... Только за цвет ее волос и силикон размера Д.

Боль прошибла ребра безжалостной вспышкой. Боль невозможно не любить, я знал это давно, хотя ни разу подобной не испытывал. И, когда мир завертелся перед глазами, сковывая ребра неминуемой агонией, выгибая запястья на безжалостной тверди асфальта, я с какой-то отстраненной готовностью поднял голову, чтобы не допустить удара... И только тогда, вместе с черными пятнами перед глазами, сердцем, застучавшем в горле и непониманием того, что произошло и на каком я свете, накрыл адреналиновый шторм.

...Когда приехала скорая, я, не замечая...или почти кайфуя от боли в треснувшем ребре, хохотал как ненормальный. Мне было... Смертельно здорово. Адреналин, взрывная волна, надежный блокиратор, лекарство от любых ран, даже душевных...

Первыми, кого я увидел, открыв глаза в палате... Были пятеро помятых после вечеринки корефанов. Они были придавлены мнимым чувством вины за то, что отпустили меня в таком состоянии кататься...

— Хрен бы вы меня удержали! — не замечая боли в ребре, перетянутаго спецфиксатором, когда они кинулись меня обнимать, гордо сообщил я.

— Мля, мои предки б нахер в армию меня за такое отправили! — с завистью провозгласил кто-то из них. — Они мне даже тачилу побоялись покупать, чтобы не убился!

А мои предки... Позвонили лишь к вечеру. Ништяк конечно, что крутых костоправов вызвонили еще ночью, когда меня привезли в частную клинику. А вот узнать, как я сам... Видать, преследование кенийских... кто там у них... Гепарды? Было гораздо увлекательнее. Вот тогда адреналин схлынул, оставляя после себя пугающую ледяную пустоту. Байк цел. Чуть восстановят, сможешь убиваться дальше. В Африке жарко. Дом цел? Выздоровливай и больше не чуди... Или чуди, но не отвлекай нас по пустякам. Это все было между строк... Никто не вылетел первым рейсом проведать единственного сына и узнать, как он. Зачем? Кредитные карты оплатили дистанционно лучших докторов. Все остальное не играет роли.

...Почему именно эта, не связанная с нынешним положением дел картинка из, казалось

бы, прошлой жизни, сейчас прошила мое сознание, прожгла сущность раскаленными стрелами неотвратимости и чего-то... Того, что я когда-то раз и навсегда спрятал глубоко внутри? Заварил, как полагал, намертво, навсегда, за семью замками, от которых расплавил ключи в полыхающей лаве своего нового становления, напрочь стер из памяти коды к этому погребенному Я... Почему эти гребные замки разом слетели, с глухим звоном падая в радиоактивную пыль от сожженной некогда слабости, именно сейчас?!

Универсальный ключ был там, где я никогда бы не догадался его найти. В погасшем омуте ее опустевшего взгляда. Ее глаза могли жечь ненавистью. Щекотать темную сущность уязвимой обреченностью. Наполнять красками Тьму от одной только искры непродуманного вызова. Но никогда этот взгляд, заставивший меня выйти на тропу войны в преследовании своей законной добычи, не был таким. Просто пустым. Безжизненным. Застывшим изображением.

Ужас, разметав в щепки саркофаг своего захоронения, черным лазерным ударом ворвался в сознание, завоевывая давно пустующую территорию, прошивая позвоночник своим отравляющим штрих-кодом.

Юля, твою мать. Я убил тебя...

Я мог бы дальше рвать на себе волосы, пытаюсь привести ее в сознание. Хлестать по щекам, надеясь увидеть в этих глазах искорки боли. Трясти за плечи, словно в надежде, что ее прежняя сущность еще витает где-то рядом, надави посильнее — вернется, озарит опустевшие глаза лихорадочным блеском с немим вопросом, "какого хрена ты творишь?" Мог. Но вот просто поразительно, как в критической ситуации, не смотря на ледяные щупальца ужаса и чего-то еще, похожего на ненависть к себе, мной овладел просто железобетонный самоконтроль и ясность разума.

Действовать сразу. Не дать ей уйти туда, откуда многие не возвращаются. Кататься по полу с воплями, "какого я так поступил?" можно потом, когда ошибки будут исправлены. Мой косяк, и я за него в ответе. Точка.

Ужас накрыл чуть позже. Когда не привела ее в чувство горячая вода. Когда попытка влить в рот коньяк не увенчалась успехом. Когда я почти захлебнулся от отчаяния, начав снова лупить ее по щекам... И она ответила на это действие. Ее рука замедленно, словно не подчиняясь разуму, отвела мою ладонь. Ничего не изменилось в погасших глазах, в которых я с настойчивостью погибающего от жажды ловил хоть какой-то глоток эмоции. Ничего.

— Отец, срочно, телефон семейного психотерапевта.

Юлька свернулась клубочком на постели, закрывшись от меня в своем мире, где я не мог ее больше достать.

— Что ты натворил? — кажется, я и отца напугать сумел. — Что с этой девчонкой?! У тебя совсем крыша съехала?

— Телефон психотерапевта, — процедил я, не позволяя спазму отчаяния сжать горло. — Расспросов не будет. Я жду.

— Скайп, — продиктовал отец. — Я совершил ошибку, потакая твоим извращенным...

Я отбросил телефон в сторону. Вы с матерью совершили ошибку, дав мне жизнь. Кто еще мог получиться в семье, которой аббревиатура из четырех пугающих букв знакома не понаслышке?

В тот момент я был в этом уверен как никогда.

Врачебная этика, она универсальна. Ни удивления, ни возмущения, ничего. Эмоциональная нестабильность всегда присутствовала у пострадавшей? Конечно. Я

постарался. Цикл ПМС? Бля, я календарь в руках не держал. Болевой шок? Невозможно. Я был осторожен. Список лекарств. Распечатка рецепта с электронной подписью. Частного доктора высшей категории ничем не удивить, кто платит, тот всегда прав. Доставка препаратов по списку.

Таблетки пришлось в нее запихивать силой. Нет... она не сопротивлялась. Впервые в жизни это была тихая, леденящая кровь покорность во всем. Она просто не понимала, чего я от нее добиваюсь, с готовностью открывая рот и позволяя абсолютно все. Оставалось, наверное, только ждать... Несколько суток ожидания, которые иссушат до основания своей жестокой, тягучей неотвратимостью. Время, в течение которого я полностью осознаю, что нет у меня никакого права писать раскаленные пентаграммы на сознании других людей, потому что груз ответственности за один неверный шаг рано или поздно сломает хребет, проникнет в кровь, отравляя день за днем чувством самой тяжелой вины... Или, будучи не в настроении для подобных изоощренных игр, выжжет напалмом сущность, оставив после себя выжженное поле. Что было бы предпочтительнее? Наверное, только второй вариант. Потому что, ощущая яд неотвратимости под кожей, не отдавая себе в этом отчета, я подошел к черте иного безумия, в котором жажде власти больше не было места.

Что спасает в таких случаях? Все просто. Алкоголь. Колеса. Прочая наркотическая артиллерия, спасательный круг слабаков. Я был выше этого. Почти у черты отчаяния и ненависти к себе, но готовый испытать свой персональный ад до последнего глотка. Кому-то свыше было мало. Может, даже ее персональным ангелам, которые в попытке заставить меня прочувствовать всю боль от моих преднамеренных действий не пожалели даже ее. Разговор с доктором реверсом перекрутился в сознании, приобретая раздутую извращенную форму..."...больше нежности. Секс, выброс эндорфинов...эстрогенов...хрен еще знает чего..."... Доктор Фрейд, сожри свою лицензию.

На миг мне показалось, что в ее взгляде промелькнула осмысленность... Я ухватился за эту шаткую соломинку, сжав обеими руками, впившись губами со всей своей нарастившей ни на кого и никогда нежностью... Которая вообще непонятно откуда взялась в тот момент, не укладывалось в голове, откуда могло появиться это чувство, если никто и никогда мне не давал даже его подобия... Закрытое настолько глубоко, чтобы в критической ситуации вырваться на свободу в отчаянной попытке спасти, ударить последним оружием, которое обратным рикошетом может убить меня самого. Пусть. Возвращайся. Открой глаза. Пусть я увижу в них ненависть, которая навсегда убьет мою волю к жизни. Прошу тебя, дай мне только это, другого я не заслуживаю... Просто забери мои силы и возвращайся. Завтра же будет точка в этом затянувшемся противостоянии без добровольного согласия одного из игроков. Просто вернись...

Ее тело было податливым и покорным. Только ее душа была не здесь. Когда я увидел реакцию на свои действия, отчаяние сжало сердце в тугий кулак. Эти слезы не были предвестником возвращения. Это был неосмысленный сигнал о том, что иная пугающая реальность увлекает ее еще глубже, закрыв непробиваемыми стенами. Шаткая надежда... на то, что это были эмоции... да, пусть такие. Пусть. Будут и иные, я все для этого сделаю теперь. Эти слезы будут от счастья, ни от чего больше...

Мрак. Холодная стена. Открытые каналы ментального восприятия. Антенны радаров, сломавшиеся о непроходимый барьер, силовое поле.

— Я вытащу тебя, Юля, — она не слышит и не видит. Я этому рад. Потому что сейчас у нас одинаковая реакция... только я, в отличие от нее, все чувствую, сжигая оголенные нервы

дотла. Но они восстанавливаются снова, чтобы пылать еще ярче и осыпаться невесомым пеплом непрекращающейся агонии. Очередной виток ада. И этому уже никогда не будет конца.

Она засыпает. Очень часто. Надолго. Доктор сказал, что это хороший знак, ее защитные функции сознания мобилизуют все силы. А от меня сон уходит совсем. Если я передал его ей, я предпочитаю не спать вообще, насколько хватит моих сил. От этого, говорят, умирают. Пусть...

Тьма накрывает, и спасения от нее нет. Можно выпить пол-упаковки донормила, обмануть мозговой центр, отвечающий за здоровый сон, но я не хочу спать. Медленно отмеряющее минуты время. Они падают монотонными каплями. Сколько капель нужно, чтобы свести человека с ума? Все равно. Я не могу позволить себе сон. Пока она не откроет глаза, и я не увижу в них ее прежнюю.

Утром ничего не происходит. Взгляд в одну точку. Безвольно раскрытые ладони. Доведенные до автоматизма действия, она в упор не замечает моего присутствия. Ужас пускает отравленные метастазы еще глубже, от отчаяния хочется кричать и крушить все на своем пути.

— Просыпайся! Да очнись, твою мать! Дерзкая сука разучилась говорить?! Так быстро проиграла?..

От пощечин она даже не жмурится. Ярость — нет, не на нее, на собственное бессилие и гребаное превосходство — накрывает, вступая в термоядерный союз с ужасом.

— Возвращайся! — сминаю ее губы в неистовом поцелуе. Вспомни. Если по-хорошему сознание не умеет, давай с имитацией плохого. Так же тебе привычнее? — Ты решила так от меня сбежать? Ни хрена у тебя не выйдет! Возвращайся, или свои прогулы отпляшешь неделями за каждый день!

Услышь меня. Испугайся. Ужаснись. Всего на миг, ты ведь знаешь, что я никогда этого не сделаю. Да я сразу отвезу тебя домой, как только придешь в себя...

Не отвезешь. Черта с два ты теперь позволишь ей исчезнуть из своей жизни. Слишком крепко проросли друг в друга, словили неуловимую ни для каких вражеских радаров взаимную частоту. Ты ей полностью укомплектованный бизнес, за что собрался дарить? За молчание? За чувство вины? За то, чтоб шире открывала рот и произносила сухие заученные фразы? Б. дь, не ври сам себе. Ты это делаешь, чтобы не упустить ее из виду. Потому что порвешь теперь любого, кто осмелится посмотреть на нее даже в прицел бинокля. Потому что это твоя девчонка, и хрена с два ты теперь ее отпустишь. Ты это делаешь, чтобы снова быть рядом. Чтобы закрыть ее своими стенами и убереечь от всего мира, уничтожить любую угрозу вашей совместной замкнутой реальности. Может, даже подставить свою грудь под пули за нее, если понадобится.

...Что это? Тот самый голос свыше? Нет. Впервые в жизни, честная попытка сказать себе правду.

На исходе следующей ночи, едва не теряя сознание от недосыпа и иссушившего все резервы черного отчаяния, я готов на все. Даже навсегда исчезнуть из ее жизни, только бы пришла в себя. Но где-то там, в глубине души понимаю, что, стоит ей вернуться, все пойдет по сценарию аналогичного анекдота... "боже, помоги, брошу пить, курить, пожертвую на церковь, уйду в монастырь... А, нет, извини, все, место на парковке освободилось..." В ход идут все методы. Нужно тянуть за якоря самых счастливых воспоминаний, сказал гений психиатрии. Последний раз я видел ее счастливую улыбку совсем недавно. Якорь. Шаткий

канат... Я должен попытаться.

Все зря. Все мимо. Якобы благими методами была выстлана дорога в мой персональный ад. Снова слезы. Последний раз, когда мы были вместе, стер все хорошее, что имело место быть. Генетический код, запомнивший часы непрекращающегося полета. Память тела, которое легко забыло судороги непрекращающихся оргазмов перед лицом боли. Я подвел ее к самому краю.

Она не отказывается от еды и таблеток по графику, она вряд ли понимает, что происходит. Впервые я хочу забрать эту боль, но не могу. Потому что ей не больно. Ей хорошо, но в том мире, которого просто нет.

Что бы изменилось, не случись того, что произойдет уже совсем скоро, взорвав, определив цепь дальнейших событий? Вряд ли изменения были иными.

Я шагнул в ворота своего персонального ада, и проще всего было просто исчезнуть. Если бы был выбор. А выбора не было уже потому, что я просто не мог ее оставить. И никогда не смогу.

...Есть ли предел у боли, которую ты выписал себе сам? Осмысленно, купившись на яркую рекламу глянцевого упаковки, на черное мерцание логотипа, на креативное описание этого эксклюзивного товара, проигнорировав мельчайший шрифт, которым была выполнена надпись "последствия"? Думал ли ты об этом, когда сознание нажатием пальцев продавливало условную иконку "добавить в мои покупки"? Об этом не предупреждают. Luxury segment предназначен, в первую очередь, для элитного удовольствия, да и врожденный цинизм потребителя подобной продукции не предусматривает постфактум конфронтацию с совестью. Бери. Получай удовольствие. Используй. Отбрасывай с легким сердцем. Ты имеешь на это полное право.

Почему нельзя, пользуясь несуществующими привилегиями подобного положения, отключить, стереть из реальности мелкий шестой курсив с заголовком "последствия"? Создатель эксклюзивного предложения не захотел позаботиться об этом. Создал. Раскрутил. Навесил мерцающий лейбл бренда самой тьмы. Дьявол всегда был верен лишь себе до конца.

...Сам уклад жизни, образцово-показательная, на первый взгляд, семья, в которой я вырос... Я иногда задавал себе вопрос, могло ли быть по-другому? Без надрыва, без заламывания рук с воплем "за что мне это?", скорее, с любопытством, и... Небывалым эмоциональным подъемом почти познавшего смысл бытия, которое, в итоге, определяет сознание. Я ощущал себя избранным. Тем, кто поднялся выше тупых норм программирующей сознание морали, тем, кто вырвался из рамок общества, которое косило всех под одну гребенку, начиная со школы. Лет в 20 мне на глаза попала любопытная геометрическая теория, к ней подводилась база доказательств, хотя я этим предпочел не заморачиваться. Параллельные линии — пересекаются. Доказано пьяными прокладчиками железнодорожных путей, скажет любой из тех, кому эту непреложную истину о недопустимости пересечения вложили в голову со школьной скамьи. Мы все запрограммированы на одинаковое мышление с детства. Что делали во все времена с инакомыслящими — пересказывать историю инквизиции и репрессий нет смысла. Право оставаться собой нужно заслужить. Если удастся проникнуть в суть и понять, на чем базируется эта избирательная, недоступная другим свобода — ты подойдешь вплотную к воротам персонального рая.

То, что отношения между родителями не вписываются в общепринятый формат, я смутно, не осознавая до конца, догадывался с самого детства. Нет, меня от этого оберегали

очень тщательно. Никакой особой детской травмы у меня не было, я только раз отыскал непонятный восьмилетнему ребенку предмет — ручка и до тридцати кожаных лент. Я заплел их в косички, приспособил эту штуку в качестве пальмы-бруствера в своих играх с дорогими машинками и пистолетиками... и забыл об этом на долгие годы. Хотя один раз испугался. Когда отец обращался к матери на Вы и преданно заглядывал в ее ледяные глаза, полагая, что я их не вижу. Между родителями явно что-то происходило, и неделю меня трясло от мысли о том, что они разведутся. Штатный психолог снял с меня этот зажим за пару сеансов.

Осознавать все я начал... Наверное, лет с пятнадцати. Мать поймала меня с сигаретой возле бассейна. И...нет, не отшлепала. И даже не заставила ее сжевать. Это было аккуратно перед знакомством с Мариной.

— Покурим? — самая чуткая и все позволяющая мать на свете открыла серебряный портсигар, поморщившись при виде табачной продукции, изготовленной в родном городе. — Дмитрий, еще раз увижу, что ты гроишь легкие третьесортной соломой, перебью пальцы. Возьми. — Она курила очень дорогие сигареты, которые ей привозили из-за рубежа. Подобных у нас днем с огнем не отыскать. — Мне звонила твоя классная. Отстань от дочери Кононенко.

— Чего это ради, — мне нравилось загонять в угол эту дерзкую красавицу класса своей силой. Она уже начала капитулировать. — Эта кукла сама от этого тащится.

И тут я получил первую раскладку понятий. Узнал, как это называется. Есть садисты. Они получают удовольствие от того, что причиняют боль и подавляют других. Есть мазохисты. С этими все с точностью наоборот. Их вроде как надо жалеть, а нас — ненавидеть. Но все не так. Это потребность, и взаимное удовлетворение таких потребностей — ведет к гармонии. Если бы маркиз де Сад и Захер-Мазох однажды встретились, они бы нашли друг друга. И крейсер в бухту тем снобам, кто называет это извращениями. Подобный вид отношений — прерогатива сильных и высокоинтеллектуальных личностей. Среди них не встретишь дядю Васю-фрезеровщика.

— Круто, — это все, что я мог из себя выжать в тот момент. Мать, сделав вид, что не заметила моего участившегося пульса и заблестевших глаз, щедрым жестом пожертвовала свои крутые сигареты и упорхнула на очередной шопинг. Даже тогда я не задумался о том, какая роль ее в этом непонятном пока, но таком интригующем мире. Так было проще. Нас всегда незримо отделяла некая стена, и я оставил попытки протаранить ее еще в пятом классе. То, о чем я не задумывался, было мне продемонстрировано во всей красе спустя десять лет...

...Юля не хотела просыпаться, а я не хотел ее будить. Я боялся ее пробуждения. Боялся вновь встретить пустой, погасший взгляд, ощутить самую страшную боль из всех, что мне доводилось испытывать прежде...

Она должна вернуться. Открыть глаза в прежней, знакомой ей обстановке... Это когда рядом нет меня. И вообще не здесь. В прошлой жизни... Виски ломает тупая боль. Это не от недосыпа. И не от изменения погодных условий. Это попытка уничтожить себя этой болью за то, что я натворил в итоге — подсознательная, обреченная на провал. Когда сам любишь высекать свое же чувство вины посредством боли, это не наказание, а потакание своим слабостям...

Я пытаюсь приготовить ей завтрак, но все валится с рук. Даже раскаленная сковородка. К черту! Просто набираю номер японского ресторана. Может, это позволит ей вернуться...

Хоть бы в мир привычных приятных вещей, а не вспомнить, как мы впервые встретились. Как мелькали хасы в ее тонких пальчиках с непревзойденной утонченной грацией. Я заметил ее первым. И тогда уже робкие попытки позволить ей избежать знакомства завладели моим сознанием вместе с обостренным желанием обладать ею полностью.

Уйди, сделай так, чтоб тебя искали и не нашли, мысленно сказал я ей тогда, уже не слушая веселую Вовкину болтовню. Прямо сейчас, свали отсюда, и не вздумай посмотреть мне в глаза. Избавь от проблем нас обоих, и никогда, послушай моего совета, не надевай на свою шею этот металлический намек на желание принадлежать. Скользни взглядом мимо. Твой контингент там, в углу, это трио метросексуалов, похожих на футфетишистов, к примеру. Увы, в тот момент никакой ментально-телепатической связи между нами не могло существовать в принципе... А Вована спасти из бездны под названием "декольте, сидящей рядом с ней блондинки" уже не представлялось возможным.

— Смотри, — изобразил улыбку хищника мой друг. Получился мартовский кот, рожденный ползать — летать не может.

Моя добыча сама нацепила на себя маркер будущей жертвы. Я был почти восхищен ее выдержкой, никто и никогда не выдерживал моего взгляда. Попыталась... Что ж, теперь цель моей жизни стереть эту дерзость из твоих красивых глаз, которые вскоре будут видеть в деталях каждую линию паркета или тротуарной плитки, потому что выше поднять их ты не осмелишься...

— О черт, — закатил глаза Вовка, поняв, что означает для меня этот обмен взглядами. — Не гони беса со своими играми, она совсем малолетка. Розовые свечи и вздохи под луной... О, ты посмотри, что они делают! Они решили за меня не драться, а просто выкупить право первого свидания!

— Круто быть фишкой в покерном раскладе? — о том, что значил прикол с купюрами, догадаться было совсем не трудно. Суммы там хватит оплатить еще один сет. Вот, за что ты продала свою душу вместе с телом, сама того не подозревая... Я пытался тебя пожалеть и спасти, но ты решила поиграть в свои игры... Я все равно выиграю.

— Дима. — Вова ощутимо напрягся. Не то, что ему было жаль эту дикую незнакомую стерву, которую я уже мысленно приговорил к потере воли, просто на волоске висел вопрос обладания большой грудью ее подруги. — Что ты творишь?! Оставь в покое ребенка! Я сомневаюсь, есть ли у нее паспорт! Ей еще соска нужна...

— Большая и крепкая, — согласился я, допив залпом коньяк. — Да ты не бойся, спортсмен ребенка не обидит...

...Рыться в чужих вещах было тяжело. В ее сумке нашел халат из настоящего шелка кораллового цвета... Я просто не представлял себе, что еще могу для нее сделать. Выбор очевиден. Убиться головой об стену... или все равно, что и в какой последовательности. Сначала, попытаться вытащить.

Я смотрю на ее аккуратно сложенные стопкой вещи, безмолвный глянецовый экран планшета, познав тайны которого, нашел охренительный повод сломать ее до основания, не испытывая никакого чувства вины. И мне впервые за долгое время по-настоящему страшно. Потому что отпустить ее поломанную я не имею ни малейшего права. А оставить рядом, заручившись незримой благосклонностью ее состояния... Я сорвусь. Рано или поздно. Это замкнутый круг. И от этого страшно вдвойне.

Я с первой встречи хотел, чтобы этот дерзкий взгляд навсегда стерся из ее зеленой радужки. И вряд ли понимал, чего именно хочу. И кто из нас оказался сильнее. Она

предпочла уйти в свой мир, перешагнуть ту черту, к которой любой другой просто побоялся даже подойти. Бездна без права вернуться... Или окончательная потеря самой себя. С отчетливой ясностью понимаю, что для второго варианта смелости как раз и не надо. Это слабость.

Шум воды в душе. Мне снова страшно. Я не знаю, что она может сделать с собой в таком состоянии. Впервые жалею, что не догадался распахнуть по комнатам камеры наблюдения...

У меня не хватает сил дождаться ее появления. Это побег. Это ужас от того, что она сможет все прочесть в моих глазах... А еще и от того, что я снова увижу этот потухший взгляд, и просто не смогу с этим справиться. Мне надо прийти в себя, чтобы понять, как действовать дальше... Одно неосторожное движение может закрыть ее в мире апатичного бункера навсегда. Как и бездействие. Я надеюсь, что она сможет съесть хоть что-нибудь. И хоть немного приблизиться к закрытым пока дверям сознания, если меня не будет рядом...

Мне самому нужна помощь. Звонить психотерапевту после вчерашнего панического откровения я отказываюсь наотрез. Матери — тоже. Сорвусь на обвинения родом из детства и ссылки на извращенный генетический код. Рука сама тянется к телефону...

Привет, Наставник, я твой ученик, и таким, как я, не место на земле... Меня следовало закопать еще в детстве. Или спустить с лестницы последней того самого первого раза в клубе. И уж никак не облачать мои ненормальные желания в цивилизованную форму, потому что сути дела это не меняет... Ты учил меня всему, кроме этого. Потому что такое с сознательными и истинными верхними не могло случиться в принципе...

Мир на грани саморазрушения, отчаяние играет в контроль дыхания с совсем не эротической асфиксией, а в трубке холодный бездушный голос автоответчика... Абонент отключен...

Я часто задавал себе вопрос... Ну, насколько часто можно было прокрутить его в голове перед лицом неминуемой смерти, — что, если бы я смог дозвониться Алексу в тот момент? Чем бы все закончилось? Это было бы лучшим выходом из ситуации...

Но телефон молчит, чтобы разорваться трелью лишь ближе к нерушимому абсолюту полуночи, когда я смогу взять себя в руки и вновь мысленно послать всего из себя правильного Наставника к чертовой матери...

...- Как ты можешь утверждать, что у меня не получится, если я еще даже не пытался?!

День не задался с самого утра. Я три часа мило беседовал с ОБОПом, прилетевшим по наводке конкурентов, запретив себе беспокоить отца по таким пустякам. Когда они поняли, что Лавров — не однофамилец первого человека в городе, я уже был без сил.

— Дмитрий, в таком состоянии я тебе даже разговаривать с ней запрещаю.

— Я думал, она нижняя. Если она боится со мной заговорить, что она здесь делает?

Анубис непреклонен. Завтра я пойму, что он был прав во всем, но сейчас... Я реально не могу справиться с не самыми положительными эмоциями, среди которых рулит агрессия.

— Из Парижа, с любовью. Распробуй вначале, у него нереальная выдержка.

Коньяк великолепен. Хозяин клуба смотрит на меня с изучающим патрицианским прищуром. Когда-нибудь я тоже смогу читать людей по лицу.

— Понимаешь, Касси очень ранимая. Ты не сможешь быть с ней. Сухая сессия после предшествующего опыта только застегнет ее сильнее. Она ищет тепла и защиты, в первую очередь. Ты не готов отдать себя настолько.

— У меня хрен знает сколько никого не было..

— Эгоизм недопустим. Я не могу позволить тебе сломать жизнь этой девочке снова. Имей терпение!

Властные нотки спокойного голоса альфа-доминанта разрезают сгустившуюся ауру беснующегося от искрометного вожделения сознания. Заполняет ее своим программным кодом с оттиском на видеокарте... Хватает пары слов, чтобы я начал понимать, что он прав. Я ведь и запал на эту новую сабу только из-за ее длинных ног и черных волос.

— Отдохни сегодня. В подвешенном состоянии не стоит даже тренироваться. Пожалуй, проведу тебя к парковке.

Да не буду я пытаться зажать в углу твою ранимую Касси, мелькнула у меня мысль, и тут же погасла под внимательным, пробивающим, словно рентген, взглядом Наставника. Впрочем, стоило шагнуть за разделительную линию кабинета и лестничного пролета — как со мной случилось очередное потрясение, заставившее напрочь забыть о привлекательной сабе.

— Ева, — вопросительно поднял брови Алекс, и я повернулся к женской фигуре в длинном черном платье и черной маске на пол-лица.

— Извини, что беспокою! У Инквизитора сцена с нижней, похоже, вышла из-под контроля. Не в обиду, но Смотрители предпочли перекур выполнению своих служебных обязанностей... — она сняла маску, и наши взгляды встретились.

Чему, спрашивается, было удивляться? Я не удивился. Я даже не могу описать весь спектр эмоций, которые накрыли меня в тот момент.

— Здравствуй, мама! — кроме убойного сарказма, пожалуй, ничего. Все остальное придавит потом. — Или я ошибся... Вас надо величать госпожа Ева Браун? Мистрисс фрау Мюллер?

— Дмитрий, — спокойно произнес Анубис.

Зря. Я ощутил ростки усталой ярости.

— Ой, а где это я? Я шел в кружок юных натуралистов... Заблудился, да?

— Дима, мы поговорим дома, — поразительно, но эта стерва мне улыбалась! Насмешливой улыбкой хозяйки положения и без какого-либо удивления. Какого хрена я до сих пор об этом не догадался!

— Мама, я выучил ботанику, не надо пороть меня ремнем! Лучше спой мне колыбельную! — на нас уже косились посетители клуба, но мне было все равно. — Папа тоже тут? На скамье для флагеляции? Дай засниму на телефон, а?!

Я очнулся только на парковке. Алекс не сказал ни слова. Тот же взгляд, в котором никогда нельзя ничего прочесть. Непременное патрицианское спокойствие. То, до чего я, возможно, когда-нибудь дорасту.

— Ты знал!

— Я не имею привычки раскрывать инкогнито членов своего клуба.

— Это из-за нее ты решил меня обучать?!

— Не совсем. Из-за твоего потенциала. Было бы обидно его потерять, дав волю всем эгоистичным эмоциям сразу.

Поразительно, но одно его присутствие действовало на меня подобно легкому транквилизатору. Неизменный костюм, Emporio Armani — менялся только его оттенок и фактура ткани. Стильная стрижка минимум за сотню баксов. И один этот взгляд Повелителя Вселенной. Не хватало только трона.

— Учись управлять своими эмоциями. Ты же помнишь, что не имеешь права на

подобную слабость? — сколько раз я слышал от него эти слова, произнесенные в разной интерпретации...

И на данный момент многие из эгоистичных эмоций были заперты в клетке. Многие. Но не все...

...Спустя сорок минут мое беспокойство достигло критической отметки. Не было больше сил мерить шагами комнату и искать выход из сложившегося тупика. Страх никуда не делся. Я боялся перешагнуть порог ее комнаты и увидеть, что ничего не изменилось. Потухший взгляд. Безвольно развернутые кисти и расслабленные мышцы шеи. Никакого сопротивления, крути, как хочешь...

Я увидел кое-что еще... Взгляд в никуда. Никаких эмоций. Лучше бы я не пытался обнять ее лицо и разглядеть в потухших омутах зеленого цвета то, чего там больше нет. То, что я решил уничтожить в ней с первого мгновения знакомства, и в чем преуспел.

Убивающая, сметающая все на своем пути пелена безысходности грозит поглотить полностью. Боль. Вот, что это такое. Лучше бы я видел ненависть в ее потухшем взгляде. Но я не вижу ничего. Голос срывается. Я почти счастлив, что она ничего не слышит в этот момент.

— Я отвезу тебя домой... возвращайся... Прошу, не причиняй мне боль...

Все, что я не мог сказать раньше, обретает форму слов. Ни одной излишней гласной. Ни одной продуманной фразы. Оттиск сознания, воспроизведенный губами.

— Вернись. Ничего больше не будет... спалю во дворе к чертовой матери на твоих глазах все, что так тебя пугает...

Я говорю долго и много, откровения измотанной души, не разбирая их смысла, а она не хочет возвращаться. Черная удавка на шее затягивается сильнее, еще немного, от безвыходной ситуации остатки контроля полетят к черту. Мне нужно отвлечься. Ей, наверное, все еще больно... Я не бил сильно... Зашевелись. Просто оттолкни мои руки. Отшатнись. Ну, хоть что-нибудь сделай!

— Очнись! — от пощечин даже не жмурится. А когда я осознаю, что снова ее ударил, весь гребаный самоконтроль рушится напрочь. Это что-то новое, то, что я оставил далеко за порогом бессознательного детства. Судорога в горле. Очертания ее лица, словно закрывает непонятной мутной пеленой. Я подсознательно уже понимаю, что именно это значит, но все еще отказываюсь в это верить. Трясу головой, и зрение проясняется. На ее груди две четкие капли воды, отчетливо видны на загорелой коже... И перепутать их ни с чем нельзя... Е... твою мать... Она все это видела... Да смотри, сколько влезет... Только вернись!

Пусто. Мой мысленный крик поглощает бездна ее отчуждения, смыкая над собой звуконепроницаемые створки. Нет, не смотри. Ты и так видела достаточно.

Достаточно, чтобы перезарядить свои пистолеты по полной обойме в этом баттле не на жизнь, а на смерть. Отрикошетить эффектом бумеранга все мои обнаженные эмоции против меня же самого! Я просто не могу тебе позволить увидеть больше... Потому что однажды ты вернешься и оттиском пальца, на котором проступил их четкий код, заблокируешь стальные двери моей персональной преисподней... Если просто закрыть лицо руками... Ты ничего не увидишь. И я очень надеюсь, что никогда не вспомнишь...

Она засыпает. Доктор говорил, хороший знак. И впервые мне хочется остаться и наблюдать за тем, как она спит, словно я смогу получить ответы на все свои вопросы. Но мне страшно отпускать ее даже в спасительные объятия сна, потому что, если она проснется и не придет в себя, я буду морально уничтожен.

— Не засыпай... Девочка моя, иди ко мне... — голос срывается на шепот. Она не слышит. Ярость с трудом удерживает мои руки от очередного резкого рывка, она передается голосу. Мне надо оставить ее в покое, иначе последствия будут самыми катастрофическими.

Взгляд прежний. Опустевший. И от того он кажется спокойным и пугающим. Не меняется ничего.

Новый удар настигает, подобно горной лавине, когда я осознаю то, что раньше не замечал.

Она не говорит. Совсем...

А я понимаю, что весь мой мир теперь летит к чертям. Что мы прочно связаны невидимыми лентами, и меня затопила ее боль, которая осталась где-то на поверхности, терпеливо поджидая ее возвращения. Как и я. С этой сущностью, ломающей сердца, мы уже неотделимы...

Время перестает существовать. Совсем отворачивается от меня, не говоря ни слова, как будто я и ему что-то плохое сделал. А может, оно тоже загорелось идеей абсолютной власти, вдохновившись моим примером, и оттачивает свои садистские методы с особой тщательностью.

Минуты. Секунды. Часы. Они то подвисают в сжатой невесомости, то разгоняют свой бег до максимума, и я не понимаю, в какой именно временной плоскости и как долго были осколки расколотой действительности.

Я помню, что она снова плачет, а я уже не получаю ни капли удовольствия от очередной попытки вдохнуть в нее жизнь посредством слияния наших тел. Бездна сомкнулась, и бежать больше некуда. Ждать... Разум когда-нибудь снова победит. Вечер. Ночь. Утро. Ласковая прелюдия жаркого дня. Что тебе нужно сейчас больше всего, моя любимая девочка, сбежавшая во мрак безысходной апатии?.. Если б я только знал ответ на этот вопрос. Шоковая терапия, которая ломает неприступные стены твоего застывшего страдания, или абсолютная нежность, которая затопила меня, усилив боль от того, что я просто не знаю, что с ней делать?!

Тебе легче от ласковых лучей солнца? Они смогут растопить лед твоего надлома? Я с жадностью первооткрывателя... нет... Потерянного в жаркой пустыне странника ищу ответ в твоих глазах, словно оазис в расплавленных песках обители миражей. Ты закрыта от меня настолько, что я не могу даже поймать отголосок твоих истинных эмоций....

А если так?.. Холодная сталь. Вспомни объятия холода. Дай мне хоть что-нибудь, чтобы я знал, как тебя вытащить из мира боли и страдания... Даже если я увижу ужас, он будет во благо. Потому что ты начнешь возвращаться...

Я едва успеваю перехватить ее плечи... Б. дь. Юля, что ты делаешь? Я сам буду готов сделать то же самое, если ничего не изменится. Жизнь — это дар, ты не можешь желать этого по-настоящему!

Меня трясет, когда я освобождаю ее кисти из стальных захватов. Не помогло. Лишь открыло для меня ужасающую картину — в том мире все дается легко. Даже попытка суицида. Не надо изобретать велосипед, зубки в помощь...

Я уже не знаю, происходит что-то обнадеживающее, или это желаемое за действительное. Мне кажется, ее глаза впервые за этот затянувшийся период смотрят на меня с вопросом.

— Я не мог позволить тебе упасть...

Не со скамейки! Я не хочу твоей боли! Впервые, за все время, я не хочу больше видеть

твоих слез и опустевшего взгляда. К черту амбиции, я чуть не убил тебя ими!

Почему эта боль не может довести до логического завершения? Почему она не ломает кости и не плавит нейроны? Потому что так, реально, легче... Получить по заслугам. Снять это чувство вины. Это то, что я приготовил для тебя совсем недавно...

Этой ночью небеса разверзаются. Если б с этим дождем могла уйти моя боль, почти достигшая точки невозврата...

Подведем итог...

Она заговорила. Осознанно. Это хороший знак... Я заслужил этот выстрел в сердце.

— Я ничего не чувствую... А что ты сделал, что я ничего не чувствую?

Я закрыл эти воспоминания глубоко и навсегда. О том, как меня ломало и крутило, и хорошо, что она не могла этого видеть, потому что это был просто побег. От себя самого. От окружающей действительности.

Забери меня с собой в свой мир иллюзии безопасности, я не хочу гореть вместе с огненными кострами каждой буквы произнесенных тобой слов. Попробуй увести за собой, и одновременно брось меня на полпути истекать кровью разорвавшегося сердца. Я заслужил семь кругов ада с этой болью, и если останутся силы, когда пройду их до конца, я последую за тобой. Все равно, где и как. Даже в том мире, где ты не страдаешь больше...

Взбесившиеся стихии милосердны. Им не чуждо ничто человеческое. Вся боль, закрытая глубоко внутри, понемногу уходит с этим дождем. Он кончится только на закате следующего дня... Но никто из нас его даже не заметит, потому что возвращение моей девочки откроет новый уровень взаимоотношения. Мне тогда так хотелось в это верить...

Хронология последних суток... Она четка и беспристрастна. Ужас, вырывающий из бездны отчаяния... Она что-то с собой сделала! Как я мог оставить ее одну? Обошлось. Дождь и порывы неистового ветра... Я не имею права на слабость и дегустацию всех привкусов своей боли. Я всегда умел брать себя в руки, когда это необходимо. Необходимо именно сейчас. Твоя девочка в опасности. Застегиваться на своих метаниях будешь после.

Ее тело напрягается в моих руках. Перед тем, как из горла вырывается отчаянный крик, полный ужаса.

— Пусти!!!

Да, Юля. Умничка. Да, так. Бей сильнее. Я бы сам тебе вложил сейчас в руки кнут, будь у меня уверенность, что его вид не испугает тебя...

Она еще не окончательно вернулась. Но это шаг вперед. И только в моих силах теперь убедить ее, что она в безопасности.

Вопрос "надолго ли" повис в воздухе. Пока я готов стерпеть все. Даже ее бесхитростные признания в том, что она ничего не чувствует. Я это исправлю уже завтра утром... Перед тем знаковым разговором, который, в итоге, станет началом конца.

Жалел ли я о своей излишней откровенности и каком-то отчаянно-безумном доверии потом, когда смерть посмотрела в мои глаза... И я их не отвел. Бросал ей вызов. Это была моя настоящая сущность, которую не высечь ничем...

Жизнь никогда не была благосклонна к моей девочке. Я бы убил каждого, кто вставал на ее пути, чиня препятствия. Раньше это играло мне на руку, сейчас же...

Пройдя круги боли, ты обретаешь себя иного. Сильнее? Возможно. Умнее? Определенно. Понятие IQ крепко прижилось в обиходе. EQ же, игнорировался чуть ли не каждым вторым. Я был всегда в их списке на шаг сзади.

Эмоции убивают. Их следует глушить. Убивать в себе. Я сам вложил в руки моей

девочки револьвер, открыв кодовые замки своей эмоциональности.

Просто очень хотел верить, что она никогда не выстрелит мне в спину. А обратный отсчет таймера запустился в тот самый момент, когда я позволил себе верить в то, что меня поймут и не растопчут на месте...

В тот день, когда она вернулась окончательно, я был счастлив настолько, что мой инстинкт самосохранения смыло горячими струйками воды, и унесло, хрен знает куда, по психоделической мозаике черно-песочного керамогранита...

(с) Extazyflame

Юля

Я думала, он меня уничтожил. Наивно полагала, что после той бездны кошмара, в которую он бросил меня совсем недавно, прочие приколы жизни-юмористки не смогут меня не то что ударить, но даже зацепить своими осколками.

Побег в иную действительность был моим спасением, моим пост апокалипсическим убежищем от его убивающей, разрушающей жестокости, расплавившей металлические укрепления всех оборонительных сооружений. Не того я боялась все это время. Физическая боль граничила чуть ли не с извращенным удовольствием. Пока я ее ощущаю — я жива. Она проходит очень быстро, унося с собой брызги-капельки-осколки разорвавшегося сознания, от чего становится ненамного, но легче. От душевной боли, я полагала, закрыта надежнее хранилища швейцарского банка. Вырезала, залочила, уничтожила все туннели, по которым она могла прокрасться в, как я любила с пафосом говорить, "осколок льда", спасибо группе "Ария" за крутую метафору. Но к тому, как отравит мое сознание боль души... Как выпьют без остатка мою волю его губы и руки, впечатав затылком в стену тупика, из которого никогда не выбраться, пока свет меркнет за его широкой спиной, от нежной хватки, которую в том, ином мире легко можно было назвать объятиями... К тому, что вся выстроенная защита окажется лишь иллюзией, не самым достоверным фейком, — я была категорически не готова. Мне казалось, что моя жизнь закончена, что я больше никогда не смогу поднять взгляд выше пола... Спасительный побег в небытие в некотором плане стал моим спасением, восстановил все перегоревшие нервные клетки, позволил воле и гордости выпаться, набраться сил и подготовится к решающему рывку... Я еще не понимала, к какому именно. Кусала губы, гасила свой страх от его прикосновений и человеческого обращения, понимая, что надави он сейчас снова — рассыплюсь, упаду к его ногам, убью в себе последние бастионы достоинства, только бы не пить больше кошмар его жестокой одержимости...

Разговор с матерью едва не отнял вновь обретенные силы. Не то, что я ожидала чего-то иного, но все же... Если бы только она поняла... почувствовала мою боль через бездушное стекло монитора! Произнесла несвойственную ей фразу — "Дочурка, держись, ты сильная, я в тебя верю"... Ведь я всегда была сильной и никогда не хотела ее страданий...

Малютка Настена, она взяла много дерзости от старшей сестры, волю к жизни и стремление быть первой во всем. Сердце сжималось от осознания того, что она может с легкостью наступить на подобные моим грабли. Учила ли я свою сестричку, смышленную девчонку с задатками "вампа", прятать свои чары под чадрой скромности? Да никогда. Она и обожала меня за то, что я стала ожившим кумиром большинства школьниц — яркая, стильная, острая на язычок, заставившая свихнуться не один десяток парней и избравшая иной путь. Путь сильной девчонки, которая предпочла не вздыхать у зеркала с горестными стенаниями "почему меня никто не любит?" или "за что со мной так?". Когда большинство сверстниц униженно волочились за парнями и культивировали в себе комплекс неполноценности, я энергетически вампирила подобные эмоции своих жертв. И считала своим долгом уберечь от этого сестру. Мои школьные годы были адским кошмаром, но Настя обошла этот барьер, ее жизнь в стенах школы была легкой и беспроблемной, и в этом

была полностью моя заслуга. Не совершила ли я ошибку, толкнув ее на ложный путь?

Дети жестоки? Да ладно... жестокость повзрослевших детей бескомпромиссна и ненасытна. Отравлена ядом эстетической подмены сознания, завлекает калейдоскопом черно-красных искр, опьяняет элитным коктейлем, ингредиенты постоянны и неизблемы. В равной пропорции — восхищение и хладнокровие, это основа шедевра самого лучшего бармена. Для усиления вкуса — красный гренадин плюс абсент, само сердце уничтожающего, сметающего все на своем пути эротизма. Черным аккордом, обжигающий виски, квинтэссенция боли, которая ломает твои барьеры, сотрет грани твоих пределов, и вот тут можно капельку текилы, без лимона, с солью твоих слез. А после этого, чего уж там, можно черно-ванильный колорант обманчивой ласки — ликер Sheridans. И тает на губах сладкое послевкусие затихающей агонии, иллюзия безопасности, гребаный эффект Рестоффа. Не поверить — подобно смерти, потому что это шаткий канат, тусклое пламя маяка, пик Эвереста в разбушевавшемся океане под названием Падение. Так стремительно тают под зияющей дырой озонового слоя ледники, поднимая уровень океанских вод, но ты сильно редкая, чтобы сдохнуть, утонуть во время этого десятибалльного шторма... Надо выжить любой ценой, принять чужую ложь во спасение. Все потом. Когда ты, сделав последний рывок уставшими руками, ухватишься за этот канат. Фаза 1: обмани себя во имя спасения. Фаза 2: Смахни с ресниц разъедающую соль, взглядишь в мерцающий огонь маяка, наметь цель без препятствий — только вперед, и не сбиться с курса. Фаза 3: согрейся, ром покрепче, и в теплый уютный уголок под плед, где ярость на стихию обретает искрящийся алгоритм. Имя ему — стратегия...

Сегодня я не помню ничего. Даже того, откуда на моих запястьях едва заметные красные полосы. Отчего при одном его прикосновении вместе с прошивающей эротичной судорогой где-то за кодовым замком сознания плещется ужас. Почему я не хочу верить в то, что вижу в его глазах. Он не может меня жалеть. Не может понимать. Он играет роль, чтобы я восстановилась и была готова к новому раунду его атак...

Меня беспокоит разговор с матерью. И с Настей, над которой навис дамоклов меч в виде юного ЕС. Как мне хочется поверить в то, что она справится, но я не могу. У меня не получилось. А у нее и половины моего опыта нет. Да и сама повторяла ей, женские чары берут города... А не берут. На каждое действие найдется противодействие. Охотник-хищник не падет к твоим ногам, он жестоко отомстит за то, что ему показали идеальную женщину и тут же отняли... Мы не подозревали об их существовании, но поверь, они вовсе не вымерли с мамонтами миллионы лет до нашей эры. Мы встречали похожих, наверняка... Инстинкт вопил — держись подальше, спрячься, не попадайся ему на глаза. Я вспомнила того мужчину, которого увидела в клубе. Преподавателей, от которых хотелось сбежать на край земли. Мля, но даже в первом случае я не могла не метнуть в этого представителя касты сильнейших шаровую молнию из флюидов эксцентричности и загадочности. Камикадзе, камикадзе, твое небо манит меня...

В моем же случае... не распознала? Ошиблась? Переоценила свои силы? Да нет догадывалась с самого начала. Ошибиться было невозможно. Глупая бабочка полетела на пламя. Добровольная жертва на алтарь его тьмы... Пей до дна коктейль своего страдания от своей же беспечности, это только твой выбор.

Его слова и попытка успокоить ничего, кроме усталого, холодного равнодушия, не вызывают. Я огрызаюсь скорее по инерции.

— Не думаю, что ты воспринял бы за проявление любви свод запретов и нотаций. У

тебя было золотое детство. Поменялись местами, посмотрела б я на тебя...

— Много толку от золотого детства, когда ощущаешь себя никому не нужным?

Это безумие. Мне хочется хохотать и плакать одновременно. Идиллия, вашу мать! Не хватает махровых халатиков и совместного просмотра какого-нибудь "Титаника". Тепло его тела, непонятное чувство умиротворения от обхвативших меня рук, спокойный голос, в котором не было больше ранивших осколков столетнего льда — я почти расслабилась, страх от его прикосновений... да и самого присутствия, тлеет где-то в районе солнечного сплетения, гаснет, напоследок выписывая спираль жарких искр. Он вскоре возвысится снова, такое насилие над телом и волей не проходит бесследно. Я устала об этом думать. Устала культивировать его и пытаться рассмотреть в деталях. Наверное, психика взяла краткосрочный тайм-аут, чтобы не свести с ума свою обладательницу, да и психически нестабильный ангел получил втык от Всевышнего за ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей.

А может мне до одури, до надрыва голосовых связок, до стертых о пол в кровь коленей хотелось наконец-то поверить в право сильнейшего охотника, который весь этот кошмар устроил лишь для блага пойманной им жертвы?.. Который реально мог ее защитить от всего мира, и донести понимание необходимости подобной опеки только через боль?

Никогда между нами не будет абсолютного доверия. Никогда я не смогу забыть все то, через что он заставил меня пройти, испытать хоть блеклое подобие какого-то теплого чувства, попытаться найти в нем что-то человеческое. Даже если этих качеств, закрытых на неподъемную щеколду его защитного бункера с пафосной вывеской "оставь надежду, всяк сюда входящий", насчитается не один десяток. Даже если все они атакуют меня одновременно, я останусь невозмутима, безразлична и холодна. Я видела его темную сущность... по сути, я только ее одну и видела всегда.

Меня согревает тепло его сильного тела. Бег крови и уравновешенный пульс, который поет свою колыбельную затихающему ужасу. До одури, до боли мне хочется поверить в эту шаткую иллюзию — боль ушла, ее больше не будет, и я сейчас думаю совсем не о плетках или прочем ужасающем арсенале в его руках. Не пинай ногами мое сознание, это все, что у меня осталось на данный момент...

— Ты противоречишь сам себе. — Говорить легко. Робкий психоаналитик поднимает голову. — Смотри. На тебя сделали ставку изначально. Вряд ли, доверяя тебе тот же бизнес, твой отец видел в тебе лишь бездушный процессор...

Давай, Юля, жги. Уложи его на спину и спроси... "вы хотите об этом поговорить?" Вот он обрадуется. Он кнутом из тебя обращение на "вы" не мог выбить!

— Я не придумываю. Это чувствуешь. Не могу пояснить, как, но ты словно один во всем мире. Да, он тебе улыбается. Но чего-то не хватает, ты интуитивно понимаешь, чего именно. Только родителям на тебя плевать.

Еп твою маму. Ты еще заплачь. К примеру, от несправедливости того факта, что хотел на 16 лет черную тачку, а подарили какого-то фаллического символа silver. От кошмара всех-всех подростков мира, когда тебя отпустили в клуб, а не забаррикадировали двери креслом с воплями по ту сторону "сиди дома! В клуб ходят только наркоманы и проститутки!". От убивающего вердикта — "вот тебе стартовый капитал на готовый бизнес"... Может, ты хотел фрезеровщиком на завод, а тебя в омут капитализма, долбаные диктаторы... Что еще нанесло тебе психологическую травму до такой шизофрении? Дай угадаю, не говори. Передозировка черной икры на завтрак? Изматывающие, лишаящие сил и

гордости перелеты на самые шикарные курорты мира? Согласна... Для таких, как ты, должны были изобрести телепортатор, но почему-то этого не сделали, сволочи, твой удел — гребаный бизнес-класс с шампанским Кристалл... от которого болит голова. Весь мир, мля, на тебя ополчился! Тяжесть платиновой кредитки спровоцировала разрыв сухожилий. Закипел мозг от попытки пересчитать нули в сумме остатка. У всех друзей... Что за монохромные раритеты из мобильных телефонов были у вас в фаворе на тот момент? В общем, последняя модель пародии на Айфон, а круче, чем у них, ничего еще не изобрели... какой ужас! Разбей трубу, убей себя ап стену!

Я ничего этого не сказала. Могла только думать с каким-то несвойственным ранее злорадством, от произношения удерживал страх. И что-то еще. Первые минуты я думала, мне показалось, но с каждой последующей секундой я все сильнее это ощущала, впитывала кожей через шелк рубашки вместе с теплом его тела. Ментальные провода с наконечниками, выстрел электрошокера, слабый ток. Легкая, разрушишь одним дыханием, паутина чего-то, похожего на... Доверие?!

Да, твою ж мать. Ты е. нутый? Или у меня крылья на лопатках прорезались только что, царапают твои грудные мышцы? Или это очередная твоя игра под названием «Будь альфа-самцом, сбрось Беспалову с высоты»? А может, все куда примитивнее, привет, философия, бритва Оккама, самый простой ответ обычно и есть самый правильный? Может, просто не с кем поговорить, никто тебя никогда не слышал, а у «рабыни» нет особого выбора, должна слушать и соглашаться?! Круто этой бритвой будет тебе по шее, а? По кругу, повторяя контуры раздражения от грубой кожи на моей?

Я все еще отказываюсь в это верить. Меня чудом не подбрасывает на месте, нужно прийти в себя и не замечать этих сладких микро щупалец ментального единения. Они намерены впрыснуть сладкую отраву в мою кровь, жестокий яд под названием НАДЕЖДА. Они хотят заставить меня поверить в то, что ужас кончился, гребаный маньяк осознал свою неправоту и получил пиз. лей под названием РАСКАЯНИЕ. Да, получил и сходит с ума с мысленным сотрясанием мозга "Что же я наделал?!" Твои слезы ему по барабану, это катализатор его ненормального вожделения. Твоя боль это вообще поток человеческой крови для его вампирской сущности. Да, Юля, ври себе, заставь поверить в это свою гордость, которую и так недавно еле откачали. От твоей боли он тащился, а от пары маминых фраз сразу стал хорошим.

Вырываюсь из теплого бункера его рук. Мне надо в ванную и направить на ладони ледяную струю воды. Как жаль, что этим не охладишь мозг.

— Ты куда собралась?

"я еще не прицепил поводок к твоему ошейнику... Не смей дергаться!"

Его слова вызывают улыбку.

— Мне это объяснить, да? — надеюсь, в туалет меня сопровождать ты не собираешься. Я шерстила инет после нашего знакомства, есть там и такие психи, им дай понаблюдать.

Ладони с неохотой размыкаются. Стараюсь не ловить его взгляд

— А у тебя глаз-алмаз.

— Ты о чем сейчас?

— Это действительно Джон Варватос. Только как ты узнала? Терпеть не могу лейблы, срезаю сразу.

Я как-то догадалась, что это не творение дядюшки Ли с китайского рынка. Действительно, откуда? Неужели мое сознание настолько интуитивно прошито двойным

крестом, что я начала ловить его мысленные сигналы?! Бред, спешу успокоить разгулявшееся воображение. Слишком много журналов Cosmopolitan и иже с ними ты проштудировала, наверняка где-то видела, подсознание сфотографировало и выдало в удобный момент, притом, что ты этого можешь даже не помнить.

— Для ребенка, воспитанного на Dolce&Gabbana, нет ничего невозможного, — это безобидная ирония. Я очень на это надеюсь. Как и на то, что мне в спину сейчас полетит снежная буря, составив остроконечными гранеными микрольдинками абсолютный ноль его голоса "ты забыла свое место?". Почему мне хочется именно этого? Это уже привычно. Что-то другое заводит в тупик. Испуг-надежда гаснет, не получив подтверждения, пока меня не отрезает от мира моей темницы белая дверь ванной комнаты, а в голове рождается хит Сереженьки Зверева... Привет, безумие. "Чуваки западают на Dolce&Gabbana"... Сергей, ты что-то знал. Долбаный пояс из кожи питона с аналогичной надписью стоил мне сегодняшнего кошмара. Виноваты Доминико и Стефано. Холодная вода... Проходит чуть-чуть времени, прежде чем руки начинает колоть иголками, а веселая мелодия утихает в голове. Закрываю кран, подношу их к щекам. Холод с некоторых пор стал моим постоянным спутником, и мне скорее комфортно, чем нет. Человек привыкает ко всему, выходит? Что это — зарождающийся стокгольмский синдром или же меня начинает затягивать эта извращенная бездна под названием БДСМ? Ловлю свое отражение в зеркале. Привет, родная, давно не виделись. Я и не знала, что шелк цвета индиго с серым отливом настолько мне к лицу, с ним глаза кажутся такими зелеными, что потрясенно моргаю и подаюсь вперед с намерением рассмотреть себя в деталях. Теперь понятно, почему Настя сравнила меня с персонажем вампирской трилогии, в силу неестественной постстрессовой бледности. Скулы стали более очерченными без всяких румян, все черты лица приобрели циничную заостренность. Модельное агентство Models imegement, в которое меня с первого курса безуспешно пытается затащить Лекси, сейчас бы пообещало полцарства за право заполучить меня в свои ряды. Невзирая на то, что глаза словно запали. Темные тени... Рваное движение, два росчерка консилера. Я не привыкла видеть себя такой. Расстегиваю пуговицы, опустив рубашку с плеч. Твою мать, вот, к чему были его приколы насчет того, что меня плохо кормят. По выступающим ребрам и ключицам впору изучать анатомию. Это уже не я. Это какая-то другая Юлька Беспалова. Стараясь не замыкаться на этом умозаключении, обвожу взглядом периметр комнаты... Останавливаюсь на душевой кабине, на мозаике черно-песочных плиток и такого же керамогранита, чувствуя, как внезапный жар, зародившись в области сердца, поднимается выше, и поспешно отвожу взгляд... Да лучше б я этого не делала. Отражение мстит мне за проявленную слабость — пугающая уязвимость в глазах, порозовевшие скулы... После того, что он со мной вытворял, я еще могу чего-то стесняться?! Писец, ранимое создание...

Ранимое... Я, нет. Что ты хочешь мне сказать, подсознание? Ты решило реабилитироваться за свое бездействие? Подумаю, дать ли тебе шанс. В твоих же интересах сейчас не кидать намеки и ребусы с sudoku, поскольку я дико устала, а сказать напрямую. Ну? Ты не умеешь говорить? Запиши этот десятичный код на извилинах, утомленного противостоянием, мозга, а я считаю...

Сканер. Вспышка ультрафиолета. Зебра штрих-кода обретает значение, и злорадство рисует на моих губах улыбку предвкушения.

Враг не круче тебя. У него есть свои слабости, возможно, в чем-то ты даже сильнее его. Остановись. Выдохни. Отключи эмоции. Оставь холодный расчет...

И вот теперь, спрятав коготки на недолгое время... Анализируй. Захвати его доверие. Изучай. Влезь под шкуру. Раскрой. Разорви. Растерзай ласковым касанием. Доберись до самого сердца. Разуй глаза! Ты все это время не знала, с какой стороны вскрыть этот кевлар жестокой беспощадности, которую не пробивали твои серебряные пули и даже платиновые боеголовки. Расстреляла о его неуязвимый бронезилет весь свой арсенал, до последнего сухого щелчка курка... А что мешало тебе подобраться с иной стороны? Расстегнуть ремни кожаных креплений ласковыми прикосновениями, сбросив оборонительную амуницию на пол, пробежаться массажными сжатиями по напряженным плечам... Шепнуть в изумленно раскрытые или подозрительно сжатые губы старую как мир, фразу "я не воин, я любовница!", пусть будет дезориентирован, осознав, что ты не хочешь войны, и готова сдаться, но зачем, если можно заключить перемирие?..

Все секретные топографические данные пунктирными линиями на его сердце. Он больше не хочет скрывать их от тебя. И первый раз, стоя на коленях, ты обрела больше власти, чем было у него изначально. Сожми в кулачке, только нежно, чтобы не повредить ее крылья. Не потеряй. Не раздави. Еще не время. Это только начало...

Спасибо, подсознание, ты прощено окончательно и безоговорочно.

...Дождь не думает прекращаться, монотонно стучит по подоконнику, рисует разводы на стеклах... Долгий летний день, но в комнате приятные серые сумерки, я очень люблю подобную погоду, с самого детства. Я люблю поговорить откровенно. Я люблю поддержать советом. Иногда резким, как вот Лекси при разрыве с Вовой, а иногда теплым... Этот метод лучше использовать со всеми врагами. Держать их ближе.

— Ты забудь и прости своих родителей. Без них ты бы не стал тем, кем есть. Так с раннего возраста понял, что стоит рассчитывать на себя, четко осознал, что могут и подвести, и подставить в самый ответственный момент. Много толку, что меня мать всегда бьет словами?..

Откуда у меня берутся эти крылатые фразы из психоанализа, я и сама не понимаю. Главное сейчас не перепутать Эрика Берна и Иммануила Канта. После экзаменов адский коктейль в голове.

— Я не о себе говорю. Ты чуть повзрослеешь и поймешь, что мама тебя очень любит. Это чувствуется. Особые флюиды даже через монитор. Сложно объяснить, но иногда неосознанно ранят словами самых любимых детей, — он прижимает меня к себе еще крепче. Страх от его прикосновений сейчас нет. Наоборот, я давно не чувствовала себя такой раскованной. Сжимаю пальцами ломтик черного шоколада, завожу руку за плечо.

Попала в его губы? Жаль, я в глаз целилась.

Что ты можешь знать о любимых детях, представитель золотой молодежи? Ничего. Ты ровняешь всех под одну гребенку. Если ты любишь причинять боль тем, к кому что-то чувствуешь, еще не значит, что все такие ненормальные. Ты мстишь мне за свое неудавшееся детство? Вопрос замирает на губах. Нет. Говори ему то, что он хочет слышать.

— Все образуется... мы сами строим свою жизнь. Не надо обвинять родителей. — осмелев окончательно, переплетаю свои пальцы с его. Да, милый, в моем роду были Фрейды и Маты Хари. А мой папа, наверное, Джеймс Бонд.

Его губы прикасаются к моему затылку, от сжавшихся объятий трудно дышать. Ты сейчас не в моих руках... ты сейчас в одном моем кулачке. Ментальные обрывки твоей боли. Твоего доверия. Твоего безумного желания стать ближе. Иди ко мне, мой мальчик, гаси свет, обратно ты не вернешься.

— Ты говоришь, как... как взрослая... Никто и никогда не мог меня понять, — его шепот вызывает по всему телу дрожь непонятной этиологии. — Спасибо, моя девочка.

Пожалуйста, камикадзе. На здоровье.

Вспоминаю свой первый спуск в пещеру Эмине-Баир-Хосар. Гид-спелеолог такая обаяшка, группа отдыхающих туристов, ее женская часть, готова устроить обвал в пещере за право остаться с ним. Но две самые классные девчонки в этом стаде приезжих — я и Лена. Ей больше понравился гид из Мраморной Пещеры, они даже успели обменяться телефонами. Поэтому за моего (кто-то сомневался?) мы уж точно не подеремся. Этот парень жжет не поддески. Когда мы переходим узкий перешеек в очередной зал, где, по его словам, играют симфонические оркестры в силу изумительной акустики свода, он поднимает мою руку и с улыбкой заявляет: "когда мы с этой милой леди и остатками экскурсионной группы в количестве пяти человек... что? Почему остатками? Так остальные полетят в колодезь, но там не больно падать, вас поймают на руки предшественники со вчерашней экскурсии..." группа раздается громогласными аплодисментами. Это шутка. Изюминка туристического маршрута. Только спустившись на страховочных тросах ночью в пещеру спустя пару лет в ходе более экстремального тура, я пойму, что этот диггер был не так уж и не прав...

Именно так, Дима. Когда я с огрызками твоей воли добьюсь своей цели, ты и то не сразу осознаешь весь масштаб моей ненависти, которую стоит прикрыть ласковым обращением и имитацией доверия.

Дождь. Серое небо. Сгустившиеся сумерки. В этот вечер он устраивает ужин при свечах я с хладнокровным трагизмом пытаюсь закрыть лицо руками.

— Юля... что случилось?

Давая, Юля, жги. Не опозорь имя, которое носит одиозная леди-политик с косой.

— Я... я не хочу. Я не буду стоять на коленях.

Вот почему слезы льются в самый неподходящий момент, а когда они нужны для отвода глаз, их нет и в помине? Срочно вспомни, над чем ты рыдала. Фильм "Искусственный интеллект"? "Гладиатор"? Не успеваю спровоцировать приступ сентиментальных рыданий. Его руки обхватывают мое лицо. Взгляд... Тьма ушла. Слабый, разбавленный кофе, который ты бы просто не стала пить.

— Конечно, не будешь. Не бойся. Я хочу просто посидеть с тобой. При свечах. В романтической обстановке.

Жми красную кнопку ядерной атаки. Вот сейчас... Жми, твою мать! Он твой враг. Рефлексовать от его человечности будешь потом.

Смотрю в спасительную точку, чтобы не видеть его взгляда. Моя ладонь поднимается, преодолевая гравитацию, чтобы лечь на его щеку... Кратковременная заминка. Всплеск недоверия и изумления в глазах цвета кофе-лайт. Да! Именно так!

Мои ладони на его лице. Нежно, кончиками пальцев, вверх... вниз. Снова вверх... До тех пор, пока я не чувствую расслабление мышц... судорожный стон удовольствия... Попытка расставить все по своим местам...

— Не забывай, что ты... — его голос чужой. В нем ни грамма уверенности.

— Рабыня, — копирую интонацию. — Я помню... Просто разреши мне это сделать... Мы оба устали от войны...

Вот и все, мой дорогой. Тебя не спасут.

Спасай от нежных лепестков черной орхидеи свои револьверы и кинжалы.

Когда я прекращаю его гладить, меня трясет от всех оттенков возбуждения. Кончики

пальцев словно пульсируют и, кажется могут озарить полумрак призрачным светом неизвестной энергии.

— В тебе огромный потенциал нежности... — потрясенно выдыхает он. Игру роль. Опускаю глаза, словно устыдившись своего импульсивного порыва, и, кажется, начинаю понимать, о какой внутренней богине говорила в своем романе Эрика Эл Джеймс. Да эта сущность живет в каждой из нас! Или нет. В моем случае это нечто иное....

В джунглях Борнео цветут черные орхидеи. Они ядовиты. Они уверены в своей неприступности. Они завоевывают свои территории, оплетая лианами деревья. Но однажды найдется тот безумный, кто до них доберется. Сорвет этот нежный цветок, чтобы унести с собой, заставить цвести в замкнутой клетке колбы с водой, радуя глаз... Сделает шаг, прижав нежный цветок цвета самой тьмы к своему сердцу, зажмурившись от счастья и осознания собственной исключительной отваги... Всего лишь шаг. Второй он не сможет сделать. Яд бархатных лепестков стремительно просочится в поры кожи, парализует сердечную мышцу, окрасит кровь своим черным фатумом, и, упав на колени в сельву непроходимых никем до него джунглей, отчаянный псих, непризнанный герой не успеет понять, что смерть настигла его, лишив возможности прошептать последнее "прости"... Хищные лианы прекрасных цветов оплетут его бездыханное тело, приняв эту жертву во имя вызова в свои роковые объятия.

Они не хотели цвести в клетке колбы, они всего лишь хотели жить, они были готовы позволить тебе любоваться собой издалека. Восхищаться редким окрасом, трогать свои лепестки кончиками пальцев, — о, они могли бы отключить ядовитые атаки от такого обращения... Но ты сам выбрал свой путь.

...В джунглях Борнео, где никогда не ступала нога человека, распускаются изумительные черные орхидеи. Они ядовиты. Это их защитная особенность...

Вряд ли по возвращению в Харьков... или в родную Феодосию, я смогу пить даже трижды французские вина из супермаркета. В первый раз этот элитный напиток стоимостью в незатасканный "запорожец" показался мне откровенной кислятиной, но не успело пройти и недели, прежде чем я восхитилась его изысканным вкусом, прочувствовав букет и неповторимые оттенки терпкости или же не приторной сладости. К хорошему привыкаешь быстрее, чем к плохому, а такие, как я, не привыкают вовсе.

Дождь закончился только к наступлению ночи. Прекратился баюкающий стук по подоконнику, на миг, развеяв очарование относительной безопасности — при свете солнца или звезд обычно просыпался монстр. И только в дождь он становился предельно заботливым и хорошим. Тогда ли, на трассе, когда убеждал в том, что все будет хорошо и меня никто не обидит, или же сегодня... С самого утра.

Хорошо, что при красных свечах не было заметно моих порозовевших скул, все это так легко было списать на игру света и тени. Воспоминания о том, что произошло утром в ванной, выбивали почву из-под ног. Логика кричала — это первый шаг к "хэппи-энду", языком писателей сентиментального жанра, а сознание вместе с интуицией рушили все логические пирамиды одним щелчком. Ничего это не значит. Не стоит мыслить узколобо и считать поцелуи ниже пояса знаменем рая на земле в периметре отдельно взятой комнаты. Нельзя сегодняшние откровения о детстве и проблемах отцов и детей считать началом большой и светлой дружбы. Рано еще сжигать свой ошейник на ритуальном костре с песней "да здравствует свобода!" Этот человек изначально сказал тебе, что не отступится от своих

пятидесяти оттенков Тьмы. Это сугубо твой выбор — воевать с ним, избивать цепями, страдать и уходить от кошмаров в иное измерение, или же принять негласное парламентское соглашение. Я слушаюсь, ты мне сильно больно не делаешь. Я играю определенную мне тобою роль рабыни... Но после эякуляции ты вновь видишь во мне человека. Так просто, не правда ли?

Да ни хрена не просто. Подобный спич — от создателя бессмертного шедевра "расслабься и получай удовольствие". Да не хочу я расслабляться! С какого перепугу? Потому, что ты решил, что круче меня? Не сумел договориться и припер к стенке?! Я знаю проще... Кровь скифских амазонок, что ж ты так сильно во мне заговорила...

— О какой работе ты мечтаешь? — спрашивает у меня недавний Зверь с потеплевшим сейчас взглядом. Аура безопасного доверия окружает своей тончайшей паутинкой, за то, что после роскошного ужина при свечах с бутылкой вина за две штуки евро, меня вновь разопнут на цепях и отымеют до разрывов, можно не переживать.

— Что попадетсЯ. Сильно ждет трудовой рынок выпускников, даже трижды с красным дипломом!

Я хочу всего лишь удачно выйти замуж и не продавать какой-нибудь Орифлейм в качестве источника дохода. Я хочу, чтобы моя мать увидела Европу и впервые не считала копейки при покупке подсолнечного масла. Я хочу ей доказать, что то, что она считала кознями дьявола, называется целеустремленностью, и здесь все гораздо честнее и прозрачнее.

— Юль, ты не поняла... Мне очень интересно знать, какой должна быть работа, чтобы претендовать на звание "работа твоей мечты"

Мне хочется рассмеяться. Топ-модель? Никогда не хотела попасть за эту золоченую ширму элитной проституции. Политик? Может, потом, лет через десять... Актриса? Как вариант. Петь я не умею.

— Смотритель тропического острова, — выдаю первое, что пришло в голову. Я недавно в очередном журнале читала. Там ставка 20000 евро и ты абсолютно одна!

— Сложновато будет, — пожимает плечами Дима.

Меня что, зализали утром до смерти, и я на приеме у всевышнего, который готов исполнить любое мое желание?

— Полагаю, да, тебе сначала придется остров прикупить. И только потом сделать кадровые назначения.

— Ты никогда не думала о собственном бизнесе?

Вздрагиваю, ощущая, как по венам пробежал стремительный ток какого-то непонятного... Восторга? Ну, конечно. Салон красоты имени меня любимой, если я соглашусь принять его одержимость черно-красного оттенка. Я же... выполнила условия... Да?

— Ты думаешь, я смогу? — безразлично прикусываю ломтик дыни. — Ты сейчас офигеешь, но я не умею даже давать взятку. А при виде представителей государственных структур у меня вообще отнимается язык, забываю родную речь.

— Ты всерьез полагаешь, что в бизнесе главное — взятки? Юля, если есть талант менеджера, торговца, управленца и психолога, во взятках не возникнет необходимости.

— Дим, ну что это за пропаганда из серии "поверь в себя и построй бизнес-империю с тремя гривнами в кармане?" — я даже не замечаю, как легко мне с ним говорить сейчас. На миг представить, что нет и не было угнетающих условий моей неволи и его жестокости... Не

было, кому говорят! Не рефлексировать! Надо взять себя в руки. Надо. И я смогу, чего бы мне это не стоило.

— Нет, Юль, я не буду тебе рассказывать сказки, что мы живем в самом честном государстве мира. Я тебе открою секрет, о котором умолчат пособия по построению бизнес-империй. Всегда, есть кто-то сильнее, кто подстрахует, окажет помощь... разберется с отморозками, если надо. Это не шовинизм, это правда жизни. — на миг он хмурится, словно не зная, говорить дальше или же молчать. — Если бы у тебя была возможность... Считай, что она у тебя есть. В каком районе города ты бы хотела открыть... салон красоты, к примеру?

Горячие волны эйфории не успевают омыть пески моих берегов, их тут же заслоняет стенами рационализма. Кто-то сильнее, решать проблемы... Черта с два наша сделка закончится в этих стенах. Ты хочешь привязать меня этим гребаным... Ладно! Волнующе притягательным салоном красоты! Решать мои проблемы, помогать стать на ноги и наладить функционирование, но... Ни на миг не упустить из виду! Сделать зависимой от себя! Стричь раз в месяц дивиденды в виде секса в кандалах под плеткой! И, по ходу, раз в месяц — это я делаю нереально оптимистичные прогнозы. Бизнес-леди, хозяйка большого города — днем, бесправная вещь — ночью! Мне бы возмутиться! Крикнуть на него, пусть подавится своим салоном и ищет другой аналог О из Руасси, которой хватит шоколадки и наличия такого вот мачо рядом... Но собственная реакция пугает сильнее перспектив согласиться на дальнейшее добровольное рабство. Потому что все закономерно. Это именно та суть Темы, о которой он мне пытался сказать раньше. Забота, опека и беспокойство о благополучии. И пусть никто больше не знает меня такой, какой будет знать он...

Вихрь темной ненависти за все, через что он меня протащил за эту неделю, тут же прогоняет логическую цепочку прочь. Это не сказка, Юля. Хочешь однажды сказать ему "нет" в ответ на хотелку залупить до кровавых пузырей, а потом наблюдать, как твой салон переходит кому-то другому за несговорчивость его хозяйки? И что будет, когда он устанет от твоего равнодушия в играх? Скорее всего, уйдет с чистым сердцем, оставив тебе бизнес по дружбе, но... Если нет? Поигралась в бизнес-леди, заработала — пора и честь знать?.. Проверять теорию его благородства очень не хочется. Молодость быстротечна, а рядом с ним за право урвать куш всегда найдутся готовые даже на клеймо принадлежности.

— Я не знаю, — бесхитростно отвечаю, растянувшись на шкуре и глядя в потолок. — Салон? Я думала, это скорее будет бутик... Или кофейня. Обожаю кофе. — не даю ему возможности вставить свои пять копеек, вдруг это будет "девочка, спустись на землю!" — Я же, понимаешь, никогда не могла оставаться в стороне. Мне нужно принимать непосредственное участие в процессе. Встать у кресла с ножницами самой, что ли, но я этого не умею...

— А вот это немного неверный подход. За что спрашивается, оплачивать труд людей, если "никто не сделает лучше меня?" Сделают, поверь. Профессионалы знают свое дело. Твоя задача просто скоординировать их действия и все организовать.

Это я умею и очень хорошо.... Вашу мать! Я в замешательстве. Смотрю на него, повернув голову, и даже не надо рисовать на своем лице уязвимо-офигевшее выражение. Помните Анжелину Джоли в "мистер и миссис Смит", когда ее попросили подержать на руках ребенка? У меня сейчас наверняка такое же.

Черные орхидеи... Ау. Давайте на секунду предположим... Вас срывают, но возводят защитный барьер вокруг среды вашего обитания. Добавляют в клетку колбы раствор... ну,

пусть глюкозы. Парламентское соглашение...

Я запуталась, и спустя всего пару часов от нашего последнего поцелуя мне больше не хочется воевать... Сворачивайте свои лагеря. Лови передышку.

Потому что, ответь себе... Ну, нанесешь ты ему удар в спину. Что толку, если ключ от твоей темницы все равно в его несгораемом сейфе? Этот живучий чудак на букву М выстоит. Ради чего тогда? По большому счету, отпусти он меня... Да, я бы отказалась от салона и всех прочих благ! Слова замирают, не успев оформиться в звуки... Попросить сейчас? Мне страшно. Он сразу напомнит о сделке. Или же просто скажет, что еще уезжать рискованно, а нить доверия отсечет безжалостными ножницами.

— Юль, что случилось? Тебя что-то тревожит? — обеспокоенно произносит Дима, наклоняясь к моему лицу. Почему, ну почему я не владею его искусством poker face?

По-твоему, у меня никакого повода для тревоги? Ты с самого начала говорил, что никогда не заставишь меня бояться. И я не боялась. Вместо страха в мой мир пришли ужас и боль. В последний раз, когда ты зафиксировал меня цепью для самого настоящего изнасилования, я ни в чем не была виновата перед тобой. Я так и не поняла, какие демоны в тебя вселились и за что ты был так жесток. Я дезориентирована. После того, как я чуть не раскроила тебе череп наручниками, пофиг что в состоянии аффекта, я получила дохрена ласки и нежности... Когда я пыталась достучаться до твоего сердца посредством искренности, честно признавшись, что могу не выдержать, ты сверг меня в ад.

Я так и не могу себя заставить произнести хоть какой-то ответ. Смотрю в глаза оттенка кофе-лайт, забыв о трюке с расфокусировкой взгляда, а страх захватывает кровь, наполняя ее острым холодом. Я не умею сдаваться, но то, что показалось мне светом в конце тоннеля, было лишь освещением... Тоннель не думает заканчиваться. И, возможно, в его конце тупик. Все, что я могу — удерживать его и дальше с помощью женских игр... играть свою роль... Пока вновь не появится солнечный свет в конце пути.

Страх, смешанный в адском шейкере с уязвимым вожделением, предвкушающим испугом загнанной в тупик жертвы летит по крови пульсирующими толчками, а я не могу заставить себя отвести взгляд, пусть поглотит эта бездна. Пока что я все равно не в состоянии что-либо изменить.

— Тебе стоило понять... — ныряю в омут собственной незащитности, которая, возможно, еще один осторожный шаг на пути к победе. — Со мной легче было справиться лаской, а не болью...

Он напрягается всего лишь на мгновение, и только чудом мне удастся не зажмуриться в ожидании... Удара? Но его горячие ладони обхватывают мое лицо, росчерк кончиков пальцев повторяет недавнюю ласку, которая продемонстрировала его уязвимость, разлоченый ментальный сейф.

— Моя маленькая, уставшая девчонка... — горячий шепот обжигает мои губы. — Иди ко мне. Ничего не бойся.

Заткнись. Прошу тебя, молчи. За подобным шелком таких слов всегда следует боль, я это запомнила очень хорошо. Страх никуда не исчезает, летит стремительной волной по телу, грозя скрутить мышцы в судорожные узлы, отключить рассудок и заставить вырываться из его рук. И вместе с ним, в глубине пульсирующей вагины закручивается спиралью сладкое давление, подчиняя себе мышечную память, точнее, стирая ее окончательно ластиком первобытного желания. Я еще не осознаю его в полной мере, мне страшно признаться себе, что я сломя голову совсем скоро войду в эту стену обжигающего огня, в

котором можно, как сгореть, так и возродиться заново. Долбаная паническая атака, приправленная соусом недопустимого, неправильного вожделения...

Наверное, все это в моих глазах. Искренние эмоции не скрыть никакими контактными линзами. Я сейчас реально не понимаю, что пугает сильнее — эта несвойственная ему нежность или же перспектива возможной боли... Я знаю одно. Я хочу все это прекратить. Избавиться. Но сейчас я не имею права даже на робкое "нет"...

Его рука замирает на моей щеке, губы накрывают мои — мягко, но все же в аналогичной подчиняющей манере. Хозяин в прекрасном расположении духа и не хочет сегодня продемонстрировать свою власть посредством ударно-сковывающего арсенала, но сути понятий это не меняет ни в коей мере...

Я пока бессильна что-либо изменить. Только принять навязанные мне правила... Совсем немножко, Юля. Скоро все это закончится, первая неделя прошла. Вторую надо выдержать из последних сил. Возможно, даже не придется драться... Если не появится перспектива обрубить все это одним ударом.

Его шепот обжигает мне кожу. Он умеет прошивать меня насквозь словами, сейчас это уже не подлежит сомнению.

— Моя желанная невольница... Девочка моя любимая...

Нет, меня не взять словами о любви. Интуиция подсказывает, конечно, что он не врет, но я уже знаю, что его любовь для меня — не приз, а личная преисподняя. Такие мужчины любят беспощадно и неистово, словно отыгрываясь на тебе за подобную собственную слабость. Но, несмотря на это, слова прожигают кровь, и, кажется, страх сам испугался этого теплового удара, замер, не в состоянии принять верное решение — сбежать, или же остаться. Горячая атака его языка обводит мои зубы с невообразимой нежностью, без классических прикусов, и губы сами раскрываются навстречу его натиску, как, спустя пару секунд, я открываюсь настойчивому вторжению его пальцев в мою истекающую нелогичным желанием киску. Чувство заполненности бьет прямо в голову, вместе с толчком бедер навстречу его пальцам, которые хочется ощутить как можно глубже... Сколько я продержусь... И надо ли?!

Поцелуй глубже. Язык по-хозяйски врывается в мой рот, подчиняя мои судорожные вздохи и движения тела своему пока приятному диктату. Пальцы еще свободной руки перемещаются на ряд пуговиц планки дизайнерской рубашки, расстегивая их уверенным сжатием, и когда горячая ладонь задевает вершину затвердевшего, совсем не от холода, соска, мои бедра сами приподнимаются над мягкой шкурой, стремясь принять его пальцы как можно глубже, до самой матки. Черные орхидеи, вы сегодня не жалите ядом, у вас выходной...

Рубашка сползает, встречая преграду изгиба локтей — руки вцепились в плечи самого желанного сейчас тирана, чтобы не отпустить, не позволить играть моей страстью. С совсем не грациозной поспешностью, срываю ее с запястий, не желая понимать, что именно делаю; прижимаюсь к его сильному телу, ощутив каждой клеточкой кожи рельефный ландшафт стальных мышц, которые, кажется, прижмись сильнее, впечатайся кожей в их неровности — не сможешь даже сделать вздох, ведь, по сути, ему ничего не стоит меня уничтожить...

Что это — жажда сгореть в тисках его рук, под прессом его тела, или же уверенность в том, что он никогда этого не сделает?..

Не узнаю собственное жалобное всхлипывание, когда его пальцы покидают мою истекающую влагой желания киску, лишь затем, чтобы подхватить на руки и переместить на

кровать. Мне кажется, я утону, захлебнувшись в огромных волнах одиночества, поэтому не могу отцепить свои судорожно сжавшиеся ладони от его плеч, своей службы спасения в этот момент. Алая пелена с разрезами тьмы поглощает, накрывая с головой, вспыхивает перед глазами огненной надписью, каллиграфическим автографом безумия.

"Заполни меня собой. Привяжи к себе. Не оставь мне шанса"...

Я перешагиваю эту грань между правильно и неправильно, между можно и нельзя. За гранью невозврата ярче звезды, хаотичное переплетение галактик, сжатых в стальную пружину страсти острых звезд... Я прикасаюсь к самому своду этих чужих, манящих небес... Толчок... Нет! Я не хочу падать! Не отпускай меня снова! Я принимаю твои правила. Подчиняй себе. Рви на флаг победителя полотна моей воли. Выжги свою пентаграмму полноправного хозяина на моей сущности. Впрыскивай антидот прямо в уязвимый бутон черного цветка, который больше не хочет жечь тебя ядом.

— Потерпи, девочка, — в вакууме звук летит со скоростью света, крушит астероиды на осколки шелестом рвущейся фольги. — Я могу не сдержаться, ты с ума меня сводишь...

Твою мать, не сдерживайся! Только не останавливайся!..

Свободный полет. Вспышки квазаров. Сжатие материи вокруг... Он заполняет меня собой, и ближайшая галактическая спираль притягивает своей гравитацией, закружив в потоке звездной россыпи. Феерические отрывистые толчки. Уже не острые, ласковые и согревающие искры звезд заполняют мою кровь, места хватит всем — ведь в ней больше нет страха.

"Узнай мои небеса. Узри мой личный необъятный микрокосмос. И знаешь, там совсем не страшно..."

Голоса? Откуда? В космосе всегда тишина. Вшитые под кожей взаимопоглощающие радары безошибочно считывают ментальные сигналы до каждой буквы. До каждой интонации... Голоса... Я не понимаю... Это мой голос?!

Галактика сжимается, обволакивает сладчайшими, ошеломительными объятиями, еще совсем чуть-чуть, и наступит рождение сверхновой. Не хватает самой малости... Я не понимаю... но это понимает мое сознание, оформляет в жаркие фразы, открывает мои губы, заключив договор с голосовыми связками.

— Растерзай меня... Забери с собой... Я твоя рабыня...

— Полностью? — хриплый шепот, зажигательное танго взбесившихся звезд. — Ты осознала?

— Хозяин... не жалейте меня...

Игра сошедшего с ума воображения... Что это не так, я узнаю только спустя время... Подчиняй меня, держи весь мой мир в своей ладони... Только не отпускай, прошу!

Бархат черного полотна с мириадами ярких искр. От световой скорости даже не перехватывает дыхание. Я в своей стихии, и не хочу возвращаться. Еще немного. Радужная расцветка туманностей, долина рождения звезд, целых галактик, иных миров. Возможно, там тоже жизнь... Мне хочется приблизиться и рассмотреть все до мельчайшей детали, но что-то захватывает сущность, закручивая сладчайшими круговоротами и растущим внутри ошеломительно приятным давлением.

Слепящий лазерный росчерк на миллионы миль в обе стороны. Веерная раздача ослепляющего света чашеподобными куполами — в противоположные. Миг.... Взрыв! Сотрясение холодного вакуума! Закрывать глаза, горит сетчатка... В космосе всегда царит тишина? Нет, космос сотрясает от моего крика, замирает спираль галактики под армадой

судорожного сотрясения...

Чужие небеса получили самую яркую сверхновую в свою непрекращающуюся ни на миг колыбель звезд. Назовите ее моим именем...

— Юля! Девочка моя! — да, именно таким... Вода. Холодная. Б..дь, нахрена прямо в лицо?! Садист вернулся?

— Что ты, мать твою, делаешь? — тру глаза, встречаюсь с его потемневшим от беспокойства взглядом. Холод прошивает до костей, обхватываю себя руками. — Дима... мне холодно...

И в тот же самый момент забываю про холод, жаркий торнадо, зародившись в глубинах бездны цвета эспрессо, окутывает своими завихрениями... Но при всем этом он даже ко мне не прикасается! А я не могу поверить в то, что вижу. Потрясенно моргаю... этого не может быть! Что это, если не... Именно это, Юля. Именно эта хрень, воспетая лириками, во всей своей первобытной, извращенной неотвратимости! Darkness Love, твою мать!..

Почему ты зависла? Почему ты не прыгаешь выше потолка от подобного счастья? Какого хрена захлопнулись лепестки черных орхидей от... УЖАСА?! Крик глохнет на моих губах... И спасибо за это ему! Потому что я вижу улыбку... Ощущение чужой эйфории накрывает ментальной шрапнелью.

— Так и должно быть. Сейчас будет холодно, — человек обезумел от непонятого счастья. Да я просто кожей ощущаю жар самой желанной во все времена эмоции! Рекламный зайчик Дюраселл получил заряд вечного огня. Что происходит? Мля, скажи мне, не пугай меня, твою мать! В чем дело?! Женского оргазма никогда не видел?!

Теплый плед накрывает мои плечи, тепло его рук, жар его дыхания на шее.

— Потерпи, маленькая... Я сейчас сделаю тебе горячего чая. Все хорошо. Так и должно быть... — пальцы сжимают мой подбородок, и меня обдает жаром горячего крепкого кофе. — Здорово там, правда?

Где?! Где, мать вашу, здорово? Что я пропустила?! Откуда ты знаешь, что я... Почти постигла смысл вселенной? Нет, не может быть... Ты реально это знаешь?! Оглядываюсь по сторонам. За окном глубокая ночь. Так быстро стемнело? Перевожу взгляд на свечи... Они наполовину оплыли... Шокирующее предчувствие заставляет поплотнее стянуть на груди плед.

— С...сколько времени?..

— Почти час ночи. Ты так долго летала...

Мой оргазм длился... три часа? Дима, ау! Вернись на землю! Что ты несешь?! Я заснула? Потеряла сознание? На три часа? Мне страшно. Холод ощутимее. Что со мной было?! Что ты сделал? И почему это так... Знакомо?!

— Нет... — ты хочешь уйти? Оставить меня сходить с ума от неведения? Потрясенно смотрю, как твои пальцы справляются с молнией брюк. Ты куда собрался?

— Девочка моя, я быстро. Тебе нужен горячий чай и шоколад. Согревайся, я принесу теплое одеяло...

Наверное, на земле наступил гребаный ледниковый период? Даже не замечаю, что уходит... Потому что эйфорическая судорога заливают потоками ослепительного белого света. Я была в обители рождения миров! А по возвращению... Да, смелее, скажи это...

Я получила его Любовь. То чувство, которое убьет меня уде совсем скоро. Но я пока этого не знаю. Я потрясена, напугана и дезориентирована. И еще я сделала его счастливым. Знать бы еще, что за кнопка оказалась случайно нажата...

За пять минут до росчерка золотого пера на приговоре самой себе... могла ли я это предположить? Нет! Я была разбита приятной усталостью, окутана нежностью его рук, согрета темной сущностью его всепоглощающего чувства. Мои ядовитые рецепторы отключились, мои черные цветы приняли отчаянного искателя экзотики в свой замкнутый мир. Сначала хотели ужалить, а потом восхитились его силой, смелостью и интеллигентной манерой обращения с прекрасным... Он отважный и выносливый. Пусть любит... Негласный пакт о ненападении. Всего лишь... Да и был ли у них выбор?

Все еще трясет от холода, и, когда он возвращается, укутывая меня поверх пледа стеганным одеялом, я, не отдавая себе больше ни в чем отчета, подаюсь в кольцо его сильных рук, инстинктивно стремлюсь к источнику тепла и безопасности. Почему мне с ним раньше не было так хорошо? Даже на заре нашего знакомства, когда я еще не догадывалась о его темной сущности?

Горячий чай. Морщусь.

— Он переслащен!

— Давай, маленькая, надо, — ласково шепчет на ушко мужчина, превративший мою жизнь в кошмар... В кошмар ли? — У тебя упал уровень сахара, поэтому так холодно. Сейчас послушай меня, — кусочек изумительного молочного шоколада словно ласкает мой язык. — Возможно, чуть позже у тебя будет чувство тревоги и подавленности. Не пугайся. Буди меня сразу. Это закономерная реакция, такое случается после этого.

— После секса? — мне сегодня позволено тупить. Ответом — счастливый смех, от тембра которого прошибает эротическая судорога. Я ведь не слышала ни разу его искреннего, счастливого смеха! Я вообще думала, что он смеется только при виде моих слез и боли!

— Нет, моя глупенькая. После сабспейса.

— После... чего?! — да, тупи дальше. — Я... что... но ведь ты же меня не бил? Его же... не существует?

— Расскажи мне, — запечатав на губах незнакомый нежный поцелуй, просит Дима. — Ты летала? На что это было похоже?

Он счастлив. И мне от этого почему-то хорошо. Незримо живущая внутри меня дикая пантера сейчас спит и не хочет просыпаться. Я пью до дна коктейль чужой ненормальной влюбленности, отдыхаю от своих страданий в руках того, кто меня через них и провел. Доверчиво прижимаюсь к его рельефной груди. Задеваю губами кожу. Мне хочется облизать его с ног до головы, и впервые эта мысль не пугает. Заставь сейчас меня целовать его черные туфли... Это не вызовет ни малейшего протеста. Вслед за адом он подвел меня к воротам рая.

— Я видела рождение новых звезд!

— Да ты что? — неподдельное счастливое изумление. — Знаешь, видят чаще всего пустоту... не проникают даже звуки. И в это время любая боль кажется сумасшедшей лаской. Тело становится сплошной эрогенной зоной, — объятия крепче, эротичная интонация шепота вызывает улыбку. Мне хорошо и почти не холодно уже. — Твой оргазм растянулся на полчаса как минимум... Ты сжимала меня своими тугими тисками... Дважды выдоив без остатка... Ничего прекраснее со мной еще не случилось!

Скорее всего, его слова — красивая метафора. Но почему так сильно болят интимные мышцы?? У них тоже бывает крепатура? Пофиг... Я смеюсь. Чужое счастье топит меня в своих акваториях, я отдаюсь ему и открываю сейфы своих баррикад навстречу иллюзорной вере в то, что сегодня все изменилось, моя боль и страдания в прошлом.

— Дима, я такая же е. нутая, как и ты...

— И в этом счастье, разве нет?..

Я повторяю эти слова снова на рассвете. Серые сумерки, предвестники нового дня, стучатся в окно, когда я с криком сажусь на постели. Мои щеки мокрые от слез.

— Я е. нутая... Такая же, как и ты...

Сны безжалостны. Я вспомнила. Ремень. Боль. На краю бездны я, оступившись, падаю к небу, которому нет конца и края. Я так сильно напугана тем, что мне хорошо, что прогоняю прочь это воспоминание и терплю боль...Сильные, нежные, закрывающие от жестокого мира руки. Тепло его кожи. — Тише, любимая. Я рядом. Клянусь, все будет хорошо. Верь мне. Я с тобой, просто помни об этом, моя дорогая девочка.

Снова сладкий чай и изумительно вкусный шоколад. Неподвластная законам логики нежность.

— Что тебе приснилось? Что тебя так испугало? Скажи мне!

— Это не в первый раз... — всхлипываю, но его руки окружают защитным полем, снимая страх и эмоциональную нестабильность. Заминка. Стальные бицепсы ощутимо напрягаются.

— С кем? Когда?

Вот теперь мне хочется улыбаться... Да что за гребаная меланхолия?

— С тобой... После ремня.

— Ты молчала?

— Я и сама не поняла, что это было...

Кажется, мне удалось его шокировать, и не слабо. Сколько раз я потом проклинала себя за подобную откровенность? Но сейчас мне было хорошо. Даже от того, что я делала самого ненавистного врага счастливым. А получить признание от такого монстра...

— Теперь ты полностью моя. Я люблю тебя.

Долбаный Рестофф-эффект. Штирлиц знал, что запоминается только последняя фраза. За окном коралловые отсветы восходящего солнца. Новый день будет солнечным. Я закрываю глаза и впервые засыпаю в его объятиях с улыбкой на губах. Мне не страшно. Я полагаю, что укротила зверя, ничего для этого не предпринимая, и больше мне не придется плакать. Любимых женщин не мучают, правда ведь? Новый уровень отношений. Выше пятого. И кто сказал, что там обязательно боль и потеря себя?

Мы так сильно проросли друг в друга, что обрели способность читать мысли. Чувствовать настроение. Понимать друг друга. Почему этот дар работал столь избирательно? Почему, засыпая на его груди, я не ощутила ментальных разрядов скорой катастрофы? Как счастливая эйфория мужчины стала для меня шагом за грань, обратным отсчетом?

Если бы я могла сейчас прочесть его мысли! Но я просто не хотела, не предполагая, чем его счастье обернется уже к сегодняшнему вечеру... И это будет совсем не то, что поддается законам логики!

Дима

Есть теория черно-белых полос. Она вроде как, с одной стороны, поддается логике, а с другой — вроде нет. Подозреваю, это придумано для того, чтобы легче жилось. Говоришь себе — наступит белая полоса, пойду по ней вдоль. Смеешься этому растиражированному приколу, но... в конечном итоге так и делаешь.

Можно просто свалиться, утратив навигатор, где-то посреди этого черного полотна, а можно просто сказать себе стоп... Разозлиться. Да, и такое случается, причем не только в кино... И посредством одного шага оказаться на белой, как в том самом фильме про "телепорт". Но не бывает так легко. Обязательно что-то теряешь. Оставляешь в том мраке. В данный момент, рассудок, не иначе...

Как пришло решение, зарядив уверенностью в своей логичной правильности, я сейчас уже не помнил. Может, испугавшись ее стрессового состояния, на миг отключил все основные функции, оставив только интуицию. Действуй сразу. Теряешь время. Бей на основные инстинкты. Дожди без остановки. Якорь приятных воспоминаний. Ничего больше.

Девочка моя, я догадывался, что ты играла, просто не был в этом уверен. Я не осуждаю тебя. В первое время после возвращения тебе было позволено все. Ты и сама понимаешь, это было дело времени, потому что мы чувствуем друг друга. Я словил твои ментальные ростки тревоги даже на расстоянии, ощутив твой холод и испуг, раньше, чем порыв ветра шархнул в окно. Сердцебиение и бегающий взгляд тоже не скроешь, как не пытайся.

Зачем так яростно отрицать очевидное? Твое тело не перестанет хотеть меня, что бы я с ним не делал. Слишком мало времени, чтобы убедить в этом твое бунтующее сознание. Впрочем, кто сказал, что я этого не сделаю, рано или поздно?

За эти несколько дней, вымотавших меня без остатка, я осознал, что больше не хочу тебя сломанную. На гранях дозволенного ты можешь сопротивляться мне и дальше. В малых дозах непокорность сводит с ума.

Ты держалась, но я оказался сильнее, и впервые мне не пришлось применять для этого грубые методы. Скрепив сердце, я заставил себя довести меры по твоей реабилитации до конца. Ты в каждом жесте заранее видела агрессию и боль, вздрагивала от малейшего прикосновения, твой страх сдавливал меня в тиски, стоило только поймать взгляд, который ты пыталась расслабить и сделать затуманенным... Если б только тебе стало от этого легче, но ты, сама не понимая, усугубляла свое моральное состояние этой неопределенностью. Если бы пришлось снова применять силу, чтобы лишить тебя страха, я бы пошел на это, не раздумывая.

Я едва не сошел с ума от боли, когда ты утратила чувствительность. Но мой рассудок едва не сторел, когда, несмотря на твои слова, я понял, что ты мне отвечаешь. После этого я должен был закрепить результат, даже ломая твои барьеры.

Утверждение о том, что, чем выше интеллект мужчины — тем ниже он целует, оказалось верным. Все в один момент сменило полярность с "невозможно" на "очень логично и просто". И мне страшно, Юлия. Потому что я знаю все твои нервные окончания теперь как свои собственные. Потому что мало кто может справиться с искушением безграничной власти, и я тут не являюсь исключением ни в коей мере — очень тяжело дался этот доступ в твое сознание, с которого полетели все пароли. Ощущение безоговорочной

победы кружит голову. Настолько, что мне легко пойти тебе навстречу во многих вещах, даже в тех, которые еще вчера казались недопустимыми. Закрепить результат. Создать замкнутый периметр граней твоего комфорта, усыпить все бойцовские качества. Это проще, чем ты думаешь...

Несмотря на все это, сеанс твоего общения с родными не дался мне легко. И предусмотреть твои крики о спасении — это оказалось не самой существенной проблемой. Я мало что знал о твоей семье и ваших взаимоотношениях, по большому счету, мне было на все это наплевать. Не без беспокойства по поводу того, что твой потухший взгляд и отсутствие улыбки вызовет у родных расспросы... Впрочем, я беспокоился зря.

У тебя младшая сестра. Кажется, ты об этом говорила, когда просила дать с ней пообщаться, 9 класс, фанат вампирской тематики. Интересно, вы похожи между собой? Мне с трудом удалось побороть искушение и не посмотреть на обладательницу этого звонкого голоса. Похожи. Характером, точно. Типичная ситуация, младшая почти всегда старается если не обойти, то подражать старшей. Я бы даже сказал, что эгоизм у вас обеих в крови, если бы не уловил твоей паники при ее откровениях о домогательстве, предположительно, первого плохого парня школы...

Это была плохая идея. Я вижу, как напряглись твои кулаки, как тревога ссутулила плечи, придав жестам суетливость. Быстрый, даже неосознанный взгляд в мою сторону, все понятно. История по кругу. Младшая наступила на грабли старшей. Как ты можешь сравнивать две разные ситуации и проводить параллели?

Мимолетная обида и злость сходят на нет, вместе с окрепшей уверенностью. От этого беспокойства я тебя избавлю. Надавив, если придется, чтобы получить достаточно информации. Кто там за главного в управлении Феодосии? Завтра этот салага будет твою Анастасию десятой дорогой обходить. С этим решили...

А потом в разговор включилась твоя мать. И тут меня едва не накрыло. Потому что никогда еще в жизни обо мне никто с таким надрывом не беспокоился. Юля, как ты можешь таких вещей не осознавать, я тебе поражаюсь. Какой прессинг? Какая ненависть? Ты хоть раз пыталась понять женщину, которая дала тебе жизнь, почему ты ищешь негатив там, где его никогда не было? Почему ты не видишь очевидного? Твой эгоизм, из-за запретов во благо тебе же, лишил способности понимать очевидное?.. Ты поймешь. Лет через пять, и будет самой больно за свои мысли... Почему тебя трясет? Что ты пытаешься мне сказать? Ну причем тут тяжелая материальная ситуация, и, как следствие, несчастное детство? Да тебя любили, пылинке не позволяли упасть. Какая разница, какими методами! Слово не то сказала? Да она с такой жизнью и забыла другие слова...

Мне хочется встряхнуть тебя за плечи и трясти до тех пор, пока ты это не осознаешь. Хлопок крышкой ноута — это твоей матери как ножом по горлу сейчас. Говорите на разных языках, но никогда она не станет любить тебя меньше, потому как это все было изначально...

Есть ли у меня право вбивать это в твою голову подобными методами? Я прогоняю ярость, непонятные ростки зависти и обиду на то, что ты не ценишь того, что у тебя есть, и то, чего с самого детства был лишен я сам. Стоит мне это объяснить тебе в жесткой манере, ты еще мать возненавидишь. Хватит с тебя меня одного.

Что открывают кодовые замки твоей откровенности — я не знаю, вернее, не пытаюсь это понять, твой разговор произвел эффект удара под дых. Трудно пояснить, почему. Я думал, что забил на эгоизм собственных родителей еще в глубоком детстве, принял эти

навязанные правила — подарок и свобода действий в обмен на их пофигизм. Поэтому успокоить тебя и, как бонус, расслабить — на тот момент показалось единственным правильным выходом. Я не мог знать, что с этим не справлюсь. Просто не мог.

Юля и тут смогла меня удивить. И остановить в шаге от собственной слабости. Потому что, попроси она меня сейчас все прекратить, я бы, поддавшись падению в человечность, сделал бы это, перешагнув через свою боль. Что-то возникло из ниоткуда, обретая четкие формы. Доверие. Осязаемое, неподвластное логике, вопреки тому, что я все же сумел уловить в ее поведении — оценивающему цинизму. Но эта типично женская черта — воспользоваться слабостью своего мужчины, особенно, если он дал для этого повод — так и не обрела крепкого фундамента.

Юля, когда ты перестанешь рыть себе яму, полагая, что я не могу просчитать твои фишки?.. При всем при этом, я не мог не оценить тактичную сознательность своей девочки. Она могла, не скрывая мстительного злорадства, раскатать словами, ударив во все болевые точки. Мне в какой-то момент стало все равно, какие планы жесткой мести рождаются в ее светлой головке, если сейчас велось хотя бы подобие честной игры. Никакого скрытого смысла в словах. Со временем она расслабилась окончательно, отпустив себя на волю, забыв обо всем, по крайней мере, в это так легко было поверить. Доказательство этому я получил уже к ночи.

Я до сих пор не могу честно ответить самому себе, — то, что с ней произошло, было для меня даром небес или же чертовой благодатью. Так или иначе, именно это стало отправной точкой скорых событий.

После разговора с ней о проблемах и переживаниях детства я злился на себя за проявленную слабость, и, наверное, за то, что с доверием ничего не получилось — оно просто не хотело никуда исчезать. Тоска. Желание все переиграть. Отсутствие выхода на данный момент. Мне показали, как могло быть хорошо нам вместе. Показали, зная, что это просто невозможно. Осознанно или нет, она добралась до моего сердца... Все это, как рукой сняло, когда я убедился, что ничего в ней не сломалось за последние адские дни. Никуда не делось ответное желание, все так же закипала кровь, прорывая барьеры действительности, от одних только прикосновений. Кто же знал, что белая полоса вдоль подготовила такой приятно крутой вираж! Я ведь не сразу понял, что произошло.

Расфокусированный взгляд. Расслабление мышц. Замедлившееся сердцебиение. Это еще не полный сабспейс, но иногда приграничное состояние воспринимается гораздо ярче...

Я видел улет в иную реальность всего два раза, первый раз вообще не осознав, как мне удалось этого достичь, и то, что раньше казалось пассивной закономерностью, в этот раз вызвало запредельную эйфорию, которая, впрочем, не могла отключить самоконтроль, и я предпринял все возможное, чтобы ее там удержать как можно дольше.

Утверждение, что сабспейс начинается исключительно после болевых воздействий, довольно спорное. Эмоциональное осознание уносит гораздо дальше, при этом оставляя часть сознания для восприятия. В таком состоянии сохраняется способность говорить и реагировать на сексуальное возбуждение, неглубокий транс только усиливает все эти ощущения в десятки раз.

Я не ошибся. Я с самого начала разглядел в ней именно эту сущность, в которой она себе долго не признавалась... до этого момента. Я опешил от ее слов. От ее движений навстречу. От контрольного удара, когда все закончилось.

"Это не в первый раз".

Юля, лучше бы этот первый раз у тебя произошел с кем-то другим. Лучше для тебя... Но я бы и убил на месте, как мне казалось, и тебя, и несуществующего его. Дело было совсем в ином.

Еще сегодня утром я думал, что смогу тебя отпустить, скрепя сердце. Растянуть удовольствие на оставшуюся неделю, убедить тебя окончательно в том, что ты сможешь вести свой бизнес... и, может, в первое время я буду действительно тебе помогать, не требуя ничего взамен. После твоего полета о невмешательстве и прекращении отношений не могло быть и речи. Ты полностью моя. Не только твое тело, теперь и твое сознание, приняло мои правила, прошло тебя моим кодом до самого основания. Ты еще этого не понимаешь, но вдали от меня ты пропадешь. Просто не сможешь. Ты моя женщина, а за то, что мне принадлежит, я пойду по битым осколкам и руинам любой морали.

Наверное, лучше мне было не знать о том, что с тобой произошло в моих руках уже дважды... Мне жаль. Искренность и открытость обычно начало перемен к лучшему, выход на новый уровень, укрепленный мост взаимопонимания. Не в этом случае, Юля. С каждым днем, часом, каждой долбаной минутой я получаю подтверждение тому, что ты полностью приняла мою власть на подсознательном уровне. Ради твоего спокойствия и счастья я бы мог тебя отпустить. Исчезнуть из твоей жизни и справиться с самим собой. Только ты сама поблагодаришь меня когда-нибудь за то, что я этого не сделал. Твоя жизнь теперь только рядом, до тех пор, пока твое сердце не перестанет биться синхронно с моим. Сдайся мне полностью. Не возвращай эту ситуацию к подножию твоего надлома.

Иными словами — попытайся поверить в то, что я прав.

Ты жила себе спокойно... Ладно, не так уж и долго — с той поры, как вырвалась из-под родительской опеки. С такой рискованной натурой только чудом уцелела. Больше этого не будет. Я не отойду от тебя ни на шаг. Не потому, что ты со своей беспечной дерзостью рано или поздно убьешься нахрен. Хотя, поэтому тоже. Просто в первую очередь ты смысл моего существования с недавних пор, и надо быть самоубийцей, чтобы отказаться от него добровольно...

Юля

Одеяло ползет в сторону, ноги обдает свежей прохладой. Да что это такое, я спать хочу! Вцепившись ладонями, тяну его обратно, встречая препятствие, захват более сильных рук. Ну вот же ж блин!

— Дима! Иди нахрен, я не выспалась!

Еще пару дней назад мне бы за такое влетело... наверное... Сон снимает как рукой, сажусь на кровати, отчаянно моргая. Страх вытесняет сонливость, парализует язык и ладони, которые покорно разжимают ткань одеяла. Два дня назад... А изменилось ли что-либо сейчас?! Заставляю себя посмотреть ему прямо в глаза, и не жмуриться от режущего яркого света.

— Девятый час! — оттенок кофе-лайт. Довольная и безопасная улыбка. Эти перемены шокируют сейчас сильнее, скажем, кнута в руках и сдавливающей тьмы с оттенком острозаточенной стали. — Ты долго еще спать собираешься?

— Еще немного... — опускаю глаза, натянув остаток одеяла, который пока еще в моем иллюзорном распоряжении, выше талии. Щеки заливают жаром горячей самбуки с какими-то там непонятными ингредиентами. Мне бы забить и наслаждаться их вкусовыми оттенками, не пытаюсь провести спектральный анализ, но я не умею. Смущение. Волнующая обреченность. Легкость от того, что не оставили выбора, а значит, нахрен терзаться

чувством вины.

Он садится рядом, и я понимаю, что моя вселенная рухнет, если меня снова заставят смотреть в эти ломающие волю глаза. Не хочу. Затяни мои — черной светонепроницаемой тканью, как тогда, когда я еще была свободна. Заткни мне рот, тем самым страшным на вид кляпом, чтобы не смела ни о чем просить. Так проще и легче. Его рука обнимает мои плечи, ладонь привычным жестом погружается в волосы на затылке. Так привычно и так волнующе... Но заряд обреченной легковозбудимости не успевает взорвать кровь, потому что в этот раз нет захвата с накручиванием на кулак. Легкое поглаживание вызывает недоумение.

— Как ты себя чувствуешь? Честно ответь.

Это не просьба. Это приказ в обрамлении ласкающего беспокойства.

— Я просто хочу спать... Кажется. — Твою ж мать. Как я чудом умудрилась заставить себя заткнуться и не назвать его "хозяин"? Зато я умудрилась покраснеть до корней волос от подобных мыслей. Я, кажется, начала привыкать к этой пугающей неопределенности, к тому, что вместо ласки могу получить боль, и наоборот. После того, что произошло вчера... Черт, мне было хорошо. Спала крепким сном сука-интуиция, да и могла ли я ее за это винить? После погружения в первый прочувствованный, хоть и относительно поверхностный сабспейс я уснула в кольце его рук, под мерцание его счастливой улыбки и мерный ритм сердца, с ощущением чего-то хорошего, что непременно должно было произойти со мной совсем скоро... Могло ли быть по-иному? Я смотрела на эти сильные руки и не верила, что еще совсем недавно они так безжалостно крутили мои волосы на кулак, сжимали кнут, который не столько бил, сколько выколачивал последнюю гордость из моего сознания. Стараясь не смотреть в глаза — просто опасаясь, что увижу в них то, что...

Да, б. дь, то, что все равно придется увидеть к вечеру! Свой рок! Свой приговор! То, от чего, куда не беги, где и каким способом не скрывайся, сбежать не удастся! Но как хорошо было себя обманывать! Даже прильнуть к его груди, жмурясь от яркого солнечного света, ощутить ладонями тепло его кожи и сталь совершенных мышц, расслабиться после поцелуя, и, увидев в нем того сильнейшего, кто заберет любую ответственность, философски выдать:

— А вот в первый раз было не так... Ночью лучше!

Глухой стук, лаковая эбеновая древесина выдержит остроконечный камень, один из первых, полетевших на крышку твоего, Юля, гроба. Петляю, запутывая след, меняю сознание противника, и, самое смешное — да, я реально полагаю, что именно это и делаю! Злорадно добавляю к каждой мыслеформе "капец тебе, Дима, Юля вышла на тропу войны", цинично наслаждаюсь ощущением тепла и заботы его объятий... Нет. Тонкая кожа запястий уязвима. Ее истерли в свое время даже гладкие металлические браслеты. Режу. Впиваюсь металлом своей беспечной и лишенной оснований самоуверенности в тонкую кожу запястий, глубже, беспощаднее, все еще полагая, что сделала небольшие скульптурные царапины... Интуиция, о, ты не спала!!!

— Попроси меня! — твой жаркий шепот окончательно закручивает мою сущность в хаосе жаркого круговорота, пальцы впиваются в кожу бедер, удерживая их на месте... Я не могу, я уже съехала с катушек окончательно, ощущая у входа в мою пульсирующую вагину головку твердого члена, толкаюсь навстречу, не замечая боли от пытающихся взять контроль пальцев. Хныкаю от обиды. Я возбуждена так сильно, что шелк одеяла под попкой намок от моих соков. Просить, нет... зачем?! Что за разрыв шаблона? Когда тебя надо было просить, ты брал все сам, входя своим членом как можно глубже, словно расстраиваясь по поводу

того, что нельзя им проникнуть до самого сердца... Язык скользит по моим губам, гася умоляющие всхлипы, так нежно, как никогда прежде до этого... Я думала, ты так не умеешь! Мля, не мучь меня так сильно! Я до одури хочу ощутить его в себе каждой клеткой, каждой скрытой интимной мышцей, принимать его в себя миллиметр за миллиметром, прочувствовав каждый изгиб напрягшихся вен, каждый толчок крови, каждую неуловимую взгляду микросудорогу... Как же я пыталась перестать этого желать, но, что бы ты не делал, мое желание еще больше усиливалось...

Головка касается малых губ с душераздирающим нажимом, едва не сбросив твои пальцы, подаюсь ей навстречу... Пугающая пустота. Заполни меня собой! Прекрати мучить! Надсадно всхлипываю, когда твои пальцы, переместившись вниз, поглаживают сосредоточение моего безумного желания, размазывая соки по малым губам, задевая чувствительную точку клитора...

— Открой рот! — ласковый приказ, которого я хрен ослушаюсь в подобном состоянии... Перед глазами пляшет спиралевидная радуга, язык обжигает кисловатый привкус... Мое безумие правит бал, я просто вливаюсь языком и губами в твои пальцы, слизывая свой сок, нектар бесконтрольной страсти, жадно, без остатка, ловлю твой слегка ошалевший взгляд... Бедра получили относительную свободу, толкаются навстречу, пытаюсь поймать в свои силки твой возбужденный член, заполнить убивающую пустоту..

— Попроси!

— Умоляю... — сейчас не сложно... от напряжения мышцы сводит, еще немного, начнутся судороги бессилия.

— Обращение!

Можно, прикрывшись охренительной страстью, сделать вид, что в упор не понимаю, о чем он... Можно, но куда улетела вся моя дерзость, да и не прошибла ли сладкая молния экстаза при собственных словах, вылетевших из искусанных губ с хриплым придыханием?

— Хозяин... возьмите меня...

Твой голос прежний. Твердый. Холодный. Решительный... И, мать твою, до чего же круто!

— Как мне взять тебя?

— Как хотите... Я рабыня.

Сейчас легко. И такое положение вещей не то, что не вызывает протеста, нет, оно кипятит мою кровь, наполняя ее запретным, неправильным, ненормальным счастьем.

— Попробуй уронить хоть каплю! — доносится до моего, разобранный на элементы паззла, сознания непонятная команда, затылок вспыхивает мимолетной и такой желанной болью... Еще не понимаю, что именно происходит, но от захвата волос и грубого рывка новая инъекция желания врывается в раскаленные вены, наполняя кровь; то же самое происходит с коленями, которые коснулись пола — я как будто пью энергетику чистой страсти из окружающего духовно-материалистического астрала. Знакомый уже мой собственный кисловато-острый привкус... Не отдавая себе отчета, заглываю как можно глубже, расслабляя горло, надолго не хватит, но сколько смогу, столько буду держаться... Долго не приходится, пара фрикций, ощущение увеличившегося размера... Сокращения. Сглатываю, на подсознательном уровне подключая язык, вылизываю не потерявший твердости, даже после эякуляции, ствол до последней капли...

Толчок. На всю длину. Очень медленно — обратно, я этого даже не замечаю. Снова, одним резким, и до упора. Точки G больше нет, мои пульсирующие стеночки сейчас

сплошная G в квадрате. Не проходит и десяти секунд, как мой крик бьется о стены комнаты и оконные стекла, пульсирующее сокращение вызывает почти подобие боли, от которой, кажется, я лечу, теряя голову... Мой оргазм с каждым разом все сильнее и сильнее, и мне кажется, этому никогда не будет предела. Вашу мать, впервые в жизни мне понравилось глотать сперму партнера. Не потому, что выбора нет, реально хочется ощущать ее вкус! Даже жалею, что основная доза пришлась в горло, не задев вкусовых рецепторов. Да, детишки, вот так, тетя Юля, скьюз майн дойч, е. нулась.

То, что происходит потом, взрывает фундамент моего личного пространственно-временного континуума нахрен. Он падает на колени рядом со мной и впивается в мои губы первобытным варварским поцелуем, терзая языком закоулки рта, словно пытаюсь перехватить свой собственный вкус, который я, кажется, высосала до основания с похвальным рвением. Пальцы раздвигают сжавшиеся было бедра, проникают в такую же влажную глубину, имитируя недавний акт. Несколько резких движений... Этот оргазм не столь силен, как тот, что я получила под его членом, но комната плывет перед глазами, а пульсирующие сжатия передаются его пальцам... Окончательно сползаю на пол, разомлевшая и счастливая, нет сил даже удивляться, наблюдая, как жадно он слизывает с них подтверждение моей капитуляции.

— Зашибись, ты сладкая...

От подтекста этих откровенных слов мне хочется рассмеяться... Впервые искренне счастливым смехом!

Почти идиллия. Ну почему в тот момент крейзанутый на всю голову вершитель судеб (или кто там у нас пишет сценарии жизни?) не поставил размашистый росчерк — the end? Видно, автору моего кошмара было ничтожно мало. А может, он в этот момент нам завидовал...

Ты отнес меня в душ на руках. Это было так прекрасно и так интимно, что я проигнорировала все тревожные маяки во взгляде цвета эспрессо... Мне просто было хорошо.

Могла ли я знать, что, рыдай я от страха или унижения сегодня утром, ты бы отпустил меня уже к вечеру? Дима, я никогда не могла разгадать и постичь тебя. Иногда наивно полагала, что у меня получилось... Как вот и сегодня. У тебя стоял на мои слезы и страдания? Выкуси, узри свою жертву счастливой... Провальная, убивающая логика! Как же я могла так ошибаться... А может, мне хотелось?!

Потом был вкусный кофе... Крепкий, цвета твоих глаз во время цунами безумной одержимости... и завтрак... Я ведь долго не хотела верить, что ты готовишь его сам, и готовишь с удовольствием, не ради того, чтобы сразить меня своим кулинарным искусством, а просто потому, что тебе это безумно нравится. В этом тоже был свой люксовый штамп подтекста. В последнее время кинематограф тиражирует такой вот брендовый образ отрицательного героя — он не раздумывая уничтожает каждого, кто стал у него на пути, но при этом слушает классическую музыку, любит свою коллекцию катан и арбалетов (хм... Этого точно с тебя писали!)... По слухам, Гитлер любил фильм Унесенные ветром. Тебе же больше нравится создавать гастрономические шедевры... В каждом было дохрена чего-то человеческого... Мимоходом, на долю секунды, предчувствие сжало виски стальными тисками, увлажнив ресницы, вилка полетела на пол, и я устала на фруктовый десерт, не понимая, что же это было.

— Юля! — ты оказался рядом, обнимая ладонями мое лицо, поцелуи сняли так и не

пролившиеся слезы с моих ресниц.

Почему? Почему ты играл несвойственную тебе роль, позволяя мне поверить в то, что мы перешли на новый уровень, где не будет больше боли и ломки воли с гордостью?

— Это сабдроп. Только моей девочки он не коснется! — я только потом, на воле, смогла прогуглить это понятие. Сейчас же было так приятно тонуть в посветлевшем кофейном омуте твоих глаз и не видеть в них холодного блика платины, которая убивает в тебе все живое и человеческое.

— Дождь давно кончился? — за окном яркий солнечный свет. Интересно, если я попрошу позволить выйти в сад, ты снова прикуешь меня цепью?

— Ночью, — ответил ты, возвращаясь с кухни, куда относил тарелки. — Ты захватила с собой купальник?

Что? Я захватила их штук восемь. Нет, вру... семь, как минимум. Женщина я или где?

— В сумке... — поднимаю глаза, и тут до меня доходит. — А...зачем?

Тадададам! Выход участниц в цепях и в купальнике... За этим, ага.

— Пойдем со мной. Найдешь все, что нужно в своей сумке, мне не по приколу рыться в чужих вещах. Кто-то хотел к морю?

Если это шутка, я... или выцарапаю ему глаза, или выверну себе руки. Впрочем, долго уговаривать меня не надо! От радости я просто раскидываю все уложенные в сумку шмотки, пока не нахожу шикарный желтый Roberto Cavalli. Глажу яркую ткань, проглотив непрошенные слезы, этиологии которых не могу разобрать. Что это? Расчувствовалась от его человечности? Или страх, что сейчас все обернется жестокой шуткой?

— А сверху...

— Бери все, что необходимо, — со скучающим видом отвечает Дима, глядя в сторону, скрестив руки на груди. Еще одно гребаное знамение, но я об этом даже не догадываюсь. Эйфория начинает занимать свои позиции, и я выбегаю во двор, почти пританцовывая от счастья. Шорты с меня чуть не спали, я похудела капитально, даже завязки плавок пришлось утянуть ту же. Выгляжу, должно быть, мегасекси в черных джинсовых шортиках, облегающей бирюзовой футболке со свободно струящимися по спине волосами. На лице минимум макияжа — умело прорисованные стрелки, невидимый консилер и коралловый блеск для губ. Если на пляже будут парни, я сто пудов получу свободу плюс азарт, наблюдая, как они отделают Димку до кровавых слез.

Мой садист занят. Скутер? Ну, а чего ты удивляешься. Вполне вероятно, что в голубом заливе имеется еще и яхта, ее просто неудобно тащить на крыше Фольксваген Туарег. Поспешно отвожу взгляд при виде цепей, притянувших водный мотоцикл к планкам крепления. Мне так хочется верить, что я их отныне увижу только при подобном использовании.

...Я получила ни с чем не передаваемое удовольствие, скорее ощутив, чем увидев, как приоткрылся его рот при виде моего прикида. Удар неконтролируемой эротической волны, казалось, от нее зашевелились даже волосы, но, наверное, это был просто легкий ветер с моря. Я тряхнула головой, продев большие пальцы в шлейки шортиков, впервые за долгое время, ощутив себя полностью свободной. Неизвестно, что было тому виной — наличие одежды или пляска серотонина с эндорфином после утреннего совокупления, при мысли о котором краснели щеки и хотелось шаркать ножкой по асфальту парковки. Если бы время замерло именно на этом пике, создав временную петлю... я бы осталась с ним добровольно.

Падаю на кожаное сидение рядом с ним, расслабленно запрокидываю голову. Ворота

отъезжают в сторону после нажатия кнопки на пульте дистанционного управления... Просто так их не открыть, если надумаю бежать... Смогу ли я сбежать от него и не оставить здесь большую часть себя самой?.. Шелест гравия на горной дороге под колесами немецкого монстра. Скачущий пейзаж за окном! Freedom! Дэн Балан, ты тоже прошел через нечто подобное?! Я просто прилипаю к стеклу, фиксируя кадры беспечной свободы, не хочу ждать ни минуты, мне тесно в салоне автомобиля на осязаемой цепи Димкиного присутствия!

I don't wanna wait,
I don't wanna wait,
No one more minute
Freedom... Let's go!!!!

Не спрашивая позволения, нажимаю кнопку стеклоподъемника. Мне безумно жаль, что люк в крыше не открыть из-за наличия закрепленного скутера! Двое парней, отошедших под тень кипарисов, чтобы пропустить машину, с неохотой отлипают друг от друга. "Прекрасного дня, мальчики!" — ору во всю силу легких, и тут же разбирает хохот. Живые гомосексуалисты! Я натурально офигела!

— Нет, ну ты видел?!

Дима цинично усмехается, поднимая брови.

— Тут еще и не то увидишь. Симеиз со времен СССР считался курортом голубых. Тут для красивых девушек самое безопасное место отдыха.

— А для парней? Не страшно сюда приезжать?

— На их счастье, я стопроцентный гетеро. А вот статистика неумолима. В связи со специфической особенностью данного курорта многие девушки возвращаются отсюда неотдохнувшими.

— Эту фишку я уже просекла. — Мне пофиг сейчас на все. Меня подбрасывает от возбуждения при одном только виде искрящейся морской глади. Я хочу в объятия этой воды, пусть смое с меня прикосновения его рук и слов, пусть вымоет из тела и сознания мою собственную... набирающую обороты... Одержимость к своему палачу!

— Настя похожа на тебя? — не отрывая взгляда от бегущего полотна асфальта, спрашивает Дима. Настороженно смотрю на него, но, пожалуй, зря ищу подтекст.

— Внешне нет, она похожа на маму. У нее русые волосы и серые глаза. Характером... Он похож на мой. В кого, я даже не представляю. Точно не в маму и не в папу.

— Ей угрожают. Я верно понял?

Умеешь ты... Одной фразой... Улыбка гаснет на моих губах.

— Дима, пустяки, школьные разборки с мальчиками, с которыми не хотят дружить... Моя подруга поможет...

— Юля... Не мне тебе рассказывать, как жестоки дети. Ты знаешь точные данные этого героя? С ним поговорят. Вечером расскажешь мне все, что знаешь.

— Не надо, правда...

— Юля, это не я чего-то от нее требую... Дети не привыкли отвечать за свои поступки. Никто о ней переживать в создавшейся ситуации не будет. Ну?

— Хорошо, — горло предательски щиплет от двойственности ситуации. Произношу название школы, фамилию, класс... Ты готов спасти Настю только из-за чувства вины передо мной? Почему ты не спас меня от себя самого?! Прямо сейчас, когда лед между нами тронулся наконец, когда я почти приняла твою власть и готова была самолично вырвать ядовитые рецепторы собственных орхидей цвета dark? Почему ты просто не дал мне времени

принять эту роль? Ты же никогда ничего не делаешь, не продумав! Неужели ты не хотел моей добровольной сдачи? Конечно же... Это бы было вразрез с твоими жестокими сценариями моего порабощения! Не пристало рабыне вставать с колен и вести переговоры со своим господином! Только резать. Зашивать грубой дратвой. Вспарывать кожу, нанося граффити жестокой татуировки своего абсолютного владения. Тебе всегда будет недостаточно даже покорности...

Я еще ничего этого не знаю. Я наивно полагаю, что после нашей запредельной близости в цепях и боли отпала нужда, что я навсегда осталась для него уязвимой маленькой девчонкой, которую хочется защищать и носить на руках, будить поцелуями и конфетками и никогда не причинять боль... Сейчас тепло благодарности не позволяет интуиции нарушить гармонию момента, и, я, повинувшись безотчетному порыву, обхватываю его шею.

— Спасибо тебе... Дима, мне, правда, это очень нужно... Я не хочу, чтобы Настька на мои грабли...

— Юляшка, мы разобьемся! — мне кажется, или он жмурится от удовольствия? Возвращаюсь на место, руки по швам. Дорога вдоль обрыва. Обращение "Юляшка" согревает своей уникальной нежностью, а ласковая гладь моря манит к себе... Но больше не требует смыть прикосновения его рук и губ. Больше мне этого, похоже, не хочется... и никогда не хотелось!

Это пустынный пляж, крупная галька, скалистое побережье. Видимо, поэтому тут никого, кроме нас, и нет.

— Там опасный берег, не спеши! — предупреждает Дима. — Обуй вот это. Можно ноги поранить.

Поспешно натягиваю резиновые облегчающие мокасины... Лекси говорила, в Египте без таких в воду лучше не соваться, коралловый песок. Стягиваю через голову футболку, пара движений бедрами, и шорты сами скользят по моим ногам под его пристальным взглядом. Похоже, наличие минимума одежды на моем теле заводит его гораздо сильнее, чем ее отсутствие?

— Ты со мной?

— Чуть позже. Смотри, не вздумай уплыть, — его губы накрывают мои повелительным нажимом, словно закрепляя браслет принадлежности, который, отплыви я далеко, сработает, парализовав все конечности. Парадокс, но мысли о побеге не приходили мне в голову. Далеко я смогу уйти в одном купальнике, пусть даже на гейском курорте? Спит дезертир-интуиция, розовая кисея закрывает мои глаза, наполняя ощущением чего-то волнующе приятного, когда я, рискуя подвернуть ноги о камни, бегу к ближайшей бухточке с проблеском песчаного дна. Не так уж тут и опасно! Но людей нет, и это здорово! Прохладная, ласковая, подсвеченная солнцем вода принимает в свои объятия, и я в тот же миг забываю обо всем. Терапия самой природы от расколотых снов, измененного сознания и морального падения. Я заплываю очень далеко, не чувствуя усталости, не думая ни о чем, переворачиваюсь на спину, так хорошо полежать в объятиях моря. Вижу перед собой склоненную голову Кошки, словно прибалдевшую под рукой хозяина, и даже кажется, между крикам чаек слышу ее довольное урчание. Скала Дива с тонкими ограждениями смотровой площадки, крошечные силуэты людей... Интересно, видят ли они меня? Вполне вероятно, очень яркий купальник... Прибрежная полоса, дальше обзора не хватает, вся утопает в зелени кипарисов, мелькают белые и песочные скульптуры строений. Ласковое, совсем не горячее солнце дрожит в ослепительно голубом небе, ласкает мою отвыкшую от загара кожу.

Солнцу все равно. Все равно этим людям, обозревающим окрестности с высоты скалы... Всему миру не до нас. Вновь сжимает горло предательскими тисками уязвимой безысходности. Нет, не нужна морской воде соль моих слез сейчас. Яростно рассекаю легкие волны, испытав приступ мимолетной паники от расстояния, на которое заплывла. Мне надо вернуться. Вернуться, посмотреть ему в глаза, преодолев гребаную уязвимость и страх, и убедиться, что ничего больше мне не угрожает теперь... Я хочу быть обманутой, предвидя заранее крушение всех ожиданий...

— Ты очень далеко заплываешь! — прилетает мне вместо традиционного "как водичка?" Ловлю на лету полотенце, решительно поднимаю глаза, встречая оттенок подсвеченной солнцем карамели без серебряных вкраплений... Прошу тебя, соври. Сейчас. И позже. Обруби красный провод, останови таймер отсчета до точки невозврата. Ты же мог всегда по-человечески. Сжимая мои ладони и заглядывая в глаза с пониманием, в этих пустых расколотых зеркалах еще не погасли искры чего-то теплого... Родного... Просто скажи. Скажи, что хотел именно так, а не по-иному, не в просящей манере, нет, констатируй факт, в надежде на мое понимание... Не руби с плеча режущей аксиомой "Да будет так, я сказал!" не притягивай за волосы мое чувство протеста, которое я готова отправить сворачивать палатки моих оборонных локпостов. Просто попроси! Уговори меня! Я готова прислушаться к тебе... только к тебе человеческому! Расскажи... спроси... посмотри мне в глаза проникновенным взглядом... "Выдержишь, моя сильная девочка?" Так просто и так... недостижимо.

— Ты плакала? Юля! Все хорошо?

— Морская вода в глаза попала.

— Что с тобой? — руки обнимают мои плечи, вместе с полотенцем стирая соленые капли с кожи... Сотри их с моей души одними словами! Тебе не сложно! Пожалуйста! Ты не слышишь. Что тебе до моих взлетающих на воздух городов, моей падающей к твоим ногам подбитой авиационной артиллерии?

... Звенящий детский смех, перелив колокольчиков, — такой чужой и не логичный звук. Он прошивает мое сознание, разворачивает бегущие по каналам слезы обратно, отчаяние ожидания вечера уходит совсем, сменившись умилением основного женского инстинкта при звуке детского голоса. Сглатываю, напоследок заглянув в глаза цвета теперь уже латте... я запуталась... Беспокойство. Нежность. Куда все это унесет к вечеру? Рву полотенце из его рук, рисую на губах искренне-удивленную улыбку аккуратно с поворотом корпуса вправо.

Очаровательный паренек шести — семи лет прикусывает пальчик, стреляя глазками шаркая ножкой в сандалике по гальке пляжа. Дети бесхитростны и открыты. Забыв о своих метаниях, подхожу ближе, протягивая руки.

— Привет, маленький незнакомец!

В ребенке уже, с первых шагов, играет инстинкт потенциального женского любимчика. Чертики пляшут в наивно прищуренных глазах, вместе с восхищением — "какая красивая тетя!" Меня любят все дети без исключения.

— Славик! — о, вот и наша мама. Высокая блондинка в цветастом сарафане, с яркой пляжной сумкой через плечо. Хм, долго думала, перед тем, как одеть босоножки на платформе на каменистый пляж?

А, беглое визуальное знакомство с женщинами — это целая история! Выпрямляю спину, элегантно поворотом шеи отбрасываю с плеч мокрые волосы, упершись руками в бедра. Свободна, истинная крашенная арийка, альфа-сука тут я. Что ты морщишь свой

обгоревший носик, изучая мою фигуру? Это Cavalli, крошка... Тот самый, ага, что любил просто Марию в сериале. Я тебя умоляю, подруга. Можешь сколько угодно делать выражение лица а-ля "я узрела Катю Пушкареву", кривить губы или иронично хмыкать, я видела себя утром в зеркале, не выросли у меня очки на переносице и не скривились зубы. Снимай свой сарафан, сравним, у кого тело круче. Что? Медлишь? Обвисший животик не пляшет рядом с моим плоским? Я смотрю ей прямо в глаза, и мой взгляд она не держит совсем. Зато переводит его на Диму, и меня пробивает на смех. Нижняя губа этой красавицы забавно оттопыривается, в глазах появляется блеск тупого восхищения. Вперед, крошка! Ты не ошиблась, это Кристиан Грей под прикрытием! У нас в скалах рядом с красной комнатой и вертолет припаркован. Давай, шаг вперед, по сценарию, лицом в гальку! Дыши, Анастейша, дыши...

Ни намек на ревнивую судорогу в моем сознании сейчас. Никакого возмущенного "вали, он о мной!" Меня забавляет эта ситуация... Она вызывает веселье и злорадство. О, давай, глотай слюни... Хочешь, подарю на ночь... и на всю оставшуюся жизнь? Такой незаменимый в быту мужчина! Ходячий стимул с плеткой в руках!!! Украшения будешь носить всю ночь, не снимая!

Я теряю к ней интерес. Ради бога, разглядывай его обнаженный торс и давь слюной. Я этим сыта по горло.

— Тебя Слава зовут, да? — ловлю робкую улыбку обаяшки-мальчугана, и на душе становится на миг светло и безмятежно, словно не было недели моих страданий. Жизнь продолжается. И, наверное, я выживу на зло всем уродам ради того, чтобы однажды увидеть улыбку собственного сына, которая сотрет тень тяжелых испытаний с моей души раз и навсегда. — Святослав, значит? А я Юлечка.

— Как Тимошенко, да? — вспыхивают глазки шкодным огоньком. Смущение тает стремительно, он смотрит на меня почти как взрослый. Затем его глаза расширяются. Он заметил припаркованную машину. Точно, мужчина. У них сейчас с мамашей одинаковое выражение лица. Только мама пялится на Димкин торс.

— А это у вас это японская машина, да? — подбегая к машине, пританцовывает пацаненок. — Мама, смотри, скутер!

— Хочешь рассмотреть поближе? — я не успеваю присесть на плетеный стул и откусить от нектарина. Сладкий фрукт просто летит в гальку у моих ног, а позвоночник прошибает неприятной волной. Этого просто быть не может! Это недопустимо! Нет, Дима вовсе не падает к ногам блондинки с воздетыми руками к небу и надсадным воплем "будь моей женой!" То, что я вижу, кажется нелогичнее снега в июне. Ребенок на его руках, со смехом дергающий штурвал скутера... Трясу головой, не в силах осознать увиденное. У таких, как он, вообще не должно быть детей!

Жизнь тоже имеет чувство юмора. Нет, Юля. Он будет любить своих детей, являться для них самым лучшим отцом, никакой темной сущности не место в этом избранном замкнутом мире... Не повезло только тебе!

Хлопаю пляжную сумку, дрожащими руками выбиваю сигарету. Плохая идея! Я итак задыхаюсь от увиденного. Нет, я не испугалась за ребенка, он вряд ли причинит кому-либо вред. Меня не смутила даже правдоподобность картины... Это тот самый Диссонанс, который капля за каплей отнимает мои силы, убивает во мне все живое...

Его сердце стучит так же, как и мое. Солнце светит для каждого из нас одинаково. Дети тянутся к нему так же, как и ко мне. Потому что он обычный человек! Который просто в

один прекрасный день решил, что имеет полное право на мою жизнь! Диктовать свои правила, которые я не принимаю, и устанавливать их, круша мою волю!

Мне хочется бежать. Все равно, куда. Плыть, навстречу неизвестности, лучше в омут, только не обратно. Сбивать в кровь ноги, до тех пор, пока не вытравлю из памяти яд его поцелуев и слов. Но я не трогаюсь с места. Смотрю на тлеющую сигарету в пальцах, думая лишь об одном, — не разрыдаться прямо сейчас и не начать биться в истерику.

— Пока, Юлечка! — теплый ветерок в чертогах моей тьмы, звонкий детский голосок. Поспешно надеваю очки, прячу боль в своих глазах от ребенка. Дай тебе бог, чтобы никогда в своей жизни ни ты, ни твои близкие не знали подобной душевной боли. Блондинка натянуто улыбается, я изображаю дружескую улыбку и машу ей рукой. Ребенок, воровато оглянувшись на Димку, отпускает руку матери, и прямо на моих глазах происходит маленькое чудо, которое придерживает мои надорванные тросы перед потерей сознания на обрыве. Легко и уверенно, одним движением ручонки семилетнего парнишки.

— Смотри, Юля! — вытягивает руку, сгибая в локте... И меня накрывает волной искреннего веселья, когда я понимаю значение этого жеста!

— Славик, ну ты даешь! Да у тебя бицепс больше, чем у дяди! Ты Джеймс Бонд? Ты не задании?..

Смех так и замирает на моих губах, когда мой юный новообретенный друг с матерью удаляются. Скальный выступ скрывает их от нас. Там еще одна бухта с чистым песчаным берегом.

— Да ты роковая женщина, — добродушно говорит Дима, присаживаясь рядом. — Мне следовало б тебя прятать от людских глаз.

Я молчу. Реальность вернулась. Принимаю из его рук чашку с шампанским. Бокалы решил не тащить... Мне все равно, даже после того, как он замечает мое состояние.

— Юля, точно все нормально? Тебе плохо? Это солнце, наверное... Ты не заболела? Зачем? Зачем ты беспокоишься обо мне, если совсем скоро тебя не остановит в собственных ненормальных желаниях даже вид моей крови? Совсем скоро ты сломаешь меня. Получишь то, о чем даже не мечтал...

— Я снова искупаюсь. Можно?

— Конечно, маленькая. Только не заплывай далеко, обещаешь? — зачем ты плавешь мой металл в огне своей двойственной сути? Почему ты уже принял решение, от которого никогда не отступишься? Прикусываю губы до крови. Юля, переступи через гордость. Просто скажи. Дай ему узнать свои страхи. Свою боль. Он не может не понимать! Он едва не потерял тебя совсем недавно, твое сердце не из стали, ты не выдержишь снова. Он поймет, вы за очень короткое время стали так близки друг другу! Предотврати... время против тебя! Сделай это сейчас!

Я ничего не делаю. Глотаю слезы и улыбаюсь натянуто-шалльной улыбкой, захожу в воду, и, когда она достигает моей груди, начинаю плыть, рассекая руками прогретую солнцем морскую гладь. Автоматически машу рукой Славику, который бежит по песку с криками "Юля! Юля!" Его мама наблюдает за мной. Наверняка не без зависти, еще бы, ее представления об увиденном примитивны до невозможности. Смазливая малолетняя хищница отхватила мужчину с внешностью киногероя, торсом Дэвида Ганди и кучей бабла, судя по машине и накрытой поляне... Как все красиво выглядит со стороны! Что бы ты сделала, знай правду? Да ничего б ты не сделала. И не потому, что действует негласный принцип "моя хата с краю". Плясала самбу злорадства с причмокиванием "так ее!" А может,

нет. Мать все-таки... Пожалела бы... пожелала мне сил... И махнула рукой, не без мысли, что такому мужчине еще не то б позволила за салон красоты в перспективе...

Легкие волны бьют в лицо. Зажмуриваюсь, перед глазами темные круги от набежавших слез. Круги? Нет, это нечто иное. Спирали, завитки... Цифры? 9. 6. 9. Снова? Что они хотя мне сказать? Что-то важное. Юля, ты упустила их не так давно, ты была в стрессе... Ты думала, это игры твоего изнасилованного сознания... Пугающий тебя триксель обрел ассоциативный ряд чисел... Но что ускользает от внимания... Какая-то запредельная важность этих девяток... Шустрый мышонок замучил кота. Тома жалко. Вот честно, он какой-то свой пацан, а Джерри — как лидер пионерской организации... Сколько лет мультику, а все не надоедает! Только плохая идея крутить в маршрутке... Дважды проезжала свою остановку!

097... От неожиданности делаю глоток воды. Е-42...там крутят по плазме "Том и Джери." 097 42... Девятка...097429...6... История! Точно, история! Гребаный экзамен! Я еще подумала, что этот день не забуду... 9.07!!! 0974296907!!!! Номер телефона Вадима!!!!

От накрывшего озарения перестаю взмахивать руками. Снова плотаю воду. Это же тот самый экстренный номер! Меня трясет. Настолько сильно, что я боюсь остановки сердца прямо в воде, с бешеной скоростью плыву обратно... Зачем? Я и сама не знаю. У меня нет телефона. Он есть у Димки... а еще...

Ох, не любят меня женщины в преимущественной массе. Я им как кость в горле. Родилась с внутренним шармом, который многим не подвластен... Но это сейчас не имеет никакого значения, ведь у нее наверняка есть телефон!

— Юля! — хлопает в ладоши мой юный поклонник, подбегая к берегу... К тому самому, где я заходила в воду, и где Дима может следить за каждым моим движением... Возможность подплыть с другой стороны уничтожена на корню. Мамаша уже спешит за ним следом.

— Привет, юный герой! — Оглядываюсь на Диму... Время против меня. Попросит сейчас у блондинки телефон? Как? Что же делать?

— Я — Юля, — улыбаюсь ей натянутой теплой улыбкой.

— Алена, — настороженно отвечает она. Переводит взгляд на мои запястья, потом на лицо, в глазах недоумение. Я уже свыклась со своими ссадинами... Сглатываю. Алена, ты же женщина! Ну прошу тебя, пойми все без слов!..

Да, женщина. Но прежде всего, мать. Ты не подставишь сына под удар. Да и поняла ли ты значение тонких красных линий на моих кистях? Сумасшедший и непродуманный план трещит по швам. Цепляюсь взглядом за серьги в виде цветов в ее ушах...

— Красивые, — робкая взятка... Зачем? С какой целью? Она не взяла с собой телефон...

— Юля! — Дима словно ощутил что-то на расстоянии. Твою ж мать. У меня просто нет выбора. Улыбаюсь обнадеживающей улыбкой, чтобы не напугать своим безумием в глазах, перед тем как шагнуть навстречу своему скорому персональному аду. Шанс потерян. Или же нет?

Цифры выжгли клеймо в моей истерзанной душе, никогда больше им не стереться из моей памяти. Понимаю, просто до дрожи, смысл анекдота "были б спички — был бы рай!", когда покорно позволяю накрыть себя полотенцем и смахнуть капли воды с кожи. Ждать. И успокоится. У меня есть оружие... Мне получить только ключ к оружейной комнате!

После шампанского и хрустящих круассанов меня немного отпускает. Лишь провожаю

взглядом спустя пару часов новых знакомых. Мама Алена просекла, что ничего ей не светит тут с потенциальным папой для сына, пока он со мной. Няша Славик, пока не видит маман, посылает мне неловкий воздушный поцелуй, от которого поразительным образом теплеет на душе, и тяжелые мысли уносит серым пеплом

— Наконец-то одни, — довольно изрекает Дима. — Обычно тут никого нет. Особенно с детьми... Ничего не стоит получить ушибы, кругом скальная порода.

— Пошли купаться, — слизываю с пальцев сок персика. Время есть. Только ждать. И еще раз все хорошенько обдумать...

В этот раз я не заплываю далеко. Мы, как дети, резвимся у берега. Солнце, воздух и вода, и тревога отступает... настолько, что во мне вновь просыпается ребенок, который, чувствуя скорое приближение кошмара, хочет жить сегодняшним днем.

— Смотри, подлодка! — как можно серьезнее вскрикиваю я.

— Где? — напрягается Дима, не успев осознать абсурдность фразы. В тот же момент веерный каскад брызг, поднятый моими ладонями, окатывает его с головы до ног. Выдержанный покер фэйс летит к чертям перед атакой веселого изумления, и едва успеваю увернуться от новой порции брызг

— Ах ты...

Показываю язык, перед тем как заставить его захлебнуться морской водой от подачи моими ладонями. Ладони конусом, в глубину, навстречу подсвеченной солнцем толще воды. Как приятно снова, в который раз, в эту пучину бесконечного самообмана, кажется, вот, раз и все — не догонят, не найдут... Но минута слабости уничтожена, стерта ласкающими касаниями воды, высушена лучами ласкового солнца, унесена легким ветерком. Жить настоящим. Обмануть себя, отключив на минуту воспоминания и предположения, и тогда можно по-настоящему ощутить себя счастливой. Выныриваю на поверхность. Ну? А что ты мне сделаешь? Капли воды бьют в лицо... Давай, мне приятна эта боль... Боль?

Жесткие губы снимают с моих губ соленые капли... пока еще морской воды. Очарование момента, иллюзия беспечной свободы умирает в агонии у моих ног, это не поцелуй, это вакуумный забор моей воли в беспощадные тиски чужой абсолютной власти. Никогда ничего не изменится. Шаг за шагом будешь отравлять меня своей подчиняющей одержимостью. Я уже парализована ею. Человек привыкает ко всему, привыкла и я... настолько, что эта безумная интоксикация вознесла меня к звездам вчера, сгладила грани инстинкта самосохранения, прикрыв его шлейфом под грифом "доверие"... Я так чертовски уязвима сейчас. Перехватывает горло. Я только чудом не плачу, мои глаза пусты, но внутренности истекают слезами бессилия и безысходности.

Юля, забудь про гордость. Проси. Убереги себя от того, о чем начала говорить образами твоя интуиция. Что-то происходит прямо сейчас. Меняется маршрут дальнейшей жизни, вроде бы после недавних событий логично предположить, что в лучшую сторону. Гармония, взаимопонимание, удовольствие, принятие некоторых его правил, которые раньше вызывали в тебе ужас... Почему, откуда я знаю, что все не так?! Почему впереди тьма и ощущение краха? Открываю глаза, ловлю подтверждение своим предположениям. Горячий эспрессо, подсвеченный солнцем. Я долго не увижу кофе-лайт теперь. Я не могу еще этого знать, но на все сто в этом уверена...

Нет. Живи сейчас и настоящим. Перед смертью будет, что вспомнить...

— О боже, — сжимаю виски ладонями, увидев две пары наручников. — Ты больной, знаешь об этом?

— Меры предосторожности! И тебе сегодня не достанется!

— Что?

— Просто держись за меня крепче!

Меня разбирает смех. Я же каталась раньше на скутере, наверное, просто не обращала внимание на браслеты... Последний адреналин формата "супер-легко", жажда скорости, соленые брызги, ветер в волосах. К вечеру я выжата по максимуму, удавшимся выходным на свободе, расслаблена до такой степени, что, по сути... Мне уже все фиолетово!

Солнце садится за хребет Кошки, когда мы начинаем собираться домой. У меня кружится голова от полета на скутере, на губах привкус соли — моря, а не слез, и как же это закономерно! На коже уже проступила та неповторимая кофейная бронза истинно крымского загара, с едва заметной паутинкой соли, и у меня новый приступ смеха, когда без пяти минут... Ладно... без пяти часов мой персональный Дьявол слизывает эту соль языком, пока только с ключицы и шеи... Не хочется уезжать. Прыгаю по острой гальке, подбрасывая камни кверху под его беспечно-снисходительной улыбкой. Я хочу запомнить этот миг, когда мы пусть непродолжительное время, но были равны, на всю оставшуюся жизнь.

Потому что совсем скоро меня прежней больше не будет. Мою вселенную затянет острыми пиками льда, мои галактики поглотит черная дыра без права вернуться, я надолго забуду, что такое смех и радость... О сегодняшнем дне мне будут напоминать только непрекращающиеся горькие слезы, с таким же привкусом соли на губах, как от брызг морской воды. Я не смогу увидеть лазурную бездну небес, моя бездна будет у его ног, раскрываясь все шире, засасывая своей неотвратимостью. Тот, кто шептал мне слова любви, умел жарко целовать и открывать для меня панораму космоса, не дрогнувшей рукой воткнет в мое сердце нож своей ледяной циничной ненависти. Совсем скоро я буду искать боль. Не находить... Умолять. Но одно свое обещание он сдержит точно.

Физически больно не будет. А за душу я не просила...

да здравствует хэппи кризис.

easy. время собирать гильзы. деловито, в пакетик, и по — простому. что тебе молодому да холостому. до моих красных зашкаленных линий. сам себе льюис кэрролл. сам себе терри гиллиам. не стоять рядом. ни нашим фамилиям. ни кроватям. хватит. я мысленно говорю тебе

хватит.

рисовать узоры. руками. на мятом платье. святые сёстры/святые братья. помнили наизусть. несвятые сцены. я и моя магдалена в слезах по колено. тянули руки вслепую. к открытым шторам. тебе не быть моим доктором, штампом в паспорте, подонком всей жизни. и ухаждёром. я видела главного дирижёра, и он командовал вниз вниз вниз. ты собираешь гильзы. мой самый ласковый непробиваемый

похуист

(с) Антон Прада

Юля

За несколько часов до точки невозврата

Прекращаю мерить шагами комнату и хаотично дергать свои свежевывмытые, увлажненные бальзамом волосы при помощи полотенца вниз. Не отжим, а экзекуция!
— Дима, нет. Ты же не всерьез. Ты не можешь этого хотеть!

Я не верю. Ты сейчас просто разводишь меня. Подогреваешь мою кровь адреналином, чтобы я смогла подняться к безмолвным небесам своей истинной свободы.

"Потерпи, моя девочка. Совсем немного. Потом я заберу тебя в рай..."

Невозможно. Это не ты! Я тебя не знаю! Это не твои глаза пугающего потемневшего оттенка... Твои приобретают ласковый цвет кофе-лайт, когда ты доволен, и наливаются экстрачерным эспрессо, когда ты рассержен. Иногда в них проблески льда... или мерцающей платины. Это значит, совсем плохо. Я, наконец, понимаю, на что это похоже! Кофе с топингом жидкой ртути! Потому как обжигающего в сто градусов подогрева не хватит для плавления ни платины, ни серебра...

Прошу тебя, перестань. Прямо сейчас, сними эту ледяную маску со своего лица, покажи снова ту самую улыбку, ради которой мне хочется жить дальше. Удержи меня, спящую на крыле истребителя своей боли от потери самой себя, перевернувшуюся на бок без крепления. Одним взглядом. Не смотри на меня так, прожигая сердце неотвратимостью своих слов. Изобрети машину времени, вернись на десять минут назад и просто запрети себе произносить эти слова! Нет! Вернись гораздо дальше... В нашу первую встречу... Еще дальше... в тот момент, когда ты осознал в себе свою ненормальность и не испугался ее... Герберт Уэллс, зачем ты дал людям надежду своей "Машиной времени?"...

— Юля, успокойся, прошу тебя.

Нет! Зачем ты издеваешься надо мной? Ты прекрасно знаешь, что твое "прошу"

— рушащая последние барьеры моей воли элементарная вежливость. Завуалированный приказ с возможной угрозой, если я тебе не подчинюсь. Почему ты не можешь просто в своей обычной манере схватить за волосы и бросить на пол, разрывая на лоскуты халат... Ведь все равно скоро, совсем скоро произойдет нечто подобное!

Мне хочется ему врезать. Да, до одури, как в первый раз, впиваясь ногтями в надменное лицо, стереть с него это неприступное выражение охреневшего патриция. Мало я ему засандалила в висок, недостаточно для того, чтобы выбить мысли о мировом господстве нахрен! Почему, при всем при этом, я могу только униженно просить опровергнуть это жестокое утверждение? Какая разница, сейчас или потом? Тебе нужен повод. Хотя, вряд ли ты сомневался...

Это нелогично. Неправильно. Особенно после такого прекрасного дня... После того, как я сложила свое оружие, попытавшись найти в этом удовольствие. Я попыталась! Я готова была отыграть свою роль по установленным правилам, только зная точно, что по истечению недели меня, наконец, оставят в покое! Я смогу спокойно уехать, вернуться в свою прежнюю жизнь, где больше никогда не будет его!

— Почему? — забываю напрочь о том, что нельзя так обращаться с волосами, просто отбрасываю мокрое полотенце в сторону. — Я не понимаю! Что я тебе сделала?!

Я жду новой порции вежливых утешений. Может, даже не вежливых. Попроси! Это не сложно! Не ставь меня перед фактом, не смотри прошивающим насквозь взглядом... Мне просто страшно! Даже страшнее, чем от твоих слов!

— Ты сделала меня счастливым.

Сердце колотится в висках, шарахает в распахнутые ладони, останавливает отчаянный рывок с просьбой взять слова обратно нелогичностью произнесенной фразы. Да, я сделала тебя счастливым, когда сорвалась в эротический транс под твоими руками! Когда доверчиво потянулась к тебе, почти признав твою силу и власть.

Я была почти согласна жить в твоём патриархальном замкнутом мире... Только позволь мне быть свободной рядом! Не ставь мне ногу на грудь, оставь это далеким предкам! Тебе же это почти... Почти... Не нужно!

— Ты сам сказал... Счастливым! Отпусти меня! Просто потому, что тебе было со мной хорошо! Я тоже заслужила право на счастье!

— Вдали от меня?

— Именно так! Я не выдерживаю твоего безумия!

Холод. Капли ртути, в остывшем эспрессо. Пожалуйста, только не снова! Предательская дрожь в коленях, скрывать нет смысла.

— Сядь.

Откуда ушли, туда и пришли. Хорошо, я сяду! Все, что угодно, чтобы достучаться до тебя!

Ты еще ничего не говоришь, сверлишь меня взглядом, от которого неделю назад я бы зашлась в панической истерике, но сейчас же я просто отмечаю его острыми углами сознания, и только. Сильнее этого демонстрационного взгляда оказались твои слова. Я не позволяю им пока прожечь свое сознание, я не могу в них поверить! Это

невозможно!

"Я не намерен давать тебе свободу по истечении времени. Последние события убедили меня в том, что мы не сможем отпустить друг друга. Я дам тебе все, но не жди, что я исчезну из твоей жизни"...

Горячие усилия, мне надо успокоиться и не поддаваться панике! Мля, какого ты расставил здесь свечи? Ждем пришествия Сатаны? Провожу пальцами у основания пламени, огонь не жжет. Скорее, отвлекает.

— Я решил, что оптимальное месторасположение — на Пушкинской. Есть три неплохих варианта. По возвращению регистрируем ФЛП на твое имя, все проблемы с документацией я беру на себя, оборудование и прочие денежные вопросы — тоже. Можешь тем временем обсудить с дизайнером интерьер салона и придумать название, продумать рекламную компанию, я пришлю тебе неплохих профессионалов по пиару. Ты слышишь меня?

— О, мне разрешено общаться с другими людьми?

— Юля, хватит паясничать. И не надо мне заливать, что ты страстно мечтаешь заваривать кофе в чужом офисе!

— Дай подумать... А там не будет тебя?

Я жду нового удара, впечатывающего в пол твоего взгляда, к улыбке же совсем не готова. Моргаю и отдергиваю пальцы от огня. Чуть не обожглась!

— А вот на это не надейся. Я всегда буду рядом, и ты будешь спустя время благодарить меня за это решение!

— На коленях? Мне тренироваться облизывать твои туфли, или экспромтом сойдет? — Юля, твою мать, застегни собственные губы! Это не метод! Выключи режим стервы, достучись до его сердца — да, путем правды, хватит играть в Зою Космодемьянскую!.. Ангел-Хранитель? О, привет, давно не виделись! У тебя голос прорезался? Так быстро, охренеть! Че пришел? За черной клубничкой на цепях и во все дыхательные-пихательные? О, ты покраснел! Ну что за лузера мне назначил всевышний?

— Юля, ты можешь стать серьезной хотя бы на пару минут, и выслушать меня?

Вдыхаю... Я не хочу и не готова к продолжению! Я хочу побыть одна лет пять!

— Дима, забудь! Мне не нужен твой салон красоты!

— Да? И чего же ты хочешь взамен?

Он провоцирует меня намеренно, но мне ли бежать от его тонких завуалированных игр! Чувство нереальности происходящего и вихрь самых разных эмоций... От типично комфортного — да что страшного он может сделать, на цепь точно не посадит, зато будущее обеспечено! До стервозно-отчаянного — не сдаваться так просто!

— Через палочку хочу!

— Что? — его брови забавно ползут вверх, пока никакой угрозы в этом нет. Любопытство и веселье. Мне и самой хочется улыбнуться... И гнать прочь мысли о том, что с ним, с таким, как сейчас, я бы могла остаться без всяких взяток...

— Беспалова-тире-Лаврова! Слабо?

Лучше б я молчала. Вздрагиваю, скорее ощутив, чем заметив, как сжимаются его

губы в тонкую, безжалостную линию. Сейчас начнется. Рывок за волосы с воплем "что ты о себе, сука, возомнила?" Точно таким взглядом на меня смотрел твой отец тогда. О, если б я могла знать всю глубину твоей е. нутой одержимости! Я бы не шутила подобными вещами.

— Что, и даже окончания учебы не дождемся?

— Ну, салон же не помеха вроде?

Его пальцы сжимаются в замок, локти сгибаются, уткнувшись в колени. В тот же момент я атакована, пронзена щупальцами абсолютной изучающей тьмы оттенка глубокого кофе, за шаг до пропасти... Над которой меня удерживают тросы его ненормального "хочу!" Ледяной ужас прошибает позвоночник, перехватывая горло... Но он даже не двигается, продолжая смотреть мне в глаза, и я понимаю состояние кролика перед удавом!

— Van Cliff & Arpels, Tiffany?

Тьма его власти сожгла мой мозг. У меня галлюцинации, потому что я ни черта не понимаю, о чем он говорит!

— Cartier? Carrera у Carrera? Luca Carati?

Это что? Студенты-медики изучали латынь и случайно вызвали Дьявола? Я даже не понимаю, что названия мне откуда-то знакомы... Как и того, что теперь все, окончательно заплыла за буйки. Если серьезность имеет имя... оно звучит как ДИМА!

Я, наверное, сейчас выгляжу, как та Алена на пляже, ошалевшая при виде его красивого тела. Только я офигела от игр его воспаленного разума!

— Не понимаю тебя... — перед глазами темные круги с картинками из журналов. Кольца. Элитная ювелирка. Сияние золота и платины, блеск бриллиантов. Он лишь снисходительно усмехается, заметив мой офигевший взгляд в спасительную точку.

— Ты думала, я позволю своей жене носить кольцо из затрапезного ювелирного салона?

Нервно хихикаю. Но почему все так же не чувствую себя в безопасности от его утонченно-коварного юмора? Это должно меня расслабить похлеще массажа, но моя вселенная сжимается, неотвратимо, безжалостно. Скоро ее поглотит тьма. И он, похоже, все это видит? Почему тогда ведет непонятную мне игру?

— И еще... Лаврова — Беспалова — не лучше звучит?

Юля, заткнись... Оборви этот фарс прямо сейчас. Ты роешь себе яму! Увы, современная пластическая хирургия еще не так далеко шагнула, чтобы имплантировать в губы зипперскую молнию.

— Вот тебе непременно надо во всем быть первым!

— Ну, в этом я, пожалуй, буду непреклонен... Прислушаешься ко мне?

Пока я на одной с ним юморной волне я, наверное, в безопасности... или же нет?

— Твой папа оторвет мне башку. А после, и тебе оторвет! — выдаю речитатив хита группы "Звери". Но у него, наверное, на все заранее готовы ответы!

— Если б я во всем слушал своего папу, я бы уже сидел в президентском кресле. Политика — не мое. И мне давно не десять лет.

Лучше б ты его слушал... Может, диктатура реально спасла бы страну.

— Есть любимый бренд?

Да, конечно. Lamborghini и Luca Carati. Скуповую их пачками на свою стипендию.

— Надо выбрать по каталогу, что понравится...

— Не вопрос, выберешь. Тут я даже готов не диктовать тебе свое мнение. Что-то еще?

Сжатие материи. Как в замедленной съемке... Так возникают черные дыры, где нет времени и пространства... А я этого не понимаю. Любуюсь танцем смертельного хаоса и не могу оторвать глаз!

— Да. Порше Кайен хочу. Розовенький.

Насмешливо приподнятая бровь.

— Да что ты так гоняешься за громкими именами? Тебе он реально внешне нравится? — ласково, словно уговаривая ребенка, спрашивает Дима. — Дело твое, только тебе бы больше подошел Rapamera. Черный. Он похож на тебя и твой характер... Никогда особо не тащился от брендов мирового автомобилестроения... Но раз моя девочка хочет, как я могу ей отказать?

Пора заканчивать. Мне не просто неудобно. Я уже догадываюсь, что под веселым корсетом остроумия скрыт очередной дистрикт преисподней.

— Ты сейчас серьезно? Я не понимаю...

Вот он, момент истины. Дима поднимается во весь рост, и я понимаю, что только что поставила негласную размашистую подпись на договоре с Люцифером. Выбрала красную таблетку, доверчиво уместившуюся в широкой ладони Морфея из "Матрицы". С воплем "долгой фашизм!" расфигачила годовой запас прозиума прямо в здании парламента Эквистриума, при этом врубив живую классическую музыку. Продолжать можно до бесконечности, смысл один — я перешла допустимую черту.

Coffe darkness в и без того пугающих меня глазах. Новый уровень, рядом с которым пятый кажется детской забавой. Куда делась его улыбка? Мне хочется слиться с кожей дивана, раствориться, сигануть в пока еще необозримый туннель засасывающей черноты, только не видеть и не слышать того, что он мне сейчас скажет!

— Если ты не против, дешевые понты, в виде преклоненного колена и предложение руки и сердца, оставим романтикам. К тому же, кольца пока не выбраны... — подгибаю ноги, с трудом не отшатнувшись от его приближающейся тени, зловеще неотвратимой в свете свечей. — У тебя предсказуемые условия, о них можно было и не просить. У меня их не так много. Тебе что-то говорит понятие lifestyle?

Замирает время. Несет меня по стремительному горному спуску событий не столь далеких дней. Да, мне знакомо это понятие. Я студентка, у меня позади сессия, но неистребимая привычка осталась — запоминать сухие определения с первого слова.

"Lifestyle переводится как \"стиль жизни\", или \"образ жизни\". Отсюда легко понять, что речь идет о постоянных (24/7 — 24 часа в сутки, 7 дней в неделю) БДСМ-отношениях, включающих в себя психологические, бытовые, сексуальные и многие другие аспекты, в отличие от сценических, которые чаще всего ограничены сексуальным аспектом и имеют четкие временные и ситуационные границы". Слишком длинное определение... А проще говоря, раб/рабыня ощущает себя собственностью своего

Мастера все время, вне зависимости от ситуации и продолжительности общения с ним... На всю оставшуюся жизнь.

Вот он, момент истины!

Я не произношу ни слова. Кажется, не могу даже дышать. И чудом удерживаю крик, когда его ладонь ложится на мое плечо.

— Вижу, что понятие знакомо. Детализация нужна или все понятно?

Голосовые связки сломал сухой лед ужаса. Но ему все равно.

— Я задал вопрос! — у меня почти шок, я сейчас не отвечу тебе даже под дулом револьвера! — Прекрати изображать из себя жертву! Ты думала, в браке для тебя что-то кардинально изменится? Что я стремлюсь в рутину со скандалами по поводу недожаренного ужина и выноса мозга от супруги? Не вздумай соврать, что ты на это идешь ради материального благополучия! У нас связь, о которой никто и никогда не имел понятия! Не ты ли умоляла меня ночью растерзать себя до основания, но только не отпускать? Это не ты называла себя рабыней и готова была на все, лишь бы я и дальше держал тебя в руках? Мне надо было записать тебя на диктофон, потому что ты, похоже, об этом напрочь забыла!

Это невозможно. Я не могла такого говорить вслух! Почему он меня обманывает?..

— Тебе приснилось! Ты совсем е. нулся! — меня трясет при одной только мысли о том, что он мог слышать вопли моего сознания. Я ведь тогда не принадлежала самой себе! Значит, спокойно произнесла... Нет, нет, нет!!!

— Вот это да. Знаешь, в чем прелесть ЛС? — сейчас в его словах никакого намека на веселье. — В нем не будет твоих истерик и капризов! Это идеальный брак!

Может, просто задушишь меня сейчас? Вырвешь нахрен сердце, которому больно? Тогда я не смогу тебе сказать и слова против, мне будет все равно!

Он даже не повышает голос... Ему это просто не нужно. Меня и без того трясет мелкой дрожью. Начинает потихоньку доходить, чем обернулась моя шутка.

— Ну, я не вижу радости в глазах! — мой тиран безжалостен. — Или ты мне огласила не весь список требований? Я жду, ты же знаешь, я все для тебя готов сделать! Давай, самые безумные идеи.

Ошейник с алмазами! Платиновую цепь! Твою ж мать!

— Хочешь доучиться в Оксфорде? Отжечь на Гоа с подругами в качестве предсвадебного девичника? Перевезти семью в Харьков, где они ни в чем не будут нуждаться? Чего ты замолчала?

Потому что я не этого хотела! Пошутили, и хватит! Не знаю сама, откуда появляются последние усилия.

— Дима, забудь! Ты же не перегрелся на солнце, чтобы не понимать, что я прикалываюсь?

— Насчет чего ты прикалывалась? Двойной фамилии? Розового цвета автомобиля?

— Да я скорее убьюсь об стену, чем стану твоей женой! — мне страшно. Он уже принял решение! А я своим тупым юмором зажгла зеленый свет всем ненормальным фантазиям... Твою ж мать!

— Советую не быть столь категоричной. Лучше авто и бриллианты, штамп в паспорте и ребенок в перспективе, чем эти же деньги, потраченные на твое исчезновение без вести!

Это выстрел в висок с близкого расстояния. С глушителем, чтобы не встрепелулся мир. Разрывная пуля твоих безжалостных слов не проходит навывлет. Она плавит оборонные бункеры моей воли окончательно... Потому что я, наконец, с ужасающей ясностью понимаю, что ты не врешь!

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я задаю свой вопрос в ответ... Почему именно этот? Наверное, вся перспектива подобной жизни промелькнула перед простреленным сознанием именно этой картиной...

— Мне что, придется носить ошейник?

Да уж, самая большая из реестра твоих проблем. И это все, что по-настоящему беспокоит?!

Он просто садится рядом, обнимая за плечи. Если бы я смогла прочесть его мысли, наверняка бы знала, что могло быть и хуже. Например, он бы мог сжать мой подбородок и заставить смотреть себе в глаза. Или же грубым рывком разорвать мой халат и показать, у кого всегда была и будет власть, просто сбросив на пол в позу покорности. Особая поблажка будущей жене?

— Наедине со мной придется. Чего ты так боишься? Запомни, никто и никогда не будет знать, что у нас происходит при закрытых дверях. В остальном у тебя будет прежняя жизнь! Я не собираюсь тебя ограничивать в общении с друзьями и родными. Я не забираю у тебя право голоса!

— Я не хочу! Все равно, на каких условиях! — Ну зачем ты гладишь меня по голове? Что за жестокая извращенная ласка? Зачем? Ты же не думаешь, что мне от этого станет легче? Я ненавижу этот контраст. Нож и шелк. Лед и ласковое тепло. Он делает меня слабой... Каким-то незримым нажатием сжимает горло, и остается только плакать, чтобы не умереть от удушья. — Я прошу тебя... Сколько там по условию нашего негласного договора я должна подчиняться твоим правилам? Неделю? Больше? Черт с ним, ты выиграл! Продли свое время еще на неделю! Я слова тебе больше поперек не скажу, только пообещай, что потом все закончится!

Он просто прижимает меня к себе и не произносит ни слова, пока я не прекращаю дрожать, согретая чужим и таким близким теплом одновременно. Пламя свечей перестает хаотично метаться — яркие язычки сожгли мое отчаяние, но не окончательно и не навсегда. Он, наверное, всего лишь хотел без слов показать то, что я сейчас в упор не хочу видеть, рисуя картины ужаса в своей голове... Нет! Я не просто их рисую. Я требую деталей и подробностей... Словно мне мало того, что уже прозвучало! Мне обязательно надо довести себя до отчаяния, и не останавливаться на достигнутом, чтобы я, не дай бог, не дрогнула, и не увидела очевидные плюсы открывшихся перспектив... Я их увижу уже совсем скоро. Извиваясь в сильнейшей моральной агонии, на которую обреку себя сама нелогичным поступком, причина которому — паника. Я буду готова отказаться от любой выгоды, лишь бы прекратился самый настоящий ад... Если бы я могла только это знать! Или хотя бы остановиться на полпути, просто положить ему голову на плечо, соврать страстным шепотом "мы

постараемся", показать свою уязвимую сущность, разложить по полочкам все, что меня так пугает... Почему мне было так трудно поверить в то, что он во многом пойдет мне навстречу?

Закомплексованная, ненужной моралью малолетняя дура! Я отрицала в нем все хорошее с такой обреченной безысходностью, что готова была требовать самых страшных пыток, лишь бы иметь право ненавидеть его дальше, снова и снова! Не видеть ничего человеческого, наклеить ярлык "монстр" прямо на лоб! Подсознательное желание начало сбываться со стремительной скоростью. Еще бы, с моим долбанутым Ангелом-Хранителем, который сидел рядом и философски отмечал — совсем уехала крышей подопечная, желания такие ненормальные, но что поделаешь... Надо исполнять! Почему я убедила себя в том, что в будущем он уничтожит меня окончательно? Почему заиклилась в мире своей боли, настолько глубоко, чтобы не понять очевидного... Сломанным игрушкам не дарят бизнес и не делают предложения руки и сердца! У них даже не спрашивают банального — а чего же ты хочешь?

Я пойму это очень скоро. Тут время летит стремительно для того, чтобы повзрослеть, и ничтожно медленно для того, чтобы закончился кошмар... Который я сама возвела в своем сознании и не собиралась отступать ни на шаг!

— Хорошо... — его молчание сказало о многом. Хрен отступится и передумает. Решение было принято давно и без моего участия, я лишь придала ему ускорение своими тупыми шутками о браке. — Я хочу понять, на что соглашаюсь. В деталях... Пока что ЛС для меня просто набор букв. Что это будет значить на практике?

Мне хочется зажмуриться и перестать понимать суть происходящего, но шаткая надежда держит на плаву. Дима, соври сейчас. Скажи, что ничего серьезного. Что тебе достаточно раз в месяц потрясти плеткой, а потом все останется как прежде. Что дашь мне выбор, прекратить или продолжать. Просто соври!

Нет, не ври. Режь правду по живому, вскрывай мои вены. Ты не можешь быть нормальным человеком! Тебе никогда больше не убедить меня в этом!

Говорят, что, когда чего-то сильно хочешь, вселенная движется тебе навстречу, способствуя выполнению желаемого. Так вот, моя, в тот момент, взбесилась. И в ней назрела очередная теория большого взрыва. Чувство неотвратимости сковало мой разум уже тогда, когда его руки перестали обнимать.

Я следила за тем, как бокал наполняется золотистым в свете свечей вином, не меньше чем за полштуки баксов бутылка, а впереди уже угадывался мрак бездны, которая скоро сомкнется над моей головой окончательно.

— Выпей.

От этого еще страшнее. Ты скажешь что-то, от чего у меня без алкогольного допинга случится нервный срыв? Но я ничем не выдаю своего страха, звон соприкоснувшихся бокалов... Прогоняю мимолетное видение белой залы центрального дворца бракосочетаний и фигуру рядом, лица разобрать не могу... Что это, взбесившаяся интуиция или дежавю с разрывом во времени? Хочется до дна, но я делаю два неспешных глотка, чтобы не показать всю глубину собственной уязвимости.

— Юля, обманывать не буду. Понимаю, что это было бы проще всего, но я слишком сильно тебя люблю для подобных уловок...

Апокалипсис, твоя любовь! Гребаный вирус Эбола! Передоз марихуаны до клинической смерти! Досталось же мне такое счастье...

— Любишь — отпусти!

— Ты опять меня перебиваешь.

Очень хочется закурить, но я боюсь упустить момент того самого откровения, которое взмахом крыла бабочки вызовет скорое цунами в моей жизни. Сгущается тьма, и огонь свечей мечется в разные стороны предвестником скорой катастрофы.

— Первое, что ты должна уяснить — есть только мои правила. Они не подлежат обсуждению, но это не значит, что я буду игнорировать твои просьбы. Просьбы, а не капризы с истериками. Ты всегда будешь моей собственностью. 24 часа в сутки, семь дней в неделю. Повторю в сотый раз, что у меня все в порядке с головой, но не советую проверять эти пределы своим поведением. Если ты будешь меня расстраивать, от наказания не уйдешь. И да, заранее настройся на то, что спать ты будешь в ошейнике и на цепи. Считай это единственным условием, которое ты не можешь изменить, остальные оговариваются. Я проведу тебя по всем граням абсолютного подчинения, но при этом никогда не дам тебе упасть. Также имей в виду, что....

Я его больше не слышу. Черно-красная пелена. Стены серого цвета. Взорванные, разлетевшиеся по бескрайнему космосу остатки галактик.

— О каких детях ты говоришь?! Какие дети в такой семье?! — меня должно трясти в истерике, но я сейчас спокойна... Убивающим, апатичным спокойствием! — Офигеть, ячейка общества! Когда я буду кормить детей, ты с моих сосков зажимы поснимаешь или оставишь висеть ради прикола? Нет, не говори. Цепи вместо погремушек!

— Откуда ты так осведомлена о зажимах? Я вроде как с тобой еще этого не делал! — Безжалостно вырывает меня из вакуума шаткого спокойствия цинично-ледяной голос. — У тебя есть хоть какое-то понятие такта? Я начинаю приходить к выводу, что с тобой нельзя по-хорошему! Или это все, что ты поняла из нашего разговора? Цепь и ужас, а больше ничего?

— Я не хочу никакого брака на таких условиях! — еще держусь, фиг тебе, никогда не узнаешь, как сильно меня испугал. — Что за средневековье?! Насильно на себе не женят! Кайфово будет знать, что жена тебя ненавидит?

— Зря стараешься. Я же знаю, что в тебе ни капли ненависти! Ты меня хочешь! Полностью, со всеми моими желаниями! Давай ты не будешь ломаться, Юля, просто ни к чему. Любовь придет со временем, в этом можешь не сомневаться...

— А ты не боишься, что я с собой что-то сделаю в один прекрасный день?

— Силикон в грудь не разрешаю. Как и менять цвет волос. Расписывать себя татуировками во весь рост — тоже. В остальном... Хотелось бы, чтобы согласовывала со мной. Если ты о другом говорила, лучше не возвращайся к этой теме. За суицидальные истерики я спущу с тебя шкуру и точно посажу в подвал на круглые сутки.

Я придавлена безапелляционной волей этого мужчины. Мне не хочется даже

думать. Но я еще не вполне ощущаю тянущий на дно взгляд бездны. Такая вот апатия перед смертью...

— Хорошо, Дима.

— Отлично, — он и не ожидал ничего другого. Поразительная самоуверенность. —

Стало быть, мы договорились?

Пожимаю плечами. Спасительное чувство нереальности происходящего.

— Юля, впредь, когда я задаю вопросы — ты не молчишь!

— Договорились.

— Осталось только скрепить наш договор? — Мне сейчас все равно. Даже на то, что его голос потеплел. — Подойди и сними халат.

Триумф римского императора. Как же без подобной финальной части? Радует лишь одно, что нет сносящего крышу возбуждения. Я придавлена виражом судьбы и еще не вполне осознаю, чем это закончится.

Остается только радоваться, что цепи в этот раз заменил пояс халата. И я даже благодарна ему за это. Имей я возможность отбиваться руками и не используй ее — потом убью себя самоедством...

Это словно картинки из параллельной реальности... Я получаю оргазм от его негрубых толчков, но он не задевает моего разума. Реакция тела, этого достаточно. Просто отдаю ему себя на растерзание, лишь потому, что не имею ни малейшего понятия, что же делать дальше.

...Светящиеся серые стены тоннеля, словно под толщей воды, извне не проникают даже звуки. Мне нужно идти к выходу, я не знаю, почему — просто нужно, и все.

— Юлечка...

— Мама? — это настоящее удивление. Поворачиваюсь к ней и трясую головой в недоумении. Неужели Дима был прав... Был же, мать его так! Она любит меня безмерно. Это в ее глазах, на ее уставшем лице, с которого словно слетела маска.

— Я не смогла тебя защитить, дочурка... Прости! — она подходит и прижимает меня к своей груди. — Ты постарайся, ладно? Я не могу тебя потерять. Пообещай!

— Ты меня не потеряешь! Что за глупости? — свод тоннеля сотрясается, по нему словно пробегает рябь.

— Пора. Он пришел за тобой!

— Систер! — тянет меня за руку Настя. — Слушай, а можно я заберу себе твой планшет и полушубок, когда тебя не станет? Ааа!

— Закрой рот, паршивка малолетняя, — ласково произносит Лена, отталкивая Настю. Впивается пальцами в мои плечи. — Юля, ты сейчас звонишь мне! Но говоришь с ним! Поняла? У тебя мало времени! Вспомни точный адрес, где ты! Что из окна видно! Постарайся уложиться в несколько секунд! Поняла меня?

Ни черта я не поняла... Сбрасываю ее руки, делаю шаг вперед... Но перед этим завожу руку за спину, показывая Лене большой палец. Перед шагом навстречу обрываю, без какого-либо страха...

— Юля! Юля, успокойся, это просто сон!

Свечи догорели, за окном серые сумерки. Наверное, я вздрагиваю, сбрасывая

оковы сна, потому что сильные руки прижимают меня к себе... или удерживают в шаге от обрыва, или же обнимают, чтобы шагнуть в него вместе.

— Мне начинать привыкать к боли?

Серое и неприветливое утро за окном. Слышно, как шелестит ветер в кипарисах, живом ограждении этого загородного дома, ставшего местом моего заточения. Днем будет дождь, я чувствительна к таким вещам. Сдавливает виски, затяжной сон не помог ни капли. Как и контрастный душ, и самый крепкий кофе, который в последнее время лучше пить с закрытыми глазами, чтобы прогнать ненужные ассоциации. Мое безумие кофейного цвета теперь только в его глазах.

— Когда я сделал тебе по-настоящему больно?

Мне не холодно, но я сжимаю третью за утро чашку обеими руками, словно удерживая ускользящее тепло и не позволяя холоду проникнуть под кожу... Холоду реальной угрозы потери себя, дамоклова меча, нависшего надо мной... Я ненавижу себя за беспечность.

"Одна девочка однажды, не сумев вовремя прикусить язык, продала душу Дьяволу за розовый "Порше Кайен", колечко от "Tiffany", штамп в паспорте и иллюзию того, что стала акулой бьюти-бизнеса..."

Это не моя история. И никогда ею не будет.

Дима, я тебя умоляю. Когда? Тебе точное время и географические координаты? Список, заляпанный кровью моего вывернутого наизнанку сознания с зашкалившими линиями маршрута до преисподней? Давай, я попытаюсь. Может, еще до того, как я выцепила тебя взглядом в суши-баре? Или спустя пару часов, когда мои губы опухли от твоих поцелуев, а я вместо того, чтобы бежать и забыть, рванула со скалы без страховочных тросов, поскольку нуждалась в подтверждении работоспособности своих женских чар, как в кислороде? Комплексы детства никуда не делись. Где-то с этого этапа я подписала контракт на прием боли в больших количествах.

Что ты хочешь услышать в ответ? Наверное, вполне логичное "колени!" "ремень!" "кнут!" "анал! "? Тяжелее всего было с коленями, но я уже этого не помню. Прочую боль тоже не запомнила особо — может, ее и не было? Ты хоть немного представляешь, что творилось у меня внутри? Как горели ментальные капилляры под током отчаянной душевной боли? Наверное, не представляешь совсем.

Я ничего ему не отвечаю.

— Я не садист, мне не нравится причинять тебе боль.

Да, я так и подумала. Розовый зайчик. Мишка Тедди с приступом бешенства. — И плетки у тебя для красоты? — вчерашний разговор о самых серьезных вещах сейчас кажется очередным бредовым сном. Допиваю кофе и тихо офигеваю от легкости общения. Ни дать, ни взять, два старых друга слетелись на кофе-брейк поговорить о жизни.

— Большею частью, да. Если меня об этом не попросят.

— А когда я тебя об этом просила?

Я скорее чувствую, чем вижу, в его глазах предостерегающую вспышку холодного огня. Но сейчас совсем не страшно. Желание одно-единственное — прекратить этот

фарс, который вчера сама так беспечно поддержала.

— Ты просто не оставила мне выбора. — Серьезность или... сказочный долбо... зм?

— Выбор есть всегда, любимый, — растягиваю последнее слово в манерно-издевательском тоне, почти повторяя его слова тогда, перед открытием ворот ада на моей квартире. — Отправить меня домой, раз я так тебя напрягла. Второй этаж, ненадежно... Но можно с высокой скалы и прямо в море...

— Что это, Юля? — он улыбается, а я непроизвольно офигеваю от непредсказуемости его реакции на мои слова. — Хорошее настроение или генеральная репетиция?

— Репетиция чего?

— Первого семейного скандала, к примеру. Классический штамп.

Отставляю чашку в сторону, стягиваю полы халата на груди.

— Давай в открытую, Дима. Какая, нахрен, семья... Хотя в какой-то момент это да, было весело.

— А мне так не показалось. Мы говорили о серьезных вещах.

— Я тебя умоляю! Или ты настолько е. нулся в своих фантазиях о мировом господстве, что для тебя и штамп в паспорте не преграда?

Он просто спокойно смотрит на меня. Затем вздыхает.

— Еще одно правило, которое ты не имеешь права изменить. Как только ставишь свою подпись на свидетельстве о браке, из твоего лексикона исчезают все ругательства. До единого. Моя жена будет леди во всех смыслах. Так что советую начинать привыкать к этому заранее.

Мне хочется рассмеяться ему в лицо. Ему плевать на собственную садистскую сущность, а вот ругательства оскорбляют восприятие! Гребаный эстет! Мне предлагается под его плеткой орать не "больно!" а "неперевершено!?"

Слова замирают на моих губах, виски простреливает вспышкой какой-то обреченной тревоги. Я хочу верить, что это просто пониженное давление из-за дождя, еще одна чашка кофе снимет этот симптом, но горло перехватывает уже знакомой судорогой предчувствия. Я в аду при любом раскладе!

Если бы я могла понять, что именно в этот момент он меня даже не жалел... Окружил огненным кольцом заботы и нежности с готовностью на любой компромисс, перестал видеть во мне ту, которую следовало держать за горло и подчинять своей воле методом кулака и жесткого секса... Что его слова о браке несли иную смысловую нагрузку, совсем не ту, что я нарисовала в своем возбужденном разуме. Ему не нужна была легализация моего уничтожения таким способом! Он не хотел ломать во мне ничего уже в тот момент, когда мы завели этот разговор. Но почему я исключала с пеной у рта все мысли о том, что он уже пошел мне навстречу?

"Ты была недостаточно взрослой для всего этого" — услышу я слова, которые отчасти освободят меня из замкнутого периметра разъедающей вины, спустя несколько месяцев. А потом, скрываясь от себя самой, буду разбивать костяшки пальцев о плитку, сжимая зубы, чтобы не орать с надрывом связок в личные мрачные небеса "какого хрена ты молчал и не убедил меня?!" Действительно, какого? Дима,

неужели ты боялся, что я тебе не поверю? Да в страхе перед неизвестностью совместного будущего я готова была поверить даже в самую сказочную ложь из всех существующих! Чего ты ждал? Что я сброшу сеть отчаяния и пойму в самые краткие сроки, что бояться абсолютно нечего? Как же ты ошибся. Я могла. Ты ведь не зря всегда называл меня умной девочкой... Если бы не страх, который свел все грани моего интеллекта к одному: я здесь для того, чтобы терпеть боль и быть основной пешкой в твоих жестоких играх, я бы разложила по полочкам каждый твой поступок с холодным рационализмом, чтобы понять одно...

Если бы ты хотел только секса в кандалах, ты бы его получил иными методами. Без теоретического креста на своей холостяцкой жизни. Без розового Порше Кайена и салона красоты. Это не чувство вины в тебе играло и не желание купить мою покорность. В тот момент ты бы лег костями, чтобы сделать меня счастливой, потому что не соврал в одном: ты действительно увидел всю мою женскую сущность, скрытую за семью замками свободолюбивой стервозности. Ты с самого начала знал, что это маска, с которой я чуть ли не родилась, поэтому не понимала, что ее можно снять. Эта маска подчинила меня, чтобы я выстояла в жестоком мире, пока рядом не появится сильный мужчина, способный закрыть стеной от всех невзгод и позволить мне быть слабой. Дать вполне легальную санкцию на слезы, забрать ненужный груз ответственности одним росчерком пера...

Я не могла этого понять в 19 лет. А потом — простить тебе, что ты не объяснил мне этого.

Время плавно отсчитывало секунды с минутами до переломного момента. Совсем скоро я потеряю себя окончательно...

"Можно, я заберу твой планшет и полушубок, когда тебя не станет?"...

Что мне пытались подсказать эти обрывочные сны? Наверное, только из-за них я была сейчас разбита, дезориентирована и уязвима. Мне казалось, они были негласным предупреждением, лучшим выходом из ситуации. Я почти разучилась принимать решения рядом с ним, так просто было уцепиться за неясный протест подсознания? Но сначала, попытаться... Наверное, часть меня смогла уловить это окончательное начало глобального потепления в отношениях... Смогла уловить, но не смогла верно истрактовать!

— Я прошу тебя. — Просить не трудно, и нервное заламывание пальцев сейчас совсем не от дискомфорта мимолетного унижения. Нет. Это гребаная декорация к такой желанной на подсознательном уровне уязвимой жертвенности! — Забудем наш вчерашний разговор. Просто давай мы на какое-то время по возвращению исчезнем из жизни друг друга. Я запуталась, мне надо побыть одной и все обдумать. Я хочу сама прийти к ответственному решению! Добровольно сказать тебе "да", если потом предложение останется в силе! И машину водить я не умею, ты же помнишь... И насчет бизнеса... Надо уметь распоряжаться прибылью, а я остерегаюсь, что спущу ее в первом же бутике подчистую!

Он садится рядом, и снова возвращается нервная дрожь... А я сильно напугана обманчиво-страшными перспективами будущего, чтобы понять, что вместе с каждым содроганием тела в крови стремительно бегут многочисленные искры эндорфина с

адреналином. Понимаю ли я это? Да, но убиваю это осознание в тот же миг, потому что это неправильно, нелогично и противоестественно! Как и особая, остро-утонченная прелесть самого факта опущенных в пол глаз вместе с бегом крови по венам. Нет. Закрой мое небо своей неотвратимой тенью, убеди меня, что ты моя смерть и карающий ангел в одном лице... Так проще, так правильнее!

— Юля, послушай меня. Страх не лучший помощник в твоих решениях, — его рука накрывает мою. Тепло поверх арктического льда. — Ты замерзла? Когда ты собиралась мне сказать? Быстро в постель!

Зачем? Я же сижу на полу... Как ты и хотел с самого начала... пока не на коленях, но это дело времени... Ты же к врачу меня потом поведешь не из-за беспокойства о моем здоровье, а лишь ради того, чтобы я могла стоять на них долгие часы, не имея возможности подняться на ноги... Я ничего этого не говорю. Может, боюсь услышать циничное — "а ты позволила себе подумать иначе? Что? Ты действительно это себе позволила? Наивная..."

Теплый плед на плечи.

— Можно мне еще кофе?

— Чай! Мало нагрузки на сердце? Наплевать на здоровье? Я еще по поводу сигарет с тобой поговорю потом...

— Ну Дима!

— Не обсуждается!

Ты правда обо мне беспокоишься? Или это еще одна твоя долбаная грань филигранных игр, отпечатавшаяся горячей аббревиатурой Д/С в моем сознании, прошившая косыми стрелами всю мою жаждущую подчинения суть? В мелочах я уже не могу сказать ни слова против... Или же просто не хочу?

Останови время. Вставь мне кляп прямо сейчас, чтобы не могла ничего сказать, не обращай внимания на отчаянный рывок головы и поток слез, просто сделай! Растерзай вместе с телом сознание, выбей ряд цифр, математику своего уничтожения, начертательную геометрию точки невозврата! Пусть перемешаются в безумный десятичный код, а еще лучше, совсем исчезнут, до тех пор, пока я не смогу понять, что толкаю нас двоих в обрыв на острые скалы за несколько месяцев до осознания счастья! Затрахай до смерти, в конце концов! Да! Самый лучший вариант, осознать в этом свободном полете прелесть того, что казалось раньше ужасом... Только не контраст! Не гребаная тьма... Потому что все, что происходило... было на самом деле солнечным светом с периодическими затмениями! Горячий чай, уже по традиции полчашки сахара... Ты веришь, что мне плохо, что меня накрыл очередной приступ сабдропа, и необходима глюкоза? Конечно, веришь. Я же сама сейчас себя в этом убедила. Ненормальные игры разума на грани фола, бой извращенного удовольствия с впитанной с молоком матери моралью! Последняя не сдает своих позиций, на ее стороне защитный пресс давящего общественного мнения!

— Мы со всем этим справимся. Вместе! Не проси тебя отпустить!

— Так нельзя, если человек тебе по-настоящему дорог! Только не так!

Почему так сильно колотится сердце, и почему это так сильно напоминает сексуальное возбуждение?

— Именно так! Потому, что я это знаю! Полгода, Юля, самые приблизительные расчеты. Полгода, и ты будешь благодарить меня за то, что я не позволил тебе уйти!

— Если ты так уверен, дай мне эти полгода осознать твою правоту! Пусть вдали от тебя, пусть на фоне полного одиночества — если ты прав, тогда мне точно не стоит бежать от этого! Чего ты боишься?

— Боюсь нанести тебе моральную травму. Именно так! Потому что ты не вернешься, даже осознав мою правоту! Твоя гордость не позволяет тебе жить и дышать полной грудью! Будешь пытаться убежать от самой себя хоть куда, искать ответы в чужих руках... И уничтожать себя шаг за шагом! Но сама не позовешь, слишком гордая... Будешь ненавидеть себя каждый раз, но отталкивать мою руку, потому что неправильно! Не по таким законам живет общество, серая толпа!

Давай! Жги! Не молчи, твою мать! Говори! Как можно больше! Взрывай шаткие опоры мостов моей застегнутости на черном и белом, особенно сейчас, когда цвета сменили полярность, а я по привычке этого не желаю замечать! Пожалуйста, как в песне... Впервые за все время санкционировано... Гни свою линию! Но — именно в этом ключе... Можешь заставляя меня спать на цепи, но в разговоре прими меня равную, достучись именно до полноправной, не растоптанной сущности!.. Или доведи эти аргументы до логического завершения, или прошу, не включай спустя полчаса плохого полицейского!

Отмотайте назад время. Остановите апокалипсис!

Я не знаю, чего мне больше хочется от этого жаркого шепота... Расплакаться, закричать или безостановочно целоваться! Почему я так заикнулась в этом яростном отрицании? Мы почти поняли друг друга сегодня. Почти! Не хватило малости... Ладно я! Как ты мог, понимая, каким диссонансом внутри взрываются мои нервные клетки, пойти путем безжалостной ломки? Как? Неужели я довела тебя своей истерикой, мелкая дрянная девчонка — уравновешенного здорового лба?

Сколько раз я потом прокручивала в своем сознании эти моменты? Умирая каждый раз под твоим заледеневшим взглядом, дергаясь от режущей стали твоих безжалостных слов, призывая боль как избавление?.. Бег времени неумолим... В полдень началась гроза. Вспышки молний пугали больше, чем раскаты грома, своим ледяным пламенем, и я не могла понять, почему, вместо того, чтобы прижиматься к тебе и прятаться в кольце твоих рук, начала лишённое смысла, пустое контрнаступление. Может, мне хотелось проверить пределы твоего хладнокровия? Ударить по болевым точкам? Переговоры никогда не были моей сильной стороной, а я была так беспечно молода, чтобы понять, что выражение "лучшая защита — нападение" было придумано шизофрениками.

— Я не стану твоей женой.

Мы устали оба, наверное. Ты — уговаривать. Я — сопротивляться. Последний неиспробованный метод, рубить по живому, уже лишённый какого-либо смысла....

— Стало быть, пункт Лаврова-Беспалова можно вычеркивать?

— Вместе с твоими гребаными подарками. Ты возомнил о себе невесть что! Да кто ты такой? Кто тебе дал вообще право оправдывать свою шизофрению тем, что понимаешь мой внутренний мир?

— Может, так и есть на самом деле?

Я устала. Просто смертельно устала. Ощущаю, как меняется его взгляд... Эта сталь стала его щитом от каждого отклонения заданного курса, а может ли быть иначе, когда в этом участвуют двое!

— Ты слишком много говоришь. И совсем меня не слышишь. Я сказал, что готов мириться с твоими просьбами... Но не с твоими капризами!

— Какие капризы, Дима? — странно, но я немного остываю от этих слов. — Просто избавь меня от своего присутствия в моей жизни! Я хочу выбирать сама, с кем мне быть и что мне делать!

— То есть, ты отказываешься отвечать за свои слова? Ты думаешь, кто-то другой соглашался бы с твоими капризами? Ты сама себя вчера слышала? Розовый Порше? Мне остается только радоваться, что не розового единорога?

— Это была шутка!

— Мне ничего не стоит сейчас сделать так, что ты станешь моей за глоток воды! — холодное платиновое свечение проникает под кожу вместе с вспышкой молнии. Почему я не вздрагиваю от громового раската? Потому что его глаза захватили мои, удерживают, не отпуская, гася весь боевой запал мелкими осколками своей бескомпромиссной воли... Вздрагиваю я, спустя несколько секунд, когда его ладонь болезненной хваткой сжимает мою кисть. Вот от этого я пытаюсь сбежать! Не от тебя! От одной только боли, что ты причиняешь мне такими жестами!

— Юля, я пытался с тобой по хорошему, но у тебя нет тормозов!

— Отпусти, — в горле пересохло. Миг, и вторая кисть в захвате. Ему ничего не стоит сломать их одним зажимом сильной ладони! Кончилась демократия... И хорошо! Потому что я почти поверила в тебя положительного!

— А теперь слушай меня очень внимательно. Я иду на поводу всех твоих желаний не для того, чтобы тебя покупать! Ты могла об этом не просить — все это у тебя будет, потому что этого хочу я! Ты пытаешься сейчас упростить мне задачу? Заруби на своем хорошем носике, я тебя не отпущу! Ни на полгода, ни на сутки! Выбор за тобой. Поскольку мне все равно тратить капитал, выбери сама, на что именно. На салон, автомобиль, обручальные кольца и красивую жизнь... Или на твое исчезновение без вести с покупкой прокуратуры и милиции!

Страх... Нет, холодный ужас плавит стены моего бункера, проникая в сознание, убивая в нем все живое этим безжалостным напоминанием... Мне не надо ничего пояснять... Я реально понимаю, что ты это можешь!

— Ты обещал... — под этим взглядом мои плечи нервно дергаются, руки безвольно расслабляются в захвате сильных ладоней. — Ты обещал, что никогда этого не сделаешь! Почему ты мне врал?

— Почему ты опять плачешь? Я тебя бью? Или собираюсь убить? В чем дело?

— Отпусти! — я не замечаю, что слезы сами собой побежали по щекам. — Ты выиграл! Да, твою мать, я буду с тобой на твоих условиях... Не надо исчезновения!

— Да я вот прихожу к выводу, что для тебя как раз этот вариант будет самым приемлемым. Нельзя тебе давать выбор, ты просто не умеешь с ним обращаться! — он не повышает голос. Просто продолжает на меня смотреть. Я хочу опустить глаза... Но

не могу даже этого!

— Да что ты за человек такой? — на подходе рыдания. Я устала! Просто дай мне уснуть и не вспомнить, в каком кошмаре я оказалась! — Да если б... Если б с твоей матерью такое случилось?! Если...

Выброс ргути, арктический холод... Молчание... И тут я понимаю, что именно сказала. Нет, не в болевую точку... хотя и это, наверное, тоже! Его взгляд говорит об одном. Мне было бы все равно, если бы это случилось с ней. А у тебя вообще нет подобной привилегии!

Ладони разжимаются, мои кисти получают свободу. Я пытаюсь смахнуть слезы страха, но от этой манипуляции они бегут еще сильнее.

— Я начну переговоры с нашей доблестной милицией. Тебе нельзя давать никакой свободы. Начинай морально настраиваться на то, что я сделаю с тобой в скором времени.

...Я, наверное, никогда не узнаю, говорил ты это серьезно или же пытался сломать меня своим заявлением. Я скоро забуду этот ужас, который парализовал мои конечности и даже высушил горькие слезы... Потому что он не последний мой кошмар.

— Дима? — я все еще жду, что ты сейчас скажешь, что передумал... Пока взрывается мое сознание образами, которые чудом не свели с ума. Слезы матери. Я вижу это так ясно, словно это нарезка психоделического саспенса, никогда не отснятых кадров кинохроники... Настя, которая, вытирая слезы, снимает с волос черную траурную ленту и нерешительно берет в руки мой планшет. Плотно сжатые губы Миранды Пристли, притихшая аудитория... "нас покинула замечательная девочка... Юлия Беспалова... Я знаю, что некоторые ее любили, некоторые — нет, но давайте почтим ее память минутой молчания..." Виски простреливает отчаянной болью осознания, я кричу так сильно, что, кажется, могу перекричать раскат грома... Нет! Спасительная реальность, лиши меня способности думать, забери туда, где я ничего не чувствую и не понимаю этих слов!

— Возьми себя в руки! — я не могу разобрать интонации этого голоса... Словно в полусне, двигаюсь к краю постели... Нет. Переиграть. Только не так... Господи, сделай так, чтобы его слова оказались игрой моего больного воображения...

Мне не хватило самую малость... может, пары лет... Может, какого-то резкого жизненного опыта, чтобы прочесть его слова между строк, пережить кратковременную смерть и триумфальное воскрешение путем реверсивной психологии... Но сейчас я видела лишь одну сторону этой многогранной пирамиды...

Откуда роковая композиция Korn? Реквием по моей потерянной жизни? Марш безумия, взявшего мой города?...Трясу головой, чтобы понять, что это всего лишь рингтон мобильного...

— Слушаю, — скользнув по мне быстрым взглядом, кошмар моих дней отвечает на звонок. Недоуменно моргаю, когда он зачитывает знакомые мне названия и фамилии... Он уже подготовил мое исчезновение? Зажимаю рот рукой, чтобы не закричать, но тут понимаю, что, при моей фамилии, прозвучало чужое имя. При чем тут Настя?

— Ну, успокойся... — он не обнимает. Сильная рука просто придавливает мое плечо. — Ты же знаешь, что мне ничего не стоит передумать? Ты будешь послушной?

Киваю. Все, что хочешь... Абсолютно... Нет больше приправы адреналина в крови, сейчас это реально голый ужас. Я готова сползти на пол у его ног, обнять колени и отказаться от всех материальных благ, только не инсценировка смерти... Меня останавливает только его рука. Перевожу взгляд на телефон, нервно сглатываю. Он ловит мой взгляд.

— Юля, я сказал, что заботится о тебе — мой долг? Уже сегодня с тем, кто преследует твою сестру, поговорят. Объяснят популярно, что он не прав. Ей ничего не угрожает. Не дрожи ты так!

Поднимаю глаза, окунаюсь в омут кофейного оттенка. Я проиграла свои игры. Я то, что ты хотел получить. Надо немного времени, чтобы свыкнуться со своей покорностью... Я принимаю твои правила в любом варианте... Посторонняя мысль прошивает, неуместная в этой ситуации, но донельзя логичная.

— Подожди, я же сказала... Насте... Обратиться к Лене...

— В этом нет необходимости. Твоя сестра под защитой всей полиции Феодосии. Ее теперь никто не посмеет тронуть.

— Ты не понимаешь... — я хватаюсь обеими руками за отвлекающее обстоятельство. Я не хочу заикливаться на том кошмаре, что ты мне подготовил! Поэтому сейчас так легко думать не только о себе. — Лена, она... У нее друзья из криминального мира... Ничего серьезного, но, если она уже успела с ними переговорить, они параллельно прессуют этого... Неадекватного Джастина Бибера. Если ты спустил на него всю милицию, а это откроется... Я не хочу, чтобы она пострадала!

— Ну чего ты мне не сказала? — его голос теплее, рука перемещается, прижимая к себе. Из последних сил стараюсь не разрыдаться от подобного контраста.

— Я...как-то забыла... Что теперь делать?

Наверное, наши мысли сейчас поразительно идентичны. Оба понимаем, что редкий мент-исполнитель не прикопается параллельно к местному криминалитету ради премий и выгод.

— Думаешь, Настя успела к ней обратиться за помощью?

— Я не уверена, — сглатываю. — Ты можешь ее набрать... А я попрошу ничего не предпринимать?

— Твою сестру?

— Лучше Лену.

Напряженная пауза. Ловлю его взгляд... Не надо платины. Не надо льда. Я все понимаю. Своим последним заявлением ты четко показал мне мое место.

— Номер. Ты же помнишь, без глупостей...

— Конечно, — я усвоила этот урок. Я сейчас готова на все, только не перспектива реализации его безумного плана. Диктую номер. Как знать, может я услышу ее голос в последний раз... Она моя самая близкая подруга. Будет плакать дольше всех... Длинные, равнодушные гудки. Он не сводит глаз с моего лица. Абонент не ответил.

— Снова? — предлагает Дима. Я так хочу поверить в то, что увидела в его глазах.

Раскаяние и сострадание. Хочу, но... не могу! Хрупкий скелет доверия разлетелся на осколки под его последними словами. Ему нет дела до моих зашкаливших напряженных нервных струн, которые рвутся, медленно, но неотвратимо, прямо сейчас...

Я собираю последние отголоски воли и вразумительности, чтобы оценить ситуацию... Он может это сделать. По сути, меня уже нет. Никто не знает, что я здесь... И никогда не узнает!

Равнодушные гудки... Леночка, возьми... Я не могу не попрощаться хотя бы с тобой...

— Позже? — уловив мое состояние, тепло спрашивает Дима. У меня нет сил, даже кивнуть. Я покорно отдаю телефон и просто вглядываюсь в его лицо... Я жду. Скажи, что ты шутил. Скажи, и я больше не скажу поперек ни слова. Более того, я спрячу свою боль и страх глубоко внутри. На людях тебе нужна леди? Внешне твоя жена будет самая послушная и счастливая из всех, кого ты когда-либо видел, я смогу отыграть эту роль...

Молчание. Повисшая тишина. Нет, Юля. Ты была обречена с самого начала. Он знал, что никогда тебя не отпустит... Выбор сделан за тебя уже очень давно.

Мне больно. Я ведь так хотела поверить в него, человеческого... Да я могла бы полюбить такого человека без всяких материальных подач! Даже с его нестандартными предпочтениями, если бы не пил мою волю из губ, сжав стальными тисками!

— У нее есть еще один телефон, — сглатываю, отводя взгляд... Я не хочу... Но я не могу принять твое новое правило! Ты перешел черту. За пять минут до почти взаимности... За пять минут до настоящей тематической обратки! — Рабочий... Он всегда с ней... Я редко на него звоню, но это особый случай...

— Диктуй.

Вздыхаю, зажмурившись. Мой голос кажется чужим, а сердце просто застыло льдом, потому как устало биться... Может остановиться от нового стресса, поэтому временно отключается, чтобы не выдать ничем...

— 0974296907...

Замирает время. Наконец-то. Мое желание сбылось. Гудок вызова, за ним второй, падает каплей на камень в замедленной съемке.

— Слушаю!

В этом родном и таком знакомом голосе из прошлой жизни стальные нотки... Боже, мне плевать! Какая разница, это мой Вадик! Слезы облегчения бегут по щекам, и я не в состоянии скрыть улыбку.

— Леночка! Привет, это Юля! Я с чужого номера... — хватает сообразительности, чтобы кивнуть Диме, мол да, ответила, и я этому рада! Слезы от радости. — Лена... я не могу говорить... долго...

— Юля, с тобой все хорошо? — Вадик не задает ненужных вопросов. — Юля, да или нет.

— Нет! — качаю головой со счастливой улыбкой.

— Тебе угрожают? Тебя увезли? Держат силой?

— Да! Да, Леночка! — от его сообразительности мне хочется закружиться по комнате. — Они рядом? Слышат тебя!

— Да, у меня мало времени... Слушай, Настя была у тебя?

— Где ты? Вкратце. Я тебя найду. Ориентиры...

— Да... Лена, все хорошо... Я у моря... В Симеизе... — Дима предупреждающе поднимает руку и хмурится. — Сама... Я устала и решила на время уехать...

Дима делает шаг вперед. В его глазах подозрение. Тянет руку к телефону... Но у меня не сдают нервы. Я в шаге от свободы... И я не позволю мне помешать!

— Симеиз, коттеджный поселок, из окна видна Кошка, песчаный кирпич в два этажа! — ору в трубку, отползая в угол кровати. — Вадик, заведи меня! Он сломал мою жизнь... Найди меня, прошу... Убей его!

— Я иду за тобой...

Резкая боль обжигает щеку, выкручивает мои запястья... Мне все равно! Одна фраза, глоток кислорода, удержал меня от падения в пропасть... "Я иду за тобой"!

Занесенный надо мной кулак висит в воздухе. Я смело распахиваю глаза, чтобы насладиться блеском платины... Но не вижу даже проблеска. Кофейный омут. Грусть. Усталость. Сожаление. Боль...

Какая прелесть... Ты тоже умеешь ее чувствовать?

— Что ты наделала, Юля? — голос спокоен, но прерывается на последнем аккорде... А меня начинает сотрясать в истерическом приступе смеха... Я, наверное, и умирать буду, смеясь!

— Подписала тебе смертный приговор, е. нутый садист!..

Что мне полагалось делать в этой ситуации? Плакать? Просить прощения? Умолять не причинять боль? Апеллировать к его здравому рассудку? Угрожать самыми нереальными вариантами мести? Попытаться расцарапать или, что лучше, огреть чем-то по голове? (вопрос, чем!)? Я потом пойму, чего точно делать не стоило. Беспечно ухмыляться от накотившей эйфории и чувства лживого превосходства над обстоятельствами! Надевать корону принцессы, похищенной драконом, и ждать своего рыцаря, которого вчера призвала на помощь посредством последней модели айфона! Смеяться дракону-похитителю в лицо и, услышав фразу "физически больно не будет", мысленно покрутить пальцем у виска, — все, лузер, стрела амура протаранила тебе башку окончательно, ты ничего со мной не сможешь сделать! Категорически не стоило быть столь самоуверенной, пока еще перспектива спасения была размыта... Но от адреналиновой азартной интоксикации я едва ли не плясала по замкнутому периметру новой темницы! И даже цепь мне не мешала...

...Сейчас для меня было загадкой, почему его занесенный кулак замер в воздухе... Наверное, был запрограммирован в Windows? Так или иначе, я не увидела в этом жесте скорой катастрофы. Осознала, что никогда он не сможет меня ударить вне своих садистских игр, и нет, не успокоилась... Стервозность достигла пика Эвереста, отключив напрочь инстинкт самосохранения.

Нет, я ожидала немедленных штрафных санкций, когда за ним закрылась дверь... — Зачем? — произнес он с бессмысленной настойчивостью, перед тем, как уйти, а я... Просто открыла все свои ментальные чакры, впитывая, втягивая, словно "маргариту" через соломинку, квинтэссенцию его боли, уязвимости, разочарования и чего-то еще... И эта боль не ударила по моей совести, нет, она насытила мою кровь своим опиумом, вызвав нечеловеческую радость от того, что теперь он полностью в моей коже! Так легко было смеяться ему в лицо! Чувствовать себя победительницей! Я нанесла самый беспощадный удар в его доверчиво распахнутое сознание. Черные орхидеи предугадали скорую атаку и не вырвали с корнем свои ядовитые рецепторы! И когда герой-охотник, который неделями выжидал удобного момента, устал быть хорошим и самоуверенно объявил им о своих намерениях — вырвать с корнем, увезти на край света, поместить в колбу с раствором или же расплющить в ладонях в случае несогласия — черные лепестки не утратили своей бархатистости, нет... Не померк их насыщенный оттенок и гляцевый блеск, не ошетилилась лиана стальными шипами... С покорным молчанием гордые цветы позволили ему протянуть к ним ладони, чтобы сейчас, при одном только прикосновении, которое раньше им нравилось и не причиняло захватчику вреда, впрыснуть через поры в кожу миллионы отравленных молекул. Они просто хотели цвести на свободе, им не нужна была колба из платины, усыпанная бриллиантами, в условиях комфорта и микроклимата шикарной лаборатории...

Он вернулся спустя час... Я уже успела выкурить пару сигарет, принять холодный душ, чтобы немного успокоить неистовую самодовольную эйфорию, даже

прорепетировать на лице трогательное восхищение к тому самому моменту, когда Вадик взламывает все замки этой виллы и унесет меня на руках в привычный мне мир свободы и независимости. Мне не было страшно. Достаточно было знать, что не убьет, остальное...

— Пойдем со мной.

Я отбросила журнал в сторону с шальной мыслью, что по возвращению сделаю себе точно такую же укладку, как у Фиби Тонкин на развороте фотосета.

— Мне и здесь хорошо.

— Юля, у тебя нет выбора.

Он пропустил меня вперед. Так просто. Не выкручивая руки, не толкая в спину, не наматывая недавно высушенные волосы на кулак. Я замерла перед спиральной лестницей, на миг, ощутив тревогу... Что, если он сейчас просто столкнет меня вниз? Повернулась к нему, готовая встретить боль кофейного цвета с капельками ртути в глазах, и натурально опешила.

Абсолютная платина. Никакого вкрапления шоколада. Абсолютно. Его глаза непостижимым образом сменили цвет! Наверное, я даже тряхнула головой, чтобы прогнать это наваждение... А потом вспомнила. Когда я впервые увидела его в баре, мне показалось, что наши глаза одного цвета, но позже я списала это на игру света и тени. Стало быть, мне не показалось!

Совсем скоро я пойму, что именно так выглядела его беспощадная решительность. Сейчас же я не могла отвести своего взгляда. Мозг еще не осознал того, что пропасть уже почти поглотила каждого из нас... Поэтому я только с дерзкой уверенностью улыбнулась в это замкнутое, словно заледеневшее лицо!

— Я не знаю, что ты задумал, но меня найдут!

— Возможно, Юля.

— Если ты думаешь, что можешь спустить с меня шкуру... Резать свои инициалы, где ты там собирался... Подумай о том, с каким удовольствием я потом сниму порезы и побои! И ты уже от прокуратуры не откупишься. Потому что у него тоже дохрена бабок, чтобы перекупить их обратно!

Но он с таким же вымораживающим спокойствием смотрел мне прямо в глаза. А я вцепилась обеими руками в перила лестницы, чтобы не рухнуть от первого же удара.

— Ты решила, что я буду делать тебе больно физически?

— Дима, не люби мне мозги. Тащи свой кнут, ты же этого хотел?

— Не этого. Мне никогда не нравилось причинять тебе боль. Можешь не бояться.

— Очешуеть, — не сдержалась я. — я все равно тебе не верю. Только знаешь, без своих девайсов в руках ты не мужик! И даже так ты фиг подчинишь меня себе! Я тебя больше не боюсь, понял?

— Страх притупляет эмоции, — философски заключил он, терпеливо выслушав мои слова. — Так что это даже хорошо. Спускайся, Юля. Нет настроения, тащить тебя по лестнице... Это идет в разрез с моими обещаниями не причинять тебе боль.

Мой спуск в преисподнюю... Могла ли я знать это тогда? Цепочка уверенных шагов, гордо поднятая голова... Я не смотрела под ноги, мой взгляд был устремлен прямо перед собой, я знала, что не оступлюсь. Если бы я могла в полной мере постичь

всю боль скорого кошмара, агонию своей истерзанной души, потерю себя самой от иного вида боли... Самой оглушающей, ослепляющей, беспощадной! Рядом с которой, все плети и кнуты мира должны были тотчас же рассыпаться в пыль и прах от собственной несостоятельности!

Я ничего этого не знала. Мне сейчас казалось, что за спиной трепещут черно-белые неуязвимые крылья, которым не угрожает никакая физическая боль... Почему-то я сразу поверила, что он не врал. На тот момент этого для меня было достаточно. Я не знала, что именно он собирался со мной делать, более того, когда увидела новую камеру своего заточения, только презрительно усмехнулась.

"Я посажу тебя в подвал!" — как часто я слышала эти слова? Они и раньше не особо пугали меня, хоть воображение и рисовало сцены из застенков гестапо/инквизиции/"Пилы — 1,2,3,4,5"... Тут ничего такого не было и в помине. Стены, выложенные теплым песчаником. Похожие на факелы бра расположены по периметру стен; освещения, может, и недостаточно, чтобы читать, но зато не темно и не страшно. У дальней стены большой стеллаж непонятного назначения... Приглядевшись, я поняла, что это такое. Горлышки бутылок, припорошены пылью! Меня решили жестоко наказать или отправить на дегустацию?

Когда его руки опустились на мои плечи, я даже не вздрогнула... Когда они начали гладить мою шею — но не лаская, а словно изучая, — я по-прежнему не испытала никакой тревоги. Его дыхание обжигало шейные позвонки, и я даже позволила себе расслабиться и впустить в кровь волнующие искры предвкушения. В чем твоя месть, Дима? Отметь меня в подвале, разложив на плитах, стилизованных под гладкий камень? Пролетаешь, родной, я в детстве часто фантазировала на эту тему.

Металлический скрежет с пугающим перезвоном... Я все понимаю! Только не жди, что я сейчас закрою глаза или расплачусь!

— Репетиция первой брачной ночи? — Мои губы изогнула издевательская, ироничная усмешка, она не меркнет даже тогда, когда шею передавливает сталь обруча под тяжестью защелкнувшейся цепи. — О, ты умеешь обращаться с отверткой? Мама такого зятя одобрит! Дома дохрена чего надо прикрутить!

При всем этом, я смотрю куда угодно, только не в его глаза. Просто понимаю — не выдержу, сорвусь, утону в панической атаке! Вес цепи продавливает шею, но, пока еще можно терпеть, держу голову гордо поднятой... Это не смелость. Это стремление из последних сил не дать ему повода понять, насколько мне страшно!

— Да у меня было помутнение рассудка, когда я позволил себе говорить с тобой, как с человеком! Это презрительное подчеркнутое "с тобой" вызывает противный спазм в горле... Но хрен ты увидишь, что я тебя боюсь!

— Милый, это нормальное явление! У меня вообще было полное затмение, когда я с тобой впервые заговорила!

Он поднимается, а я из последних сил напрягаю мышцы шеи, чтобы цепь не пригнула голову к полу. Поразительная изобретательность, не добился этого сам, сталь тебе в помощь! — Отдыхай, девочка. Может, сможешь осознать свое поведение... Легче потом будет.

— Надо перезарядить станок, который вырывает ногти? — истерический смех прерывается, а во рту вновь привкус соли. "Не кусай губу, Анастейша", прям.

— Я же сказал, больно не будет... по крайней мере... физически!

Я все же решаюсь поднять глаза, когда он направляется к двери, скорее вследствие какой-то осязаемой, но пока не понятной угрозы в этой фразе. Без шанса что-либо изменить. Наверное, подсознательно хочу запомнить... Пока еще его прежнего. Того, кто мог быть человеческим. Добрым. Нежным. Кто мог достучаться до меня, не дави он неотвратимым прессингом, апеллируя как к равной себе...

Знакомая серая пелена отчаяния застит глаза. Не потому, что мне страшно... Мне просто обидно от несовершенства этого мира и отдельных индивидуумов в нем! Твою ж мать, ладно я... Ты старше и мудрее, посмотрим правде в глаза! Ты считал все мои жизненные линии с самого начала... Да, я счастлива была принимать твое "я все про тебя знаю!" за эгоизм... Но ты и тут оказался прав! Я просто не верю, что ты не просчитывал каждый свой шаг и каждое свое слово! Почему ты ломал мою волю, сводил меня с ума, швырял на остроконечные шпильки своей жестокости раз за разом, если... если мог получить все совсем иным путем?!

Я никогда, наверное, этого не узнаю... почему ты не мог любить меня по-иному. Просто не хотел? Всегда желал получать мою боль, а не добровольное согласие? Пил мою безысходность загнанного в угол зверя, самый сладкий коктейль, устав от безвкусной минералки невыстраданной покорности?..

Я даже вздыхаю с облегчением, когда за ним закрывается дверь, это дает возможность положить голову на пол и нейтрализовать давление цепи. Может, зря я это делаю... Пусть сломает шею, передавит позвонки, пусть будет боль! Вытерплю ради одного твоего взгляда... того самого... "не причиняй мне боль!" Что это — отголоски задавленных воспоминаний или же... Просто иллюзия, желаемое за действительное? Твой ментальный вопль по ту сторону двери... почему мне кажется, что ты не ушел? Или мне этого хочется? Да! До безумия. Чтобы вернулся, открутил крепления этой цепи, мне же ничего от тебя больше не надо... Давай попытаемся снова... Без истерик и разборок. Без обещаний лишить меня собственного я. И если ты скажешь "давай попробуем снова", я все забуду...

Если бы я могла уснуть! Но душераздирающая тревога не отступала, ни на шаг. Спустя полчаса, кутаясь в плед и с опасением поглядывая на дверь, я уже тряслась мелкой дрожью, и холод был здесь совсем не причем. Кожа на месте соприкосновения с металлом горела огнем, аллергическая реакция не заставила себя ждать, плечи заныли от этой изматывающей тяжести... Что же со мной будет через пару часов?!

То, по сравнению с чем, все эти проблемы покажутся желанными!..

Интуиция? Отголоски чужих мыслей? Я так и не поняла, что это было. Мне сейчас не угрожал никто, но я, не понимая, что творю, просто забила в угол, притянув ноги к груди, и позволила себе слезы. Тут он не мог их видеть, и это не были слезы ужаса перед предстоящим вечером. Это было нечто иное... То, что я совсем скоро потеряю, не успев активировать... Приобрела, но не запустила еще, не потому, что было банально лень, а потому, что... Это могло быть одновременно как программой, которая наполнит мою жизнь ярким пламенем, в котором можно будет

сжигать себя дотла, не испытывая боли, чтобы возродиться каждый раз в первозданной эйфории этих темно-алых вспышек... Как и беспощадным троянским вирусом, который расфигачит на атомы мою файловую систему без права воскреснуть! Почему не установила? Все просто... и одновременно нихрена не просто! Догмы, заученные с детства... Не запускай программ из сомнительных источников! Только лицензированную, одобренную общественной моралью, протестированную извечными и привычными эталонными шаблонами, со всем стандартным набором сопутствующих кей-логеров... А она не просто из сомнительного источника... На ней крупными буквами было написано — Вирус, хана системе!

Сможет ли он сам, мой мучитель, воплощение кошмара моих дней, причинить мне боль сильнее той, что пришла от осознания того, чего я никогда, даже в страшном сне, не могла предположить?!

Юля, ты так долго себя обманывала, а этот процесс был запущен с самого начала... Еще до того, как он установил свой тотальный контроль... Сознание отрицает эту непреложную истину... Отрицание взорвавшегося чувства вырывается слезами, а его алые нити, щемящая эйфория, отравили кровь, устали скрываться, выбрали время и место, чтобы завопить в полный голос — признайся себе! Самой себе, сейчас! Впервые в жизни, в этих нечеловеческих условиях, ты...

Гребаная цепь! Б. дский стальной ошейник! Это все из-за них. Они пропитаны неизвестным науке наркотическим веществом, которое проникло через кожу в кровь, отравило ее этим черно-розовым нелогичным безумием, прописало зараженный код в извилинах мозга кровавыми буквами Л... Да пошло оно все нахрен! Не хочу! Это ненормальное воображение, сумасшествие, подмена сознания... Не можешь принять его Тьму из-за ужаса, придумай себе смягчающее обстоятельство... Но почему именно такое? Взрывающее фундамент моего Я, возводящего стальные каркасы клетки цвета самой тьмы с кофейно-платиновыми отблесками, открывающее сейф самого сердца одним оттиском его сетчатки... Это не больно... Это же...

Кровь шарахает в виски, когда я поднимаюсь на ноги, уже не замечая давления тяжелой цепи... Мне надо что-то сделать... я не знаю, что! Ощутить тяжесть оков, которая должна отрезвить, напомнить о том, что нет места этому вирусу, воспетому лириками и прочими долбанутыми романтиками... Нет!

Мне хочется забиться в угол. Я проиграла уже давно... Наверное, стоило это понять еще тогда, когда мне проще было плакать о потерянной свободе, чем... попытаться сбежать! Я... Я просто не хотела!

Смахиваю ладонью слезы. Мои руки так нелогично свободны... Это пока...

Последняя лазейка в попытке вырвать из груди сердце-предателя, расцарапать в кровь корсет загорелой кожи, выпустить отравленную кровь, дернуть за эту цепь, чтобы продавила, сместила шейные позвонки — тогда прекратится доступ кислорода в сознание, которое позволило себе нанести мне самый беспощадный удар... Я не хочу знать, что со мной происходит! Гордость, оно не партнер тебе... Условия договора нарушены... это был пакт о ненападении, а их нарушают, дело чести, историческая метафора! Почему мне страшно не от того, что со мной сделает Дима, когда вернется? Мне страшно от этого гребаного озарения! Я не хочу испытывать к нему то, что... Что

мне услужливо раскладывает по полочкам мое сознание!

Вдох. Выдох. Прочь слезы, они уже не смоют эти отравленные имплантаты непозволительного чувства... Тебе жить с ним совсем не долго... Пока его сильные руки, которые могли бить и ласкать одновременно, не сомкнутся на твоей шее... а тебе ничего не надо больше делать. Он сам лишил тебя права принимать решения, забрав его только себе...

Мой взгляд бросает спасительный якорь. Из последних сил, прогоняя, стирая из памяти отгиск глаз цвета горького крепкого эспresso. Временная шаткая опора... Но я не могу молча ждать наедине со своим безумием!.. Интересно, насколько хватит длины цепи? Тяну на себя обеими руками... тяжелая... но не такая уже и короткая! Ее с лихвой хватит, чтобы добраться до стеллажей с эксклюзивным выдержанным алкоголем... Удерживаю в руках, этой тяжести хватит, чтобы накачать соблазнительный рельеф бицепсов — но все, что мне сейчас нужно, это чтобы она не звенела по шероховатой плитке... Как говорят... "цветы не виноваты"? В этой ситуации не виноваты все эти бутылки, которые мне секунду назад хотелось расфигачить вдребезги. Они же не виноваты, что попали в коллекцию такого, как он! Как и я... в свое время...

У меня нет ни времени, ни желания разбираться в сортах коллекционного вина сейчас. Да и не владею я итальяно-французско-испанским в совершенстве, чтобы расшифровать эти надписи... Подношу бутылку к источнику света. Похоже, белое, отлично, от красных сортов болит голова. Цитируя Сергея, "ты прости, бэйба, за такое откровения, но у меня поднимается давления" (орфография автора). Как это все сейчас нереально... Словно выдержка из киноленты, а не истинной жизни!

Возвращаюсь на раскиданные по холодному полу подушки, осматривая горлышко бутылки. Ну что, узница замка Иф, полагается заключенной твоего ранга штопор и фужер? Да, конечно. Посмотри в бардачке розового Порше, под свидетельством о браке с двойной фамилией, пока сняли цепи...

Пластиковая бутылка с водой. Бумажные стаканчики. В целях безопасности? Ты реально боялся, что я с собой что-то сделаю? Теплая волна замирает в районе ключиц, я не могу ей позволить затопить себя полностью... Снова... Снова эти мысли! А может, просто позволить это себе... отследить их до основания... Понять и принять эту суть... Мне не сбежать и не скрыться. Всегда. Всегда, незримой стеной, будет полыхать негасимый огонь, в конечном итоге, позволяя ему все!

Я не хочу! Не просто не хочу себе в этом признаваться. Я не хочу ничего к нему чувствовать! Только не сейчас, только не с ним! Мне хочется сжать виски, сдавить до боли, выбить эти ненормальные мысли... С каким-то отчаянным криком сжимаю цепь, сложив вдвое, зажимая бутылку щиколотками... Раз! Ничего. Нужно больше простора для маневра... С 10 попытки стекло трескается, почти ровно, не считая одного острого скола. Смотрю на пролившуюся на пол жидкость и отлетевшее горлышко, руки трясет от тяжести цепи... Но я уже не замечаю, как прострелило глухой болью шею, стоило ее отпустить. Я хочу сейчас настоящей, разламывающей боли, только не признаваться себе в том, что осознала только что...

Я прекрасно понимаю, что могу порезаться, но мне плевать. Дорогое вино не пьют

из пластика. Эта такая же привилегия избранных, как и твоя... Нет! Больше не твоя! Наша совместная одержимость черно-красного оттенка! Она не может жить в тебе или во мне по отдельности... Она течет в наших венах, на наших общих картах маршрута этого безумия, и никакому наФигатору ее не отследить...

Осторожно подношу бутылку к губам, делаю глоток... Неплохое, должно быть, но я сильно придавлена последними событиями, чтобы ощутить его вкус. И вряд ли градус сможет уничтожить яд ненормального чувства в моей крови...

Ничего! Абсолютно ничего не происходит! От элитных напитков не пьянеют, от них не болит голова, под их воздействием не совершаются безумные поступки... да ладно, они совершаются... Сами по себе! Без всякого алкоголя!

Я собираю слезы на доверчиво распахнутую ладонь. В слезах действительно много чего от наслаждения! Пользуйся этим! Это только пока! Запомни это ощущение, последний раз ты плакала, не признаваясь в этом даже себе, просто так... Потому что это было так остро и так незабываемо!

Она не приходит по-иному!!! "Ты был прав, Михей... Она все-таки сука!".. Пришла? Можешь не разбуваться! Не потому, что я после проведу влажную уборку, нет... Поторчи в холле, спасибо, что зашла... Что так? Даже чаю не попьешь? Правильно, ты и глотка сделать не успеешь, тебя спустят с лестницы, швырнут в придорожную грязь совсем скоро! Не туда ты постучалась! Зря, ох, зря! Потому что через час тебя начнут медленно убивать... Ты обречена с самого начала! Не зря я закрыла двери на все замки, чего тебе не сиделось дома, родная?! В такую погоду все прячутся дома, но не ты, да? Ты, наконец, подобрала отмычку и сломала мой секрет. И напрасно! Тебя уже скоро уничтожат, вместе со мной....

"...Юля, наивная дурочка, не истери, давай знакомиться поближе. Ну чего ты на меня смотришь со смесью интереса и презрения? Не так меня лирики рисуют в любовных романах, в стихах, песнях, на полотнах импрессионистов? Да, я другая. Вот сегодня в латексе и шипах. Положение обязывает... Впервые мы vis-a-vis, ты меня не знаешь, но я уже изучила тебя вдоль и поперек, наблюдая из укрытия... Поговорим? Давай, расскажи мне, как тебе плохо... Как ты страдаешь изо дня в день... А орешь в его руках, наверное, от боли? Ну, скажи, что ты симулируешь еще... Мне так, чисто поржать..."

"Да пошла ты, сука! С. бись из моей головы! Из моего сознания! Из моей крови, в конце концов! Я тебя сейчас этим осколком бутылки распишу так, что твой бдсм-департамент тебя обратно не примет!"

"Он был прав... Тебе не только рот, тебе и сознание стоило прополоскать гелем для душа! Думаешь, так легко от меня избавиться? "

"Легче легкого, Любочка. Давай подождем вечера? Занимай место в первом ряду, чтобы не промахнулся, е...л тебя прямо в сердце! Если останутся силы и рассудок, я с удовольствием понаблюдаю за твоей агонией! Может, даже в ней мы будем едины на тот момент..."

Я схожу с ума. Капли яда черно-алых корпоративных цветов бурлят в крови, еще немного, этот токсин сожжет меня полностью! От него нет антидота... только... только так! Я уже не соображаю, что это — безумие, или же я призываю боль как избавление,

страхую себя от скорого кошмара! Именно это! К вечеру я буду раздавлена и уничтожена. Но сейчас... Нет, я не опьянела. Ни капли. Бутылка пуста наполовину, жуткая кислятина, как можно столько бабок за нее платить... Мои руки сжимают подобие розочки из стекла... Мой скальпель от боли и экспансии непрощенной взаимности...

Очень сильно связаны невидимыми ментальными нитями, скованы между собой цепочками дамасской стали, прошиты в переплетении капилляров, артерий и сухожилий несмываемым штрих-кодом, отмечены сигнальными браслетами, отойди друг от друга на дальнейшее расстояние — активируются, запустив таймер вызова бригады быстрого реагирования... Что ты почувствовал в тот момент, когда я просто гладила себя по гладкой загорелой коже бедра, не удивляясь сумасшедшим мыслям, атаковавшим мою голову при созерцании острого скола бутылки? А может, не это стало причиной твоего появления... И обеспокоенно бегающих зрачков, ты так и не мог этого скрыть! Неужели ты почувствовал то самое, что напугало меня своей нелогичной неотвратимостью?! Нет. Хорошо ли, плохо ли это — ты сам не понял, что ты ощутил... По логике, я не должна была стремиться уничтожить это, но я сопротивлялась ей еще яростнее, чем тебе! И если бы ты прочувствовал всеми своими клетками ее черно-алую суть... Ты бы никогда не сделал того, что сделаешь уже вскоре! Ты бы не стал ее убивать... Потому что осознание того, что ты уничтожаешь мои взаимные чувства, убьет тебя самого! Как забавно было за тобой наблюдать! В тебе боролись две сущности — показать свою слабость или же держать вымученный покер фэйс до конца! Почему мне с обреченностью камикадзе хотелось прощупать все твои пределы, мой любимый жестокий по. ист?

— Отбрось в сторону.

Интересно, какие препараты ты принимаешь? Не изучи я тебя настолько хорошо, поверила бы в эту актерскую игру под названием Непробиваемость. Глаза тебя выдали, темное зеркало души...

— Не бойся, я не собираюсь тебя резать! — все внутри сжимается под прессом нехорошего предчувствия. Глупо, конечно, ожидать, что мое наказание ограничилось цепью и размышлениями наедине с собой... Я не имею ни малейшего представления, что можно со мной сделать, не причиняя физической боли! Может, не со мной? С родными?! Трясу головой. Это невозможно... это не тот человек! И почему-то в это я верю, без всякого сомнения...

— А себя?

Мне ведь реально хотелось... В какой-то момент тело просто жаждало боли от порезов, чтобы обезопасить рассудок! Это не напугало только потому, что я предпочла смириться со своей ненормальностью, принять ее за норму — а могло ли быть по-иному в подобных условиях, на грани боли и безумия, рядом с ним каждую секунду?! А может, это как раз такими завуалированными мыслеформами заговорил со мной инстинкт самосохранения... Тебя не посмеют мучить, если увидят кровь!

— Тебе же меньше работы будет! — Нет, не истерика, спасительный сарказм, безжалостный самообман! Как будто если я буду смеяться ему в лицо, он передумает мстить мне за звонок Вадику! — Я вот все-таки решила вырезать на коже твое имя!

Скажи, "Е. нутый Садист" обязательно с заглавной, или тебе хватит и со строчной?

Я, наверное, окончательно чокнулась, или больше не в реальном мире ни разу. Быстрота его реакции бьет все рекорды, я не успеваю даже сформулировать в уме очередное наполненное сарказмом предложение — кисть простреливает мимолетной вспышкой боли. Она разжимает пальцы, вырывая испуганный вскрик, который гасит звон вылетевшего стекла.

— Стекла детям не игрушка! — в его голосе никакого веселья. Ничего. Пустота. Она шарахает по моим напряженным нервам предчувствием скорой клинической смерти — души, а не тела, неотвратимостью его завуалированной ярости со всеми возможными оттенками боли. Мне, наверное, даже не то что жаль... Совестно, совсем чуть-чуть, но неужели он не понимал, что у меня просто не было выбора? — Голову назад. И не шевелись.

Я не задаю никаких вопросов, растираю ноющую от его захвата кисть и... И да. Начинаю сходить с ума от его близости! Стараюсь не вертеть головой, чтобы не напороться шеей на острие отвертки, которая раскручивает крепление карабина этой ненавистной тяжелой цепи, но, вашу мать, это сложно!

И неправильно трижды! Сердце колотится так, что он наверняка слышит его взбесившееся стаккато, низ живота заливают расплавленной субстанцией желания, такого неуместного в сложившихся обстоятельствах... И такого щемяще-неотвратимого в свете осознания своих истинных чувств! Впрочем, я гоню эти мысли, списываю бег адреналина по крови на счет дальнейшей опасности — симптомы донельзя похожи... Меня пугает сама мысль о том, что мой личный садист понял, что на самом деле происходит! Рывок, и шея обретает первозданную легкость. Не могу удержаться от того, чтобы ее не размять, потому как это дополнительный способ заполнить неловкость молчаливой паузы!

— У тебя шикарный вкус, — Я помню, как тонко он умеет шутить... Благодушно прищуривая глаза, с едва уловимой улыбкой, лукаво-потеплевшей интонацией голоса... Но сейчас всего этого нет и в помине! — Шато Лавиль-Обреон, его цена 6 тысяч гривен.

— Всего? Вот же ж... Никогда не умела выбирать мужчин, теперь еще и с напитками пролет! Я хотела не меньше чем за сорок штук...

Как там говорят, умирать, так с музыкой? Было ли мне страшно в тот момент? Безусловно. Неопределенность, дезориентация, непонимание происходящего — все это повергло меня в шок, который временно вытеснил ужас предстоящей расплаты... Интуиция? Нет, скорее закономерность... Еще и этот внутренний дисбаланс от так напугавших меня эмоций!

— Пойдем.

Я, наверное, никогда не видела его таким... Собранным, хладнокровным, лишенным каких-либо чувств! Мне было бы легче, начни он орать, оскорблять самыми последними ругательствами, расписывать в деталях программу предстоящей экзекуции... Что все это может значить? План по организации моего исчезновения без вести вступил в финальную фазу? Он так спокоен, потому что теперь у него времени уничтожить меня достаточно?

Шею вновь обдаёт противным жаром. Долбаная аллергия! Но не дожидается. Я не буду просить избавить меня от этого ожерелья! Лишенная тяжести цепи, шея держит голову высоко поднятой, ноющие плечи распрямляются сами собой в последнем рывке гордости и достоинства... Почему последнем? Истинный джентльмен всегда пропускает леди вперед. В данном случае, он просто опасался, что я могу спустить его с лестницы одним толчком... или огреть любым подходящим предметом из тех, что встретились по пути! Но проверять удароустойчивость, расставленных ваз, у меня нет ни малейшего желания. Это все лишено смысла.

Я верю, что Вадик меня отыщет до того, как... Перевезут в другое место? Инсценируют мою смерть? Сломают, доведут до состояния преданного выдрессированного животного? Сжимаю зубы до противного скрипа. Черт возьми, поторопись. Найди меня! Я не знаю, сколько еще смогу продержаться! Не надо никого убивать... Ну, дай ему в морду, согласно классике жанра, и увези отсюда как можно скорее! Заставь меня забыть этот кошмар в своих руках!.. Мне так хочется верить, что этот ментальный призыв преодолеет расстояние со скоростью света, что я даже не думаю о том, что между мной и ним никогда не существовало той самой ментальной связи, как это было с Димой! С которым, впрочем, она тоже прервалась... Я почти физически ощущаю тот самый непробиваемый барьер, что он создал вокруг себя наэлектризованным биополем. Такой я возводила и сама, каждый раз, но он рушился как карточный домик!

Снова та самая комната... Воображение рисует пугающие приспособления в виде Андреевского креста или вбитых в шелк обоев цепей для всех конечностей, но ничего этого нет и в помине. Я в замешательстве.

— Проголодалась? — его голос по-прежнему лишен всякого выражения.

— А мне можно?

Б. дь, Юля, заткнись! Что ты творишь? В Теме кляпы придумали именно для таких, как ты! Чтобы не возникло необходимости в тяжелой артиллерии!

— Тебе нужно. Ты думала, я буду морить тебя голодом? Мне мало интереса получать гематомы от твоих торчащих ребер!

Ипать, какие мы нежные!

— На пол, — спокойно одергивает Дима, пресекая на корню мою попытку забраться с ногами на кровать. — Правильную позу помнишь?

Слова протеста обрываются на моих губах. Я не знаю, как далеко он собирается зайти в своей жажде неконтролируемой мести. Может, если я сделаю то, что он хочет, его намерения будут хоть немного милосерднее? Страх никуда не ушел, я просто не акцентирую на нем внимание... Дрожащими руками выдергиваю подушку и бросаю на пол... Толку от моих геройств, если опять заболят колени! Хотя, может, это остановит его, как в тот раз?

Грохот обвала... Тяжелые глыбы, поддавшись закону притяжения, срываются вниз, в эту беспощадную бездну. Она больше не всматривается в меня. Прошла своим безжалостным сканером от клетки до клетки, обдала ледяными порывами ветра эмоциональные лабиринты, запустила в кровь свои поработавшие имплантаты цвета тьмы с оттенком эспрессо — их не вырезать никакому скальпелю, не

деактивировать никакому магнитному импульсу, не растворить никакой кислоте. Ее методы жестоки и чарующе многогранны, там, где перестает работать страх и уязвимость, распускаются алые лепестки самой желанной и беспощадной гребаной эмоции, имя которой я боюсь произносить даже в мыслях. Она подобралась ко мне с самой неожиданной стороны. Отравила сознание чувством вины... жалости... желания... надежды... нежности... Способностью прощать...

"Она не похожа на Тайсона. Даже совсем наоборот, но бьет намного сильнее. И первый раз, лежа на полу, ты больше не хочешь драться..." Именно так, словами Артема в исполнении Дениса Никифорова. Мой личный бой с бездной объявлен открытым, вспарывает защиту сознания оглушающей мелодией triplex, но я не могу не то что бежать... Даже двинуться с места. Первый раз, стоя на коленях, ты больше не хочешь никакой свободы...

Почему я не кричу и не пытаюсь прогнать из сознания вмешательство самого недопустимого в данной ситуации чувства?..

Это что-то изумительно вкусное... Ты всегда умел готовить. Если мы будем вместе, мне придется прописаться в твоём же спортзале, чтобы отстоять собственное hot body. Меня трясет не от холода и не от страха. От самого осознания...

Дима, ты же чувствуешь это? Ты понимаешь, что со мной случилось? Не сегодня и не вчера. Уже давно. Таймер закончил свой безжалостный отсчет, и сегодня... я потеряла счет часам, предположительно... в 21:21 по местному времени, астероид столкнулся с землей. Цунами поглотила спящий город. Взлетели на воздух все города и континенты. Этот взрыв не зацепил никого, кроме меня! Ты не мог не почувствовать. Ты с самыми благими намерениями отвел меня в подземный бункер, чтобы я не сгорела в ударе теплового излучения. Ты застегнул эту цепь, чтобы я не смогла выбежать на поверхность и получить убойную дозу радиации. Какой бы непробиваемый скафандр ты не нацепил на себя, он не мог быть преградой для твоего обостренного восприятия! Просто не мог!

Ты же не дашь мне упасть? Не дашь мне возмездия сверх того, которое я смогу вынести? Иначе, зачем все это было нужно, ты не зря спасал меня... и не затем, чтобы убить банальным выстрелом в висок... Боже, как я хочу в это верить!

...- 20 минут, Юля. В душ и на все остальное. Потом у тебя такой возможности не будет.

Почему это сухое "Юля"? Где уже привычное и...да, твою мать, необходимое "моя девочка?"...

Серая пелена с отрывистыми проблесками эйфорических алых искр... Придавленный непроходящим шоком ужас, который реагирует на прикосновения его пальцев совсем не так, как надо! Может, все дело в том, что они не сжимают до боли в привычной манере, не тянут за волосы, не демонстрируют в полной мере всю глубину своей подавляющей власти? Ты услышал меня, Дима? Ты понял, что произошло? Я, наверное, готова сейчас все обрубить не раздумывая... Но никто меня не просит перезвонить Вадиму и сказать, все нормально, это у меня был ПМС/передоз колес/помутнение рассудка, не надо никого спасать, вернись в семью и вычеркни мой звонок вместе с существованием из памяти...

— На тебе непозволительно много одежды! — обжигает эмоциональные радары горячий шепот, уносит мою волю теплым и, невозможно, но — ласковым прибоем! Прикосновения ладоней едва задевают кожу, развязывая пояс халата, а я стараюсь не думать о том, что они согревают теплом мою уставшую, заледеневшую в адской ядерной зиме противостояния сущность. Я не умею сдаваться? Дима, я умею... Путем наломанных дров, но — да, рано или поздно! Перед лицом апокалипсиса — но впервые за всю жизнь, вовсе не потому, что хочу уговорить тебя его отменить! Пусть грохнет и отучит меня сражаться с неизбежностью, научит принимать и не врать самой себе!

Шелк халата скользит по коже, по рукам, по животу, не встречая никаких препятствий... и мир теряет свои прежние очертания. Ты услышал... И именно поэтому мне так легко признаться самой себе в том, что я еще час назад хотела вырезать осколками бутылочного стекла! Потому что мы смогли остановиться за шаг до пропасти... Смогли! Экспансия теплых, подавляющих губ... Даже в этом классическом прикусе самая тонкая ласка! Проверяешь вкус своей победы? Проба крови, сканирование ДНК подчинения? Считывай код всей поверхностью языка, скользи этими пробивающими, отрывистыми движениями, забери мое сознание... Ты же доберешься... Ощути через губы, выше мое пока еще не оформленное в слова и образы раскаяние. Просто пойми, что война окончена. Белый флаг и добровольная сдача...

Это не просто поцелуй... Что я знала о них раньше! Я не знаю, что происходит, каким сладким ядом, проникшим в кровь, пропитаны твои губы и подушечки, скользящих по коже, пальцев! Я знаю одно, что каждое касание тела запускает непередаваемый транзит прямо в сердце! Прямо по оголенным проводам новых эмоций, беспощадных, но таких желанных на генетическом уровне колонизаторов моего сознания! Я не должна этого чувствовать, потому что страх никуда не делся, плещется в крови, разбавленный эротической эйфорией, приглушенный сильным анаболиком, непрошенной возвышенной анестезией... Ты не можешь хотеть этого сейчас! Тебе так нужен мой страх? Ты не пожалеешь, если изменишь свои приоритеты именно в этот момент!

Маршрут горячих пальцев вниз... Касаясь выемки шеи... Несильный рывок... Я забыла о том, что на ней! Уму непостижимо, как, но холодный металл нагрело тепло моего тела, не ощущался даже жар раздраженной от никеля кожи... Потому что сейчас каждый ее миллиметр горел под твоими руками! Твоя безошибочная, сладкая, подавляющая, сводящая с ума тактика выжженной земли на моем теле! Мимолетная обида за это неуместное напоминание моего положения... Я могу... я даже хочу быть твоей без этой удавки на шее! Язык снимает жар раздраженной кожи... а пальцы удерживают тяжесть стального обруча так, что я перестаю его ощущать... Пусть он останется... Если тебе от этого легче!

Последние бастионы страха... нет, не рушатся с громким стуком, скорее, их разбирают по кирпичику, медленно, монотонно и насовсем. Уйди. Исчезни. Passion goal the game, и тут не должно быть места никакому страху... Разве что в роли легкого допинга, но не более! Маршрут ярких феерических вспышек, распечатавших кратеры

спящих вулканов, от впадинки с пульсирующей артерией вниз, в молчаливом наказании, обойдя вершины напрягшихся до сладкой боли сосков, которые сейчас бы приняли с благодарностью даже так напугавшие меня на картинках зажимы с цепочкой. Твое право вообще лишит меня поцелуев и прикосновений, я заслужила... Наверное, где-то там, в глубине души, ты всегда оставался ко мне на сотни уровней добрее, чем я к тебе...

Земля уходит из-под ног вместе с усилившимися объятиями... Я хотела ощутить жар твоей кожи, но так долго не отдавала себе в этом отчета! Мне же не надо разбиваться в этой невесомости в кольце твоих рук, с захватом подколенных впадинок... Не вырываться. Не думать. Только погружаться, сложив ладони вместе, в омут твоей безумной одержимости, которую я непозволительно долго отрицала! С поцелуями шелка простыней по позвоночнику, когда ты опускаешь меня на кровать, никаких резких движений, ты сам не позволишь мне разбиться!

Тонкие тросы яркого холодного голубого свечения, я теперь знаю, какого цвета крепления нашей ментальной взаимосвязи! Они озаряют этим манящим светом вакуум тьмы с алыми всполохами, безболезненно испаривают кожу, запуская в твою кровь инъекции моего обнаженного, открытого сейчас сознания. Считывай секретный код, прошитый во мне с рождения, он так долго ждал своего часа в зашифрованном сейфе, чтобы однажды стать достоянием твоего познания! Могла ли я даже догадываться о том, что такое возможно? Проникнуть в чужую сущность легальным исследователем, отдав взамен такое же право на собственное Я?

Жаркий шепот сотрясает сердечную мышцу острым чувственным разрядом, заплетает в спирали и узоры эндорфины в крови, и танец сознания просто не может не отреагировать на эту протянутую ладонь...

— Моя глупая девчонка... Зачем сопротивляться, если ты сама этого никогда не хотела?

Говори. Сожги всю базу философских познаний вселенной своими яркими фразами. Пусть овладеют моим сознанием до той поры, пока не остынет пламя беснующихся звезд! Ударь всей артиллерией своего желания, самой сладкой агрессией, которую дано понять лишь избранным! Просто выжги своими поцелуями все, что было до, оставь чистый белый лист! Не слишком высокая цена, отказаться от собственного возмездия и нерушимой целеустремленности во имя новой, переписанной истории затянувшегося противостояния...

— Боже, как ты течешь... Неужели из-за этого? — прикосновение к кольцу ошейника, огненные волны по кругу, взрыв астероида моей капитуляции... Последняя, самая стойкая и непримиримая мысль хватается обеими руками за выступы сознания. Остальные все внизу, плаваются в волнах вожделения их обладательницы, а она единственная удержалась, видимо, хотела быть мне верной до конца. Сопротивляться неизбежному и желанному, видеть пирамиду не в плоском изображении, а в 3D панораме... По крайней мере, если не пытаться, то хотя бы предположить вероятный исход!

Юля... Ты же доигралась всего несколько часов тому назад. Ты видела его боль и еле сдерживаемую ярость... Твоего тела и покорного ответа на поцелуи достаточно,

чтобы стереть такие эмоции?

Мне тяжело говорить... Страсть усыпила голосовые связки, наполнила шепот надрывной хрипотцой, созвучной с биением сердца.

— Ты... Ты же ничего со мной не сделаешь? За то... что я...

Ответь. Впервые не соври. Мне необходимо знать! Оставим обман и все сопутствующие интриги в прошлом... Потому что мы реально стоим на пороге чего-то нового, и я не хочу забирать в эту новую вселенную ни страх, ни твои обиды...

Я хочу все с начала! Верните этот вечер! На миг, я все переиграю...

"Добрый день, леди. Скучаете?"

"Молодой человек, вы так замечательно куда-то шли..."

Зачеркнуть! Потому что в этом был катализатор его больного, одержимого интереса! Никакой надменной затяжки никотином, никакой циничной презрительности... Улыбку уголками губ и опущенные глаза... Ты бы избежала всего этого!

Я не могу изменить прошлое. Я могу только попытаться не допустить аналогичных ошибок впоследствии!

Мои подрагивающие губы накрывает глубокий поцелуй. Вместо тысячи слов заверения... Он пьет отголоски моей тревоги... нет, даже не так! Он уложил самую упрямую и неприступную мысль одним выстрелом из лазерной винтовки! А я снова так ничего и не поняла...

— Моя дорогая девочка... — Пальцы переплетаются с моими, поднимают руки вверх, к спинке кровати. От этих слов мне хочется смеяться впервые счастливым смехом... — Забудь... Вообще об этом не думай, моя сладкая... Я прощаю тебя!

Наверное, мои опущенные ресницы взлетают, как в анимешном мультике, до самого лба! Теплая волна — но не облегчения, не чувства победы, вовсе нет, — заливают с ног до головы... Я никогда не осознавала, как много может значить прощение...

Даже если ты не виновата!

Кончики пальцев поглаживают скулы... Я ловлю такой родной и желанный взгляд глубокого кофейного цвета, и остатки всякой тревоги, страха, сомнения и неопределенности вытесняет судорогой бесконтрольно ненормального желания, с прогибом позвоночника ему навстречу, кожей к коже, словно мало мне ментального единения!..

— Забудь... Я все понимаю... Девочка моя любимая... — его голос прерывается, затрудненное дыхание. — Прости... Я наговорил непонятно чего... У тебя не было выбора! Постарайся забыть... Иди со мной до конца!

Мне хочется ответить, что как только я отдышусь после оргазма, наберу Вадима с просьбой, нет, требованием не приезжать, но последний импульс его слов взрывает сверхновый, его лучи беспощадно проникают сквозь душу, закрывая в сжатии материи навсегда, друг в друге... Именно так и в этот самый момент!

Тебе всегда будет мало контроля... Сделай, что хочешь! Еще один взрыв в сплетенных сознаниях! И вслед за этим, разряд эйфории от запястий к сердцу... Да! Фиксируй меня в себе с помощью этих некогда напугавших меня стальных браслетов!

Чтобы я не смогла упасть, если вдруг в один миг погаснут звезды!

Это последняя инъекция безумной совместной эйфории, мои руки в поцелуях стальных оков... Твой горячий шепот, никогда больше не молчи, когда мы вместе! Я готова кричать, ощущая твое медленное вторжение сантиметр за сантиметром. Потому что не в тело... В самое основание того, что составляет мой мир. Мою вселенную. Мою жизнь! До сабспейса далеко, но я хочу чувствовать тебя в себе до каждого движения. Каждого сокращения. До каждого рывка, до каждого слияния клеток нашей сущности! До каждого... Понимаю ли я то, что происходит в следующий момент, на самой вершине Олимпа абсолютного растворения?!

Это не больно. Просто жаркая вспышка... Тело реагирует всплеском эндорфина за секунду до того, как... Как пробить сознание беспощадным обвалом реальности!

... Что чувствуют безмолвные яркие звезды за миг до того, как разорваться на триллионы осколков от одного маленького метеорита?!

... Что чувствуют покорившиеся чужой воле черные лепестки за секунду до того, как их накроет волной уничтожающего напалма?..

Что чувствую я, когда безжалостный удар ладони по щеке, наотмашь, уверенно, хладнокровно, выгибает тело болезненной судорогой?!

Почему ты бил по лицу, а... Ударил прямо по сердцу?!!!!

— Нет... — это не протест, я просто не верю! Это транс. Это гребаный спейс, только почему-то сбилась программа!

Ангел, почему ты плачешь?.. Потому что это... Произошло... На самом деле?!

Тьма оцетинилась острыми, режущими остатки сознания кинжалами. Она заливает чистый белый лист нашей предполагаемой истории черными чернилами цвета твоего торжествующего взгляда. Острые шпильки казавшихся далекими скал на месте моего падения... До крови! Прямо в сердце! Нет! Им мало! В сознание! В центр единения сущностей! Рывком с корнями, мышцами, артериями, капиллярами, прочь, ударом ноги впечатывая умирающую телесную оболочку в эти острые шпильки! Черные. Холодные. Скользкие. Кровь протараненного сердца замерзает на этих камнях красной россыпью капель... Удар теплой ладони удесятерится, кроваво-черная прогрессия, цепная реакция боли и разрушения...

Дима, бывает сабспейс, только наоборот?! Когда ты падаешь не в безмолвные, уже рухнувшие небеса, а в самую преисподнюю?! Когда агония стала не просто словом, а реальностью?! Когда ты еще не в состоянии осознать, что твой мир взорвался, горят его дистрикты в одну яркую вспышку, после которой не остается даже пепла?! Это не пощечина. Это не месть. Это УНИЧТОЖЕНИЕ.

...Знаешь, охотник, хищник, первопроходец таинственных джунглей... Там, наверное, правда не страшно. Там не надо бояться, да, в замкнутом мире твоей лаборатории? Ты же не сомнешь наши уязвимые лепестки в своей сильной ладони, если мы добровольно... С удовольствием... Позволим тебе срезать наши стебли?!

Нет. Не сомнешь. Легко! Банально! Неинтересно! Кнопка пуск. Почему закат опустился на землю и движется... Нет... Уже сметает лепестки волной алого пламени?!

Я хочу увидеть твой взгляд... Дрогнула рука, да? Ответь "да!" Мне показалось?

Боль. Мрак. Ужас. Удар.

Агония сознания. Суицид так и не проснувшейся любви.

Полное осознание за миг до того, как...

Твоя месть была без правил. Твоя садистская сущность не знала пределов в своей изощренности. Мне не надо уже ничего понимать. Злорадное торжество цвета эспрессо, прямой транзит в умирающее сердце... Почему я еще жива, если оно перестало биться?! Что за силу обрела твоя ладонь в тот момент, как опустилась на мое лицо хлестким ударом ледяного огня?!

Руки безвольно падают, разжимаются ладони, пронзенные холодом натянувшихся цепей... Мир не прыгает перед моими глазами, нет... Это трясет с болезненной судорогой каждой мышцы мою физическую оболочку! Еще сильнее, когда острые кинжалы твоих пальцев впиваются в ребра!

— На живот, сука.

Сжатие времени и пространства, почему, если в космосе всегда царит тишина, я могу тебя слышать? Я не могу даже чувствовать, как ты переворачиваешь меня беспощадным захватом... Почему бьется сердце, пронзенное гранитным осколком? Сколько крови в моих сожженных твоим ударом венах? Когда она закончит бить фонтаном, окрашивая алым эти бивни черных скал?!

Твои прикосновения не стали жестокими. Остались прежними. Нежными и... Убивающими. Зачистка периметра, захваченного квадранта, где отгремел последний бой, закончившийся моим полноправным разгромом... Сколько во мне эмоций, ментальных ответвлений?! Когда они сгорят без остатка?! Когда я перестану понимать, что ты только что со мной сделал?

Перекрученная крест-накрест цепь. Подогнутые колени... Почему им не больно? Почему физически ни единого болевого ощущения?! Почему меня трясет в уничтожающем ознобе, и я перестаю понимать, что происходит?! Удар по щеке... такая малость. Ты бил меня довольно часто, почему сейчас это стало ударом в самое сердце, на поражение?! Я сейчас перестану дышать! Я просто не смогу с этой судорогой, сдавившей мое горло! Мне страшно... Но не потому, что я могу умереть от нехватки кислорода! Мне страшно, что я останусь жить, пронзенная электродами самой душераздирающей моральной боли из всех имеющихся!

Я ощущаю твои пальцы. Нет, они не стали ледяными. Они не испарывают мою кожу подобно маникюру Хью Джекмена в фильме. Они теплые! Твою мать, если меня уже нет, почему я это чувствую?!

— Тяжело? — вкрадчивый голос...

Из последних сил прерываю блокаду голосовых связок сжатого в тугий узел горла. Еще миг, и эта судорога прольется бесконтрольными рыданиями, потоком слез цвета крови... Которые никогда больше не иссякнут и не остановятся!

— Больно... — я не знаю, почему отвечаю... Может, сердце прекратит истекать кровью, услышав мой собственный голос?! "Док, она еще жива! Она говорит! — слава богу, а мы уже думали ее в морг... — нет, у Люцифера на нее иные планы..."

Я думаю, что мне плохо сейчас... Я не могу даже предположить, что... Что это еще не плохо! Что это просто шок, и выброс настоящей боли произойдет через...

Семь. Шесть. Пять. Четыре...

Та самая рука, что ударила меня... Нет, не просто ударила — отодрала свои ментальные крепления, искромсав мою душу колотыми ранами! — ласково опускается на мои волосы. Теплая. Едва уловимая вибрация бегущей крови. Это очень плохо. Я не ушла в свой замкнутый мир снова, и просто не смогу во второй раз! Это еще одна обязательная программа по запуску уничтожения. Чувствовать прикосновения рук того, ко только что стер из твоего сердца робкие ростки осознания самого неоднозначного чувства в мире! Свято место пусто не бывает. Там поселилась тьма. Сегодня и навсегда. Рывок за волосы, нежнее, чем прежде, я пытаюсь зацепиться обоими руками за необходимую мне сейчас физическую боль, но ее нет! Он намеренно мне ее не причиняет...

Три, два... Один!

— МНЕ ТОЖЕ БЫЛО БОЛЬНО!

Дима

Почему самые глубокие потрясения не могут растянуться во времени? Отмерить каждому стрессу — приятному или же нет — продолжительные часы, дни, недели для того, чтобы прочувствовать всеми фибрами, оценить острые ребра каждой грани, изучить так, что потом априори будешь готов к новому виражу судьбы-юмористики? Зачем обрывать их на пике самых оголенных эмоций острыми, неподконтрольными разуму взлетами-падениями? Никому не дано замедлить этот полет сменяющих друг друга событий, поставить на паузу определенный момент. Ненадолго! Особенно, если знать, что очень скоро все это будет безвозвратно потеряно. Отобрано самым жестоким образом, намеренно выкручено именно так, чтобы бить циклическими круговыми разрядами по обнаженным нервам, пытаюсь подобным артобстрелом достучаться до тех глубин сущности, где долгие годы пряталась никем не опознанная и не замеченная слабость.

У таких, как я, ее нет? Да ладно, ее есть и не в таком уж ничтожном количестве. Просто у каждого она своя. Она может находиться за самыми крепкими замками, она может спать коматозным сном, но о ее существовании забыть невозможно! Вопрос в другом, как ты ею воспользуешься. Позволишь одержать над собой верх, утратить контроль, нажать красную кнопку, выпустив тем самым на свободу? Рано или поздно многие устают удерживать рычаг засова, позволяют ей взорвать все шлюзы и отсеки, — но я никогда не стоял в одном ряду со многими. Слабость — она женского рода. Изменчивая и непостоянная. И не стоит отмахиваться от нее, не признавая самого факта существования — не простит подобного игнора, ударит в эпицентр жизненного уклада беспощадным движением, как и любая отвергнутая и намеренно забытая женщина. Не проще ли принять существующее положение вещей при первом знакомлении? Принять, а не отмахнуться — первый этап. Это открывает полезные грани, дает возможность изучить ее природу и выявить слабые стороны. Да, именно так. У слабости тоже много слабых сторон, непризнанная философская тавтология. Принять и изучить, но, ни в коем случае с этим не смириться. Потому что все, абсолютно все ты можешь взять под контроль при правильном подходе!

Моя слабость умеет сопротивляться. Так же, как ее первопричина с воинственным именем Юля. И так же, как и она — думает, что умеет!

Я не позволю ей увидеть солнечный свет. Даже попытаться вскрыть защитный код. Хотела вырваться и отравить своим неадекватным бессилием? Да ты должна быть благодарна, что я позволил тебе выжить в собственном сознании! Мало тебе свободолобивого кайфа было в детстве? До тех пор, пока я не протянул руку холодному цинизму, скрепляя наши договора. Без подписи и печати, поэтому они не могли по всем пунктам истребить эту суку на букву С, но, по крайней мере, и не обещали этого. Научить меня жить с ней и не позволять одержать над собой верх цинизму было как раз под силу.

Много ли надо, чтобы однажды проржавели замки ее темницы, сбился под

воздействием лазерного импульса магнитный код, да что там — чтобы ее же обладатель в растерянности оборонил ключ подле широкой решетки?

Когда она подобралась ко мне с совершенно иной стороны, с которой ее не ждал никто, а, посему, не выставил ряд вооруженной охраны? А если бы даже там стоял взвод спецназа с нашивками "воинство цинизма", никто бы не разглядел ее истинных намерений под маской гребаного миротворца. Я и сам не мог этого понять и отдать приказ "открыть огонь". Мне казалось, что Тьма устала сражаться со мной, ушла на поиски слабохарактерной жертвы, впервые за все время, расставив все по своим истинным местам.

Разрушение всегда тупик. Оно может быть полезным только в определенных количествах, и нужно четко понимать, когда ты должен остановиться. Отставим прочь предположения, что не стоило всего этого допускать. За свои чувства и главную цель — стоило трижды.

В какой момент я это понял? В какой временной отрезок ударило по натянутым нервам осознание того, что я больше никогда не смогу причинить ей боль? То, что раньше вызывало издевательскую презрительную улыбку, грозило затопить все прежние пределы половодьем персональной Амазонки.

Я привык мыслить резкими, на грани фола, категориями. Ощущать адреналиновые сотрясения при виде чужой подчиненной слабости. У меня хватало смелости признаваться в этом самому себе! Ничто и никогда прежде не вызывало во мне подобных эмоций. Я любил ее крики. Ее зажмуренные глаза и подрагивающие губы. Ее слезы и отчаянные попытки сопротивления. В какой момент он перестали быть объектом повышенного желания? Всегда работал по установленной программе лишь один сценарий. Ломка. Покорность. Гаснущий интерес. Пора на новую охоту. Когда сбился весь алгоритм, перевернув сознание с ног на голову? В какой момент это произошло — когда однажды я проснулся, ощущая тепло ее доверчиво прижавшегося тела, или гораздо раньше, прочувствовав на интуитивном уровне мораль распространенного анекдота: "ты не путай, это твоя женщина — корова, а моя — львица!"?

В определенный день незаметно рушатся стены между тобой прежним и тобой настоящим. Это осознание даже не бьет под дых, оно, скорее, обнимает ласковыми объятиями, усыпляя бдительность и гася взрывы протеста. Потому что ты не хочешь этому протестовать, это твой выход в конце тоннеля, где не просто свет... Где обволакивающие весенним теплом солнечные лучи, вместо сжигающего огня, и впервые в жизни ты им радуешься по-настоящему. Да ты просто раньше не принимал, что они имеют место быть и в твоей жизни тоже!

Я всегда, наверное, не признаваясь самому себе, хотел чего-то иного. Не было спасительных страховочных тросов, спасательного круга в омуте добровольно принятой за основу... Нет, даже схваченной обеими руками Тьмы! Стоило на пороге пропасти принять эту протянутую ладонь, и через прикосновение увидеть предполагаемую картину. Кто знал, что от того, что я увижу, меня накроет не просто волной затаянного удовольствия, граничащего со счастьем, а сразу девятым валом?

... Увидев подобные кадры из растиражированных кинолент, я бы, скорее всего,

рассмеялся театральным, леденящим кровь смехом. Предполагать, что однажды подобное случится со мной, было выше всякого понимания.

Просыпаться одновременно... нет, лучше на четверть часа раньше. Если не на часы, чтобы иметь возможность наблюдать за тем, как она спит, долго, не замечая боли в затекших локтях, лишь ради одного — не потревожить этот глубокий сон, в котором она так часто улыбается... И впервые знать, что эта улыбка не сотрется с ее пухлых, впервые не искусанных от невысказанного протеста губах, когда она откроет глаза. Когда не отшатнется, забившись в угол кровати в неосознанной попытке натянуть на себя одеяло... Наверное, мне с самого первого дня морально тяжело было наблюдать подобную реакцию. Всегда хотелось верить, что она принимает свою роль с показательным ненамеренным сопротивлением. Эти две сущности боролись внутри, а я не мог понять, что именно происходит, приходил к выводу, что мне нравится именно агрессивная дерзость и страх перед неизвестным в ее широко распахнутых глазах...

Я не хочу больше видеть ничего подобного. Я сам в этом виноват, и, если ты позволишь, мы сотрем это совместными усилиями. Ты же позволишь? Я знаю, что именно ты прячешь за кирасой неотразимой стервозности. Я сам был рад этим обмануться при первой встрече. Твое сердце не из стали, и совсем не в силу неискушенной молодости. Ты просто не умеешь ненавидеть, не попытавшись найти в каждом что-то хорошее. Я не знаю, что произошло у тебя в детстве, и то, что я готов был назвать исключительным эгоизмом, подразумевает собой что-то кардинально противоположное. Ты пока еще не смогла понять нестандартную заботу собственной матери о своем будущем, но на подсознании забрала себе подобную линию поведения. Мне достаточно было того, что я увидел.

Ты хотела использовать мою слабость против меня же. Помнишь, Юля? Обмануть друг друга уже практически невозможно. Подобная эмоциональная связь возникает раз на сто лет, о ней мало кто мог рассказать — просто молчали те единицы, которым довелось ее испытать. Ты не утратила способности переживать и видеть все грани даже сейчас. Простого спасибо мало... И я не знаю, кто сделал этот выбор за меня.

...Просыпаться вместе. Да, как в защелканной мелодраме/романтической комедии, принести тебе завтрак в постель. Увидеть хитрый блеск в глазах за секунду до того, как полетит подушка в голову вместе с твоим по-детски искренним счастливым смехом, и едва успеть увернуться. Подумать о том, что не плохо бы впервые в жизни без сожаления утопить напугавшую тебя коллекцию девайсов в Черном море. Да на том самом пляже, где ты смогла сбросить оковы своей зажатости и пойти наперерез всем страхам и тревогам. Я впервые в жизни осознаю, что желаю лишь одного: чтобы каждый мой день начинался именно так, потому что именно ты, которая пробудила во мне почти ненавистную сейчас сущность, сможешь недрогнувшей рукой стереть ее полностью и без остатка. Мои страховочные тросы в твоих руках. Удержи и не отпусти. Я не хочу возвращаться. Первый раз осознанно и искренне.

Я могу сколько угодно рассказывать тебе, что не боюсь. В свете последних событий ты и не могла в это не поверить. Я больше всего на свете сейчас боюсь тебя потерять. Боюсь, что ты даже закованными руками подпишешь приговор на мое

одинокость, и впервые в жизни я не смогу этому помешать. Если ты этого не хочешь, уже мало что остановит.

После поездки к морю я осознал четко. Ты моя вторая половинка. Для меня больше нет ничего приоритетнее твоей улыбки и безопасности, и ничего безразличнее, чем прежние увлечения. Иные женщины. Чье-либо мнение. Скептический настрой родных. Я все это зачеркну с легким сердцем. Я хочу лечь головой на твои колени. Заснут и знать, что у тебя не возникнет мысли перерезать мне горло в такой удобной позе. Спокойно говорить с тобой о том, что пошатнуло прежнюю гармонию, и не слышать в ответ циничного "да твою мать, хватит скулить!" Даже если первое время ты будешь с упорством Декарта и Билла Гейтса вычислять мои слабости, собирая на леску предполагаемого ожерелья... Я шел не тем путем, чтобы завоевать твое доверие. Но сейчас мне легко будет перечеркнуть прежние ошибки.

Никогда, оказывается, прежде я не замечал всей прелести природной гармонии окружающего пейзажа. С детства привык к эстетическим декорациям, как к чему-то привычному и не заслуживающему внимания. Все так быстро изменилось, лишь потому, что сейчас она была рядом. То, что эмоции зачастую не помощник, а персональный враг, мне предстоит убедиться уже спустя пару часов.

Я не могу ее отпустить. Да, это самый настоящий гребаный эгоизм на грани фола. Народная мудрость "насиленно мил не будешь" больше не работает — да чтобы я ослеп, если Юлька подсознательно... пока! Не хочет того же самого.

Девочка моя, ты можешь сопротивляться и отбиваться, сколько влезет, но прошу, никогда не называй это насилием. Не насилие подняло тебя так высоко, как не поднимался еще никто. Не ненависть окрасила твой свободный полет в феерические неоновые цвета. Не отторжение моих рук позволило тебе ускользнуть в самый яркий сабспейс, не лишив при этом способности получать физическое удовольствие. Если бы я с самого начала знал, что с тобой это не впервые, скольких слез, истерик и пугающих нас обоих провалов можно было избежать! Ты слишком гордая. Когда же ты поймешь, моя маленькая мятежница, что ничто тебе не угрожает, что я не сожму твою гордость в тисках до абсолютного уничтожения? Я полюбил тебя именно такой. И, наверное, отчасти за это, хотя трудно в этом признаваться. Дрянная девчонка, с необоснованно завышенной самооценкой и острым язычком, которому с первой встречи хотелось найти иное применение, если бы меня это так сильно взбесило, не задев скрытых рычагов, я бы давно потерял к тебе интерес!

Ты коктейль разламывающих противоречий, уникальная и неповторимая по своему — настолько, что с тобой не работают прежние опробованные не раз методы! Тебе очень трудно принимать серьезные решения, особенно в свете последних событий, поэтому для тебя же будет лучше, если самый главный выбор я сделаю за тебя!

Смягчить резкость своих суждений призрачным светом свечей. Неотвратимость слов — шаблонным раскладом. Мужчины боятся загса? Слабаки — да, боятся. Трусы — да, эти тоже. А у меня от одной мысли о том, что на твоём безымянном пальце будет маленькая копия моего ошейника, вырастают крылья. Что сам факт твоей принадлежности будет закреплён документально и при свидетелях, без слез и

протестующего надрыва, с улыбкой, белым платьем и бокалом шампанского "Кристалл". Ты думаешь, родные меня остановят? У меня в семье как-то не прижился вариант приумножения капиталов путем выгодных бракосочетаний. Не ожидала от меня такого? Не буду сейчас никому врать в стиле "я и сам в один прекрасный день прифигел". Я, скорее, шокирую всех вас, озвучив несовместимые с реальностью вещи: "моя" и "жена" в моем понимании синонимы.

Дожать. Ударить на поражение. Ты понимаешь только так, когда у тебя отбирают ненавистную необходимость принимать самые сложные решения! Пусть это сначала покажется тебе временным адом на земле после перевозданного рая, звезды никогда не будут столь яркими, как после погружения в абсолютную темноту.

— Я не намерен давать тебе свободу по истечении времени. Последние события убедили меня в том, что мы не сможем отпустить друг друга. Я дам тебе все, но не жди, что я исчезну из твоей жизни.

Тебе сейчас легче обманывать себя... Но я даже в полумраке заметил, как заблестели твои глаза при этих словах. Отголоски кратковременной эйфории пробежали замкнутый маршрут ментальных проводов. Девочка моя, первая эмоция — самая настоящая и самая правильная! Зачем ты тотчас в своей манере закрылась от нее надуманными стенами страха? Почему мне никогда не достучаться до твоего сердечка иными методами? Я устал давить на тебя. Я не хочу ни одной эмоции, которая причинит тебе боль! Я не умею по-хорошему? Я все умею и могу, но сейчас банальная попытка изобразить сцену из романтической мелодрамы будет воспринята в штыки, заклеена грифом "слабость", вслед за чем в тебе снова проснется желание уничтожить меня моим же оружием.

Юлька, не осознавая в полном объеме власти своего дара эмпатии, каким образом ты это вычислила и сама подтолкнула меня в нужное русло?

— Беспалова-тире-Лаврова! Слабо?

Нет, не слабо. Это то, что тебя ждало уже давно, вне зависимости от того, заговори ты об этом или нет. Ты думала, это меня испугает? Девочка, это еще на один оборот повернет замок в дверях твоей клетки.

Ты ни к чему не можешь относиться серьезно. Шутишь и бросаешь вызов. На которой минуте ты помчишься в автосервис перекрашивать розовый «порше» в классический цвет? И как скоро пожалеешь о неудобной двойной фамилии? Одно я знаю точно, через сутки ты успокоишься, и будешь прятать от меня свою довольную улыбку. Но прежде вынесешь мне мозг своими протестами!

Прошу, не повторяй как постулат мироздания, что тебе нужно побыть одной черт знает сколько времени и собраться с силами. Ты мне потом сама этого не простишь. Будешь отталкивать из года в год. Ломать мое спокойствие своими ледяными стрелами, ночью реветь в подушку, но бояться кромсать стереотипы своего сознания. Ад каждому будет свой на протяжении ядерной зимы твоей же непримиримости.

Ты не шутила, Юля, твою мать. В этой шутке ничтожная доля шутки. Впервые, сними оболочку вечной девчонки и ответь себе на вопрос, чего хочешь ты сама! И не ври, что только розовых колес и красивой жизни!

Все зря. Любые попытки достучаться до тебя обречены на провал. По каким еще

полочкам мне разложить очевидные факты? И как ты сумела меня взбесить именно сегодня, если до того ничего не могло лишить меня железного самоконтроля?

Я просто смотрю в твои глаза, два зеленых изумруда. Отдых и позитивные эмоции наполнили их яркими искрами, но сейчас я вижу то, чего опасался. Ты определила мою слабость. Сжала ее шею обеими руками, если б у тебя еще хватило ума и такта не демонстрировать свой стервозный цинизм! Все логические доводы разбиваются о твою самоуверенность. Я наношу контрольный удар прежде, чем успеваю понять, что делаю.

— А теперь слушай меня очень внимательно. Я иду на поводу всех твоих желаний не для того, чтобы тебя покупать! Ты могла об этом не просить — все это у тебя будет, потому что этого хочу я! Ты пытаешься сейчас упростить мне задачу? Заруби на своем хорошем носике, я тебя не отпущу! Ни на полгода, ни на сутки! Выбор за тобой. Поскольку мне все равно тратить капитал, выбери сама, на что именно. На салон, автомобиль, обручальные кольца и красивую жизнь... Или на твое исчезновение без вести с покупкой прокуратуры и милиции!

Почему я должен прибегать к подобным методам, чтобы ты растеряла все фишки своей необоснованной дерзости? Б. дь, ты хоть сама понимаешь, что мне с недавних пор тошно от жестокости, с которой я вынужден приводить тебя в чувство? Потому что это единственный метод... Нет, не заставить тебя делать то, что я хочу! Просто принудить тебя услышать меня, я стараюсь ради нас обоих, потому что ты уже раз тридцать перекрутила мои слова... Если вообще их услышала!

Нет никакого выбора. С тобой никогда не будет по-иному. Все благие намерения стынут льдом. Юля, останови это. Научись слышать меня. Какая еще встряска тебе нужна, чтобы ты научилась читать послания собственного сердца? Зачем проходить суточный круг ада, чтобы потом с изумлением осознать мою правоту?! Помоги мне не причинять тебе боль своими словами, уничтожить эту реверсивную психологию на этапе ее зарождения, я тебя прошу, хоть раз сделай шаг мне навстречу! Мы устали оба. Мы начали совсем не с того, с чего стоило, и еще не поздно все вернуть в правильную колею, но, с. ка, без тебя я этого не смогу! Нарисуй нам иную историю. Не лишнее смысла существование рядом с теми, кто никогда не станет нам настолько близок. Не бессмысленное сожаление о том, что когда-то так и не сделала шаг навстречу. Да лиши себя этих воспоминаний, которые сама себе обеспечила, замени их другими, теми самыми, что будешь прокручивать в голове с улыбкой на губах... Я тебе не враг, когда ты поймешь, наконец?

— Я начну переговоры с нашей доблестной милицией. Тебе нельзя давать никакой свободы. Начинай морально настраиваться на то, что я сделаю с тобой в скором времени, — почему мне кажется, что ты сама спровоцировала меня на такие слова своими мыслями? Я на пороге безумия от твоих выходок. Контроль, кажется, уже отпустил...

Юля, забудь. Это не то, что я хотел тебе сказать! Я не знаю, отчего мне больно, но догадываюсь — именно от того, с какой легкостью ты в это поверила в ту же минуту. Девочка моя, это не для того, чтобы поселить в твоём сердце ужас. Я хочу всего лишь встряхнуть тебя, чтобы мои слова нашли свою цель! Как ты могла подумать, что те

самые руки, которые возносили тебя к звездам, не дрогнув, повернут ключи в замке твоей камеры заточения? Как ты могла подумать, что я причиню боль твоим близким? Мои бы, от такой перспективы махнули рукой — не оправдал надежд, мы ошиблись со ставкой, но твои! Ты всерьез думала, что мое сердце выдержит, если я каждый день буду наблюдать совсем не сладкие слезы любимого человека?

Я запутался. Если бы я только мог нащупать твои кнопки сопротивления мирным путем! Не так должна была начаться эта история. Я в первую очередь думал только о себе, вместо того чтобы слышать доводы разума... Но куда там. Как мы с тобой во многом похожи, возводя неприступные стены, чтобы, не дай бог, не проникли через эти ограждения разумные, но малоприятные стебли ясного рассудка!

Переиграй все сейчас. Дай ей, наконец, ощутить себя в безопасности. За пять минут до абсолютного доверия — пусть будет хотя бы это, потому что рассчитывать даже на подобие взаимности у меня нет никакого права! Шокируй ее дальше альтернативными методами! Сейчас, дай ей чувство этого полета, пусть рухнут гребаные стены, иначе ты ее лишишься навсегда!

Меня ничего не удерживает от отчаянного шага. Не привыкла видеть меня на коленях? Просто пойми сейчас это так, как должна! Не ищи в этом слабость и повод свесить ноги с моей же шеи! Выруби хоть раз этот переключатель и дай до тебя достучаться! Мы можем по-иному! Мы перепишем этот гребаный алгоритм, пусть система летит к чертям. Твою мать, Юля! Просто протяни руку в ответ! Не обрекай нас на безответное одиночество и негаснущую ненависть в перспективе, мы выпили ее до дна, второй раз просто не осилить!

Долбанный звонок... Уже почти готовые согнуться колени остаются выпрямленными. Вашу мать, нашли время!

Реутов, полковник феодосийского департамента СБУ, сух и лаконичен. Выявили того самого, кто преследовал Анастасию Беспалову, прямо сейчас проведут с ним долгую интеллектуальную беседу в участке. За самой же юной леди установят негласное наблюдение, дабы избежать подобных казусов в будущем. Рады были помочь, долгих лет здоровья Валерию Лаврову.

Ты дрожишь, и от панической атаки в твоих глазах мне хочется разбить кулаками стену. Ты подумала... Конечно. Ты именно это подумала... Момент упущен, но я осуществлю задуманное в любой момент! Как ты можешь не чувствовать, что именно со мной ты в абсолютной безопасности? Опять закрылась? Юля, сдайся хоть сейчас. Не ужасу моей Тьмы, а пониманию того, что сама не хочешь существовать вдали от меня!

— Юля, я сказал, что заботится о тебе — мой долг? Уже сегодня с тем, кто преследует твою сестру, поговорят. Объяснят популярно, что он не прав. Ей ничего не угрожает. Не дрожи ты так!

Я снова говорю не то, что собирался... Глажу ее волосы и пытаюсь передать прикосновением возможный максимум тепла и спокойствия, плевать, если собственная психика после этого заледенеет. Почему так трудно донести до ее сознания свои настоящие чувства, особенно после того, как мы начали чувствовать друг друга непостижимым образом? Мне надо собраться с силами и мыслями без права

на ошибку, пояснить ей это так, чтобы не осталось ни страха, ни сомнений. Как можно быстрее... Как только она обсудит со своей подругой вопросы касательно сестры, я это сделаю. Мы заигрались. Надо положить этому конец, если я не хочу потерять свою девочку окончательно. Жду окончания разговора, чтобы заключить ее в объятия и наконец, убедить, впечатать в уставшее сознание тот факт, что ни боли, ни слез, ни переживаний больше не будет...

С опережением даже не на минуты... Даже не на секунды... На их гребаные микродоли взрывается персональный ад.

... Нет. Ты испугалась. Я не оставил тебе выбора. Я сам во всем виноват! Юля! Юля, девочка моя, остановись. Не надо уничтожать то, что было, не разобравшись в этом до конца! Что ты делаешь? Да разрушь, наконец, свой гребаный защитный саркофаг, он тебе больше не нужен... Не сейчас, и никогда больше не понадобится! Нет. Молчи... Зачем?! За шаг до счастья. До нас с тобой вместе. До окончательного признания в том, что я готов повернуть свою жизнь на 180 градусов, моя любимая, уставшая быть сильной девочка! Юля, что ты, мать твою, сделала?!

Как всего шесть слов могут разрушить всю жизнь, которая только обрела надежду на счастье, одним хлестким и выверенным ударом?!

— Подписала тебе смертный приговор, е. нутовый садист!..

Стреляй мне в сердце. Помни про контрольный. Все это лишено смысла, потому что я опоздал...

Нет грохота обвала. Нет даже сухого щелчка выстрела. Этот разрывной снаряд прошел навывлет, расправив смертельные металлические лепестки. Они не зацепили сердечной мышцы, вопреки всякой логике. Они задели сплетение эмоционально насыщенного огня, того самого, который не гаснет ни на миг с тех самых пор, как я тебя впервые увидел. Задели, но не смогли погасить, ни на миг. Только отравить смертельным холодом, лишив сил как-то этому воспрепятствовать. Много ли надо, чтобы разрушить прежний мир?

Было бы странно ожидать чего-то другого после твоего триумфального выступления... Почему этот внутренний голос не задело смертельным рикошетом от такого удара? Когда он успел объединить свои усилия вместе с сукой по имени Слабость? Почему мне не хочется ее убить, только...

Леденящий холод абсолютной тьмы отступает, рассеиваясь рваными клочьями за секунду до того, как взметнувшийся кулак замирает в воздухе. В ее глазах ужас, недоверие, и вместе с тем... злорадный вызов. Давай, покажи мне монстра. Я же ничего другого в твоём исполнении видеть не желаю. Нацепи вместе с этим ударом тавро Е. нутового садиста, я просто не представляю тебя чем-то другим в своей жизни!

Почему ментальные вторжения никогда не выбирают верного времени и места?

— Зачем? — это риторический вопрос. Я не рассчитываю услышать ответ, он уже вряд ли что изменит. Я просто оттягиваю неизбежность, словно это может что-то изменить. Только звук собственного голоса сейчас вспыхнул ярким факелом, который с минуты на минуту погаснет, но пока еще в состоянии удержать абсолютную Тьму на расстоянии гребаного полуметра. От нее уже нет спасения, слишком долго она была зажата оцеплением здравого рассудка и надежды на что-то невероятное,

ошеломительное, и... как сейчас оказалось, недостижимое. Она больше не оставит мне выбора. Она зажала в тиски, использовав беспроегрившую коварную тактику — позволить почувствовать себя победителем, зашла с тыла, разрушив полузабытые укрепления одним щелчком своих тонких пальцев. У моего мрака всегда было сердце и сущность жестокой эгоистичной суки. И, наверное, те самые глаза.

Боль разворачивает тугую спираль. Неумолимо. Быстро. Почему я больше не могу это остановить? Юля, не смотри на меня так. Услышь хоть сейчас. Просто сотри с губ эту гребаную улыбку Далиды. Останови это безумие, с которым мне не справиться в одиночестве, пойми уже, наконец, что мой мрак тебе не союзник. Он уничтожит тебя как ненужного свидетеля, потому что ты свою роль отыграла. Прямо сейчас, отпусти уже свою необузданную дерзость со знаменем непримиримости наперевес, не позволяй никому управлять тобой! Юля! Это не твой путь...

Яркий свет огня слабеет. От Тьмы не сбежать. Только встретиться с глазу на глаз, принять как неизбежность, возможно, именно тогда будет призрачный шанс выиграть затянувшийся поединок. Не время сейчас устранять второстепенные фигуры на шахматной доске собственного безумия, это верная смерть.

Отсчет неверных шагов до двери. Никогда еще это расстояние не было столь длительным и изматывающим. Сбежать. Гребаные осколки никого не зацепят. Я вернусь. На очередной виток этой преисподней, которую уже не получится оправдать никаким аффектом...

У моей Тьмы случается извращенное проявление благородства. По сути, ей иногда не чуждо ничто человеческое. Наверное, она набралась в растиражированных кинолентах красивых штампов в духе Квентина Тарантино и ему подобных. Замереть в шаге, опалить черно-изумрудным отливом своего пронизывающего взгляда... Не хватает руки на сердце — ах, какой достойный был противник, как жаль, что мы по разные стороны баррикад, бой ты вел красиво! И если б после этого смертельный удар и полуискреннюю панихиду в безмолвные серые небеса! Нет, куда интереснее оставить в живых, заполнив каждую клетку экспансией черной глянцевой неотвратимости. Последний дар за мужество и отвагу — я оставлю тебе твою любовь, не бойся. Я же женщина! Черный с красным так прекрасно гармонируют, ты мне веришь? Нет? А спроси у нее. Она определила цвета вашего безумия едва ли не с первых дней. Не благодари! Ты думал, я не люблю слезливые девичьи мелодрамы? Все мы люди, и я верю в это чувство. Только рядом со мной оно не большое и светлое. Оно цвета твоей крови.

Darkness, сука, заткнись. Вырви эту алую хрень вместе с сердцем! Выбей гребаным брандспойтом из крови! Вырежи скальпелем, в конце концов, фигачь свой диктат черного отчаяния! Долбаная эстетка, сделай безболезненную эвтаназию, тебе не сложно! Мне нахрен не упали подобные троянские подарки!

"Она тоже просила тебя избавить от подобного счастья! Разве нет? Женская солидарность..."

"Я же уничтожу ее с таким коктейлем вместо крови!"

"И это будет охренительное зрелище, разве нет?"

Почему продолжается сопротивление, если я уже проиграл? Гаснет факел в руках.

Забирай. Пиши свой новый код. Все равно твое господство было делом недолгого времени, просто так тяжело было поверить в то, что я проиграл за шаг до безоговорочной победы. Но ты просто так не позволила бы бортануть себя, правда? Ты воспользовалась доверчиво распахнутыми ментальными лабиринтами между мной и моей девочкой, проникла в ее разум тайным лазутчиком. А она наверняка не сопротивлялась. Даже ждала чего-то подобного каждый миг, каждый день и час, даже когда научилась скрывать свою ненависть под маской дружелюбия и доверия. Научилась возводить вокруг себя стальные двери, чтобы я не мог соприкоснуться с ее истинными стремлениями. Это ты впустила хаос и мрак в наш замкнутый мир. Только ты, Юлия. Ты одна могла уничтожить Darkness, заставить ее захлебнуться в собственной крови цвета ночи. Зачем ты пожала протянутую ладонь? Это начало твоего полного уничтожения.

Тебя могли никогда не зацепить эти острые стрелы, но прости, мне оставили любовь. Тьма сказала, что делает тебе этим одолжение? Нет, она лишь усугубила твой закат. Насколько бы проще все было, если бы я тебя не любил!

Сука, как же это больно. Тьма действует решительно, с побежденными не церемонится. Счастье, что я вовремя успел уйти, иначе давно бы выместил эту агонию на Юлькином теле. Б..дь, Darkness, полцарства за анестезию. В твои планы вряд ли входит моральный суицид, очередного упавшего к твоим ногам. Останови это, или я зафигачу тебе контрудар! Победить невозможно, но несколько неприятных минут ты выхватишь по полной...

Не хочешь слышать этих воплей забившегося сознания? Пошла искать болеутоляющее? Чего ты, мать твою, хочешь? Нет, не будет тебе алкогольного пати в черно-алой крови, ты просчиталась! Мне кажется, что от разламывающей душевной боли я расплещу бутылку виски одним сжатием, но инстинкт самосохранения швыряет ее о гранитную столешницу моими же руками. Вдребезги. В гребаные осколки, чтобы наверняка! Так разбивается доверие. Так умирают вера вместе с надеждой. Любовь, живучая эгоистка, тебе пофиг с кем, хоть с мраком преисподней, хоть с сиянием рая...

Время подвисло, словно в замедленной съемке, не воспользовалась этой паузой только боль. Я даже не вижу граней между физической и душевной. То ли убиваю ломоту в суставах разрывающей накруткой эмоций, то ли пытаюсь перестать думать и чувствовать. И где-то на третьей минуте сумасшедшей самоэкзекуции приходит осознание... Становится легче!

Утопить коллекцию плетей в море было безумной идеей. Потому что они всегда были необходимы мне самому! Атрибут моего положения, ничего больше — для них, и средство от одержимости для меня. Физическая боль отправляет в нокаут самые острые грани убивающих мыслей, жестокая сублимация до крови, потому что вместе с ними часть Тьмы тоже уходит прочь!

До тех пор, пока не станет ощущаться привкус крови на языке. До тех пор, как сердце не заколбасит предупреждающей аритмией. До судороги в запястье, до противного онемения пальцев, которые вцепились в рукоять кошки со стальной леской в переплетении кожаных полос... Darkness, это твой антидот от боли? Спасибо,

милая, за то, что позволяешь остаться человеком, даже не разжимая своей стальной ладони на моем горле!..

Сметающей волной, неистовой атакой, невысказанным надрывным воплем — и мимо. Обратно хладнокровным рикошетом, остывшим потоком, сменившим оттенок от соприкосновения с Тьмой непробиваемости. Поздно, милая. Все прежние ментальные скоростные авиалинии закрыты, вместе с воздушным пространством меня прежнего. Ощутила, что это такое? Как жаль, что я воздвиг этот барьер высоковольтного напряжения между нами. Жаль потому, что я не могу насладиться разрывом твоих нервных клеток! Твоей агонией, твоим личным персональным Тартаром! Больно? Я знаю. Не смотри на меня такими глазами, это все лишено смысла. Разве я нарушил какие-то негласные правила? Я всего лишь играю по ним, установленным тобой же, на твоём поле! Равноценный обмен пощечинами. Ничего больше. Прочувствуй, что это такое, когда тебя, прямо рывком из объятий солнечного цвета, в абсолютную черноту!

Рука зарывается в шелк твоих волос, не могу себе отказать в этом эгоистическом порыве. Несколько часов назад я бы вырвал их с корнем, если б не свернул твою хрупкую шейку или не треснул головой о стальную решетку кровати. Ты, сука, никогда не могла в полной мере оценить все, что я для тебя делаю! Хрен ты даже хоть раз об этом задумалась. Что твоя рабская сущность видела все это время? Больно? Плохо? Я не хотела, меня заставили? Да я каждый раз сдохнуть был готов, лишь бы не видеть твоей боли! Да я чуть натурально не съехал крышей, когда тебе было по-настоящему плохо! И тебе всегда, в отличие от меня, было на это наплевать!

— Тяжело? — ну, давай, попробуй соврать в таком состоянии. Нет, я не буду тебя за это наказывать, у тебя просто ничего не выйдет!

— Больно...

Ипать, какая ты предсказуемая. Но не мог просто отказать себе в удовольствии это услышать.

— Мне тоже было больно!

Да, конченная эгоистка, я чуть коньки не отбросил от твоих бзиков! Да ты же все сама видела, когда надувала свои б. дские губки! Мысленно уже строчила с глубоким заглотом Вадику за спасение из плена? Да твой принц на белой кобыле уже свалил под крылышко семьи, только узнав, с кем ты сейчас. Все в нашем городе хотят спокойно жить и не наживать себе проблем. Даже ради такой горячей телки, как ты. Ты действительно думала, что он уже рыскает в окрестностях Кошки с взводом морских котиков в поисках нужного окна?

—

— Что ты сказала? Выражайся внятнее.

— Мне холодно... — ее и вправду колотит мелкой дрожью. Ну, в этом нет ничего удивительного. Даже пульс замедлен, но это ненадолго. Уж можешь мне поверить. — Что со мной?

У тебя нервный стресс. Ничего, сейчас согрею.

Перехватываю взгляд, когда отпускаю ее волосы. Удивленный и даже слегка разочарованный. Еще испуганный в силу собственных мыслей. Юля, сучка, я даже

без телепатического транзита знаю, чего ты хотела! Но я же держу свои обещания, разве забыла? Я сказал, что физически больно не будет? Это значит, не будет! Да, я знаю, что тебе бы стало легче даже от еще одной пощечины, но черта с два ты получишь даже намек на боль. Трепыхайся в этом аду до тех пор, пока тебе не станет абсолютно все равно!

— Чего тебе не хватало, моя девочка? — Нажатие пальцев на затылок. — Лицом в кровать. Ты думала, тебя спасут? Может, он даже и доберется сюда. И что мне с ним делать? Самый лучший вариант — отстегнуть ему пару штук зеленых и отправить домой. Пусть детям будущее оплатит. Ну, что? Подтвердишь ему, что стала дохрена эмоциональной в силу критических дней, или просто обдолбалась колесами, молодость, с кем не бывает. Ты же не хочешь, чтобы я перекрыл его семье кислород в родном Харькове и на пальцах пояснил, кому он этому обязан? Что же победит в итоге? Забота о детях или любовь к малолетней идиотке?

Плачь, Юля, плачь. Раньше надо было думать.

— А может, поступим по-другому? Да не истери ты так. Не буду я его убивать или рассказывать семье о том, кого трахал их кормилец в свободное от работы время. Что, два мужика между собой не договорятся? Особенно если круг интересов совпал вокруг твоей сексуальности. Что он у тебя пьет? Коньяк, вискарь? Побеседуем как старые друзья. Вот у меня было пару раз с двумя девчонками одновременно. Никогда не было фантазий, чтобы тебя саму отлюбили дуэтом? Думаю, после нужной кондиции, он против не будет. Виагрой запасть или он еще и без нее тебя может?

Откуда у меня эти долбаные расклады в духе психологического трэша, я и сам плохо понимаю. Чтобы я позволил теперь кому-нибудь не то что прикоснуться, но даже посмотреть на нее? Если этот перезрелый герой-любовник когда-либо нарисует на нашем пути, я сотру его в порошок. Скорее всего, он попытается выяснить, что же произошло с его молодой игрушечкой, но думаю, одной фамилии хватило, чтобы вернуться к жене и детишкам. Было бы иначе, оборвал бы телефон своими звонками. Хотя бы из вежливости.

Darkness, все развлекаешься? Смотри не переборщи, ее смерть не входит в мои планы.

Я знаю, Юля, чего ты хочешь. Снова свалить за грань апатии, где я тебя не достану! Может, я и позволю это тебе когда-нибудь, но только не сегодня. И не завтра. Ты просчиталась, решив, что мои чувства к тебе сделали меня слабым и уязвимым. Для тебя же было бы лучше, если б я их не испытывал. После подобной выходки просто вызвал бы тебе такси, благосклонно позволив собрать шмотки — выметайся, наигрались... Я не перестал тебя любить после этого ножа в спину, но это тебе не награда. Это твой кошмар на сегодня и до тех пор, пока я не справлюсь с подобным предательством...

Вернулись к тому, с чего начали. На коленях, пусть на мягкой опоре матраца, с перетянутыми цепью запястьями. Ну, и куда же без твоих слез, которые сначала вызывали мгновенную эрекцию, потом сердечный спазм, а теперь же всплеск черно-красного удовлетворения. Ничего не меняется, гребаный замкнутый круг.

— Давай проверим, как далеко шагнул технологический прогресс? — сегодня я

заставлю тебя лезть на стенку. Но лучше побереги силы, потому что все твои просьбы я проигнорирую. Здоровью это вряд ли угрожает.

Задержалась... Чтобы не резала своими воплями по нервам, вставим кляп. Сама же потом оценишь мою доброту, когда будет желание продать душу дьяволу ради одного прикосновения.

Всегда полагал, что секс-шоп торгует подобным ассортиментом жужжащих фаллоимитаторов лишь прикола ради. Тем не менее, парочка этих веселых штук нашла свое место в моей коллекции. Ради такого случая. Прости, девочка моя, живого члена ты сегодня не получишь. Просто сорвусь и растерзаю тебя нахрен до внутреннего кровотечения и отеков.

Злость держит руку на пульсе контроля, а Тьма не позволяет накатившему вожделению захватить власть и отменить эту сладкую экзекуцию. Не смогла ты долго оставаться беспристрастной, как бы не хотела меня в этом убедить.

Я глух к твоему отчаянному мычанию в шарик кляпа, к попыткам избежать вторжения в истекающую соками киску. Это уже не крики в тугую резину, это сладострастные стоны с невысказанной просьбой об освобождении. Я терпелив. Сантиметр за сантиметром. Медленными движениями или резкими толчками, в таком состоянии тебе все равно, как. Впрочем, долго дергаться из стороны в сторону у тебя и не получается. Выключаю скорость. Хорошего понемножку.

— Моя сука что-то пытается мне сказать? — поднимаю пальцами за подбородок, вглядываюсь в потемневшие от неудовлетворенного желания глаза. — Я не понимаю по-китайски, так что извини! Сегодня ты не кончишь. Завтра, впрочем, тоже. Сажусь рядом, смахиваю пальцами ее слезы. Самым нежным касанием. Знаю, чего ты хочешь. Может, еще сама не понимаешь... Выбить болевыми атаками собственное отчаяние. Мне жаль, но я обещал не причинять тебе физическую боль, а я хозяин своего слова. Провожу кончиками пальцев по растертым запястьям. Намеренно ведь дергалась, чтобы получить дозу кратковременной боли! Ничтожно мало, чтобы погасить агонию в душе, даже на несколько секунд. Подсознание делает выбор за тебя, ты еще не поняла, что нуждаешься в искуплении через совсем не лайтовую версию физического наказания. Наверное, стоило загнать тебя в подобные рамки гораздо раньше, чтобы ты полюбила плеть до ломоты в суставах и сама умоляла меня об этом!

Терпеливо жду, когда выровняется дыхание и иссякнет поток неразборчивых нецензурных выражений. Справилась? Ошибаешься.

— Вернемся к нашим воспитательным мерам!..

Наверное, уже далеко за полночь, когда я заставляю себя остановиться. Юлька уже просто колотится в судорогах неудовлетворенного желания, сминая простыни и стирая в кровь свои кисти, слезы, стоны и мольбы перешли в затяжные сухие рыдания.

— Хватит истерить. Я сказал, ты сегодня не кончишь!

Размыкаю браслеты на руках. Сердце пропускает два режущих болезненных удара при виде кровавых полос... За шаг до того, как слизать мелкие капельки крови и прогнать прочь экспансию этого выгодного мне самому агрессора! Но нет, сука на букву D, ты же не позволишь мне так просто выиграть! Миг, и алую плоскость

нахлынувшего чувства заливают чернилами, углубляя это оттенок до темно-бордовой непримиримости. Отталкиваю руки своей любимой и ненавистной сейчас одновременно невольницы, на корню пресекая попытку прижаться теснее в немом ожидании необходимого, как кислород, удовлетворения.

— Если ты решила, что с тебя их снимут на ночь, глубоко просчиталась! — ласково поясняю в недоуменно прищуренные глаза. — Кровью вряд ли истечешь, остальное заживает.

Ее еще выгибает и трясет в моих объятиях в ожидании развязки. С почти легким сердцем игнорирую эти отчаянные движения вместе с умоляющими стопами в шарик кляпа, поднимаю на руки. Знакомый близкий маршрут до ванной комнаты, перехватываю руки, впечатываю в стену с песочно-черным кафелем. Кляп на месте, но ты даже не решаешься к нему прикоснуться. Много чего осознала, в первую очередь, бесплодность такого сопротивления... И то, что не сможешь выторговать себе прощение или боль через непокорность.

Ты не сопротивляешься, потому что возбуждена до предела. С робкой надеждой, что я позволю забиться в оргазме под своими пальцами, кожей от твоего скольжения или просто прикосновения острых струек душевой насадки. Не тороплюсь тебя разочаровывать.

— Ноги! — коленом раздвигаю в стороны, придерживая за талию, чтобы не поскользнулась на мокрой плитке. Безошибочно понял, что ты пытаешься сделать. В таком состоянии тебе достаточно секунд на десять сжать бедра. Почти вижу, как плавится под моими пальцами вся твоя воля в стремлении остаться неподвинутой. Как выгибается каждая мышца навстречу нажиму намыленной губки и струйкам воды, как неосознанно скользит грудь по кафелю, в попытке избавиться от невыносимого желания. Прости, любимая, у меня иные планы, как бы не хотелось сейчас тебя отдолбить раком, прямо на полу, растирая в кровь твои колени в комплект к запястьям. Не так, как прежде, чтобы охрипла от боли в кляп, протаранив до самой матки резкими ударами.

От прикосновения полотенца — новый разряд конвульсий по коже, и даже безостановочно льющиеся слезы тому не помеха. Как ничтожно мало тебе сейчас надо? Боюсь, что мой план потерпит крах, тебе хватит и неосознанного скольжения по шелку простыней.

Распутываю крепления кляпа, даю полминуты отдышаться.

— Есть хочешь? Пить? Советую подумать, до утра у тебя такой возможности не будет.

Хорошая тактика. Называется "пойду пешком назло кондуктору". Молчи. Я убил в себе дар читать твои мысли, поэтому будем считать, что ничего тебе не надо из вышеперечисленного. Ловлю умоляющий взгляд, на какой-то момент. Давай, говори! Нет кляпа, ничего не мешает! Просто поразительно, как в таком состоянии у тебя остаются силы играть в гордость. Передумала?

...Не дай мне никуда исчезнуть. Не дай приблизить пропасть нашей бездны еще одним безумным проступком, который сожжет между нами мосты окончательно. Ты никогда не узнаешь, но я не смогу забыть. Попроси меня остаться. Включи здравый

рассудок, как могла прежде, раскладывая по полочкам. Знаю, раньше я не желал тебя слышать, почему ты оставила эти попытки? С твоим безбашенным упрямством! Прямо сейчас, попроси меня никуда не уходить!

Молчание. Взгляд — куда угодно, в потолок, в стену, в пустоту — словно там что-то дико интересное. Даже когда я смазываю твои руки какой-то заживляющей мазью и обматываю шелковыми платками. Даже когда поверх этого шелка снова застегивается сталь браслетов. Когда контрольным ударом замыкает твои щиколотки, растянув их на цепях к столбикам кровати, чтобы не смогла нарушить мой запрет на удовольствие. Ты мне не союзник в борьбе с Darkness. Ты не гарант даже ее экспансии. Холодная ярость врывается в кровь морозными иглами, замедлив ее бег, еще немного, и скует тонкой корочкой льда с графическим принтом.

Я тороплюсь уйти. Не знаю, что тому виной — твой пустой взгляд или дрожащие барьеры моей ярости. Настойчивое желание тряхнуть тебя за плечи до сотрясения мозга, до самого осознания. До отчаянного вопля "не смей нас убивать!" Забить на обещания не причинять никакой боли, отхлестать по щекам до алого румянца, чтобы, наконец, пришла в себя, чтобы ушло это гребаное ощущение того, что я только что потерял что-то жизненно необходимое, то, к чему стремился, наверное, всю свою жизнь и так и не смог вовремя разглядеть!..

Твои пальцы сведет судорогой от этой показательной манеры, крашенная дурочка. Заляпаешь свою белую, завязанную под грудью блузку растворимым ресторанным кофе, и все понты полетят к чертям. Что ты тут забыла? Ты на гейском курорте всех времен и народов, "снять мальчика на вечер" здесь актуально лишь для этих самых мальчигов. Эти игры на показ с холодным показным равнодушием в заблестевших от азарта глазах я научился считывать еще в школе. В одном тебе не откажешь, в твоей упрямости. Отсканировала натурала? Девочка, тебе проще было бы срезать гомосексуалиста. С ними все понятнее. Максимум, научил бы красить глаза в утонченном варианте, минимум, устроили бы пижама-пати, как две подружки. Ты готова к тому, что нужно натуралам типа меня?

Нежный, не раздирающий горло дым, ласково обволакивает трахею одной неспешной затяжкой. Кальян тут всегда наилучший, ответственный за это турок знает свое дело и не зря ест свой хлеб. Терпкий привкус кофе, смягченный молоком. Единственная слабость без вреда для здоровья раз в полгода.

Меня настораживает собственное безразличие. И все это вопреки тому, что у девчонки большая грудь и тонкие кисти. Длинные ноги и черный цвет волос. Еще полгода назад я бы завелся в предвкушении до такой степени, что завалил бы прямо в WC ресторана. Скучно. Пресно. Нет желания даже подняться и заговорить с ней. Кто из нас в намеренном поиске приключений на свою пятую точку?

Она чувствует мой пристальный взгляд и манерно отставляет чашку с наверняка остывшим кофе. Пытается достойно встретить его, но черта с два я это позволю. Что-то меняется в ее надменном лице, опасливое удивление, секундное колебание. Вот, выход. Стрельнуть глазами в сторону входа, словно кого-то ждешь, и вообще не хотела на меня смотреть. Так, случайно зацепилась. Лучше б так и было. Я поднимаю бокал с так и не тронутым коньяком, легко отсалютовав в ее сторону, но при этом не двигаюсь

с места. Мне глубоко плевать, продолжится наше общение, или же нет.

Проходит немногим больше пяти минут, прежде чем она решительно, заправив подрагивающие пальцы за пояс облегающих джинсов, направляется к моему столику. Я тебя умоляю, фильмов насмотрелась? Я сейчас согласно сценарию должен открыть рот, изумленный твоей красотой и смелостью, или галантно отодвинуть стул?

— Привет, — вспыхнувший интерес или безнадега от провальных поисков добавляет в ее голос нотки смелости. — А... Вы не против, если я присоединюсь... понимаете... Я ждала подругу, а она не пришла... Просто страшно, уже поздно, а я...

— Хорошая подруга, — игнорирую ее вопрос. — У нее нет мобильного телефона?

— Она его вечно где-то забывает...

Наслаждаюсь бесценной минутой ее переминований с ноги на ногу, прежде чем кивнуть, молчаливое позволение присесть.

— Меня Валькирией зовут.

Господи, взорви мне мозг, если я должен это выслушивать!

— Я вижу. А теперь ответь правильно.

— В..Валя... — в глазах замешательство. Еще одна бесхребетная дичь. Я начинаю приходить к выводу, что такие, как Юля, рождаются раз в тысячу лет. Чаше нельзя, чтобы не истребили всех мужчин своим темным вызывающим шармом и не свели с ума эволюцию.

— Значит так, Валя, — темная сторона берет свое, и я улыбаюсь уже привычной улыбкой, которая может напугать и загипнотизировать одновременно. — На парковке черный "туарег". Один, не ошибешься. Хочешь развлечься — через пять минут ждешь меня возле него. Нет — никто не в претензии. Вперед. Я люблю курить в одиночестве.

...- Ты в порядке? — нейтрально спрашиваю спустя час, заправляя ремень обратно в шлейки брюк. В ее глазах шок и немое восхищение

— Ты кто?

— Я этот, как там... Из 50 оттенков серого. Понравилось?

Дай мне повод запомнить этот вечер, назови меня психом, не смотри с этим тупым обожанием, жертва растиражированной литературы! Тебя что, каждый день жарят ремнем?

— Понравилось... А... Ты уходишь? У нас же даже не было секса...

— Секс у тебя может быть каждый раз. Такое — вряд ли.

— А когда мы увидимся снова?

Я сейчас точно расфигачу гипсокартон отдельной перегородки от подобной тупости. Мне просто хочется сбежать. Нет, даже телепортироваться. Динозавры вымерли именно поэтому, не вынесли сноса пространственно-временного континуума, когда дичь сама добровольно выстроилась в очередь, чтобы попасть к ним в глотку.

Отрывисто целую ее лоб в сухом подобии ласки.

— Когда приобрету вертолет, чтобы по всем законам жанра. Я найду тебя, крошка!

Почему ты стоишь сзади, а я не вижу в зеркале твоё отражение. Наше с тобой желание на поражение. Я не твоё доброеутро, солнышко. Я твоё Солнечное Сплетение. И я буду тянуть — тянуть тебя вниз. В твоих зрачках Апокалипсис. Бейби, сползай по стене. Я в тебе, твой голос во мне. Что — то извне внутри. Смотри на меня. Смотри.

(с) Антон Прада

Юля

В этот день мое прежнее мировоззрение окончательно съехало со своей орбиты. Так стремительно и беспощадно, что я даже не заметила хаотичного побега этой смертельно раненой мрази на букву Л. По ходу, убегая, она прихватила с собой что-то еще. Ужас и надежду на лучшее. И если за первое я была ей благодарна, то за второе хотела разорвать в клочья. Но у меня не было даже такой возможности, растянутые на цепях руки все определили за меня.

...Картинки из далекого детства. Я не должна этого помнить, мне тогда едва было лет пять... Во сколько дети начинают запоминать информацию? А может, именно эмоциональные потрясения как раз запоминаются ими на всю оставшуюся жизнь...

Я не знаю, что произошло, но мой обычно безразличный отец возвращается домой разозленным. Скорее всего, любовница опять требовала порвать с семьей... Я не могу еще осознавать подобных вещей. Игнорирую запрет матери к нему приближаться, наблюдаю эту картину в щель полуприкрытой двери... Мама в красивом цветастом платье ходит вокруг, преданно заглядывая в глаза, что-то предлагая, заискивая и упрасывая, а он смотрит в одну точку и понятно даже ребенку, что ему не нравится такое ее поведение! А потом начинается скандал... Я плачу и мне страшно. Папа кричит, папе плохо, надо ему помочь! Прокрадываюсь в комнату, ощущаю себя почти взрослой... я нужна! Его любимая доченька! Подхожу к нему, цепляюсь трогательно маленькими ладошками в его руку... Улыбаюсь, потому что не могу разгадать в его налитых кровью, от усталости, глазах раздражение, граничащее с безумием! Пытаюсь залезть на коленки... И вдруг потолок переворачивается перед глазами, а правую часть личика заливают слепящая боль, пульсирует, множится, отдается в копчике, локтях и лопатках при падении.

— Пошла вон!

На мой отчаянный рев прилетает мать. Оценив ситуацию, отвешивает мне подзатыльник и выволакивает прочь из комнаты. Она действительно любила его любовью жертвы-фанатички до сумасшедшей идеализации даже спустя годы после его ухода из семьи... Я еще долго продолжаю реветь, успокаиваюсь только вечером, когда она меня гладит по голове трясущимися руками и прячет мокрые от слез глаза. "Моя зайка, папа устал, не надо его утомлять" ...

Мне мало окружающего кошмара?! Зачем эти душераздирающие воспоминания, которые сознание в свое время поспешило закрыть в блок, стереть из памяти, чтобы не отравили своей гребаной навязчивостью все последующие годы, не ликвидировали

в зародыше потенциал пока еще спящей нежности и способности любить. Так, как любят дети в том возрасте, бескорыстно и искренне. Что за гребаный код доступа ты активировал одним взмахом руки? Почему именно ты позволил себе право стать археологом моих давно забытых моральных травм?! И почему не сам удар, а именно эти четыре слова, произнесенные сухим, отмороженным, лишенным эмоций голосом запустили гребаную цепную реакцию, накрыв рассудок убивающими воспоминаниями? Как будто одной твоей пощечины, которая расквасила мой внутренний мир в кровавое пятно, было мало!

На улице лето. Невыносимая жара. Климат-контроль регулирует температуру в комнате, но мое тело вместе с судорогами шока сковывает беспощадным сухим льдом. Холод внутри, но неумолимо течет по коже, причиняя боль острыми льдистыми иглами... Так не должно быть! Говорят, когда люди умирают, ощущают холод?!

Мне страшно. И впервые некому забрать с собой этот ужас. Я одна на арене римского Колизея против стаи голодных львов. Одна в океанской пучине под безразличным наблюдением команды, проплывающего мимо корабля. Затерявшаяся в толпе рынка, маленькая девочка, которую родители обещали забыть на улице за плохое поведение и наконец-то выполнили свое обещание!

"Жила-была девочка. Она капризничала и отказывалась ужинать. Ее посадили в большой чемодан и отнесли в лес, где бродили голодные злые волки..."

Мама, если б ты знала, как я боялась таких сказок, рассказанных на ночь с благими целями! Но вовсе не злых волков, нет... Боялась оказаться в этом лесу и увидеть твое безразличие! Волков я видела по телевизору, они были серыми и красивыми, их хотелось погладить по шерстке... Потому что они хорошие. Как Акелла из мультика. И благороднее некоторых хищников в человеческой оболочке. Потому что да, он может загрызть волчицу, но изнасиловать...

Холод проникает в каждую мышцу, сотрясая до основания, распространяя этот страх по крови, еще чуть-чуть, и застынет сердце... Твою мать, как же это страшно! Забери этот страх или добей уже констатацией неотвратимости моего конца!

— Мне холодно... Что со мной?..

Я не жду теплого пледа на плечи. Я уже не жду ничего.

— У тебя нервный стресс. Ничего, сейчас согрею, — рука отпускает мои волосы... И я с ужасающей ясностью понимаю, что этот арктический лед высушил мою кровь посредством подобной тактильной передачи! Пока он меня не трогает, я смогу с этим справиться... Но нет, я недооценила весь спектр тьмы его безумия. Слова могут резать еще и не таким абсолютным нулем! Потому что все, что он говорит, логично до невозможности.

У Вадика много денег и свой бизнес. Достаточно ли этого, чтобы тягаться с Лавровым-старшим, легальным хозяином города — на законных основаниях?

Его дочь уже выросла, она практически моего возраста, но есть младший сын. Хватит ли сил у этой гребаной семейки Адамс, смотрящих сверху на всех, как на пыль под ногами, поставить крест на их будущем? Да почему бы нет? У Валерия Лаврова есть свой сын. Ну и хрен с ним, что давно вырос, игрушки стали сложнее и круче... Плевать на чужих детей, несмотря на их возраст! Один звонок...

А может, гораздо проще... Вы знаете, чем занимается ваш папа? Выходит, больше не любит маму! Эй, чувак, как тебя там, нужны тебе эти траблы из-за чокнутой вертихвостки, которая с тобой ради денег? Найди себе новую, чего тебе стоит? Не такая уж высокая цена чтобы оставить тебя с семьей в покое!..

И лучше этот вариант, потому что есть еще один... Озвученный следом... После произнесения которого, я понимаю, что ничего нельзя предугадать в этой жизни. Что в силу обстоятельств преимущественно не ты, а тебя... вывернув все твои женские чары против тебя же самой. После которого я реально понимаю, что просто заткнушь и позволю уничтожить себя почти привычным способом. Он, конечно, добьет, но не так... Робкий писк интуиции пытается доказать, что личный диктатор черта с два позволит кому-то не то что прикоснуться, но даже посмотреть в твою сторону, с его собственническими инстинктами, но я больше ни в чем не уверена!

Пытаюсь прогнать эти слова из руин сознания довольно варварским способом, дергая закованные руки до режущей, жалящей, обжигающей боли в запястьях. И с каждой ее вспышкой... С каждым разрывом клеток кожи от безжалостного трения... С каждым гаснущим криком — сперва в сжатые зубы, потом в шарик кляпа — в крови, уничтожая отголоски боли, вынимает заостренную катану из ножен прежняя Я. Но как же недостаточно этого кратковременного разряда! Сильнее не выйдет, длительнее тоже... Мне нужно больше. Дольше. Невыносимее. До огненных вспышек и сорванных голосовых связок! Мне нужно! Почему он не притащил свою коллекцию орудий уничтожения воли? Неужели потому, что прочувствовал, понял, что сейчас боль не бросит меня к его ногам. Она сейчас вложит в мои руки заряженный Смит энд Вессон, который выстрелит в упор моментальным контрольным в голову, или, в зависимости от интенсивности причиненной боли, сперва прострелит коленные чашки и плечевые суставы, чтобы насладиться чужой агонией. Кажется, снайперши на Чеченской войне называли это "киллерский крест", я где-то читала.

Одну из них даже накрыл при исполнении бесконтактный оргазм... Но, скорее всего, это был просто роскошный вымысел автора. Мне не хочется признавать факт ментальных отголосков, которые убивают беспощадной констатацией: он не причинит тебе физической боли, и вовсе не из жалости на этот раз...

А потом начинается самый сладкий и беспощадный кошмар, о котором я долгое время буду вспоминать с содроганием. Тот самый, благодаря которому я потом долгое время не смогу расслабиться, форсируя приближение удовольствия, не позволяя эмоциям взрываться ярким фейерверком лишь потому, что в сердце поселится страх — что я не успею, и мое желание разрядки будет использовано против меня же самой. О том, чтобы растянуть удовольствие во времени и взлететь как можно выше, я забуду на долгие месяцы.

Много ли ему понадобилось, чтобы прошить мои зашкалившие душевные и телесные файлы новым вирусом? Нет, несколько долгих часов. Когда тебе не позволяют кончить хрен знает сколько времени, ты уже не человек. Остается только отметить ненамеренное проявление его милости — мог бы не сковывать цепями и не затыкать рот кляпом, и не было бы никаких факторов, ограничивающих твое окончательное падение к ногам с надрывным воплем. Да подбрось он мне на подпись

документ о передаче права на собственную жизнь в его руки, подписала б не глядя. Но так не бывает. Во-первых, в какой суд потом эту бумагу понесешь? И все мы читали Конституцию Украины. Но в трактовке сильных мира сего работал лишь один абзац: "Каждый гражданин Украины имеет право быть Избранным." Конец цитаты.

Если он хотел именно этого — моей впервые покорно склоненной головы у своих ног, я в тот момент была готова. Не только застыть в позе покорности, принимая боль в коленях как благо, не только облизать очередные модельные туфли от носка до подошвы, я была готова сдаться окончательно и практически добровольно. Спать на цепи, покорно сносить его вторжения в свое тело каждую ночь, научиться находить в этом удовольствие — чего скрывать, я никогда и не теряла такой способности. Отрицала, да. Но не страдала. Истинная женская сущность преобладала над заскоками уставшего противиться разума, просто это пугало. Не доходило до меня, что я все это время симулировала нормальность, не признаваясь в этом себе. Что мне всю жизнь необходимо было отдать контроль, а не взваливать его на свои плечи, что б там не одобряло и не возводило в модный абсолют современное общество.

Я поняла это давно, но призналась самой себе слишком поздно. Наблюдая с апатичным спокойствием, как поспешно, вместе с щелчком пощечины, свернула свои лагеря нахальная оккупантка по имени Любовь. Не стала ждать, когда ее уничтожат совсем, ушла до лучших времен, бросив напоследок на меня сочувствующий взгляд — прости, не поверила я тебе, ему действительно не нужны твои ответные чувства, раз он так беспечно кидает этот хрупкий фарфор, чтобы однажды не поймать на лету, уставшими руками. Я пришла к тебе очень поздно, непозволительно долго присматриваясь к тебе и подбирая ключи к тому самому сейфу, где стоило сложить свою атрибутику. Прости, Я во всем своем великолепии сейчас не нужна ни ему, ни тебе. Я вернусь, но в одну реку нельзя войти дважды, в нашем случае это означает, только не с ним и не обратно...

Сладкая агония без права довести ее до логического финала. Избиение по лицу продолжилось в изощренной и беспощадной интерпретации. Я уже предвижу развязку этого безумия, он сам о ней честно предупредил. Интуиция не дремлет, сковывает липким страхом, просчитав наперед, к чему это все может привести. Я забываю, что во рту противный шар кляпа с привкусом талька. Зачем издеваться дальше?! Неужели пощечины было недостаточно? Остановись, хватит, давай поговорим как взрослые люди!

— Моя сука что-то пытается мне сказать?

Нет, разговора у нас не выйдет... Тело-предатель обрывает отчаянный поток невразумительных выражений, сознание продолжает сжимать тисками, выбивая слезы — это словно ментальный конденсат, который позволит остаться при здоровом (относительно) рассудке, в то время как пульсация возбужденного естества заглатывает вторжение латексной тверди жаждущими тугими объятиями, освобождая сладкий нектар, чтобы поглотить ее полностью, вытеснить боль умирающей души чувством абсолютной наполненности. Некоторые годами не могут найти собственную G-точку, моя же будет найдена и рассекречена, где бы ни пряталась. Вибрация медленных оборотов, жестокий резонанс с сокращениями стенок влагалища,

неотвратимо быстро запускает лианы крышесносного удовольствия в кровь, отвоевывая у разума новые территории. Моя чувственность сегодня будет безжалостно интерпретирована против меня же самой. Почему, осознавая все это, я позволяю каплям сладкого яда бурлить в крови, не сдерживая стонов в безжалостный барьер кляпа?

Очередная осязаемая пощечина! Не по лицу, а безжалостным рывком, оставляя пульсирующую пустоту, я непроизвольно толкаюсь бедрами назад... Пытаюсь сомкнуть ноги, чтобы достичь разрядки таким образом, но предупреждающее сжатие подколенной впадины пресекает эту попытку.

Смятый шелк, влажной от моих слез наволочки, плывет перед глазами от новой пелены непрощенных слез, которые ласково снимают его теплые пальцы. Мне хочется припасть к ним губами в последнем порыве отчаянного раскаяния, пусть остановит это насилие, пусть даст мне сказать хоть слово, пусть все прекратится! Я бы не воевала против тебя, если бы ты меня не напугал своей бескомпромиссностью! Этот гребаный звонок так легко стереть из истории, почему ты с этим затягиваешь? У меня практически не осталось нервной системы, она не из стали, зачем ты рушишь ее до основания?!

Пальцы перемещаются на кисти, отодвигая гладкую сталь браслетов, гася отголоски боли в истерзанной коже. Моргаю, увидев выступившие капли крови. Маленькие, как от мимолетной быстро заживающей царапины. Как далеко я могу зайти ради спасительной боли? Почему тебя не останавливает вид крови, ты всегда мог чувствовать, а в последнее время мы соединились в тесную эмоционально-энергетическую систему, тебя же расплющит пульсацией моего страдания! Почему ты продолжаешь смотреть на меня с отмороженным выражением на лице?!

— Вернемся к нашим воспитательным мерам!

...Мой мир разрушен до основания зудящей болью эротической одержимости, шелк покрывала вызывает новые судороги в попытке потереться, погасить этот гребаный жар неумного желания! Сублимация в отчаянные рыдания, которую не гасит даже боль в обожженных трением запястьях! Я очень хочу обмануть себя. В этот раз точно... Сухой щелчок, кольца пульсирующей, истекающей влагой возбуждения вагины сжимают холодную пустоту, она прорывается горьким спазмом в горле с затяжными рыданиями в подушку. Дергает, словно от удара током, прокатываясь ледяной лавиной по телу, от прикосновения твоей руки. Последней издевательской ласки на сегодня, ты уже понял, что еще немного, и я взорвусь от одного ощущения дыхания на коже. Тактильное восприятие добралось до критической отметки, разрушив ранее установленные пределы — и это могло бы стать началом моего рая, если бы не стало твоим оружием возмездия и наказания!

Я потеряла счет тому, сколько раз ты обрывал эту ласку.

— Хватит истерить! Я сказал, ты сегодня не кончишь! — пара непонятных мне манипуляций с острой спицей, которая размыкает браслеты. Руки повисшими плетками падают на подушки, окрашивая темно-синий шелк в черные пятна от выступившей крови. В твоих глазах удивление и беспокойство... Я рыдаю еще надрывнее от какого-то непонятного облегчения. Ты прежний! Сейчас все

закончится! Ты никогда не хотел моей боли, правда, Дима?

Нежность... Тепло... Один шаг... кисти в нежных оковах его теплой ладони, и я почти физически ощущаю, как уходит боль от этого желанного прикосновения, огненный эротизм плещется в крови, из последних сил стараюсь прильнуть ближе, ощутить жар его кожи, чтобы долгожданное умиротворение уняло тьму моего предельного отчаяния... Очередная пощечина, но не по лицу! Рыдания скручивают мышцы, взрывая сознание самой отчаянной и жестокой болью — душевные шрамы не заживают. Всего лишь резким движением доверчиво согретые руки, обратно на шелк простыней.

— Если ты решила, что с тебя их снимут на ночь, глубоко просчиталась! Кровью вряд ли истечешь, остальное заживает.

Как можно так одновременно — нежно и с циничной ненавистью? Что за гребаная двойственность — мою душу трясет от рыданий, а тело — от желания. Как эти две сущности могут быть совместимы? Ты крепко держишь меня своими руками, но я все равно боюсь упасть. Ты прямо сейчас можешь разжать свои сильные руки с твердыми буграми бицепсов, сетью напрягшихся рельефных вен, чтобы уронить меня на пол. Плевать, мне нужна такая боль! Пусть отобью себе все, что можно, но от этого станет легче и я смогу тебе воспротивиться! Боль есть жизнь. Доказательство того, что ты жива. Это "ущипните меня" в глобальном варианте! Слезы текут рекой, зубы вгрызаются в уже безвкусную резину кляпа, не ощущая его привкуса, а я с безумным содроганием осознаю, что, пока я в твоих руках, мне не страшно даже падение астероида. Что земля ослабит свое притяжение, пока ты рядом, даже если ты ломаешь мой мир в дребезги. Прошу, пока она не ушла далеко, останови эту мстительную вакханалию имени своей мести! Мне достаточно! Наказывая, ты почти добился от меня признания моих же собственных ошибок!

Холодная плитка. Черно-песочная мозаика. А мое безумие правит бал. "Вспомни, за этим окном, впервые, руки твои, иступленный, гладил..." Ласковый, в рамках цензуры подтекст, потому как в нашем случае поглаживанием рук не ограничилось... Прижимаюсь к этой холодной стене, твердые соски заливает жидким огнем, а от прикосновения теплых струек воды к коже негаснущая пульсация между бедер разворачивает новые спирали скорого сумасшествия. Подчиняя, уничтожая, отщелкивая стрелками безжалостных часов секунды до ментального инфаркта. Тело противоречит решению разума бороться с этой пыткой до последнего, ноги сами по себе смыкаются, стремясь подавить сосредоточение болезненного вожделения. Резкий хлопок по внутренней стороне бедер, вспышка желанной боли, такая неумолимо кратковременная.

— Ноги!

Мне ни на секунду не позволят даже допустить мысли, что я смогу этому противостоять. Я и сама не знаю, что лучше — держаться или же облегчить свои страдания. Плевать, что для этого придется ползать в его ногах и тереться обо все выступающие поверхности... Но после этого я точно никогда не буду прежней, и мне остается только благодарить его безумие за бесценный подарок в виде кляпа, потому как пытку мягким полотенцем я с трудом пережила. Держаться... Рано или поздно он

успокоится, никогда его приступы мстительного эгоизма не длятся так долго. Только ждать, время лучший помощник...

Я не могу даже двигаться, колени прошибает противной слабостью, пригибая к полу. Мелькает даже легкое подобие благодарности, когда он снова поднимает меня на руки.

— Есть хочешь? Пить? Советую подумать, до утра у тебя такой возможности не будет.

Я снова могу говорить, но просто не хочу, да и не о чем. Разминаю напряженные мышцы челюсти. Больно, но снова, как всегда, недостаточно! Чем бы тебе помешали мои крики... Чувство надвигающейся катастрофы сжимает виски, я бы, наверное, могла ее предотвратить, будь у меня больше сил! Уже не ищу никакой коварной логики в своих действиях, смаргиваю слезы и, наплевав на все запреты, просто смотрю в его глаза. Впервые без страха... Ну, может, тщательно задавив в себе желание, отшатнуться и опустить веки.

Абсолютная платина пустых, холодных зеркал теплеет перед визуальной атакой почти сломленной жертвы. Коварные кофейные разветвления замедленными вспышками молний вытесняют этот безжизненный лед. Можешь сколько угодно сводить брови и сжимать губы! Я знаю тебя прежнего. Я помню тех нас, что могли существовать, не разрушая внутренний мир друг друга! Почему-то я хочу запомнить именно это. Не оттенок платины, мимо которой, если выживу, пройду в ювелирном магазине. Теплый, согревающий в холода кофе разной степени интенсивности... От латте до эспрессо, все равно, как... Цепляюсь за выступы подводных скал в неотвратимо втягивающем водовороте, ощущая пылающей кожей неумолимый дрейф арктических ледников, неотвратимые разломы там, где неумолимым кровотоком пробежали горячие кофейные разряды. Мне больше не страшно! Страх не вернется до тех пор, пока я держу руку на пульсе этого глобального потепления, которое не прекращалось никогда, и нет того, что может его уничтожить. До тех пор, пока я могу плавить эту сталь усилием непрерывающейся ментальной связи — я хочу запомнить и ощутить... Даже когда растаявший ледник поглотит континент моей отчаянной храбрости! Даже когда я захлебнусь этим убойным коктейлем, не успев распознать его адские ингредиенты! Пальцы в тонкий скользящий шелк до ломоты в суставах. Это так просто, заменить шелк мягкостью его волос... Я не понимаю, что происходит, это не попытка спасти свою шкуру и избежать возмездия, это гребаный эмоциональный суицид на пороге больше не пугающего самоотречения!

У меня получается. Судорога по телу аккурат с гаснущим холодным сиянием расколотых льдов. Платина — она светлая. Кофе — омут самой тьмы. Почему он стал моим спасением и негаснущей надеждой на то, чего я не понимаю сама? Не успеваю отследить эту мысль, найти ей логическое пояснение... Неотвратимое цунами потемневшего взгляда бьет в доверчиво распахнутые нервные отсеки, разрывая их своим безжалостным давлением, это, мать вашу, больно! Но не так, как прежде! Я наблюдаю эту боль со стороны, словно зависшую между нами шаровую молнию, не в состоянии уклониться от ее мерцающих всполохов, оставляющих ожоги на моем сознании.

Б. дь, сделай что-нибудь! Не молчи! Разбей этот огненный шар между вами — ты освободила его сама, просто уничтожь вместе с вашим общим кошмаром! Просто... Это ярко. Это солнечным светом по глазам. Это серпом непонятно уже чьей боли — моей ли собственной, его ли, вымышленной ли — по горлу поверх стали ошейника! Я не кричу. И даже не зажмуриваюсь в инстинктивном порыве, просто отвожу взгляд в двух шагах от того, чтобы считать сигнал, очень похожий на S.O.S. Охотники не умеют звать к своей жертве в мольбе на спасение...

...Она вздрагивает, пытаясь справиться с аритмией от быстрого шага, находит спасительную опору — столб ли, стену дома ли, да может, она на коленях в пыли, а ее ладони зарылись пальцами в этот еще неостывший прах. Она сдалась? Она не умеет! Она поднимает голову, вытягивая шею, как та прикольная Белка из мультика, учуяв орешек. Вглядывается в непроглядную тьму. Я поспешила! Я рано ушла. Может, вернуться? Пока еще не все потеряно?!

Любовь, ты не просто сука. Ты еще и оптимистка...

Замерзает льдом отчужденной ненависти девятый вал на пике своего подъема, его больше не греет огонь моего взгляда. Мы только что потеряли что-то очень ценное и до конца не опознанное. Наделенные даром речи, но и лишенные его в один момент посредством неосязаемых воображаемых кляпов...

Желанная вспышка боли в истертом запястье, миг, и в кровь врывается новая порция холодных серых льдинок. Мне не нужна сейчас никакая анестезия! Слезы катятся по щекам, расплавляя металл недавней решительности. Почему меня лишают боли? За что?! Кратковременная пауза, соединение двух взглядов погасило пожар возбуждения в моем теле. Но ему этого оказалось недостаточно. Перетянутые нежными шелковыми платками руки — снова под убивающий диктат стали и цепей. С ногами я попыталась воспротивиться, но когда у меня было достаточно сил, чтобы противостоять ему? Новая инъекция холода в щиколотки, безжалостно притянутые к столбикам кровати. Ты никогда не знал пощады в своей безумной одержимости! Вздрагиваю от непонятного звука, прежде чем понимаю, что это шипение минералки в пластиковой бутылке со скрученной пробкой. Если захочу пить, легко могу дотянуться руками... И вместе с этой мыслью сердце принимает новую порцию ледяной паники. Что это значит? Ты... Не останешься?

Он не произносит ни слова. Чувствую прижигающий взгляд, но отворачиваю голову. Не хочу смотреть! И говорить, тоже! Пусть катится ко всем чертям, в родной вигвам! "Выполнить!" — вздыхает Ангел-Хранитель, резанув удушающую тишину удаляющейся поступью его шагов, а мои зарождающиеся экстрасенсорные способности цепляются за лирическое отступление... Совсем скоро я пойму, почему вспомнился Маяковский с его бессмертными строками. "Дай же последней нежностью выстелить твой уходящий шаг..."

Яркие световые полосы разрывают тьму, бегут по потолку, вместе с шумом поднимающегося ролета ворот и урчанием мотора. Кусаю губы, но все это бесполезно, слезы не остановить! Черт с тобой! Выметайся! Доминант хренов, даже я читала в сети, что нельзя оставлять сабмиссива связанным без присмотра! Таким, как ты, правила не писаны! Добровольность уже послали в топку, Разумность с Безопасностью

— туда же! Горло сдавливает тисками, пытаюсь сглотнуть набежавшую слюну, но ничего не выходит! Твою ж мать!!! Натягиваю цепи, не замечая долгожданной боли в раненных запястьях, ухватываю бутылку... Сердце оглушает своим неистовым стуком, я из последних сил скручиваю зубами крышечку... Глоток... Ничего! Второй... Когда мне удастся расслабить горло и проглотить воду, тело колотит спазмами отходняка. Я не знаю, что это было! Он хоть понимает, что я могла умереть? Захлебнуться водой, что вероятнее всего?

Лучше бы так! Может, только после этого до него дойдет... Но мне уже будет все равно, мертвые не злорадствуют...

Когда паническая дрожь утихает, я пытаюсь заснуть. Тщетно. Отголоски паники и некстати проснувшегося сексуального возбуждения вновь завладевают телом. Настойчивая пульсация между ног отдается в губах, висках, напрягшихся сосках, превращая шелк в еще одно орудие пытки. Забываясь в этом наркотическом безумии, пытаюсь сдвинуть ноги — резко, жестко, словно копируя его неповторимый стиль... И в тот же момент правую щиколотку обжигает нешуточная боль — край металлического браслета соскальзывает в выемку голеностопа. Я, кажется, кричу в темноту пустого дома, вместе с непонятным чувством облегчения! Ощущение, будто боль раскроила кожу, и через эту фантомную рану вырвалась прочь часть моей душевной агонии. Кратковременное, желанное облегчение длится около минуты, пока полыхают отголоски затихающей боли. Снова! Так тяжело сделать над собой это усилие, инстинкт самосохранения не убиваем — но у меня получается! Снова, до холодного пота у корней волос, безжалостная атака в глубину почти отказавшего сознания, вырывая новый клоч самоистязания и безысходности. Физическая боль поглощает эти терзания, захватывая в свой капкан, и унося за собой, туда, где больше не достать! Я прекращаю на четвертом повторе — сейчас мое сознание сбросило эту гребаную вторую кожу и прекрасно понимает, что можно повредить себе суставы вместе с сухожилиями. На щеках засыхающая корочка соли, боль и слезы неотделимы друг от друга.

Я смогла обмануть своего тирана! Сна по-прежнему нет, но уже не так страшно бодрствовать наедине с собой — удалось успокоиться, возможно, даже выдержать следующий раунд будет не так уж и трудно... Время давно не подчиняется законам логики. Яркий свет фар по потолку. Так быстро, или... так долго? Вот бы это оказались грабители. Они бы меня освободили. Я не знаю, где здесь сейф, но где подвал с крутым алкоголем, знаю точно! От абсурдности подобного предположения начинается легкий истерический смех. Да, освободили бы тебя. Голую и распятую на кровати...

...Ты вернулся. Ты не включаешь свет, твои крадущиеся шаги все ближе. Ты, правда, не хотел меня разбудить? Действительно ли изначально ты не собирался продолжать свои жестокие игры, а просто хотел убедиться, что со мной все в порядке? Я не знаю, почему мне хочется в это поверить. Скорее всего, я проигрываю в этой затянувшейся войне, и хочу обмануть сама себя. Если сдаться — то лишь тому, кто не выстрелит в спину... Сердце вновь ускоряет свой бег, когда я чувствую на себе твой взгляд. В нем нет ненависти, зачем, ты ведь уверен, что я сплю, можно ловить эту передышку и пытаться понять, что же ты чувствуешь. Я в растерянности. Я впервые

не могу этого понять, почему горло сжимает очередным спазмом, если нет прямой угрозы... Почему хочется заплакать и спрятаться, откуда чувство потери с отголоском никому не нужной... нежности? Я снова начала сходить с ума!

— Я не сплю.

Давай, дура. Устрой себе нескучную ночь. Ты думала, тебя похвалят за искренность? Надежда, она умирает последней. Комнату заливают призрачный серо-голубой свет, и мне инстинктивно хочется сжаться, только цепи не позволяют. Долгий взгляд, сменившаяся тональность — ну кто тянул меня за язык? Он садится рядом, проводит пальцами по моей щеке, смахивая микрочастицы соли... Что-то здесь не так. Это «что-то» нарушает привычную гармонию... точно! Запах духов. Женских. Смутно знакомых, скорее всего, очередной Фаберлик с Орифлеймом. Я бы никогда такие не купила. Твою ж мать! Судорога обиды, ревности, злости, ярости, несправедливости, зависти, облегчения и чего-то там еще бьет в шейные позвонки с безжалостным захлестом. Так, значит? Меня нужно было растянуть на цепи, чтобы не дай бог не кончила, а самому показалось мало молотить вручную? Эту суку ты тоже стегал ремнем, или ей, несчастной, досталась классическая ласка, потому что ты ее не любишь? Чего тогда приперся обратно? Ярость лишает разума. Наверное, ничего тупее я придумать не могу.

— Все хорошо? — нейтрально осведомляется Дима. Если свою внезапно вспыхнувшую ревность я могу удержать в узде, обида не хочет сидеть на привязи!

— Да! Все, лучше не придумаешь! — скажи ему правду, поясни, что с тобой случилось, когда ты не могла проглотить воду, вдруг это требует помощи доктора! — Чего ты приперся? Иди развлекайся туда, где был!

В ответ — тишина, а я ощущаю себя полной душой. Опять непонятные манипуляции со спицами, итог — разомкнутые браслеты. А потом он начинает говорить. Даже не глядя на меня, когда я натягиваю одеяло к шее.

— Ты знаешь, чего я хочу. Как прежде, уже не будет. Рамки ужесточаются, и прав у тебя нет, — спокойным голосом, взгляд блуждает по периметру комнаты. — Ты сообразительная девочка. Жесткий лайфстайл, прямо сейчас. От твоего добровольного согласия зависит, буду ли я с тобой жесток.

Страшно? Да. Но вместе с тем, пусто внутри. "Писец"- офигела сука на букву Л, сверкая пятками, только ее и видели. Кто его знает, что там показалось еще совсем недавно в глубине его глаз? Может, именно это, только ты, Юля, как дура, надеялась не пойми на что...

— Может, ты просто спустишь с меня шкуру и покончим с этим? — все внутри стынет льдом неотвратимого ужаса. Мне бы легче было, если бы он кричал и продолжал свои издевательства, потому что эта спокойная решимость продуманной стратегии бьет наповал.

— Кому ты сейчас делаешь одолжение? — вздрагиваю и поспешно отвожу взгляд. — Мне... или себе?

Шелк судорожного прижатого к груди одеяла больше не преграда. Мой собственный голос кажется чужим и далеким.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Юля, брось. Ты все прекрасно понимаешь.

— Нет.

— Завтра ты не выдержишь. Будет еще тяжелее.

Прекрати меня пугать! Твою мать, останови этот кошмар! Я готова закричать в голос. Спрячь меня на своей груди от своего же безумия! Не уничтожай нас окончательно! Оставь хотя бы иллюзию... Дай мне этот выбор! Я ничего не произношу, я вообще думала, что слез не осталось. Их осталось! Слезы ужаса и бессилия вообще оказались невыплаканными. Ты их смог бы прекратить одним прикосновением. Почему ты этого не делаешь?! Это не те слезы, на которые у тебя вставал!

Впервые я не вижу выхода. Есть английская поговорка — между двух зол выбирать не нужно. Они равноценны. Добровольное согласие на свое уничтожение... Возможно, в чем-то будет легче. А потом я прикончу сама себя за слабость и покорно сложенные руки. Если не соглашусь, это сделают за меня, и самокопание покажется раем. Никакого выбора. Сплошная убивающая бесконечность.

— Хорошо, Юля, — в его голосе усталость, но я едва ли это осознаю. От ужаса хочется забиться в угол и тихо поскуливать в ожидании неотвратимости. Почему нет этого отчаянного стремления броситься в ноги? Может, потому, что это просто напросто не сработает? Ему нужен был повод, и он нашел его путем провокации? — Я дам тебе последний повод это решить, чтобы тебя не терзала никакая ответственность.

Да! Тащи свой кнут и отработай им в полную силу! Сглатываю собственный ужас, преодолевая сопротивление связок, решительно откидываю прочь одеяло. Вперед, если тебе нужно мое разрешение!

Но его сосредоточенный взгляд сейчас был прикован к моим рукам. К сбившимся шелковым обвязкам, на которых проступили едва заметные капли крови. Подобие облегчения на миг всколыхнуло неподвижный штиль ледяного ужаса. Пожалел меня! Осознал, что натворил! Я зашипела от боли, когда его пальцы несильно сжали обе щиколотки, задев кость.

— Пошевели ступней из стороны в сторону.

Это оказалось малоприятно. Даже в ласковом захвате его ладони. Тупая ноющая боль не приносила облегчения, черт знает, когда теперь пройдет.

— Зачем? — в голосе ни сожаления, ни упрека. Раскаленные пески Сахары под безжалостным солнцем, беспощадный сирокко прямо над гладью застывшего льда. — Думала, вырвешься? Что мне теперь предпринять, чтобы ты не пыталась себе навредить? Примотать к кровати скотчем?

Я точно схожу с ума вместе с нервным смешком, пробившим лед ужаса. Он никак не реагирует на этот симптом приближающегося безумия. Затем встает.

— Давай, семь минут. Сама все помнишь. Тебе лучше выспаться перед завтрашним днем.

Спрыгиваю с постели, хочу воспользоваться спасительной передышкой душевой, чтобы не заметил, как меня колотит от страха. Но стоит мне только поднести руки к холодной струе воды...

— Это я забираю, — гламурная розовая бритва вместе с маникюрным набором

решительно зажата в ладони. — Это тоже тебе больше не понадобится!

Нервы на пределе, и я вскрикиваю, закрыв лицо руками, когда его кулак опускается на хромированную мини-щеколду засова. Раз. Потом снова. Со второй попытки ее вырывает из цепких креплений дерева, и она с пронзительным стуком падает на пол. Меня трясет, и хаотично забиваюсь в угол душевой кабинки. Один его удар может раздробить кости. Сломать позвонки. Как я вообще все время осмеливаюсь что-то противопоставлять этой абсолютной силе?

— Семь минут, Юля, — спокойный тихий голос. Сглатываю, заметив кровь на сбитых костяшках его пальцев. Мне больше не нужно дополнительных приказаний, страх сделал готовой практически на все. Мне хочется верить, что он действительно переживал, что я могу от отчаяния что-то с собой сделать, но внутренний голос неумолим. Он просто отобрал у тебя все. У рабыни не может быть права на приватность. Я еще не знала, что это была только верхушка айсберга...

Я так и не заснула в ту ночь. Просидела, забившись в угол кровати, обхватив колени перетянутыми бинтами запястьями. Он не остался рядом со мной. Даже проявил изощренное подобие милости, увидев едва заметные волдыри на шее, на месте соприкосновения кожи с металлом ошейника. Кожаный не давил так сильно, но положения вещей особо не изменил. Как и руки, оставшиеся свободными. Как эта медицинская помощь с обработкой ссадин, сперва сильно жгло, но ощущался только жар, а не боль. Я, наверное, должна была метаться по комнате, словно зверь в клетке, но вместо этого пыталась запретить себе думать о завтрашнем кошмаре. Интуиция не спала. Я знала, что завтра случится что-то ужасное. Есть ли вероятность, что Вадик доберется сюда уже к... сегодняшнему утру? Самолеты летают до Симферополя, кажется два часа в пути... Если бы только знать, куда и как! Несмотря на Димкины слова, я верила в образ Вадима — спасителя на белом коне до последнего. Оставалось надеяться, что он придет не сам, что будут свидетели, после показания которых, е. нутому садисту уже не отвертеться! За окном повисли пугающие серые сумерки, предвестники нового дня. Я бы отдала все, чтобы он никогда не наступал! Судьба, наверное, пыталась дать мне эту возможность. Когда повернулся ключ в замке, я на миг поверила, что меня пришли спасать, не мог же Дима начать операцию по моему уничтожению в такую рань!

— Почему не спишь? — как он это понял? Я не била посуду и не рыдала в голос, я сидела тише воды, ниже травы! Опустила глаза, инстинктивно закрываясь руками и отползая в угол, ужас грозил смести все защитные барьеры. Это была последняя шаткая возможность все изменить, но я ее не осознавала. Если бы заговорила с ним, все бы изменилось. Именно сейчас, потом уже будет поздно. Я молчала. Позволила впихнуть себе в рот таблетку успокоительного и покорно запила водой. Уже засыпая, ощутила, как он снова поднял меня на руки. После неизвестного препарата сон сморил быстро, проснувшись, я его не вспомню. А вскоре забуду о том, что, то ли во сне, то ли наяву прозвучало надрывное "прости". Но, скорее всего, это была галлюцинация. Его голос практически всегда был лишен эмоций...

Я открыла глаза в абсолютно чужой комнате. Темные графические обои. Светлая мебель. Зеркальные вставки в виде широких полотен по периметру, на контрасте с

черными стенами выглядели действительно круто, но вместе с тем я ощутила нарастающую тревогу и дискомфорт. Два зеркальных коридора. Это его комната? Как он не боится здесь спать, особенно после триллера "Зеркала"? Я боялась этих предполагаемых порталов в иное измерение в таком большом количестве. В темноте можно сойти с ума! Ближайшее ко мне зеркальное полотно отразило сжавшуюся девчонку с огромными зелеными глазами, в которых плескался просыпающийся ужас. Сглотнув, я провела ладонью по выступающим ключицам, и сердце сжалось от жалости к себе. Всего лишь на мгновение. Невыносимо было видеть отражение собственного ужаса, я просто закрыла глаза. Если бы заснуть и не проснуться! Никогда больше, ни при каких условиях! За шаг до падения, просто зажмурил глаза.

"Я прощаю тебя..."

Что знал о кошмаре тот, кто расписал его в эпитеты абсолютного мрака, потери самого себя, разрывающей боли и кровотокащих ссадин?

Что вы могли рисовать в своем воображении — сцены насилия, безумие зверя с обилием остро-режущих предметов?.. Разрывающий барабанные перепонки вопль? Нет. Источнику кошмара не обязательно даже кричать. Ему достаточно просто попросить. Спокойным голосом. Сухой констатацией факта. Мой кошмар не был хаосом тьмы. Против меня беспощадно выкрутили даже дневной свет.

— Открой глаза!

По каналам сгорающих дотла нервных окончаний, по микрокапиллярам, воспаленной сосудистой сетки, преломляясь тысячей лучей жестокой машины смерти через мнимо уязвимый кристаллик, откуда напрямую — в почти сдавший свои позиции центр эмоциональной обороны, выжигая на стенах обнаруженного бункера, оплота последней гордости, этот беспощадный образ... Нет! Этого не может быть! Мне просто показалось!

Даже Тьма не может защитить меня от этого безумия черным взмахом своих крыльев. Как бы сильно я не жмурила глаза, до боли в висках, до надрывных спазмов голосовых связок, до панических рыданий своей окровавленной агонизирующей сущности — этого не вытравить уже никаким токсином. Я не чувствую боли в истерзанных запястьях, соединенных укороченной цепью за спиной, мягкие кожаные манжеты не спасают от судорог сопротивления приговоренного к смерти сознания. Хватка в волосах усиливается.

— Открой глаза... Ты не сможешь прятаться вечно!

Могу! Я в домике, и тебе там не место! Даже если ты бьешь по нему снаружи стенобитной артиллерией, даже если меня придавит этими обломками... Я могу! Я буду! Мое сознание — храм, тебе туда не добраться! Горькие слезы приподнимают сомкнутые веки, мое спасение — обманчиво теплый керамогранит пола этой комнаты.... Нет!!! Эта глянцевая поверхность... Отбивающая свет... я просто не могу дышать!

— Юля, это не закончится. Мне тоже больно, как и тебе! Ты примешь это, у тебя нет выбора!

Разверзается под ногами земля. Неотвратимо, стремительно, языки пламени уже нашли свою цель, и они проглотят тебя, если ты откроешь глаза! Шепот бездны.

Агония умирающей вселенной на пороге большого взрыва. Падай в эту бездну, завтра не наступит никогда.

— Сделай это, и все закончится! Что такое? Это же не страшно. Ты смотрелась в него каждый день. Ты проводила наедине с ним часы. Что изменилось?

Ласковый шепот взрезает черепную коробку острозаточенным скальпелем. Я хочу нырнуть в этот огненный хаос, отдать себя тьме, но хватка твоей теплой ладони в волосах не позволяет, держит меня в этом кошмаре, фиксируя усилием своей железобетонной воли. Это сложно? Просто открыть глаза. Просто повторить трюк с расфокусировкой взгляда...

— Мне надоело тебя уговаривать! Ты у меня всю оставшуюся жизнь не вылезешь из цепей, если не откроешь глаза!

Крик глохнет на моих губах, сметает робкий проблеск найденного решения, картины предстоящего сотрясают стены обороны, по ним уже побежали разрушающие трещины. Сознание не понимает, где добро и зло, в хаотичном стремлении избежать рабского существования рывком разжимает зажмуренные веки. Нет, мир не заволакивает тьма. Мое безоговорочное падение будет освещено ласковым светом солнца, как молчаливое напоминание о том, что не все монстры выходят на тропу войны по ночам. Я теряю себя, растворяясь в этом изощренном кошмаре. Не могу кричать. Не могу дышать.

Его пальцы теплые, как свет равнодушного солнца, которое, словно в издевку, светит всем одинаково. Они не сжимают мои скулы, они ласково прикасаются, всего лишь задавая нужное направление, отдаются пульсацией в напряженных капиллярах за шаг до безумия...

Иная реальность с протянутыми щупальцами серой, ранее казавшейся безобидной амальгамы. Она захватила мой распахнутый взгляд, высветив жестокую картину разрушения личности до мельчайших подробностей, которые не скрыть, почему эта маска абсолютного ужаса не расколола на острые шпильки беспощадные зеркала?! Ударная волна. Сбой системы. Защитный экран сливает краски в один сплошной комок боли и отчаяния. Пальцы сжимаются на скулах, вдавливая кожу, намертво заковывая в таком положении.

— Посмотри на себя! Посмотри, кто ты есть! — абсолют покоя в твоём голосе нарушен. Нас обоих убивает этот световой хаос, разрывая крепкие нейронные связи дрожащим отчаянием твоих слов. В последней попытке спастись — или же приблизить свое безболезненное угасание! — ловлю отражение твоих абсолютно почерневших глаз. Удержи... Не дай упасть...

Взрыв. Острые осколки расколотого зеркала висят, словно в замедленной съемке... Секунда. Вторая... Перед тем, как острые иглы ненависти, боли, безумия и неотвратимости пробивают защитную ауру, впиваясь в мозг, ставший одним обнаженным нервом... Это не наказание. Это казнь. Мой крик пробивает закоротившие связки, разрывая тишину сотрясая тело в предсмертных судорогах умирающей сущности... Тонкие карабины не выдерживают этой агонии, размыкаются от ультразвуковых волн моей боли, получившие свободу руки впиваются кончиками пальцев в безжизненный гранит пола, с незамеченными

ником и ничем вспышками боли в вывернутых ногтевых пластинах.

— Почему?! За что?! — я уничтожена. Это больно. Рушится мир. Взлетают вырвавшиеся из клетки самые тяжелые воспоминания, одно за другим...

"Я хочу тебя сломать!"

Дымятся руины гордости. Выжженная земля. В расширенных зрачках суицид моей вселенной. Ты добрался туда, куда не могла и не хотела даже я. Там, где ступают твои шаги, цветущие поля превращаются в безжизненную пустыню. Напалм твоей мести выжег даже ужас. Моя боль прорывается бесконтрольными рыданиями, она обнажена, истерзана, уничтожена, и самое страшное — она не смогла второй раз уйти в долину апатии. Она осталась жить вместе со мной и все чувствовать до последней капли крови...

Нет, от этой боли не раскололись бездушные пустые зеркала. Они отражают иную реальность, я не знаю тех, кто отражается в них сейчас. Мне все равно! Я стала тем, что ты хотел видеть. Ты хотел меня сломанной. Забирай, просто помни про контрольный, это благородно...

Боль внутри меня. Я должна вскрыть этот источник агонии, чтобы, наконец, умереть.

За чертой твоего безумия.

У пьедестала имени твоей мести.

У жертвенного алтаря во славу моего падения.

Можно догадываться. Обманывать себя, думая, что ты что-то значишь и решаешь. Легко. Потому что ты не видишь и не знаешь себя в этот момент, когда ты нарисовала комфортный для себя образ борца за свой рай. Ты могла догадываться, что он немного отличен от реального... Как же ты ошибалась!

Зеркала не врут. Ты была сломана и побеждена изначально. Тебя даже не мучали. Тебя просто заставили на это смотреть...

На свою агонию и на безжалостный приговор в глазах того, кто всегда удерживал тебя у грани растерзанных снов. Он тоже человек, и однажды он отпустил тебя в этот полет, потому что устал. Так же, как ты...

Умирать больше нечему. Гаснут костры на развалинах гордости и достоинства. Рыдает не душа, она не может, ее уничтожили. Эти слезы не твои. Тело не может справиться с болью внутреннего ожога. Изломанные ногтевые пластины впиваются в кожу предплечий, чертят маршрут избавления от боли вниз, по рукам... Обрывки безостановочной молитвы в отчаянные умирающие небеса в дуэте безмолвного вопля и срывающего голосовые связки крика...

Они теплые. Они живые. Ты выжил в этом хаосе, я только не понимаю, зачем. Наверное, за этим. Согреть лишенную души оболочку той, которую тебе было так больно любить с ее стальной волей, не прогнувшейся под твоей диктатурой. Той, что не приняла твоего мира и сердца напополам. Ей ведь никогда нельзя было давать права выбора, ты сам так часто говорил об этом...

Теплые ладони накрывают мои руки, ненавязчиво останавливая самоэксзекуцию. Проходит достаточно много времени, но стрелки моих часов перестали биться, и я этого не понимаю. Тело стынет под холодом керамогранита, холод проникает в

лишенную воли телесную оболочку, разливается по крови, пролетает по опустевшим залам того храма, где совсем еще недавно восседала моя уничтоженная ныне сущность...

Ты что-то говоришь. Этот оттенок тепла мог бы пробить стены храма, но пробивать нечего больше. Там пусто и безжизненно. Так будет до самого вечера.

До робкого проблеска сознания. С последними лучами заходящего солнца. Я не понимаю, почему ты рядом, если ты так мало говоришь и ничего не делаешь. Я не понимаю, почему ты можешь спать, что это за безграничное доверие? Уничтоженные куклы не сопротивляются и не могут убить. Я не могла даже в сознании.

Ты оставил что-то в живых. На поводке. В цепях своей абсолютной тьмы. Ровно столько, чтобы я осознавала — сломать не сложно. Осознавала и помнила об этом всю свою оставшуюся жизнь... Достаточно одного взгляда на эти беспощадные зеркала, чтобы меня скрутил очередной приступ затяжных рыданий с болезненно вдавившимися в сетчатку ребрами ладоней. Я не могу успокоиться даже тогда, когда понимаю, что снова в своей комнате. На своей постели. От твоих успокаивающих слов еще больнее. Нечему уже болеть! Почему ты не уничтожил меня полностью?!

Твой уход — милость или очередной удар? Как бы то ни было, мне не стало легче ни с тобой, ни без тебя.

Ночью я трижды просыпалась в холодном поту и осипшими от крика голосовыми связками. Мысль о том, что ты однажды повторишь этот кошмар, не отпускала меня ни на миг. Я прорыдала всю ночь, сжимая в зубах край подушки, разрывая зубами ненавистный шелк, который теперь всегда будет ассоциироваться с тобой и той болью, что ты мне причинил. Ты слышал? Ты чувствовал эту затянувшуюся агонию? Почему ты не пришел и не заставил меня заткнуться при помощи своего кнута и прочих устрашающих приспособлений?!

Этой ночью физическая боль стала моей самоцелью, недостижимой высотой, клочком суши в мировом океане, за который мне надо было держаться обеими руками, чтобы не сойти с ума окончательно. Моя психика трещала по швам, и ради ее шаткого равновесия я была готова выполнить все, что он попросит.

...Мое утро началось с робкой надежды, что ты меня спасешь. Все равно, каким образом. Я открыла глаза от легкого прикосновения руки к своему плечу, на котором проступили три четкие ссадины от ногтей. Не осознавая новообретенного рефлекса — ссутулившихся плечей в попытке прикрыть раненое сердце.

— Как ты себя чувствуешь? — я слышу обеспокоенность в голосе. — Посмотри на меня.

Я не могу. Потому что в твоих глазах, помимо уничтожившей меня ненависти, будет еще и отражение. Ты понимаешь это, Дима? Ты понимаешь весь масштаб учиненной твоими руками катастрофы? Ты не можешь не чувствовать. Решительная хватка пальцев на моем подбородке разжимается, уступая место сухому поглаживанию.

— Снова плачешь?

Еще нет. Еще нет, но я к этому почти готова. Что тому виной? Мой взорванный мир или вычисленные холодной логикой нотки надрыва в твоём голосе?

Нерешительно качаю головой. Долгий взгляд, но я не шевелюсь. Я никогда больше не смогу видеть твои глаза.

— Перевернись на живот, чтобы я смог взять тебя.

Не режет больше подобный цинизм стальными сюррикэнами. Я перешагнула большинство, казавшихся нерушимыми, пределов сверхзвуковым скачком. Мне не трудно. Только секс, ничего больше! После этого меня смогут оставить в покое, я хочу в это верить!

Выжженное поле вместо души. Застывшие руины всего того, чем я жила прежде. Эмоции спят, не спит лишь одна из них — страдание. Но тело, послушный инструмент в его руках, еще помнит недавнюю агонию, и быстро взрывается сокращениями определенного значения. Это что-то новое. Оргазм словно уходит внутрь, и его волнообразные спазмы вызывают подобие боли. Сухая разрядка мышц, пребывающих в латентном напряжении. Сильное сжатие, мне хочется верить, что ему так же больно, как и мне!

— Ты усвоила уроки, моя девочка? Мне больше не придется этого делать?

— Не придется.

Это легко. Жесткий лайфстайл в его исполнении мало чем отличается от обычных потерянных дней с тех самых пор, как я с ним... Он меня не останавливает, когда я просто отвожу в сторону, обнявшую меня руку и пытаюсь закрыть дверь ванной комнаты. Закрыть? У меня больше нет никакого права закрываться. Ни от него, ни в себе... Сейчас мне становится понятным многое. Даже то, зачем он отобрал все режущие предметы. Потому что я хаотично их ищу! Не нахожу... Мне надо! Мне нужна эта боль! Если он не в состоянии ее дать... я найду ее сама!

Ничего! Я обессилена опускаюсь на плитку пола. От отчаяния хочется снова рыдать. Почему так?! Как он мог знать?!

Проходит достаточно времени, прежде чем я понимаю — нет мне спасения от внутреннего разлома. Только просить. Умолять, если понадобится. Рушить последние блокпосты ослабленной воли, пусть заберет их окончательно, потому что меня не спасти, прежде всего, от себя самой...

Блеск грани острого стекла. Под ножкой тумбочки с принадлежностями для купания. Это снова игры воспаленного разума? Замираю от возможной удачи и протягиваю руку...

...Первый день моего безоговорочного падения, но я тогда еще об этом не подозревала. Акция протеста была без правил, с сорванным ошейником, разбитыми флаконами с парфюмерией и стеклянными стаканчиками для щеток. Этот осколок просто притаился, никем не замеченный, в ожидании своего часа!

Никаких колебаний. Иначе быть не может, душа омертвела, чтобы просчитывать эти последствия и рефлексировать над каждым действием. Сжимаю его в руках, не замечая, как острые грани скола режут ладонь. Я никогда не видела, как вскрывают вены. Откуда-то знаю, что не так, как показывают в кино, значит, не будет такой сильной кровопотери... А если даже и будет... Я не хочу ничего решать. Он сделал выбор за меня, только в его власти отныне принятие решения. Спасти или позволить истечь кровью...

Поперек! Прямо по воспаленной коже стертого запястья! Тело сотрясает судорогой какого-то опасного, неправильного возбуждения. Я почти получила свой антидот от душевной агонии! Почти!

— Что ты, мать твою, творишь?! — я кричу от острого отчаяния, когда осколок вылетает из дрожащих пальцев, когда сильные руки, отпустив пару оглушающих пощечин, впиваются в плечи, сотрясая расслабленное тело. — Ты совсем е. нулась?! Что ты хотела с собой сделать?!

Погасшая вселенная делает очередной виток, чтобы ослепить светом безжалостных сверхновых. Я срываюсь именно в этот момент. Просто падаю к его ногам, сжав пальцы вокруг щиколоток, вцепившись в отчаянном безумном порыве, и реально понимаю, что я еще жива... пока у меня есть эта возможность. Пока руки заливают кровь из неглубоких, как потом окажется, порезов. Рыдания глушат мои отчаянные слова, но мне остается лишь надеяться, что он не оборвал нашу тесную ментальную связь. Я хочу сразу и до разламывающей боли. До шрамов от плетки, которые никогда не заживут. До тех пор, пока боль не вытравит подступающее безумие. вряд ли он в своем е. нутом сознании хоть раз прорисовал картину того, о чем сейчас умоляла я, захлебываясь слезами, ломая оставшиеся ногти о грубую ткань его брюк.

До тех пор, пока так напугавший меня прошлой ночью спазм гортани не прервал этот бессвязный поток слов. Уже проваливаясь в вязкую темноту, ничего не соображая от паники и жадно глотая воздух, я ощутила странный холодок на скулах, легкое онемение... И еще ужас. Но больше не мой собственный. Все остальное перестало играть какую-либо роль...

Дима

Долгие телефонные гудки разрывают пространство и время, я стараюсь не замечать, насколько острыми иглами впиваются они в обнаженные нервы, да и ни к чему, пока в крови антидот абсолютной победы. Я не могу отпустить ситуацию в одном крошечном шаге от цели.

Юля, проснись. Мне нужно твое сознание. Просто понять, что все это было не зря. Я не имею права потерять тебя. Знаю, что это всегда больно, прости. Никакие из прежних методов не сработали с тобой.

Я всегда шел тебе навстречу практически во всем. Мне жаль, что пришлось сделать тебя своей именно таким образом. Может, однажды ты это поймешь, вместе с тем, что ничто в этом мире не смогло заставить меня отказаться от того, что я так сильно люблю. От тебя, моя девочка.

Гудки прекращаются очень резко на втором повторе, я даже не соображаю, что не прозвучало предупреждение о роуминге. Мне все равно. Если я не смогу тебя спасти, моя жизнь будет лишена смысла. Я смогу. Поверь, ты снова будешь улыбаться, и радоваться жизни. Уже совсем скоро.

— Дмитрий? Рад слышать. Долго не мог до тебя дозвониться.

Алекс, оставь свой долбаный приветственный церемониал! Ты последний, кому бы я стал звонить, если бы моей девочке не угрожала опасность!

— Привет. Мне нужна твоя помощь.

— Конечно, слушаю тебя. Я в Харькове. Что произошло?

Спокойный голос. Ни тревоги, ни паники, ни холодного сквозь зубы "Что ты опять натворил?" Он снимает неровное сердцебиение своей обволакивающей уверенностью, запуская ключ к программе под названием "откровенность", и, наверное, в глубине души я сейчас благодарен ему за такое бесценное умение.

— У меня проблема с собой. Она уже почти сутки плачет.

А еще она пыталась свести счеты с жизнью, и просто счастье, что порезы оказались поверхностными. А потом умоляла избить себя до полусмерти, и мне никогда не было так страшно, как в тот момент, когда ее хрупкие ладони с ошеломляющей силой вцепились в мои щиколотки, заливая белые туфли кровью из разрезов на запястье. И этот ужас сломал бы меня окончательно, если бы не критическая ситуация с нервной асфиксией...

Я всегда умел держать себя в руках в критических ситуациях. Не метаться по комнате, в панике соображая, в какой МЧС звонить, а сразу уложить ее на пол для непрямого массажа сердца вместе с искусственным дыханием. Я никогда не обманывал никого из нас, когда говорил, что со мной она в абсолютной безопасности!

Моему собеседнику не нужно много времени, чтобы вникнуть в ситуацию. Никакой заминки, не проходит и секунды.

— После сессии? Определенного воздействия?

— Да, Алекс, именно так.

— Это не связано с проблемами личного характера? Есть вероятность того, что у нее что-то случилось, но она не потрудилась тебе рассказать?

— Ничего такого, насколько мне известно. Мы все время были рядом. Если бы тому виной были внешние проблемы, я бы об этом знал.

— Она не произнесла стоп-слова? Не пыталась тебя остановить?

Нет, не произнесла. Потому что его у нее просто-напросто нет, моими усилиями. Я не ожидал такого вопроса, и просто не знаю, что на это ответить!

— Эмм... Нет. Не было такой возможности...

Почему я не продумал возможный ответ заранее? Мне сейчас не хватало только почувствовать себя школьником, завалившим предмет! Нет никакой руки на пульсе. Никогда не было. Мы окончательно сожгли себя в затянувшихся днях и ночах этого жаркого лета.

— Что значит, не было?

Если бы не тревога и вырывающееся из-под контроля отчаяние, я бы понял, что все его вопросы от и до, абсолютно риторические. Ему хватило едва уловимой дрожи в моем голосе, чтобы понять практически все. Я сам обратился за помощью, теперь съезжать и умалчивать подробности не имело смысла...

— У нее нет на это права.

Черта с два я буду оправдываться. У меня своя правда и свои правила. Скажи мне еще, что у твоих не бывало нервных срывов даже со стоп-словами! Ты просто не считал нужным мне об этом рассказывать, Наставники не ошибаются!

— Та самая девочка, которая так испугалась в первый раз в клубе... — не вопрос, констатация. — Которую я тебя по-человечески просил не трогать? Можешь не отвечать. После какой практики ей стало плохо?

— Не было никаких физических воздействий. Какая нахрен разница?

— Дмитрий, ты, наверное, не понимаешь в полном объеме, что сейчас происходит. Я задал вопрос. Проблемы с ответом?

— Я вежливо попросил ее посмотреть в зеркало. Ты сам это любишь делать со своими, — ярость слепит глаза от его менторского тона. Умом я понимаю, что Анубис сделает все, чтобы распутать узлы, сплетенные моими руками, но его тон просто выводит из себя. Я жду нотаций и упреков, но ничего не происходит.

— Значит так, Стерхов пока в Ялте... Дай ей успокоительного и выезжай немедленно. Покажешь доктору. Он в Теме, вопросов не возникнет. Я сейчас позвоню ему...

— Никто никуда не поедет. И не будет разговаривать с посторонними.

— Дмитрий, твой эгоизм сейчас неуместен. Наломал дров, имей смелость себе в этом признаться. Это специалист экстра-класса. Или ты хочешь усугубить ее травму?

— Она здесь не по своей воле. Только вот прошу, не надо сейчас рассказывать мне теорию и три основных постулата! Я хочу, чтобы она перестала плакать, я справлюсь с этим сам! Подскажи как, о том, какой я плохой, поговорим как-нибудь в другой раз!

Вряд ли я бы осмелился говорить с ним в подобном тоне, но сейчас глубоко внутри поселился ужас. Ужас потерять то, что я приобрел с таким трудом. Вместе с осознанием ужасающей провальности своих действий.

— У нее нет проблем с сердцем? Опиши ее состояние. Шок?

— Нет. Просто срыв.

— Плачет сутки? Ничего не пыталась с собой сделать?

— Я сумел предотвратить, — сейчас я ему благодарен за то, что он не выговаривает мне по поводу того, что виноват я. — Тревога. Паника. Временами, но она не успокаивается. Обычные антидепрессанты не помогли.

— Значит, пока так. Звони в аптеку сети ***, пусть доставят «реланиум», перечисли им двойной тариф, чтобы отпустили без рецепта. Уколы внутривенно умеешь делать?

— Умею, — прошу тебя, только не спрашивай, в каких условиях я этому научился!

— Очень медленно вводишь. Минута на каждые пять миллиграмм. Внимательно перечитай инструкцию, если в чем-то сомневаешься, расспроси ее. Вспомни сам, были у нее симптомы, попадающие под список противопоказаний. Ты в своем загородном доме?

— Да, — пальцы решительно стучат по клавиатуре, я не готов терять ни минуты на последующий звонок в аптеку, к двойным тарифам и закрытым глазам мне не привыкать. В корзину, степень квадрат, сверхсрочная доставка.

— Забудь совсем о своих играх. Чуть меньше двух суток продержишься, чтобы не нанести ей очередной удар?

— Двух суток? — захопываю ноутбук, стараясь не замечать, как дрожат руки.

— Я приеду к тебе. Оставайтесь там.

— Зачем? Я в состоянии сделать ей укол.

Кратковременная пауза зависает плотной серой тенью перед тем, как разорвать реальность отточенным лезвием беспощадно принятого решения.

— Ты прекрасно понимаешь, зачем. Чтобы спасти ее от тебя. Тебя на сотни километров нельзя подпускать к некоторым людям. Потому что у тебя нет тормозов!

У меня их действительно нет. Ты считал, я проглочу твоё заявление с видом пятиклассника, взорвавшего химлабораторию? Ты решил, что я позволю тебе даже прикоснуться к своей любимой женщине, которую с таким трудом завоевал на исходе вчерашнего утра?! Которую едва вырвал из объятий смерти, с которой каждый день убивал себя в невыносимой агонии без права остановиться, пока не сделаю ее своей окончательно? Кто ты, мать твою, такой? Сильно много о себе возомнил?

— Хорошо устроился, сэнсэй? — я не кричу, холодная ярость еще не пробила круговую оборону самоконтроля. — На все готовое? Ты за кого меня держишь? За личного тренера своих секс-рабынь? Крутой расклад. Забрать полностью укомплектованную сабу и показать, какой ты хороший, потому что не сам доводил до нужной кондиции? Закатай губу, она моя, и хрен ты к ней прикоснешься! Я ее люблю, а это то, чего никогда не сумеешь ты! Ясно?..

Я не помню, что говорю на протяжении долгих минут, пока не сжимает спазмом горло вместе с гребаной аритмией. Анубис не произносит ни слова. Но когда я обрываю свою тираду, он даже не вздыхает. Голос не меняет свою тональность, он спокоен и так же холоден.

— Я ошибся, выбрав тебя.

Лед проникает в капилляры, преодолевая со скоростью света разделяющее расстояние. Ему много не надо, чтобы погасить любую приближающуюся истерику и указать кому угодно на его место. Недостижимый уровень, приоритет альфа-хищника не подразумевает прямой конфронтации до крови и поломанных конечностей. В человеческом мире все решается при помощи слов и договоренностей. Но в нем гораздо больше жестокости, чем в мире животных. Отчаянное осознание прекращает свое хаотичное метание под коркой застывающего льда, но я получил временную возможность управлять этой болью. Вряд ли осознал приобретение этого необходимого умения в тот момент, моя одержимость капитулировала в иную реальность, примеряя совсем другой образ с девизом — спасти любой ценой.

— Мне жаль, — голос больше не дрожит. — Просто помоги мне. Столько плакать, ни одно сердце не выдержит. Я без нее сойду с ума.

— Сейчас сам успокойся, паника не лучший советчик. Ей поспать удалось?

— Нет. Я побоялся давать сильнодействующие препараты, от обычных нет эффекта, — ледяная дрожь по позвоночнику волной карающего напоминания с вырванными обрывками картин, которые не стереть никаким ластиком. Сжатые губы, словно каменеющие под нажимом пальцев, оглушающий хук абсолютного отчаяния раздавленной сущности, пролившаяся вода с растворенной таблеткой "донормила" вместе с рыданиями, взрывающимися так и не возведенные стены абсолютной победы, которая не нужна была никогда, особенно такой ценой. Вжавшиеся в шелковые простыни пальцы, скрученные судорогами отчаяния, напряженные мышцы, не позволяющие остановиться кровотечению из порезов на тонкой коже запястий. И то, что напугало еще больше, — отсутствие даже подсознательной реакции закрыться, отшатнуться, спрятаться в воображаемом укрытии. Черта, вход за которую был мне ранее недоступен и неизвестен.

— Это плохо. Она без успокоительного не уснет. Значит, так. Ни в коем случае, не пытайся снять ее стресс алкоголем. Снотворного без назначения доктора не давай. Сейчас все зависит только от тебя.

Я реально не могу даже предположить, что бы делал, если бы не решился на этот звонок. Я сейчас был готов подписаться под каждым словом Анубиса, пусть только останутся гарантии того, что с моей девочкой все будет в порядке.

— От тебя, и только от тебя. Забудь напрочь о формате ваших взаимоотношений. Просто будь с ней рядом! Вытирай слезы, дай ей как можно больше тепла. Поговори с ней. Да, в конце концов, скажи правду. Как тебе жаль. Что никогда ничего подобного не повторишь. Ты сможешь, если она тебе действительно настолько дорога! Заставь ее в это поверить, с нее достаточно боли. Обязательно сделай ей инъекцию. Такой стресс запускать нельзя.

Не произнесено ничего из того, о чем бы я не догадывался. Чего бы ни порывался сделать за эти сутки, каждый раз останавливаясь за шаг до граничащей с безумием решительности. Я не боялся ее сломать, когда рывком запрокидывал голову, заставляя вглядываться в свое отражение. Это всего лишь побочный эффект безоговорочной победы, я с самого начала дал себе четкую установку — любой ценой.

И только перешагнув эту черту, я боялся разбить ее одним ласковым прикосновением.

Ее воля капитулировала. В тот самый момент, когда она осознала, что я могу лишить ее абсолютно всех прав. Даже права на смерть. Я наконец-то научил ее быть моей, стирая устаревшую программу, и моментально прописывая взамен новую.

Я мог обнять ее, и, захлебываясь в водопаде своих страданий, она бы на подсознательном уровне не посмела меня оттолкнуть. Я бы мог причинить ей боль, и она бы стала самой желанной и ожидаемой. Я мог осыпать ее поцелуями и забрать боль, наверное, именно этим, но мне впервые было страшно к ней прикоснуться. Я жалел ее? Или себя, справедливо опасаясь предсказуемого сценария — что с одним прикосновением пальцев меня накроет убивающей волной чужого истерзанного сознания, опалит этим неумолимым пламенем, заденет рикошетом острых осколков разбитой моими же руками душевной оболочки. Этот страх поселится глубоко внутри на долгие годы, перекрыв собой надежду на взаимное будущее, потому, что нет смысла в существовании подобном этому — когда впереди одна пустота, непробиваемая стена, которую не разрушить. Это не воля.

— Алекс, спасибо тебе за помощь. Ты же знаешь, мне некому больше звонить. — Ну, может, только госпоже Еве Браун, по совместительству — своей матери. С ее латентным poker face и сеер calm, которым я бы окончательно довел свою девочку до безумия.

— Не благодари. Я помогаю ей, а не тебе.

— Спасибо, но дай мне в этот раз справиться самому. Я никогда больше не причиню ей боли, можешь мне верить.

— Это не обсуждается, Дмитрий! Все, что меня сейчас волнует — не твои эгоистичные обещания, лишённые опоры. Ты зашел слишком далеко. В том, что с ней произошло, твоими усилиями, отчасти моя вина. Потому что я не смог искоренить в тебе тягу к разрушениям.

— Ты не против, если мы обсудим это в другой раз? — только один человек мог так сильно бить словами. Они разбивались о шаткий причал моего с трудом сейчас возведенного самообладания, словно штормовые волны, я, наверное, смог не сорваться и не застегнуться в их значении лишь благодаря тому, что состояние Юли разрывало сердце на кровавый британский флаг.

— Если я сам тебя не убью за твои художества.

Почему я не расслышал двойственности в его последней фразе? Легкого содрогания идеально отточенного голоса, мимолетного бриза скрытой за пуленепробиваемым жилетом выдержки и хладнокровия тревожной тональности? Почему не взрезали слух разрывы привычных шаблонов, непонятого тандема опеки и равнодушия, несвойственные ему заявления. Убью? Ты еще позиционирование мне переверни с ног на голову.

Да потому, что меня больше всего сейчас волновало состояние Юльки. Начнись за окном гребаный зомби-апокалипсис, я бы махнул на него рукой, если бы вообще заметил. Если бы я так не переживал за нее, я бы закончил разговор совсем иначе — никакого приезда и тупых угроз. Но ради ее безопасности я был готов, наверное, ко всему. Даже к тому, что ее у меня могут отнять на какое-то время.

Трель музыкального звонка застала врасплох. Расписавшись в бланке доставки лекарств, я запретил себе думать о второстепенных вещах. Приоритеты ни на миг не изменились.

Я надеялся, что она уснула. Разговор затянулся как минимум минут на двадцать. Но еще на лестнице я слышал ее сдавленные рыдания. Никаких сомнений в том, что они не прекращались, ведь она не могла расслышать моих шагов. Она вообще не могла больше играть ни в какие игры...

Расстояние в пару шагов. Каждый шаг может стать последним во власти абсолютной тьмы. В знакомом замкнутом периметре с утвержденными ролями, прочувствованными до каждой клетки. Все не по правилам в реальности разломанных сознаний. Нет триумфа победителя даже при абсолютном надломе проигравших сторон.

Время играет против, усугублять ее боль дальше некуда, потеряно слишком много времени, но я просто замираю в метре от ее постели. Холодный серый свет не давит на глаза и сознание, барьер глубоко внутри, непонятная этиология, словно сама сущность, пытается защитить ее от меня же самого.

Я не хотел ничего этого. Я никогда, наверное, не хотел, чтобы ты стала центром моего космоса, уникальным пульсаром моей вселенной, которая с твоим появлением сбросила диктат установленных правил. Я не умею любить тебя иначе. Мне всегда будет недостаточно того, чем готовы довольствоваться остальные, прикрывая свою несостоятельность розовым раскрасом любви. Она никогда не была благодатью или даром небес. Любовь — это агрессия неистребимого обладания, эгоистическая печать абсолютного владения над обескровленной сущностью другого, какой бы паритет не придумывали романтики и прочие эмоциональные неудачники. Любовь — это страдание. Но не сопли на кулак изнеженных поэтов от неразделенного чувства. Этот атавизм изобрела сама природа, чтобы сразу четко разграничить пределы естественного отбора. Мои чувства оказались настоящими, прости, но никогда подобный огонь не сможет гореть в замкнутом периметре без тебя. Он будет обжигать, оставляя на твоём срезе сознания ожоги разной степени, но если мы вместе, я буду исцелять тебя день за днем, воскрешать твои обожженные нервы. Я знаю, это больно. Жизнь- боль. Любовь — просто самый неоднозначный энергоисточник жизненного пути. Я говорил, мне жаль, что моим источником сил оказалась именно ты. Или не жаль вовсе, потому что это не мог быть никто другой...

Что-то изменилось бесповоротно, но больше не пугает своей неотвратимостью. Это такая, беззлобная ирония судьбы, которая решила показать на примере, как в идеале эта история должна была начаться, упрощенная фабула без слез и развал-схождения на атомы адского противостояния. Но весь смысл в том, что с исходными данными подобного уравнения невозможно было достичь подобного результата, не разламывая эту реальность посредством выкрученных в обоюдной агонии интегралов сознания, не ломая каноны исторически принятых теорем. Девочка моя, если бы оставалась хоть шаткая, хрупкая возможность избавить тебя от всего этого, я бы ухватился за нее обеими руками. Мне не нужно было обманывать себя, не моя черная сущность требовала удовлетворения ненормальных желаний, это был скрытый в генетическом

наследии зашифрованный код, который я считал недоступными резервами подсознания. Детализированная программа, беспринципный skynet, прошитый в каждом без исключения с самого рождения. У некоторых он может просуществовать в анабиозе всю жизнь ввиду отсутствия или игнорирования кнопки запуска, у кого-то сам откажется запускать свои стратегические задания в виду недостаточно соразмерного интеллекта или психотипа.

Он не ошибается и никогда не активируется в неуместный момент, он мог бы остаться спящим до скончания дней, если бы не совпало равенство всех факторов в центральной точке пересечения противоестественных граней.

Нет попытки отшатнуться, и закрыть лицо руками. Нет ужаса и отчаяния в заплаканных глазах, с которыми ты всегда будешь самой красивой девочкой в мире. Ты не понимаешь еще? Нет больше агонии сознания. Это твой свет в конце туннеля, к которому ты так боялась идти. Ты не могла знать, что он тебя не сожжет. Он всего лишь испепелит твою боль, взбунтовавшиеся кластеры твоего внутреннего разрыва, те самые, что мешали тебе видеть на сотни, тысячи шагов вперед. Это будет больно, но эта боль гарант иного возрождения, без которого мы не в состоянии написать новую историю.

Подсознание редко действует напрямую, возможно, ему просто не хочется тратить силы на изначально провальную конфронтацию. Оно целенаправленно жонглирует сопутствующими обстоятельствами, формируя матрицу решающего рывка, выдавая свой зашифрованный посыл за битву желаний и потребностей, переименовывая десятичный код в разные заголовки — "мечь", "боль", "обида" "ярость", с одной единственной целью, убережь собственные резервы и подвести, наконец, к идеальному решению за чертой. Оно не боится боли и не считает нужным лишать тебя этого условного рефлекса, потому что точно знает, что новая действительность стоит любых пыток и не фатальных саморазрушений.

Ты прежняя забила бы в истерике при виде этих манипуляций. Щелчок пальцев по стеклу ампулы с препаратом, наполнение шприца прозрачной жидкостью, безжалостное истребление воздушных микропузырьков. Ты бы не посмела, даже скорее, просто не захотела бы мне возразить, окажись там наркотическая хрень. Несмотря на твое спокойствие, мне хочется тебя успокоить еще сильнее, чтобы ты поняла при первом звуке моего голоса, что кошмар остался за тем барьером, который никогда больше не преодолет.

— Все хорошо. Это просто успокоит, чтобы ты не плакала.

Реальность стала абсолютно иной. Не терзают острыми осколками отголоски паники и напряжения.

— Просто не шевели рукой... Помоги мне.

Нет судорожно зажмуренных глаз и надрывного всхлипа, нет ничего из того, к чему я так привык за последнее время. Нет даже страха перед инъекцией, она следит за моими действиями с любопытством и каким-то недоумением. Рука действует уверенно. Она вообще разучилась дрожать и сомневаться, пока мы вместе и так тесно зависимы друг от друга.

— Вот и все, — зажимаю крошечную ранку на месте прокола. — Сейчас все

прекратится. Попробуешь уснуть.

— Хорошо.

У нее даже голос не дрожит. Это спокойствие не похоже на все то, что я наблюдал раньше — плотно пригнанные крепления маски, скрывающей тревогу, или состояние той безответной апатии, которая едва не стоила мне безумия.

— Ты уйдешь? — пальцы свободной ладони смахивают беспрестанно льющиеся слезы.

Я бы мог уйти, но впервые я не придумываю себе настойчивого призыва интуиции, чтобы понять, что это не то, чего ты хочешь.

— Нет. Я побуду с тобой.

Ее взгляд мечется по равнодушным стенам, по потолку, куда угодно, только не в мои глаза. Еще рано расстраиваться по этому поводу. Я и сам не до конца понимаю, каким именно образом тронулся лед после обоюдного апокалипсиса, по каким каналам проник в ее сознание код умиротворяющей программы.

— Только не смотри на меня.

— Как скажешь.

— У меня глаза красные... Потом... когда пройдут.

Мне нужно то-то сказать. То, что закрепит окончательно фундамент этого нового мира. Удержит от попытки вернуться в сжигающее пламя заведомо проигрышного противостояния. Пальцы не дрожали, когда я делал ей инъекцию, они слегка дрожат сейчас, расстегивая пуговицы рубашки, не в силах противостоять еще одному первобытному инстинкту — согреть, укрыть собой, обезопасить и никогда больше не возвращаться за прежнюю грань. Цель достигнута, в безжалостной ломке нет больше смысла, разгулявшийся эгоизм непостижимым образом стал одним на двоих и готов к абсолютной перепрошивке под интересы любимого человека.

Скоро это перестанет удивлять... Едва заметное напряжение мышц и покорное расслабление следом. Мне ничтожно мало. Хочу накрыть ее своей стеной защиты взамен той, которой она не так давно лишилась с последним криком, который еще мечется потерянным ультразвуком о неприступные стены оставленной позади реальности. На всю оставшуюся жизнь, без права на ошибку, до тех пор, пока не остынет мое сердце. И с осознанием того, что нет такого холода, который может остановить его биение.

Она покорно и умиротворенно затихает в моих руках. Я просто накрываю ее собой, сегодня не нужно запечатывать многочисленные замки, чтобы она не сбежала — у нее есть выбор. В сущности, Юля никогда этого и не хотела. Предпочитая сражаться и стоять до последнего, разрывая ненужный шибари зашоренного сознания, полагая, что сможет выстоять, но — не убегала. Безжалостный, но во многом исцеляющий вирус skynet захватил нас обоих, прописав идеальную программу скорого взаимопонимания...

Элементы сильного успокоительного или необъяснимая сила теплых объятий... Что успокаивает быстрее и целенаправленнее? Я чувствую каждым сосредоточенным каналом нашего совместного восприятия, когда ее слезы заканчиваются, впервые, наверное, за все время, оставляя после себя не пугающую пустоту, а ощущение

первооткрывателя нового начала.

— Что теперь будет? — в ее сорвавшемся голосе нет тревоги и паники. Нет даже обреченности. Волна необъяснимой нежности бьет по всем оголенным, но почти расслабленным нервам, вливается в мышцы ласковым нахлестом, усиливая захват вместе с накрывшим желанием стать с ней одним целым и уберечь от любой боли... И впервые "кроме той, что причину сам" не вписывается в логическую цепочку, этого больше не будет никогда!

— Теперь все закончилось, моя девочка. Теперь все у нас будет хорошо.

— А почему это было так страшно?

Не сразу понимаю, что ее вопрос касается зеркальных отражений. Догадываюсь по ускорившемуся сердцебиению.

— Всегда страшно смотреть в глаза своему страху. Вдвойне страшнее покидать зону комфорта. Но это нужно было, понимаешь? Чтобы никогда больше не бояться.

— Больше не страшно.

— Я знаю, любимая.

— Я просто не понимаю, что дальше... Чем теперь все закончится, — пальцы родным, привычным, не просчитанным жестом переплетаются с моими, ненавязчиво накрытыми ее ладони, толкают вспышку острого разряда чего-то наконец-то приобретенного, того, к чему так долго шли, сбивая в кровь ступни, по всему телу, теплом мягкой кожи робкого, но впервые искреннего шага навстречу. Абстракция перевернутой реальности, когда начинаешь осознавать, что без боли и вырванных сердечных струн этого адского периода подобного бы никогда не случилось. В это верится с трудом, это было бы куда логичнее списать на шоковый синдром, но цепкое единение двух ментальных сущностей просто кричит о том, что нет никакой ошибки, впервые самый ясный и четкий фотооттиск существующего взаимопонимания.

— Мы обязательно об этом поговорим. Но не сегодня. Ты очень устала, и тебе нужно поспать. Ничего плохого больше не будет. Ты все еще хочешь быть со мной?

— Это неотвратимо. Мне остается только этого хотеть.

— Не совсем тот ответ, который бы я больше всего на свете хотел услышать... — обнимаю крепче, чтобы трактовка предложения не привела к недавним ассоциациям. — Постарайся уснуть. Мы поговорим об этом завтра.

— Ты можешь сделать то, о чем я тебя просила?

Прошлый этап отсечен непробиваемой стеной, но воспоминания еще не остыли. Режут ласковую гармонию натянутой леской с кадрами уничтоженной навсегда киноленты. Красные капли крови на белой коже Pal Zileri. Ледяные тиски отчаянного сжатия горячих пальцев. Надрывный всхлип с надорванным воплем абсолютного отчаяния. Волны судорог по обнаженной коже вместе со сдавленными рыданиями... Картина, которую я так часто рисовал в своем воображении, и которую желал бы не видеть никогда! Не резать через барабанные перепонки сознание обреченностью отчаянной фразы "растерзай меня ради своего удовольствия!", в то же время, понимая, что этот предел необходимо было преодолеть ради того, чтобы получить абсолютно все...

— Юля, не проси! Это не то, что тебе нужно!

— Я думала, станет легче...

— Не стало бы. Можешь мне поверить! Это могло стать только началом конца!

Сегодня. Именно сейчас и в будущем. Я скорее отсеку собственную руку, чем позволю себе ударить тебя даже безобидным разогревающим флоггером! Мои мысли открыты для тебя. Поверь, это бы тебя окончательно уничтожило, это не вакцина, это обманчивая эвтаназия! Мне до боли хочется изгнать эти мысли из ее головы. Путем ласкового скольжения ладони по ее волосам вместе с легкими поцелуями. В той, прошлой жизни, подобные вещи доходили только через боль. Это не было ошибкой. Это было самым сложным барьером, который удалось преодолеть...

— Прошу тебя, не гладь меня... не надо... Я снова хочу плакать...

— Не буду. Засыпай, моя девочка. Ты не будешь больше плакать, я тебе обещаю.

Впервые достаточно слов. Когда две сущности сплелись в одну, нет места недомолвкам и недоверию. Искренность всегда права. И впервые так легко заснуть, сложив усталые крылья, пока она рядом, зная, что впервые не хочет никуда уйти сама...

К утру начинается дождь. Серая пелена непроходимых облаков затянула небо, ограничив видимость до полуметра в пелене разгулявшейся стихии. Но я впервые ловлю себя на мысли, что рад подобному стечению погодных условий, это дарит странное, смутно знакомое, волнующее ощущение того, что в моих силах закрыть ее даже от агрессии секущего ливня и пробирающего холода. Прижимаюсь сильнее, не обращая внимания на ломоту в затекших суставах, хлесткий удар раскаяния от того, что она просыпается почти мгновенно. И тут же это послевкусие утихшего терзания смывает накатом теплой эйфории.

Не отшатнулась. Не зажмурилась. Не напряглась, как перед побегом, в моих руках. Еще рано до ответных объятий. Еще рано даже до робкого подобия улыбки. Я терпелив. Потому что до этого остался видимый маршрут уверенных шагов...

— Дождь, — пожимая плечами, констатирует Юля. — Классно... — переводит взгляд на перебинтованные руки. — А что делать? Я в душ хочу...

— Завтрак. Ты почти сутки ничего не ела! — Еще рано до глубокого поцелуя припухших губ, до слабого намека на близость, хотя я безошибочно считываю теперь уже общие сигналы осторожного, словно забытого эротического импульса в ее крови. Осторожно, чтобы не сломать хрупкий фундамент, глубоким и прочувствованным с ошеломляющей нежностью по линии ее скул, по все еще красным от слез широко распахнутым глазам...

— Обними мои плечи, — раньше эти слова звучали безапелляционным приказом. Сейчас мне кажется, что они никогда не будут произноситься с повелительной интонацией. — Держись. Потом сниму повязку.

Впервые беспрекословно с едва ощутимой паутинкой доверия, до тех самых пор, пока не опускаю ее на черно-песочный керамогранит ванной комнаты, без всякой лишней мысли на волне просыпающейся эйфории. Чужой крик ужаса вместе с протестом, у меня стойкое ощущение, что за долю секунды до этого он сдавил и мои голосовые связки тоже!

— Не смотри! — ладонь поверх расширившихся глаз, развернуть к своей груди,

закрыв защитным биополем своих рук от блядского зеркала! Не уворачиваться от острия беспощадных катан захлестнувшего отчаяния, только забрать эту моральную пытку себе!

На 180 градусов, чтобы не было неосознанной попытки проникнуть в последний не до конца задраенный портал за прежнюю грань обоюдного сумасшествия, через которое мы перешагнули, практически взявшись за руки! Теплое сдавленное дыхание в напряженную дельту ошетилившихся мышц, неосознанно впившиеся в ребра ногти в отчаянной попытке удержаться за гранью нового начала. Не плачь, забудь, это все за чертой, за которую я никогда больше не позволю тебе соскользнуть. Я удержу тебя в непридуманном мире, каждый твой всхлип, сердечный надрыв, заберу себе, заменив его умиротворенной безмятежностью!

— Твоя спина... боже мой... кто это сделал? — ее взгляд поверх ключицы на отражение моей обнаженной спины в беспощадном зазеркалье.

— Не смотри! — обхватываю ладонью ее затылок, прижимая к груди, сглатываю болезненный спазм всех челюстно-гортанных связок. — Никто. Все хорошо, — достаточно беглого взгляда в сторону. Кошка с вплетением стальной лески испарывает кожу одним касанием. Перекрестные полосы фиолетового цвета, болезненные иероглифы отчаянной попытки истребить душевную боль. Это страшно видеть даже самому.

На руки, закрывая ладонью ее глаза, под теплые струи воды, удерживая травмированную осколком руку прижатием к кафелю. До тех пор, пока потоки не смывают обоюдную панику, не утихает одна на двоих дрожь недопустимого экшена...

— Я никогда не перестану любить тебя, моя девочка. — В доверчиво распахнутых глазах, тает отголосок затихающей боли. Ее губы уязвимо приоткрываются в немом изумлении, какая-то решительность в зеленых омутах зеркал сознания... С почти жалобным всхлипом немого сожаления. — Верь мне. Ты все, чем я живу. Я просто не выживу без тебя. Ты не можешь этого не чувствовать!

— Прости, — взгляд в пол, и грусть в голосе вонзает очередной нож под ребра. — Я просто думала, что смогу сказать тебе то же самое...

— Не надо ничего придумывать! Это придет со временем! Ты еще не пришла в себя!

— Нет... это почти пришло, — отчаянно закушенные губы, словно в попытке не допустить произнесения каких-то слов...

Говори. Только не плачь больше никогда. Все, что хочешь. Даже пожелание мучительной смерти!

— Я думала, что это произошло... Еще задолго до того, как мы об этом заговорили, мне так казалось. Просто я сейчас только поняла... Я не могу... Мне больше нечем!..

Юля

Я никогда не понимала особого смысла фразы "девочка сломалась". Такие вещи происходят с психически нестабильными личностями, а с такими, как Юлька Беспалова, не происходят вовсе.

Я прошла ад средней школы с гордо поднятой головой и выстояла. На прошлогодней встрече выпускников один из тех, кто раньше с удовольствием

участвовал в травле, рвался пожать мне руку, как несломленному бойцу. Многие тогда офигели, но я не сильно люблю об этом вспоминать. С трудностями моего взросления сломался бы кто угодно. Я — выстояла. Ничего странного в том, что мне всегда казалось, что подобные мне в древности брали города своей упрямой силой воли и целеустремленностью.

Что бы рисовало воображение при этих словах, чисто теоретически — потому как раньше я этой визуализацией не заморачивалась? Ту самую картину, которую мне никогда не наблюдать, это все не про меня. Исполосованные руки и голова в петле были не самой устрашающей зарисовкой. Потеря аппетита и пустой взгляд? Нет, это ни разу не слом, поверьте моему гребаному опыту. Это отступление армии и восстановление сил для последующего рывка. Это даже не безоговорочное падение к чужим ногам. Это то, что наступает после.

То, что должно расплющить сущность, размазать по беспощадному асфальту остатки достоинства, закрепить рефлекс отражения чужих желаний посредством собственных действий. Та самая грань, когда ужас делает тебя готовой на все, даже предугадывать чужие "хочу", тогда как никакого твоего желания не останется в принципе. Когда тебе однажды станет все равно, остаться жить придавленной осязаемыми цепями чужой власти к полу, или просто умереть, потому как окончательно утратишь себя в безжалостной череде одинаковых дней. Мир окончательно окрасится в черный цвет, и больше не рассмотришь в этом негативе никакого просвета, уничтожая свою душу в агонии не проходящей боли, забыв навсегда о слове "нет"...

Это не так страшно. Сейчас я могу заявить со всей ответственностью. Нет боли. Нет засасывающей апатии. Ты дышишь. Ты чувствуешь. Ты пока просто тлеешь, но пламя разгорается все сильнее. Ты спокойно смотришь на того, кто тебя уничтожил. Ты даже можешь признаться самой себе, что у него самые захватывающие глаза из всех, что ты раньше видела. Что на его сильных ладонях по-прежнему переплетение запутанных жизненных линий, и что они, оказываясь, могут не только разрушать, они могут даже лечить прошлое, накрыв собой твои сжатые кулачки. Без всякого протеста анализируешь дни, часы, секунды своей недавней агонии, с каким-то пока не опознанным прояснением разума понимаешь, что ничего ужасного в его выставленных требованиях вроде как и не было. И, когда протест пытается ослабевшей ладонью ударить в набат, с удивлением понимаешь, что не хочешь больше сражаться. Это не апатия. И не обреченность. И не подступающее безумие. Это холодный аналитический разум. Он все расставил по чашам весов впервые не слепой Фемиды в виде двух незыблемых постулатов — эта одержимость никогда тебя не отпустит, что, если принять ее и больше не бежать, и второго — впервые она не пугает.словно слетела черная повязка с глаз, показав грани пирамиды с разных сторон. Так просто. Так спокойно. Даже с мыслью — а стоило ли это прошлого кошмара? Нельзя было сразу?

Нельзя, Юля, нельзя. Он должен был уничтожить тебя, чтобы возродить заново. Это было не его решение и не его эгоизм, это был единственно верный путь, благодаря которому вы смогли выстоять на краю этой гибнущей вселенной. И, толкая тебя к

обрыву, разве не подхватил он тебя у самого края на руки, закрыв своей непримиримой сущностью нестандартного защитника?

Я не плакала целые сутки, нет. Я стирала остаточные файлы измотавшего прошлого, и они уходили из моей жизни вместе с этими слезами. Уже на пороге нового начала, ощущая глубину нового этапа, я подсознательно стирала оставшийся позади кошмар. Еще по инерции отшатывалась от его рук, скорее напуганная тем, что впервые в жизни хотелось самой доверчиво прижаться и склонить голову на плечо. Я рассмотрела то, что упорно отказывалась видеть, но пока еще щадила свою психику, чтобы в полной мере это сформулировать.

Я сломалась. Но не верьте никому. Это не настолько больно. Это не самоуничтожение, это шаг навстречу чему-то новому, просто я еще пока не знаю, чему именно! Я подозревала, что вскоре может накрыть шквалом жуткого отходника, но каждое прикосновение его руки, шепот и аура непробиваемой уверенности гасила этот реверс в зародыше. Он всегда знал, что именно делал!

Мне было легко с ним заговорить. Впервые начистоту и искренне... И мне это понравилось. Ненужная маска осталась за непонятной гранью, хотя я вряд ли была в данный момент готова вывести эту аксиому нового пути. Вряд ли даже осознавала в полном объеме, какого пика достигло ментальное единение, и что мое умиротворяющее спокойствие было следствием правильной рекогносцировки его сигналов. В них не было больше определяющей цели — сломать любой ценой, потому что эта самая цель оказалась так внезапно достигнута...

Меня не страшила неопределенность, нет... Наверное, я бы сейчас нырнула с неизвестной ранее смелостью в любую неизбежность. Что это было, мои заданные ради простого любопытства вопросы — действием сильного успокоительного, стремлением услышать его голос или же просто бесхитростной открытостью? Я действительно желала знать, что будет дальше? Ничего плохого, скорее всего. Самое страшное осталось позади. Я все еще хотела боли? Не факт. Душа больше не пылала непроходящей агонией, даже успокоительное тут было ни при чем, стало быть, нечего было высекать вместе с кровью, вскрывая кожу в попытке добраться до душевного хаоса. Разве что он сам всегда этого хотел? Боль больше не пугала. Так и не познав ее до конца, я уже научилась ее не бояться.

"Не стало бы. Можешь мне поверить! Это могло стать только началом конца!" Почему он сказал это так, что в ту же минуту в это поверила? Когда его теплые ладони начали гладить меня по голове, я ощутила новый прилив слез от какого-то почти радостного облегчения. Это стоило прекратить уже ради того, чтобы не отсекал бесконечные импульсы его передающегося через ладони беспокойства! Так и уснула в кольцо его рук с надеждой на что-то хорошее, согретая теплом, которое раньше так отчаянно отталкивала. Утром мне не хотелось просыпаться, чтобы не вспоминать и не чувствовать... но ничего не изменилось. Шел дождь, который я всегда любила, проскользнула шальная мысль погулять под дождем, как в далеком детстве, пусть окончательно смоем с кожи микроны пересеченных границ... Увы, с так беспечно изрезанной рукой это оставалось недостижимым стремлением...

Отчего-то мне стало жаль, что он тоже проснулся. Может, это были скрытые

ростки тревоги, поскольку я была не готова к близости. Слишком рано... И вообще, непонятное, скорее будоражащее ощущение, что этот раз будет практически как первый...

Мой самоконтроль едва не рухнул в один момент. Я сначала даже не поняла, что именно произошло. Только что ощущала себя в нереальной безопасности, прижатая к его сильному телу, вдавливаясь в рельеф потрясающих мышц с невиданной ранее жаждой единения, испытав легкий укол недовольства, когда обнаженные ступни коснулись подогретого керамогранита... Не успела всерьез озаботиться вопросом, почему у девочки в отражении такие красные глаза с залегшими тенями и доверчиво-уязвимое выражение лица, и откуда она вообще мне знакома... Холодный беспощадный лазер активировался где-то внутри, разрезая неумолимым лучом почти накрывший купол перерожденного спокойствия, еще немного, и вернется то, к чему я не хочу больше возвращаться! Только не такой ценой! Крик царапает почти восстановившиеся связи за миг до того, как ужасающую картину закрывает теплой и темной завесой мужской ладони.

— Не смотри! — шокирующий контрудар хриплого отчаяния в голосе по сердечной мышце токовым разрядом, запуская пульсацию зажатой в тиски паники. Беспощадная круговерть темного хаоса грозит засосать обратно силой черных пульсаров, неосознанно впиваюсь обломками ногтей в его ребра, безошибочно считываю источник ответного сердцебиения, только с этой поддержкой могу удержаться в новой комфортной реальности!

Незнакомое прежде тепло отталкивает щупальца ледяного вакуума, окружает защитным огненным кольцом, выравнивает сбившееся дыхание аурой пока что неосознанной безопасности. Нет больше прошлого. Почему мне хочется в этом убедиться?! Проверить свои пределы на подсознательном уровне?

Кроваво-черная неизвестная самого запутанного и необъяснимого из всех уравнений. X-хромосома самой неоднозначной сущности. Все это просто не укладывается в моей голове! Эта графика абстрактного самовыражения, геометрическое переплетение полос, попробуй сообрази, что хотел этим сказать художник, что именно зашифровано в послании цвета боли... разве не мою спину должна украшать эта X 3D формата? Разве не я собиралась подобным образом решить все проблемы? Это было логичным и правильным. Почему он так решительно заявил, что мне это не нужно?

Страх перед зеркалами сейчас приглушен натуральным изумлением.

— Твоя спина! Боже мой... Кто это сделал?

Юля, ты реально думаешь, что это сделал с ним кто-то другой? Ты не понимаешь, что значит этот красно-синий росчерк на смуглой коже? Не говори, что тебе не под силу это понять, только не сейчас, когда ядерный взрыв сплавил ваши сущности в один замкнутый непрекращающийся цикл! Когда сплетение двух течений в мировом океане расплавало лед самоуничтожения за шаг до точки невозврата! Когда вы оба приняли этот дар, постичь мысли друг друга, неужели тебе действительно непонятен смысл этого действия? Просто кому-то плетть. Кому-то — сталь браслетов и осколки стекла...

— Не смотри! — судорожный захват ладони, тепловой импульс в доверчиво распахнутое возрождающееся сознание. — Никто! Все хорошо!..

Теперь действительно, почти! Прижимаюсь сильнее, не понимая, почему так боюсь потерять твое биение сердца. Почему настойчиво вкладываю в твои пальцы разрешение уничтожить себя, заранее зная, что ты никогда этого больше не сделаешь! Мне не нужно задавать вопросы, я прекрасно понимаю, когда... и зачем... И ради кого ты, стиснув зубы, высекал излишнюю слепую ярость, чтобы не взяла верх и не уничтожила нас в шаге от новой грани!

Ты больше не дашь мне даже пошатнуться... Пора прекратить удивляться всем, на первый взгляд, привычным вещам... Ладони, зажавшей мои глаза, чтобы не допустить пока еще слишком болезненного контакта с зеркалом. Непривычного ощущения полета, когда я в твоих руках, кажется, недостижимо высоко над землей. Когда нечего больше маскировать за прозрачными струями воды, — ни слезы, ни слова, рожденные моим же затянувшимся молчанием...

Ты мог бы не произносить этих слов. Я знала о них с самого начала. Изменилась реальность, и только они не изменили своего значения. Не изменилась тьма твоей одержимости, может, она просто стала мне родной... понятной... единственно верной...

Я снова смотрю в зеркальную гладь, но уже своего сознания. Без страха и нервозности ищу в нем следы недавнего вторжения того самого безумия, которое выставила прочь, едва ли не выстрелив в спину. Ты имеешь право об этом знать. Ты должен. Хаотичным сканером по пустынным закоулкам этого бункера, пока гаснет свет, и стихают отзвуки чужих шагов... Ты не осталась... Эта грань не пропустила тебя... А я недостаточно сильна, чтобы вернуться туда за тобой!.. Мне почти жаль. Не хватает в уравнении одной постоянной переменной...

— Прости... — ласка сбивчивых слов, за которые любая отдала бы голову на отсечение, что там говорить о существовании в оковах твоей немеркнущей власти. Хочу быть искренней до конца, не могу больше обманывать никого из нас, но пусто внутри. Нет того, что могло бы перебросить нас гораздо выше уровня умиротворенного доверия. — Я думала, я смогу сказать тебе то же самое...

Ты думаешь, я сошла с ума. Что это постстрессовый вопль. С осязаемым пониманием "maybe, my animals live in your zoo"... С робкой взяткой взамен на продление умиротворения. Нет, я все прекрасно понимаю. Это не игра и не розовая сказка, не остановят мои слова экспансию твоей тьмы с алыми проблесками. Ты просто должен это знать. Моих барьеров больше нет, твоя власть над моими мыслями и переживаниями теперь неоспорима. Попытка ее свержения вернет на прошлый уровень, где я сгорала на костре проигрышного противостояния в долбаном «дне сурка».

— Не надо ничего придумывать! Это придет со временем! Ты еще не пришла в себя!

Бог мой, ты действительно думаешь, что я готова соврать о том, чего нет, и не было, ради твоего спокойствия? Жалости к багровым полосам на твоей коже? Ради фальшивого уверения в том, что мне никогда не будет больше больно? Об этом я

вообще не думала. У меня лишь была шаткая надежда на то, что ты не сбросишь меня в очередной раз с какой-то новой, непостижимой пока вершины!

Это придет со временем? Дима, это уже пришло. Даже не в подвале после дозы коллекционного алкоголя. Ты знаешь, она такая сука с чувством юмора! Тогда она мне только впервые показалась, а пришла, завладев моим подсознанием, гораздо раньше. Когда? Я подозреваю, что именно тогда, когда я впервые четко и безапелляционно попросила тебя исчезнуть из моей жизни, страхуя свою психику от вторжения твоей безумной одержимости, которую смогу полюбить и принять. Мне всегда необходимо было гореть, а не задыхаться! Ты ведь и сам это вычислил, почувствовал, накинул аркан локационного контроля, точно зная, что, получив такую обратку, никогда уже меня не отпустишь! Она ушла? просто я не смогла провести ее через таможенный контроль нашего нового начала... Она осталась там, биться в неразделенной агонии.

«Мне больше нечем».

Это так легко произнести. Не ударить тебя словами, не запустить НЛП-вирус под кодовым названием "смотри, что ты уничтожил сам!", просто честно признаться, практически без подтекста... Я не хочу видеть твоих зажмуренных глаз, ощущать напряжение мышц с едва уловимым скрежетом сжатых зубов. Ярость? Нет, больше нет. Сожаление? Ты не мог знать. Усилившиеся объятия с участвующимся дыханием в изгиб шеи.

— Все изменится. Я тебе обещаю. Я все для этого сделаю, просто верь мне.

За окном такой же дождь символичной серой пеленой, кажется, он усиливается, когда ты вновь опускаешь меня на постель. Ты не мог не взять меня на руки снова, то ли скрывая от зеркал, то ли передавая касаниями сильных ладоней уверенность и спокойствие. В серых дождливых сумерках так хочется просто закрыть глаза, но я держусь за твой взгляд, не в силах остановиться, наверное, мне никогда теперь не будет много кофейного безумия вместо арктической платины! Я словно ищу отражение собственному умиротворению, подтверждение тому, что агония сердца теперь действительно осталась в прошлом. Горячее дыхание обжигает мои губы в немом подчиняющем призыве... Сладкая патока тонкого эротизма бурлит в обновленной крови, но вместе с этим начинается давление напуганной обреченности, которая только начала приобретать этот привкус, она до конца не раскрыта, отчего пугает еще сильнее. Я не готова к близости. Я не готова к его вторжению, даже если оно будет запредельно нежным, и вместе с тем я просто не имею права сказать ему "нет"! Слезы беззащитности и бессилия не скрыть, но я не придумываю ничего лучше, чем скрестить руки на груди...

Слабая попытка защиты. Но он ничего не делает. Просто накрывает мои руки своими, гася панические разряды в сознании, считывая состояние с безошибочной точностью. Достаточно одного этого, чтобы теплая волна благодарности и пока не распознанной ответной нежности прогнал льдинки паники.

— Можно, я оденусь? — так мало нужно, чтобы войти в новую зону комфорта. Совсем чуть-чуть, чтобы принять это положение вещей без боли и отчаянных содроганий.

— Конечно. Я принесу твои вещи.

Неосознанно сжимаю его кисть, пресекая попытку отстраниться, чудом не произношу настойчивое "Лежи!". Мне достаточно самого факта этого согласия, я не хочу рушить непояснимое единение взаимопонимания... Перевожу взгляд на белую рубашку, небрежно сброшенную на спинку кресла, потом снова на его лицо. Не надо ничего. Оставь только свой флаг победителя. Белый цвет — это всегда что-то хорошее.

Мною так быстро забыт тот факт, что разрушившая личность тьма почти такого же оттенка! Но так сладко видеть его улыбку и мимолетный блеск в глазах, не злорадный триумф победителя, а почти благодарность за негласное принятие его правил! Белый сатин обволакивает кожу, еще одна инновация перейденной грани, где нет места осточертевшему шелку. И мне просто необходима окончательная ясность, чтобы понять, что будет с нами дальше!

— Ты теперь никогда не отпустишь меня.

Это не вопрос. Это констатация факта, пока еще не оглашенного, но понятного и почти принятого. Вкусный завтрак придал мне силы, смелость прописалась рядом как-то автоматически! Напрягает лишь неопределенность, и я хочу от нее избавиться.

— Юля, меня, в свою очередь, уже никогда не отпустишь ты!

Не успеваю изумиться этим словам, и, как следствие, объявить ноту протеста. Его объятия крепче, а слова льются сплошным потоком без права прервать.

— У тебя будет все. То, о чем ты говорила. То, чего захочешь потом. Официальное оформление отношений и решение всех твоих проблем. Любимое дело и каменная стена. Уверенность в завтрашнем дне и, поверь, я готов на все, чтобы сделать тебя счастливой! Ты же веришь мне?

— Какой у меня выбор, Дима? Только верить.

— Обреченность? Неужели ты совсем-совсем этого не хочешь?

— Это не закончится никогда. Особенно, в случае моего отказа, — я все понимаю с ошеломляющей ясностью. — Я просто не выдержу второй раз. Выбора нет, ты никогда не оставишь меня в покое. Я просто устала сражаться с тобой. Безумно устала, настолько, что смогу отдохнуть, только приняв твои условия.

Беспалова, непримиримая мятежная лицемерка... Ты увидела в этом не крах своей свободы, а практически тихую гавань, разве нет? Почему ты снова это отрицаешь?

— Мы уже не сможем друг без друга. Если бы ты ответила самой себе! Если бы только ты смогла себе в этом признаться! — моя голова на его плече, слова уносят прочь от реальности, но я цепляюсь за нее с упорством утопающего.

— Снова в цепях? Снова сведешь меня с ума, заставляя смотреть на растоптанное отражение? Без права на твою милость, если это окажется для меня слишком тяжело? Лайфстайл без возможности сказать тебе "стоп"?

— Юля, возможно, мне это будет необходимо, время от времени, — качаю головой. Ну, когда я перестану верить в сказки? В то, что такая сильная любовь перепрошьет ему всю операционную систему темной сущности своим ванильно-розовым контентом?

— Спасибо, мне просто надо было знать, — в моих словах нет издевки или

отчаяния обреченной жертвы. Спасибо, что не стал врать и обещать то, чего не сможешь выполнить.

Внезапная ласка горячих пальцев по выступающей линии очерченных скул, она не бьет током, нет, она передает в кровоток заряд обволакивающего тепла, вместе с эротическим разрядом в пульсирующую кайму губ, напряженную шею, чтобы заполнить собой образовавшуюся пустоту.

— Я ничего не сделаю больше, не получив твоего согласия!

Как мне не хватало подобных слов. Слишком желанных для того, чтобы это могло быть правдой! У тебя моего согласия будет выше крыши, ты четко показал мне мое место. Я очень хорошо помню, что значит для тебя мое "нет", какими методами ты можешь превратить его в надрывное "да, Хозяин!". На сколько меня хватит, если ты продолжишь это на законных основаниях в виде штампа в паспорте?

— Дима, не надо ничего... Я водить даже не умею... И на бизнес не хватит сил... Я...

— Юля, у тебя будет все! Абсолютно все! И это не взятка за твою покорность, не такой ценой! Я хочу, чтобы ты сама просила меня об этом!

Это тупик, но если выбор давно сделан за меня, есть ли смысл сейчас переживать о том, что не наступило? Особенно в этот момент, когда тепло его ладоней передает уверенность и покой, ощущение каменной стены кружит голову, кажется, достаточно робкой просьбы — он сможет остановить даже дождь за окном...

— Когда я смогу уехать домой? — я не вполне понимаю, хочется мне этого, или же нет, я просто не могу выносить неизвестность. — Мать переживает... ты сам все видел.

Ощущаю скорее на ментальном уровне, как напрягаются бицепсы обнявших меня рук. Чудес не бывает, увы. Как бы не хотелось верить... Сперва я не хочу вникать в его слова, кусаю губы в новом приступе обреченности.

— Юля, я буду просить тебя вернуться в Харьков. Вместе со мной.

Просить... Твои просьбы равносильны приказам. Пытаюсь возразить, но выходит робко и неуверенно.

— Я обещала приехать... и мне надо увидеть своих...

Ласковое поглаживание свежей перевязки, чуть выше запястья. Этого достаточно, чтобы прояснить картину, но аргументов гораздо больше.

— Во-первых, твои шрамы... Ты же не хочешь расстроить мать. Но есть еще кое-что, — пальцы перемещаются на мои волосы, успокаивая, удерживая в зоне нашего общего комфорта. — Если ты уедешь домой, тебя обязательно накроет. Не сразу. Но это неизбежно. Родные будут изводить себя переживаниями, глядя на тебя, задавать вопросы, на которые никогда не получают ответа, накручивать комплекс ложной вины... Ты будешь это видеть, но не поймешь, как с этим справиться. Вдали от меня, на волне этих тревог ты будешь вспоминать те моменты нашей истории, которые хотела бы забыть. Поверь, будет именно так. К концу лета тебе придется вернуться в Харьков, и вот тогда внутри поселится страх. Вдали от меня ты нарисуешь себе придуманную реальность, где останешься жертвой, у которой неизбежный выход — вернуться в руки палача. Тебе будет казаться именно так! Будешь ненавидеть меня,

и трястись от страха, возвращаться, заранее похоронив все надежды на лучшее... Юля, будет именно так. Я не хочу этого. Ты разрешишь мне помочь? Просто выслушай...

Мне тяжело его слушать. Рациональность и нежность слов растрогали до невозможности. Вжимаюсь спиной в корсет тугих мышц, вместо ответа, в немом призыве... спаси от этого нас обоих!

— По возвращению мы представим, что все с нуля. Что не было всего этого. Что у каждого своя жизнь, и мы видимся время от времени. Ну, почти как среднестатистическая пара. Без всего того, что тебя так напугало. Обещаю. Ты готова познакомиться со мной снова, по иному сценарию?..

— Да, я хочу, — горло сжимает кратковременной судорогой от осознания того, что я действительно не против... Я обеими руками за re-write этой истории. Доверчиво подтягиваю коленки к груди, и мне кажется, что я теперь полностью отрезана от мира теплом его почти желанной власти и заботы... Еще не понимая, что произошло, уловив на подсознательном уровне безоговорочное падение крепости его эгоизма и стремление защитить меня любой ценой...

больше нет сил у меня причинять им боль, в лапах добыча безбожно теряет смысл. слушай меня внимательно — я с тобой так неизбежно, как силы добра и тьмы. пусть ты не чувствуешь глубже, чем видишь суть, пусть говоришь простое /родное мне/, я буду жить тобой даже когда сорвусь, я буду ждать тебя где-то на глубине...

(с) Лилу Сабрум

Дождь в равнодушные оконные стекла косыми ударами, взрывной мелодией тамтамов самой природы по уязвимо-капитулирующей сущности, до каждого радара обостренных нервных окончаний, привычно вцепившихся в шелк простыней пальцев, до того самого барьера, который рушится, не устояв перед агрессией эротической акции протеста под патронатом адреналина...

Страх потерянной девочки, восхитительно-незнакомая беззащитность с зажатым горлом и ласкающими, приятными тисками обреченной неотвратимости. Я не догадывалась о существовании подобной уязвимости, но, если разобраться, именно так я и должна была себя чувствовать рядом с ним. Я сопротивлялась этому с самого начала, но не могла даже предположить, что в этом может быть такая недопустимая трансовая эйфория. Волнующий сладкий страх с попыткой прекратить все это, и тайной надеждой на то, что не услышит, или же услышит, но все равно решит по-своему, руководствуясь неоспоримым правом захватчика...

Мне хочется плакать, но впервые не так, как прежде. Не разрывая струны изнасилованных нервов, не запуская цепные реакции прошлых обид и параллелей, не собирая в памяти разрушающий пазл всей той боли, что мне пришлось вынести от этих рук, которые сейчас просто накрыли мои ладони. Не в классическом захвате над головой, как это было всегда, каждый миг, неотвратимо и без права остановиться. И в этом нежном настойчивом переплетении пальцев с моими его власть вошла в завершительную фазу своего неоспоримого абсолюта.

Жесткая линия, сжигающий изгиб чужих... да почти родных, не беги от себя, губ накрывает податливую мягкость моих, без терзающего захвата, нежно, но вместе с тем неоспоримо и решительно, взрывая сверхчувствительные сканеры сладкой дрожью жертвенной уязвимости, главного генератора самого утонченного и необъяснимого желания. Я не помню своего первого поцелуя... Когда мне будут задавать о нем вопросы, я буду вспоминать именно этот, взорвавший плеяду сверхновых в моей проснувшейся вселенной. На самом дне своего падения, прервавшегося хаотичного полета я приобрела что-то бесценное и еще не прочувствованное до конца.

На что это похоже? Я понимаю, но так страшно признаться самой себе. Ведь при одной только мысли, что я окончательно сдалась, приняла чужую власть и разучилась противостоять, миллиарды искрящихся частиц разгоняют кровь, превращая сладкие волны ответного желания в запредельное цунами, которое неумолимо затапливает континенты "правильно" и "недопустимо", но ему не подняться выше заданной чужой подавляющей и возносящей к вершинам воли отметки, поэтому моему сказочному миру не грозит уничтожение от подобных ласковых апокалипсисов.

Грубая джинсовая ткань скользит по обнаженным ногам, сводя с ума сверхчувствительные рецепторы, холод больше не преследует меня твоей непримиримой тенью, он нейтрализован зашкалившим жаром негасимого возбуждения. Язык с настойчивостью полноправного рабовладельца танцует ритуальный танец приручения, задействовав незнакомые мне методы, после которых ярче бездушные звезды, они больше не поранят мои ладони своим ледяным огнем. Такой привычный шелк под моим позвоночником ощущается беспечной невесомостью, сама гравитация ослабила свое влияние в новой, захватившей нас обеих реальности.

Мои губы обездвижены твоими, робкое, обманчивое "нет, остановись" умирает на кончике пульсирующего под твоими скользящими ласками языка. Наслаждение в уязвимости. В безоговорочной капитуляции. На пике осознания того, что Безопасность, Разумность, Добровольность перестали быть ничего не значащим для тебя набором слов. Ты переписываешь нашу историю заново отрывистым почерком глубокого поцелуя, выводешь готические изломы заглавных букв непримиримо-желанными объятиями с окончательным автографом создателя новых страниц, сжигая недавние рукописи жаром жаждущей неистового единения кожи...

Ледяной порыв ветра, прерванный поцелуй, ударившая в доверчиво раскрытую сущность мимолетная паника, вместе с противоречивыми желаниями — отползти в угол кровати, трогательно обхватив себя руками, словить своими уязвимо-послушными глазами твои, нежно-непримиримые, чтобы уже в следующую секунду пробрало до костного мозга от успокаивающих слов с приправой первобытного вождения... Или с судорожным взмахом, получивших свободу рук, обхватить твою шею, оторопев от собственной смелости, прижаться сильнее, не отпуская ни на миг, не разрывая одного на двоих биополя. Держи меня крепче, помести весь мой мир в своей ладони, только не отпускай, прошу... Острые когти страха не успевают прошить сознание при щелчке пряжки кожаного ремня, это больше не угроза и не средство заставить меня подчиниться твоим желаниям. Только мышцы рефлекторно сжимаются, пока я, затаив дыхание, наблюдаю за резким рывком черной кожи из шлеек, и внутренне вздрагиваю от глухого стука о поверхность паркета. Понимаю, что неотвратимо должно сейчас произойти, смакую сладчайшую робость от ощущения, почти что, первого раза! Да, на этом преодоленном уровне у нас действительно все впервые... И положила руку на сердце, теперь каждый раз, как первый... Я не хочу знать, каким ты будешь в этот раз. Просто удиви меня!

Цепь быстрых, успокаивающих поцелуев ласковым обстрелом с непременным стартом у виска, по пылающему лбу, дрожащим ресницам, вместе с обволакивающим жаром обнаженного тела, контрударом на расслабление напряженных мышц. Сладкая боль накрытых сухожилий с проникающей атакой переплетения пальцев... Вскрикиваю от нового удара сладкой волны с обреченно-эротизированным послевкусием, ощутив твою эрекцию... Плотно прижатую головку напряженного члена к моему тесному входу, разогнавшейся пульсацией, хаотичным резонансом с биением уязвимо-перепуганного и жаждущего сердечка. Нет больше меня прежней, которая бездумно толкнула бы бедра навстречу, не думая о последствиях, что-то

неуловимо изменилось, расставило приоритеты по своим местам... Я прошита твоей неоспоримой волей до самого основания, до каждого биения пульса и капельки крови, до неуловимых сокращений жаждущей киски. Слишком тяжело это далось, чтобы я могла ощущать иначе...

Сердце замирает всего на миг... Я не понимаю, что происходит... почему эффект дежа вю, при всем моем не суеверии — плохой приметы, сжимает горло за секунду до того, как атаковать распаханное сознание кадрами вымораживающего кошмара.

Жидкая ртуть, или расплавленная платина... Нет, невозможно, платина в таком состоянии не затопит льдом... Графическая абстракция ледяного узора на застывшей оболочке распаханых глаз, даже не в зеркале, это не отражение, это то, что пряталось внутри, и никогда не надо было это выпускать! Импульс отчаянного безумия, грань резкого надлома за миг до того, как окончательно трескается равнодушная поверхность беспощадного стекла, впиваясь режущими осколками с отражением разлетевшегося паззла сущности той, которую когда-то звали Юлей Беспаловой, взрезая росчерк имени кровавым острием до самой сущности!..

Крик не в состоянии прорвать блокаду связок, рассыпать в прах сплетения колючей проволоки этой панической атаки... Никогда не отпустит предшествующий пятый уровень, его руки добрались до своей жертвы через хаотично открывшийся портал, они не намерены отпускать ее так просто!

— Девочка моя! — огненный залп обеспокоенного шепота по атакующей армаде абсолютного льда, точечная стена защиты скользящих по лицу отогревающих пальцев, осторожный нажим горячей плоти по леденеющим нервным окончаниям. — Не оглядывайся... Смотри на меня! Этого нет! Больше не существует!

Заступы в ледяные стены, сверхчувствительные ментальные тросы, без боли прошивают подрагивающее тело, ловлю спасательный круг твоего взгляда... Жаркий глоток двойного эспрессо обжигающим теплом... снова... еще раз... Источник тепла взрывается пульсирующим водоворотом внизу живота вместе с осторожным вторжением, от первого толчка которого лед, минуя жидкую фазу, моментально переходит в пар, исчезая под натиском, уносясь обратно в закрывающийся портал безумия...

— Все будет хорошо! Слышишь меня? Я никогда больше не дам тебе упасть!

Ты ронял меня так часто и с такой большой высоты, что я могла бы уже приобрести иммунитет. Прогоняю эту мысль, ей нет места в нашей новой истории, вместе с этим поймав ментальные лучи... Ты действительно больше этого не допустишь! Моя отогретая сущность цепляется за это, как утопающий за соломинку, этого достаточно, чтобы ничем не сдерживаемая волна потрясающего возбуждения выгнула позвоночник, толкая меня навстречу твоему теплу, вдавливая в мышечный рельеф всей сутью подчинившегося восхищения с раскруткой огненных спиралей с каждым толчком, превратив истекающую желанием вагину в галактику вспыхнувших точек G...

Мне бесконечно мало. Тело привело все рецепторы в состояние боевой готовности, обострив восприятие до значения критической массы. Медленное скольжение напряженного члена внутри, неумолимо продавливает

сверхчувствительные зоны, сплетая сеть очагов эйфории в сумасшедшее шибари вожделения, затягивает тугие сложные узлы с каждым отрывистым толчком контрастного соития. Сжимающиеся внутренние мышцы фиксируют миллиметр за миллиметром рельеф возбужденной плоти, обволакивая осязаемые переплетения вздувшихся вен, скольжение крайней плоти по обостренным нервам внутренних эрогенных точек. Толкаю бедра вперед, я хочу его как можно глубже, если не достать до сердца, то все равно, попытаться, а вдруг! Я сама стала инструментом безотказного желания, от скольжения мужских пальцев по обострившимся ключицам, полушариям груди, ареолам затвердевших сосков. самосознание готово распластаться передо мной на коленях, забросав дарами волхвов за сладчайшую сдачу в руки противника, который уже им, вроде как, и не является...

Поспешное перемещение длинных пальцев поверх ключицы к шее, неумолимый захват стального кольца по центру кожаного ошейника. Пульсирующие стеночки вагины немедленно адаптируются к состоянию мимолетного покоя, обволакивая теплыми складочками сжатой спирали не потерявший восхитительной твердости член, повторяя его очертания, фиксируя в отсеках недоступной сознанию памяти... Властная рука на замкнутой сфере символа моего окончательного сломавшего волю падения непостижимым образом предотвращает рывок бедер навстречу с целью поглотить как можно глубже, сделать эту власть абсолютнее путем такого вот своеволия... Уязвимо всхлипываю от осознания этого факта, но с обреченным удовольствием погружаюсь в омут кофейного мрака потемневшего взгляда, беспрепятственно позволяю ему проникнуть внутрь. Смотри, я ничего не хочу больше от тебя скрывать, ты полноправный Хозяин моих желаний и мыслей. Плыву в этих ласково-жестокых волнах визуального порабощения, в зеркальном отражении ментального полового акта, краем восхищенного сознания улавливаю едва заметный изгиб в уголках губ вместе с размахом стека в глубине твоих глаз... Горячие пальцы свободной ладони ласково касаются моих губ, чуть отведя в сторону, полоснув теплой подушечкой указательного по ровной линии обнажившихся зубов, запустив ток сладкой пульсации через десна по всему телу.

— Обожаю твои губы... — хриплый голос с оттенками волнующей ярости. — Как они могут меня целовать... Сжимать мои пальцы... Отвечать только "да"... Сосать мой член...

Зигзагообразный разряд по обнаженным нервам, сплетение тугих узлов сладкой болью вниз, до сжатия пульсирующего влагалища, с аукнувшейся в пятках сладчайшей акупунктурой...

— Пережать у самого основания, пока я буду иметь твое восхитительное горло до ответных судорог... Скользить по стволу вверх... потом вниз... Снова... В то время как я буду сходить с ума от желания трахнуть твои нежные связки до хрипоты... До тех пор, пока...

Я теряю голову от этого властного шепота в распахнутые губы с оттиском его пальцев, от легкого сжатия кожи посредством натяжения кожаного ошейника, от зафиксировавшего на стыке запредельных параллелей взгляда цвета даббл-эспрессо... От безоговорочного вторжения в открытое сознание через все допустимые порталы.

Новый протестующий всхлип, когда набухшие влагой желания стенки вагины схватывают пустоту внутри.

— Я соскучился по твоим губам на своем члене... — ведешь уверенным захватом пальцев поверх кольца на черной коже, неумолимо заставляя следовать за собой без права возразить, отклонить голову, произнести хоть слово... Да мне, наверное, этого больше не хочется! Колени привычно находят опору на упругой нетравматичной тверди матраса... Руки встречают прохладу шелка.....не нужна никакая опора рукам! И свобода, тоже! Разве они не для того, чтобы скручивать тонкие запястья лентами цвета тьмы, зажимать гладкими браслетами оков, безжалостного росчерка единогласного владения?

— Скоро. Ты полюбишь в них засыпать... совсем скоро... — отрывистое скольжение губ вдоль пробора волос до сладкой дрожи, этого достаточно, чтобы прочесть все мои мысли... Меня не ужасают его слова, наоборот, кипятят кровь на медленном огне волнующей покорности с оттенком обреченного вождения! Рывок вниз, не успеваю испугаться, головка твердого члена раздвигает губы, быстрый рейд по сжатым в подобии обороны зубам...

— Впусти меня! Слушайся Хозяина! — моя проблема выбора разрешена настойчивым нажатием пальцев поверх ямочки на подбородке, обострением вкусовых рецепторов, ощутивших мой собственный вкус. Он не торопится, сверхчувствительный кончик обводит по кругу пульсирующие десна, задевая язык, который произвольно включается в эту игру, хаотичной серией быстрых ударов, подобно взмаху крыльев колибри. Я не понимаю, что делаю? Да на подсознательном уровне я понимаю это с ошеломительной ясностью, я растягиваю волнующую прелюдию, пока еще сдерживая нарастающее желание заполнить свой рот без остатка, слизать свой сок, нектар взбесившейся чувственности... Знаю, что после этого крыша уедет окончательно, цепляюсь за остатки рассудительности, но надолго не хватит. И, положив руку на сердце, ответь, разве тебя окончательно не отучили бунтовать?.. Повинуясь самому древнему инстинкту, смыкаю губы в плотное кольцо, обернув ими зубки, плотным вакуумным засосом втягиваю напряженный член до самого основания, до тесного контакта с пульсирующим горлом, с интересом естествоиспытателя обвожу языком умопомрачительный твердый рельеф, который совсем недавно считала тактильным сканером мышц жаждущей вагины — до каждого изгиба переплетенных вен, до каждой складочки крайней плоти и тонких капилляров сверхчувствительной головки... Это настолько по-новому, что набивший оскомину заголовок статей женских журналов под грифом "может ли женщина кончить от минета" больше не вызывает скептической усмешки. Так не похоже на стандартную вынужденную технику — потерпи пару минут, растягивая связки, это просто неотъемлемая часть любой прелюдии... Все настолько по-новому, что меня не покидает обманчивое ощущение первого раза, захватывающего, обновленного... уносящего за недостижимые пределы областей абсолютной тьмы неопознанного оттенка.

Горло покорно расслабляется, принимая осторожные толчки, вместо выбивающего слезы спазма — искорки россыпи точечного удовольствия по

чувствительной оболочке трахеи вниз, через пульсирующие легкие, до самого сердца, чтобы проникнуть в кровь и взорвать на маршруте разветвлений аналоги Везувия. Язык скользит вверх, поспешно возвращаясь вниз, самым точным и вождедеющим сканером, губы сжимаются еще туже, создавая восхитительно тесный туннель сосредоточению мужского желания.

— Да, моя девочка! Забери все без остатка... Выпей меня полностью!

Стон рвется через возбужденные связки, гасится толчком твердого тарана, каждый слог произнесенных слов сорванного голоса выжигает внутри все живое напалмом острого удовольствия, с тем, чтобы в ту же секунду эта пустыня засияла новыми оттенками возрождения. Сильная ладонь собирает волосы на затылке в кулак, щекочет раскаленные от страсти нервы отголосками чего-то знакомого, но больше не пугающего. Повинуясь его воле, запрокидываю голову назад, встречаю взгляд цвета экстра-черного шоколада за миг до того, как тугие струи атакуют сверхчувствительную гортань неумолимыми выстрелами под аккомпанемент хищного рычания. Хватка в волосах не ослабевает, я из последних сил удерживаю во рту последний выброс спермы перед тем, как отстраниться и сглотнуть, с тем, чтобы вновь обхватить губами не потерявший твердости член. Я чувствую себя обделенной, горло приняло на себя вкус нектара моего владельца, не сумев его продегустировать, рецепторы не знающего усталости языка вопят от обиды! Теряю его ошеломленный взгляд теплеющего оттенка, жадно слизываю с кончика головки капли спермы, не осознавая, что зажмурилась от удовольствия...

— Бедная моя сабочка... — больше не режут сознание острозаточенным скальпелем эти слова с констатацией моей подчиненной роли. — Тебе хорошо сегодня было с Хозяином?

"Было"?!

Хозяин...

Епт!

Мой Господин...

Нахрен!..

Дима!

Что означает этот сноп по горлу в прошедшем времени расколотых хронологических параллелей?! Ты собираешься закончить это, оставив меня тереться о поверхность кровати в стремлении погасить жар сумасшедшей эйфории?!

Охаю от изумления, ощутив его пальцы внутри пульсирующей кисти. Рельеф неумолимо сжатых губ, четко очерченных скул вместе с глубиной оттенка слабого кофе, бронзовый оттенок кожи выжигает клеймо на сетчатке безжалостным и таким до боли родным образом новообретенного рабовладельца. С десятичным кодом его вкуса, прошитого в рецепторах моего языка на долгие годы вперед. С уникальным оттиском отпечатка пальцев по малым губам, по бархатной мускулатуре истекающего влагой желания влагалища. Здесь и сейчас, в этот самый момент, он окончательно подчинил меня своей воле, вписав переплетения узоров сущности в неистребимо цепкую готическую вязь.

— Какая ты восхитительно мокрая... — не понимаю, что происходит, шею

выгибает судорогой от одних только слов, протяжный стон ласкает напряженный слух. — Я не дал тебе умереть от жажды. Теперь твоя очередь!

Не успеваю испугаться от резкого рывка за предплечья... щадит мои истерзанные запястья...

— Выше! — вздрагиваю от повелительного тона. — Вот так! И еще ближе!

Подчиняясь нажиму сильных рук, толкаю бедра вперед, застонав от прикосновения легкой щетины к сверхчувствительным крыльям малых губ, не сумев подавить восторженного крика при соприкосновении подбородка с клитором всего на миг...

— Расслабь ноги... Шею мне свернешь... Моя сладкая чувственная невольница... — горячее дыхание обжигает клитор, сжимаю руками абстрактный дизайн спинки кровати... вжимаюсь пульсирующей вульвой в его губы, оседлав сверху, прежде чем до меня доходит сладкое осознание этой развратной интерпретации "наездницы". Я просто сижу на его лице, сжав ногами контур, лишив его возможности даже говорить! Щеки вспыхивают от одной только мысли о том, как это все выглядит со стороны... И тут же несвойственное смущение сгорает под настойчивым спиралевидным росчерком языка по возбужденной плоти. Рваным зигзагом очередной печати обладания по пульсирующим лепесткам малых половых губ, точечным ударом по вершине клитора, откатом набежавшей волны, круговым исследованием гиперчувствительной области. Вжимаюсь ладонями в равнодушную хромированную сталь решетки, так сильно, что, кажется, сейчас вновь откроется кровотечение под повязкой... Но это не волнует больше ни грамма! Язык неумолимой атакой вторгается внутрь истекающего влагой естества, до боли сладкий хаотичный маршрут по напрягшимся сосудам, по подрагивающей поверхности перенапряженных мышц в безошибочном поиске той самой точки... В неумолимом определении главного сосредоточения самого шикарного безумия!!! Выгибаю спину, мой крик бьется в мокрые стекла комнаты и собственного сознания, волны приближающейся разрядки целуют кончики пальцев за миг до того, как...

Нежно-беспрекословное сжатие бедер, потеря лижущих фрикций по сошедшей с ума G... Ощущение пустеющей невесомости вместе с обжигающим шепотом в перевозбужденные складки жаждущей вульвы.

— Это единственный случай, когда ты будешь сверху... Хотя, есть еще один вариант...

Меня трясет в агонии негасимого возбуждения.

— Как скажешь... Не останавливайся...

— Говори! Произнеси вслух то, что только что нарисовала в своем воображении!

Разряд по оголенным рецепторам страсти, впрыск коктейля черно-красного хаоса. Трясу головой, понимая, что желание ощутить его язык внутри сильнее любых слов и напугавших меня фантазий.

— Ну же! Юлечка, моя страстная рабыня... Скажи мне, как ты хочешь сегодня уснуть! Скажи словами то, что я прочитал в твоей голове! Произнеси то, что совсем недавно так сильно тебя напугало!

Реальность плавится, голос, кажется, пропал! Непрекращающаяся агония

безумного чувства по всей кровеносной системе с надрывным выбросом вскипевших эмоций вместе с не проходящим оттиском желанной до судорог картины, которую я изо всех сил гнала прочь, стараясь не замечать!

— В твоих цепях, Хозяин... на твоём плече...

— Нравится быть прикованной к своему господину?

— Да! Боже мой... да! — внутренние мышцы в опасной близости от разрядки, слезы невысказанной мольбы сжимают горло. — Прошу тебя...

— Моя храбрая девочка... Лети! — последний вздох горячим сирокко по дрожащим лепесткам перед финальной атакой... Прямо в цель... Сладкий беспощадный удар по внутренней опоре моего безумия разверзшейся бездной, раскрывшимся бутонем орхидеи цвета самой тьмы, фейерверком микроскопических осколков не опасных больше зеркал, со сквозным ранением в напрягшиеся связки в неистовом крике... Заваливаясь набок, дергаясь в такт сладчайшим сокращениям мышц... Накрываю клитор ладонью, ловлю слабую, но не менее потрясающую волну клиторального оргазма... И только потом понимаю, что моя рука не просто влажная. Страхиваю пальцами капли на живот, с изумлением понимая, что что-то не так... Так же не должно быть?!

— Что... — недоуменный шепот накрывает его губы, забываю обо всем, жадно слизывая собственный прикус... Его взгляд поразительно знаком. Так он смотрел на меня после... Сабспейса?

— Я тебе расскажу... Как-нибудь потом! Это потрясающая вещь, ты теперь сама это знаешь...

Пробирающий холод плитки, отключился подогрев в зоне соприкосновения с моими коленями, как и везде, где ступали его шаги в белых туфлях, на которых расцветают красным цветом абстрактные сферы кровавых пятен. Связки сжаты в окостеневшую судорогу льдом бездушной амальгамы, она проникла в кровь, разрушив последние бастионы, все, что мне остается, это выплеснуть боль уничтожения в последнем вопле. Выжги гребаную пустыню на месте моей агонизирующей души, чтобы мне не было больше так больно, оставь эти руины во имя своей одержимости, пусть будут первыми архитектурными сооружениями в твоей новой завоеванной империи! Пальцы потеряли чувствительность, фаланги выворачивает недостаточной для желаемого покоя болью, они сжимаются еще сильнее на рельефе щиколоток за легкой тканью брюк.

— Делай, что хотел! Вспори до крови, твою мать! Ты выиграл!..

Почему ты молчишь? Наслаждаешься моей окончательной капитуляцией у своих ног, смакуешь на кончике языка каждое мое слово, просто не можешь пока поверить в это?!

— Меня больше нет! Просто добей! Прошу!.. — сдавленный крик со сбившимся перечислением допустимых воздействий, где нанесение порезов литер твоего имени по всему моему телу самая безобидная просьба... За миг до того, как губы сами ищут спасительную опору на носках белых туфель...

Резко сажусь на постели, встречаю серый полумрак светодиодов волнообразной россыпью по потолку, пытаюсь отдышаться... Не выйдет. Эта черная кожа стянула

горло неотвратимой удавкой чужой печатис невидимым глазу именем владельца. Я бы без нее не перестала быть твоей, но ты оказался неумолим. Мой собственный привкус еще не успел остыть на губах, когда я просто озвучила эту просьбу... С протокольным "разреши попросить тебя", со слабой аргументацией "я не сбегу, и не стану тебе ни в чем отказывать"...

— Юля, мне жаль. По-иному нельзя! — поцелуи смягчили мягкую решимость отточенной стали неоспоримого права Верхнего. — Несколько дней. До отъезда. Моя девочка справится?

— Я не понимаю...

— Он останется. Проси меня о чем угодно, но только не об этом. Прими мою власть окончательно!

Я хотела возразить... Попросить снять его хотя бы на ночь... Да именно, после судорожной просьбы заковать меня в цепи, просто чудо, что он этого не сделал! Уязвимо-обреченная паника нахлынула черно-красной волной чужой власти, но я едва заметила, что, вместо того, чтобы отшатнуться, вцепилась подрагивающими пальцами в его плечи, подсознательно считывая неуловимые сигналы прогнозируемого будущего... Сердце сделало последний кульбит перед тем, как выровнять бег крови, согретое его теплом и ощущением неведомой ранее безопасности.

— Иди со мной до конца... Моя самая любимая девочка... Теперь все будет хорошо!

Кажется, я собиралась заплакать на этих словах... Если бы теплые объятия не окутали своей ошеломительной умиротворенностью, я бы так и сделала... я просто очень быстро заснула на его плече, убаюканная ласковым шепотом без оттенка лжи или пустоты обещания... Вот только почему проснулась одна?!

Контрастный душ не погасил внутреннего пожара. В этот раз, с нотками тревоги... я не понимала его источника. Наверное, зеркало? Леденящий холод прокатился по позвоночнику, и я, стараясь не попасть в зону безжалостного отражения, поспешно вытерлась и натянула рубашку, не понимая, что происходит. Тревога родом из прошлого, она проникла в мою кровь вместе с холодом, заставляя бежать из ванной комнаты сломя голову... Но догнала и здесь, при виде смятой постели, где еще совсем недавно...

Как ты мог оставить меня одну?!

Что это было? Окончательное признание своего безоговорочного подчинения железной воле мужчины, страх остаться без опоры и поддержки его рук именно тогда, когда я сложила все свое оружие, ужас перед неизвестностью, если стечением обстоятельств в моем будущем больше не будет его?! Косые стрелы дождя в равнодушные темные стекла. Серый свет ламп, который никогда, наверное, не давал мне забыть о том, свидетелем чему он был все эти дни!

Я смогу легко забыть это в его руках... Но я сойду с ума, если он теперь оставит меня хоть на минуту! В панике оглядываюсь по сторонам, понимая, что не могу тут находиться сама! Подбегаю к двери, осознав, что сейчас начну сбивать кулачки в кровь и рвать на лоскутки голосовые связки в надрывном вопле если не выпустить, то

никогда, никогда больше не оставлять в одиночестве... Отходи меня кнутом в полную силу, при этом заставив смотреть на отражение, растяни на кровати до ломоты в уставах, только никогда больше не нарушай своих обещаний! Рядом — это возле меня... и никак иначе! Едва не вылетаю на лестничный пролет, когда понимаю, что дверь поддалась одним рывком ручки... Открыта! Это настолько сильно рвет прежние шаблоны, что я усеваю восстановить дыхание и успокоиться... я не одна, и меня не заперли! Что-то действительно изменилось бесповоротно, нафиг непонятную паническую атаку, в лучшую сторону!

Приглаживаю волосы, произвольно кусаю губы до пунцового оттенка и соблазнительной припухлости, перед тем как решительно сбежать вниз, утопая босыми ступнями в ворсе коврового покрытия. Панику сменил почти детский азарт, чуть ли ни с желанием подкрасться к Димке со спины с воплем "гав!" и словить полномасштабный кайф, при виде восхищенного удивления в его глубоких темных глазах...

Напугать не удастся. Как иначе, если он заметил мое вторжение в бизнес-обитель своего рабочего кабинета с первым поворотом дверной ручки? Экскурсию по дому мне никто так и не устроил, остается только удивляться, что я безошибочно вычислила его дислокацию!

— Ты проснулась!

Обвожу взглядом рабочий кабинет... Темные деревянные панели. Японский хай-тек с лаконичным минимализмом. Насколько глубоко считал его характер дизайнер интерьера, чтобы передать в таких вот на первый взгляд простых деталях? Цветовая палитра сдержанных оттенков словно призвана подчеркнуть одержимость его взгляда, смуглый оттенок кожи и строго-неумолимую линию любой стратегии, будь то бизнес... Или запутанный зигзаг построения любовной линии!

— Мне не спится без тебя, — так просто сказать правду. Искренность отбросила условности, еще одна грань моей истинной свободы. Несколько уверенных шагов, ближе, сокращая дистанцию, только рядом, в комфорте его тепла... С ощущением защиты от одного только присутствия! — А что ты делаешь?

Мне действительно любопытно. Впервые за долгое время хочется прикоснуться ко всему, что с ним связано! Провожу рукой по аккуратной стопке распечатанных документов со схематичными изображениями каких-то непонятных агрегатов... Похоже на орбитрек и прочие спортивные тренажеры, насколько можно разобрать. Теплый сканер улыбающегося взгляда скользит по моему лицу, по перетянутой черной кожей шее, по свободным контурам рубашки вниз, на обнаженные ноги, и я произвольно улыбаюсь в ответ, смущенно разглядывая непонятные изображения, чтобы не встречаться с ним глазами.

— Обнаружен существенный недостаток в последней партии закупленного оборудования, — он сейчас говорит со мной, как с равной. Никакого превосходства в стиле "не для твоих хорошеньких мозгов". — Не такое уж редкое явление, и обычно на эту неприятность закрывают глаза. Но в рамках элитного сегмента спортивных комплексов такой риск недопустим.

— Ты отправишь его обратно с заменой на не бракованный вариант? — кривлюсь

при виде непонятных формул на распечатанном листе А4 перед тем, как отложить в сторону.

— Само собой. Вместе с этим я собираюсь требовать неустойку за простой, плюс возмещение возможного ущерба. Сложно, но придется.

— Зачем? Может, они сами не знали об этой поломке? Заменят ведь?

— Юленька, вот запомни один из первых уроков... В бизнесе нельзя быть мягкотелой. Не место слабости. Ты должна гнуть свою линию, не смотря ни на что, и, если есть возможность заработать, хвататься за нее обеими руками. Ничего сложного. Я тебя научу. Вот, посмотри, какой вариант шрифта тебе нравится? — не успеваю возразить по поводу наказания партнеров, в мои ладони ложится файл с непонятными надписями, выполненными в разных стилях.

— "Beauty Continental?" А что это?

— Название не принципиально. Можем потом вместе подумать над другим вариантом, я просто предложил свое. Как бы не хотелось назвать салон твоим именем, это провальный маркетинговый ход ввиду того, что на пике европейский ребрендинг.

Мне понятен смысл его слов, я не зря одна из лучших учениц на потоке. Палец уверенно замирает на готической 3-D надписи. И еще на одной, строго-лаконичной, под стать обстановке кабинета.

— Название мне нравится. Только вот с вариантом шрифта растерялась, — трясую головой, ничего не понимая. Я сдалась его тьме. Зачем покупать мое расположение салоном красоты именно сейчас?..

— Времени для выбора много. Чтобы не париться дважды с бюрократическими заскоками, я оформлю его на твою новую фамилию после регистрации брака. Как раз до того времени успеем посмотреть все предложенные варианты коммерческой недвижимости, выставить требования дизайнерам и организовать закупку оборудования... Юля, все хорошо?

От этих слов у меня на миг закружилась голова. После регистрации брака... Мля, дорогие подруги, которые воют в тряпочку, что никто не хочет на них жениться! Ну, где вы находите таких нормальных мужчин, а? Да, Юля, ну прикинься на минуту жертвой обстоятельств и смотри, не спались, улыбнувшись от удовольствия во все 32! И бегущую строку с белоснежными шедеврами Vera Wang отключи, пока не заметил! Беспалова-тире-Лаврова... Долбануться впору!

— Когда? — нет, театрал во мне неистребим. В средние века тебе бы не было цены у алтаря.

— Я могу устроить на день Валентина. День БДСМ мы пропустили уже...

— Ты прикалываешься! Такого нет!

— Такой есть. 24 июля. 24.07. Как 24/7...

Мне хочется смеяться. Махнуть рукой с потаенным самообманом — ну, схожу разок... замуж. Сдвигаю в сторону распечатки, чтобы сесть на край рабочего стола, произвольно вздрагиваю от ощущения натуральной (ты сомневалась?) деревянной поверхности. Длины рубашки едва хватает, чтобы не соприкоснуться кожей. Еще совсем недавно мне бы, наверное, влетело за подобное своеволие.

— Я старался не шуметь, чтобы ты не проснулась, — Его глаза сосредоточенно

следят за невидимым для меня изображением на мониторе. — Думал, успею справиться с работой.

— Ты не шумел. Я просто отвыкла спать сама.

Горячая ладонь накрывает мое бедро, легким сжатием длинных пальцев скользит вверх, по обнаженной коже.

— Моя девочка не спит без цепей Хозяина? Ты хочешь этого, Юля?

Твою ж мать! Слова протеста обрываются на изумленно приоткрытых губах. Он по-прежнему смотрит в монитор, продолжая обжигающую ласку, но от его слов горячая волна сжигает напрочь все мысли и внутренние противоречия. Я вряд ли хочу сейчас чего-то настолько сильно, чем приведения этой манящей угрозы в исполнение. Распечатанное возбуждением подсознание никогда не врет! Искрящаяся спираль огненной змейкой вдавливается в стенки влагалища, неумолимо, неотвратимо вскрывая гейзеры сладкого сока первобытного желания. Поспешно отклоняюсь на руках, понимая, что сейчас свидетельство моего "хочу" прольется мелкими капельками на поверхность черного дерева.

— А... тебе... долго еще?

— Полтора часа, как максимум. Раз уж я разбудил сотрудников, надо закончить...

— Изверг! Не хотела бы я работать в твоей структуре!

Он по-прежнему не смотрит на меня, но едва уловимое изменение плотно сжатой линии губ выдает внутреннюю улыбку и восторг окончательного победителя. Сглатываю, делаю глубокий вздох, пытаюсь успокоиться... Да, легко сказать! Надо срочно переключиться...

— А что мне делать, пока тебя нет? — я просто очень сильно боюсь остаться одна! Я не понимаю, почему — самовнушение или набат запаниковавшей интуиции...

— Если хочешь, включу тебе фильм. "Голодные игры" видела?

Мне сейчас не до переживаний героев Сьюзен Коллинз. Разве что...

— А можно я заберу свою одежду? Ты обещал...

— Конечно, — довольно улыбается монитору, видимо, новости радуют. Закрываю глаза перед смелой просьбой...

— Я взяла с собой планшет. Разреши пообщаться с девчонками в соцсетях. Никакого скайпа! — поспешно всхлипываю от предостерегающего сжатия пальцев и встречаю внимательный взгляд с проблесками серебра. — Я знаю, не говори! Дим, ну подумай сам. Если бы я хотела сбежать, мне бы проще было потерпеть до Харькова! Что я, по-твоему, могу сделать? Написать Лекси "вызывай спецназ, спасай подружку?" И да, я не понимаю, ты же мог заставить меня перезвонить и дать отбой... Я прямо сейчас при тебе это сделаю! Я...я даже настаиваю! Я, правда, никого не хочу видеть... И меня больше не от чего спасать! — В этом нет необходимости... Не надо никому перезванивать. — Он внимательно смотрит мне в глаза, а я инстинктивно сжимаю пальцы его ладони на своем бедре, выдерживая испытывающий сканер кофейного глянца. Ощути прикосновением, что у меня, действительно, нет в мыслях просить кого-то о помощи! Мы же заключили договор, и, ты все понимаешь, я не хочу больше, чтобы меня спасали!

— Не лишай меня женской потребности... Сделать своих подруг заявлением о

скорой помолвке! — я и сама не до конца осознаю, что искренна как никогда. Длительная пауза. Изучает. Сканирует. Считывает пустые папки скрытых мотивов. Я б не смогла закрыться, даже если б этого хотела... тем более, что я не хочу! Непонятная тревога вытеснена мимолетным видением. Белое платье... Сжатие шеи ювелирным подобием кожаного ошейника... Реалистично до невозможности. И я реально хочу именно этого!

— Без скайпа...

— Да! Я при всей своей фантазии не смогу убедить этих гламурных кошек, что у меня на шее новый тренд в мире моды!

— Я доверяю своей девочке. Просто никогда больше не заставляй меня расстраиваться! — ты мог бы этого не говорить... Спрыгиваю со стола за миг до того, как заключить его в объятия.

— Юлька! Глупая, думала, откажу? — его голос дрогнул от удовольствия, или мне показалось? Черт с ним! Не отдавая себе отчета, легко, словно перышком, обхватываю кончиками пальцев его лицо, с легким поглаживанием скул перед тем, как робко и решительно одновременно, накрыть его губы поцелуем... кажется, бросив перед этим умоляющий взгляд. Разрешите мне!

Этот поцелуй стал окончательным клеймом на моей потерявшейся сущности. Это то, что я потом не смогу забыть ни под каким предлогом, будь то не менее восхитительные поцелуи другого мужчины или же попытка сбежать от накрывшего безумного отчаяния! Сейчас я этого не знаю... Под подавляющим единением губ стыннут ростки неопознанной тревоги, легкая дрожь — это дрожь счастья... и ничего другого! Танец переплетенных языков, окончательная подпись, нет, голографическая печать на договоре о мире! В моей крови плещется прозрачными волнами отголосок твоей потрясающей одержимости. Я теперь знаю, кто ты, и как выглядит твоя любовь. И я могу признаться себе, что по десятибалльной шкале она взлетит до отметки в сотню... и не одну! Так, как знаю другое...

В долине призрачной тени среди руин прошлого, в самом эпицентре исчезновения отравляющих противоречий, несказанных слов, надуманных страхов, провального отрицания, искажения картин... Увидев впереди лишь серые стены одиночества и не проходящую пустоту, она тоже на миг закрыла глаза. Страшно? Но разве надо бояться, если дальше вымораживающая пустая бесконечность? Больно? Разве не стала эта боль частью тебя, твоим кислородом, твоим спасательным кругом? Именно в этот момент, обернувшись назад, дезертирка с именем на букву Л решительно сжала маленькие кулачки, чтобы вернуться обратно, пока есть время... и пока не гаснет свет... И ее не напугал, наверное, даже дождь...

Надо же... В час ночи обнаружить онлайн Эльку, занятую заливкой фотографий в фэнтэзийном стиле в новый альбом! Мимоходом восхититься ее чувством прекрасного в отблесках света и темноте тени, перед тем как, не скрывая счастливой улыбки на припухших от поцелуя губах, в ожидании своего мужчины, кинуться убивать время восхитительным общением...

"Бегом спать! А то консилер не спасет!" — не для меня теперь заезженные

штампы в стиле "привет, как дела?"

Долгая минута... Если б был включен звук, я бы, наверное, оглохла от вопля своей подруги!

"Багира, епт твою маму... Ты совсем охренела?! Ты где была?!"

Элечка, я была в аду и совершала вынужденный рейд по всем его кругам, а потом каким-то образом сделала квантовый прыжок в рай. Но тебе об этом знать не обязательно.

"Я строила личную жизнь. Угадай, с кем?"

"А вот Улитка тоже исчез из города! Это он?!" Элька, иногда ты ну просто сказочная идиотка. Не успеваю продумать ответ, как из новой созданной беседы на троих меня бьет ментальный писк Лекси. Скорее всего, ее успели разбудить звонком и сообщить, что я в сети.

"Мы думали, Е. нутый Садист уже порезал тебя на ремни!!! Юлька, дай расцелую! Моя ты пропажа... Я тебе патлы вырву за долгое молчание!"

Вот, и кто из них сейчас оказался умнее и сообразительнее?

"Девчонки... Вашу мать, как я вас всех обожаю! И Лекс, ну хватит, не называй его больше Е. нутым Садистом..."

"С какого перепугу? У него выросли розовые крылышки?" — Фотограф у нас мыслит образами.

"Багира, а кто нам запретит?:-)" - ухмыляется по ту сторону монитора Ленка.

Да никто, я вот точно не буду, сути дела это не меняет, но...

"Его жена".

Девочки, как мы все недалеко от истины... Лучше вам не знать, какими методами он налаживал мою личную жизнь... Я вряд ли это расскажу когда-нибудь. Выжидаю секунд сорок затянувшегося шока...

"Мля, он женат?!"

"Ты не знала?!"

"А детей-то хоть у них нет?!"

Сгибаюсь пополам от хохота при Элькином" а я говорила!!!" Камеди вумен нервно курит в туалете.

"Спокойно! Поправочка... Будущая. Девчонки, где можно подлинную Веру Вонг заказать с оригиналами Сваровски?"

"А кто она такая?"

"Юль, в Милане! Точняк!!!" — Леночка может забыть столицу Украины, но не мировой бренд. — "Но у нее же свадебные платья... Подожди... Ты же..."

Я жмурюсь от счастья, но мне проще полагать, что от удовольствия...

"Качаем руки, любимые мои, вам еще букет невесты ловить..."

У меня нет возможности ответить сейчас на шквал обрушившихся вопросов! Половину приходится просто игнорировать. Цепляюсь взглядом за возмущенный спитч Эльки.

"Юля, ну б. дь, включи мозги! Он же бахнутый на всю голову! Я сама все видела! Ты же не можешь всерьез полагать, что он изменится?! Брак — ответственный шаг, ты точно хорошо все обдумала?"

Эля, моя восточная красавица, такие мужчины не меняются. Их не пробьешь даже собственной болью. Хорошо ли я все обдумала? Поверь, очень хорошо. В тот самый момент, когда цепи растягивали мои суставы под аккомпанемент болезненного изнасилования. Когда кнут пел свою арию порабощения, я не думала ни о чем другом. Я думала об этом даже тогда, когда убивала свою волю и гордость в бездушной глади равнодушных, жестоких зеркал, когда рвалась целовать его туфли и умоляла себя уничтожить. Да, именно так. И что с того? Я обдумала. И мое решение "да..."

"Эл, забудь. Он приколист еще тот. Решил проверить, насколько я смелая, а я просто не разочаровала, и все... Чтоб вы знали, обе... Это самый заботливый мужчина в мире. Таких вообще единицы."

Разве не заботливый? Кто вытирал мои слезы, кормил с рук, шептал слова утешения и всегда был рядом? — Б. дь, Юля, не сходи с ума! Поспешно меняю тему, стучу по сенсорной клавиатуре.

"Как насчет девчонки... скажем... В Шарм-Эль-Шейхе?"

Про Гоа молчу. Потом, сюрприз будет...

И в этот самый момент... да, я еще не знаю... Безжалостно жмут чужие пальцы красную кнопку отсчета...

Вздрагиваю, услышав громкий стук, предположительно, этажом ниже... Вместе с тем резкий сноп света ксеноновых фар прошивает залитое дождем стекло, чертит линии на потолке, и я слышу слабый скрип шин... Или что это такое?

"Пока, девочки мои, любимый мужчина хочет ласки!" — бью прощальное сообщение с кучей опечаток, отбрасываю планшет в сторону и вздрагиваю от резкого звука, похожего на грохот... Или выбитой двери, или рухнувшей мебели... Я не соображаю, что это, но на миг приходит в голову мысль о торнадо или другом природном апокалипсисе. До тех пор, пока я не ловлю отзвук мужского окрика... Больше не Димкиного.

...Мне не составило труда затащить сумку в комнату, не хотелось его отвлекать от работы. Подавив страх и щемящее любопытство, поспешно расстегиваю змейку. Блин, я почти раздета! Моментально натягиваю хлопковые трусики, какого-то хрена шнурую на голые ноги белые кроссовки... И тут же сжимаюсь от нового грохота! Почти у двери! Б. дь!!! Ты опять оставил меня одну!!! Почему?! Зачем ты меня пугаешь?! Вжимаюсь в угол, обхватив себя руками, и крик ужаса сжимает горло, когда дверь резко распаивается, чуть ли не вылетая из петель...

Я стала уязвима и беззащитна до каждой сжавшейся клетки. Меня отучили жить по-прежнему. Без объятий главного защитника и палача в одном лице я в опасности. Почему я так боюсь, если он рядом?!

...Это чужой силуэт. Я его не знаю! Боже мой, что... кто это такие?! Что происходит?!

— Уходите! — сползаю по стене, закрывая себя руками. Липкий ужас, подступающая к горлу тошнота, паническая атака захлестом неотвратимой волны. Я хочу закричать и позвать на помощь, но тиски горлового спазма сильны и неотвратимы...

Время замерло, застыло, словно под разрядом жидкого азота в пустоши Хроноса, оставив в состоянии гравитации абсолютно все, кроме уверенных шагов чужака в моем направлении. Зажмуриваю глаза, вытянув руки вперед, словно это его остановит... Крик наконец-то готов прорваться сквозь ледяной панцирь, но в этот момент теплая широкая ладонь зажимает мой рот.

— Не надо кричать, Юля.

Открываю глаза... Все еще не в состоянии поверить в происходящее, изумленно смотрю в застывшие холодные глаза по сути, близкого мне когда-то мужчины... за той, прежней гранью! Моргаю, не понимая, где его холеная модельная стрижка за 50 баксов, что это за пародия на Джейсона Стетхема и зачем эта пятидневная щетина. С ней он похож на викинга.

— Вадик...

— Я же сказал, что приду за тобой! Извини, что долго... Что... что у тебя на шее?

Не успеваю ответить... Или просто не могу. Круговорот самых разных эмоций, от радости до сожаления, от страха до облегчения, от разочарования до самоиронии... Вглядываюсь в это родное и одновременно чужое лицо, сжимаюсь от эффекта дежа вю и интуитивно поднимаю руку... Провожу вдоль виска, до линии лба, впервые пальцы отмечают небольшую неровность рельефа кожи... Словно я знаю, что ищу!

— У тебя здесь была татуировка... Нет... это тупо... шрам?

Ледяной порыв ветра... Чего-то неотвратимого... Захлест вымораживающей опасности, лавины бездушного сканера светлых глаз, стойкого и, мне кажется, бездушного арийца... На пике этой новой порции ужаса, уже почти привычного в свете последних событий, я наконец понимаю, откуда это знаю... Тот самый мент с портретом...

Меня разбирает истерический смех. Роняю голову ему на плечо, моему Вадиду, абсолютно чужому человеку, о котором я не знаю ни хрена!

— Лазерная шлифовка творит чудеса!

Сильное плечо мужчины, который никогда не мог стать моей судьбой, потому что я трезво смотрела на вещи. Неосознанный поиск в нем черт потерянного отца... или даже не так. Светлого идеала родителя, который оставался в моем сознании абстрактным образом. Ненавязчивый пропуск в беззаботную жизнь с атрибутами в виде женского тряпично-ювелирно-финансового благосостояния без обязательств. Без права построения радужных планов в силу его безнадёжной преданности семье. Ни к чему не обязывающий защитный барьер...

— Юля! Малышка, мы поговорим обо всем этом позже! — его руки сжимают мои плечи, отстраняя от себя, вынуждая посмотреть в глаза. В его глаза, не смотря на их холод, смотреть не страшно. Почти родной... и чужой до невозможности одновременно! Я не знаю, кто он! Эти руки никогда не осмелятся меня ударить или причинить иную боль. Его чувства ко мне — ангельская благосклонность... Почему от этого внутри только вымораживающая пустота!?

— Что этот убок сделал... Юля! — вздрагиваю, когда руки впиваются в кожу ошейника, пытаюсь разорвать... Не поддается. Жмурюсь от удушья, когда он резко перекручивает его на моей шее. — Б. дь, его что, заклепали?!

— Вадик... Больно... — шиплю в его губы, пытаюсь оттолкнуть сильные ладони. Его взгляд скользит по сгибу моего локтя, до кисти, заклеенного пластырем пореза... И я произвольно всхлипываю от удара направленной не на меня ненависти и ужасающей решительности.

— Слушай меня, девочка... Собери свои вещи и спускайся вниз. Жди в машине, ребята тебя встретят.

Киваю, не понимая до конца, почему вместо облегчения сердце бьется в агонии, словно его посетила делегация предвестников апокалипсиса. Новая сущность Юльки Беспаловой реагирует на приказы без внутренних возражений...

— А ты куда?

— А я пообщаюсь с этой тварью. Мужской разговор! — его рука ложится на бедро, скрытое кожаным тренчем, и я недоуменно сглатываю слюну.

Пистолет? Да нет, это глюк! Мы не в голливудском блокбастере! Пожимаю плечами и возвращаюсь к расстегнутому чемодану. Дождь. Что мне надеть для того, чтобы не промокнуть?

Руки бездумно перебирают аккуратно сложенные вещи, но я не понимаю, что делаю. Забываю даже про планшет, оставленный на постели. Словно в непонятной шоковой медитации перекладываю одежду с места на место в этом зависшем хаосе разбившейся действительности... Минуты? Секунды? Может, часы? Не знаю, сколько проходит времени перед тем, как я, ведомая внутренней скрытой силой, застегиваю змейку и выпрямляюсь во весь рост. Время замерло, может, именно поэтому мои шаги тоже замедленны и степенны? Сдвигаю брови, заметив на светлом паркете грязные отпечатки тракторных подошв, осторожно, словно опасаясь испачкаться, обхожу их, толкаю незапертую дверь... Лестница. Спуск навстречу чему-то новому. Свободе или окончательному порабощению? Длинный ворс ковра... Что-то бьет в затуманенное сознание глухим рикошетом, едва уловимая рябь на силовом защитном поле... Отчаянным намеком внезапного тандема сознания и интуиции, по эмоциональному полушарию, интерпретацией забытой лирики!

"Без любви твоей мне нету моря. А у любви твоей даже плачем не вымолишь отдых!"...

Нет, я определенно сошла с ума! Окончательно и бесповоротно в шаге от свободы!

Оглядываюсь по сторонам пустынного холла...

На полке бутылка Джека. Дэниэлс и тут прописался. На цыпочках, словно опасаясь разбудить неизвестно кого, обхватываю ее обеими руками, скручивая крышку. Мне ведь никто теперь не в силах этого запретить!!!

Глоток. Второй. Третий. Какая гадость, этот ваш шотландский виски! Жидкий огонь выжигает гортань, обжигает болезненной судорогой пищевод, плавит рецепторы языка, но вместе с этим гасит арктическую мерзлоту внутреннего холода. Жесть! Глотаю снова... Ударная волна бьет по ногам, удерживаю руками спинку кресла. Здесь не окончательный маршрут моего исследования. Я сама не понимаю, что я ищу, куда иду и что хочу обнаружить в достигнутом пункте В...

Виски плавит металл стойкого сознания. Запутанный лабиринт нижнего яруса этого замка боли, сбивчивые шаги зигзагообразным маршрутом потерявшей

координации девушки, отсчет безжалостного таймера до нового разрыва непонятных параллелей... Мне нужно успеть, только я не знаю, что. Услышать то, что смягчит очередной удар об острые шпильки скал. А может, просто понять, смогу я жить без него... или же нет... Неразборчивое жужжание приглушенных голосов. Вернее, одного, где-то в двадцати неровных шагах этого запутанного лабиринта. Юля, зачем тебя так тянет туда с непреодолимой силой? Это не твоя история, она не должна была никогда стать твоей, перешагни эту грань в обратном направлении. Спасай свой оазис черных орхидей от нежного росчерка теплых пальцев по линии скул, от безжалостного артобстрела по губам, прямого транзита внутрь несломленной до конца сущности! Ты действительно готова ко всему тому, что ждет тебя за поворотом?! Выполни последний приказ, уйди прочь, жди его в автомобиле! Если бы все было так просто!

Я толкаю эту дверь без страха и без упрека. Я готова к этому... наверное! Вместе с очередным глотком обжигающего виски по расслабленным нервным окончаниям. Мне просто надо! Увидеть это своими глазами. Впервые спокойно, с цинизмом равнодушного наблюдателя под убойной дозой анестезии элитного алкоголя. И... нет, не закричать. Не испугаться, по крайней мере, в первое время. Не сорвать себя рубашку для того, чтобы кинуться стирать кровь с разбитых губ и скулы поверженного тирана. Не вцепиться в руки Архангела-спасителя в попытке выбить из рук, е. ть твою маму, да, именно пистолет! Не раскинуть руки в стороны подобно звезде с воплем "не убивай его!". А просто для того, чтобы запрыгнуть на низкую тумбу у двери, свесив ноги, и глотнуть виски под изумленными взглядами обоих мужчин. Да, мальчики, это именно "очешуешь"!

Первым приходит в себя Вадик, но я не могу оторвать глаз от Димки. Он даже с порезом на скуле и запекшейся на губах кровью способен прошить мою кровь разрядом неумолимого эротизма накалом в 440 вольт. И только спокойный голос Вадима разбивает оковы зарождающегося кайфа.

— Юля, я куда сказал тебе идти? Вышла отсюда!

Ага, попробуй меня выпихать взащей. Я подчинялась твоим приказам, пока рядом не было его! И после вискаря мне море по колено.

— Юля, исчезни и дай поговорить! — о, Дима, твой голос не дрожит. Ты собран и сосредоточен, вы так неуловимо похожи между собой, но я не могу сейчас уйти! Мне нужно узнать... увидеть... Я сама не знаю, что именно!

— А может, пусть она останется? — вкрадчиво интересуется Вадим вместе с резким ударом ноги по ребрам поверженного противника. Я хочу заорать, что лежачего не бьют, но вместо этого нервно глотаю обжигающую дрянь прямо из горлышка. — Ей интересно будет узнать... Сам расскажешь, или это сделать мне?

— Что? — встречаю отморозенный взгляд Вадима, одновременно вздрагиваю от ледяного тона Дмитрия.

— Юля, я два раза не умею повторять и тебе это известно. Выйди! Мне хочется рассмеяться. Два отморозка! "Эквилибриум" в реале, ей-богу! Где тут выдают инъекторы с отмораживающей хренью, заверните два!

— Однажды красивая девчонка, мечта многих мужчин, которые не знали, как к ней приблизиться, перебрала... может, даже виски, — без театрального пафоса

начинает Вадим, а я смотрю на пистолет в его руке. Это в боевиках они все сплошь глянцевые и красивые, в реальности же ободранный и выглядит дешевой бутафорией. — И села в твою машину. Потому что ты один в этот вечер даже не притронулся к спиртному. Но, несмотря на это, перепутал местами пассажирское и водительское сиденье... Но так не бывает. Ты посадил ее намеренно. А у нее не возникло вопросов, почему ты стеснялся вести телефонные переговоры при ней... Продолжать?

Я ни черта не понимаю... Вадик узнал об этом ДТП? Откуда? Он же... Если верить ментам... Он же бандит! Его разыскивают... Значит, он нашел тех, кто хотел меня пустить по рукам и уладил этот вопрос?

— Позвонил знакомым ребятам... А что ты им сказал? "Я хочу произвести впечатление на девчонку?" Не имеет значения. И вот ночью на трассе разыгрывается срежиссированная совместными усилиями почти что трагедия. Наивная студентка в шоке, ей не встречались подобные уроды даже во сне... Юля! — вздрагиваю за шаг до осознания этих безжалостных слов. — Ты так сильно испугалась, что не могла позвонить мне?

— А у меня телефон утонул...

— Сам, моя малышка? Решил искупаться?

Виски пока еще перекрывает каналы внезапного понимания, но мерзкое послевкусие чего-то очевидного, не замеченного вовремя уже запустило свои отравленные когти. Я, кажется, даже хихикаю над неоригинальной шуткой Вадима.

— А что тебе сказал главный оборотень прайда Лавровых? — мне хочется возразить, что прайды у львов, у оборотней стаи, но я замолкаю, чувствуя неотвратимость скорого открытия. — Что тебя спасли, и любимому наследнику за это надо угождать по высшему разряду? Наверное, даже не угрожали в случае отказа выдать этим клоунам, поймали на обостренное чувство доверчивой юношеской справедливости? Или на тот факт, что ничто в этом мире не дается бескорыстно?

Скотч не выдержал натиска очевидных фактов. Я закрываю глаза...

"Умойся и прочти. Принимаешь условия — уезжаем вместе. Не принимаешь — счастливо оставаться. Я все сказал..."

Холодная ярость, катаклизм преданного доверия зарождается внутри моей сломленной сущности. Я перевожу взгляд на Диму. Реальность рушится, переписывая себя заново, и, если бы не виски, я бы вцепилась ему в глотку!

— Это так? — мой голос не дрожит, не смотря на большое количество выпитого. Замерший временной отрезок, падение прежних стен, горечь в глубине опустошенного осознания, в котором ты начал возводить свои города. Я вижу это в твоих глазах. Ты не из тех, кто будет идти на попятную и отрицать очевидное... Я уже не слышу Вадима, у меня все данные для решения безжалостного уравнения. Отец, который знал, что происходит... Тебе нужно было совсем немного. Просто заставить уехать с собой, и разрушить мой прежний мир во имя своей черной одержимости.

— Я... я поняла. Вадик, увези меня отсюда...

— Да, моя малышка. Только сначала скажи... В сердечную мышцу или в лоб?

— Я...что?

Щелчок взведенного... предохранителя?! Поднимаю глаза и тут же понимаю, что... что все всерьез!

— Нет! Опомнись, что ты творишь?!

— Юля, выйди отсюда! — Дима верен себе и своей ледяной невозмутимости...

Боже мой, что ты говоришь такое?! Тебя же сейчас убьют, ты этого не понимаешь?! Горячая волна кофейного цвета в обнаженную душу. Ты понимаешь это, как никто! Понимаешь, но не просишь пощады. Понимаешь, но не боишься.

— Это обязательно? Пусть она не смотрит! Заставь ее уйти! — ты не умоляешь его, нет. Ты отдаешь очередной приказ... И мои нервы не выдерживают. С бутылкой в одной руке подхожу к Вадиму! Вцепившись ногтями правой в его кисть.

— Хватит! Оставь его в покое! Просто поехали отсюда!

— Малыш, убери руки.

— Не надо! Ты же его убьешь! Да что ты творишь? Просто уедем...

— Малютка, не испытывай мое терпение! Сядь и сиди спокойно, если не хочешь ждать в машине!..

— Да блядь, не смей его трогать, гребаный отморозок! — впиваюсь ногтями в кисть, трясущую руку, но он легко вырывает ее из слабого захвата...

Новый взгляд. Но у него нет переливающейся радужки кофейного или же серого цвета. В нем пустота! Я смотрю в дуло настоящего пистолета, направленного мне в лоб!

— Что... что ты... — ужас сдавливает горло, пячусь назад.

— Я закрыл глаза на то, догадливая умничка, что ты дохрена обо мне знаешь! — охотно поясняет Вадик. — Но, запомни, если ты будешь мне мешать, я уложу тебя рядом с ним! Села! И заткнулась!

— Юля, повторяю в последний раз! — захрипев от боли нового удара по ребрам, ледяным тоном произносит Дима. — Встала и ушла отсюда! Я выжгу тебе клеймо, твою мать, если будешь меня злить!

— Даже так! — издевательски произносит Вадик, а меня накрывает нереальной горячей волной, вместе с непонятным приливом слез под диктатом взгляда цвета кофе.

— Как? — горло сжимает ледяным спазмом.

— Юля, девочка моя, я никогда этого не сделаю... Но если ты разозлишь меня, ты испытаешь это на собственной шкуре! Выйди и жди меня на улице!

— Чудеса дрессировки прямо. — Вадим переводит на меня ничего не выражающий взгляд. — Малютка, вот тут я с ним солидарен. Сделай, что он говорит. Ну?

— Не надо! — слезы бегут по щекам. — Все не так! Вадик... Это мой выбор! Меня никто не заставлял... Я просто... Ну, ты же помнишь, что в ПМС мои слова над делить на два! Ты думаешь, я потом смогу жить, зная, что ты...

— Юля... — Дима, зачем ты пытаешься меня успокоить ментальным обстрелом в прошитое своей неоспоримой властью сознание, если мы оба знаем, что смерть стоит рядом, готовая накрыть тебя своим фатальным поцелуем?! Я ловлю твой взгляд, словно пытаюсь запомнить навсегда вырезать кровавым рельефом в сознании, уже не

слушая, что говорит этот долбаный спаситель.

— Юля, никто стрелять не будет. Ну, скажи ей! Мы сейчас поговорим, а ты жди нас обоих. И подумай... Сделай выбор... Моя сильная, любимая девочка...

— Ты не обманешь? — Дима, убеди меня в этом, иначе...

— Юля, он же у нас за правду и ничего кроме правды, — скалится Вадим. — А сейчас исчезни. Если останешься здесь, я пришью его тебе на зло! Ну?...

— Пообещай... — поворачиваюсь к двери, закусывая губы. — Просто пообещай. Ради меня... — Вадим, прошу... нет... умоляю! Скажи то, что я хочу услышать!

Пауза... Рука с пистолетом опускается вниз.

— Обещаю. Малышка, уходи...

...До сожаления белоснежной кожей Reebok в мутный поток дождевой воды, сотрясающимся нервной дрожью телом под косые стрелы равнодушного ливня, пронзившего каркас кожи до основания, намочив белую рубашку за считанные секунды...

До не отрезвляющей тяжести в вымокших волосах, до маскировки хаотично бегущих слез, навстречу неизвестности... нового хаоса! Та, что когда-то была гордой и несломленной до конца Юлей Беспаловой просто шагнула прочь от эпицентра арены, не пожелав разделить триумф развратного Рима, с циничным ликованием взирающего на противостояние двух лучших гладиаторов, из которых скоро останется только один...

Испитая до дна оболочка сущности Юльки, которую подруги звали Багирой, еще держалась в этой хардкор-реальности, закачивая в обескровленные вены виски отрывистыми глотками, запуская этот кровезаменитель по цикличному кругу, чтобы зачем-то выстоять, выдержать, узнать результат новой шахматной партии между Богом и Дьяволом.

Свет ксеноновых фар... "Сюда!" — машет рукой здоровый лось у темного абриса автомобиля, а я, сделав глоток через не могу, показываю ему средний палец. Красноречивый жест, хз сколько лет уже лидер на рынке мгновенных сообщений. "Сядь! Ты куда?" — долетает до меня приглушенный дождем крик, и я ускоряю шаги. Да идите вы все нахрен! Я черт знает сколько времени была лишена права на прогулку под дождем в одиночестве, вашу мать, я е. ну вас этой бутылкой, если посмеете мне помешать, кто бы вы ни были! Вздрагиваю от настойчивого клаксона вслед, но не замедляю шагов. Я хочу побыть одна! Я прошу не так уж и много! Глотая обжигающий скотч, который, кажется, не пьянит ни грамма, удаляюсь в темноту, в стену слепого дождя... Дальше и дальше...

Боковым зрением отмечаю свет еще одних фар, визг тормозов там, за спиной, кажется, даже вскрик... Грохот... Может, эта перекачанная туша навернулась об асфальт при попытке меня догнать? Хорошо бы. Что бы там не происходило, и как бы скрип автошин не резал слух, мне все равно...

Вспышка молнии прорезает темноту роковой ночи. И вместе с ней его. Сознание. Понимание. Боль. И бессилие что-либо изменить...

Дождь...

Раскат...

Не так больно хлещет по щекам, смывая соль, совсем не так, как хлестали его ладони, словно вбивая через кожу поразительное ощущение свободы и полета сквозь рамки, установленные проклятым обществом. Не больно совсем... Но так мерзко, смывая, стирая, выбивая вместе со слезами, словно, часть меня...

Горло снова печет. Попустило. И снова... Виски. Верный друг Джек Дэниэлс. Пожар в груди. Просто агония... Какого черта.

Ноги разъезжаются в этой жуткой грязи даже на асфальте. Совсем темно. Тот мудака на джипе оставил меня в покое. Вперед. Я не хочу быть близко. Это игры сильных мужиков, я чужая на их празднике крови. Царица Спарты лишь предлог... Кажется, так нас учили в школе. Елена Троянская, ты нафиг не была нужна никому из них. Не будь тебя, они бы иным путем утолили свой голод развлечения и власти. Бессонница, Гомер, тугие паруса... Разменная монетка, б...ь.

Рубашка липнет к телу. Она больше не пахнет ИМ. Проклятый дождь. Ты оставишь мне хоть какую-то память о нем? Да, я знаю! Мне хватит и этой хрени на шее, и колечка, которое еще хранит тепло его пальцев... Ты все решил за меня, дождь. А ведь я раньше тебя любила. Больше нет... Дождь, я тебя ненавижу. Даже если ты плачешь о нем, даже если от жалости ко мне. Ты не в то время, не в том месте. Тоже жертва игр разума и ассоциативности мышления. И мне тебя не жаль.

Дима, не знаешь, почему ты перестал быть сильным с появлением более матерого хищника? И я не знаю. Вожак в стае будет только один. Если не можешь драться, мне тебя жаль искренне, в отличие от дождя. Должен. Должен был... Иначе зря! Ты же сломал меня не хлыстом. Не страхом. Не властью. Не гребаными зеркалами! А тем, что дал мне веру. Тем, что показал мне сильного себя — а потом отнял...

А я... Я не умею быть сильной. И никогда не умела. И ты убил меня тем, что не встал на мою защиту...

Просто позволил мне уйти...

Помнишь, как я терпела боль ради того, чтобы чувствовать твою власть... Видеть эту силу в твоих глазах и знать, что теперь я по-настоящему свободна, ты станешь стеной для меня от всех невзгод этого мира. Никогда ты не положишь на мои плечи проблему выбора, но всегда поддержишь меня на правильном пути. Что в итоге?! Что взамен?! Не получилось ни фига? Жизнь не испугалась твоего кнута, флоггера, и какой еще там хрени? Не произнесла стоп-слова? Ах да... Вообще послала тебя...

Твое кунг-фу не работает... Ни грамма... Лучше б ты меня засек еще в первый раз, чем отнял ВЕРУ. Потому что сука-жизнь вообще вне правил...

Гребаный дождь. Вкус виски отравлен этой пресной водой. Она везде. В моих волосах, на моем лице, на губах... Кеды насквозь. Рубашка тоже. Заболею? Ага. Сейчас...

Не имеет уже значения. Ты больше за меня не в ответе, а сама я не хочу. Больше не умею. Обернуться... Темнота. Дождь. Что ты искала там, во тьме, Юлька? Егс присутствие? Ты знаешь... Именно это... Пусть даже сейчас тебя, за ошейник, и лицом в грязь в прямом смысле слова. Остатки виски в заплаканные глаза, будет жечь. И, не дав опомниться, по щекам с оттяжкой. И пусть сразу накроет это чувство безысходности и злости на себя — дура, какого хрена ты прогулочным шагом, как по

Бродвею, по дороге, а не по окружающим буеракам, бежать надо было от этого Люцифера, бежать, не жалея ног! Попила виски? Прогулялась? Приготовься спать только на животе долгий месяц... И терпеть боль. И рыдать до срыва связок. И ненавидеть его снова... И вместе с ним себя, могла ведь сбежать... Но ведь ждешь именно этого. Хотя знаешь, что может быть и другой вариант... Крепкие объятия... "ну что ты, глупенькая... Куда в дождь раздетая... Заболеешь же... Не надо пить. Выкинь эту гадость в придорожные кусты. Обхвати мою шею... Дрожишь ведь вся... Сейчас я тебя согрею и уложу. И молоко с медом выпьешь сама. Что значит — не хочу? Я знаю, но это лекарство! Оно не бывает приятным. Мерзость? Знаю, плавали! Надо. Ты плеть выдержала, неужели перед молочком спасуешь? Тише, я с тобой... Я просто рядом..."

Не нужен тебе этот ванильный вариант сейчас. Это будет на утро... Угар пройдет... И тогда эта нежность станет твоим высокогорным кислородом. И руки сами будут сжимать объятия до боли, и ненависть уйдет... Будет лишь ощущение правильности выбора. Конечно, заболеешь завтра... Как без этого, под таким дождем. И что? Ты же в надежных руках. С ним и пневмония — сабспейс...

Больше этого не будет. Ты думаешь, Вадик оставит его живым?...

Новый глоток обжигает горло. Ты прямо-таки видишь, как сторают в его едком пламени микрокапилляры. К черту! Не знать бы вас никого! Спала бы себе с Улитками, байкерами и преподами и горя б не знала!!! Кто вообще дал вам обоим право что-то решать за меня? Каждому со своей колокольни?! Ненавижу! Обоих!

Дождь все сильнее... Где-то попрятались гориллас Вадима, поняли, что я в их колымагу ни за какие блага не сяду. Снова глоток. Выжечь этим расплавленным жидким металлом все внутри, чтобы не было бешеного желания вернуться, и если не спасти ЕГО, то хотя бы рассмеяться в лицо оставшемуся от сознания того, что больше принадлежать ему я не буду! Я вернусь в свой прежний мир. Без Господ, рабов и их вечного стремления управлять другими. В мир серых Улиток и восторженных мальчиков, которым до одного только ЕГО взгляда, как до звезды. Ну и не надо! Мне проще вариться в котле всеобщего обожания, чем ползать на коленях и трястись от страха. Садист и киллер, мать вашу за ногу! Да залезьте вы оба в свои могилы!!!

Очередной глоток вискаря уже не ощутило мое воспаленное горло. Ночь резко озарилась ярким ксеноновым светом. Какого хрена, я без макияжа! Какого хрена, оставьте меня все в покое!!!! Никуда я не собираюсь ехать, я не просила ТАК меня спасать! Свет приближался, ослепляя все сильнее, и я, недолго думая, швырнула в его источник недопитую бутылку. "Как красиво", — восторженно открыла рот, когда капли виски янтарным кружевом вместе со стеклом разлетелись в стороны. Давно я не видела ничего красивее. Даже визг тормозов и веерная раздача дорожной грязи показались мне фрагментом мюзикла. Машина крутанулась на скользкой дороге и замерла. Почему-то именно эта изящная парковка окончательно развеселила мой опьяневший мозг. Я присела на корточки аккуратно напротив этих бесстыжих ксеноновых фар, глупо хихикая. Даже когда из машины выкатился стройный мужской силуэт, который решительно направился в мою сторону, я не смогла прекратить смех. Смеялась, даже когда он приблизился почти вплотную. Смех так и

оборвался на моих губах, когда наши взгляды встретились... На какое-то мгновение. Это тренд у них, что ли? У обоих? Захихикала снова я скорее показательно, стараясь не поддаваться панике, которая пробила брешь в алкогольном опьянении, и не замечать ледяной дрожи, прокатившейся по спине от этого взгляда. Зеркально похожего взгляда. Да и самого его обладателя я уже где-то видела!

— Что случилось?! Ты в порядке? — прикосновение рук к плечам обожгло огнем. Все пары виски словно выветрились в момент, и я с воплем скинула руки со своих плеч, повинувшись безотчетному инстинкту — бежать от чего-то более ужасного. Ноги заплелись, и я едва не рухнула в грязь, но мужчина меня не отпустил. Бесцеремонно встряхнул, и его рука взметнулась к шее. В глаза я ему больше не смотрела.

— Ты Юля! Что случилось?

Его рука на шее... Там ошейник! А рубашка вплотную облепила мое голое тело... Я даже не поняла, что он зовет меня по имени. Когда его пальцы переместились к подбородку, — я знаю этот жест, я не хочу, он принадлежит другому! — мир взорвался. Просто и вмиг.

Меня ослепила молния, и я наконец-то увидела его лицо. Краем мозга отметила, что он изрядно старше Дмитрия. Я определенно его уже где-то видела! Молния, и лишь через секунду грохот... Как раз в той стороне, где... Рука разжалась на кольцо моего ошейника, и мы синхронно повернули голову. Ядерный взрыв. Вот на что был похож клуб пламени, взметнувшийся над деревьями. Приступ истерического смеха накрыл меня с головой. Я бесшабашно рассмеялась прямо в это умное аристократическое лицо.

— А ничего! Фей-ер-верк!!

.....

Только эта боль меня отрезвила. Боль от пролитого на руки кипятка. Я отшвырнула чашку в сторону, едва не попав в кого-то из беснующихся МЧСников. Вокруг серая мгла рассвета. Шумно. Что случилось? Чего они суетятся? Теплый плед едва не свалился с моих плеч, я хаотично придержала его на груди. Гул возбужденных голосов не исчез.

— Оперуполномоченный Сергеев, придется ответить на несколько вопросов.

Только тебя мне сейчас не хватало. Я недоверчиво посмотрела на этого стража закона, надеясь, что он оценит мою апатию и отвалит. Ан нет. Протокол и ручка наготове.

Спас Аристократ. Непонятно, почему я его так охарактеризовала, просто это определение подходило как нельзя лучше. Каким-то образом ему удалось отвести мента в сторону, под косые брызги затяжного дождя. Пока они о чем-то оживленно говорили, я машинально погладила шею. Пусто. А было ли на ней что-то? Не помню, хоть убей...

Неизвестно, сколько прошло времени. Я очнулась от того, что кто-то теребил меня за плечо. Подняла голову, но властный и подавляющий взгляд на этот раз меня даже не смутил. Наверное, потому, что он больше не был таким... Что-то ушло насовсем, и я мимолетно отметила морщинки мудрости в уголках этих серо-зеленых глаз. Интуитивно ощутила напряжение и что-то еще, похожее на боль. Но анализировать

что-либо после алкоголя и какой-то капельницы, по ходу с успокоительным, сил просто не было.

— Это невозможно, ошибки нет, Юля.

О чем это он? Откуда знает, как меня зовут? И почему его руки сжимают мои запястья? Кто разрешил меня трогать? На мне нет больше ошейника, не надо самоуправства!

Голос, твердый, решительный, с трудом достигал моего сознания. Ошибки нет? Да все, что произошло, сплошная ошибка....

— Юля... Он мертв. Понимаешь? Димы больше нет.

— Хорошо, — устало согласилась я, вырывая руки. Нет, так нет. Это можно было просто сказать. Вот не надо только меня трогать и, пользуясь уязвимым положением, вторгаться такой близостью в личное пространство...

....

Холодная поверхность сухой простыни то ли носилок, то ли паланкина... Теплый плед поверх того, в который меня закутали до того, вместо промокшей Димкиной рубашки.

Скорая?! Я заболела. Фак. А почему?

Чужая теплая ладонь проводит по моей скуле, легкое касание лба. Она согревает и успокаивает, но она чужая. Открываю глаза, встречая больше не ледяной взгляд серо-зеленых глаз обладателя этой ладони. Мужчина очень интересный, в нем угадывается аристократическая порода и внутренняя сила недостижимого для смертных уровня.

Ангел? Мой Ангел трус. И вообще, эмо, по ходу! Это кто-то другой... Скольжу внимательным взглядом по идеально выточенному профилю, линии скул и губ, от непонятной улыбки которых внутри разливается тепло. И вместе с тем внезапно ощущаю горький, но такой потрясающий вкус арабики на языке...

"Юля, здесь потрясающий кофе. Напиток арабских шейхов!"

Память сбрасывает диктат ядерного транквилизатора в крови, на короткий миг... Но я не могу молчать. Я вспомнила.

— Я вас знаю!

Рука ласковым касанием перемещается на влажные волосы, снова вбирая кончиками пальцев искры подступившей тревоги, глубокий тембр голоса мягок и, кажется, в состоянии усыпить.

— Все хорошо, Юля. Я рядом... Постарайся уснуть!

Черта с два я усну в логове очередной твари с садистскими наклонностями!

— Знаю! Вы... Вы такой же... Такой же, как и он!

Спасительные сумерки забытья, работа снотворного... Так не вовремя... Или нет, ко времени и к месту, не позволяя осознать тот факт, что...

...Я потеряла человека, которого могла ненавидеть и любить больше жизни и смерти!

Больше книг на сайте - Knigolub.net